

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№4, 2026 год

Подписано к публикации: 10.02.2026

*Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук,
профессор*

**Солопанова Ольга
Юрьевна**

**«Современный ученый»
включен в список ВАК с
12.02.2019г., Elibrary.ru и в
Международную базу данных
Agris.**

eLIBRARY.RU

Регистрационный номер СМН:
Эл № ФС77-72620 от 04 апреля
2018г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: <https://su-journal.ru>

DOI: 10.58224/2541-8459-2026-4

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик
Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмиров (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абилятевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрой Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджиров Малик Джагалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Васильев Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзата оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джамшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожеников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Маларчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Оксановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медия Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Отанян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногоева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могалдам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Шербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Власова О.В.**
Феномен сказочной картины мира 8-14
- Су Я**
Зоонимы и фразеологизмы как носители имплицитного комического в пьесе А.П. Чехова
«Дядя Ваня»: проблема межкультурной передачи (на материале китайских переводов) 15-20
- Хажиева З.Р., Самситова Л.Х.**
Номинация зоонимов русского и башкирского языков 21-26
- Лю Шаохуа**
Исследование современного состояния и факторов, влияющих на межкультурную коммуникативную компетенцию студентов-англистов вузов западного Китая: пример исследования Синьцзянского педагогического университета 27-35
- Ван Инчэнь**
Трансформация китайской медиасистемы в условиях цифровизации: институциональные и политические аспекты 36-40
- Балута А.А.**
Винительный адвербиальный для обозначения времени в санскрите и древнерусском языке 41-47
- Каюмова Д.Ф., Садыкова А.Г., Демираг Д.Н., Алеева Г.Х., Воронина Д.И.**
Изучение фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности, характеризующих понятие «Искусство» в английском и турецком языках 48-52
- Гун Пин**
Деривационные модели аргументативной лексики в романе Е.Г. Водолазкина
«Лавр» с позиции китайской лингвокультуры 53-58
- Дун Синь**
Влияние доступности библиотечных ресурсов на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук 59-64
- Ван Инчэнь**
Цифровая трансформация традиционных средств массовой информации в Китае: методологические основания исследования медиакommunikаций 65-69
- Султыгова М.М., Киева З.Х.**
Стилистическое использование сложных предложений в произведениях ингушского писателя Саида Чахкиева 70-74
- Нань Яньхуа, Нерсисян К.А.**
Растительный код лингвокультуры в русских пословицах на фоне китайского и корейского языков 75-81
- Скобёлкина Н.М., Не Цяньи**
Безэквивалентная и фоновая лексика в баснях И.А. Крылова 82-87
- Таказов В.Д., Ван Инчэнь**
Трансформация баланса сил в медиaprостранстве Китая: симбиоз или паразитизм? 88-92

Хань Юехао

Перифразы и косвенные номинации фитонимов в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской и корейской традициями)

93-98

Чжао Жонань

Стратегия продвижения в современном академическом дискурсе (на материале русских и китайских лингвистических статей)

99-107

Якубовская Э.В.

Английские отыменные инструментальные глаголы как средство репрезентации действий в новостном политическом дискурсе

108-113

Хажиева З.Р., Самситова Л.Х.

Репрезентация зоонимов в башкирском народном эпосе «Акбузат»

114-120

Гасанов Анар Гюмшуд оглы

Когнитивная обработка заголовков и кликбейт стратегий в русскоязычных и англоязычных медиа на разных платформах

121-127

Гирина И.Г.

Лингвокультурный аспект английского речевого этикета в коммуникативной ситуации флирта

128-135

Горелик М.А.

Ртуть как концептуальный символ в романе Амели Нотомб «Mercure» («Ртуть»)

136-140

Горенко А.А., Сангинова Ф.Ю.

Использование экономических терминов в политическом дискурсе на примере испаноязычных СМИ

141-148

Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М.

Концепт «огонь» как средство метафорического выражения эмоциональных состояний в кабардино-черкесском языке

149-156

Кошелева О.Н., Маслова А.Н., Шиндель С.В., Котова Е.Н.

К вопросу об изменениях в современном немецком языке

157-161

Леонова Е.Н., Гостева М.М.

Способы усиления эмоционального воздействия при передаче мультсериала «Смешарики» с русского языка на английский

162-168

Гурьянова К.А., Павлова Ю.И.

Грамматическая моделируемость фразеологических единиц в английском устном публичном дискурсе

169-175

Сосаева А.К.

Некоторые особенности фонетических процессов гласных в итум-калинском диалекте чеченского языка

176-182

Гу Тяньчи

Сравнительный анализ образов еды и трапезы в русской и китайской праздничной картине мира на материале лексики и устойчивых выражений

183-190

Ермолова К.А.

Языковое воплощение концепта ТЕАТР (на материале лексем «театр» и «актер»)

191-197

Люй Цзинвэй

Тождество тела и государства: концепции тела и вселенной в китайских медицинских пословицах – пример перевода в стиле российских СМИ

198-205

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонов А.А.

Компетентностная модель специалиста в области дизайна интерьеров: ключевые компетенции, их интеграция в профессиональные стандарты и методическое обеспечение в дополнительном профессиональном образовании

206-212

Евдокимов И.М.

Организационно-методические основы формирования групп здоровья студентов для занятий физической культурой

213-218

Казанцева В.А.

Развитие коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов»

219-225

Костенко Е.Г.

Математическая подготовка в высшем спортивном образовании: компетентностные и практико-ориентированные аспекты

226-230

Наумова Н.В.

Интонационная компетенция в коммуникации детей с нарушением слуха: теоретический анализ

231-237

Рыбкина С.Н.

О синтетических тенденциях в синтаксисе русского, немецкого и английского языков в контексте мультилингвального обучения в вузах

238-244

Артамонов А.А.

Сравнительный анализ современных программ дополнительного профессионального образования по дизайну интерьеров: методология изучения отечественного и зарубежного опыта

245-251

Самойлова А.Н.

Мультимодальный дискурс современной коммуникации

252-260

Вашетина О.В.

Интернационализация высшего образования: суть и отличие от смежных понятий

261-265

Волкова К.В.

Педагогические условия эффективного формирования предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе прохождения тренингов предпринимательских компетенций

266-273

Евдокимов И.М.

Методические аспекты проведения занятий адаптивной физической культурой для студентов специальных медицинских групп

274-279

Костенко Е.Г.

Компьютерно-математическое моделирование в управлении тренировочным процессом

280-285

Сидорова Т.В., Шибанова Ю.В.

От мероприятия – к со-бытию: как преодолеть ритуализацию воспитательной работы в школе 286-293

У Синван

Ретроспективный анализ системы высшего педагогического образования СССР и КНР в послевоенный период 294-299

Капустин И.В., Исаева С.М.

Методологический комплекс обучения деловой письменной иноязычной коммуникации в сфере транспорта средствами микромодульной технологии 300-306

Константинова Н.В.

STEAM-подход к технологическому обучению младших школьников: стратегическая целесообразность и пути национальной адаптации 307-315

Покусаева Н.В.

Влияние оздоровительной и адаптивной физической культуры на психоэмоциональное состояние человека 316-322

Абдулаев Э.К., Сысоева Л.М., Позднякова К.А., Ханова И.А.

Особенности реализации практико-ориентированного образования в вузах 323-329

Коновалова И.Н., Копосова Е.Г., Тырышкин С.Ю., Чугаева К.М.

Повышение компетентности преподавателя вуза как условие успешной реализации ФГОС ВО поколения 3++ 330-336

Тодис Л.М., Куртукова О.В., Фролагина Е.В.

Научно-исследовательская деятельность как критерий эффективности профессиональной деятельности преподавателей вуза 337-343

Ян Тао

Теоретико-методологические основы интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов 344-349

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аскеров Н.Н.

Исламское право как объект научного знания: методологические проблемы исследования религиозно-правовых систем 350-356

Васильева Е.Н.

Божественная справедливость в основе гражданского законодательства 357-361

Чешин А.В.

Баланс частных и публичных интересов в регулировании потребительских правоотношений 362-366

Чуракова Е.В.

Тенденции и вызовы современной практики соотношения правового режима жилых и нежилых помещений с режимом единого недвижимого комплекса 367-376

Корних Е.М.

Deepfakes как угроза информационной безопасности 377-383

Красильников Т.С.

Теоретические и практические проблемы исследования судебной практики для определения степени юридической свободы советских граждан на примере кассационной практики по гражданским делам Московского городского суда в 1930-е – 1940-е гг.

384-391

Швецова Д.Д.

Процессуальные особенности рассмотрения споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования

392-398

Кириллова Т.К., Батаков Н.С.

Правовые последствия санкций и атак беспилотных летательных аппаратов для исполнения обязательств и обеспечения страховой защиты в нефтяной отрасли

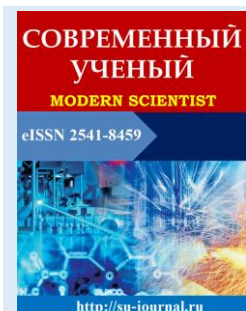
399-406

Леонова Ю.Ю.

Авторское право и смежные права в контексте образовательной и научной деятельности

407-414

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81'33

Феномен сказочной картины мира

¹ Власова О.В.

¹ Санкт-петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие сказочной картины мира как особой формы художественного моделирования действительности в контексте лингвокультурологии и фольклористики. Анализ опирается на теоретические разработки по проблематике концепции картины мира, в частности языковой картины мира, включая «классические» труды, а также работы современных исследователей. Рассматривается взаимодействие сказочной картины мира с другими категориями, такими как мифологическая, фольклорная и пословицная картина мира, а также изучаются её структурные и семантические особенности. В ходе исследования показано, что сказочная картина мира не существует в виде единой целостной модели, а представлена множеством относительно автономных форм, отражающих культурные ценности и способы восприятия мира, характерные для определённой этнокультурной общности, при этом адаптируясь к изменениям социального и коммуникативного контекста. Отмечается роль сказочной картины мира в передаче социальных знаний и ценностных установок, а также актуализация в современных креолизованных текстах и массовой коммуникации. Подчеркивается также актуальность сказочной картины мира для современного дискурса, включая креолизованные тексты и массовую коммуникацию, что подчеркивает её роль как универсального механизма репрезентации социальных и культурных смыслов. В конце статьи приводятся выводы, полученные в ходе исследования.

Ключевые слова: сказочная картина мира, сказка, фольклор, языковая картина мира, фольклорная картина мира, лингвокультурология

Для цитирования: Власова О.В. Феномен сказочной картины мира // Современный ученый. 2026. № 4. С. 8 – 14.

Поступила в редакцию: 12 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Phenomenon of the fairy-tale worldview

¹ Vlasova O.V.

¹ Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: this article examines the concept of the fairy-tale worldview as a specific form of artistic modeling of reality within the framework of linguoculturology and folkloristics. The analysis is based on theoretical studies of the worldview concept, particularly the linguistic worldview, including classical works as well as contemporary research. The study considers the interaction of the fairy-tale worldview with other categories, such as the mytho-

logical, folkloric, and proverbial worldviews, and investigates its structural and semantic features. The research demonstrates that the fairy-tale worldview does not exist as a single, unified model but is represented by multiple relatively autonomous forms that reflect the cultural values and modes of perceiving the world characteristic of a particular ethnocultural community, while adapting to changes in social and communicative contexts. The article highlights the role of the fairy-tale worldview in transmitting social knowledge and value systems, as well as its actualization in contemporary creolized texts and mass communication. The findings emphasize the relevance of the fairy-tale worldview for modern discourse, where it functions as a universal mechanism for representing social and cultural meanings. The article concludes with a summary of the results obtained during the study.

Keywords: fairy-tale worldview, fairy-tale, folklore, linguistic worldview, folkloric worldview, linguoculturology

For citation: Vlasova O.V. Phenomenon of the fairy-tale worldview. Modern Scientist. 2026. 4. P. 8 – 14.

The article was submitted: October 12, 2025; Approved after reviewing: December 10, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современной лингвистике и лингвокультурологии категория картины мира, позволяющая выявить способы репрезентации коллективного опыта, ценностных установок и культурных моделей восприятия, остаётся одной из ключевых для анализа способов концептуализации действительности. Данное понятие продолжает оставаться объектом активных дискуссий, что обусловлено как многообразием подходов к его интерпретации, так и расширением круга анализируемых дискурсивных практик. Особый интерес в этом контексте представляет сказочная картина мира, формируемая в пространстве фольклорного и художественного дискурса.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью уточнения понятийных границ сказочной картины мира и определения её места в системе смежных категорий (языковой, мифологической, фольклорной и художественной картин мира). Особую значимость данная проблематика приобретает в условиях современного коммуникативного пространства, где элементы сказочной картины мира активно функционируют за пределами традиционного фольклорного контекста – в креолизованных текстах, рекламной и массовой коммуникации, что свидетельствует о трансформации её функций и способов актуализации.

Целью работы является выявление структурных и функциональных особенностей сказочной картины мира и обоснование её роли как специфического способа художественного моделирования действительности.

Материалы и методы исследований

В данной работе производится анализ понятия сказочной картины мира. Материалом исследования послужили теоретические работы, связанные с проблематикой картины мира, лингвокультурологии и фольклористики. Анализ базируется как на классических трудах (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский), так и на современных исследованиях, посвященных изучению сказочного дискурса и его социокультурных функций.

Для достижения поставленной цели в нашей статье применяется теоретико-аналитический метод для обобщения и систематизации научных концепций картины мира и определения понятийного аппарата исследования, а также элементы структурно-теоретического метода.

Результаты и обсуждения

Под картиной мира в широком смысле понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [18]. Каждая сфера человеческой деятельности постепенно формирует собственную картину мира, в которой находят отражение семиотические элементы данной сферы, выстроенные в систему с налаженными синтагматическими и прагматическими связями.

Основополагающими идеями в изучения теории о языковой картине мира являются взгляды В. фон Гумбольдта, авторов-неогумбольдтианцев, а также теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа и лингвокультурологические идеи американских этнолингвистов [6, 10].

Одним из первых понятие языковой картины мира (ЯКМ) было введено неогумбольдтианцем Л. Вайсгербером: «Языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, и, во-вторых, рассматриваемое представление, или отражение носит языковой характер» [19]. Л. Вайсгербер под языковой картиной мира понимал «систему

всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка» [5]. Он также полагал, что именно с помощью картины мира языка можно сформировать представление об окружающем мире через язык.

В современной лингвистике языковая картина мира нередко соотносится с понятием «наивной». В понимании Д.Ю. Апресяна наивная языковая картина мира «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [2].

Несмотря на наличие многочисленных трактовок ЯКМ, в целях настоящего исследования методологически значимыми выступают указанные выше подходы, поскольку они позволяют перейти к анализу сказочной картины мира как частного феномена.

Многообразие научных подходов обусловило выделение различных типов картин мира, в том числе этнической [9], звуковой [22], философской [12], культурологической [11], «патриотической» [24], христианской [1] и огромного количества иных подвидов картины мира. В рамках культурологического подхода В.П. Даниленко выделяет шесть базовых картин мира: религиозная, научная, художественная, политическая, нравственная и языковая [8]. Именно в рамках художественной картины мира предлагается рассматривать сказочную картину мира, т.е. картину мира, формируемую в народных сказках и фольклоре.

Исследователи отмечают значимую роль сказок в формировании целостной картины мира, особенно в детском возрасте [3], а также их функцию трансляцию накопленного социокультурного опыта от поколения к поколению [17].

В ряде работ [ср., 15, 25] сказочная картина мира рассматривается как составная часть фольклорной картины мира. Так, подчеркивается, что сказочный текст является репрезентацией коллективных культурных ценностей социума, одновременно воплощая мифологическую картину мира [1], при этом выступая фундаментом для лингво- и этнокультурологических исследований в целях структуризации фольклорной картины мира. Таким образом, автор относит сказки как к мифологической, так и фольклорной картине мира, чутко реагирующей на изменения в жизни социума. Аналогичного мнения придерживается и Е.Н. Ваганова: несмотря на то, что автор использует термин «сказочная картина мира», ссылаясь на Т.В. Цивьян, она отмечает, что сказочная картина мира выступает отражением «отдельного фрагмента фольклорной модели мира» [4], а сказочный дискурс важен для изучения национальной фольклорной ЯКМ. О.А. Плахова также утверждает, что в сказочной картине мира сохраняются составляющие мифологической картины мира [17].

В то же время В.П. Даниленко указывает на отсутствие единой фольклорной картины мира в коллективном сознании, предлагая рассматривать её как совокупность относительно автономных форм, среди которых в качестве базовых выделяются сказочная и пословицная картины мира. Несмотря на их схожесть в сознании социума, принципиальное различие между ними состоит в «реалистичности пословицной картины мира и фантастичности – сказочной» [7].

На основе сопоставления различных типов картин мира возможно выстроить условную иерархию: мифологическая – сказочная – пословицная – научная, где мифологическая будет обладать наибольшим отрывом от реального мира, а научная – минимальным. Сказочная картина мира, как и любая другая, отражает мироздание, но при этом в фееризованной форме, что проявляется в «осказочивании» представлений о природной, социальной и культурной сферах [8]. При этом она тесно взаимодействует с пословицной картиной мира, поскольку именно в фразеологическом тезаурусе любого языка отражаются концепты, представления о мире, аксиологические шкалы и пр., ретранслируемые через сказочную картину мира.

И.П. Черноусова отмечает, что сказочная картина мира является «поликодовым явлением, сотканным из взаимосвязанных лингвокультурных кодов, участвующих в создании традиционных смыслов. Между кодами не существует четких границ» [26].

В сказке чудо рассматривается как вымышленное, нереальное событие, в реальность которого не верят ни сам сказочник, ни его слушатель, и это чудо становится предметом развлечения, являясь при этом антиподом религии. Исторически волшебные сказки были основаны на мифах, но в дальнейшем, для обретения жанровой самостоятельности им пришлось утратить религиозные функции [20]. Со временем на место языческих элементов веры пришла мечта. Мечта реализуется с помощью волшебных, или чудесных, помощников и предметов.

Следует отметить, что сказка приписывает чудотворные свойства и продуктам духовной культуры, в частности, языку (например, использование волшебных слов героем для совершения чуда). Поскольку сказочная картина мира уходит корнями в мифологическую, отсюда и идет представление о чуде как о сверхъ-

естественном событии. Здесь необходимо подчеркнуть, что в отличие от религии, где чудо воспринимается как реальное событие, в сказке чудо расценивается как выдумка.

Важным элементом сказочной картины мира является то, что в ее основе лежат носители чудесных свойств, которые становятся ее узловыми пунктами. «Благодаря фееризации, сказочную специфику в этой картине мира приобретают представления обо всех этажах мироздания – физиосфере, биосфере, психике и культуре» [8].

В.Я. Пропп [20] и Е.М. Мелетинский [13] подчеркивают социальную составляющую сказок. Так, В.Я. Пропп отмечает, что сказка сохраняет связь с социальными институтами, отражая социально-исторические и культурные процессы, в связи с этим сказку необходимо изучать как производную от экономики и социального строя и их отражение. Е.М. Мелетинский подчеркивает, что сказке присущи: социальные мотивы; «народная идеализация социально обездоленного» героя; «воспоминания о примитивной демократии рода»; отражение социально-исторических и социально-политических процессов, «семейной ситуации»; «воплощение народной мечты о справедливом устройстве общества» [13]. В этом контексте сказочная картина мира может рассматриваться как особый способ образно-знакового моделирования социальной действительности, в рамках которого художественный вымысел выполняет функцию репрезентации значимых социальных смыслов. Данная точка зрения представлена в работе Л.А. Мулляр, где лингвист также выделяет «базовые диады» в сказках, «фокусирующие переплетения социально-онтологического и семиологического в сказке, образованные социологами как сегментами социальности и семиологами – как образам-концептами социальности (социальные смыслы сказочных мотивов)» [14].

Важной характеристикой сказочной картины мира является также оппозиционность, проявляющаяся в противопоставлении базовых концептов культурного сознания, что, в частности, отражается в работах А.О. Тананыхиной и Н.В. Соловьевой. Так, А.О. Тананыхина [23] отмечает, что обязательным атрибутом сказки является противостояние основных концептов культурного мира: красота и ужас, добро и зло, волшебство и чудо, «волшебник» и «человек». Аналогичная особенность подчеркивается в работе Н.В. Соловьевой [21] под названием «оппозиции».

Сказочная картина мира неосознанно усваивается в раннем возрасте и присуща в той или иной степени каждому индивиду определенной этнокультурной общности, обуславливая его отношение к действительности. Важно также отметить, что реальность, существующая в языке сказочных текстов, носит двойственный характер [16]: выступая с одной стороны идеализированным, а с другой – истинным образом действительности, отражая реальные условия жизни и быта, а также коллективные ожидания и ценностные установки.

Феномен сказочной картины мира, включающий в себя мифизацию, фееризацию, паремизацию и сциентизацию реальности, актуален в контексте существования креолизованных текстов и рекламной массовой коммуникации, поскольку последние активно используют ровно те же инструменты осмысления окружающего мира. Рекламная и креолизованная коммуникация использует мифизацию, веру в чудо и сциентизацию не столько в качестве определенных ступеней познания и освоения бытия, сколько в роли аргументов-триггеров, способствующих установлению контактов и охватам самых широких целевых аудиторий.

Для традиционной культуры сказочная картина мира в совокупности с другими формами мировосприятия является инструментом и феноменом познания, тогда как в современных реалиях актуализация элементов и образов сказочной картины мира обеспечивает эффективную работу условно со всеми носителями культуры, в рамках которой транслируется то или иное коммуникационное сообщение.

Выводы

Проведенный анализ позволил выявить специфику сказочной картины мира как самостоятельной формы художественного моделирования действительности. Сказочная картина мира функционирует на пересечении мифологической и фольклорной картин мира, отражая коллективные ценности, способы концептуализации окружающей действительности и культурные ориентиры общества. При этом она сохраняет специфические черты художественного дискурса: фееризацию, мифизацию, оппозиционность ключевых концептов и неопределенность пространственно-временных характеристик.

Исследование подтвердило, что сказочная картина мира не существует в виде единой, целостной модели, а представлена множеством относительно автономных форм, интегрированных в базовые картины мира. Выявленные закономерности позволяют рассматривать сказочную картину мира не только как исторически сложившуюся систему образов и сюжетов, но и как инструмент социального и культурного воздействия, актуальный в современном дискурсе, включая креолизованные тексты и массовую коммуникацию.

Список источников

1. Алещенко Е.И. Сказочный текст как отражение христианской Языковой картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazochnyy-tekst-kak-otrazhenie-hristianskoy-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.klex.ru/tm4> (дата обращения: 3.10.2025)
3. Бочкина Е.В. Народная сказка как способ развития представлений о времени и пространстве как подсистемы целостной картины мира дошкольников // Педагогика и просвещение. 2024. № 4. С. 97 – 112.
4. Ваганова Е.Н. Фразеологизмы в немецкой сказочной картине мира (на примере сказок братьев Гримм) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 101 – 113.
5. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послел. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
7. Даниленко В.П. Картина мира в сказках русского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.litres.ru/book/valeriy-danilenko/kartina-mira-v-skazkah-russkogo-naroda-42601588/chitat-onlayn/> (дата обращения: 03.10.2025)
8. Даниленко В.П. О сказочной картине мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-skazochnoy-kartine-mira> (дата обращения: 13.10.2025)
9. Джененко О.В., Куликова Е.Ю., Тинакина В.О. Картина мира – языковая картина мира – этническая картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-yazykovaya-kartina-mira-etnicheskaya-kartina-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
10. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 44 с.
11. Кожевников Н.Н. Культурологические картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-kartiny-mira> (дата обращения: 13.10.2025)
12. Маслихин А.В. Философская картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-kartina-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
13. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
14. Мулляр Л.А. Сказочная картина мира: образно-концептуальная репрезентация социально-онтологических смыслов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 7. С. 133 – 138.
15. Ощепкова В.В., Соловьева Н.В. Динамика развития ономастического пространства британской и русской волшебной сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-onomasticheskogo-prostranstva-britanskoy-i-russkoy-volshebnoy-skazki> (дата обращения: 03.10.2025)
16. Плахова О.А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 25 с.
17. Плахова О.А. Отражение естественной среды обитания человека в сказочной картине мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-estestvennoy-sredy-obitaniya-cheloveka-v-skazochnoy-kartine-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznaniya/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf (дата обращения: 13.10.2025)
19. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1990-6/110-122> (дата обращения: 03.10.2025)
20. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2014. 332 с.
21. Соловьева Н.В. Особенности пространственно-временной организации мифологической и сказочной картин мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prostranstvenno-vremennoy-organizatsii-mifologicheskoy-i-skazochnoy-kartin-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
22. Стефановская С.В. Звуковая картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira> (дата обращения: 03.10.2025)

23. Тананыхина А.О. Основные концепты сказочно-фантазийных текстов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.gramota.net/article/phil20141847/fulltext> (дата обращения: 03.10.2025)
24. Ушатова Л.А. «Патриотическая» картина мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kartina-mira> (дата обращения: 03.10.2025)
25. Халидова Р.Ш. Отражение этнического мировоззрения каратинцев в сказочном дискурсе // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 117 – 121.
26. Черноусова И.П. Сказочная картина мира как поликодовый лингвокультурный феномен // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 1. С. 73 – 76.

References

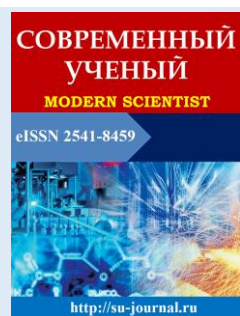
1. Aleshchenko E.I. Fairytale Text as a Reflection of the Christian Linguistic Picture of the World [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skazochnyy-tekst-kak-otrazhenie-hristianskoy-yazykovoy-kartiny-mira> (date of access: 03.10.2025)
2. Apresyan Yu.D. Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.klex.ru/tm4> (date of access: 03.10.2025)
3. Bochkina E.V. Folk Tale as a Way of Developing Concepts of Time and Space as Subsystems of the Holistic Picture of the World of Preschoolers. Pedagogy and Education. 2024. No. 4. P. 97 – 112.
4. Vaganova E.N. Phraseologisms in the German Fairy-Tale Picture of the World (Based on the Fairy Tales of the Brothers Grimm). Bulletin of Dagestan State University. Series 2, Humanities. 2025. No. 2. P. 101 – 113.
5. Weisgerber J.L. Native Language and the Formation of the Spirit. Moscow: Editorial URSS, 2004. 232 p.
6. Humboldt W. von. Selected Works on Linguistics: Translated from German. General ed. G.V. Ramishvili; Afterword by A.V. Gulyga and V.A. Zvegintsev. Moscow: OJSC IG Progress, 2000. 400 p.
7. Danilenko V.P. Picture of the World in Fairy Tales of the Russian People [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.litres.ru/book/valeriy-danilenko/kartina-mira-v-skazkah-russkogo-naroda-42601588/chitat-onlayn/> (date of access: 03.10.2025)
8. Danilenko, V.P. On the Fairy-tale Picture of the World [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-skazochnoy-kartine-mira> (date of access: 03.10.2025)
9. Dzhenenko O.V., Kulikova E.Yu., Tinakina V.O. Picture of the World – Linguistic Picture of the World – Ethnic Picture of the World [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-yazykovaya-kartina-mira-etnicheskaya-kartina-mira> (date of access: 03.10.2025)
10. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian linguistic picture of the world. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2005. 44 p.
11. Kozhevnikov N.N. Cultural pictures of the world [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-kartiny-mira> (date of access: 03.10.2025)
12. Maslikhin A.V. Philosophical picture of the world [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-kartina-mira> (date of access: 03.10.2025)
13. Meletinsky E.M. Hero of a Magic Tale. Moscow-St. Petersburg: Academy of Cultural Research, Tradition, 2005. 240 p.
14. Mullyar L.A. Fairytale picture of the world: figurative and conceptual representation of socio-ontological meanings. Scientific problems of humanitarian research. 2009. No. 7. P. 133 – 138.
15. Oshchepkova V.V., Solovieva N.V. Dynamics of the development of the onomastic space of the British and Russian fairy tale [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-razvitiya-onomasticheskogo-prostranstva-britanskoy-i-russkoy-volshebnoy-skazki> (date of access: 03.10.2025)
16. Plakhova O.A. English fairy tales in the ethnolinguistic aspect: Abstract of a PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod, 2007. 25 p.
17. Plakhova O.A. Reflection of the natural human habitat in the fairy-tale picture of the world [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-estestvennoy-sredy-obitaniya-cheloveka-v-skazochnoy-kartine-mira> (date of access: 03.10.2025)
18. Popova Z.D., Sternin I.A. Language and consciousness: theoretical distinctions and conceptual apparatus [Electronic resource]. Access mode: URL: https://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf (date of access: 03.10.2025)
19. Pocheptsov O.G. Linguistic mentality: a way of representing the world [Electronic resource]. English: Access mode: URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1990-6/110-122> (date accessed: 03.10.2025)
20. Propp V.Ya. Historical roots of the fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2014. 332 p.

21. Solovieva N.V. Features of the spatio-temporal organization of the mythological and fairy-tale pictures of the world [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prostranstvenno-vremennoy-organizatsii-mifologicheskoy-i-skazochnoy-kartin-mira> (date accessed: 03.10.2025)
22. Stefanovskaya S.V. Sound picture of the world [Electronic resource]. English: Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira> (date of access: 03.10.2025)
23. Tananykhina A.O. Basic concepts of fairy-tale and fantasy texts [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.gramota.net/article/phil20141847/fulltext> (date of access: 03.10.2025)
24. Ushatova L.A. "Patriotic" picture of the world [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kartina-mira> (date of access: 03.10.2025)
25. Khalidova R.Sh. Reflection of the ethnic worldview of the Karatin people in the fairy-tale discourse. News of the DSPU. Social and humanitarian sciences. 2023. No. 1. P. 117 – 121.
26. Chernousova I.P. Fairytale picture of the world as a polycode linguocultural phenomenon. VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2021. No. 1. P. 73 – 76.

Информация об авторе

Власова О.В., старший преподаватель, Санкт-петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ksana_vlasova@mail.ru

© Власова О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81`255.4

Зоонимы и фразеологизмы как носители имплицитного комического в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня»: проблема межкультурной передачи (на материале китайских переводов)

¹ Су Я

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: статья посвящена анализу имплицитного комического в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» и особенностям его передачи в китайских переводах. В центре внимания находятся зоонимы и фразеологизмы как важнейшие языковые средства создания иронии и сатиры в чеховской драматургии. Подчеркивается, что комический эффект у Чехова, как правило, не имеет эксплицитного выражения и реализуется через скрытую оценочность, контекстуальные ассоциации и культурно обусловленные смыслы. В качестве материала исследования послужили оригинальный текст пьесы и китайские переводы, выполненные Жу Луном и Тун Даомином. В работе применяются сопоставительный, лингвокультурологический и переводоведческий методы анализа. Особое внимание уделяется конкретным примерам, демонстрирующим расхождения в национально-культурных коннотациях зоонимов и фразеологизмов в русском и китайском языках. Анализ показывает, что буквальный перевод нередко приводит к утрате имплицитного комического, тогда как функционально-прагматический подход позволяет более адекватно передать иронический и сатирический потенциал оригинала. Полученные выводы расширяют представления о межкультурной интерпретации чеховской драматургии и могут быть использованы в теории и практике художественного перевода.

Ключевые слова: А.П. Чехов, перевод пьес, имплицитный комизм, зоонимы, фразеологизмы, ирония, сатира, китайский перевод

Для цитирования: Су Я Зоонимы и фразеологизмы как носители имплицитного комического в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня»: проблема межкультурной передачи (на материале китайских переводов) // Современный ученый. 2026. № 4. С. 15 – 20.

Поступила в редакцию: 13 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Zoonyms and phraseological units as carriers of the implicit comic in Anton Chekhov's play "Uncle Vanya": the problem of intercultural transmission (based on Chinese translations)

¹ Su Ya

¹ Lomonosov Moscow State University

Abstract: the article examines implicit comic effects in Anton Chekhov's play "Uncle Vanya" and the challenges of rendering them in Chinese translations. The focus is placed on zoonyms and phraseological units as key linguistic means of creating irony and satire in Chekhov's drama. It is emphasized that Chekhov's comic effect is rarely

explicit and is instead realized through hidden evaluation, contextual associations, and culturally specific meanings. The research material includes the original Russian text of the play and its Chinese translations by Zhu Long and Tong Daoming. The study employs comparative, linguocultural, and translation-oriented methods of analysis. Particular attention is paid to concrete examples illustrating discrepancies between Russian and Chinese cultural connotations of animal imagery and idiomatic expressions. The analysis demonstrates that literal translation often leads to the loss or distortion of implicit comic meaning, whereas a functional-pragmatic approach allows for a more adequate reproduction of Chekhov's irony and satire. The findings contribute to a deeper understanding of the mechanisms of implicit comic expression in drama and highlight the importance of cultural awareness in literary translation.

Keywords: A.P. Chekhov, translation of a play, implicit comedy, zoonyms, phraseological units, irony, satire, Chinese translation

For citation: Su Ya Zoonyms and phraseological units as carriers of the implicit comic in Anton Chekhov's play "Uncle Vanya": the problem of intercultural transmission (based on Chinese translations). Modern Scientist. 2026. 4. P. 15 – 20.

The article was submitted: October 13, 2025; Approved after reviewing: December 11, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Юмор и сатира являются сквозными категориями художественного мышления А.П. Чехова и определяют своеобразие его поэтики как в прозе, так и в драматургии. Чеховский юмор отличается сдержанностью, лаконичностью и многослойностью: за внешне нейтральным тоном скрывается сложная система оценок, иронии и «горького смеха», формирующих имплицитный комический эффект [4, 9]. Именно эта скрытая комичность, не выраженная напрямую, а встроенная в ткань речи персонажей, представляет особую трудность для интерпретации и перевода.

В пьесе «Дядя Ваня» имплицитный комизм во многом создаётся за счёт языковых средств с выраженной культурной маркированностью, прежде всего зоонимов и фразеологизмов. Названия животных и устойчивые выражения выполняют не только номинативную, но и оценочно-характеризующую функцию, участвуя в создании сатирических и иронических характеристик персонажей, а также в формировании авторского отношения к изображаемой действительности. При этом значительная часть комического эффекта основана на национально-специфических ассоциациях, которые не всегда совпадают в разных культурах [5].

Пьеса «Дядя Ваня» присутствует в китайском культурном пространстве уже более ста лет и была переведена рядом китайских исследователей и переводчиков [6]. Наиболее влиятельными считаются переводы Жу Луна и Тун Даомина, отражающие разные этапы восприятия и интерпретации чеховской драматургии в Китае. Китайские переводы и исследования пьесы формировались в тесной связи с конкретным историческим, социальным и идеологическим контекстом, что неизбежно влияло на трактовку образов, юмора и ценностных акцентов произведения [1, 7].

Несовпадение лингвокультурных коннотаций зоонимов и фразеологизмов в русском и китайском языках нередко приводит к трансформации или утрате имплицитного комического при переводе. В одних случаях переводчики прибегают к доместикации, заменяя русский образ функционально близким китайским выражением, в других – сохраняют исходный образ посредством калькирования или описательного перевода, что может усиливать ощущение «чуждости» текста для адресата. Выбор переводческой стратегии непосредственно влияет на сохранность иронии, сатиры и скрытой оценочности оригинала [3].

Целью настоящей статьи является анализ зоонимов и фразеологизмов как носителей имплицитного комического в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» и выявление особенностей их передачи в китайских переводах.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили оригинальный текст пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня», а также её китайские переводы, выполненные Жу Луном и Тун Даомином. В работе применялись методы сопоставительного и контекстуального анализа, лингвокультурологический и переводоведческий подходы, а также элементы семантико-прагматического анализа, что позволило выявить функции зоонимов и фразеологизмов в создании имплицитного комического и определить особенности их передачи при переводе.

Результаты и обсуждения

В чеховской драматургии зоонимы, как правило, встроены в разговорную речь персонажей и лишены эксплицитной комической маркировки. Именно эта «обыденность» употребления усиливает их эффект:

персонажи не стремятся быть остроумными, но их речь обнаруживает скрытую оценочность, которая считывается читателем или зрителем на уровне культурных ассоциаций [2, 8]. Комическое возникает за счёт несоответствия между нейтральной интонацией и уничижительным, ироническим или насмешливым смыслом зоонима.

Особую сложность при межкультурной передаче представляет национально-специфическая символика животных. Ассоциативные поля зоонимов в русском и китайском языках далеко не всегда совпадают, вследствие чего при переводе может происходить смещение оценки и, как результат, утрата имплицитного комического.

Показательным в этом отношении является пример соотнесения зоонима галка (寒鸦) в разговоре Войницкого с Астровым, где он жалуясь на свою мать называет ее «старой галкой»:

Оригинал:

Войницкий: *Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, татап, все ещё лепечет про женскую эмансипацию.*

Перевод Жу Луна (1998 г.):

沃依尼茨基: *我还是老样子, 也许更糟些, 因为我犯懒了, 什么事也不干, 光是发牢骚, 像个糟老头子了。我那老寒鸦, 也就是 tatan, 还在唠叨妇女解放。*

В русской культуре галка — это небольшая, подвижная птица, часто ассоциирующаяся с сообразительностью, болтливостью и способностью подражать чужой речи. В контексте пьесы данный зооним несёт оттенок раздражённой насмешки: Войницкий подчёркивает болтливость матери, которая все время поучает Войницкого. На китайский Жу Лун переводит выражение «старая галка» как «老寒鸦» («старая холодная ворона»). В китайской традиции зооним ворона носит негативный оттенок: они воспринимаются как недобрый знак; к их карканью относятся с выраженным отторжением, полагая, что оно может предвещать несчастье и может восприниматься как зловещенное или почти проклинающее обозначение. В результате скрытая ирония оригинала трансформируется в грубую оценку, что искажает характер взаимоотношений персонажей и усиливает конфликт там, где в оригинале присутствует прежде всего язвительная усталость.

Аналогичная проблема возникает при переводе зоонима вобла (рыба семейства карповых, распространённая в бассейне Каспийского моря) в выражении «учёная вобла», используемом Войницким для язвительного высмеивания псевдопрофессора Серебрякова.

Оригинал:

Войницкий: *А профессор по-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет... Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, учёная вобла...*

Перевод Жу Луна (1998 г.):

沃依尼茨基: *教授跟从前一样从早晨到深夜坐在他的书房里写作。他是一个退休的教授, 一块放陈了的面包干, 一条有学问的鲤鱼.....*

В русском языке рыбы в целом ассоциируются с сухостью, бесжизненностью, холодностью; соответственно подобное сравнение несёт ярко выраженный сатирический оттенок и подчёркивает интеллектуальную пустоту и духовную иссушенность Серебрякова. Перевод этого образа как «有学问的鲤鱼» («учёный карп») сохраняет экзотический элемент, но утрачивает оценочность: в китайской культуре карп символизирует достаток, удачу и жизненную силу. Таким образом, сатирический эффект оригинала ослабевает, а комическое переосмысливается в нейтрально-описательном ключе.

Не менее показателен пример зоонима вол (阉牛) в реплике Войницкого:

Оригинал:

Войницкий: *Я обожал этого профессора, этого жалкого подагрика, я работал на него, как вол!*

Перевод Жу Луна (1998 г.):

沃依尼茨基: *我崇拜过这位教授, 这个可怜样的痛风病人, 我像一头牛那样为他工作过!*

В русской культурной традиции вол — символ тяжёлого, подневольного и лишённого смысла труда. В китайской культуре, напротив, образ быка часто связан с добровольным трудолюбием и моральным достоинством «老黄牛» («старый жёлтый бык»). Перевод Жу Луна «牛» («бык/корова в самом общем смысле»), сглаживает трагико-иронический подтекст высказывания и превращает жалобу в почти нейтральное признание усердия, в то время как в русском языке существует четкое различие между коровой (самка), быком (самец) и волком (кастрированный бык).

Фразеологизмы занимают особое место в системе выразительных средств драматургии А.П. Чехова. В «Дяде Ване» устойчивые выражения не только придают речи персонажей разговорную естественность, но

и служат важным инструментом создания иронии и сатиры. Будучи глубоко укоренёнными в национально-культурном контексте, фразеологизмы аккумулируют коллективный языковой опыт и несут скрытую оценочность, благодаря чему становятся носителями имплицитного комического. Их комический эффект возникает за счёт контекста употребления, интонации и несоответствия между устойчивым языковым клише и конкретной речевой ситуацией.

Показательным примером является употребление фразеологизма «ярлык прилепить» в беседе Астрова с Соней, где он говорит о склонности окружающих поспешно оценивать людей. В русском языке данный оборот обозначает субъективное и поверхностное навешивание оценки и несёт ярко выраженную ироническую окраску. В китайских переводах наблюдаются два различных подхода: Жу Лун (1998 г.) использует идиому «扣帽子» («навесить шапку-обвинение», то есть без расследования и без доказательств приписать кому-то «вину» или дурное имя), которая отличается жёсткой обвинительной коннотацией и усиливает конфликтность высказывания, тогда как Тун Даомин (2004 г.) выбирает более нейтральное «贴标签» («наклеить ярлык/этикетку»), сохраняющее метафоричность, но смягчающее эмоциональный тон. Оба варианта передают смысл, однако различаются по степени сатирической резкости, что свидетельствует о вариативности передачи имплицитного комического.

Другой важный пример фразеологизм «калачом не заманишь», употреблённый Астровым в финальном акте пьесы. В русской культурной традиции данный оборот восходит к представлению о калаче как о символе достатка и желанной пищи, а потому несёт оттенок гиперболы и бытовой иронии. В обоих китайских переводах фразеологизм передаётся описательно, без сохранения образа, что позволяет точно передать значение («никакими средствами не вернуть»), но лишает реплику национально окрашенного комического оттенка.

Наиболее показательным для анализа передачи имплицитного комического является авторская трансформация фразеологизма в реплике профессора Серебрякова «повесьте ваши уши на гвоздь внимания». Данный оборот представляет собой чеховскую переработку общеупотребительного выражения «развесить уши» и сочетает в себе разговорную образность с напыщенной канцелярской интонацией. Комический эффект возникает из-за несоразмерности формы и содержания: высокомерный профессор использует нарочито усложнённый образ, стремясь придать своему высказыванию значимость, что невольно разоблачает его самодовольство.

В переводе Жу Луна (1998 г.) данный оборот передан буквально «把你们的耳朵挂在所谓的注意的钉子上», что позволяет сохранить абсурдность и комичность образа, однако реплика становится странной для китайского уха из-за своей «инностранности». Тун Даомин (2004 г.), напротив, заменяет выражение устойчивым китайским фразеологизмом «洗耳恭听», формально не совпадающим с оригинальным образом, но функционально адекватным: книжная, почти церемонная формула в устах эгоцентричного персонажа создаёт сходный иронический эффект и сохраняет имплицитный комизм сцены. Данный пример наглядно демонстрирует преимущество функционально-прагматического подхода при переводе чеховской драмы [10].

Именно фразеологизмы являются одним из главных инструментов формирования иронии и сатиры, причём их комический потенциал реализуется не в изоляции, а в тесной связи с контекстом, характером персонажа и ситуацией общения. Сопоставление оригинала с китайскими переводами позволяет выявить, что буквальная передача фразеологизмов далеко не всегда обеспечивает сохранение имплицитного комического, тогда как функциональные аналоги и контекстуально мотивированные трансформации нередко оказываются более эффективными.

Выводы

Проведённый анализ показал, что зоонимы и фразеологизмы в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» выполняют ключевую функцию в создании имплицитного комического, выступая носителями скрытой оценочности, иронии и сатиры. Эти языковые единицы органично встроены в речь персонажей и не имеют эксплицитной комической маркировки, однако именно они позволяют автору передать сложное сочетание трагического и комического, характерное для чеховской драматургии.

Сопоставление оригинального текста с китайскими переводами Жу Луна и Тун Даомина выявило существенные трудности межкультурной передачи комического, обусловленные несовпадением лингвокультурных ассоциаций, связанных с образами животных и устойчивыми выражениями. В ряде случаев буквальный или адаптационный перевод приводит к смещению оценочного акцента или утрате иронического подтекста, тогда как функционально ориентированные решения позволяют в большей степени сохранить прагматический эффект оригинала.

Подход Жу Луна, ориентированный преимущественно на доступность и читательское восприятие, нередко сглаживает или трансформирует имплицитный комизм, тогда как переводы Тун Даомина, созданные с учётом сценической природы драматического текста, более последовательно воспроизводят скрытую иронию и сатиру чеховской речи. Это подтверждает, что при переводе драматургии адекватность должна оцениваться не только с точки зрения семантической точности, но и с позиции функционально-прагматического соответствия.

Список источников

1. Ван И Очарование образа дяди Вани // Драматическая газета. 1955. № 2. С. 14 – 19.
2. Ли С Обзор истории китайского перевода чеховской драмы в XX и XXI вв. // Litera. 2022. № 6. С. 1 – 13. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.37994
3. Нехочина Л.Ш., Имомалиева Р.А. Проблема перевода фразеологизмов: межкультурные трудности и пути решения // Science and Education. 2025. № 12. С. 951 – 954.
4. Сяо Н. Юмор и сатирическое искусство в прозе А. П. Чехова в разные периоды // Журнал Чжаоцинского университета. 2009. Т. 30. № 3. С. 34 – 36, 72.
5. Цзя Л. Интерпретация эквивалентной передачи культурных образов при переводе с китайского языка : дис. ... магистра. Чанчунь: Чанчуньский университет науки и техники, 2017. С. 24 – 29.
6. Цуй Ю. Рецепция пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70300
7. Чжао М. Толстой, Тургенев, Чехов: три модели восприятия русской литературы в китайской литературе XX века // Обозрение зарубежной литературы. 1997. № 1. С. 114 – 121.
8. Чжао Я Эволюция китайской интерпретации художественных особенностей произведений А.П. Чехова // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 12 (60). DOI: 10.60797/RULB.2024.60.33.
9. Янь И. Исследование стилистического перевода в переводах рассказов А.П. Чехова: дис. ... магистра. Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2014. С. 21 – 22.
10. Du X. Forenization and domestication as basic strategies of translation from Russian into Chinese (on the example of the works of A.P. Chekhov) // Litera. 2022. № 6. P. 227 – 238. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38108

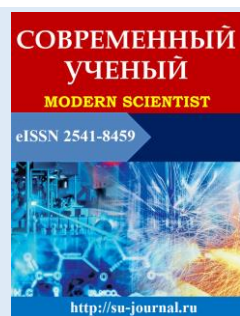
References

1. Wang Yi. The Charm of Uncle Vanya's Image. Dramaticheskaya Gazeta. 1955. No. 2. P. 14 – 19.
2. Li S. A Review of the History of Chinese Translation of Chekhov's Drama in the 20th and 21st Centuries. Litera. 2022. No. 6. P. 1 – 13. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.37994
3. Nekhochina L.Sh., Imomalieva R.A. The Problem of Translation of Phraseological Units: Cross-Cultural Difficulties and Solutions. Science and Education. 2025. No. 12. P. 951 – 954.
4. Xiao N. Humor and Satirical Art in A.P. Chekhov's Prose in Different Periods. Journal of Zhaoqing University. 2009. Vol. 30. No. 3. P. 34 – 36, 72.
5. Jia L. Interpretation of Equivalent Transfer of Cultural Images in Translation from Chinese: Master's Dissertation. Changchun: Changchun University of Science and Technology, 2017. P. 24 – 29.
6. Cui Yu. Reception of A.P. Chekhov's Play "Uncle Vanya" in China. Litera. 2024. No. 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70300
7. Zhao M. Tolstoy, Turgenev, Chekhov: Three Models of Perception of Russian Literature in 20th-Century Chinese Literature. Review of Foreign Literature. 1997. No. 1. Pp. 114–121.
8. Zhao Ya The Evolution of Chinese Interpretation of Artistic Features of A.P. Chekhov's Works. Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 12 (60). DOI: 10.60797/RULB.2024.60.33.
9. Yan Y. A Study of Stylistic Translation in Translations of A.P. Chekhov's Short Stories: Master's Dissertation. Shanghai: Shanghai Foreign Studies University, 2014. P. 21 – 22.
10. Du X. Foreignization and Domestication as Basic Strategies of Translation from Russian into Chinese (on the Example of the Works of A.P. Chekhov). Litera. 2022. No. 6. P. 227 – 238. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38108

Информация об авторе

Су Я, Высшая школа перевода, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, 18747858930@163.com

© Су Я, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81-115

Номинация зоонимов русского и башкирского языков

¹ Хажиева З.Р., ² Самситова Л.Х.

¹ Башкирский государственный медицинский университет,

² Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

Аннотация: в статье предпринимается попытка выявления сходств и различий в номинации зоонимов русского и башкирского языков. Номинация – процесс наименования предметов, явлений и существ из окружающего мира – является ключевым аспектом лексического строя любого языка. Особое место в системе названий занимает словообразование для живых существ, в том числе зоонимов – названий животных. Сравнительный анализ номинации зоонимов в русском и башкирском языках позволяет проследить влияние природной среды, хозяйственной деятельности, культурных представлений и языковых структур на формирование лексики. Сделан вывод, что номинация в русском и башкирском языках определяется сложным взаимодействием природно-географических, хозяйственных, религиозно-культурных, социально-политических и языковых факторов. Сходства объясняются длительными контактами и общими хозяйственными практиками, различия – историко-культурной спецификой и доминантными видами деятельности (земледелие у русских, скотоводство и коневодство у башкир).

Ключевые слова: номинация, зоонимы, словообразование, русский язык, башкирский язык, тюркская лексика, церковнославянская лексика

Для цитирования: Хажиева З.Р., Самситова Л.Х. Номинация зоонимов русского и башкирского языков // Современный ученый. 2026. № 4. С. 21 – 26.

Поступила в редакцию: 14 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Nomination of zoonymic names in the Russian and Bashkir languages

¹ Khazieva Z.R., ² Samsitova L.Kh.

¹ Bashkir State Medical University,

² Institute of Strategic Research, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

Abstract: the article attempts to identify similarities and differences in the nomination of zoonyms in the Russian and Bashkir languages. Nomination, the process of naming objects, phenomena, and creatures from the surrounding world, is a key aspect of the lexical structure of any language. Word formation for living beings, including zoonyms, animal names, occupies a special place in the system of names. A comparative analysis of the nomination of zoonyms in the Russian and Bashkir languages allows us to trace the influence of the natural environment, economic activities, cultural perceptions, and linguistic structures on the formation of vocabulary. It is concluded that the nomination in Russian and Bashkir is determined by a complex interaction of natural-geographical, economic, religious-cultural, socio-political, and linguistic factors. The similarities are explained by long-term contacts and

common economic practices, while the differences are explained by historical and cultural specifics and dominant activities (agriculture in Russian, cattle breeding and horse breeding among Bashkirs).

Keywords: nomination, zoonym, word formation, the Russian language, the Bashkir language, Turkic vocabulary, Church Slavonic vocabulary

For citation: Khazieva Z.R., Samsitova L.Kh. Nomination of zoonymic names in the Russian and Bashkir languages. Modern Scientist. 2026. 4. P. 21 – 26.

The article was submitted: October 14, 2025; Approved after reviewing: December 12, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Русский язык формировался на пространстве с различными природно-климатическими зонами: от лесов и лугов до степей и тундры. Это нашло отражение в широкой системе зоонимов, включающей и местные виды фауны, и заимствованные названия для новых или важных в хозяйстве животных. Влияние церковно-славянской, тюркской, финно-угорской и западноевропейской лексики также сказалось на разнообразии наименований животных.

Башкирский язык, относящийся к тюркской семье, развивался на территории Южного Урала и прилегающих степных и лесостепных районов Башкортостана. Здесь преобладают названия животных, значимых для кочевого и полукочевого скотоводческого образа жизни: лошади, верблюды, овцы, козы, а также крупная дичь и местные виды птиц. Контакты с русским, татарским, чувашским, марийским, мордовским и другими языками региона привели к заимствованиям и лексико-семантическим сдвигам и разветвлениям.

Материалы и методы исследований

Русский язык формировался в условиях длительного контакта славянских племён с финно-угорскими, балтскими, тюркскими и германскими народами, а также в рамках христианской культурно-исторической традиции [1] Восточной Европы. Эти контакты отражаются в заимствованиях, топонимике, названиях орудий труда и хозяйственных практических нуждах.

Башкирский язык развивается в тюркской языковой семье на пересечении кочевых и оседлых культур, с сильным влиянием кыпчакской группы. В этногенезе башкир участвовали тюркские, финно-угорские и ираноязычные элементы; значительную роль сыграли кочевое скотоводство, коневодство и исламизация, что отразилось на лексике, названиях социальных институтов и терминологии.

Природная среда напрямую детерминирует номинацию: наличие леса, степи, рек и озёр, характер флоры и фауны создаёт потребность в названиях соответствующих объектов.

В русском языке, развитом на большой территории с разнообразными природными зонами (тайга, смешанные леса, степи, северные тундры), появляется богатая лексика, связанная с лесными видами, охотой, рыбной ловлей и сельским хозяйством. Это порождает множественные синонимические ряды и диалектные варианты названий животных, растений и ландшафтных объектов.

В башкирском языке природно-географические условия степно-лесостепной зоны и исторически кочевой образ жизни обусловили значительное развитие терминологии, связанной с пастбищами, скотом (включая породы, части тела животных, процессы ухода за ними), коневодством и элементами быта кочевников.

Хозяйственные формы жизни и экономические практики сильно влияют на номинацию.

У русских общин традиционно развивались земледелие, ремёсла, охота и рыбная ловля. Лексика содержит множество терминов для сельскохозяйственных орудий, приёмов обработки земли, сортов посевов, сезонных работ. Городская специализация и ремесленничество также породили профильную лексику.

У башкир хозяйственный уклад долгое время был основан на кочевом и полукочевом скотоводстве (лошади, овцы, крупный рогатый скот), а также на коневодстве как ключевом элементе культуры. Это обусловило широкий набор номинаций, обозначающих животных, навесы и юрты, предметы упряжи, пастбищные термины и бытовые вещи. С переходом к оседлости и сельскому хозяйству часть терминологии адаптировалась, при этом многие культурно значимые слова сохранились.

Религия, мифология и фольклор формируют мотивацию к употреблению названий и к их семантической стилизации.

Русский лексико-культурный фонд сильно повязан с православной традицией, народными обрядами, календарными праздниками и сказочной топиной. Номинативная система включает религиозные термины,

названия святых и культовых предметов, а также образные метафоры и символы, связанные с народной картиной мира [7].

В башкирском языке и культуре значительную роль играют исламские представления, суеверия, шаманские (зароастрические) отголоски и башкирский эпос. Многие наименования животных, предметов быта и природных явлений получили оценочные и символические значения, закреплённые в фольклоре, эпосах и обрядах (например, отношение к лошади как сакральному животному).

Исторические события, государственно-правовые институты, образовательные и культурные элиты влияют на стандартизацию, заимствования и стигматизацию лексики.

Русский язык как язык государства при империи, затем СССР, получил статус языка межнационального общения, что способствовало кодификации и распространению литературных норм. Политика образования и печати привела к стандартизации номинации, вытеснению диалектизмов и ускоренному распространению новых терминов.

Башкирский язык пережил процессы национального возрождения, кодификации и создания литературного стандарта в XX веке. Социально-политические изменения (коллективизация, индустриализация, урбанизация) [6] привели к заимствованиям, переосмыслению традиционной лексики и усилению роли русского как языка межэтнической коммуникации, что оказало влияние на номинацию (дублеты, кальки, русский суффиксальный и словообразовательный потенциал).

Многоязычие и длительные контакты приводят к значительному обмену лексикой.

Русский язык за свою историю усвоил большое количество заимствований из тюркских, финно-угорских, германских, латинских и французских языков. Особенно ощутимо тюркское влияние на названия оружия, предметов быта, некоторые топонимы и животные термины в приграничных зонах.

Башкирский язык включает многочисленные тюркские лексические слои, а также заимствования из арабского и персидского (через религиозно-культурные связи), затем из русского (в области техники, администрации, образования). В зоонимической сфере наблюдаются как кальки русских терминов, так и сохранение исконных наименований с семантическими сдвигами.

Средства, которыми язык образует новые номинативные единицы, влияют на типы именований.

В русском языке активны такие словообразовательные средства, как суффиксация (уменьшительно-ласкательные формы, оценочные суффиксы), конверсия и композитные образования. Русская фразеология богата устойчивыми соединениями с зоонимами (идиомы, пословицы и поговорки), придающими дополнительную номинативную и оценочную информацию.

В башкирском языке словообразование опирается на тюркские аффиксы (суффиксы и постфиксы), обширные деривационные возможности и агглютинацию. Сложные производные и аффиксация используются для образования уменьшительных, притяжательных и оценочных форм, характерных для бытовой лексики, в том числе зоонимов. Фразеологические единицы и пословицы отражают быстрое развитие специфику и кошевой менталитет.

Наименования животных и предметов зачастую несут культурную и этническую нагрузку.

В русском языке зоонимы участвуют в создании образов национальных символов (медведь как символ русской земли в массовом сознании), а также используются в этнофольклоре и прозвищах. Лексика может отражать социальные оценки и стереотипы.

В башкирской культуре животные, особенно лошадь, волк и птицы, имеют ключевую символику в эпосе и фольклоре. Наименования закрепляют семейные, клановые и территориальные идентичности, используются в именах племён, родов и местных топонимах.

Современный этап сопровождается динамическими изменениями в сфере номинации.

Урбанизация и массовая миграция снижают роль локальной хозяйственной лексики, усиливают влияние русского как языка межэтнического общения в Башкортостане и создают двуязычные или смешанные номинации.

Массовые медиа, интернет и образование приводят к распространению новых терминов, англицизмов и профессиональных неологизмов. В литературном языке и СМИ формируются новые конвенции номинации, при этом сохраняется интерес к сохранению лексического наследия через проекты по фольклору и лексикографию.

Результаты и обсуждения

Исследование номинации в условиях языкового контакта сталкивается с рядом задач: документирование диалектной и профессиональной лексики, изучение прагматического и эмоционального компонента номинации, описание механизмов заимствования и калькирования, а также реконструкция историко-культурных слоёв в лексике.

Перспективными направлениями являются: компаративные корпусные исследования русского и башкирского; диалектологические экспедиции; семантический анализ заимствований; исследование роли СМИ и образования в формировании современной номинации; разработка двуязычных словарей этнокультурной лексики.

Семантические типы номинации зоонимов

1. Прямые денотативные номинации. Это названия, непосредственно обозначающие вид или род животного: "волк", "медведь", "лошадь" в русском; "йэнлек" (если требуется уточнение: в башкирском – слова для волка, медведя, лошади – соответственно "бүре", "айыу", "ат"). Эти наименования часто древние и имеют корневую основу в соответствующем языке [9].

2. Номинативы по хозяйственной ценности. В аграрных и скотоводческих обществах отдельные слова отражают возрастные или породные особенности животных: «ягнёнок», «телёнок», «кобыла», «жеребец» в русском; в башкирском: «харык бэрэсе», «хыйыр бызауы», «тана», «тай» – слова, отличающие племенные и возрастные категории скота, а также термины для коневодства, имеющие большое культурное значение [9].

3. Ономастические и фольклорные названия. Народные сказки, эпосы и бытовые представления вводят особые имена для животных или устойчивые фразеологизмы: в русском – "серый волк", "медведь-берлога"; у башкир – богатый эпический пласт (например, образы духовых или тотемных животных) формирует своеобразные названия и описательные эпитеты [3].

4. Заимствования и лексические сдвиги. Контакты между языками приводят к переносу названий: многие русские слова пришли в башкирский лексикон, а некоторые тюркские термины зафиксировались в русском региональном говоре. Заимствования сопровождаются фонетической и морфологической адаптацией.

Морфолого-семантические особенности

В русском языке словообразование зоонимов активно использует суффиксацию для образования уменьшительных, пренебрежительных или ласковых форм: кот – котик, собака – собачка, лиса – лисичка. Такие формы отражают эмоциональное отношение говорящего к животному.

В башкирском языке также существуют уменьшительно-ласкательные и детские формы, но они формируются по тюркским моделям словообразования (аффиксация, вокалическая гармония). Кроме того, система притяжательных суффиксов позволяет легко выражать принадлежность животного человеку или семье (например, «атым-мой конь» как единое слово).

Лексико-семантическая картина мира

Сравнение показывает, что языковая картина мира у русских и башкир, отражаемая через зоонимы, конным образом определяется образом жизни и природной средой. Так, у башкирских говорящих богатый набор терминов, связанных с лошадью и скотом, отражающий историческую и культурную важность коневодства. У русскоязычных лексикон демонстрирует разнообразие названий диких животных северных и лесных зон, а также богатую систему уменьшительных и оценочных форм [8].

Фразеология и этнолингвистические значения

Зоонимы широко представлены в фразеологии и пословицах обеих культур, где животные служат носителями человеческих качеств: "лиса – хитрость", "медведь – сила" в русском; в башкирских пословицах также встречаются аналогичные ассоциации, но с местной спецификой (например, ценность верности и выносливости, что связано с ролью лошади и овцы). Этнолингвистический анализ показывает, как названия животных несут культурно значимую информацию, символику и образные модели. Национально-культурное наследие зооморфизмов особенно наглядно проявляется при сопоставлении двух языков [4].

Ареал и диалектные различия

Оба языка содержат многочисленные диалектные варианты зоонимов. В русском широко варьируются названия для одних и тех же животных в разных регионах: северный, центральный, южный говоры вносят свои формы. В башкирском также фиксируются диалектные различия, отражающие контакты с соседними языками и экологические особенности района (лесистые и степные территории дают разные акцентуации в наименованиях).

Современные изменения и урбанизация Современные социальные процессы – урбанизация, индустриализация, массовая миграция – влияют на номинацию. Снижается активная потребность в специализированных терминах для скотоводства в городском дискурсе, одновременно растёт лексика за счёт медиа-названий и заимствований из других языков. Оба языка подвергаются глобальным изменениям: появляются новые заимствования, устаревают некоторые термины, меняется спектр оценочных форм.

Выводы

Таким образом, номинация зоонимов в русском и башкирском языках отражает сложное переплетение природных условий, хозяйственной практики, культурных представлений и языковых механизмов. Сравнительный анализ выявляет общие тенденции (семантическая типизация, роль фразеологии, заимствования) и существенные различия, продиктованные историко-культурной спецификой: у башкирского народа – выраженное отражение тем скотоводства и коневодства; у русского народа – богатство названий диких животных и развившиеся модели эмоционально-оценочной словообразовательной морфологии. Исследование номинации зоонимов продолжает оставаться важным направлением лексикологии и этнолингвистики, способствуя лучшему пониманию языковой картины мира и взаимодействия языков в многоязычных регионах.

Номинация в русском и башкирском языках определяется сложным взаимодействием природно-географических, хозяйственных, религиозно-культурных, социально-политических и языковых факторов. Сходства объясняются длительными контактами и общими хозяйственными практиками, различия – историко-культурной спецификой и доминантными видами деятельности (земледелие у русских, скотоводство и коневодство у башкир). Понимание этих факторов важно не только для лингвистической теории, но и для сохранения культурного наследия, разработки образовательных программ и поддержания межкультурного диалога.

Список источников

1. Линник Л.А. Типологические особенности аутентичных текстов аннотаций в медицинском дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2021. 303 с.
2. Мугтасимова Г.Р., Туэрсюнтай Г.Т. Лексико-семантическая группа «животный мир» в татарских народных пословицах// Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 12 – 43.
3. Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018.-164 с.
4. Самситова Л.Х., Самситова Р.И. Коннотативный аспект зоонимов в языковой картине мира // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы V Международной научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова. Абакан, 2022. С. 162 – 165.
5. Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь: 1572 фразеологических оборота/ Под редакцией Э.Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. 404 с.
6. Фархутдинова И. Р. Политические коммуникации в интернет-пространстве Участие в XIII Международной научно-практической конференции «Современный PR: теория, практика, образование» / отв. ред. проф. Э.С. Гареев. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2021. С. 383 – 385.
7. Хажиева З.Р. Русский язык (иностранный язык): учебное пособие. Уфа: Башкирский ГАУ, 2021. 147 с.
8. Хажиева З.Р. Функциональный аспект словообразовательных типов имен существительных: монография. Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2006. 122 с.
9. Хажиева З.Р. Использование зоонимов в номинации русского и башкирского языков//Преподаватель XXI века.2025. № 3-2. С. 411 – 419.
10. Шолина А.А., Смирнова Д.С. Зоонимы в русской языковой картине мира // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 11. С. 259 – 261.

References

1. Linnik L.A. Typological features of authentic texts of annotations in a medical discourse course: dis. ...cand. Philol. Sci. Ufa, 2021. 303 p.
2. Mugtasimova G.R., Tuerseyuntai G.T. Lexico-semantic group “animal world” in Tatar folk proverbs. Modern problems of science and education. 2015. No. 1. P. 12 – 43.
3. Samsitova L.Kh. Non-equivalent vocabulary of the Bashkir language. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2018.-164 p.
4. Samsitova L.Kh., Samsitova R.I. The Connotative Aspect of Zoonyms in the Linguistic Picture of the World. Preservation and Development of the Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Siberia. Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 160th Anniversary of the Birth of the Outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov. Abakan, 2022. P. 162 – 165.
5. Uraksin Z.G. Russian-Bashkir Phraseological Dictionary: 1,572 Phraseological Units. Edited by E. R. Tenishev. Moscow: Russian Language, 1989. 404 p.

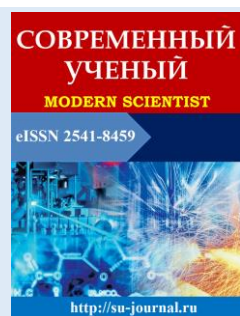
6. Farkhutdinova I. R. Political Communications in the Internet Space. Participation in the XIII International Scientific and Practical Conference "Modern PR: Theory, Practice, Education". ed. prof. E. S. Gareev. Ufa: Publishing house USNTU, 2021. P. 383 – 385.
7. Khazhieva Z.R. Russian language (foreign language): textbook. Ufa: Bashkir State Agrarian University, 2021. 147 p.
8. Khazhieva Z.R. Functional aspect of word-formation types of nouns: monograph. Ufa: RIC Bash State University, 2006. 122 p.
9. Khazhieva Z.R. Use of zoonyms in the nomination of Russian and Bashkir languages. Teacher of the XXI century. 2025. No. 3-2. P. 411 – 419.
10. Sholina A.A., Smirnova D.S. Zoonyms in the Russian language picture of the world. International scientific journal "Innovative Science". 2015. No. 11. P. 259 – 261.

Информация об авторах

Хажиева З.Р., кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный медицинский университет, Республика Башкортостан, 450008, г. Уфа, ул. Ленина, д. 3, khazhieva_zr@mail.ru

Самситова Л.Х., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Республика Башкортостан, 450085, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15, luiza_sam@mail.ru

©Хажиева З.Р., Самситова Л.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.147

Исследование современного состояния и факторов, влияющих на межкультурную коммуникативную компетенцию студентов-англистов вузов западного Китая: пример исследования Синьцзянского педагогического университета

¹ Лю Шаохуа

¹ Синьцзянский педагогический университет, Куньмин

Аннотация: в условиях глобализации и реализации инициативы «Один пояс – один путь» межкультурная коммуникативная компетенция становится ключевым качеством специалистов в области иностранных языков. Синьцзянский педагогический университет, как типичное пространство пересечения различных языков и культур, представляет собой показательный пример, а развитие межкультурной компетенции студентов его английского отделения имеет важное демонстрационное значение для вузов западных регионов Китая. В данном исследовании применяется смешанный методологический подход: с использованием анкетирования и стратифицированных интервью анализируются текущее состояние межкультурной коммуникативной компетенции студентов и факторы, влияющие на её формирование. Результаты показывают, что общий уровень межкультурной компетенции студентов находится на среднем уровне, при этом по трём измерениям наблюдается неравномерная структура: опережающее развитие установок, средний уровень коммуникативных навыков и отставание культурных знаний. Анализ различий по курсам обучения свидетельствует о том, что у студентов старших курсов благодаря накоплению практического опыта значительно улучшаются показатели по навыковому измерению; установки по мере углубления обучения стабилизируются, тогда как уровень культурных знаний не демонстрирует выраженного прогресса. К основным факторам влияния относятся дифференциация индивидуальных учебных стратегий студентов, недостаточная интеграция культурного содержания в учебный процесс, а также неравномерное распределение практических ресурсов. На основе полученных данных предлагается системная реконструкция учебных программ, усиление ситуативного обучения и расширение межкультурной практики с целью повышения комплексной межкультурной компетенции студентов-англистов вузов западного Китая.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, вузы западного Китая, английская специальность, факторы влияния

Для цитирования: Лю Шаохуа Исследование современного состояния и факторов, влияющих на межкультурную коммуникативную компетенцию студентов-англистов вузов западного Китая: пример исследования Синьцзянского педагогического университета // Современный ученый. 2026. № 4. С. 27 – 35.

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

A study on the current status and influencing factors of intercultural communicative competence among English majors in western Chinese universities: a case study of Xinjiang Normal University

¹ Liu Shaohua

¹ Xinjiang Normal University, China

Abstract: against the backdrop of globalization and the Belt and Road Initiative, intercultural communicative competence has become a core literacy for foreign language professionals. As a typical multilingual and multicultural context, Xinjiang Normal University holds exemplary significance for the development of intercultural competence among English majors in western China. This study adopts a mixed-methods approach, utilizing questionnaires and stratified interviews to investigate the current status and influencing factors of students' intercultural competence. The findings reveal that students' overall competence is at a moderate level, with an uneven profile across three dimensions: attitudes lead, skills are intermediate, and knowledge lags behind. Grade-based analysis indicates that senior students demonstrate significant improvement in the skill dimension due to practical experience accumulation, the attitude dimension stabilizes with further learning, while the knowledge dimension shows no significant progression. Influencing factors include the differentiation of students' individual learning strategies, insufficient integration of cultural content in teaching practice, and uneven distribution of practical resources. Accordingly, the study proposes systematically restructuring the curriculum, strengthening contextualized teaching and intercultural practices, so as to enhance the comprehensive intercultural competence of English majors in western Chinese universities.

Keywords: intercultural communicative competence, western Chinese universities, English majors, influencing factors

For citation: Liu Shaohua A study on the current status and influencing factors of intercultural communicative competence among English majors in western Chinese universities: a case study of Xinjiang Normal University. Modern Scientist. 2026. 4. P. 27 – 35.

The article was submitted: October 15, 2025; Approved after reviewing: December 13, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

На фоне углубления глобализационных процессов и активного продвижения инициативы «Один пояс – один путь» межкультурная коммуникативная компетенция стала ключевым показателем профессиональной подготовки комплексных специалистов в области иностранных языков [3]. Синьцзянский педагогический университет, являясь важным центром языковых и культурных исследований в процессе открытия Китая на запад, помещает студентов английской специальности в многоязычную культурную среду, где сосуществуют китайский, уйгурский, казахский и другие языки. В этих условиях студенты непосредственно сталкиваются с вызовами, обусловленными многообразием культурных различий.

Уникальные географические и культурные особенности данного региона определяют особую траекторию развития межкультурной компетенции студентов, что придаёт их опыту существенную практическую и методологическую ценность для подготовки специалистов в западных регионах страны [5].

Исследования межкультурной коммуникативной компетенции берут начало в работах Э. Холла (1959), который впервые определил способность представителей определённой культуры эффективно взаимодействовать с носителями других языков и культур. Несмотря на отсутствие единого общепринятого определения, в научном сообществе сформировалось общее понимание межкультурной компетенции как способности осуществлять уместное и эффективное взаимодействие в конкретных культурных контекстах.

Так, Чэнь и Староста (1996) [2] подчёркивали значение адаптивной и результативной коммуникации в межкультурной среде; Спизберг (1994) [9] акцентировал внимание на уместности коммуникативного поведения в конкретных ситуациях; Чжан Гэчэн и соавторы (2007) выделяли способность использовать язык на основе понимания культурных различий.

С точки зрения структурного анализа постепенно сформировались различные теоретические модели. Четырёхмерная модель Байрама (2014), [1] включающая критическое культурное сознание, стала одной из

наиболее распространённых парадигм. Китайские исследователи, в частности Чжан Хунлин, предложили трёхкомпонентную модель, включающую установки, знания и навыки, что обеспечило методологическую основу для локализованных исследований. В настоящее время знания, навыки и установки рассматриваются как общепризнанные ключевые измерения межкультурной коммуникативной компетенции [7].

С точки зрения исследовательских направлений, зарубежные работы в основном сосредоточены на практическом применении межкультурной компетенции в профессиональной среде и на разработке систем оценки. Так, эмпирическое исследование Хоссейна (2024) [6] показало, что интеграция мультикультурных материалов в языковые курсы может существенно повысить культурную чувствительность обучающихся. Рейлли и соавторы (2022) [8] разработали тесты на основе ситуативного моделирования, которые по сравнению с традиционными анкетами позволяют точнее прогнозировать профессиональную эффективность.

В отечественных исследованиях основной акцент делается на механизмах формирования межкультурной компетенции в контексте обучения английскому языку. Ли Лин (2024) [4] предложила модель «трёхмерного взаимодействия», применение которой позволило повысить уровень усвоения межкультурных знаний студентами на 28 %. Сюй Хайнин и соавторы (2020) [10] указали на такие практические проблемы, как недостаточное включение межкультурных прагматических знаний в учебный процесс и дефицит обучения в условиях реальных коммуникативных ситуаций.

Однако большинство существующих исследований сосредоточено преимущественно на западноевропейских и американских культурах, при этом культурам стран Центральной и Западной Азии уделяется недостаточное внимание. Кроме того, механизмы формирования межкультурного сознания студентов в многоязычной среде остаются недостаточно изученными. В связи с этим настоящее исследование, выполненное на материале студентов английской специальности Синьцзянского педагогического университета, фокусируется на трёх измерениях – знаниях, навыках и установках – с целью выявления механизмов формирования и путей повышения межкультурной коммуникативной компетенции в условиях многоязычной среды.

Материалы и методы исследований

В исследовании используется смешанный методологический подход. В качестве выборки были привлечены 163 студента английской специальности Синьцзянского педагогического университета, обучающиеся с первого по четвёртый курс. Все участники имели опыт двуязычного или многоязычного обучения и длительное время находились в многоязычной и мультикультурной среде.

Исследование было направлено на решение двух ключевых задач:

1. выявление общего уровня межкультурной коммуникативной компетенции студентов по трём измерениям – знаниям, навыкам и установкам – а также анализ различий между курсами обучения;
2. определение ключевых факторов, влияющих на развитие межкультурной компетенции в многоязычной среде, включая учебные стратегии студентов, особенности педагогической практики и доступность образовательных и практических ресурсов.

В качестве инструментов исследования использовались анкетирование и стратифицированные интервью. Анкета была адаптирована на основе опросника Цзи Яди (2023) «Модели межкультурного взаимодействия и межкультурная компетенция студентов», включала 25 вопросов и охватывала три измерения – знания, навыки и установки. Для оценки использовалась пятибалльная шкала Лайкерта. Проверка надёжности и валидности показала высокие показатели: коэффициент альфа Кронбаха составил 0,953, значение КМО – 0,894.

На этапе интервью студенты были разделены на группы с высоким, средним и низким уровнем показателей по результатам анкетирования; из каждой группы случайным образом были отобраны по два студента. Кроме того, в полуструктурированных интервью приняли участие шесть преподавателей.

Результаты и обсуждения

Результаты анкетного опроса показывают, что общий уровень межкультурной коммуникативной компетенции студентов находится на среднем уровне. У 58,3% студентов суммарные баллы сосредоточены в диапазоне 75-100, 31,3 % демонстрируют высокий уровень межкультурной компетенции, тогда как у 10,4% уровень остается низким (табл. 1). Данные результаты согласуются с выводами аналогичных отечественных исследований. Так, Юань Сяоминь (2021) отмечает, что для студентов языковых специальностей характерна общая тенденция «преобладание среднего уровня при выраженных индивидуальных различиях».

Таблица 1

Статистика суммарных баллов.

Table 1

Total score statistics.

Диапазон	Количество	Доля
выше 100	51	31,3 %
75-100	95	58,3 %
ниже 75	17	10,4 %

С точки зрения структуры компетенции, межкультурная коммуникативная способность студентов демонстрирует неравномерное распределение: опережающее развитие установок, средний уровень навыков и относительное отставание знаний (табл. 2). Данная особенность в значительной степени совпадает с результатами исследования Мэй Юна и Чжан Вэньчжуна (2025), посвященного «национальным первоклассным программам по английскому языку», что подтверждает универсальность доминирования ценностно-установочного компонента в структуре межкультурной компетенции студентов языковых специальностей.

Одновременно данная структура отражает специфику языкового образования в западных регионах Китая. Многоязычная и мультикультурная среда способствует формированию у студентов высокой чувствительности к культурным различиям и позитивной готовности к межкультурному взаимодействию. Однако недостаток систематизированных академических культурологических знаний приводит к дефициту когнитивной основы для развития межкультурных навыков, что в итоге формирует модель развития типа «сильная мотивация – слабая база – ограниченные навыки».

Таблица 2

Средние значения по отдельным измерениям.

Table 2

Average values for individual measurements.

Измерение	Среднее значение
Знания	3,82
Навыки	3,98
Установки	4,21

Среди всех измерений наилучшие показатели демонстрирует установочный компонент (среднее значение – 4,21; табл. 3). В частности, студенты набрали высокие баллы по таким показателям, как «готовность к общению и обучению с представителями других культур» (4,24) и «толерантность к многообразию ценностей и культурных норм иностранцев» (4,22). Это свидетельствует о выраженной позитивной установке и высокой степени культурной открытости в межкультурном взаимодействии.

Полученные результаты согласуются с выводами Лю Шиюя (2024), выполненными на материале курсов интеграции содержания и языка. В исследовании подчеркивается, что систематическое погружение студентов-англистов в языковое обучение и культурные дисциплины способствует формированию открытого отношения к многообразию культурных перспектив и развитию способности принимать культурные различия. Такая позитивная культурная позиция создает необходимую эмоциональную и когнитивную основу для дальнейшего развития межкультурной коммуникативной компетенции.

Таблица 3

Статистика показателей по измерению установок.

Table 3

Statistics of the indicators for measuring attitudes.

Измерение	Пункт	Среднее значение	Стандартное отклонение	Общее среднее
Установки	25. Я готов(а) изучать иностранные языки и понимать представителей других культур	4,2	0,752	
	26. Я готов(а) к общению и обучению с представителями разных культур	4,24	0,701	
	27. Я готов(а) в значительной степени принимать различия в ценностях, пищевых привычках и культурных табу иностранцев	4,22	0,729	4,21

Развитие межкультурных коммуникативных навыков в целом находится на среднем уровне (среднее значение – 3,98, табл. 4) и характеризуется выраженной структурной несбалансированностью. Конкретно это проявляется в модели «хорошо усвоены базовые поведенческие нормы – слабая способность применения в сложных ситуациях».

С точки зрения отдельных показателей, студенты демонстрируют сравнительно высокие результаты в таких аспектах, как понимание базовых норм межкультурного взаимодействия (4,12) и осознание культурных правил (4,07). Это свидетельствует о том, что у них уже сформировалась определённая когнитивная рамка понимания межкультурных норм. Однако в двух ключевых прикладных измерениях – вербальная коммуникация (3,83) и адаптация к многообразным культурным ситуациям (3,83) – показатели остаются относительно низкими.

Данный результат указывает на то, что в реальных ситуациях межкультурного взаимодействия студентам сложно гибко интегрировать языковые и неязыковые символы, а также осуществлять динамическую адаптацию (Love & Stenström, 2023). Такая несбалансированность развития навыков подтверждается и рядом эмпирических исследований. Так, Лу Чуньлинь (2023) [16] на основе измерительных инструментов показал, что межкультурные навыки студентов характеризуются выраженным разрывом между «поверхностным поведенческим соответствием нормам» и «глубинной адаптацией в сложных ситуациях».

Кроме того, Хао Пиньхао (2010) указывает, что межкультурная языковая компетенция включает не только знание норм, но и эффективное использование коммуникативных стратегий, таких как инициация контакта, выражение вежливости и управление взаимодействием. Его исследование подчёркивает более глубокую причину наблюдаемой несбалансированности: низкий уровень переноса языковых стратегий (отказ, просьба, благодарность и др.) и параязыковых стратегий (жесты, зрительный контакт, дистанция общения) в реальные коммуникативные контексты, что в конечном итоге приводит к ситуации «понимание правил без успешной практической реализации».

Таблица 4

Статистика показателей по измерению навыков.

Table 4

Statistics of skill measurement indicators.

Измерение	Пункт	Среднее значение	Стандартное отклонение	Общее среднее
Навыки	13. При возникновении межкультурного коммуникативного недоразумения и в процессе переговоров я способен(на) объяснить культурные различия и прийти к взаимопониманию	3,98	0,865	
	14. При возникновении языковых барьеров я способен(на) использовать язык тела или другие невербальные средства общения	3,83	0,805	
	15. В общении с иностранцами я способен(на) по возможности избегать нарушений в речи, одежде и поведении	4,07	0,821	
	16. В общении с иностранцами я способен(на) рассматривать политические, экономические и социальные события с разных культурных точек зрения	3,94	0,829	
	17. В общении с иностранцами я способен(на) избегать формирования предвзятых суждений и стереотипов	4,01	0,824	
	18. В межкультурном взаимодействии я способен(на) относиться к собеседнику без предубеждений	4,04	0,823	
	19. В общении с иностранцами я способен(на) избегать затрагивания личных и чувствительных тем	4,12	0,804	
	20. Я способен(на) свободно общаться с людьми из разных социальных, культурных и профессиональных сфер	3,83	0,833	
	21. Я обладаю чувствительностью к межкультурным различиям	3,95	0,818	
	22. Я способен(на) применять различные методы, приёмы и стратегии для изучения иностранных языков и межкультурного общения	4,04	0,781	
	23. Я способен(на) получать знания о межкультурной коммуникации через непосредственный контакт с иностранцами	3,98	0,835	
	24. При возникновении межкультурных конфликтов и недоразумений я способен(на) оперативно реагировать, обучаться и искать пути решения	4,01	0,762	3,98

Среднее значение по измерению знаний составляет лишь 3,82, что является самым низким показателем среди трёх измерений (табл. 5). При этом по позициям, связанным с отечественной историей и географией, студенты набрали от 4,04 до 4,20, что свидетельствует о выраженном эффекте «домашнего поля» и очевидном преимуществе в понимании собственной культуры. Однако при переходе к содержанию, связанному с иностранными культурами, средние значения резко снижаются и опускаются ниже 3,75.

Исследование Фэй Лужэ-Абдушукур и Цзоу Тинтин (2024) также показывает, что межкультурные знания студентов вузов западных регионов в основном формируются за счёт опосредованных источников – учебников и средств массовой информации, – при дефиците полевого опыта и углублённого аналитического осмысления. В результате накопление межкультурных знаний у студентов разных курсов остаётся на сопоставимом уровне и не демонстрирует выраженной поступательной динамики.

Таблица 5

Результаты t-теста для независимых выборок по измерению знаний.

Table 5

Results of the t-test for independent samples for knowledge measurement.

Сравниваемые группы	Объём выборки (n ₁ , n ₂)	t-значение	df	p-значение	Cohen's d
1 курс vs 2 курс	(31, 75)	-1,133	104	0,26	0,21
1 курс vs 3 курс	(31, 24)	-0,268	53	0,79	0,07
1 курс vs 4 курс	(31, 33)	-1,480	62	0,144	0,37
2 курс vs 3 курс	(75, 24)	-1,390	97	0,168	0,28
2 курс vs 4 курс	(75, 33)	0,728	106	0,468	0,14
3 курс vs 4 курс	(24, 33)	-1,675	55	0,099 ⁺	0,45

Примечание. d = 0,2 – малый размер эффекта (различия статистически присутствуют, однако их практическая значимость ограничена); d = 0,5 – средний размер эффекта (различия обладают заметной практической значимостью); d = 0,8 – большой размер эффекта (различия выражены и имеют существенное практическое влияние).

На основе тематического анализа интервью со студентами и преподавателями были выявлены три ключевых группы факторов, оказывающих влияние на развитие межкультурной коммуникативной компетенции.

1. Уровневая дифференциация индивидуальных учебных стратегий студентов

Различия в уровне межкультурной компетенции тесно связаны с используемыми студентами учебными стратегиями. Студенты с высокими результатами (табл. 1; 31,3 % выборки) склонны к активному использованию системных образовательных ресурсов, таких как TED-Ed и MOOCs, а также уделяют внимание различиям в риторике и невербальной коммуникации. Это отражает путь внутреннего усвоения компетенций через самостоятельное исследование и осознанное обучение (Ши Цзюйхун, 2023).

Студенты со средним уровнем показателей (58,3 %) хотя и соприкасаются с иными культурами через учебники и аудиовизуальные материалы, в основном ограничиваются поверхностным восприятием, не прибегая к глубокому культурному сопоставлению и анализу исторического контекста. Это указывает на дефицит целостной и комплексной системы знаний (Цай Циган, 2024).

Студенты с низким уровнем межкультурной компетенции (10,4 %) в значительной степени зависят от аудиторных лекций; их культурные представления носят символический характер и не затрагивают глубинные элементы культуры, такие как социальные нормы и правовое сознание. В результате они легко попадают в когнитивную ловушку, отождествляя языковую беглость с высокой межкультурной компетенцией (Цзяо Ян, 2019)].

На уровне преподавания существует ряд факторов, сдерживающих развитие межкультурной компетенции. В аспекте профессионального развития преподавателей интервью показали, что почти половина из них не проходила систематической подготовки в области межкультурного обучения, а возможности зарубежных стажировок остаются ограниченными. Это приводит к фрагментарности передачи культурных знаний.

В содержании учебных программ доля культурного компонента, как правило, не превышает 30 % и часто носит вспомогательный характер по отношению к развитию языковых навыков. Учебные материалы обновляются с запозданием и недостаточно отражают современные реалии, включая проблематику инициативы «Один пояс – один путь». В методическом плане технологии ситуационного обучения, основанные на VR-моделировании и цифровых гуманитарных инструментах, пока не получили широкого распространения (Тун Хэлун, 2023), что ограничивает возможности формирования иммерсивного учебного опыта.

Кроме того, существующая система оценивания по-прежнему ориентирована преимущественно на языковые тесты, в то время как межкультурная компетенция не включена в курсы в качестве самостоятельного объекта оценки. Это ослабляет воспитательный и ценностно-ориентирующий потенциал межкультурного образования (Вэнь Цюфан, 2022).

3. Ограничения образовательной среды и распределения ресурсов

Ресурсная поддержка на уровне университета и общества также существенно влияет на развитие межкультурной компетенции. Внутри университета охват международных обменных программ остаётся ограниченным, а возможности участия чаще предоставляются студентам с более высоким уровнем

подготовки. Традиционная лекционная модель обучения по-прежнему доминирует, в то время как развитие интерактивных и практико-ориентированных курсов продвигается медленно (Ху Чжэньян, 2022).

Несмотря на расположение университета в ключевом регионе инициативы «Один пояс – один путь», механизмы сотрудничества между университетами и предприятиями остаются недостаточно развитыми, а участие бизнеса в образовательных проектах носит ограниченный характер. Это приводит к дефициту реальных коммуникативных контекстов и практических платформ. На уровне социального взаимодействия частота и качество контактов студентов с межкультурными ресурсами напрямую влияют на их учебную мотивацию и культурную чувствительность, при этом неравномерность доступа к таким ресурсам дополнительно усиливает дифференциацию уровней межкультурной компетенции.

Выводы

На основе исследования студентов английской специальности Синьцзянского педагогического университета установлено, что их межкультурная коммуникативная компетенция в целом находится на среднем уровне и характеризуется структурной несбалансированностью, проявляющейся в модели «позитивные установки – средний уровень навыков – слабая база знаний». Измерение знаний не демонстрирует значимого развития по мере перехода на старшие курсы, что указывает на недостаточную системность и поэтапность преподавания культурных знаний в рамках существующих учебных программ.

В то же время по измерению навыков выявлено существенное превосходство студентов четвёртого курса над студентами второго курса, обусловленное накоплением практического опыта, что подчёркивает ключевую роль обучения в реальных коммуникативных ситуациях. Установочный компонент после второго курса стабилизируется и проходит путь от поверхностного интереса к рациональной и устойчивой культурной толерантности. К основным факторам, влияющим на развитие межкультурной компетенции, относятся индивидуальные учебные стратегии студентов, ресурсное обеспечение педагогической практики и поддержка со стороны образовательной среды.

Исходя из полученных выводов, в преподавании английского языка целесообразно сосредоточиться на системной реконструкции блока культурных знаний с усилением интеграции культур стран, расположенных вдоль маршрута инициативы «Один пояс – один путь»; активно внедрять технологии ситуационного и иммерсивного обучения для повышения способности студентов применять знания в сложных коммуникативных контекстах; а также совершенствовать механизмы профессионального развития преподавателей и платформы университетско-производственного сотрудничества, создавая больше возможностей для реальной межкультурной практики.

Настоящее исследование, выполненное в контексте многоязычного вуза западного региона Китая, предоставляет эмпирическую основу для понимания развития межкультурной компетенции вне евроамериканского культурного пространства и может служить ориентиром для реформирования подготовки специалистов в области иностранных языков на региональном уровне.

Список источников

1. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2014. 212p.
2. Chen G.M., Starosta W.J. Intercultural communication competence: A synthesis // Communication Yearbook. 1996. Vol. 19. P. 353 – 383.
3. Hall E.T. The Silent Language. New York: Anchor Books, 1959. 480 p.
4. Наролина В.И. Межкультурная коммуникативная компетентность как интегративная способность межкультурного общения специалиста // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 2. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27817 (дата обращения: 11.10.2025)
5. Hasan T., Tutara M., Altas C. A study on cultural difference management strategies at multinational organizations // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 150. P. 945 – 953.
6. Hossain K.I. Reviewing the role of culture in English language learning: Challenges and opportunities for educators // Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 9. Art. 100824.
7. Love R., Stenström A. Corpus-pragmatic perspectives on the contemporary weakening of taboo language in teenage British English conversation // Journal of Pragmatics. 2023. Vol. 216. P. 167 – 181.
8. Reilly J., Kelly A., Zuckerman B. M., et al. Building the perfect curse word: A psycholinguistic investigation of the form and meaning of taboo words // Psychonomic Bulletin & Review. 2020. Vol. 27. № 6. P. 1391 – 1400.

9. Spitzberg B.H. A model of intercultural communication competence // Intercultural Communication: A Reader / ed. by L.A. Samovar, R.E. Porter. 9th ed. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1994. P. 347 – 359.
10. Tsai J. The way out for English majors: Adjusting the major's name – from a language tool to a discipline // Journal of Northeast Normal University. 2024. № 5. P. 75 – 80.

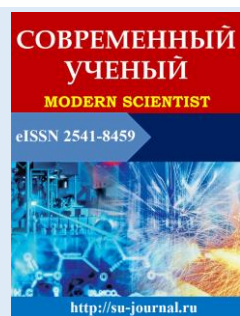
References

1. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2014. 212 p.
2. Chen G.M., Starosta W.J. Intercultural communication competence: A synthesis. Communication Yearbook. 1996. Vol. 19. P. 353 – 383.
3. Hall E.T. The Silent Language. New York: Anchor Books, 1959. 480 p.
4. Narolina V.I. Intercultural communicative competence as an integrative ability of intercultural communication of a specialist. Psychological Science and Education. 2010. T. 2. No. 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2010_n2/27817 (date of access: 10.11.2025)
5. Hasan T., Tutara M., Altas C. A study on cultural difference management strategies at multinational organizations. Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 150. P. 945 – 953.
6. Hossain K.I. Reviewing the role of culture in English language learning: Challenges and opportunities for educators. Social Sciences & Humanities Open. 2024. Vol. 9. Art. 100824.
7. Love R., Stenström A. Corpus-pragmatic perspectives on the contemporary weakening of taboo language in teenage British English conversation. Journal of Pragmatics. 2023. Vol. 216. P. 167 – 181.
8. Reilly J., Kelly A., Zuckerman B. M., et al. Building the perfect curse word: A psycholinguistic investigation of the form and meaning of taboo words. Psychonomic Bulletin & Review. 2020. Vol. 27. No. 6. P. 1391 – 1400.
9. Spitzberg B.H. A model of intercultural communication competence. Intercultural Communication: A Reader. ed. by L.A. Samovar, R.E. Porter. 9th ed. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1994. P. 347 – 359.
10. Tsai J. The way out for English majors: Adjusting the major's name – from a language tool to a discipline. Journal of Northeast Normal University. 2024. No. 5. P. 75–80.

Информация об авторе

Лю Шаохуа, доктор гуманитарных наук, доцент, Синьцзянский педагогический университет, Китай, 2275257015@qq.com

© Лю Шаохуа, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 070.1:316.77(510)

Трансформация китайской медиасистемы в условиях цифровизации: институциональные и политические аспекты

¹ Ван Инчэнь

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье анализируется трансформация китайской медиасистемы в условиях цифровизации и реализации государственной стратегии глубокой медийной интеграции («шэньду жунхэ»). Рассматриваются институциональные, технологические и политико-идеологические механизмы конвергентного развития традиционных средств массовой информации в КНР на протяжении последнего десятилетия. Особое внимание уделяется роли Коммунистической партии Китая в формировании централизованной модели управления медиаконвергенцией, а также созданию многоуровневой инфраструктуры цифровых партийных медиа.

На основе анализа официальных программных документов, отраслевых отчетов и научных исследований раскрываются ключевые элементы архитектуры медиаконвергенции, включая центры интегрированных медиа уездного уровня, концепцию «Центральной кухни» как универсальной модели производства контента и систему национальных цифровых платформ партийных СМИ. Отдельно рассматриваются инвестиционные механизмы цифровой трансформации, в том числе деятельность Фонда промышленных инвестиций в медиаконвергенцию China Media Group и практики государственно-частного партнерства.

В статье показано, что цифровая трансформация китайских традиционных медиа носит не только технологический, но и политический характер, выступая инструментом сохранения идеологического контроля и адаптации партийной медиасистемы к условиям фрагментированного цифрового информационного пространства. Делается вывод о специфике китайской модели медиаконвергенции как формы централизованного управления цифровыми коммуникациями, сочетающей масштабное государственное финансирование с институционализированной экспериментальностью на региональном и локальном уровнях.

Ключевые слова: цифровая трансформация СМИ, медиаконвергенция, китайская медиасистема, партийные медиа КНР, стратегия «шэньду жунхэ», центры интегрированных медиа, Центральная кухня, государственное управление медиа, China Media Group

Для цитирования: Ван Инчэнь Трансформация китайской медиасистемы в условиях цифровизации: институциональные и политические аспекты // Современный ученый. 2026. № 4. С. 36 – 40.

Поступила в редакцию: 16 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Transformation of the Chinese media system in the context of digitalization: institutional and political aspects

¹ Wang Yingchen

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article examines the transformation of China's media system in the context of digitalization and the implementation of the state strategy of deep media integration (shendu ronghe). The study analyzes the institutional, technological, and political mechanisms shaping the convergent development of traditional media in the People's Republic of China over the past decade. Particular attention is paid to the role of the Communist Party of China in constructing a centralized model of media governance and in establishing a multi-level infrastructure of digital party media.

Based on the analysis of official policy documents, industry reports, and academic studies, the article identifies the key structural elements of China's media convergence architecture, including county-level integrated media centers, the "Central Kitchen" model as a standardized system of content production, and the development of national digital platforms for party-affiliated media organizations. The article also examines investment mechanisms supporting digital transformation, with a focus on the Media Convergence Industrial Investment Fund of China Media Group and the use of public-private partnership models at the regional level.

The findings demonstrate that the digital transformation of traditional media in China is not merely a technological process but also a political one, serving as an instrument for maintaining ideological control and adapting the party-led media system to a fragmented digital information environment. The article concludes that China's model of media convergence represents a distinctive form of centralized governance of digital communication, combining large-scale state investment with institutionalized experimentation at regional and local levels.

Keywords: digital transformation of media; media convergence; Chinese media system; party media in China; deep media integration strategy; integrated media centers; Central Kitchen model; state governance of media; China Media Group

For citation: Wang Yingchen Transformation of the Chinese media system in the context of digitalization: institutional and political aspects. Modern Scientist. 2026. 4. P. 36 – 40.

The article was submitted: October 16, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Трансформация китайской медиасистемы на протяжении последнего десятилетия определялась комплексным государственным вмешательством, институционализированным в рамках стратегии «шэньду жунхэ» (глубокая медийная интеграция) [1]. Концептуальное оформление данной политики произошло в августе 2014 года на совещании по углублению реформ под председательством Си Цзиньпина, когда Центральный комитет Коммунистической партии Китая выпустил «Руководящие указания о содействии конвергентному развитию традиционных СМИ и новых медиа» [2]. Данный документ закрепил переход от эпизодических экспериментальных практик к систематической национальной стратегии, направленной на формирование «синьсин чжюлю мэйти» (новых основных медиа) и «синьсин мэйти цзитуань» (новых медиагрупп).

Политическая логика стратегии отражала обеспокоенность партийного руководства процессом маргинализации традиционных средств массовой информации в условиях цифровизации медиарынка, где доминирующие позиции заняли коммерческие технологические корпорации, такие как Tencent, ByteDance и Alibaba [3]. Архитектура государственной политики в сфере медиаконвергенции базировалась на трех взаимосвязанных компонентах: институциональной реконфигурации медиаструктур, масштабном государственном финансировании и формировании инфраструктуры политико-идеологического контроля.

Одним из ключевых последствий реализации стратегии глубокой медийной интеграции стало усиление вертикальной централизации управления медиасистемой КНР. В условиях цифровизации традиционная модель относительной автономии региональных и отраслевых медиаструктур была постепенно вытеснена системой многоуровневого подчинения, в которой стратегические, технологические и идеологические ре-

шения концентрируются на центральном уровне. Это сопровождалось перераспределением управленческих полномочий между партийными, государственными и корпоративными акторами, что привело к формированию гибридной институциональной конфигурации.

Материалы и методы исследований

Создание медиакорпорации China Media Group в 2018 году путем слияния Центрального телевидения Китая, Китайского международного радио и Центрального народного радио стало институциональным выражением курса на укрупнение и унификацию управления ключевыми медиаресурсами [6]. Новая структура получила расширенные полномочия не только в сфере производства контента, но и в области технологического развития, инвестиционной политики и международного вещания. Таким образом, медиагруппы трансформировались из классических редакционных организаций в комплексные медиаиндустриальные конгломераты, встроенные в систему государственного управления [4].

Ключевым элементом низового уровня медиаконвергенции стали центры интегрированных медиа уездного уровня (сяньци жунмэйти чжунсинь), инициированные в 2018 году. Эти структуры были задуманы как конвергентные медиахабы, объединяющие локальные телеканалы, радиостанции и печатные издания в единую организационно-технологическую систему. К концу 2021 года в Китае было создано 2585 таких центров [5].

Функциональное назначение уездных центров выходит за рамки традиционного информирования населения и включает предоставление государственных и муниципальных услуг, что способствует институциональному закреплению аудитории за официальными цифровыми платформами. Формально находясь в подчинении местных партийных комитетов, данные структуры технологически и методологически интегрированы в национальные платформы партийных медиа, что обеспечивает унификацию контента и управляемость информационных потоков.

Функциональным ядром трансформации производственных процессов в редакциях стала концепция «чжунъян чужан» («Центральная кухня») – интегрированная система создания и дистрибуции медиаконтента, реализующая принцип «однократный сбор, многократное редактирование, многоканальное распространение» [6]. Данная модель предполагает концентрацию редакционных ресурсов на первичном сборе информации с последующей автоматизированной адаптацией материалов под мобильные приложения, социальные сети и традиционные каналы вещания.

Использование «Центральной кухни» позволяет одновременно снижать операционные издержки и обеспечивать идеологическую однородность информационного потока. Стандартизация форматов и алгоритмизация редакционных процессов ограничивают спонтанность медиапроизводства, однако повышают управляемость контента и скорость реагирования на политически значимые события [7].

Результаты и обсуждения

Параллельно развитию уездного уровня формировалась система национальных цифровых платформ партийных медиа. Наиболее масштабным проектом стала «Национальная общественная информационная платформа партийных медиа», запущенная газетой «Жэньминь жибао» в 2017 году. Стратегическая формула «сотня терминалов, тысяча студий, один бэкэнд» отражала логику создания единой облачной инфраструктуры для совместного использования контента и технологий. К 2020 году платформа объединила более 1500 медиаорганизаций.

Партийные медиаплатформы выполняют функции не только распространения информации, но и политической мобилизации населения. Интеграция медиаконтента с сервисами электронного правительства и социальными функциями формирует управляемое цифровое коммуникационное пространство, в котором пользователь выступает одновременно как потребитель информации и объект административного взаимодействия [8].

Цифровая трансформация медиасистемы КНР характеризуется беспрецедентными масштабами государственных инвестиций. Центральное место занял «Фонд промышленных инвестиций в медиаконвергенцию CMG», учрежденный в 2019 году медиакорпорацией China Media Group. Начальный капитал фонда составил 3,7 млрд юаней с целевым объемом инвестиций до 10 млрд юаней. Фонд специализируется на поддержке технологических стартапов в сфере искусственного интеллекта, сетей пятого поколения и облачных вычислений, ориентированных на нужды медиапроизводства.

На провинциальном уровне получили распространение модели государственно-частного партнерства, в рамках которых государственные медиагруппы сотрудничают с частными IT-корпорациями для реализации инфраструктурных проектов. Примером является кооперация China Media Group с корпорацией H3C, обеспечившая развертывание IP-производственных сетей нового поколения [9].

Цифровизация медиасистемы сопровождается изменением профессиональной роли журналиста. Концепция «универсального журналиста» предполагает совмещение навыков традиционного репортажного производства с компетенциями в области мультимедийных технологий, анализа данных и алгоритмического управления контентом. При этом идеологическая подготовка сохраняет статус обязательного элемента профессиональной социализации.

Одновременно медиаконвергенция используется КНР для расширения международного присутствия. China Media Group и агентство «Синьхуа» активно развивают мультязычные цифровые продукты, ориентированные на зарубежную аудиторию, что позволяет рассматривать медиаконвергенцию как элемент стратегии «мягкой силы» [10].

Выводы

Таким образом, трансформация китайской медиасистемы в условиях цифровизации представляет собой многоуровневый процесс, охватывающий институциональные, технологические, кадровые и международные измерения. Стратегия «шэньду жунхэ» выступает не только инструментом модернизации традиционных СМИ, но и механизмом перестройки всей системы политической коммуникации. Китайская модель медиаконвергенции демонстрирует возможность сочетания технологической инновационности с жесткой политико-идеологической координацией, что делает ее специфической формой централизованного управления цифровыми коммуникациями.

Список источников

1. Си Цзиньпин О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. Т. 1. С. 37.
2. ЦК КПК. Руководящие указания о содействии конвергентному развитию традиционных СМИ и новых медиа [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://www.xinhuanet.com/>
3. Хань Цзясин, Таказов В.Д. Медиаобраз Синьцзян-Уйгурского Автономного района в публикациях российских СМИ (на примере онлайн-версий изданий «Российская газета» и «Известия» // Вопросы теории и практики журналистики, издательство Байкальский государственный университет (Иркутск). 2022. № 2. С. 278 – 279.
4. Чжан И, Чанг Тхи Тху Хуонг, Лагуткина М.Д. Пенияфобия как элемент деструктивного цифрового медиадискурса Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 5. С. 197.
5. Захарова М.В., Хань Ц. Особенности освещения национальных меньшинств в СМИ Синьцзяна (на примере материалов "Синьцзян жибао" в 2019-2020 гг.) // Меди@льманах. 2021. № 6. С. 118.
6. Шестерина А.М. К вопросу о типологизации новых медиа // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 931 – 936.
7. Лагуткина М.Д. Проблемы лингвистической безопасности китайского информационного агентства Синьхуа // Современное педагогическое образование, 2020. № 5. С. 226 – 227.
8. Чэнь Ди Распространение и восприятие инициативы «один пояс – один путь» в российских средствах массовой информации // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 451 – 457.
9. Чэнь Ди. Особенности освещения европейскими СМИ пандемии в Китае // Вопросы политологии. 2022. № 12 (88). С. 42 – 44.
10. Дементьева К.В., Газизов Р.Р. Медиаобраз российского Дальнего Востока в федеральных сетевых изданиях // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 3. С. 470 – 472.

References

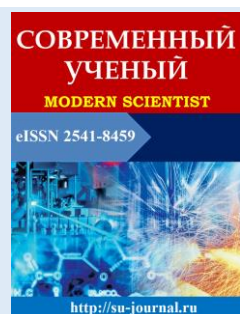
1. Xi Jinping. On Public Administration. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2014. Vol. 1. P. 37.
2. CPC Central Committee. Guidelines on Promoting the Convergent Development of Traditional Media and New Media [Electronic resource]. 2014. URL: <http://www.xinhuanet.com/>
3. Han Jiaxing, Takazov V.D. The media image of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region in Russian media publications (based on the online versions of the Rossiyskaya Gazeta and Izvestia newspapers). Issues of Theory and Practice of Journalism, Baikal State University Publishing House (Irkutsk). 2022. No. 2. P. 278 – 279.
4. Zhang Yi, Chang Thi Thu Huong, Lagutkina M.D. Peniaphobia as an element of destructive digital media discourse in the Asia-Pacific region. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 5. P. 197.

5. Zakharova M.V., Han Q. Features of coverage of national minorities in the Xinjiang media (based on the materials of the Xinjiang Daily in (2019-2020). Medi@lmanakh. 2021. No. 6. P. 118.
6. Shesterina A.M. On the Typology of New Media. Neofilologiya. 2023. Vol. 9. No. 4. P. 931 – 936.
7. Lagutkina M.D. Problems of Linguistic Security of the Chinese Xinhua News Agency. Modern Pedagogical Education, 2020. No. 5. P. 226 – 227.
8. Chen Di. The Spread and Perception of the "One Belt, One Road" Initiative in Russian Mass Media. The World of Science, Culture, Education. 2025. No. 3 (112). P. 451 – 457.
9. Chen Di. Features of Coverage of the Pandemic in China by European Media. Questions of Political Science. 2022. No. 12 (88). P. 42 – 44.
10. Dementeva K.V., Gazizov R.R. Media image of the Russian Far East in federal online publications. Issues of the theory and practice of journalism. 2025. Vol. 14. No. 3. P. 470 – 472.

Информация об авторе

Ван Инчэнь, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, yingchenw5@gmail.com

© Ван Инчэнь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81'367.625.41

Винительный адвербиальный для обозначения времени в санскрите и древнерусском языке

¹ Балута А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье исследуются особенности сочетаемости Винительного темпорального падежа в санскрите и древнерусском языке, а также изучаются исторические изменения таких конструкций в процессе эволюции русского языка. По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа удастся установить, что Винительный падеж темпорального значения употреблялся в истории индоевропейских языков как в беспредложной форме, так и в соединении с различными предлогами. Следует отметить, что в древних языках разных временных периодов конструкции беспредложного темпорального Винительного имели более высокую частотность употребления, чем в современности. Это обстоятельство обусловлено, прежде всего, большей степенью синтетичности древних индоевропейских языков, таких как санскрит, древнерусский и многие другие, не рассмотренные в данной статье и требующие дополнительного глубокого исследования. Стремление к аналитизму, которое наблюдается в ходе языковой эволюции всей индоевропейской языковой семьи, несомненно, привело к постепенному уходу из употребления многих беспредложных падежных форм, в том числе и ряда значений Винительного падежа. При изучении этого явления также необходимо учитывать постепенное формирование категории переходности/непереходности у ряда глаголов, что послужило дополнительной причиной утраты некоторых беспредложных падежных значений, в частности, Винительного темпорального при непереходных глаголах, поскольку особенности валентности непереходных глаголов практически исключали их сочетаемость с Винительным падежом без предлога. В области употребления предложных форм Винительного темпорального в истории русского языка тоже можно отметить ряд исторических изменений, а именно, утрату сочетаемости Винительного временного с некоторыми предлогами.

Ключевые слова: палеоперевод, Винительный темпоральный, санскрит, древнерусский язык, современный русский язык

Для цитирования: Балута А.А. Винительный адвербиальный для обозначения времени в санскрите и древнерусском языке // Современный ученый. 2026. № 4. С. 41– 47.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Accusative adverbial for the designation of time in Sanskrit and Old Russian

¹ Baluta A.A.

¹ State University of Education

Abstract: this article explores the features of the Accusative Temporal case in Sanskrit and Old Russian, as well as the historical changes in such constructions during the evolution of the Russian language. Based on the results of the comparative analysis conducted in the article, it can be established that the Accusative case of temporal meaning was used in the history of Indo-European languages both in the prepositional form and in combination with various prepositions. It should be noted that in ancient languages of different time periods, the construction of the prepositional temporal Accusative had a higher frequency of use than in modern times. This circumstance is primarily due to the greater degree of synthetism in ancient Indo-European languages, such as Sanskrit, Old Russian, and many others that are not discussed in this article and require further in-depth research. The tendency towards analyticity that has been observed throughout the linguistic evolution of the Indo-European family has undoubtedly led to the gradual decline in the use of many prepositional cases, including a number of cases that express the accusative case. When studying this phenomenon, it is also necessary to take into account the gradual formation of the transitivity/intransitivity category in a number of verbs, which served as an additional reason for the loss of certain prepositional case meanings, particularly the Accusative Temporal with intransitive verbs, as the valency features of intransitive verbs practically excluded their compatibility with the Accusative case without a preposition. In the field of the use of prepositional forms of the Accusative Temporal, a number of historical changes can also be noted in the history of the Russian language, namely, the loss of the Accusative Temporal's compatibility with certain prepositions.

Keywords: paleo translation, Accusative Temporal, Sanskrit, Old Russian, modern Russian

For citation: Baluta A.A. Accusative adverbial for the designation of time in Sanskrit and Old Russian. Modern Scientist. 2026. 4. P. 41 – 47.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Выбор темы статьи обусловлен необходимостью подробного исследования особенностей сочетаемости определенных падежных форм в древних индоевропейских языках в сопоставительном аспекте. Сопоставительный анализ примеров употребления адвербиального Винительного падежа в значении времени с аналогичными примерами в истории русского языка позволит детально изучить закономерности формирования отдельных падежных функций в контексте общей тенденции стремления к аналитизму индоевропейских языков [17, с. 2501]. Винительный падеж в классическом санскрите, как и в большинстве индоевропейских языков номинативного строя [14, с. 1736; 10, с. 251], прежде всего, выполнял функцию падежа прямого объекта [2, с. 8]. Однако при переходных глаголах реализация этой функции становилась затруднительной. Например, в современном русском языке непереходные глаголы «спать», «бежать» и др. практически не сочетаются с формами Винительного падежа, кроме редких случаев, типа «бежать три часа», «проспать два дня». В истории русского языка дело обстоит иначе, категория переходности/непереходности глагола была только в стадии формирования и имела более гибкие границы. Похожую ситуацию можно наблюдать и в других древних языках: “*āhañ śa viçramjāmi niçāt imām*” [18, с. 119] «я же отдохну эту ночь». Поскольку данный вопрос достаточно хорошо исследован в области синтаксиса классических языков, латыни и древнегреческого, в настоящем исследовании мы изучаем адвербиальные формы санскрита и проводим сопоставительный анализ с эквивалентами в древнерусском языке, что позволит выявить ряд общих особенностей и установить несколько алгоритмов перевода падежных конструкций [1, с. 7].

Цель статьи – выявить и охарактеризовать особенности употребления Винительного падежа в значении времени в санскрите и провести сопоставительный анализ с аналогичными функциями Винительного в древнерусском языке. Определить причины утраты отдельных функций адвербиального Винительного в истории русского языка и особенности валентности темпорального Винительного в современном русском языке.

В санскрите Винительный падеж темпоральный был распространен достаточно хорошо. Обычно он употреблялся для обозначения определенного временного промежутка, в течение которого выполнялось глагольное действие, типа “*ekam māsam*” «один месяц», “*varṣaṣatam*” «сто лет». Рассмотрим несколько примеров из древнеиндийских текстов:

“*na kaṣṣit suṣvara tām niṣām*” [20, с. 278] «никто не спал в ту ночь».

“*viṇṣatim vai sahasrāṇi varṣāṇām gām apārajat*” [19, с. 44] «двадцать тысяч лет он охранял землю».

“*na ṣaknomi givituṁ ṣarvarīm imām*” [19, с. 22] «эту ночь не могу (больше) оставаться в живых».

“*duādaṣābdān vahāmj eṣa ṣirasā tava pādūke*” [18, с. 149] «двенадцать лет буду носить твои сапоги на голове».

“*sa tathāu katiṣṭid divasān*” [18, с. 250] «он пробыл несколько дней».

Кроме случаев обозначения Винительным времени, полностью занятого глагольным действием, в памятниках санскрита Винительный темпоральный часто зависит от глагольного управления. Примечательно, что чаще всего эти случаи наблюдаются при глаголе «идти», который в современном русском языке является непереходным. Поэтому данные примеры обычно не представляют сложностей при переводе. Большую трудность для переводчика представляют примеры с Винительным темпоральным при глаголе «идти» в переносном значении:

“*tad dinam gagāma*” [21, с. 17] «он провел тот день».

“*māsam ekam paro jātī dvāu māsau mṛgaṣūkarāu – ahir ekam dinam jati*” [16, с. 730] «человека (= его мяса) хватит (= идет, выходит) на один месяц, лани и вепря хвати на два месяца, змеи хватит на один день».

Такой способ употребления Винительного падежа со временем лег в основу образования в санскрите ряда производных наречий, причем не только с темпоральным значением: “*atimātram*” «чрезмерно», “*asamājam*” «несомненно», “*anantaram*” «на глазах, в присутствии», “*anudivasam*” «по порядку», “*jathāpuram*” «как прежде», “*prasabham*” «насильственно», “*tuṇḍaghātam*” «ударяя клювом» [15, с. 101] и др.

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие методы лингвистического исследования. Метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод семантико-грамматического анализа, метод сравнительно-исторического анализа текста, основной для изучения определенного грамматического явления в синхронии и диахронии. При исследовании взаимоотношения языковых единиц использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования рассматриваются способы употребления Винительного временного в истории русского языка и проводится сопоставительный анализ с аналогичными примерами санскрита и современного русского языка.

Древнерусский язык, как и многие иные древние индоевропейские языки (например, санскрит), более тяготеет к синтетизму грамматического строя, поэтому примеры Винительного беспредложного падежа в значении времени, типа «И прѣбyste у него днь», «Яко бо бѣ Иона въ чрѣвѣ китовѣ три дни и три ношти» (время, полностью занятое глагольным действием); «пришедъшу ему вечеръ» (время, не полностью занятое действием, в данном случае темпоральный Винительный находится в составе другой синтетической конструкции – полупредикативного оборота Дательный самостоятельный) [7, с. 242] были в нем распространены достаточно хорошо.

Рассмотрим несколько случаев употребления Винительного беспредложного в темпоральном значении:

«В лѣто 6768. Бысть тишина все лѣто» [8, с. 138].

«Хочю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта» [5, с. 71].

«Азь утро послю по вы» [5, с. 55].

«Осень умре Половечьскыи князь» [5, с. 68].

Примеры употребления Винительного темпорального без предлога также можно встретить в древнерусских грамотах:

«А в Русу ти княже ездити осень, а лете не ездити» (Новг. IV) [3, с. 375].

С течением времени в процессе исторического развития русский язык утратил многие синтетические беспредложные падежные формы, однако беспредложный темпоральный Винительный сохранился в современном состоянии, хотя и с меньшей частотностью употребления. Такие примеры можно найти в произведениях русской классической литературы, например, у Горького:

«Шумно и весело прошли святки, почти каждый вечер у матери были ряженые» [4, с. 152].

«Каждое воскресенье они, бывало, являлись в кухню» [4, с. 318].

«Он мог говорить красноречиво целый час» [4, с. 390].

В разговорной речи и в говорах такие случаи также являются нормой:

«Дѣдюшка двацѣть петь лет служил в солдатах – нѣ была война» (Арх.) [13, с. 143].

Следует отметить, что древнерусский язык, хронологически более молодой, чем санскрит, уже на ранней стадии письменного периода обнаруживает и большую аналитичность. Уже ранних памятниках древнерусского языка встречаются предложные конструкции Винительного темпорального. Но поскольку многие из таких древних конструкций в процессе эволюции языка были утрачены, рассмотрим несколько таких примеров с разными предлогами.

1. Для обозначения временного промежутка, в течение которого совершается глагольное действие, в древнерусском языке употреблялся Винительный темпоральный с предлогом «о»/«об». В такие конструкции входили названия частей суток, праздники, части дня:

«Об ноцѣ всюю тружышеса, ничего же не яхомъ» [9, Лк.: V, 5].

«Бѣ бо постяся и обѣ ноцѣ прѣбывая в пустыняхъ, яко же есть писано. О се чинь (= в то же время) же сѣдѣста 2 брата въ монастыри [5, с. 203].

«Мѣстиславъ же, о светѣ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены отъ своихъ Сѣверъ Варягы Ярославлѣб и рече...» [5, с. 145].

Аналогичные конструкции отчасти сохранились и в современном русском языке, но в ограниченном употреблении:

«Не знаю я, сколько в это доблести, что мы с этими полячишками *о сю пору* возимся» [6, с. 225].

В говорах тоже можно найти примеры употребления темпорального Винительного с предлогом «о»:

«Лопоти у ево поди колько, *о каждой праздник* рядится в иной наряд» (Подвыс. Сл. Обл. арх. Нар.) [7, с. 329]

2. Конструкции Винительный темпоральный с предлогом «по» в древнерусском языке обозначали повторяемость неопределенного момента времени в периоды, указанные существительным в Винительном падеже. Если предельные границы повторяемости не были определены, то определением к существительному было местоимение «весь»:

«И тако *по вся лѣта* творяще» [5, с. 122].

«И то творять *по вся дни*» [5, с. 8].

В тех случаях, когда повторяемость имела числовое выражение, перед существительным добавлялось числительное:

«А въ Вятчи ходихомъ *по двѣ зимѣ* на Ходоту и на сна его» [11, с. 124].

В современном русском литературном языке подобные обороты вытеснены конструкциями «каждый день», «каждый час» и др.

3. Для обозначения неопределенного времени как момента внутри какого-либо временного отрезка в древнерусском языке использовалась конструкция Винительного темпорального с предлогом «на». Такие конструкции обычно употреблялись с обозначением времен года, частей суток и других временных отрезков:

«На весну почяша пѣсати стую Софию» (I Новг. Л., 6616) [7, с. 333].

«И възвращашеться Киеву *на Успенье* святыхъ Богородица» [5, с. 122].

В современном русском языке используется только при наличии определяющего слова, которое указывает на следование отрезков времени одного за другим:

«А *на другое утро* он дружески сказал мне» [4, с. 346].

Следует отметить, что аналогичные предложные конструкции Винительного темпорального также употреблялись в классическом санскрите одновременно с беспредложными, например, для определения приблизительного временного отрезка:

“pūrvam saṁdhjām prati” [20, с. 411] «около первых сумерек».

“sūrjasjo 'dajanam prati” [19, с. 109] «около восхода солнца».

Выводы

По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа удалось установить, что Винительный падеж темпорального значения употреблялся в истории индоевропейских языков как в беспредложной форме, так и в соединении с различными предлогами. Следует отметить, что в древних языках разных временных периодов конструкции беспредложного темпорального Винительного имели более высокую частотность употребления, чем в современности. Это обстоятельство обусловлено, прежде всего, большей степенью синтетичности древних индоевропейских языков, таких как санскрит, древнерусский и многие другие, не рассмотренные в данной статье и требующие дополнительного глубокого исследования. Стремление к аналитизму, которое наблюдается в ходе языковой эволюции всей индоевропейской языковой

семьи, несомненно, привело к постепенному уходу из употребления многих беспредложных падежных форм, в том числе и ряда значений Винительного падежа. При изучении этого явления также необходимо учитывать постепенное формирование категории переходности/непереходности у ряда глаголов, что послужило дополнительной причиной утраты некоторых беспредложных падежных значений, в частности, Винительного темпорального при непереходных глаголах, поскольку особенности валентности непереходных глаголов практически исключали их сочетаемость с Винительным падежом без предлога. В области употребления предложных форм Винительного темпорального в истории русского языка тоже можно отметить ряд исторических изменений, а именно, утрату сочетаемости Винительного временного с некоторыми предлогами.

Список источников

1. Балута А.А. Особенности палеоперевода предложно-падежных форм в индоевропейских языках (родительный падеж) // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, ГУП, 07 апреля 2023 г.). Москва: ГУП, 2023. С. 6 – 11.
2. Балута А.А., Балута А.Г. Особенности употребления конструкций двойного винительного падежа в истории индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский) // Филологический вестник. 2025. Т. 4. № 3. С. 8 – 16.
3. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958. 187 с.
4. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Пьесы / вступит. ст.: Д.А. Гранин, И.А. Бочарова; илл. Б.А. Дехтерев. Москва: Художественная литература, 1984. 700 с. [Электронный ресурс]. URL: Читать онлайн «Детство. В людях. Мои университеты», Максим Горький – Литрес (дата обращения: 23.07.2025)
5. Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, Изд. Императ. Археогр. Комиссии, СПб, 1910, 274 с. [Электронный ресурс]. URL: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 04.04.2025)
6. Лесков Н.С. Соборяне. М.: АСТ, 2010, 444 с. [Электронный ресурс]. URL: Соборяне – Лесков Николай Семенович / читать онлайн, скачать (дата обращения: 23.06.2025)
7. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: монография. М.: Издательство Московского Университета, 1956. 596 с.
8. Новгородская летопись по Синодальному списку.: СПб, 1888, 49 л. [Электронный ресурс]. URL: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 23.07.2025)
9. Остромирово Евангелие, 1056-1057. М.-Л., 1988. 294 л.
10. Патракеев М.М. Проблема типологии эргативности и аномальные конструкции в номинативных языках. СПб.: Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 194. С. 250 – 256.
11. Поучение Владимира Мономаха // Сборник произведений русской литературы. СПб., 1866. С. 123 – 130. Сборник произведений русской литературы: Пособие для преподавания истории лит. в сред. учеб. заведениях / Сост. В. Скопин и В. Кеневич. Ч. 1 – Допетровский период – Скопин Владимир Петрович – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 23.07.2025)
12. Солнцева А.В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 124 – 133.
13. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М.: АН СССР, 1953. 319 с.
14. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns)/ Webology (ISSN: 1735-188X) Volume 19, Number 1, 2022 ISSN: 1735-188X. p. 7498. [Electronic resource]. URL: 20220329114340amwebology 19 (1). 118 p. pdf.pdf (date of assest: 04.04.2025)
15. Bhatti Kavya, a Poem on the actions of Rama. Calcutta, 1828. [Electronic resource]. URL: Bhatti kavya; a poem on the actions of Rama ... With the commentaries of Jayamangala and Bharatamallika: Bhatti. n 88226706: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025)
16. Hitopadesa, The Sanskrit Text with a Grammatical Analysis. London, 1847. [Electronic resource]. URL: Hitopadesa: The Sanskrit text, with a grammatical analysis, alphabetically arranged: Francis Johnson: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025)

17. Kadigamuwe Anuruddha Thero, Rev., E.N. Baryshnikova, B.M. Volkhonsky (2020). Construction «Verb + Accusative Case Without Preposition»: Acquisition by Sinhala Students // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020.10.05.<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.330> (date of assest: 25.05.2021)
18. Kathās, Katha Sarit Sagara, Die Märchensammlung des Sri Somaveda Bhatta, herausgeg. Von Dr. Herm. Brockhaus. Leipz, 1839. [Electronic resource]. URL: Katha sarit sagara. Die märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta aus Kaschmir ... Sanskrit und deutsch; Somadeva Bhaṭṭa, active 11th century: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025)
19. Ramayana. Poema Indiana di Valmici, ed Gaspere Gorresio. Parigi, 1843. [Electronic resource]. URL: Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i : Gorresio Gaspere: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025) (дата обращения: 09.04.2025)
20. The Mahabharata, An Epic. Поэм. Calcutta, 1834. [Electronic resource]. URL: The Mahabharata an Epic Poem (Calcutta 1834), vol. 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025) (дата обращения: 09.04.2025)
21. Vetāla / Lassen Ch., Anthologia Sanscritica. Denuo adornavit J. Gildemeister. Bonnae ad Rhenum. 1865. [Electronic resource]. URL: Anthologia sanscritica; glossario instructa. In usum scholarum edidit Christianus Lassen: Lassen, Christian, 1800-1876: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assest: 14.03.2025)

References

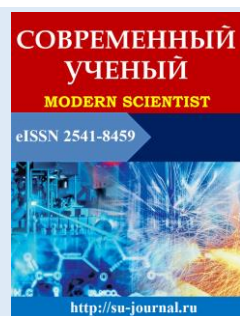
1. Baluta A.A. Features of paleotranslation of prepositional-case forms in Indo-European languages (genitive case). The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, GUP, April 7, 2023). Moscow: GUP, 2023. P. 6 – 11.
2. Baluta A.A., Baluta A.G. Features of the use of double accusative case constructions in the history of Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian). Philological Bulletin. 2025. Vol. 4. No. 3. P. 8 – 16.
3. Borkovsky V.I. Syntax of Old Russian literati. Complex sentence. Moscow, 1958. 187 p.
4. Gorky M. Childhood. Among People. My Universities. Playsю introduction by D.A. Granin, I.A. Bocharova; ill. B.A. Dekhterev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1984. 700 p. [Electronic resource]. URL: Read online "Childhood. Among People. My Universities" by Maxim Gorky – Litres (date of access: 23.07.2025)
5. Laurentian Codex. The Tale of Bygone Years According to the Laurentian Copy, Publ. Imperial Archaeological Commission, St. Petersburg, 1910, 274 p. [Electronic resource]. URL: The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List – Online Viewing System (date of access: 04.04.2025)
6. Leskov N.S. Cathedral Clergy. Moscow: AST, 2010, 444 p. [Electronic resource]. URL: Cathedral Clergy – Nikolai Semenovich Leskov. read online, download (date of access: 23.06.2025)
7. Lomtev T.P. Essays on the Historical Syntax of the Russian Language: Monograph. Moscow: Moscow University Publishing House, 1956, 596 p.
8. Novgorod Chronicle according to the Synodal List: St. Petersburg, 1888, 49 p. [Electronic resource]. URL: Novgorod Chronicle according to the Synodal Charatea List – Online Viewing System (date of access: 23.07.2025)
9. Ostromir Gospel, 1056-1057. Moscow-Leningrad, 1988. 294 p.
10. Patrakeeve M.M. The Problem of Ergativity Typology and Anomalous Constructions in Nominative Languages. St. Petersburg: Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ., 2019, No. 194. P. 250 – 256.
11. Instructions of Vladimir Monomakh. Collection of Works of Russian Literature. St. Petersburg, 1866. P. 123 – 130. Collection of Works of Russian Literature: A Handbook for Teaching the History of Literature in Secondary Educational Institutions. Comp. V. Skopin and V. Kenevich. Part 1 – The Pre-Petrine Period – Skopin, Vladimir Petrovich – Online Viewing System. (date accessed: 07.23.2025)
12. Solntseva A.V. Romance Languages: History of Formation and Problems of Classification. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 3 (22). P. 124 – 133.
13. Shapiro A.B. Essays on the Syntax of Russian Folk Dialects. Sentence Structure. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 319 p.
14. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns). Webology (ISSN: 1735-188X) Volume 19, Number 1, 2022 ISSN: 1735-188X. p. 7498. [Electronic resource]. URL: 20220329114340amwebology 19 (1). 118 p. pdf.pdf (date of access: 04.04.2025)

15. Bhatti Kavya, a Poem on the actions of Rama. Calcutta, 1828. [Electronic resource]. URL: Bhatti ka-vya; a poem on the actions of Rama... With the commentaries of Jayamangala and Bharatamallika: Bhaṭṭi. n 88226706: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assess: 03.14.2025)
16. Hitopadesa, The Sanskrit Text with a Grammatical Analysis. London, 1847. [Electronic resource]. URL: Hitopadeśa: The Sanskrit text, with a grammatical analysis, alphabetically arranged: Francis Johnson: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assess: 03.14.2025)
17. Kadigamuwe Anuruddha Thero, Rev., E.N. Baryshnikova, B.M. Volkhonsky (2020). Construction “Verb + Accusative Case Without Preposition”: Acquisition by Sinhala Students. The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2020.10.05.<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.330> (date accessed: 05.25.2021)
18. Kathās, Katha Sarit Sagara, Die Märchensammlung des Sri Somaveda Bhatta, herausgeg. Von Dr. Herm. Brockhaus. Leipz, 1839. [Electronic resource]. URL: Katha sarit sagara. Die märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta aus Kaschmir... Sanskrit und deutsch; Somadeva Bhaṭṭa, active 11th century: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assess: 03.14.2025)
19. Ramayana. Poema Indiana di Valmici, ed Gaspare Gorresio. Parigi, 1843. [Electronic resource]. URL: Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i : Gorresio Gaspare: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assess: 03.14.2025) (date of access: 04.09.2025)
20. The Mahabharata, An Epic. Poem. Calcutta, 1834. [Electronic resource]. URL: The Mahabharata an Epic Poem (Calcutta 1834), vol. 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 03.14.2025) (date of access: 04.09.2025)
21. Vetāla. Lassen Ch., Anthologia Sanscritica. Denuo adornavit J. Gildemeister. Bonnae ad Rhenum. 1865. [Electronic resource]. URL: Anthologia sanscritica; glossario instructions. In usum scholarum edidit Christianus Lassen: Lassen, Christian, 1800-1876: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of assess: 03.14.2025)

Информация об авторе

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

© Балута А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811

Изучение фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности, характеризующих понятие «Искусство» в английском и турецком языках

¹ Каюмова Д.Ф., ¹ Садыкова А.Г., ¹ Демираг Д.Н., ¹ Алеева Г.Х., ¹ Воронина Д.И.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию эпистемической модальности на примере фразеологических единиц, характеризующих понятие «Искусство» двух разнотипных языков – английского и турецкого. Проблема исследования модальности продолжает оставаться предметом активных дискуссий, и исследования по ее выражению в различных языках остаются значимыми. Основными методами исследования эпистемической модальности в фразеологических единицах являются статистический метод, метод сравнительного анализа и метод описания. В данной работе представлен теоретический материал, посвященный основам изучения модальности, с акцентом на эпистемическую модальность. Рассматриваются различные точки зрения исследователей относительно определения представленного компонента модальности. Новизна исследования заключается в анализе фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности, характеризующих понятие «Искусство». Полученные результаты позволяют заключить, что понимание эпистемической модальности схоже в языках с различной структурой, что может свидетельствовать о совпадении семантических характеристик в анализируемых языках. Представленные в статье выводы представляют интерес для исследователей, изучающих фразеологические единицы, а также компонент эпистемической модальности в английском и турецком языках.

Ключевые слова: языкознание, фразеологические единицы, модальность, компонент модальности, эпистемическая модальность

Для цитирования: Каюмова Д.Ф., Садыкова А.Г., Демираг Д.Н., Алеева Г.Х., Воронина Д.И. Изучение фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности, характеризующих понятие «Искусство» в английском и турецком языках // Современный ученый. 2026. № 4. С. 48 – 52.

Поступила в редакцию: 19 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The study of phraseological units with a component of epistemic modality characterizing the concept of "Art" in the English and Turkish languages

¹ Kayumova D.F., ¹ Sadykova A.G., ¹ Demirag D.N., ¹ Aleeva G.Kh., ¹ Voronina D.I.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the study of epistemic modality using the example of phraseological units characterizing the concept of "Art" in two different structured languages – English and Turkish. The problem of modality research continues to be the subject of active discussions, and research on its expression in various languages re-

mains significant. The main methods of studying epistemic modality in phraseological units are the statistical method, the method of comparative analysis and the method of description. This paper presents theoretical material on the fundamentals of the study of modality, with an emphasis on epistemic modality. Various points of view of researchers regarding the definition of the presented component of modality are considered. The novelty of the research lies in the analysis of phraseological units with a component of the epistemic modality, considering the concept of "Art". The results obtained allow us to conclude that the understanding of epistemic modality is similar in languages with different structures, which may indicate a coincidence of semantic characteristics in the analyzed languages. The conclusions presented in the article are of interest to researchers studying phraseological units, as well as the component of epistemic modality in English and Turkish.

Keywords: linguistics; phraseological units; modality; modality component; epistemic modality

For citation: Kayumova D.F., Sadykova A.G., Demirag D.N., Aleeva G.Kh., Voronina D.I. The study of phraseological units with a component of epistemic modality characterizing the concept of "Art" in the English and Turkish languages. Modern Scientist. 2026. 4. P. 48 – 52.

The article was submitted: October 19, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Категория модальности является одной из основных концепций современного языкознания, отличающаяся своей сложностью и множеством интерпретаций. В рамках наиболее распространенной концепции категории модальности, ее функция заключается в репрезентации субъективного отношения говорящего к действительности, отраженное в высказывании. Тем не менее, эмпирическое применение данного определения различными исследователями выявляет, что содержание инвариантного значения модальности, характеризуется чрезмерной широтой и, как следствие, подвержено множественности интерпретаций. Модальность – многогранное лингвистическое понятие, что обусловлено, в первую очередь, её неоднородной природой. Она не относится к классическим грамматическим категориям.

Мы придерживаемся мнения, выдвинутого В.В. Виноградовым о том, что «любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [2, с. 54].

В представленной статье рассматривается связь эпистемической модальности с фразеологическими единицами (ФЕ) английского и турецкого языков. Интерес филологов к представленным языковым единицам объясняется их культурной значимостью: они не только несут в себе глубокий смысл, но и лаконично передают мировоззрение носителя языка. Благодаря этому, ФЕ неизменно остаются в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследовательских работ. В.И. Даль считает, что «поговорки и пословицы только в пору первобытной простоты речи и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти» [3, с. 8].

ФЕ с компонентом эпистемической модальности, отражающие понятие «Искусство» в английском и турецком языках, представляют собой один из малоизученных аспектов во фразеологии. Изучение данных единиц, а также категории модальности и средств ее выражения на примере двух разноструктурных языков анализируется рядом исследователей – Д. Аксан (1998), Ш. Балли (2001), В.В. Виноградов (1975), В.И. Даль (1984), А.В. Кунин (1970), Дж.Л. Байби (1995), Ф.Р. Палмер (2013), Л.С. Узун (1991), Ф. де Хан (1997) и другие.

Данное сопоставительное изучение открывает новые перспективы для дальнейших научных исследований, поскольку изучаемые объекты отображают личность говорящего, его мысли и эмоции и могут быть интерпретированы через использование ФЕ, придающих высказыванию различные оттенки, такие как уверенность, неуверенность, предположение, достоверность, вероятность и т.д. Исследование открывает возможности для обогащения преподавания языкознания, лингвокультурологии, фразеологии, паремиологии, а также для развития исследований в сопоставительной типологии, морфологии и других лингвистических областях.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании сопоставляются ФЕ с компонентом эпистемической модальности, характеризующих понятие «Искусство» двух разноструктурных языков – английского и турецкого. Для достижения поставленной цели были предприняты следующие задачи: 1) кратко обобщить основные теоретические ра-

боты, посвященные категории модальности и эпистемической модальности; 2) выделить средства выражения эпистемической модальности в английском и турецком языках; 3) рассмотреть теоретические аспекты фразеологических единиц в сопоставляемых языках; 4) проанализировать ФЕ с компонентом эпистемической модальности, отражающие понятие «Искусство» двух разноструктурных языках. В исследовании применяются такие методы, как метод сплошной выборки фразеологических единиц, обобщения, а также методы наблюдения, сравнительного и количественного анализа данных.

Результаты и обсуждения

В современной лингвистической парадигме выделяют два типа модальных значений: объективный и субъективный. Известный лингвист В.З. Панфилов в своем исследовании, посвященном категории модальности и ее роли в конструировании структуры предложения и суждения, акцентирует внимание на том, что «бесспорно модальными являются два типа значений: объективная (онтологическая) и субъективная (персуазивная) модальности. Первая из них отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познания этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности» [5, с. 39].

Таким образом, одним из центральных вопросов в изучении модальности является разграничение объективных отношений к действительности и субъективных оценок говорящего. Именно в рамках последних и формируется эпистемическая модальность, так как она непосредственно связана с оценкой говорящим степени достоверности и обоснованности своего знания о сообщаемом факте. Исследователь Палмер (2013) считает, что эпистемическая модальность, как правило, связана с умозаключением говорящего, а не ограничивается лишь "объективной" возможностью проверки информации на основе имеющихся знаний. Однако, сложность заключается в многообразии значений представленной модальной категории, что затрудняет создание универсального определения.

Под эпистемической модальностью в лингвистике нами понимается подтип субъективной модальности, который служит для выражения отношения говорящего к истинности или вероятности определенной ситуации. Другими словами, посредством эпистемической модальности говорящий выражает свою оценку вероятности, возможности, истинности конкретного высказывания.

В контексте эпистемической модальности, исследователь F. de Haan подчеркивает, что «*Epistemic modality deals with the degree of trust the speaker has in the truth of his or her speech utterance*» [8, с. 47] – эпистемическая модальность имеет дело со степенью доверия говорящего к истинности своего речевого высказывания (здесь и далее перевод наш – К.Д., С.А., Д.Д., А.Г., В.Д.).

В тюркских языках эпистемическая модальность выражается через широкий спектр понятий, таких как предположение, вероятность, достоверность, уверенность, неуверенность истинности утверждения или описываемой ситуации.

В рамках данной статьи проводится анализ взаимосвязи между эпистемической модальностью и ее выражения во фразеологических единицах. Филологический интерес к данным единицам объясняется их статусом как элементов культуры, обладающих значительной смысловой глубиной. Кроме того, они служат кратким выражением мировосприятия говорящего, что обеспечивает им пристальное внимание со стороны исследователей как в отечественной, так и в зарубежной науке. В своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке», В.В. Виноградов отмечает, что «все шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения» [2, с. 83].

В турецкой лингвистике фразеология как самостоятельная научная дисциплина сформировалась относительно недавно, в последние десятилетия, во многом благодаря исследованиям Д. Аксана [6] и Л.С. Узун [11]. Анализ фразеологических единиц в рамках этой дисциплины включает в себя общее описание природы фразеологизма, его позиционирование в языковой системе и рассмотрение его стилистических характеристик.

В рамках данного исследования рассматривается фразеология в широком понимании, изучающая фразеологизмы, пословицы, поговорки, идиомы или идиоматические выражения, входящие в состав исследуемых фразеологических единиц. К основным признакам представленных единиц относятся их способность передавать обобщенные знания, дидактическая направленность, лаконичность и образность.

В 1985 известный паремиолог Мидер выделяет следующее описание паремиологическим единицам, входящих в состав фразеологических единиц, «*a short, generally known sentence of the folk which contains wisdom, truth, morals, and traditional views in a metaphorical, fixed and memorizable form and which is handed*

down from generation to generation» [9, с. 3] – это короткая, общеизвестная народная фраза, которая содержит мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме и которая передается из поколения в поколение.

Выделяются следующие средства выражения эпистемической модальности в ФЕ в английском языке: модальные глаголы – *must, should, can, could, may, might*; модальные наречия – *perhaps, maybe, probably, possibly* и т.д.; модальные прилагательные – *conceivable, probable* и т.д.; сослагательное наклонение, которое может быть использовано для выражения предположения или гипотезы.

В турецком языкознании можно выделить следующие средства выражения, характерные для ФЕ с компонентом эпистемической модальности: аффиксы – *abil; -meli / – mali; – dir* и др.; модальные наречия – *galiba, herhalde, kesinlikle, elbette, belki* (вероятно, наверное, определено, обязательно, возможно) и т.д.; глаголы и вспомогательные глаголы – *olabilir, gerek* (возможно, нужно) и т.д.

Рассмотрим следующие примеры фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности, в английском языке: *Art can console us* – искусство может утешить нас; в представленной ФЕ компонент эпистемической модальности выражен модальным глаголом *can*, передающего значение способности и возможности воздействия искусства на человека. *The tongue can paint what the eye can't see* – язык может нарисовать то, что глаз не может увидеть; в представленной пословице компонент эпистемической модальности выражен двумя противопоставленными модальными глаголами *can* и *can't*, которые выражают способность слова создать мысленный образ и воображение. *Art can speak to the soul* – искусство может говорить с душой; в представленной паремии эпистемическая модальность выражена модальным глаголом *can*, передающего значение способности и потенциальной возможности.

В турецком языке: *Sanat için sabır gerekir; belki de en güzel eser sessizce doğar* – искусству нужно терпение; возможно, самое прекрасное произведение рождается в тишине; в представленной ФЕ компонент эпистемической модальности выражен модальным наречием *belki de*, означающим значение возможности; *bir tablonun değeri izleyen gözünde saklanmalıdır* – ценность картины скрыта в глазах зрителя; в данном примере эпистемическая модальность выражена оттенком предположения. *Sanat, hayatın aynası olmalıdır* – искусство, должно быть, зеркало жизни; эпистемическая модальность выражает значение нормы, ожидания или общепринятого мнения о том, какой должна быть истинная функция искусства; *sabır acıdır, meyvesi tatlıdır* – терпение горько, но плоды сладки; эпистемическая модальность выражена оттенком уверенности. *Büyük sanat, yaşama sanatı olmalıdır* – величайшее искусство – это искусство жить; в данной пословице модальность выражена оттенком вероятности.

Выводы

Таким образом, эпистемическая модальность является предметом особого научного интереса. Данная категория модальности привлекает внимание в рамках изучения фразеологических единиц, которые представляет собой известные общеупотребительные лаконичные высказывания с эмоциональной, стилистической окраской, придающие высказыванию определенную характеристику и значение.

Английский и турецкий языки обладают обширной системой конструкций с модальной семантикой. Выявленные и описанные модальные средства служат основными грамматическими, морфологическими и лексическими инструментами для выражения фразеологических единиц с компонентом эпистемической модальности в исследуемых языках. Фразеологические единицы с компонентом модальности, характеризующих понятие «Искусство» в английском и турецком языках представляют собой важный аспект, поскольку они способствуют формированию правильного образа жизни и углубляют понимание человеческой природы.

Перспективой дальнейшего исследования является углубленное изучение категории эпистемической модальности в ФЕ, а также их структурные, семантические и стилистические особенности в английском, турецком, русском и других языках.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2001. 416 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53 – 87.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
4. Кунин А.В. Английская фразеология: (теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. 343 с.
5. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // В: Вопросы языкознания. Москва, 1977. № 4. С. 37 – 48.

6. Aksan D. Her yönüyle dil (ana «jizgileriyle dilbilim) 1.eilt. Ankara: Türk dili kurumu yayınlan: 439, 1998. 439 p.
7. Bybee J.L., Fleischman S. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Philadelphia, 1995. 575 p.
8. Haan F. Khmer and the theory of modality. DOI: <https://doi.org/10.15144/PL-A90.47> // Papers in Southeast Asian linguistics. №16. 1997. P. 47 – 66.
9. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Greenwood folklore handbooks, 2004. 321 p.
10. Palmer F.R. Modality and the English Modals. London; New York: Longman, 2013. 256 p.
11. Uzun L.S. Deyimleşme ve Turkcede Deyimleşme Dereceleri // Dilbilim Araştırmaları, 1991. P. 34 – 36.

References

1. Bally Sh. General Linguistics and Issues of the French Language. 2nd ed., reprinted. Moscow: URSS, 2001. 416 p.
2. Vinogradov V.V. On the Category of Modality and Modal Words in Russian. Selected Works. Studies in Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1975. P. 53 – 87.
3. Dahl V.I. Proverbs of the Russian People: a collection in 2 volumes. Moscow: Art Literature, 1984. Vol. 1. 383 p.; Vol. 2. 399 p.
4. Kunin A.V. English Phraseology: (Theoretical Course). Moscow: Vysshaya Shkola, 1970. 343 p.
5. Panfilov V.Z. The Category of Modality and Its Role in Constituting the Structure of Sentences and Judgments. In: Voprosy yazykoznaviya. Moscow, 1977. No. 4. P. 37 – 48.
6. Aksan D. Her yönüyle dil (ana «jizgileriyle dilbilim) 1.eilt. Ankara: Türk dili kurumu yayınlan: 439, 1998. 439 p.
7. Bybee J.L., Fleischman S. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Philadelphia, 1995. 575 p.
8. Haan F. Khmer and the Theory of Modality. DOI: <https://doi.org/10.15144/PL-A90.47>. Papers in Southeast Asian Linguistics. No. 16. 1997. P. 47 – 66.
9. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Greenwood folklore handbooks, 2004. 321 p.
10. Palmer F.R. Modality and the English Modals. London; New York: Longman, 2013. 256 p.
11. Uzun L.S. Deyimleşme ve Turkcede Deyimleşme Dereceleri. Dilbilim Araştırmaları, 1991. P. 34 – 36.

Информация об авторах

Каюмова Д.Ф., доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, missdiana7@mail.ru

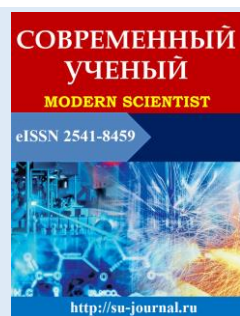
Садыкова А.Г., доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Демираг Д.Н., доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Алеева Г.Х., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Воронина Д.И., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

© Каюмова Д.Ф., Садыкова А.Г., Демираг Д.Н., Алеева Г.Х., Воронина Д.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1

Деривационные модели аргументативной лексики в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» с позиции китайской лингвокультуры

¹ Гун Пин

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: в статье анализируются деривационные модели аргументативной лексики в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» и определяется их функциональная роль в организации художественного дискурса. Цель исследования заключается в выявлении словообразовательных механизмов, обеспечивающих экспликацию аргументативных значений в тексте, а также в уточнении их типологических особенностей на материале, связанном с китайской лингвокультурой. В ходе исследования систематизируются деривационные средства выражения оценочных, причинно-следственных и модальных значений и анализируются их функции в построении аргументативной структуры художественного повествования. Особое внимание уделяется аффиксации и архаизированным словообразовательным моделям, характерным для идиостиля автора и обуславливающим специфику аргументативной экспликации в русском художественном дискурсе. Установлено, что в русском языке аргументативные значения в значительной степени реализуются на деривационном уровне, тогда как в китайской лингвокультуре аналогичные смыслы преимущественно передаются аналитическими и контекстуально-дискурсивными средствами. Научная новизна исследования заключается в системном описании деривационных моделей как самостоятельного механизма аргументации в художественном тексте и в уточнении типологических различий в языковом оформлении аргументативных значений в русском и китайском языках. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в лингвистическом анализе художественного дискурса, переводе и исследованиях межкультурной коммуникации. Показано, что в романе доминируют аффиксальные деривационные модели оценочной и модальной аргументации (-ен-, -ан-, -им-, префиксальные образования), функционирующие как средства имплицитного обоснования аксиологических позиций нарратора.

Ключевые слова: аргументативная лексика, деривационные модели, художественный дискурс, словообразование, аргументация, китайская лингвокультура, компаративный анализ

Для цитирования: Гун Пин Деривационные модели аргументативной лексики в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» с позиции китайской лингвокультуры // Современный ученый. 2026. № 4. С. 53 – 58.

Поступила в редакцию: 18 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Derivational models of argumentative vocabulary in E.G. Vodolazkin's novel *Laurus* from the perspective of Chinese linguistic culture

¹ Gong Ping

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: this article analyzes the derivational models of argumentative vocabulary in E.G. Vodolazkin's novel *Laurus* and determines their functional role in organizing the artistic discourse. The main objective of the research is to identify the word-formation mechanisms that ensure the explication of argumentative meanings in the text, as well as to refine their typological features based on material related to Chinese linguistic culture.

During the study, derivational means of expressing evaluative, causal-consequential, and modal meanings are systematized, and their functions in constructing the argumentative structure of the artistic narrative are analyzed. Special attention is paid to affixation and archaized word-formation models characteristic of the author's idiolect, which determine the specificity of argumentative explication in Russian artistic discourse. It is established that in the Russian language, argumentative meanings are largely realized at the derivational level, whereas in Chinese linguistic culture, analogous meanings are predominantly conveyed through analytical and contextual-discursive means.

The scientific novelty of the research lies in the systematic description of derivational models as an independent mechanism of argumentation in artistic text and in the refinement of typological differences in the linguistic presentation of argumentative meanings in Russian and Chinese languages. The practical significance of the work is determined by the possibility of using the results obtained in the linguistic analysis of artistic discourse, translation studies, and cross-cultural communication research. It is demonstrated that affixal derivational models of evaluative and modal argumentation (e.g., suffixes -en-, -an-, -im-, and prefixed formations) dominate in the novel, functioning as means of implicitly substantiating the narrator's axiological positions.

Keywords: argumentative vocabulary, derivational models, artistic discourse, word formation, argumentation, Chinese linguistic culture, comparative analysis

For citation: Gong Ping Derivational models of argumentative vocabulary in E.G. Vodolazkin's novel *Laurus* from the perspective of Chinese linguistic culture. Modern Scientist. 2026. 4. P. 53 – 58.

The article was submitted: October 18, 2025; Approved after reviewing: December 15, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Аргументация как языковое явление занимает значимое место в современной лингвистике, поскольку изучение способов вербализации оценки, причинно-следственных отношений и модальности позволяет выявлять механизмы формирования смысла в различных типах дискурса [8, 9]. Художественный текст представляет особый интерес, так как аргументация в нём реализуется не только через логико-синтаксические конструкции, но и посредством лексико-семантических и словообразовательных средств, формирующих смысловую и аксиологическую структуру высказывания [7]. Аргументативный эффект возникает из взаимодействия когнитивных, эмоциональных и оценочных компонентов, создавая особый ритм текста, в котором идея переживается, а не доказывается [4, 5].

Роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» является репрезентативным материалом для анализа аргументативной лексики за счёт активного использования архаизированных и религиозно маркированных единиц, восходящих к древнерусской и церковнославянской традиции. В тексте оценочные, причинно-следственные и модальные значения часто эксплицируются на деривационном уровне, что усиливает аргументативную выразительность [3].

Настоящее исследование направлено на выявление деривационных моделей аргументативной лексики и их функциональной роли в организации художественного дискурса [1, 2]. Основными методами являются лексико-семантический и компонентный анализ, позволяющие определить типологические различия в экспликации аргументативных значений в русском и китайском языках [6].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил полный текст романа Е.Г. Водолазкина «Лавр», объём которого составляет более 120000 словоупотреблений, рассматриваемый в аспекте функционирования аргументативной лексики и деривационных моделей, участвующих в экспликации оценочных, причинно-следственных и модальных значений.

К аргументативной лексике в работе относятся производные единицы, эксплицирующие оценку, причинную обусловленность и нормативную модальность и участвующие в обосновании высказываемых положений в структуре художественного дискурса. Отбор языкового материала осуществлялся на основе функционально-семантического критерия с учётом контекста употребления и дискурсивной роли лексем. Анализ охватывает производные единицы различных частей речи, репрезентирующие аргументативные значения в структуре художественного дискурса.

Методологическую основу исследования составляют лексико-семантический и компонентный анализ, а также элементы функционально-дискурсивного и интерпретационного подходов. В рамках данного исследования используются типологический и культурно-лингвистический методы анализа, направленные на выявление различий в способах вербализации аргументации в русском и китайском языках. Анализ проводится с учётом историко-культурного контекста, жанровой специфики произведения и идиостилевых особенностей автора.

Результаты и обсуждения

Анализ деривационных моделей аргументативной лексики проводится по трём функциональным направлениям: оценочному, причинно-следственному и модальному. В тексте романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» аргументативная организация дискурса в значительной степени обеспечивается оценочной лексикой, формируемой посредством деривационных процессов, прежде всего аффиксации. Прилагательные типа «дивен», «чуден», «грешен» характеризуются высокой степенью семантической концентрированности, обусловленной их словообразовательной структурой и функционированием в архаизированном повествовательном контексте. Указанные лексемы служат средствами выражения оценочного отношения нарратора к описываемым событиям и персонажам и тем самым включаются в систему аргументативных средств художественного текста.

Производные прилагательные, образованные по моделям, восходящим к древнерусской и церковнославянской языковой традиции, усиливают смысловую выразительность высказывания, маркируя положительную или отрицательную оценку посредством морфологических показателей. Так, лексема «дивен» в контексте описания врачебных способностей главного героя («...ибо то, что он совершал, выходило за пределы врачебных возможностей и было дивно в очах людей») функционирует как аргумент, подтверждающий его исключительность и особый статус. Прилагательное «чуден» в высказывании «И был он чуден в своём безмолвии, ибо слово его было редко, но весомо» формирует оценочный аргумент, апеллирующий к представлениям о духовной мере, внутренней сосредоточенности и аскетической мудрости, значимых для традиционной религиозной картины мира.

Особое место занимает прилагательное «грешен», используемое в автодескриптивной формуле («Се аз, Феодосий грешный, преписах книгу сию...»). Его деривационная форма функционирует как маркер ритуализованной самооценки, характерной для средневековой книжной традиции. Аргументативный потенциал данной лексемы заключается не в индивидуальной характеристике субъекта, а в воспроизведении устойчивой модели смирения, имеющей религиозно-философское основание.

Аналогичную функцию выполняют деривационные процессы в системе имён существительных («чудо», «покаяние»), которые формируют устойчивые носители оценочных и сакральных значений. Данные лексемы функционируют как аргументы, апеллирующие к трансцендентному опыту и духовным ценностям, что позволяет рассматривать словообразование в романе как один из ключевых механизмов аргументации. Морфологическая эксплицированность оценки отражает особенности русской языковой картины мира, ориентированной на словообразовательную маркированность аксиологических значений, что является существенным при интерпретации текста в иной культурно-языковой среде.

Функционально значимое место в аргументативной структуре романа занимают лексемы, эксплицирующие причинно-следственные отношения, прежде всего «ибо», «посему», «оттого». Эти единицы функционируют как логико-аргументативные связки, обеспечивающие формирование причинно-следственных цепочек и внутреннюю связность повествовательного дискурса. Их употребление способствует переходу от описания к рассуждению и обоснованию высказываемых положений.

С точки зрения деривационной структуры данные лексемы представляют собой результат исторически сложившихся словообразовательных моделей, в рамках которых приставочные и суффиксальные элементы

участвуют в формировании семантики обусловленности и логического вывода. Так, союз «ибо» в контексте рассуждения об этимологии слова «врач» («...ибо такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово») вводит причинное обоснование и усиливает аргументативный характер высказывания. Лексема «посему», обладающая книжно-архаической стилистической окраской, маркирует логический вывод из предшествующего сообщения («Посему так свойственно животным – удалиться в час смерти»), оформляя завершённую аргументативную конструкцию с выраженной дедуктивной связью. Наречие «оттого» («Оттого, что она долго шла, лицо её побелело от усталости») реализует аргументативную функцию на уровне повествовательного описания, обеспечивая логическую мотивированность состояния персонажа.

Не менее значимыми являются модальные аргументы, выраженные лексемами «должно», «должен», «должна», «надлежало», «можно». Эти единицы репрезентируют семантику необходимости, обязательности и возможности и тем самым задают нормативно-оценочные рамки интерпретации происходящего. Их функционирование связано с деривацией от глагольных основ и использованием модальных форм, что усиливает субъективно-авторскую позицию и направляет интерпретацию читателя.

Так, форма «надлежало» в контексте описания признаков смертельной болезни («Если пот был густым и издавал тяжёлый запах, надлежало готовиться к смерти») оформляет аргумент в виде нормативного предписания, основанного на традиционном медицинском знании. Модальная форма «должна» в обращении Арсения к умершей Устине («Теперь ты должна быть в руках ангелов») актуализирует религиозно-нормативное значение и функционирует как средство вербализации ценностной оценки. Аналогичную функцию выполняет форма «должен» в высказывании «Я должен сохранить твоё тело», где модальность выражает нравственное обязательство героя и трансформирует индивидуальное решение в аргумент, обосновывающий последующие действия. Лексема «можно» в вопросе «Можно ли принимать роды по написанному?» репрезентирует модальность сомнения и обозначает границу допустимого знания, противопоставляя книжное предписание практическому опыту.

Аргументативная структура романа в целом формируется в русле православной картины мира, в рамках которой центральное место занимают морально-этические категории греха, покаяния, суда и милосердия. Эти концепты выступают основаниями аргументации и определяют логику рассуждений персонажей. Так, в высказывании «Всякий грех, совершённый во сне, должен быть исповедан, ибо и во сне душа наша не свободна от выбора» причинно-следственная аргументация опирается на представление о постоянной ответственности человека за состояние своей души. Союз «ибо» вводит богословское обоснование морального предписания. В поучении «Не осуди брата своего... ибо суд принадлежит лишь Господу» аргумент строится на апелляции к высшему суду, что исключает альтернативную нравственную интерпретацию.

В рассуждениях о грехе и воздаянии («Грех твой, как камень на шее, потянет тебя на дно...») используется образная аргументация, в которой метафора усиливает убеждающий эффект и оформляет причинно-следственную связь между нравственным поступком и его последствиями. В наставлениях о покаянии и спасении («...ибо без покаяния нет спасения») аргументация реализуется по модели категорического условия, представляя духовное действие как необходимое основание очищения души.

Анализ полученных результатов с данными китайской лингвокультуры позволяет выявить типологически значимые различия в способах языкового оформления аргументации. В русском художественном дискурсе, что наглядно демонстрирует материал романа Е.Г. Водолазкина «Лавр», аргументативные значения в значительной степени эксплицируются на деривационном уровне за счёт аффиксации и морфологически маркированных оценочных, модальных и причинно-следственных единиц. В китайском языке аналогичные аргументативные смыслы, как правило, не закрепляются за словообразовательной формой, а реализуются преимущественно посредством аналитических средств – служебных слов, модальных маркеров, порядка слов и контекстуально-дискурсивных исследований. Отсутствие развитой словоизменительной и словообразовательной морфологии в китайском языке обуславливает иную модель аргументативной организации высказывания, в которой аргументативная функция распределяется между синтаксическим уровнем и прагматическим контекстом. Указанные различия имеют принципиальное значение для интерпретации и перевода художественного текста, поскольку требуют компенсации морфологически выраженной аргументации русского оригинала средствами аналитического характера в китайском языке.

Выводы

Полученные результаты обладают практической значимостью для перевода аргументативной лексики романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» на китайский язык, поскольку учёт культурно-языковых различий

обеспечивает адекватную передачу смыслов и сохранение функциональной нагрузки аргументации в межкультурной коммуникации.

В ходе исследования установлено, что аргументативная лексика романа формируется преимущественно посредством деривационных процессов, прежде всего аффиксации, а также словосложения и конверсии. Производные прилагательные, существительные, модальные и причинно-следственные единицы участвуют в аргументативной организации художественного дискурса, обеспечивая экспликацию оценочных, нормативных и логических связей. Архаические и религиозно маркированные деривационные модели усиливают аргументативный потенциал текста за счёт морфологической выраженности аксиологических значений.

Анализ с позиций китайской лингвокультуры выявил типологические различия в способах языкового выражения аргументации: в русском языке соответствующие значения нередко оформляются на словообразовательном уровне, тогда как в китайском языке они реализуются преимущественно посредством аналитических конструкций и контекстуальных средств. Научная значимость исследования состоит в уточнении роли деривационных моделей в аргументативной организации художественного текста, практическая – в возможности применения полученных результатов в переводоведении и исследованиях межкультурной коммуникации. Впервые в лингвистическом анализе художественного текста деривационные модели рассматриваются как самостоятельный механизм аргументации, обеспечивающий экспликацию оценочных, модальных и причинно-следственных значений в структуре художественного дискурса.

В ходе исследования установлено, что аргументативная лексика романа формируется преимущественно посредством деривационных процессов, прежде всего аффиксации, а также словосложения и конверсии. Производные прилагательные, существительные, модальные и причинно-следственные единицы участвуют в аргументативной организации художественного дискурса, обеспечивая экспликацию оценочных, нормативных и логических связей. Архаические и религиозно маркированные деривационные модели усиливают аргументативный потенциал текста за счёт морфологической выраженности аксиологических значений.

Анализ с позиций китайской лингвокультуры выявил типологические различия в способах языкового выражения аргументации: в русском языке соответствующие значения нередко оформляются на словообразовательном уровне, тогда как в китайском языке они реализуются преимущественно посредством аналитических конструкций и контекстуальных средств. Научная значимость исследования состоит в уточнении роли деривационных моделей в аргументативной организации художественного текста, практическая – в возможности применения полученных результатов в переводоведении и исследованиях межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Издательство Московского университета, 2023. 256 с.
2. Андреева С.В. Изучение формирования словообразовательной системы в русском языкознании // Вестник БГУ. 2012. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-formirovaniya-slovoobrazovatelnoy-sistemy-v-russkom-yazykoznanii> (дата обращения: 10.10.2025)
3. Иванова Л.Г., Мазничка О.В. Метафорическое мышление в религиозном дискурсе // Психолингвистика и когнитивные исследования. 2022. № 4. С. 68 – 82.
4. Лаппо С.В., Пожгаи Т.М. Время и вечность в нарративе Е.Г. Водолазкина // Russian Studies Review. 2022. № 3. С. 98 – 114.
5. Лебедева Н.С. «Аргумент» как термин и общеупотребительное слово // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4. С. 85 – 87.
6. Маркин В.И., Брюшинкин В.Н., Грифцова И.Н., Пушкарский А.Г. Модели рассуждений // Аргументация, коммуникация, общество. Калининград: РАЦИО.RU, 2022. С. 39 – 45.
7. Сулейбанова М.У. Единицы суперординарного уровня в системе русского словообразования // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 218 – 221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinitysy-superordinarnogo-urovnya-v-sisteme-russkogo-slovoobrazovaniya> (дата обращения: 10.10.2025)
8. Ткаченко Н.А. Русский этимологический словарь (опыт словаря). М.: Горизонт, 2023. 84 с.

9. Ту Цзин-и Исследование по китайскому языку: некоторые литературные соображения // Monumenta Serica. 2024. Т. 31. № 1. С. 393 – 406.

10. 朱月华, 杜华瑞, 王秋红. 科学论证方法在中学化学基本概念教学中的实践 // 新课程导学. 2024. № 2. 页 73–76.

References

1. Alekseev A.P. Argumentation. Cognition. Communication. Moscow: Moscow University Publishing House, 2023. 256 p.

2. Andreeva S.V. Studying the Formation of the Word-Formation System in Russian Linguistics. Bulletin of BSU. 2012. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-formirovaniya-slovoobrazovatelnoy-sistemy-v-russkom-yazykoznanii> (date of access: 10.10.2025)

3. Ivanova L.G., Maznichka O.V. Metaphorical Thinking in Religious Discourse. Psycholinguistics and Cognitive Research. 2022. No. 4. P. 68 – 82.

4. Lappo S.V., Pozhgai T.M. Time and Eternity in the Narrative of E.G. Vodolazkin. Russian Studies Review. 2022. No. 3. P. 98 – 114.

5. Lebedeva N.S. "Argument" as a Term and Common Word. Bulletin of Cherepovets State University. 2023. No. 4. P. 85 – 87.

6. Markin V.I., Bryushinkin V.N., Gritsova I.N., Pushkarsky A.G. Models of Reasoning. Argumentation, Communication, Society. Kaliningrad: RATsIO.RU, 2022. P. 39 – 45.

7. Suleibanova M.U. Superordinary Level Units in the System of Russian Word Formation. Humanitarian and Social Sciences. 2016. No. 6. P. 218 – 221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinitiy-superordinarnogo-urovnya-v-sisteme-russkogo-slovoobrazovaniya> (date of access: 10.10.2025)

8. Tkachenko N.A. Russian Etymological Dictionary (Dictionary Experience). Moscow: Gorizont, 2023. 84 p.

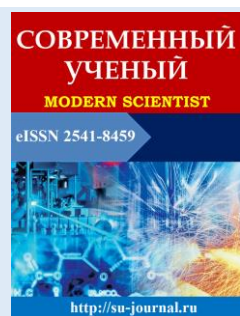
9. Tu Jing-yi Research on the Chinese Language: Some Literary Considerations. Monumenta Serica. 2024. Vol. 31. No. 1. P. 393 – 406.

10. The Chinese Etymological Dictionary, The Chinese Etymological Dictionary, The Chinese Etymological Dictionary. 科学论证方法在中学化学基本概念教学中的实践. 新课程导学. 2024. No. 2. 页 73–76.

Информация об авторе

Гун Пин, аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-6062-5575>, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1724927431@qq.com

© Гун Пин, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37.016:027.7

Влияние доступности библиотечных ресурсов на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук

¹ Дун Синь

¹ Цзилиньский педагогический университет, Китай

Аннотация: в условиях цифровизации образования и роста объёмов научной информации доступность библиотечных ресурсов приобретает ключевое значение для обеспечения качества подготовки кадров в области гуманитарных наук. Целью настоящего исследования является анализ влияния уровня доступности традиционных и электронных библиотечных ресурсов на образовательные результаты обучающихся гуманитарных направлений подготовки в высших учебных заведениях. В работе рассматриваются основные формы библиотечно-информационного обеспечения образовательного процесса, включая печатные фонды, электронные библиотеки, полнотекстовые базы данных и открытые образовательные ресурсы.

В качестве методов исследования использованы анализ научных публикаций и нормативных документов, сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта организации библиотечного обслуживания в вузах, а также обобщение педагогической практики использования библиотечных ресурсов в учебной и научно-исследовательской деятельности студентов. В результате исследования выявлено, что высокий уровень доступности библиотечных ресурсов способствует формированию информационной культуры обучающихся, развитию навыков самостоятельной работы с источниками, а также повышению качества усвоения учебного материала и исследовательской подготовки студентов гуманитарных специальностей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при совершенствовании библиотечно-информационной среды вузов, разработке учебно-методических материалов и формировании стратегий интеграции библиотечных ресурсов в образовательный процесс высшей школы.

Ключевые слова: библиотечные ресурсы, доступность информации, высшее образование, гуманитарные науки, подготовка кадров, информационная культура, электронные библиотеки

Для цитирования: Дун Синь Влияние доступности библиотечных ресурсов на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук // Современный ученый. 2026. № 4. С. 59 – 64.

Поступила в редакцию: 18 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The impact of the accessibility of library resources on the quality of training of personnel in the field of humanities

¹ Dong Xin

¹ Jilin Normal University, China

Abstract: in the context of the digital transformation of higher education and the rapid growth of scientific information, the accessibility of library resources plays a crucial role in ensuring the quality of training of personnel in the field of humanities. The purpose of this study is to analyze the impact of the availability of traditional and electronic library resources on educational outcomes of students enrolled in humanities programs at higher education institutions. The article examines the main forms of library and information support of the educational process, including printed collections, electronic libraries, full-text databases, and open educational resources.

The research methodology is based on the analysis of scientific publications and regulatory documents, a comparative analysis of domestic and international experience in organizing library services in universities, as well as the generalization of pedagogical practice related to the use of library resources in educational and research activities of students. The results of the study indicate that a high level of accessibility of library resources contributes to the development of students' information culture, enhances their skills of independent work with academic sources, and improves the quality of learning outcomes and research training in humanities disciplines.

The practical significance of the study lies in the possibility of using the obtained results to improve the library and information environment of universities, develop educational and methodological materials, and design strategies for integrating library resources into the higher education learning process.

Keywords: library resources, information accessibility, higher education, humanities, personnel training, information culture, electronic libraries

For citation: Dong Xin The impact of the accessibility of library resources on the quality of training of personnel in the field of humanities. Modern Scientist. 2026. 4. P. 59 – 64.

The article was submitted: October 18, 2025; Approved after reviewing: December 15, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современных условиях развития высшего образования особую актуальность приобретает проблема обеспечения качества подготовки кадров, в том числе в области гуманитарных наук. Усиление роли информации, рост объёмов научных и учебных данных, а также активная цифровизация образовательной среды требуют пересмотра подходов к организации библиотечно-информационного обеспечения образовательного процесса в вузах [1]. Библиотечные ресурсы перестают выполнять исключительно вспомогательную функцию и становятся важным элементом формирования профессиональных компетенций обучающихся.

Для гуманитарных направлений подготовки доступ к качественным библиотечным ресурсам имеет принципиальное значение, поскольку именно работа с текстами, научными источниками, архивными материалами и аналитическими публикациями составляет основу учебной и научно-исследовательской деятельности студентов [2]. Ограниченная доступность печатных и электронных ресурсов, недостаточная интеграция библиотек в образовательный процесс, а также низкий уровень информационной культуры обучающихся могут негативно отражаться на качестве подготовки выпускников гуманитарных специальностей [3].

В последние годы в научных исследованиях все чаще подчеркивается необходимость развития университетских библиотек как многофункциональных информационно-образовательных центров, обеспечивающих не только хранение и предоставление информации, но и сопровождение образовательной и исследовательской деятельности студентов и преподавателей [4]. Особое внимание уделяется расширению электронных библиотечных систем, доступу к международным базам данных, а также формированию навыков самостоятельного поиска, анализа и критической оценки информации у обучающихся [5].

Несмотря на значительное количество публикаций, посвящённых вопросам цифровизации библиотек и развитию информационной инфраструктуры вузов, проблема влияния доступности библиотечных ресурсов

на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук остается недостаточно систематизированной. В ряде работ данный вопрос рассматривается фрагментарно, без комплексного анализа взаимосвязи между уровнем доступности библиотечных ресурсов и образовательными результатами студентов [6].

В связи с этим представляется актуальным проведение исследования, направленного на анализ роли и значения доступности библиотечных ресурсов в процессе подготовки кадров гуманитарного профиля в системе высшего образования. Результаты такого исследования могут быть использованы при совершенствовании библиотечно-информационной среды вузов и повышении эффективности образовательного процесса.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования использовался комплекс теоретических и аналитических методов, направленных на изучение влияния доступности библиотечных ресурсов на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук в системе высшего образования. В качестве материалов исследования были использованы научные публикации отечественных и зарубежных авторов, нормативно-правовые документы в сфере высшего образования, а также материалы, отражающие современную практику организации библиотечно-информационного обеспечения образовательного процесса в вузах.

Основным методом исследования являлся анализ научной и учебно-методической литературы, позволивший выявить основные подходы к оценке роли библиотечных ресурсов в образовательной деятельности обучающихся гуманитарных направлений подготовки. Дополнительно применялся сравнительный анализ, направленный на сопоставление традиционных и электронных библиотечных ресурсов с точки зрения их доступности, функциональных возможностей и степени интеграции в образовательный процесс высшей школы.

В ходе исследования также использовались методы обобщения и систематизации, позволившие структурировать полученные данные и определить ключевые факторы, влияющие на эффективность использования библиотечных ресурсов в образовательной и научно-исследовательской деятельности студентов гуманитарных специальностей. Аналитический подход был направлен на выявление взаимосвязи между уровнем доступности библиотечных ресурсов и качественными характеристиками подготовки обучающихся, включая развитие информационной культуры, навыков самостоятельной работы с источниками и исследовательских компетенций.

Применение указанного комплекса методов обеспечило всесторонний анализ рассматриваемой проблемы и позволило сформулировать обоснованные выводы о значении библиотечно-информационного обеспечения в системе подготовки кадров гуманитарного профиля.

Результаты и обсуждения

Анализ современных исследований и статистических данных показывает, что уровень доступности библиотечных ресурсов оказывает значимое влияние на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук. По данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, за последние годы наблюдается устойчивый рост использования электронных библиотечных систем (ЭБС) в образовательном процессе вузов, что связано с расширением цифровой инфраструктуры и изменением форм организации обучения [7]. Вместе с тем, доступность библиотечных ресурсов остаётся неоднородной и существенно различается в зависимости от материально-технической базы вуза и уровня интеграции библиотеки в образовательный процесс.

Согласно результатам исследований, проведённых в российских и зарубежных университетах, студенты гуманитарных направлений подготовки, имеющие постоянный доступ к электронным библиотекам и полнотекстовым научным базам данных, демонстрируют более высокий уровень академической успеваемости и исследовательской активности по сравнению с обучающимися, ограниченными в использовании таких ресурсов [8]. Это проявляется в качестве выполняемых письменных работ, глубине анализа источников и уровне сформированности информационной культуры.

В табл. 1 представлены обобщённые данные, отражающие зависимость образовательных показателей студентов гуманитарных специальностей от уровня доступности библиотечных ресурсов, на основе анализа результатов публикаций и статистических обзоров за 2020-2024 гг. [9, 10].

Таблица 1

Влияние доступности библиотечных ресурсов на показатели подготовки студентов гуманитарных направлений.

Table 1

Impact of library resource accessibility on the training outcomes of humanities students.

Показатель	Низкий уровень доступности	Средний уровень доступности	Высокий уровень доступности
Средний балл успеваемости	3,4–3,6	3,7–3,9	4,2–4,5
Доля студентов, использующих ≥ 10 источников в работах, %	28	46	72
Уровень сформированности информационной культуры	низкий	средний	высокий
Участие студентов в научных публикациях, %	6	14	29

Полученные данные подтверждают, что высокий уровень доступности библиотечных ресурсов способствует формированию у студентов навыков самостоятельной работы с научной информацией, развитию критического мышления и исследовательских компетенций. Особую роль в этом процессе играют электронные библиотеки и удалённый доступ к научным базам данных, которые позволяют обучающимся оперативно получать актуальную информацию и использовать широкий спектр источников при подготовке учебных и научных работ [11].

В то же время ряд авторов отмечает, что сама по себе доступность библиотечных ресурсов не гарантирует повышения качества подготовки кадров без целенаправленного формирования информационной культуры обучающихся и методического сопровождения их работы с источниками [12]. Это указывает на необходимость комплексного подхода, включающего развитие библиотечно-информационной среды вузов, обучение студентов навыкам информационного поиска и активное включение библиотек в образовательный процесс.

Таблица 2

Сравнительная характеристика традиционных и электронных библиотечных ресурсов в образовательном процессе.

Table 2

Comparative characteristics of traditional and electronic library resources in the educational process.

Критерий	Традиционные библиотечные ресурсы	Электронные библиотечные ресурсы
Доступность	Ограничена режимом работы библиотеки	Круглосуточный удалённый доступ
Территориальная доступность	Требуется физическое присутствие	Доступ из любой точки при наличии интернета
Обновляемость фонда	Относительно низкая	Высокая
Объём доступной информации	Ограничен фондом библиотеки	Практически не ограничен
Скорость поиска информации	Низкая	Высокая
Возможности интеграции в учебный процесс	Ограниченные	Широкие
Удобство использования студентами	Средний уровень	Высокий уровень

Данные, представленные в табл. 2, наглядно демонстрируют преимущества электронных библиотечных ресурсов по сравнению с традиционными формами библиотечного обслуживания в контексте образовательного процесса высшей школы. Электронные библиотеки обеспечивают более высокий уровень доступности информации, расширяют возможности самостоятельной работы студентов и способствуют активному использованию научных источников при подготовке учебных и исследовательских работ. Вместе с тем традиционные библиотечные ресурсы продолжают сохранять значение в качестве основы библиотечных фондов и источника уникальных печатных изданий, что указывает на целесообразность их комплексного использования в образовательной среде вуза [11, 12].

Проведённый анализ показал, что доступность библиотечных ресурсов является значимым фактором, влияющим на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук. Результаты обобщения статисти-

ческих данных и сравнительного анализа свидетельствуют о наличии устойчивой взаимосвязи между уровнем доступности библиотечно-информационных ресурсов и образовательными результатами студентов. Высокий уровень доступности электронных библиотечных систем способствует расширению спектра используемых источников, повышению академической успеваемости и развитию исследовательских компетенций обучающихся [7-10].

Сравнительная характеристика традиционных и электронных библиотечных ресурсов показала, что электронные формы библиотечного обслуживания обладают рядом существенных преимуществ, включая круглосуточный доступ, оперативное обновление фондов и высокую скорость поиска информации. Вместе с тем традиционные библиотечные ресурсы продолжают играть важную роль в образовательном процессе, особенно в контексте работы с уникальными печатными изданиями и специализированными фондами, что подтверждает необходимость их комплексного использования в системе высшего образования [11, 12].

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что эффективная интеграция библиотечных ресурсов в образовательный процесс вузов гуманитарного профиля требует не только расширения доступа к электронным ресурсам, но и формирования у студентов навыков информационной культуры и самостоятельной работы с научными источниками.

Выводы

Проведённое исследование показало, что доступность библиотечных ресурсов является значимым фактором, влияющим на качество подготовки кадров в области гуманитарных наук в системе высшего образования. Развитая библиотечно-информационная среда способствует повышению эффективности учебной и научно-исследовательской деятельности студентов, а также формированию профессиональных компетенций.

Установлено, что электронные библиотечные ресурсы расширяют возможности самостоятельной работы обучающихся, обеспечивают оперативный доступ к актуальной научной информации и способствуют развитию навыков аналитической работы с источниками. В то же время традиционные библиотечные ресурсы сохраняют свою значимость как элемент комплексного библиотечно-информационного обеспечения образовательного процесса.

Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к использованию библиотечных ресурсов в вузах гуманитарного профиля, включающего развитие информационной инфраструктуры и формирование информационной культуры студентов, что в совокупности способствует повышению качества подготовки кадров.

Список источников

1. Козлова Н.В., Шрайбер А.Н. Университетская библиотека в цифровой образовательной среде: новые функции и задачи // Библиотековедение. 2020. № 4. С. 403 – 412.
2. Столяров Ю.Н. Библиотечно-информационное обеспечение образовательного процесса вуза: современные тенденции // Научные и технические библиотеки. 2021. № 6. С. 15 – 28.
3. Михайлова Е.В. Информационная культура студентов гуманитарных направлений подготовки в условиях цифровизации образования // Педагогика. 2021. № 10. С. 78 – 85.
4. Лопатина Н.В., Соколова И.В. Электронные библиотечные системы в высшем образовании: педагогический потенциал и проблемы использования // Высшее образование в России. 2022. № 2. С. 102 – 111.
5. Барышникова И.А. Развитие университетских библиотек в условиях цифровой трансформации образования // Университетская книга. 2022. № 3. С. 24 – 29.
6. Петрова О.А. Роль библиотеки в формировании исследовательских компетенций студентов гуманитарного профиля // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1. С. 146 – 152.
7. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Доклад о состоянии системы высшего образования в Российской Федерации в 2022 году. М., 2023. 156 с.
8. Андреева Л.А., Фёдорова М.С. Использование электронных образовательных и библиотечных ресурсов в учебной деятельности студентов // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 4. С. 112 – 128.
9. Кузнецова Т.В. Доступность информационных ресурсов как фактор качества высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 1. С. 57 – 64.
10. Яковлева Н.Г. Электронные библиотеки и качество подготовки специалистов гуманитарного профиля // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 2. С. 89 – 96.

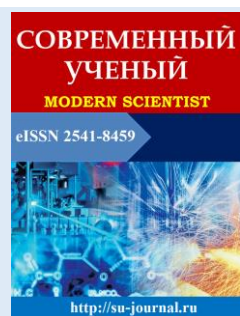
References

1. Kozlova N.V., Shraiber A.N. University Library in the Digital Educational Environment: New Functions and Tasks. *Library Science*. 2020. No. 4. P. 403 – 412.
2. Stolyarov Yu.N. Library and Information Support for the Educational Process of the University: Current Trends. *Scientific and Technical Libraries*. 2021. No. 6. P. 15 – 28.
3. Mikhailova E.V. Information Culture of Students Majoring in the Humanities in the Context of Digitalization of Education. *Pedagogy*. 2021. No. 10. P. 78 – 85.
4. Lopatina N.V., Sokolova I.V. Electronic Library Systems in Higher Education: Pedagogical Potential and Problems of Use. *Higher Education in Russia*. 2022. No. 2. P. 102 – 111.
5. Baryshnikova I.A. Development of University Libraries in the Context of Digital Transformation of Education. *University Book*. 2022. No. 3. P. 24 – 29.
6. Petrova O.A. The Role of the Library in Developing Research Competencies of Students Majoring in the Humanities. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2023. No. 1. P. 146 – 152.
7. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Report on the State of the Higher Education System in the Russian Federation in 2022. Moscow, 2023. 156 p.
8. Andreeva L.A., Fedorova M.S. Use of Electronic Educational and Library Resources in Students' Academic Activities. *Education and Science*. 2023. Vol. 25. No. 4. P. 112 – 128.
9. Kuznetsova T.V. Availability of Information Resources as a Factor in the Quality of Higher Education. *Modern Problems of Science and Education*. 2024. No. 1. P. 57 – 64.
10. Yakovleva N.G. Electronic Libraries and the Quality of Training Specialists in the Humanities. *Professional Education in Russia and Abroad*. 2024. No. 2. P. 89 – 96.

Информация об авторе

Дун Синь, Цзилиньский педагогический университет, Китай, 183620670@qq.com

© Дун Синь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 070.1:316.77(510)

Цифровая трансформация традиционных средств массовой информации в Китае: методологические основания исследования медиакommunikаций

¹ Ван Инчэнь

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена обоснованию методологического подхода к исследованию цифровой трансформации традиционных средств массовой информации в Китае в рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакommunikации и журналистика». Цифровизация рассматривается как комплексный медиакommunikационный процесс, затрагивающий журналистику как социальный институт, профессиональные практики, формы медиаконтента и модели взаимодействия с аудиторией. В статье аргументируется применение смешанного исследовательского дизайна, основанного на принципе методологической триангуляции и эпистемологии критического реализма. Раскрываются особенности использования количественных и качественных методов анализа медиаконsumption, профессиональных практик журналистики и стратегий цифровой адаптации медиакommunikационных организаций. Делается вывод о продуктивности многоуровневого методологического подхода для изучения трансформации медиакommunikаций в условиях цифровой медиасреды.

Ключевые слова: медиакommunikации, журналистика, цифровая трансформация, традиционные СМИ, медиаконsumption, смешанный дизайн, Китай

Для цитирования: Ван Инчэнь Цифровая трансформация традиционных средств массовой информации в Китае: методологические основания исследования медиакommunikаций // Современный ученый. 2026. № 4. С. 65 – 69.

Поступила в редакцию: 17 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Digital transformation of traditional media in China: methodological foundations for research on media communications

¹ Wang Yingchen

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article substantiates a methodological framework for studying the digital transformation of traditional mass media in China within the academic field of media communications and journalism. Digitalization is conceptualized as a complex media-communication process affecting journalism as a social institution, professional practices, media content, and audience interaction models. The study employs a mixed-methods design based on methodological triangulation and critical realism. Quantitative and qualitative research methods are integrated to analyze audience behavior, journalistic practices, and digital transformation strategies of media organizations.

Keywords: media communications, journalism, digital transformation, traditional media, media consumption, mixed methods, China

For citation: Wang Yingchen Digital transformation of traditional media in China: methodological foundations for research on media communications. Modern Scientist. 2026. 4. P. 65 – 69.

The article was submitted: October 17, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Цифровая трансформация медиасферы является одним из ключевых процессов, определяющих современное развитие журналистики и медиакоммуникаций. Распространение цифровых платформ, мобильных технологий и алгоритмических систем радикально изменило способы производства, дистрибуции и потребления медиаконтента, поставив под вопрос устойчивость традиционных моделей функционирования средств массовой информации. В этих условиях особую научную значимость приобретает анализ трансформации традиционных СМИ как институциональной основы журналистики, сохраняющей социальную, культурную и политическую значимость в цифровой медиасреде [1].

Китайская медиасистема представляет собой уникальный эмпирический контекст для исследования процессов цифровизации журналистики. С одной стороны, Китай характеризуется масштабной и технологически развитой цифровой экосистемой, включающей национальные платформы социальных медиа, мобильные приложения и интегрированные сервисы медиапотребления. С другой стороны, функционирование СМИ в КНР осуществляется в условиях жёсткого государственного регулирования и институциональной зависимости, что формирует специфические траектории цифровой трансформации медиакоммуникаций [2]. Данное сочетание делает китайский опыт принципиально важным для сравнительных исследований цифровых трансформаций журналистики.

Современные исследования медиакоммуникаций фиксируют, что цифровизация не сводится к внедрению отдельных технологий, а представляет собой многоуровневый процесс, затрагивающий профессиональные практики журналистов, организационные структуры редакций, формы медиаконтента и модели взаимодействия с аудиторией [3]. В этом контексте традиционные СМИ сталкиваются с необходимостью одновременной адаптации к изменяющимся технологическим условиям и сохранения своей общественной миссии, связанной с производством социально значимой информации, формированием общественного мнения и поддержанием публичной сферы.

Несмотря на растущий массив работ, посвящённых цифровым медиа и платформенной коммуникации, проблема трансформации традиционных СМИ в Китае остаётся недостаточно изученной в рамках отечественных исследований по журналистике и медиакоммуникациям. Значительная часть существующих публикаций сосредоточена либо на макроуровневом анализе медиаполитики и регулирования, либо на описании отдельных технологических инноваций, не уделяя должного внимания комплексному анализу медиакоммуникационных процессов, включающих аудиторию, контент и профессиональные практики журналистики [4]. Это обуславливает необходимость разработки и обоснования адекватного методологического инструментария, способного учитывать сложность и многомерность исследуемого объекта.

Целью настоящей статьи является обоснование методологических оснований исследования цифровой трансформации традиционных средств массовой информации в Китае. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи: определить теоретико-методологические предпосылки анализа медиакоммуникационных процессов в условиях цифровизации; обосновать применение смешанного исследовательского дизайна; охарактеризовать возможности интеграции количественных и качественных методов для изучения трансформации журналистики и медиапотребления.

Научная новизна исследования заключается в систематизации методологических подходов к анализу цифровой трансформации традиционных СМИ в Китае с позиций медиакоммуникаций и журналистики, а также в адаптации смешанного методологического дизайна к специфике китайской медиасистемы. Теоретическая и практическая значимость статьи состоит в возможности использования предложенных методологических решений в дальнейших эмпирических исследованиях цифровых трансформаций медиасистем, а также в образовательных программах по журналистике и медиакоммуникациям.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составляют материалы, отражающие различные уровни функционирования медиакоммуникационной системы Китая в условиях цифровой трансформации. Отбор материалов осуществляется в соответствии с предметным полем и ориентирован на анализ журналистики как социального института и совокупности профессиональных практик [5].

Количественные материалы включают вторичные статистические данные, публикуемые Китайским центром информации об интернете (China Internet Network Information Center, CNNIC), Государственным управлением по делам радио и телевидения КНР, а также отраслевыми аналитическими структурами [6]. Эти данные используются для анализа динамики медиапотребления, структуры цифровой аудитории и пространственности различных форм медиаконтента.

Качественные материалы представлены программными документами медиаорганизаций, стратегиями цифрового развития, публичными выступлениями руководителей СМИ и материалами профессиональных форумов. Дополнительную эмпирическую основу составляют глубинные полуструктурированные интервью с журналистами, редакторами и медиаменеджерами, а также материалы фокус-групповых обсуждений с представителями аудитории. Для углублённого анализа используются кейс-материалы, отражающие процесс цифровой трансформации отдельных традиционных СМИ.

Методологический дизайн исследования базируется на принципе методологической триангуляции и сочетает количественные и качественные методы анализа медиакommunikационных процессов. Эпистемологической основой выступает критический реализм, позволяющий интегрировать анализ объективных структурных условий функционирования медиасистемы и субъективных интерпретаций профессиональных акторов медиаполя.

Количественные методы включают статистический анализ вторичных данных, направленный на выявление макроуровневых тенденций цифровой трансформации медиапотребления и каналов журналистской коммуникации. Экономические показатели рекламного рынка используются как контекстуальные индикаторы и интерпретируются в связи с трансформацией медиакommunikаций.

Контент-анализ применяется для систематического изучения дискурсивных стратегий цифровизации, отражённых в публичных и программных материалах медиаорганизаций. Методологическая процедура опирается на классические разработки Б. Берелсона [7] и К. Криппендорфа [8]. Надёжность кодирования обеспечивается расчётом коэффициента альфа Криппендорфа.

Качественные методы включают глубинные полуструктурированные интервью и фокус-группы. Анализ интервью проводится с использованием тематического анализа в интерпретации В. Браун и В. Кларк [9]. Метод кейс-стади применяется в логике процессуального прослеживания (process tracing), что позволяет реконструировать причинно-следственные механизмы цифровой трансформации медиаорганизаций.

Интеграция количественных и качественных данных осуществляется в рамках конвергентного смешанного дизайна, обеспечивающего комплексное понимание трансформации медиакommunikаций и журналистики в цифровой среде.

Результаты и обсуждения

Проведённый в статье анализ позволяет обосновать продуктивность комплексного методологического подхода к изучению цифровой трансформации традиционных средств массовой информации в Китае в рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакommunikации и журналистика». Цифровизация журналистики в китайском контексте выступает не как частное технологическое нововведение, а как системный медиакommunikационный процесс, затрагивающий институциональные основы функционирования СМИ, профессиональные практики журналистов, формы медиаконтента и модели взаимодействия с аудиторией.

Показано, что использование смешанного исследовательского дизайна, основанного на принципе методологической триангуляции, позволяет адекватно учитывать многомерность и сложность процессов цифровой трансформации медиасферы. Количественные методы обеспечивают фиксацию макроуровневых тенденций медиапотребления, цифрового охвата аудитории и структурных изменений медиарынка, в то время как качественные методы позволяют выявить интерпретативные рамки, профессиональные смыслы и стратегии адаптации, формируемые участниками медиапроизводства.

Особое значение имеет обоснование эпистемологической позиции критического реализма, создающей методологические условия для интеграции анализа объективных структурных факторов и субъективных интерпретаций медиапрофессионалов. Такой подход позволяет преодолеть редукционистские трактовки цифровизации как исключительно технологического процесса и рассматривать трансформацию традиционных СМИ в логике медиакommunikаций, где технологические изменения опосредуются институциональными, культурными и профессиональными контекстами.

В ходе исследования подтверждена методологическая целесообразность использования контент-анализа, глубинных интервью, фокус-групп и кейс-стади для изучения цифровых стратегий медиаорганизаций, трансформации журналистских практик и изменений в структуре медиапотребления. Применение процессуального прослеживания (process tracing) в анализе кейсов позволяет реконструировать причинно-

следственные механизмы цифровой адаптации традиционных СМИ и выявить факторы, способствующие успешным или проблемным траекториям трансформации.

Полученные выводы имеют теоретическую и практическую значимость для развития исследований в области медиакommunikаций и журналистики. Предложенные методологические решения могут быть использованы при изучении цифровых трансформаций медиасистем в других странах с сильной ролью государства в медиарегулировании, а также в прикладных исследованиях, направленных на анализ устойчивости традиционных СМИ в условиях платформенной медиасреды. Кроме того, результаты статьи могут быть востребованы в образовательных программах по журналистике и медиакommunikациям при разработке курсов, посвящённых цифровым изменениям в медиапроизводстве.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение сравнительного анализа цифровых трансформаций медиакommunikаций, углублённое изучение аудиторных практик и алгоритмического посредничества, а также на анализ долгосрочных последствий цифровизации для общественной роли журналистики и функционирования публичной сферы.

Выводы

Использование смешанного методологического подхода позволяет рассматривать цифровую трансформацию традиционных СМИ в Китае как многоуровневый медиакommunikационный процесс, затрагивающий аудиторию, медиаконтент и профессиональные практики журналистики. Предложенная методология соответствует требованиям специальности 5.9.9 «Медиакommunikации и журналистика» и может быть использована в дальнейших исследованиях цифровых трансформаций медиасистем.

Список источников

1. Вартанова Е.Л., Вырковский А.В., Загидуллина М.В. Медiateкст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2024. Т. 49. № 3. С. 5 – 9.
2. Базилян С.А. Современная цифровая журналистика: ведущие тренды функционирования // Вестник ВГУ. Серия: филология и журналистика. 2023. № 3. С. 82 – 86.
3. Хань Цзясинь Инновации в международной коммуникации Китая // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 461 – 465.
4. Фролова Т.И. Современные исследования журналистики: междисциплинарные подходы // Медиаскоп. 2021. № 2. С. 45.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма. М.: Логос, 2019. С. 234.
6. China Internet Network Information Center (CNNIC). Statistical Report on Internet Development in China. Beijing, 2025. P. 44.
7. Берелсон Б. Контент-анализ в коммуникационных исследованиях. М.: Гуманитарный центр, 2024. С. 56 – 66.
8. Криппендорф К. Контент-анализ: введение в методологию. М.: Академический проект, 2020. С. 128 – 140.
9. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учебное пособие / Отв. ред. Е. Полухина. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2023. С. 53 – 55.

References

1. Vartanova E.L., Vyrkovsky A.V., Zagidullina M.V. Media text in the era of digital platforms: opportunities and threats. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2024. Vol. 49. No. 3. P. 5 – 9.
2. Bazikyan S.A. Modern digital journalism: leading trends in functioning. Bulletin of VSU. Series: Philology and Journalism. 2023. No. 3. P. 82 – 86.
3. Han Jiaxin Innovations in China's international communication. The world of science, culture, education. 2021. No. 6 (91). P. 461 – 465.
4. Frolova T.I. Modern journalism studies: interdisciplinary approaches. Mediascope. 2021. No. 2. P. 45.
5. Sztompka P. Social Change as Trauma. Moscow: Logos, 2019. P. 234.
6. China Internet Network Information Center (CNNIC). Statistical Report on Internet Development in China. Beijing, 2025. P. 44.
7. Berelson B. Content Analysis in Communication Studies. Moscow: Humanitarian Center, 2024. P. 56 – 66.

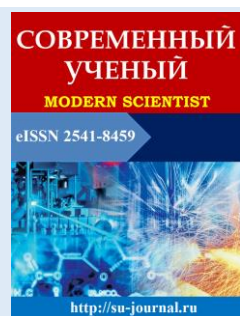
8. Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Methodology. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2020. P. 128 – 140.

9. Practices of Qualitative Data Analysis in the Social Sciences: A Study Guide. Ed. E. Polukhina. Publishing House of the Higher School of Economics. Moscow, 2023. P. 53 – 55.

Информация об авторе

Ван Инчэнь, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, yingchenw5@gmail.com

© Ван Инчэнь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.351.43

Стилистическое использование сложных предложений в произведениях ингушского писателя Саида Чахкиева

¹Султыгова М.М., ^{1,2}Киева З.Х.,

¹Ингушский государственный университет,

²Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

Аннотация: в статье рассматриваются функционирование и особенности стилистического использования сложных предложений в произведениях ингушского писателя Саида Чахкиева, что определяет идиостиль Саида Чахкиева. Рассмотрены вопросы стилистического синтаксиса. В отечественном языкознании данная тема лишь недавно получила свое развитие. Стиль художественных произведений менее регламентирован, чем научный или деловой. В стиле ингушской художественной литературы стиль Саида Чахкиева проявляется в большей степени. Предложение как единица измерения стиля отражает черты авторского восприятия мира. Стилистический анализ использования сложных предложений в прозе Чахкиева выявил умение автора выбирать сложные многоуровневые конструкции. Они важны для достижения идейно-композиционной цели художественного произведения. По употребительности, в прозе писателя, превалируют бессоюзные сложные предложения. Реже используются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Сложные предложения в произведениях писателя выступают в качестве метатекста.

Ключевые слова: ингушский язык, сложные предложения, лингвистическое своеобразие, стилистический синтаксис, функциональные стили

Для цитирования: Султыгова М.М., Киева З.Х. Стилистическое использование сложных предложений в произведениях ингушского писателя Саида Чахкиева // Современный ученый. 2026. № 4. С. 70 – 74.

Поступила в редакцию: 20 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Stylistic use of complex sentences in the works of Ingush writer Said Chakhkiev

¹Sultygova M.M., ^{1,2}Kieva Z.Kh.

¹Ingush State University,

²Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev

Abstract: the article examines the functioning and features of the stylistic use of complex sentences in the works of the Ingush writer Said Chakhkiev, which determines the idiosyncrasy of Said Chakhkiev. The issues of stylistic syntax are considered. This topic has only recently been developed in Russian linguistics. The style of artistic works is less regulated than scientific or business style. In the style of Ingush fiction, Said Chakhkiev's style is more pronounced. The sentence as a unit of style measurement reflects the features of the author's perception of the world. A stylistic analysis of the use of complex sentences in Chakhkiev's prose revealed the author's ability to choose complex multilevel constructions. They are important for achieving the ideological and compositional pur-

pose of an artistic work. By usage, in the writer's prose, conjunctionless complex sentences prevail. Compound and compound sentences are used less frequently. Complex sentences in the writer's works act as a meta-text.

Keywords: Ingush language, complex sentences, linguistic originality, stylistic syntax, functional styles

For citation: Sultygova M.M., Kieva Z.Kh. Stylistic use of complex sentences in the works of ingush writer Said Chakhkiev. Modern Scientist. 2026. 4. P. 70 – 74.

The article was submitted: October 20, 2025; Approved after reviewing: December 17, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В последние годы возрастает интерес исследователей к вопросам стилистического синтаксиса. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство работ в лингвистике посвящено слову как стилистической категории. Значительно меньше исследований, анализирующих в стилистическом плане синтаксические явления ингушского языка. вопросы стилистического использования сложных предложений в художественных произведениях Саида Чахкиева впервые исследуются в нашей работе.

Основная цель – исследование вопросов, касающихся стилистического использования сложных предложений в прозе Саида Чахкиева.

Задачи:

1. Исследование стилистического использования сложных предложений в функциональном стиле художественной прозы Саида Чахкиева.

2. Рассмотрение индивидуально-стилистических особенностей этого использования.

Теоретическая значимость. Проведен анализ вопросов, касающихся стилистического использования сложных предложений в прозе ингушского писателя.

Практическая ценность. Результаты проведенного исследования можно применить в преподавании таких дисциплин в вузе, как «Синтаксис ингушского языка», «Культура речи ингушского языка» и «Стилистика ингушского языка».

Материалы и методы исследований

В качестве иллюстраций в работе использованы материалы из художественной прозы известного ингушского писателя Саида Чахкиева, а также и лингвистические работы отечественных ученых, касающиеся данной проблематики. Данная проблематика обсуждалась в трудах таких лингвистов, как В.А. Белошапкова [1], Н.С. Валгина [2], Н.А. Слюсарева [7], Г.В. Колшанский [5], М.Н. Кожина [4].

В статье использованы метод стилистического анализа, который позволяет изучить речевую организацию языковых средств в конкретном тексте, в данном случае, в художественной прозе писателя.

Результаты и обсуждения

Вопросы стилистического синтаксиса играют существенную роль при исследовании отдельных функциональных стилей, особую важность они представляют в исследовании стилистической характеристики произведений ингушской художественной литературы.

Вопрос о стилистической специфике любого текста может быть рассмотрен в нескольких аспектах.

Это, прежде всего, само лингвистическое своеобразие каждого текста, которое можно сопоставить или противопоставить лингвистическому своеобразию любого другого текста. Это общие закономерности совокупностей текстов, которые относятся к определенной сфере общения и могут быть противопоставлены общим закономерностям текстов, относящихся к иной сфере общения.

Это также интерпретация лингвистической специфики, то есть, попытка установить более или менее прямую соотнесенность данной специфики с явлениями, внешними для ингушского языка, то есть, с рядом экстралингвистических факторов. Эти факторы образуют сложную иерархию признаков функционального стиля. А эта иерархия в основе своей динамична и внутри нее доминантными могут становиться различные признаки.

При рассмотрении вопроса о характере связи между экстралингвистическими факторами и стилеобразующими элементами ингушского языка, можно утверждать, что эта связь является принципиально причинно-следственной связью.

Отмечено, что стиль художественной литературы менее регламентирован, чем научный или деловой. Следовательно, в стиле художественной литературы индивидуальность автора проявляется в большей степени.

Из всех функциональных стилей стиль художественной речи наименее анонимен, ибо ограничения, накладываемые на речь стилем или жанром, подавляются избирательностью языковых средств [3].

Одной из центральных задач синтаксической стилистики считается определение типов сложных конструкций активно используемые в различных формах и стилях языка. Это может восприниматься как должное по функционально-стилистической дифференциации языка в периоды его истории [8].

Синтаксико-стилистическая специфика текста – это совокупность множества компонентов, в которую в первую очередь входят объем предложения, типы предложений, рассматриваемые с разных точек зрения, например, соотношение главного с придаточным, типы связи между предложениями, надфразовые единицы, формы организации абзаца и большого синтаксического целого. Для создания экспрессии синтаксис использует различные методы [11].

Текст – это целое, которое может быть реализовано с помощью грамматических средств [6].

Реализация индивидуально-стилистических особенностей текста происходит в значительной степени за счет использования вариационных возможностей синтаксиса.

Важную роль в создании стилистической характеристики текста, в передаче индивидуальности автора играет сложное предложение, так как оно благодаря своей сложности допускает вариативность. Данная проблема до сих пор не нашла еще своего лингвистического освещения в ингушском языке.

В отечественной лингвистике также работ, посвященных стилистическому использованию сложных предложений, немало. В основном они рассматривают какой-либо тип сложного предложения на материале одного или нескольких художественных произведений. Большей частью это работы описательного характера, которые содержат некоторые замечания относительно использования данных типов предложений.

Проблема стилистического использования сложных предложений в текстах художественных произведений, на наш взгляд, представляет значительный интерес. Это часть проблемы о роли синтаксиса в стиле. Главным пунктом синтаксического строения текста, отражающим общие закономерности стиля, является основная единица синтаксиса – предложение. Структура предложения, взятого в стилистическом плане, не безразлична к мироотношению, к общей жизненной установке, так же, как и к специфическим художественным задачам писателя. Предложение как единица измерения стиля отражает в своем малом мире существенные черты того восприятия мира, который находит свое выражение в данном произведении.

Одной из существенных черт стиля писателя является характер его синтаксиса, который выражается в преобладании простых и сложных предложений и в каком количестве писатель использует, каково соотношение между подчинением и сочинением внутри сложного предложения.

Выбор Саида Чахкиева среди других ингушских писателей обусловлен тем, местом, который он занимает в ингушской литературе, а также своеобразием его языкового мастерства.

Сложные предложения с несколькими придаточными предложениями особенно распространены в публицистико-поэтических произведениях [9].

Саид Чахкиев активно использует в своих художественных текстах различного вида сложные предложения. Они выступают в качестве метатекста.

Анализ сложных конструкций в художественных произведениях Саида Чахкиева подразумевает описание смысловой структуры таких конструкций. Исходя из формы синтаксических связей сложные предложения распределяются на следующие структурно-семантические группы:

1. Сложные бессоюзные предложения. Приведем примеры:

Рука Гирихана легла на рукоять кинжала, глаза его сузились от гнева. Алхаст готов был к немедленной расправе, Висит стоял растерянный, бледный. Тухан, наоборот, залился краской, уши его побагровели. И кто бы это ни был, мы его узнаем. ... Грязь тяжелыми комьями налипла на лопаты, приходилось их чистить о пожухлую прошлогоднюю траву [10].

Бессоюзные сложные предложения используются в художественной прозе писателя для придания яркости и выразительности картины. Сложные бессоюзные конструкции служат как эстетический и выразительный прием автора. Такие конструкции создают своеобразную скорость – специальная сжатость, компактность, стремительность, которые способствуют быстрому схватыванию мыслей.

2. Сложносочиненные предложения: Приведем примеры: *Бекхан немного потоптался на месте и пошел вслед за братом. На шесть братьев единственная сестра, и ту вы не смогли уберечь. Родители Шахбулата знали, о его любви к Дэбахан, и были довольны выбором сына. Девушка еще совсем молода, а уже о ней говорят с уважением [10].*

Сложносочиненные предложения используются для перечисления равноценных событий или картин, описания пейзажных картин, характера героя или персонажа произведения.

3. Сложные подчинительные предложения: Приведем примеры:

Алхаст молча делал все, что говорила сестра, а сам пристально разглядывал ее фигуру. Лучшие бы повесить ее, чем услышать такое! Тот полвернулся, чтобы пойти за сестрой [10].

Сложноподчиненные предложения используются обычно для информативности, более широкому раскрытию художественного смысла. Чаще всего такие предложения привлекаются для объяснения, условия или состояния происходящего.

Выводы

Таким образом, проведенный стилистический анализ использования сложных предложений в художественных произведениях Саида Чахкиева демонстрирует высокое своеобразное мастерство писателя, абсолютное владение словом, умение выбирать необходимые, в том числе и сложные многоуровневые конструкции, для достижения идейно-композиционной цели художественного произведения. Писатель довольно часто и активно использует сложные предложения в своих художественных произведениях.

По частотности, в прозе Чахкиева, доминирующими являются из приведенных многоуровневых конструкций, бессоюзные сложные предложения. По сравнению с бессоюзными сложными предложениями, менее распространенными являются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Все это определяет идиостиль Саида Чахкиева.

Список источников

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1998. 248 с.
2. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Флинта, 2009. 457 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва, 1963. 255 с.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Москва: Просвещение, 1983. 234 с.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. Москва: Наука, 1984. 175 с.
6. Омуралиева А.И., Учкурткаева И.И. Особенности и основные черты публицистического стиля // Вестник ИГУ. 2011. № 29. С. 34 – 37.
7. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. Москва: Наука, 1986. 214 с.
8. Тарланов З.К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд. Петр ГУ, 2007. 479 с.
9. Урусова Г.Б. Текстосоставляющие и стилистические возможности в речи сложных предложений с несколькими придаточными предложениями // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 11. С. 424 – 430.
10. Чахкиев Саид. В тисках. Назрань, 1998. 605 с.
11. Южакова Ю.А. Особенности использования бессоюзных сложных предложений в художественном тексте К.Г. Паустовского // Русская филология и национальная культура. 2022. № 1 (2). С. 45 – 55.

References

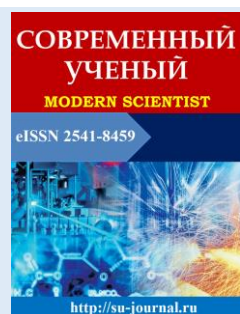
1. Beloshapkova V.A. Modern Russian language. Syntax. Moscow: Higher School, 1998. 248 p.
2. Valgina N.S. Modern Russian language. Syntax. Moscow: Flinta, 2009. 457 p.
3. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow, 1963. 255 p.
4. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian language. Moscow: Education, 1983. 234 p.
5. Kolshansky G.V. Communicative function and structure of language. Moscow: Nauka, 1984. 175 p.
6. Omuralieva A.I., Uchkurtkaeva I.I. Features and main features of journalistic style. Bulletin of ISU. 2011. No. 29. P. 34 – 37.
7. Slyusareva N.A. Problems of Functional Morphology of Modern English. Moscow: Nauka, 1986. 214 p.
8. Tarlanov Z.K. University Course of Russian Syntax in Scientific and Historical Interpretation. Petrozavodsk: Petr GU Publ., 2007. 479 p.
9. Urusova G.B. Text Components and Stylistic Possibilities in the Speech of Complex Sentences with Several Subordinate Clauses. Bulletin of Science and Practice. 2021. Vol. 7. No. 11. P. 424 – 430.
10. Chakhkiev Said. In a Vise. Nazran, 1998. 605 p.
11. Yuzhakova Yu.A. Features of the use of non-union complex sentences in the fiction text of K.G. Paustovsky. Russian Philology and National Culture. 2022. No. 1 (2). P. 45 – 55.

Информация об авторах

Султыгова М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования, Ингушский государственный университет, marifa-sultygova@mail.ru

Киева З.Х., заведующая отделом ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева; профессор, Ингушский государственный университет

© Султыгова М.М., Киева З.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 8.81

Растительный код лингвокультуры в русских пословицах на фоне китайского и корейского языков

¹ Нань Яньхуа, ² Нерсисян К.А.

¹ Яньбяньский университет, Китай,

² Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья рассматривает феномен лингвокультурных кодов, фокусируясь на растительном коде и его репрезентациях в паремиологическом фонде трёх языков: русского, китайского и корейского. Ключевым выводом является преобладание в исследуемом корпусе частичных межязыковых соответствий и лакун при сопоставительном анализе символов, стереотипов и культурных установок в лингвокультурах, что помогает выделить стереотипный образ, стоящий за растительными кодами, создать базовый корпус данных для разработки специализированного лингвокультурологического учебного словаря. Такой словарь призван репрезентировать русские пословицы и поговорки китайским и корейским учащимся с детальной лингвокультурологической семантизацией, учитывающей специфику их языкового сознания и культурных кодов.

Ключевые слова: растительный код, пословица, лингвокультурология, стереотипный образ, установка культуры, фитоним

Для цитирования: Нань Яньхуа, Нерсисян К.А. Растительный код лингвокультуры в русских пословицах на фоне китайского и корейского языков // Современный ученый. 2026. № 4. С. 75 – 81.

Поступила в редакцию: 20 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Plant code of linguoculture in Russian proverbs against the background of the Chinese and Korean languages

¹ Nan Yanhua, Nersisyan K.A.

¹ Yanbian University, China,

² Saint Petersburg State University

Abstract: the article presents the phenomenon of linguistic and cultural codes, in particular the plant code and its representation in Russian, Chinese and Korean proverbs. The study concludes that the predominance of partial analogues and gaps in the corpus of proverbs under study in the analysis of symbols, stereotypes and cultural attitudes in linguistic cultures will help identify the stereotypical image behind the plant codes, create a basis for developing a model of an educational linguistic and cultural dictionary of Russian proverbs aimed at Chinese and Korean students.

Keywords: plant code, proverb, linguoculturology, stereotypic image, cultural attitude, phymonym

For citation: Nan Yanhua, Nersisyan K.A. Plant code of linguoculture in Russian proverbs against the background of the Chinese and Korean languages. Modern Scientist. 2026. 4. P. 75 – 81.

The article was submitted: October 20, 2025; Approved after reviewing: December 17, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В последние десятилетия активизируются работы, в которых выявляется “растение” как культурный код. Большое количество исследований посвящено описанию растительных образов, анализу растения в структуре метафорических выражений, пословиц, имеющих в своем составе слово с растительной семантикой. Актуальность исследования определяется небольшим количеством исследований [2, 7, 9, 10], посвященных изучению русских пословиц с компонентом-фитонимом, и отсутствием в настоящее время подобных исследований русских пословичных единиц на базе сравнения стереотипов, установок культуры, символов на фоне китайского и корейского языков.

Целью данного исследования является системное выявление и сопоставительный анализ национально-культурной специфики, закрепленной в паремиологических фондах русского, корейского и китайского языков на материале растительного кода. Исследование направлено на реконструкцию культурно обусловленных семантических комплексов – стереотипов, символов, установок и ассоциаций, – которые, будучи включенными в язык, отражают ключевые особенности коллективного менталитета и влияют на коммуникацию представителей разных культур.

Сравнение и сопоставление растительных образов в паремиологическом фонде трех лингвокультур (русской, корейской и китайской) представляет собой новое направление исследования, результаты которого свидетельствуют о том, что каждый из вышеуказанных фондов является самобытным в силу того, что в них присутствует большое количество лакун и частичных аналогов. В этом заключается научная новизна данного исследования, материал которого представляется возможным использовать при проведении лекций и семинарских занятий по ряду дисциплин: лингвокультурологии, переводоведении, фольклористике. Также результаты исследования могут быть использованы для составления лексикографических двуязычных справочников и учебных словарей пословиц.

Как утверждает В.Н. Телия, код культуры представляет собой «таксономический субстрат ее текстов, <...> совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерениях» [8, с. 20-21].

В научных трудах представлены разные классификации культурных кодов. Например, В.В. Красных выделяет 6 кодов: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [13, с. 298], при этом уточняя, что растительный код является частью биоморфного и связан с бытующими стереотипами [13, с. 307]. В.Н. Телия и другие авторы «Большого фразеологического словаря» определяют порядка 10 культурных кодов, отмечая, что список можно пополняться. Растительный код, в свою очередь, делится на дендрарийный, к которым относятся части деревьев и кустарников (ветка, листья, корень и плод).

Пословицы являются квинтэссенцией народной мудрости, что справедливо для трех лингвокультур, представленных в данном исследовании. Будучи краткими, постоянными и семантически наполненными, они выполняют поучительную функцию, передавая из поколения в поколение аксиологические нормы и коллективный опыт. Через пословицы можно проследить то, как развивалась культура народа, а также «установки культуры и стереотипы, эталоны и архетипы» [5].

В.Н. Телия определяет культурную установку как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [8]. Суть культурных установок заключается в том, что они являются своего рода эталоном при оценке явлений, поступков или личности. Формируясь исторически на протяжении веков в коллективной памяти народа, эти установки представляют собой результат общественного договора, который разграничивает человеческое общество от мира животных.

Следовательно, паремиологический фонд, аккумулируя социальную память и демонстрируя органичное единство языковой формы и культурного содержания, представляет собой уникальный лингвокультурный ресурс. Именно эта его сущностная двойственность делает паремии особо релевантным материалом для экспликации и анализа базовых культурных констант и коллективных ментальных стереотипов.

Стереотип, согласно В.В. Красных, это «представление фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типичного» фрагмента реального мира» [13, с. 231]. Стереотипы национально и культурно маркированы и формируются с помощью устойчивого набора ассоциативных связей, предопределяющих их языковую форму.

В статье рассматривается пословицная репрезентация растительного кода культуры посредством стереотипов, символов, культурных установок в лингвокультурах, которые отражаются в менталитете народа и в языке носителей данной культуры в процессе общения, что позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты в русских, китайских и корейских пословицах.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил паремиологический фонд трех языков (русского, китайского и корейского), а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ). С помощью метода сплошной выборки (Лим Су, 2003; Мокиенко, 2010; 溫端政, 2011) [4, 6, 11] и с учетом стереотипности представления материал был условно разделен на 4 группы по компоненту-фитониму: ветка, корень, лист и плод. Растительный код в русской лингвокультуре репрезентируется через систему языковых символов и укорененных мифологических образов.

Методика исследования включает также такие контекстный и семантический анализ, благодаря которым из общего фонда выявляются особенности употребления паремий, их значение в контексте, а также семантика их основного компонента. Дополнительно был проведен отбор синонимических паремий и схожих по значению пословиц.

С помощью лингвокультурологического анализ при рассмотрении лингвокультурологических и культурологических лакун была установлена взаимосвязь языка и культуры.

Большой частью исследования является сопоставление русских паремий с китайскими и корейскими и определение их сходств и различий, благодаря чему выявляется национально-культурная специфика лингвокультуры.

Результаты и обсуждения

Согласно данным толкового словаря русского языка, слово **ветка** определяется таким образом: «Боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения; небольшая ветвь» [1].

Корень, в прямом смысле являясь частью растения, представляет собой символ нутряной силы, вытягивающей из почвы необходимые для развития питательные соки, дающие рост телу и необходимые для появления плодов. Также корень имеет переносные значения: начало рода, поколения и т.п.; начало, источник, основа чего-либо. [1].

Плод – это сочная съедобная часть некоторых растений (фрукты, ягоды). Русские толковые словари дают несколько значений слова «плод»: 1. Зародыш у человека и млекопитающих в период внутриутробного развития после закладки основных органов и систем. 2. Результат, итог, порождённый предшествующей деятельностью. Например, запретный плод. В ассоциативном словаре указано, что плод ассоциируется с яблоками, запретным, любовью, воображением, фруктом, детьми, сладким, семьей и т.д. [1].

Лист – «орган воздушного питания и газообмена у растений, имеющий обычно вид тонкой зелёной пластинки какой-л. формы, определенной для каждого растения, на черенке прикреплённой к его стеблю или ветке» [14]. Фитоним «лист», так же, как и его синоним листва, использовался в ритуальных и магических обрядах в силу обладания живительной силой, способной отогнать зло [1].

В ходе дальнейшего анализа пословиц необходимо было распределить по тематическому принципу. Нам представлялось, что именно классификация по тематическому принципу позволит проанализировать интересующую нас национально-культурную специфику и межкультурные особенности пословиц трех народов. С семантической точки зрения значительное количество пословиц, в которых репрезентированы растительный код культуры, описывает человека, в том числе его внешность, характер или индивидуальные качества, его взаимоотношения с окружающим миром.

Проведенное нами исследование выявляет большую степень лакунарности русский паремий в сопоставлении с китайским и корейским языками: 11 стереотипных представлений в русском паремиологическом фонде не находят аналогов в других языках; общими являются только 10 из 56 стереотипных представлений.

Среди них важнейшим компонентом для национального сознания является трудность воспитания детей, избавления от чего-то вредного в коллективе.

Трудности воспитания детей

Данный компонент вербализуется с помощью выражения «ломать ветки»: *«Детки родить – не ветки ломить; Детей носить – не ветки ломать»*. В данном случае подчеркивается легкость действия (ломание ветки) [15, с. 22] по сравнению с таким трудным процессом, как воспитание ребенка.

В паремиях находится еще одно значение сломанной ветки как разорванной связи между людьми: *Заломить было ветку, да поставить метку* (Ветку заломить – поклясться не ходить к кому-либо, не показываться на глаза).

Сравним с китайской лингвокультурой: 淬火才硬, 树剪枝才正 «Закаливание делает металл твёрдым, а подрезание ветвей деревьев делает их прямыми» [15, с. 22]. В данной пословице отражена идея совершенствования, развития и воспитания. Как дереву нужна обрезка кривых и мешающих ветвей, так и человеку необходима работа над ошибками, наставничество, отказ от ненужного.

В корейском паремиологическом фонде представлена следующая пословица: *많이 열린 감나무 가지는 늘어진다* Ветви хурмы с множеством плодов поникли. Это значит, что многодетные родители с трудом воспитывают детей [15, с. 22].

1. Избавление от чего-то вредного в коллективе

Для того, чтобы вербализовать полное исчезновение или уничтожение, используется следующая пословица: *Худое дерево – с корнем вон*. В данной пословице говорится, что «От вредного, чего-либо ненужного, неподходящего в коллективе следует избавляться, чтобы дело шло быстрее». Существуют также и другие варианты: *Дурная трава из поля вон; Худая трава из поля с корнем вон*. В русском сознании, таким образом, трава представляет собой что-то низкое, незаметное и невидимое для окружающих, что может относиться в том числе к личности человека. *Стереотипное представление в данном случае означает, что «от вредного для окружающих людей или для коллектива надо избавляться»* [16, с. 138].

Подобное представление можно найти и в контексте художественных произведений: «Никто, как будто, не знал векового правила: погром стерпим и даже благодетелен, когда он, как гроза, очищающая атмосферу, разом, одним ударом прекращает зло. Но в государстве, не взволнованном революциями и междоусобными войнами, террор только тогда на своем месте, когда правительство, наверное, рассчитало, что оно разом вырвет причину смут и крамолу с корнем вон. [Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879-1881)] (НКРЯ)» [12].

Китайские пословичные аналоги бывают: 贪根不拔, 苦树常在 *Жадные корни не выкорчуете, горькие деревья всегда будут здесь* (Если не устранить корни жадности, человек всегда будет жадным); 斩草除根 *Трава (сорная) из поля с корнем вон*.

В корейском языке: *풀을 베고 뿌리도 뽑는다* Срезав траву, выдергивают корни; *피사리는 뿌리째 뽑아야 한다* Сорную траву нужно выдергивать с корнем [16, с. 138].

Как можно заметить, в трех лингвокультурах схожим является представление о необходимости избавления общества от чего-то вредного; однако в корейской и китайской лингвокультуре присутствует элемент полного уничтожения («выдергивания») с целью недопущения повторного появления, что отличает их от русской лингвокультуры.

Наиболее частотные стереотипные представления, вербализованные только в русских пословицах: родители и дети похожи, человек узнается по его поступкам.

1. Родители и дети похожи

В паремиях сходство родителей и детей проявляется через представление о том, что плоды дерева наследуют характеристики самого дерева, на котором они выросли: *Каково дерево, таков и плод; Каково дерево, таковы и ветки; Какие ветки, такие детки*. Синонимические пословицы: *От крапивы крапива и родится; Яблочко от яблоньки недалеко катится; Какие берёзки, такие и отростки*. Как можно заметить, идея того, что дети похожи на своих родителей, в пословицах прослеживается максимально ярко.

Установка культуры «дети похожи на родителей» имеет разные национальные предпочтения: в русских паремиях – дерево, в китайских и корейских – овощи. Например, в китайских паремиях ключевую роль играют тыква и бобы (*Посеешь тыкву – соберёшь тыкву, посеешь бобы – получишь бобы*), а в корейских – огурец и бобы (*Огурцы получают из семян огурцов, а бобы – из бобов*).

2. Человек узнается по его поступкам

Пословица *дерево по плодам, а человека по делам* говорит, что о человеке нужно судить по его поступкам. Человека стоит узнавать по его поступкам или способностям, а не по внешности, так как внешность

обманчива. Варианты: *Дерево от плодов, а человек от дел познаётся; Дерево познается по плоду, а человек – от дел; Суди дерево по плодам, а человека по делам; Дерево ценят по плодам, а человека по делам; Смотри дерево в плодах, а человека – в делах; Дерево смотри в плодах, а человек – в делах.* Существует ряд синонимических паремий: *Неказисто дерево, да вкусен плод. Не одежда красит человека, а человек одожд; По одежке встречают, по уму провожают; Наряди пень в ясный день, так и он хорош.*

Данная идея также представлена в контексте из НКРЯ: «Ведь не приносит хорошее дерево больных плодов, и, наоборот, дерево с гнилью не приносит хороших плодов. Каждое дерево узнается по его плодам! [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Новый завет. Евангелие От Луки (2011)] [12]. Согласно Библии, плод праведной христианской жизни – это преподобие, святость, совершение добрых дел любви, которые открываются в житии человека. «И по истине святых по делам узнавай. Каждое растение от плода познается» (Изборник 1076 года). Плоды праведной жизни проявляются в добрых делах любви, а плоды греховной жизни бывают видны по злым поступкам.

Выводы

Рассмотренные фитонимы в русском паремиологическом пространстве наполнены мифологическим, метафорическим и религиозным смыслами, репрезентируют внутренний образ человека, представлены в русской ментальности символическими реализациями родственных связей с помощью оценочных принципов.

Параллельное исследование трех паремиологических фондов (русского, китайского и корейского) позволило определить национально-культурную специфику, стереотипные представления и установки, являющиеся маркерами принадлежности к конкретному этносоциуму.

Проведенный по предложенным этапам анализ является основой при составлении словарной статьи учебного словаря русских пословиц («русско-китайский словарь пословиц и поговорок» или «русско-китайский словарь пословиц и поговорок»). Словарная статья учебного словаря может выглядеть так:

ДРОЖИТ, КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ

Т. : от **страха** ощущать мелкую дрожь в теле. Говорится, когда человек сильно боится даже маленькой трудности.

Вар.: *Дрожит, как лист на осине; Убогий, что осинový лист: всё дрожит.*

Син.: *Дрожит, как овечий хвост; дрожать как заячий хвост, труситься; Зуб на зуб не попадает; Трусливому зайке и пенёк – волк; У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки.*

• Слово «осина» происходит от праславянского «*orpa» – «осина».

«То **дрожит, как осинový лист**, то весела, как ребенок...» [Г.И. Успенский. Новые времена (1873)]

«Перед начальством кореец **дрожит как осинový лист**, и даже тот, который перешел уже в русское подданство, при встрече с корейским чиновником, не может отделаться от чувства страха». [М.А. Лялина. Путешествия Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии (1891)]

Ср. кит.: 树叶掉下来怕打破头 *Бояться опавших листьев.*

Ср. кор.: 사시나무 잎 떨어 뜨다 *Дрожит, как осинový лист.*

Список источников

1. Агапкина Т.А. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / Под ред. Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин, С.М. Толстая. М., 2012. С. 76 – 595.
2. Завгороднева М.П. Актуализация лингвокультурного фитонимического кода в паремиях и фразеологизмах // Евразийский гуман. журнал. 2023. № 3. С. 16 – 31.
3. Ковшов М.Л. Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. С. 9 – 11.
4. Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. 360 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Юрайт, 2019. С. 82 – 83.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц / сост., гл. ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
7. Пак И.Я. Аксиологический потенциал образных единиц русского языка, транслирующих растительный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2023. № 4. С. 20 – 29.
8. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.
9. Холомеев О.М., Туник А.И. Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 3. С. 70 – 79.

10. Чжан Чэнь Фитонимы в русских и китайских пословицах: лексико-тематический аспект // Вестник АМГУ. 2025. № 108. С. 125 – 129.
11. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 (Вэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. Словарное издательство, 2011).
12. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17. 08. 2025).
13. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
14. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>
15. Нань Я. Лингвокультурологическое описание русских паремий с компонентом-дендронимом ветка на фоне их китайских и корейских аналогов // Мировые научные исследования современности: возможности и перспективы развития: Материалы XVI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 31 марта 2022 года. Том Часть 2. Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2022. С. 20 – 26.
16. Нань Я. Лингвокультурологический анализ русских паремий с компонентом-фитонимом (на фоне китайского и корейского языков) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 11-2. С. 135 – 139. DOI 10.37882/2223-2982.2021.11-2.21

References

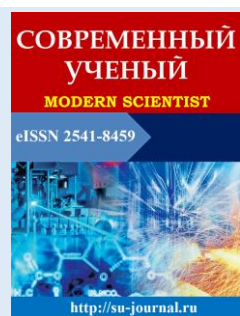
1. Agapkina T.A. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes. Ed. T.A. Agapkina, L.N. Vinogradov, V.Ya. Petrukhin, S.M. Tolstaya. Moscow, 2012. P. 76 – 595.
2. Zavgorodneva M.P. Actualization of the Linguocultural Phytonymic Code in Paremiology and Phraseologisms. Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 3. P. 16 – 31.
3. Kovshova M.L. Gudkov D.B. Dictionary of Linguocultural Terms. Moscow: Gnosis, 2017. Pp. 9–11.
4. Lim Su. Golden Words of the Korean People. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2003. 360 p.
5. Maslova V.A. Lingvoculturology. Moscow: Yurait, 2019. P. 82 – 83.
6. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Large dictionary of Russian proverbs compiled and edited by V.M. Mokienko, T.G. Nikitina. Moscow: OLMA Media Group, 2010.
7. Pak I.Ya. Axiological potential of figurative units of the Russian language transmitting plant code. Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2023. No. 4. P. 20 – 29.
8. Telia V.N. Priority tasks and methodological studies of the phraseological composition of language in the context of culture. Phraseology in the context of culture. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999.
9. Kholomeenko O.M., Tunik A.I. Phytomorphic cultural code: means of representation in the texts of modern fiction. Bulletin of Moscow State Regional University. 2023. No. 3. P. 70 – 79.
10. Zhang Chen Phytonyms in Russian and Chinese proverbs: lexical and thematic aspect. Bulletin of AmSU. 2025. No. 108. P. 125 – 129.
11. Phytonyms in Russian and Chinese proverbs. Wen Duancheng: A Comprehensive Dictionary of Chinese Proverbs, 2011 (Wen Duancheng. A Comprehensive Dictionary of Chinese Proverbs. Dictionary Publishing House, 2011).
12. The National Corpus of the Russian Language (NCRYA) [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 17.08.2025).
13. Krasnykh V.V. "Ours" among "Strangers": Myth or Reality? Moscow: ITDGK "Gnosis", 2003. 375 p.
14. The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language edited by S.A. Kuznetsov. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>
15. Nan Ya. Linguocultural description of Russian proverbs with the dendron component "branch" against the background of their Chinese and Korean analogues. World scientific research of our time: possibilities and development prospects: Proceedings of the XVI international scientific and practical conference. In 2 parts, Rostov-on-Don, March 31, 2022. Volume Part 2. Stavropol: Limited Liability Company "Stavropol Publishing House "Paragraph", 2022. P. 20 – 26.
16. Nan Ya. Linguocultural Analysis of Russian Proverbs with a Phytonym Component (against the Background of the Chinese and Korean Languages). Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2021. No. 11-2. P. 135 – 139. DOI 10.37882/2223-2982.2021.11-2.21

Информация об авторах

Нань Я., кандидат филологических наук, преподаватель, Яньбяньский университет, Китай, yeo-na1004@yandex.ru

Нерсисян К.А., ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, k.nersisyan@spbu.ru

© Нань Яньхуа, Нерсисян К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 82.191

Безэквивалентная и фоновая лексика в баснях И.А. Крылова

¹ Скобёлкина Н.М., ² Не Цяньи

¹ Байкальский государственный университет,

² Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается безэквивалентная и фоновая лексика в баснях И.А. Крылова, ее роль в отражении национально-культурного своеобразия России. Анализируются языковые особенности произведений, обусловленные историческим и культурным контекстом эпохи, в которой жил и творил баснописец. Исследуется влияние народной речи, фольклора и разговорного языка на формирование лексического состава басен. Особое внимание уделяется анализу примеров безэквивалентной лексики, отражающей специфические реалии русской жизни XVIII-XIX веков (названия должностей, предметов быта, традиций), и фоновой лексики, несущей культурно-историческую информацию, понятную носителям языка и культуры, но сложную для иностранных читателей. Изучается роль этих лексических пластов в создании национального колорита, передаче авторской идеи. Предлагается подробная классификация безэквивалентной и фоновой лексики, выявленной в баснях И.А. Крылова. Особое внимание уделяется проблематике передачи культурного контекста и сохранения национального своеобразия художественных произведений. Статья представляет интерес для лингвистов, литературоведов, переводчиков и всех, кто интересуется творчеством И.А. Крылова и проблемами межкультурной коммуникации. Материалы статьи могут быть использованы при обучении иностранных студентов-лингвистов.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, фоновая лексика, И.А. Крылов, басни, социальная лексика, бытовая лексика, фольклорная лексика, лингвострановедение

Для цитирования: Скобёлкина Н.М., Не Цяньи Безэквивалентная и фоновая лексика в баснях И.А. Крылова // Современный ученый. 2026. № 4. С. 82 – 87.

Поступила в редакцию: 20 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Non-equivalent and background vocabulary in I.A. Krylov's fables

¹ Skobelkina N.M., ² Nie Qianyi

¹ Baikal State University,

² Saint Petersburg State University

Abstract: this article examines the non-equivalent and background vocabulary in the fables of I.A. Krylov and its role in reflecting the national and cultural identity of Russia. It analyzes the linguistic features of the works, conditioned by the historical and cultural context of the era in which the fabulist lived and worked. The influence of popular speech, folklore, and colloquial language on the formation of the vocabulary of the fables is examined. Particular attention is paid to the analysis of examples of non-equivalent vocabulary, reflecting the specific realities of Russian life in the 18th-19th centuries (job titles, household items, traditions), and background vocabulary, convey-

ing cultural and historical information understandable to native speakers of the language and culture, but difficult for foreign readers. The role of these lexical layers in creating national color, conveying the author's irony and the moral of the fables is studied. A classification of non-equivalent and background vocabulary and an analysis of potential translation strategies for it are proposed. Particular attention is paid to the issues of conveying cultural context and preserving the national identity of works of art. This article will be of interest to linguists, literary scholars, translators, and anyone interested in the work of I.A. Krylov and issues of intercultural communication. The article's materials can be used in teaching foreign linguistics students.

Keywords: non-equivalent vocabulary, background vocabulary, I.A. Krylov, fables, social vocabulary, everyday vocabulary, folklore vocabulary, linguistic and regional studies

For citation: Skobelkina N.M., Nie Qianyi Non-equivalent and background vocabulary in I.A. Krylov's fables. Modern Scientist. 2026. 4. P. 82 – 87.

The article was submitted: October 20, 2025; Approved after reviewing: December 17, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Басни И.А. Крылова являются уникальным явлением в русской литературе, которое привлекает внимание российских и зарубежных исследователей уже не первый век, но теоретический и прагматический интерес до сих пор не иссякает. Одним из актуальных теоретических вопросов остается исследование безэквивалентной и фоновой лексики – ценнейшего лексического пласта в баснях И.А. Крылова. Значителен и прагматический интерес к данной лексике, вызывающей трудности у современного российского читателя и являющейся часто камнем преткновения для иностранцев, изучающих русский язык. Безэквивалентные и фоновые слова, будучи хранителями национально-культурной семантики, обладают ярко выраженным культурным компонентом значения, демонстрируя особенности национальной культуры народа [2, 4, 8]. Культурно значимые языковые единицы выражают как временные особенности развития того или иного общества, так и фундаментальные духовные ценности народа. В связи с этим рассмотрение лингвострановедчески ценных единиц является значимым как в теоретическом, так и в практическом аспекте, поскольку помогает понять менталитет носителя языка, увидеть глубокую связь языка и культуры, что особенно важно при изучении неродного языка. Безэквивалентная лексика является важным материалом исследования и в лингвистике, и в лингводидактике [3]. В методике преподавания русского языка как иностранного специально рассматриваются проблемы понимания и освоения лингвострановедчески ценной лексики, определения лексического фона, овладения фоновыми знаниями. Образовательный и воспитательный потенциал, универсальность тем и живость языка басен И.А. Крылова [9, 12] делают их привлекательным и ценным материалом для обучения российских школьников и студентов, а также иностранных граждан, изучающих русский язык и русскую литературу.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выявления, систематизации и классификации лексических единиц, обладающих национально-культурными особенностями, с позиции лингвострановедения для их адекватного понимания и усвоения российскими и иностранными обучающимися. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлена разработанная тематическая классификация безэквивалентной и фоновой лексики в баснях И.А. Крылова, которая позволяет выявить языковые репрезентации национальных особенностей. Целью данного исследования является выявление, анализ и классификация фоновой и безэквивалентной лексики в баснях И.А. Крылова.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов исследования в процессе разработки теоретических курсов и элективов в области лингвострановедения и лингвострановедческого анализа художественного текста. Классификация и характеристика языковых единиц, отражающих русскую культуру, может быть использована на практических занятиях по русскому языку как иностранному и в процессе работы обучающихся с художественным текстом. Полученные результаты исследования могут помочь в составлении лингвострановедческого комментария к текстам басен.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования явились тексты 100 басен И.А. Крылова [5], в которых выявлялась безэквивалентная и фоновая лексика. Для толкования лексического значения и определения стилистических особенностей исследуемых лексических единиц были привлечены данные толковых словарей русского языка [10, 13]. Для уточнения понятийно-терминологического аппарата исследования были изучены и обобщены материалы научной литературы по теме данной работы [1, 2, 6, 7, 11, 15]. Основными методами лингвистиче-

ского исследования стали методы научного описания, системного анализа и синтеза, классификации и систематизации. В работе был проведен семантический и компонентный анализ материала, были использованы приемы частотно-статистической и стилистической характеристики исследуемых лексем.

Результаты и обсуждения

В ходе исследования нами было проанализировано 100 басен И.А. Крылова, в 53 из них была выявлена безэквивалентная и фоновая лексика, что свидетельствует о достаточно частом использовании данной лексики в произведениях автора. Всего в 53 баснях было зафиксировано 47 единиц, относящихся к безэквивалентной и фоновой лексике.

Обратимся к определениям безэквивалентной и фоновой лексики, представленным в научной литературе. В определениях безэквивалентной лексики отмечается ее главная особенность – отсутствие лексического эквивалента в другом языке [2, 6, 7, 11, 15]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров подчеркивали, что безэквивалентные слова – это «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [2, с. 42]. Безэквивалентные слова относятся к реалиям и историзмам, специфическим предметам и явлениям в жизни культурно-языкового сообщества и не имеют регулярных словарных соответствий в языке перевода. Безэквивалентная лексика представляет собой часть словарного состава языка с национально-культурными особенностями значений, которая передает уникальные идеи и реалии культуры, не имея прямых соответствий в других языках.

Наряду с безэквивалентной лексикой к лингвострановедчески ценным лексическим единицам относится фоновая лексика. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, вводя в научный оборот термин «фоновые слова», рассматривали эти слова как слова с неполноэквивалентностью лексических фонов [2, с. 45]. Другие авторы используют такое определение фоновой лексики: «фоновая лексика – это слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, известные говорящим и слушающим, принадлежащим к данной языковой культуре» [7, 15]. Фоновая лексика содержит определенную информацию национально-культурного характера, требующую лингвострановедческого комментария, что особенно важно при обучении русскому языку как иностранному.

В данной работе для систематизации анализируемого языкового материала был выбран принцип деления слов на группы на основе исходных сфер их функционирования и специфики обозначаемых понятий. Были выделены 3 группы безэквивалентной и фоновой лексики в баснях И.А. Крылова [5]:

- социальная лексика;
- бытовая лексика;
- фольклорная лексика.

Из 47 представленных в выборке единиц 11 (23,5%) относятся к группе «Социальная лексика», 25 (53%) – к группе «Бытовая лексика» и 11 (23,5%) – к группе «Фольклорная лексика».

Группа «Социальная лексика» представлена словами, бытовавшими в русском языке в XVIII-XIX веках и обозначавшими гражданские и военные чины, должности, титулы, социальное положение, родственные отношения. Внутри этой группы были выделены подгруппы.

Наименования титулов, должностей, чинов, видов деятельности, социального положения составляют более половины данной группы (55%): «князь» («Ворона и Курица»), «воевода» («Слон на воеводстве»), «купчина» («Хозяин и мыши»), «батрак» («Крестьянин и Работник»), «певчий» («Музыканты»), «ловчий» («Волк на псарне»).

Слова, обозначающие степень родства и родственные связи, составляют 27% в данной группе, к ним относятся лексемы «сват» («Крестьянин в беде»), «куманек» («Щука и Кот»), «кумушка» («Ворона и Курица»).

18% в группе составляют лексемы, которые можно соотнести с определенной социальной оценкой относительно чина и профессии: «супостат» («Ворона и Курица») и «зевака» («Слон и Моська»).

Группа «Бытовая лексика» представлена лексемами, обозначающими наименования предметов и явлений традиционного быта, использовавшимися в русском обществе как непосредственно в XVIII-XIX веках, так и в более ранний период.

В эту группу входят не только существительные, но и прилагательные: «прематерый» («Вороненок»), «ретивый» («Огородник и Философ»), глаголы: «смышляла» («Разборчивая невеста»), «окорнали» («Вороненок»), «клепать» («Хозяин и мыши») и наречие «в-свояси» («Синица»).

Данная группа представлена в значительной степени именами существительными, количество которых составило 19 из 25, что составляет 76% в исследуемой группе, 3 глаголами (12%), 2 прилагательными (8%), 1 наречием (4%).

Среди 19 имен существительных, представленных в группе, присутствуют подгруппы, включающие в себя наименования хозяйственно-бытовых объектов и построек, денежных знаков, объектов природы, объектов повседневности, продуктов питания, абстрактных понятий.

Наименования хозяйственно-бытовых объектов и предметов составляют большую часть существительных, представленных в группе (42%): «анбар» («Хозяин и мыши»), «голик» («Голик»), «клеть» («Крестьянин в беде»), «обоз» («Обоз»), «обух» («Крестьянин и Змея»), «овин» («Орел и куры»), «тычины» («Булат»), «хоромы» («Лжец»).

Слова, обозначающие наименования денежных знаков и доходов, составляют 16% в данной группе, к ним относятся лексемы «червонец» («Червонец»), «рублевики» («Откупщик и сапожник»), «барыши» («Раздел»).

16% в группе составляют лексемы, которые являются наименованиями объектов природы: «былинка» («Василек»), «нива» («Василек»), «роща» («Роща и огонь»).

16% составляют слова, обозначающие продукты питания, напитки и объекты повседневности: «уха» («Демьянова уха»), «полугар» («Два мужика»), «гостинец» («Откупщик и сапожник»).

10% в группе составляют слова, которые можно отнести к абстрактным понятиям: «худо» («Мартышка и очки»), «безделица» («Роща и огонь»).

В группу «Фольклорная лексика» входят слова и обороты, часто употребляемые в русских народных сказках, песнях и других фольклорных произведениях: «царь-птица» («Орел»), «солнце красное» («Василек»), «мой свет» («Демьянова уха»), «вещунья» («Ворона и лисица»), «сошка мелкая» («Лягушка и Вол»), «домовой» («Скупой»), «сыра земля» («Старик и трое молодых»), «величать» («Чиж и Еж»), «бьем челом» («Мор зверей»), «стоять горой» («Собачья дружба»), «ходнем пошло» («Лягушки, просящие царя»). Данная группа отличается стилистическим разнообразием представленных единиц: она включает слова высокого стиля («величать»), разговорные и устаревшие слова и обороты («ходнем пошло»), народно-поэтическую образную лексику («царь-птица», «солнце красное», «сыра земля»).

Анализ выявленных в баснях безэквивалентных и фоновых слов показал, что эти слова отражают важные стороны жизни русского народа, помогают представить эпоху, окунуться в атмосферу быта XVIII-XIX веков. Наиболее многочисленна группа «Бытовая лексика», включающая лексемы, обозначающие наименования хозяйственно-бытовых объектов и предметов, денежные единицы, природные объекты. Интересна и группа «Социальная лексика», в которой представлены слова, напоминающие о социальных отношениях и статусах в прошлых веках. Особенно колоритна группа «Фольклорная лексика», слова которой отличаются поэтичностью, мифологичностью и метафоричностью. Выявленный в баснях материал будет интересен и полезен как носителям языка, так и инофонам, изучающим русский язык и желающим понять самобытность русской культуры. Данный материал актуален и для переводчиков, т.к. позволяет прогнозировать трудности перевода басен и выбирать нужную стратегию перевода определенных безэквивалентных и фоновых слов [14].

Выводы

Анализ безэквивалентной и фоновой лексики в баснях И.А. Крылова дает возможность сделать вывод о том, что лингвострановедческий потенциал басен богат и многогранен. Он позволяет не только изучать язык и стиль автора, но и глубже понимать особенности национальной культуры, социально-общественной ситуации, исторического контекста и типовых психологических характеристик эпохи. Произведения И.А. Крылова обладают богатыми возможностями для передачи культурной информации. Одним из характерных средств передачи культурной информации в баснях И.А. Крылова выступает использование безэквивалентной и фоновой лексики, именно эта лексика способна наиболее полно и точно передать национальную специфику языка и культуры.

Данная работа вносит вклад в изучение способов передачи культурной информации в художественном тексте. Исследование безэквивалентной и фоновой лексики позволяет изучить культурные, исторические и социальные аспекты, которые присутствуют в баснях, и их влияние на язык. Полученные результаты содержательно дополняют и уточняют научное понимание специфики использования безэквивалентной и фоновой лексики в произведениях классической русской литературы.

Материал, полученный в результате исследования, может быть использован в лингвистических исследованиях, лексикографии и практике перевода литературных произведений, в преподавании русского языка и русской литературы российским и иностранным гражданам.

В иностранной аудитории целесообразно рассмотрение лексических единиц, обладающих национально-культурными особенностями, сопровождать комментированием с позиции лингвострановедения для их адекватного понимания и усвоения, в связи с этим необходима разработка вариантов лингвострановедческого комментария. Это может быть логическим продолжением данного исследования.

Список источников

1. Билялова А.А., Шафигулина И.Ф. Лингвистический статус безэквивалентной лексики // Устойчивое развитие России – 2023: сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 27 марта 2023 г. Петрозаводск, 2023. С. 249 – 254.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Гришанович Е.А. Безэквивалентная лексика как предмет исследования в современной лингводидактике // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VIII: сб. науч. ст., Могилев, 29 нояб. 2023 г. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2024. С. 17 – 20.
4. Дунаева М.Б. Национально-культурная специфика безэквивалентной лексики // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям: сборник докл. XI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Белгород, 28 апр. 2023 г. Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2023. Т. 2. С. 263 – 266.
5. Крылов И.А. Басни. URL: <https://ilibrary.ru/text/2175/index.html> (дата обращения: 24.11.2024)
6. Легенкина В.И. Проблема определения понятия «безэквивалентная лексика» // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9-3 (111). С. 158 – 161 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-bezekvivalentnaya-leksika> (дата обращения: 29.04.2025)
7. Леонова А.В. Безэквивалентная и фоновая лексика: к проблеме об определении понятий // Альтернатив-2014. URL: <https://conf.grsu.by/alternant2014/index-117.htm> (дата обращения: 27.04.2025)
8. Малова Н.Е., Сапиева С.К. Русская безэквивалентная лексика, синтезирующая элементы языка и культуры // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 10-6 (78). С. 119 – 124.
9. Мансурова Т.Т., Тошннёзова Ж. Особенности русского языка в баснях И.А. Крылова // Scientific progress. 2022. № Special Issue 1. С. 33 – 38.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2018. 736 с.
11. Опарина Е.О. Безэквивалентная лексика // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. 2010. С. 18 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezekvivalentnaya-leksika> (дата обращения: 27.04.2025)
12. Уйманова Е.А., Мишина Г.В. Социально-политические и нравственно-философские басни И. А. Крылова // Форум молодых ученых. 2020. № 5 (45). С. 477 – 480.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
14. Фоменко Л.Н. Перевод безэквивалентной лексики как один из способов передачи национальной культуры другой страны // Вестник ИМСИТ. 2022. № 4 (92). С. 21 – 23.
15. Ханова Д.Б. Фоновая лексика русского языка // Экономика и социум. 2022. № 10 (101)-1. С. 727 – 730. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonovaya-leksika-russkogo-yazyka> (дата обращения: 29.04.2025)

References

1. Bilyalova A.A., Shafigulina I.F. Linguistic status of non-equivalent vocabulary. Sustainable development of Russia – 2023: Coll. Art. II All-Russian scientific-practical. Conf., Petrozavodsk, March 27, 2023. Petrozavodsk, 2023. P. 249 – 254.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture. Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow: Russkiy Yazyk, 1990. 246 p.
3. Grishanovich E.A. Non-equivalent vocabulary as a subject of research in modern linguodidactics. East Slavic languages and literatures in the European context – VIII: Coll. Art., Mogilev, November 29. 2023. Mogilev: Moscow State University named after A.A. Kulshov, 2024. P. 17 – 20.
4. Dunaeva M.B. National and Cultural Specificity of Non-Equivalent Vocabulary. Cultural Trends of Contemporary Russia: From National Origins to Cultural Innovations: Collection of Reports. XI All-Russian Scientific and Practical Conf. of Students, Master's Degree Students, Postgraduates, and Young Scientists, Belgorod, April 28, 2023. Belgorod: Belgorod State Institute of Arts and Culture, 2023. Vol. 2. P. 263 – 266.
5. Krylov I.A. Fables. Available at: <https://ilibrary.ru/text/2175/index.html> (date of access: 11.24.2024)

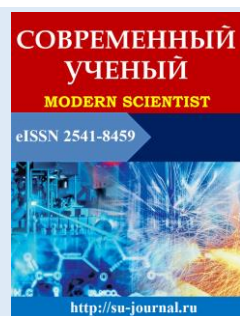
6. Legenkina, V.I. The Problem of Defining the Concept of "Non-Equivalent Vocabulary". International Research Journal. 2021. No. 9-3 (111). P. 158 – 161 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-bezekvivalentnaya-leksika> (date of access: 29.04.2025)
7. Leonova A.V. Non-Equivalent and Background Vocabulary: On the Problem of Defining Concepts. Alternant-2014. URL: <https://conf.grsu.by/alternant2014/index-117.htm> (date of access: 27.04.2025)
8. Malova N.E., Sapieva S.K. Russian Non-Equivalent Lexicon Synthesizing Elements of Language and Culture. Current Scientific Research in the Modern World. 2021. No. 10-6 (78). P. 119 – 124.
9. Mansurova T.T., Toshniyozova Zh. Features of the Russian Language in I.A. Krylov's Fables. Scientific Progress. 2022. No. Special Issue 1. P. 33 – 38.
10. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: AST, 2018. 736 p.
11. Oparina E.O. Non-Equivalent Lexicon. Basic Concepts of Translation Studies (Domestic Experience). Terminological Dictionary and Reference Book. 2010. P. 18 – 20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezekvivalentnaya-leksika> (date of access: 27.04.2025)
12. Uimanova E.A., Mishina G.V. Socio-political and moral-philosophical fables of I.A. Krylov. Forum of young scientists. 2020. No. 5 (45). P. 477 – 480.
13. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant, 2013. 800 p.
14. Fomenko L.N. Translation of non-equivalent vocabulary as one of the ways of conveying the national culture of another country. Bulletin of IMSIT. 2022. No. 4 (92). P. 21 – 23.
15. Khanova D.B. Background vocabulary of the Russian language. Economy and society. 2022. No. 10 (101)-1. P. 727 – 730. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fonovaya-leksika-russkogo-yazyka> (date of access: 04/29/2025)

Информация об авторах

Скобёлкина Н.М., кандидат педагогических наук, доцент, Байкальский государственный университет, snmirkutsk@mail.com

Не Цяньи, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, 1975025004@qq.com

© Скобёлкина Н.М., Не Цяньи, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 070.1:316.77(510)

Трансформация баланса сил в медиапространстве Китая: симбиоз или паразитизм?

¹ Таказов В.Д., ¹ Ван Инчэнь

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье исследуется процесс цифровой трансформации медиасистемы Китайской Народной Республики, характеризующийся переходом власти от традиционных редакций к технологическим гигантам (ByteDance, Alibaba, Tencent, Baidu). Авторы анализируют феномен «платформенной зависимости», при которой дистрибуция контента, монетизация и доступ к аудитории контролируются алгоритмами цифровых экосистем. Рассматриваются экономические и институциональные последствия этого сдвига: коммодификация новостей, диспропорции в распределении доходов и изменение профессиональных стандартов журналистики под влиянием форматов коротких видео (Douyin) и суперприложений (WeChat). Особое внимание уделено дилемме «симбиоз или паразитизм» в отношениях между производителями контента и платформами. В работе сделан вывод о необходимости государственного регулирования и поиска новых бизнес-моделей для сохранения субъектности традиционных СМИ.

Ключевые слова: медиасистема Китая, цифровая журналистика, платформенная зависимость, BATD, алгоритмическое управление, монетизация контента, традиционные СМИ, WeChat, Douyin, экономика внимания

Для цитирования: Таказов В.Д., Ван Инчэнь Трансформация баланса сил в медиапространстве Китая: симбиоз или паразитизм? // Современный ученый. 2026. № 4. С. 88 – 92.

Поступила в редакцию: 21 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Transformation of the balance of power in China's media landscape: symbiosis or parasitism?

¹ Takazov V.D., ¹ Wang Yingchen

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article explores the process of digital transformation within the media system of the People's Republic of China, characterized by a power shift from traditional newsrooms to technology giants (ByteDance, Alibaba, Tencent, Baidu). The authors analyze the phenomenon of "platform dependency," where content distribution, monetization, and audience access are controlled by the algorithms of digital ecosystems. The study examines the economic and institutional consequences of this shift: the commodification of news, revenue disparities, and the alteration of professional journalism standards under the influence of short video formats (Douyin) and super-apps (WeChat). Special attention is paid to the "symbiosis vs. parasitism" dilemma in the relationship between content

producers and platforms. The paper concludes with the necessity for state regulation and the search for new business models to preserve the agency of traditional media.

Keywords: Chinese media system, digital journalism, platform dependency, BATD, algorithmic governance, content monetization, traditional media, WeChat, Douyin, attention economy

For citation: Takazov V.D., Wang Yingchen Transformation of the balance of power in China's media landscape: symbiosis or parasitism? Modern Scientist. 2026. 4. P. 88 – 92.

The article was submitted: October 21, 2025; Approved after reviewing: December 18, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Контакт традиционных институтов китайской журналистики с «большой четверкой» технологических корпораций (BATD: ByteDance, Alibaba, Tencent, Baidu) знаменует собой тектонический сдвиг во всей информационной экосистеме страны. Эта трансформация диктует новые императивы выживания для редакций в цифровую эру. Внедрение платформенной модели распространения информации привело к радикальному пересмотру иерархии: если раньше медиа контролировали и создание, и доставку контента, то теперь дистрибуция и доступ к конечному потребителю монополизированы технологическими гигантами, которые и присваивают основную часть прибавочной стоимости [1].

Сложилась парадоксальная конъюнктура: платформы открывают перед газетами и телеканалами горизонты охвата, технически невозможные в аналоговую эпоху, но ценой этого становится разрыв прямой коммуникации с читателем и потеря суверенитета над монетизацией. Центральной исследовательской проблемой становится определение природы этой связи: является ли альянс медиа и IT-гигантов синергетическим симбиозом, позволяющим эффективно масштабировать информацию, или же это форма паразитизма, где платформы эксплуатируют журналистский труд без справедливого экономического возмещения. Глубокий анализ финансовых потоков, властных диспропорций и бизнес-стратегий позволяет выявить ключевые паттерны, определяющие жизнеспособность традиционной прессы в условиях платформенного капитализма [2].

Термин «платформенная зависимость» описывает фундаментальную утрату субъектности традиционными СМИ, которые вынужденно встраиваются в архитектуру, диктуемую алгоритмами и регламентами сторонних сервисов. Статистика 2024 года свидетельствует о тотальности этого процесса: около 87% китайских медиаресурсов используют экосистемы Tencent, Baidu или ByteDance как основные каналы вещания [3]. Более того, для 62% редакций именно эти внешние каналы обеспечивают свыше половины всего цифрового трафика [4]. Эта зависимость носит многоуровневый характер:

Дистрибуционная: доступ к глазам читателя полностью опосредован рекомендательными системами;

Экономическая: финансовая устойчивость редакции завязана на монетизационные инструменты, принадлежащие третьим лицам;

Технологическая: СМИ вынуждены использовать чужой софт и аналитические метрики;

Институциональная: внутренняя редакционная политика неизбежно трансформируется под форматы, навязываемые IT-гигантами.

Материалы и методы исследований

Главная проблема кроется в асимметрии влияния: технологические корпорации в одностороннем порядке устанавливают правила игры – от алгоритмов ранжирования до принципов цензуры, – в то время как традиционные медиа лишены рычагов воздействия на эти процессы. В теории сетевых обществ это классический пример контроля над критическими узлами, дающего непропорциональную власть над всей системой.

В новой экономической реальности статус традиционных СМИ низводится до роли «поставщиков контента» для цифровых агрегаторов. Публикуя материалы в WeChat, Douyin или Toutiao, редакции теряют контроль над пользовательским опытом. Читатель взаимодействует с интерфейсом приложения, зачастую не фиксируя внимание на бренде источника информации, что размывает лояльность к конкретному изданию. Данные о поведении аудитории – «новая нефть» цифровой экономики – оседают на серверах платформ, оставляя редакции в неведении относительно глубинных предпочтений их читателей. Это блокирует возможность качественной аналитики и настройки стратегии развития.

В результате происходит коммодификация информации: новости превращаются в обезличенный товар, потребляемый в бесконечном потоке рекомендаций. Для журналистики это имеет разрушительные послед-

ствия: традиционные методы построения бренда и репутации перестают работать. СМИ вынуждены вступать в заведомо проигрышную конкуренцию за секунды внимания пользователя с развлекательным контентом, мемами и блогами, которые алгоритмически «заточены» на максимизацию дофамина отклика.

Алгоритмическое управление трафиком становится главным фильтром, определяющим информационную повестку дня. В отличие от редактора-человека, руководствующегося общественной значимостью новости, алгоритм оптимизирует метрики вовлечения: кликабельность (CTR), глубину просмотра и время взаимодействия. Система рекомендаций ByteDance (основа Toutiao и Douyin) учитывает более двух сотен переменных – от геолокации до истории лайков, чтобы сформировать персонализированную ленту [5].

Однако эта эффективность имеет обратную сторону: приоритизация кликейта. Материалы, вызывающие мгновенную эмоциональную реакцию, получают вирусный охват, тогда как серьезная аналитика пессимизируется. Статистика Toutiao неумолима: CTR развлекательного контента достигает 8,7%, в то время как качественная журналистика едва преодолевает порог в 2,3% [6]. Ситуацию усугубляет непрозрачность («черный ящик») алгоритмов: редакции не понимают точных критериев ранжирования, что лишает их возможности адаптироваться без потери профессиональных стандартов.

Финансовые взаимоотношения сторон характеризуются глубоким структурным неравенством. Модели разделения доходов (Revenue Share) выстроены в пользу владельцев инфраструктуры: обычно платформа удерживает 60-75% выручки, оставляя создателям контента лишь 25-40% [7].

В абсолютных цифрах доходы от платформ не покрывают расходов на качественную журналистику. Исследования показывают, что среднему региональному изданию цифровые платформы приносят около 18 млн юаней в год, что компенсирует лишь пятую часть (22%) их операционных затрат [8]. Фундаментальная несправедливость заключается в том, что платформы монетизируют не только текст или видео, но и весь цифровой след пользователя, пришедшего на этот контент, тогда как СМИ получают оплату только за показы рекламы.

Результаты и обсуждения

WeChat (Tencent) предлагает наиболее сложную модель интеграции через систему «Официальных аккаунтов» (Gongzhonghao). К 2024 году их число достигло 25 миллионов, охватывая весь спектр медиа — от гиганта «Жэньминь жибао» (100+ млн подписчиков) до районных газет. Уникальность WeChat в том, что он сохраняет элемент осознанного выбора: пользователь сам подписывается на канал, что создает более прочную связь, чем алгоритмическая лента. Это «огороженный сад», где контент доставляется лояльной аудитории напрямую. Монетизация здесь диверсифицирована:

Встроенная реклама: автоматизированная система Tencent, дающая около 800 тыс. юаней в месяц для среднего аккаунта;

Платный доступ: внедрение микроплатежей упростило процесс, но культура платной подписки прививается тяжело (лишь 3,7% пользователей платят);

E-commerce: продажа товаров через мини-программы;

B2B услуги: организация ивэнтв и спецпроектов.

Однако и здесь есть барьеры. Технические лимиты (ограничение на частоту публикаций), закрытость экосистемы (сложно увести пользователя на внешний сайт) и жесткая модерация создают риски. Любое изменение правил Tencent (как, например, ограничение внешних ссылок в 2023 году, обрушившее трафик на сайты СМИ на 42%) ставит бизнес изданий под угрозу.

Взрывной рост платформ коротких видео (Short video) изменил саму грамматику журналистики. Douyin с его 748 миллионами пользователей (на 2024 год) диктует новые форматы. Традиционный нарратив уступает место 15-60 секундным роликам, требующим мгновенного визуального захвата внимания. Высочайший коэффициент досмотра (68%) делает эту среду идеальной для воздействия, но требует от журналистов трансформации в видеоблогеров.

Успешные репортеры становятся инфлюенсерами, создавая личные бренды внутри корпоративных аккаунтов (как Лу Сяофэй из «Жэньминь жибао» с 4,2 млн подписчиков). Это порождает конфликт идентичности: кто владеет аудиторией – журналист или редакция? Доходы топ-авторов (40-80 тыс. юаней) значительно выше зарплат в штате, что меняет мотивацию кадров.

Жанровая адаптация включает:

Визуализацию данных: сложная инфографика в динамике;

Драматизацию: использование киноязыка и саунд-дизайна;

Микро-расследования: упаковка фактов в сверхсжатый формат.

Алгоритм Douyin работает как многоступенчатое сито: контент тестируется на малых группах и масштабируется при высоких реакциях. Это создает жесткую меритократию, где качество контента (или его вирусный потенциал) важнее статуса издателя.

Live-трансляции стали точкой слияния информации и торговли. Более 90% аудитории Douyin смотрят стримы [9]. Для журналистов это возможность прямой монетизации через:

Виртуальные подарки: донаты от зрителей (платформа забирает половину);

Контент-коммерцию: продажу товаров в прямом эфире («магазин на диване» 2.0).

Ведущие стримеры-журналисты могут генерировать миллионные обороты за одну трансляцию, получая комиссию 5-15%, что открывает совершенно новые финансовые горизонты, недоступные в печатной прессе.

Отношения медиа и платформ далеки от идиллии. Основные линии разлома:

Битва за трафик: платформы делают всё, чтобы пользователь не покидал приложение («walled gardens»), пессимизируя внешние ссылки. Это лишает СМИ шанса развивать собственные площадки;

Экономические споры: коллективные письма медиахолдингов с требованиями повысить долю выплат до 50% разбиваются о монопольную мощь техногигантов;

Авторское право: пиратство процветает. До 38% популярных новостей в Toutiao – это нелегальные копии. Судебные компенсации (5-20 тыс. юаней) смехотворны по сравнению с убытками;

Эрозия стандартов: алгоритмы поощряют фейки и сенсации. Проверенная информация проигрывает в охватах эмоциональным вбросам (на 35% меньше реакций), что подрывает этические основы профессии.

Экспертное сообщество и регуляторы ищут пути выхода из кризиса. Обсуждаются модели принудительного лицензирования (по аналогии с музыкальной индустрией), введение квот на отчисления авторам и антимонопольные расследования [10].

Возможные сценарии:

Поглощение: полная интеграция слабых медиа в структуры техногигантов;

Диверсификация: попытки создать альтернативные, независимые каналы (в том числе на базе Web3), хотя сетевой эффект работает против этого;

Государственный арбитраж: активное вмешательство властей КНР для защиты информационной безопасности и поддержки партийной прессы через ограничения аппетитов платформ.

Выводы

Вопрос «симбиоз или паразитизм» не имеет бинарного ответа. С точки зрения платформ, это симбиоз: они предоставляют инфраструктуру стоимостью в миллиарды, аудиторию и технологии, спасая медиа от забвения. С точки зрения медиа, это паразитизм: платформы извлекают сверхприбыли, эксплуатируя контент, созданный чужим трудом, и присваивая социальный капитал журналистики. Экономически этот союз выгоден платформам, но социально он несет риски деградации информационной среды. Истина находится в точке динамического напряжения между необходимостью охвата и императивом сохранения профессиональной независимости.

Список источников

1. Ван С., Чэнь Л. Цифровая трансформация медиаиндустрии Китая: вызовы и возможности // Вопросы журналистики. 2023. № 4. С. 45.
2. Вартаков С.А. Медиакоммуникационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 6 (48). С. 6.
3. Кумылганова И.А., Ма Кэ. Особенности формирования повестки дня в социальных сетях России и Китая в период пандемии COVID-19 // Меди@льманах. М. 2022. № Выпуск 2 (109). С. 50.
4. Таказов В.Д., Чжан Янин Особенности новых медиа Китая (на примере сервиса Weibo) // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 161.
5. Ли Мин. Эффективность контента в алгоритмических лентах: сравнительный анализ Toutiao и традиционных СМИ // Медиаисследования КНР. 2024. Т. 12. С. 89 – 90.
6. Исследование финансовой устойчивости региональных СМИ Китая. Пекин: Ассоциация журналистов КНР, 2023. С. 15.
7. Анализ трафика новостных ресурсов в экосистеме WeChat: отчет за III квартал 2023 года. Шанхай: iResearch, 2023. С. 12.
8. Чжао С. Журналист или блогер? Трансформация профессиональной идентичности в эпоху Douyin // Вестник Пекинского университета. Серия: Журналистика. 2024. № 1. С. 22.

9. Ван Кэ Новые горизонты регулирования цифровых платформ: мнения экспертов // Гуанмин жибао. 2024. 15 января.

10. Шестерина А.М. "Искусственный интеллект": ассоциативное поле студентов-журналистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 3. № 2. С. 358 – 372.

References

1. Wang S., Chen L. Digital Transformation of China's Media Industry: Challenges and Opportunities. Journalism issues. 2023. No. 4. P. 45.

2. Vartanov S.A. Media Communications Industry: Towards a Theoretical Substantiation of the Category. Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism. 2023. No. 6 (48). P. 6.

3. Kumylganova I.A., Ma Ke. Features of Agenda Formation in Social Networks of Russia and China during the COVID-19 Pandemic. Medi@lmanakh. Moscow, 2022. No. Issue 2 (109). P. 50.

4. Takazov V.D., Zhang Yaning Features of China's New Media (using Weibo as an Example). Uspehi humanitarnykh nauk. 2024. No. 1. P. 161.

5. Li Ming. Content Effectiveness in Algorithmic Feeds: A Comparative Analysis of Toutiao and Traditional Media. Media Studies of the PRC. 2024. Vol. 12. P. 89 – 90.

6. A Study on the Financial Stability of Regional Media in China. Beijing: China Journalists' Association, 2023. P. 15.

7. Analysis of News Resource Traffic in the WeChat Ecosystem: A Report for the Third Quarter of 2023. Shanghai: iResearch, 2023. P. 12.

8. Zhao S. Journalist or Blogger? Transformation of Professional Identity in the Douyin Era. Bulletin of Peking University. Series: Journalism. 2024. No. 1. P. 22.

9. Wang Ke. New Horizons for Regulating Digital Platforms: Expert Opinions. Guangming Ribao. 2024. January 15.

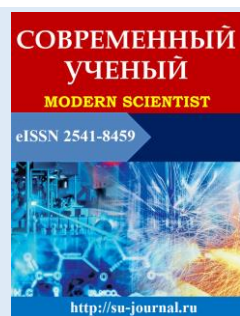
10. Shesterina A.M. "Artificial Intelligence": The Associative Field of Journalism Students. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024. Vol. 3. No. 2. P. 358 – 372.

Информация об авторах

Таказов В.Д., доктор филологических наук, профессор Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, forum59@mail.ru

Ван Инчэнь, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, yingchenw5@gmail.com

© Таказов В.Д., Ван Инчэнь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81,2

Перифразы и косвенные номинации фитонимов в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской и корейской традициями)

¹ Хань Юехао

¹ Ереванский государственный университет, Армения

Аннотация: статья посвящена описанию и разграничению перифраз и косвенных номинаций фитонимов в русской языковой картине мира в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. На материале образов пиона, ландыша и дуба уточняются критерии различения перифразы как устойчивого описательного синонима и косвенной номинации как контекстуально обусловленного метафорического наименования. Показано, каким образом фитонимические перифразы и косвенные номинации вербализуют этнокультурные коды, формируют символику силы, чистоты, красоты, мужества. На основе сопоставления с китайской и корейской традициями выявляются общие и специфические черты концептуализации растений, прежде всего пиона и мугунхва. Особое внимание уделяется связи образных фитонимов с мифологическими представлениями и фольклорными моделями мира. Делается вывод о когнитивных функциях перифраз и косвенных номинаций в структуре национальной идентичности и в межкультурном взаимодействии.

Ключевые слова: перифраз, косвенная номинация, вторичная номинация, фитоним, лингвокультурология, когнитивная метафора, этнокультурный код, русская языковая картина мира, китайская традиция, корейская традиция

Для цитирования: Хань Юехао Перифразы и косвенные номинации фитонимов в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской и корейской традициями) // Современный ученый. 2026. № 4. С. 93 – 98.

Поступила в редакцию: 22 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Periphrases and indirect nominations of phytonyms in the Russian linguistic worldview (in comparison with Chinese and Korean traditions)

¹ Han Yuehao

¹ Erevan State University, Armenia

Abstract: the paper focuses on the description and differentiation of periphrases and indirect nominations of phytonyms in the Russian linguistic worldview from a linguocultural and cognitive perspective. Using the images of peony, lily of the valley and oak, the study clarifies the criteria distinguishing periphrasis as a stable descriptive synonym and indirect nomination as a context-dependent metaphorical naming. It is shown how phytonymic periphrases and indirect nominations verbalize ethnocultural codes and construct the symbolism of power, purity, beauty and masculinity. A comparison with Chinese and Korean traditions reveals shared and culture-specific features in plant conceptualization, especially in the case of peony and mugunghwa. Particular attention is paid to the links

between figurative phytonyms, mythological beliefs and folklore models of the world. The article concludes by discussing the cognitive functions of periphrases and indirect nominations in shaping national identity and in cross-cultural communication.

Keywords: periphrasis, indirect nomination, secondary nomination, phytonym, linguoculturology, cognitive metaphor, ethnocultural code, Russian linguistic worldview, Chinese tradition, Korean tradition

For citation: Han Yuehao Periphrases and indirect nominations of phytonyms in the Russian linguistic worldview (in comparison with Chinese and Korean traditions). Modern Scientist. 2026. 4. P. 93 – 98.

The article was submitted: October 22, 2025; Approved after reviewing: December 19, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Актуальность обращения к перифразам и косвенным номинациям фитонимов обусловлена тем, что именно через образные наименования растений язык фиксирует устойчивые этнокультурные представления о мире природы и месте человека в нём. Фитонимическая лексика образует один из наиболее древних и семантически нагруженных фрагментов языковой картины мира [5, с. 254]; её исследование в ключе лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет выявить способы вербализации культурных архетипов, ценностных приоритетов и символических оппозиций.

Особый интерес представляет сопоставление русской традиции с китайской и корейской, где растительный мир также включён в систему мифологических и культурных кодов [7, с. 24]. Сопоставительный анализ демонстрирует, какие образы оказываются универсальными (например, «царственность» пиона), а какие являются культурно-специфическими (сакральная роль дуба в славянской традиции или мугунхва в корейской).

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе перифраз и косвенных номинаций фитонимов в русской языковой картине мира и в выявлении их когнитивных и лингвокультурологических функций в сопоставлении с китайской и корейской традициями.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- уточнить и развести понятия «перифраз» и «косвенная номинация» применительно к фитонимам;
- описать основные типы перифраз и косвенных номинаций на материале русских образов пиона, ландыша и дуба;
- показать, какие этнокультурные коды актуализируются в соответствующих наименованиях;
- сопоставить русские модели номинации с китайскими и корейскими образами растений;
- определить когнитивные функции перифраз и косвенных фитонимических номинаций.

Научная новизна работы состоит, во-первых, в последовательном разграничении перифраз и косвенных номинаций в пределах единого подязыка фитонимии; во-вторых, в межкультурном анализе русских образных фитонимов в соотношении с китайской и корейской традициями; в-третьих, в попытке описать данные номинации как инструменты вербализации этнокультурных кодов и когнитивной категоризации растительного мира.

Материалы и методы исследований

Теоретической основой исследования служат положения теории номинации, учение о вторичной и косвенной номинации, лингвокультурологический подход к анализу фитонимии [6, с. 48-54], а также концепции когнитивной метафоры.

Материалом послужили данные восточнославянского фольклора, художественной литературы, мифологических описаний, современные медийные тексты, а также описания китайской и корейской культурных традиций, связанные с символикой растений.

Результаты и обсуждения

В лингвистике перифраз традиционно определяется как описательное обозначение предмета или явления, которое заменяет его прямое имя и выступает семантически эквивалентным синонимом [3, с. 696]. В отличие от обычного определения, перифраза, как правило, обладает:

1. относительной устойчивостью;
2. способностью однозначно идентифицировать референт в пределах культурной традиции;
3. экспрессивно-оценочной окраской.

Такого рода номинации часто имеют форму словосочетания – например, «царь зверей» по отношению к льву, «царь птиц» по отношению к орлу. В фитонимической подсистеме перифразами можно считать такие

устойчивые описательные наименования, как «царь цветов» по отношению к пиону или «царь-дерево» по отношению к дубу, если они функционируют как культурно закреплённые синонимические обозначения соответствующих растений и способны идентифицировать их без прямого называния.

Косвенная номинация, в трактовке Т.Г. Паниной, представляет собой вторичное, опосредованное наименование, при котором связь между звучанием и референтом опосредуется образным, ассоциативным звеном. В отличие от перифразы, косвенная номинация не обязательно является устойчивой; она часто носит контекстный, индивидуально-авторский характер и реализуется через механизм метафоры, метонимии, сравнения и других видов вторичной номинации [11, с. 336-337]. Применительно к фитонимам косвенная номинация проявляется, когда растение обозначается через образ, не закреплённый в языке как обязательный синоним, но актуализирующий определённые признаки в контексте: «горький цветок» по отношению к ландышу, когда акцентируются мотивы печали и предупреждения; «ниточка жемчуга» при описании белой кисти его цветков; «лесной властитель» по отношению к дубу в индивидуально-авторской метафоре.

С опорой на существующие описания вторичной косвенной номинации можно выделить несколько критериев разграничения перифразы и косвенной номинации фитонимов:

1. Степень устойчивости. Перифраз, как правило, фиксируется в словарях, фольклорных и литературных текстах в повторяющихся формах и выполняет функцию общеизвестного обозначения («царь цветов» – пион). Косвенная номинация может возникать как единичный, контекстуально обусловленный образ.
2. Статус синонимичности. Перифраз семантически эквивалентен прямому имени и может заменять его в тексте без потери референта. Косвенная номинация не всегда обладает полной синонимичностью и часто требует присутствия прямого фитонима или дополнительного контекста для однозначной идентификации.
3. Уровень конвенционализации. Перифраз опирается на коллективный культурный опыт и разделяемые носителями языка знания. Косвенная номинация может быть преимущественно индивидуально-авторской, ориентированной на интерпретационные усилия читателя.
4. Когнитивный механизм. Перифраз преимущественно выделяет и вербализует уже известные, закреплённые признаки объекта (величие, сила, красота). Косвенная номинация чаще инициирует переработку опыта, предлагая новое, неочевидное видение объекта, что соответствует представлению о «комбинаторной деятельности сознания».

В дальнейшем под перифразами фитонимов будем понимать устойчивые описательные номинации, выполняющие функцию синонимического наименования растения в рамках культурной традиции. Под косвенными номинациями будем рассматривать метафорические и ассоциативные обозначения растений, значение которых полностью актуализируется только в конкретном контексте.

Древовидный пион (*Paeonia suffruticosa*) в русской культуре устойчиво закреплён за перифразой «царь цветов», которая подчёркивает его визуальную и символическую доминантность [1, с. 9-61]. Эта формула фиксируется как в научно-популярных и художественных текстах, так и в современной медийной коммуникации: названия выставок и конкурсов («Царь цветов – пион»), описания садовых композиций («пион – настоящий царь цветов в нашем палисаднике») и др.

Перифраз «царь цветов» отвечает всем указанным выше признакам:

- устойчивость: воспроизводится в различных жанрах (фольклорно ориентированные описания, журнальная публицистика, садоводческие форумы);
- синонимичность: в контексте русской культуры данная формула однозначно соотносится с пионовым образом;
- культурная мотивированность: пион воспринимается как особо пышное, «праздничное» растение, ассоциируется с богатством, торжеством, благополучием [9, с. 195].

Образ «царственности» пиона поддерживается целым рядом косвенных номинаций, которые, однако, не достигли степени устойчивого перифраза: «императорский цветок», «праздничный князь клумбы», «барский цветник у крыльца» и др. В этих случаях наблюдаем разную степень конвенционализации: если «царь цветов» уже функционирует как собственно перифраз, то индивидуальные расширения («императорский цветок») остаются в сфере авторской косвенной номинации, опираясь на тот же эталон статуса и величия.

Ландыш майский (*Convallaria majalis*) в русской традиции маркирует рубеж зимы и весны, обновление природы, чистоту и одновременно скрытую опасность [8, с. 24]. В отношении ландыша функционирует целый ряд образных наименований, различающихся степенью устойчивости.

Обороты типа «колокольчики весны», «лесные колокольчики» достаточно часто встречаются в художественных текстах и детской литературе, где акцент делается на форме цветка и его первой весенней «звучности»: ...Сквозь прошлогоднюю листву поднялись колокольчики весны... Подобные наименования мож-

но рассматривать как переходную зону между перифразой и косвенной номинацией: с одной стороны, они повторяются в разных текстах и опираются на общепонятный визуальный признак (колокольчатая форма цветка); с другой – сохраняют определённую контекстную зависимость, поскольку «колокольчики» могут обозначать и другие растения. Важным является сочетание образа с семантикой времени: добавление компонента «весны» («колокольчики весны») повышает степень идентифицируемости ландыша и приближает данное наименование к перифразе.

Косвенные номинации «жемчужная кисть», «ниточка жемчуга» актуализируют иной признак – белизну и утончённость мелких цветков. Здесь метафоризация основана на сходстве формы и цвета; подобные образы, как правило, индивидуально-авторские и требуют контекста для точного соотнесения с ландышем, что позволяет квалифицировать их как косвенные номинации.

Особого внимания заслуживает наименование «горький цветок», фиксируемое в интерпретациях ландыша как двусмысленного символа чистоты и печали. Оно почти никогда не выступает изолированным обозначением растения, а вводится в контекст, где подчёркиваются мотивы предостережения, хрупкости, смертельной ядовитости. В этом случае перед нами типичная косвенная номинация: лексема «горький» не описывает вкусовые свойства растения, но переносит на него ассоциативное поле «горечи судьбы», утраты, трагического опыта.

Таким образом, для ландыша характерно сосуществование:

- полуустойчивых перифраз типа «колокольчики весны», маркирующих временной и визуальный аспект образа;
- индивидуальных косвенных номинаций («жемчужная кисть», «горький цветок»), актуализирующих эмоционально-оценочное измерение фитонима.

Дуб (*Quercus robur*) занимает ключевое место в славянской мифопоэтической традиции и русской языковой картине мира [12, с. 512]. В многочисленных фольклорных и обрядовых текстах дуб предстает как дерево-опора, дерево-воин, дерево-покровитель: Стоит дуб могучий, корнями землю держит,

ветвями небо подпирает [2, с. 623]. В фольклорной системе закрепились такие перифразы и сакральные номинации, как «Перуново дерево», «хозяин леса», «царь леса», «царь-дуб». Эти обозначения обладают высокой степенью устойчивости, широко представлены в заговорах, обрядах, описаниях народных верований и выполняют функцию собственно наименований дуба в сакральном контексте.

Перифраз «царь-дерево» / «царь леса» задаёт иерархическую модель лесного пространства: дуб мыслится как вертикальная и смысловая доминанта, «опора» мира. Номинация «Перуново дерево» связывает фитоним с конкретным мифологическим персонажем, превращая дуб в медиатор между человеческим и божественным уровнями бытия [4, с. 696].

На этом фоне индивидуально-авторские косвенные номинации («усталый страж леса», «мрачный великан поляны», «сухой великан над рекой») развивают те же семантические линии, но остаются контекстно обусловленными: они требуют описания ситуации и включения в текст, чтобы быть прочитанными как обозначения дуба. Здесь реализуется именно вторичная косвенная номинация, в которой, по наблюдению Т.Г. Паниной, активизируется «комбинаторная деятельность сознания»: носитель языка соединяет атрибуты силы, высоты, почтенного возраста и эмоциональной оценки.

Таким образом, в дубовой зоне наблюдаем разветвлённую систему перифраз (сакральных, иерархических, пространственно ориентированных) и широкий спектр авторских косвенных номинаций, опирающихся на уже сложившийся сакральный статус дерева.

Образ пиона в китайской культуре во многом параллелен русскому, однако имеет более отчётливую связь с императорской властью и социальной иерархией. Пион (牡丹 *mǔdan*) именуется «цветком императоров», «королём цветов» и выступает символом богатства, почёта, знатности [10, с. 256]. Китайские пословицы и художественные образы связывают цветение пиона с приходом удачи и материального процветания, подчёркивая его статус в городской и придворной культуре.

Сопоставление показывает, что перифразы типа «царь / король цветов» в русском и китайском языках реализуют один и тот же базовый концепт «величия» и «премиальности», но акценты различны:

- в китайской традиции на первый план выходит связь с императорским статусом, социальной иерархией, успехом;
- в русской – эстетическая и эмоциональная доминанта: пион – «праздничный», «торжественный» цветок, украшающий пространство и воплощающий идею красоты и изобилия.

Ландыш в китайской традиции обозначается нейтральными по метафорической насыщенности наименованиями типа «колокольчик-орхидея», которые фиксируют прежде всего ботанические признаки растения.

Символическая нагрузка ландыша в китайской культуре значительно слабее, чем в русской. Это свидетельствует о расхождении этнокультурных кодов при номинации одного и того же растения.

В корейской культуре ярко выраженным символом выступает не дуб и не пион, а мугунхва (*Hibiscus syriacus*), часто обозначаемая как «цветок бессмертия». Эта перифраза закреплена в национальной символике: мугунхва присутствует на государственных эмблемах, её образ введён в текст гимна, а мотивация бессмертия и стойкости связана с исторической судьбой народа.

Сопоставление показывает, что:

- перифразы типа «царь цветов» (пион) в русской и китайской традициях реализуют близкий концепт величия, но культурные акценты различаются;
- сакральный статус дуба как «царь-дерева» и «Перунова дерева» является в большей степени славянской спецификой и не имеет прямых аналогов в китайской и корейской традициях;
- корейский образ мугунхва как «цветка бессмертия» функционально сопоставим с дубом: оба растения становятся знаками национальной стойкости, но реализуются в разных культурных сценариях (дерево-воин в славянском мире и цветок-бессмертие в корейском).

С позиций когнитивной лингвистики перифразы и косвенные номинации фитонимов выполняют несколько ключевых функций.

Во-первых, они структурируют предметно-пространственные знания, создавая в сознании носителя языка иерархизированную модель растительного мира. Номинации «царь цветов», «царь-дерево», «хозяин леса» маркируют доминанты в этом пространстве, задавая вертикали «верх – низ», «центр – периферия» и закрепляя определённые растения в позициях культурных опор.

Во-вторых, перифразы и косвенные номинации обеспечивают переход от чувственно воспринимаемых признаков к абстрактным ценностям. Так, пышность и яркость цветка переосмысливаются как «царственность» пиона, хрупкость и белизна ландыша – как «чистота» и «горечь» судьбы, мощь дуба – как «мужество» и «непоколебимость». Здесь реализуется механизм когнитивной метафоры, описанный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: через конкретный образ (дерево, цветок) концептуализируется сложное ценностное поле (власть, стойкость, трагизм).

В-третьих, образные фитонимические номинации обслуживают сферу коллективной памяти. Сакральные наименования типа «Перуново дерево» включают в себя отсылки к архаическим мифологическим сюжетам, обрядовым практикам, древним формам религиозного опыта. Даже при ослаблении прямой связи с язычеством они продолжают функционировать как культурные маркеры, указывающие на глубину исторического слоя.

В-четвёртых, перифразы и косвенные номинации фитонимов выступают в качестве «языковых кодов» этнической культуры. Их узнавание и интерпретация требует владения культурными знаниями, а успешная дешифровка создаёт эффект принадлежности к «своему» языковому и культурному коллективу.

Наконец, в межкультурной перспективе такие наименования выполняют функцию «точек сопоставления»: сопоставляя «царя цветов» в русской и китайской традициях или «цветок бессмертия» в корейской с дубом как «царём-деревом» в славянской, мы выявляем как универсальные, так и уникальные механизмы символизации природы, а значит, и особенности национальных способов концептуализации мира.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, разграничение перифразы и косвенной номинации применительно к фитонимам возможно при опоре на комплекс формально-семантических и когнитивных критериев. Перифраз понимается как устойчивое описательное обозначение растения, функционирующее в качестве синонимического имени и закреплённое в коллективной памяти (типа «царь цветов» – пион, «царь-дерево», «хозяин леса», «Перуново дерево» – дуб). Косвенная номинация трактуется как преимущественно контекстуальное метафорическое наименование («горький цветок», «жемчужная кисть» по отношению к ландышу и др.), значение которого полностью актуализируется только в конкретном высказывании.

Во-вторых, в русской языковой картине мира образы пиона, ландыша и дуба образуют ядро символически нагруженной фитонимии. Пион через перифраз «царь цветов» репрезентирует идеи пышности, изобилия, торжества; ландыш сочетает мотивы весеннего обновления и скрытой трагичности, что отражается в сочетании полуустойчивых перифраз («колокольчики весны») и индивидуальных косвенных номинаций («горький цветок», «жемчужная кисть»); дуб как «царь-дерево», «хозяин леса», «Перуново дерево» воплощает архетип силы, мужественности и сакральной защиты.

В-третьих, сопоставление с китайской и корейской традициями демонстрирует как универсальные, так и специфические черты растительной символики. Общим является использование модели «царя / короля цве-

тов» по отношению к пиону, однако в китайской традиции акцент смещён к императорской иерархии и социальному статусу, тогда как в русской – к эстетической и эмоциональной доминанте.

Таким образом, перифразы и косвенные номинации фитонимов представляют собой не только стилистическое украшение речи, но и важный инструмент когнитивной категоризации и культурной памяти.

Список источников

1. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Имена деревьев в восточнославянских заговорах // Вопросы ономастики. 2021. № 1. С. 9 – 61.
2. Арутюнова В.П. Культурная природа языка. М.: Языки славянской культуры, 1997. 623 с.
3. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Большая российская энциклопедия. 2004-2017. Т. 25. С. 696.
4. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
5. Галиулина Е.Г. Фитонимическая система русского языка: монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 254 с.
6. Гостева А.А. Фитонимическая лексика как объект ономастического исследования // Вестник Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. 2020. Вып. 5. С. 48 – 54.
7. Дружинина Е.И. Фитонимика как объект лингвистических исследований (на материале русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 24 с.
8. Летова А.М. Семантические особенности фольклорных фитонимов (на материале русских поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
9. Маслова В.А. Язык в национальной картине мира. М.: Академия, 2001. 195 с.
10. Сафронова Е.В. Флора и фауна в мифологии восточных народов. М.: Вече, 2010. 256 с.
11. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 336 – 337.
12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1996. 512 с.

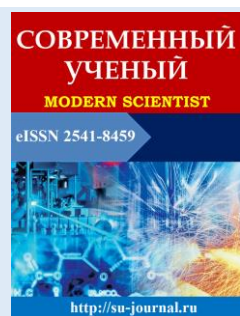
References

1. Agapkina T.A., Berezovich E.L., Surikova O.D. Names of Trees in East Slavic Incantations. Questions of Onomastics. 2021. No. 1. P. 9 – 61.
2. Arutyunova V.P. The Cultural Nature of Language. Moscow: Languages of Slavic Culture, 1997. 623 p.
3. Belchikov Yu.A. Periphrase. The Great Russian Encyclopedia. 2004-2017. vol. 25. P. 696.
4. Burmistrova T.N. Sacred Phytonymy: Linguocultural Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Yekaterinburg, 2008. 24 p.
5. Galiulina E.G. Phytonymic System of the Russian Language: Monograph. SPb.: SPbU Publishing House, 2015. 254 p.
6. Gosteva A.A. Phytonymic Lexicon as an Object of Onomastic Research. Bulletin of P.M. Masherov Vitebsk State University. 2020. Issue 5. P. 48 – 54.
7. Druzhinina E.I. Phytonymics as an Object of Linguistic Research (Based on Russian and Chinese Languages): Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Ekaterinburg, 2019. 24 p.
8. Letova A.M. Semantic Features of Folklore Phytonyms (Based on Russian Proverbs): Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow, 2003. 24 p.
9. Maslova V.A. Language in the National Picture of the World. M.: Academy, 2001. 195 p.
10. Safronova E.V. Flora and fauna in the mythology of eastern peoples. M.: Veche, 2010. 256 p.
11. Telia V.N. Nomination. Linguistic encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 336 – 337.
12. Tolstoy N.I. Language and folk culture. M.: Indrik, 1996. 512 p.

Информация об авторе

Хань Юухао, аспирант, Ереванский государственный университет, Ереван, hanyuehao666@gmail.com

© Хань Юухао, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81'1

Стратегия продвижения в современном академическом дискурсе (на материале русских и китайских лингвистических статей)

¹ Чжао Жонань

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу стратегии продвижения в современном академическом дискурсе на материале русских и китайских лингвистических научных текстов. Цель исследования заключается в выявлении и описании метадискурсивных средств, обеспечивающих эффективную презентацию научных результатов и формирование взаимодействия между автором и адресатом в процессе академической коммуникации. Теоретической основой работы послужила модель метадискурса К. Хайленда, в рамках которой стратегия продвижения рассматривается как совокупность интерактивных и интеракционных ресурсов. В исследовании применяются методы дискурсивного и функционально-прагматического анализа, а также элементы сопоставительного подхода. Установлено, что интерактивные метадискурсивные маркеры выполняют функцию структурирования и когнитивной ориентации текста, обеспечивая его связность и интерпретативную прозрачность, тогда как интеракционные маркеры направлены на прагматическое позиционирование научного знания, выражение степени уверенности и оценочности, а также на регулирование авторской ответственности. Результаты анализа свидетельствуют о том, что стратегия продвижения является значимым прагматическим механизмом организации научного текста и реализуется с учетом как универсальных требований академического дискурса, так и национально обусловленных норм научного письма.

Ключевые слова: стратегия продвижения, научная коммуникация, метадискурс, риторический прием, академический дискурс

Для цитирования: Чжао Жонань Стратегия продвижения в современном академическом дискурсе (на материале русских и китайских лингвистических статей) // Современный ученый. 2026. № 4. С. 99 – 107.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Promotional strategy in modern academic discourse (based on Russian and Chinese linguistic articles)

¹ Zhao Zhuonan

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the promotional strategy in contemporary academic discourse, based on Russian and Chinese linguistic research texts. The aim of the study is to identify and describe metadiscursive resources that ensure the effective presentation of research findings and facilitate interaction between the author and the addressee in academic communication. The theoretical framework of the study is grounded in K. Hy-

land's model of metadiscourse, within which the promotional strategy is viewed as a combination of interactive and interactional resources. The research employs methods of discourse analysis and functional-pragmatic analysis, as well as elements of a contrastive approach. The findings demonstrate that interactive metadiscursive markers perform a structuring and cognitive-orienting function, ensuring textual cohesion and interpretive transparency, whereas interactional markers are oriented toward the pragmatic positioning of scholarly knowledge, the expression of degrees of certainty and evaluation, and the regulation of authorial responsibility. The results indicate that the promotional strategy constitutes a significant pragmatic mechanism in the organization of academic texts and is implemented in accordance with both universal requirements of academic discourse and nationally conditioned norms of scholarly writing.

Keywords: promotional strategy, scientific communication, metadiscourse, rhetorical device, academic discourse

For citation: Zhao Zhuonan Promotional strategy in modern academic discourse (based on Russian and Chinese linguistic articles). Modern Scientist. 2026. 4. P. 99 – 107.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современном научном сообществе наблюдается изменение подходов к подаче исследовательской информации читателям. Традиция академического письма как способа передачи объективных фактов постепенно уступает место более совершенным. Как утверждает К. Хайленд, «академическое письмо постепенно утратило традиционную объективность и стало рассматриваться как деятельность, предполагающая взаимодействие между автором и читателями и направленная на убеждение адресата [1]. Данное мнение подтверждается наблюдением В. Бхатии, согласно которому «элементы продвижения результатов оказывают свое влияние на характер всего спектра профессионального и даже академического дискурса...при этом многие из наших дискурсивных действий, будь то в деловой или академической сфере, в той или иной степени подвержены влиянию целей продвижения» (Бхатия, 2005: 213), и «ученые используют позитивно заряженную лексику в научных статьях для описания своих исследований – их важности, уникальности и новизны» [2]. Использование языковых средств и синтаксических структур, которые способствуют позитивному представлению исследовательских результатов научных работ и привлечению внимания читателя к их значимости, достоверности, новизне и т.д., рассматривается в настоящей работе под термином «стратегия продвижения» (от англ. promotional strategy).

Рассмотрим некоторые явления, которые позволяют многогранно рассмотреть возникновение и использование стратегии продвижения в современном академическом дискурсе. В конце прошлого века британский лингвист Н. Фэркло указывал на начало возникновения употребления средств продвижения в современных научных работах, что в известной мере объясняется усиливающей конкуренцией за рабочие места в университетах, условиями участия в грантовых конкурсах и растущим количеством публикаций, которые «были восприняты как требующие от ученых новых качеств и навыков» [3]. Данное мнение подтверждается тем, что «со времен Второй мировой войны практика академических изданий столкнулась с огромными изменениями в масштабах исследовательской деятельности, в культуре и управлении высшим образованием» [4]. Важное значение имела монетизация знаний для социального развития, и «научное достижение, может быть, являлось определенного рода товаром» [5]. Публикация становилась основной формой научной коммуникации и критерием оценивания профессиональной компетенции. Количество и качество опубликованных работ становилось «одним из критериев оценки деятельности ученого в процессе аттестации научных кадров» [6]. По справедливому замечанию В.Е. Чернявской, «лозунг “publish or perish”, “publish and flourish” (“публикуйся или погибнешь”, “публикуйся и процветай”) на протяжении многих десятилетий определял ключевое положение научного признания: в науке существует лишь то, что опубликовано. В современных условиях данный тезис принимает еще более заостренную формулировку: для науки существует лишь то, что индексируется и цитируется» [7]. Публикация научных статей в настоящее время влечет за собой становление академической репутации ученых и становится более коммерциализированной. Расширение возможностей публикации «осуществляется только с помощью определенных речевых приемов, позволяющих организовать текст так, чтобы сконцентрировать внимание адресата на наиболее значимых, новых смыслах, обозначить ключевые элементы дискурса» [7].

Использование стратегии продвижения в научных статьях определяется, в первую очередь, назначением академического дискурса как вербализации научных результатов и научной коммуникации, что позволяет

исследователям идти своим путем построения, доказательства и распространения нового знания в убедительном и доступном формате. По замечаниям исследователей академических текстов, на особенности современного научного текста и законы его построения «существенно влияет коммуникативный характер современного научного дискурса» [8], и «чтобы быть эффективным и убедительным, добиваться своих целей в общении, предвосхищать возможное непонимание адресата, говорящий должен постоянно анализировать и удерживать под контролем текущий процесс интеракции, осознавать все его детали» [9]. Таким образом, современным исследователям необходимо при описании результатов исследования соблюдать конвенциональные нормы для эффективной подачи информации и целесообразно использовать специфические средства для продвижения.

В данных обстоятельствах для выдвижения нового результата очевидна преимущество научного познания – «старое – новое – прогностическое». Как отмечает Л.К. Гейхман, «академическое письмо всегда связано с включением в уже идущую дискуссию» [10]. Авторам позволено обращаться к работам предшественников, аргументировать новизну представленного результата и подчеркивать его значимость, и при этом необходимо оценивание предыдущих работ, что дает автору научных статей возможность эксплицитно выразить свою позицию и оценку. Выражение объективной оценки содействует созданию положительного имиджа автора, что отражается в стремлении «к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины» [11]. В контексте данного видения удовлетворяются ожидания читателей при знакомстве с новыми знаниями. Достоверность, актуальность, значимость и новизна, их реализация в работе дает основания считать автора профессиональным ответственным исследователем и полученные им результаты достоверными. Кроме того, ученые, приобретая определенную свободу в выборе языковых средств в процессе представления и интерпретации результатов исследований, все увереннее входят в научное сообщество и прибегают к использованию неких межличностных стратегий продвижения.

Изучение тенденций современного академического дискурса и средств реализации продвижения важно рассмотреть дисциплинарных особенностей. «Лингвистика представляет собой интересный пример для сравнения и рассмотрения между “мягкими” и “жесткими” науками» [12]. В отличие от естественнонаучных, результаты гуманитарных исследований характеризуются как уникальным качеством приращенного знания, так и своеобразными способами его доказательности. Значимость научных результатов гуманитарной науки определяется дополнением и расширением существующих знаний об уже известных объектах. Как отмечает Н.К. Рябцева, «хорошая наука и хорошее изложение – почти одно и то же» [13]. Результаты гуманитарных исследований должны быть корректно структурированы и компетентно оформлены, что является для исследователей «мягких дисциплин» высоким требованием при позиционировании научной информации. Так, в лингвистических статьях использование метадискурсивных средств продвижения больше. Данное обстоятельство позволяет провести анализ языковых средств, направленных на продвижение научных результатов.

Цель настоящей статьи – раскрыть практические механизмы продвижения научных результатов и выявить реально употребляемые метадискурсивные маркеры, способствующие вербализации авторского результата в лингвистических статьях на русском и китайском языках.

Объектом исследования являются метадискурсивные языковые средства, способствующие позитивному позиционированию результатов исследований и привлечению читательского внимания к преимуществам определенных исследований. Текстовый корпус представлен статьями по лингвистике.

Практическая значимость исследования заключается в использовании полученных данных на практических занятиях по академическому письму, а также в лекционных курсах по семантике и прагматике.

Материалы и методы исследований

В качестве основных методов анализа текстового корпуса языковых средств, реализующих стратегии продвижения научных результатов в лингвистических статьях, использовались качественный анализ, прагма-семантический анализ языковых единиц, метод реферирования текстового целого. Материалами исследования являются лингвистические статьи из российских и китайских журналов «Вопросы языкознания» (<https://vja.ruslang.ru/ru/>), «Русский язык в научном освещении» (<https://rjano.ruslang.ru/?ysclid=mfxs89hgq255625088>), «Acta linguistica petropolitana» (<https://alp.iling.spb.ru/index.ru.html>), «当代语言学» (Современная лингвистика, <https://ddyux.ajcass.com>), «外语教学与研究» (Преподавание иностранных языков и научные исследования, <http://www.fltr.ac.cn>) и «语言教学与研究» (Преподавание иностранных языков и лингвистические исследования, <https://yyjx.cbpt.cnki.net/>) за 2023-2025 гг. Выбор журналов обусловлен их профильностью и ненулевым им-

насыщенного содержанием текста и активный авторский голос путем представления читателю дополнительной релевантной с областью исследования информации.

В то время как гиперссылки, цитаты (см. напр., см. [N, дата], ср. подобное в [N, дата], 详见 N-см. подробнее N) и глаголы представления информации (ср. отмечать, выдвигать, полагать, предлагать, указывать, описывать, подчеркивать, считать, настаивать, показывать, придерживаться, выявлять, 描述-описывать, 称其为-называть и т.д.) оказываются самыми частотными эвиденциальными средствами, которые отсылают к источникам, укрепляя достоверность изложения интуитивным и неоспоримым образом. В группе маркеров эвиденциальности мы также обнаружили предлоги (ср. согласно, из, по теории N, 根据-согласно) и средства обращения к общим знаниям (см. напр., как правило, всем известно, 回顾历史就可以知道-Вы можете понять, оглянувшись на историю, 据说-говорят). Эвиденциальное сокращение с латинским корнем *Ibid* со значением того, что «ссылка на источник та же, что была и в предыдущем цитировании» много раз прослеживается в русских статьях. Авторы-лингвисты также посвятили убедительные выражения для доказательства достоверности представленных материалов и правдоподобия своих оригинальных утверждений, которые чаще расположены в скобках в качестве альтернативной информации: по данным [автора (личное сообщение)], (私下交流)-частное общение, (来自...与笔者近期的微信讨论)-из ...недавней дискуссии со мной в Wechat, 据本人语感-согласно моему пониманию языка.

Для пояснения и иллюстрации представленной информации ученые прибегают к кодовым глоссам, в том числе к экзemplификации, которая предполагает объяснение незнакомых читателю языковых явлений или терминов посредством наглядных примеров. Так, используются, например, например, такие..., как..., 如, 例如, 比如, 诸如-к примеру, 以...为例-возьмем... в качестве примера и вводные слова, обозначающие перефразирование: а именно, 也就是-то есть, 即-это значит, 换言之-иными словами. Обращение к кодовым глоссам характерны для раскрытия деталей и передачи исходного смысла выражений. Глаголы со значением обозначения также неоднократно были выявлены в исследуемом корпусе: означать, понимать(ся), подразумевать, интерпретировать, иметь в виду, 意味-значить, 表现-выражать, 描述-описать и т.д.. Примечательно, что в китайском корпусе наблюдается активное использование выражений, которые чаще считаются клише в разговорной речи: 且做个比方-и, например, 换一个说法-если сказать по-другому.

По сравнению с интерактивными средствами, с помощью которых создается грамотно последовательно структурированный, легко понятный для аудитории текст с достоверными источниками информации, интеракционные средства носят более оценочный характер. Это позволяет явно выразить позицию, подчеркнуть авторский вклад и достичь солидарности с читателями.

Хеджи представляют собой языковые средства, позволяющие снизить категоричность авторских утверждений. Проявление осторожности в процессе представления новых знаний само по себе может рассматриваться как продвижение, в том смысле, что оно должно быть более вежливым, сдержанным и менее агрессивным, как будто вывод не представляется самим автором, а складывается в результате коллективного усилия с читателями. Эпистемические показатели, лексемы, обозначающие способы сообщения информации и указывающие на деинтенсификацию признака и слова со значением ограничения и уточнения условий составления утверждения, используются с разными целями для продвижения. Во-первых, их употребление возможно перед высказыванием нового результата для снижения его однозначности и демонстрации уважения к альтернативным мнениям, например, можно предположить, что..., можно было ожидать, что..., на данный момент нельзя (однозначно) с уверенностью утверждать, что, возможным объяснением для этого могут быть, вероятной причиной такого рода затруднений может быть, ...не является абсолютным, принимается альтернативное предположение, 有可能-возможно, 可能是-может быть, 常规来看-с общепринятой точки зрения, 一般认为-обычно считается, что... . Во-вторых, при представлении количественной или измерительной информации для демонстрации ответственности за результат, а также при указании на ее максимальную точность (группа по классификации, аппроксиматоры степени, количества, частоты и времени), ср., например, почти, примерно, слегка, 略, 近, 约, 左右-около, 偏-склон, 大体-в целом. В-третьих, при оценивании представленного исследования, в частности, используемых методов, материала или выводов для превращения установленных знаний и условий их получения в динамичное, своего рода разумное существование, см. не достаточно для уверенных утверждений, делается попытка, следует интерпретировать скорее как..., 尝试-попробуем, 从某一个角度-с определенной точки зрения. В-четвертых, в высказывании-заключении для ограничения его значимости и эффективности: иногда, не всегда, в каких-то аспектах, в некоторых случаях, некоторой долей условности можно сказать, что..., от-

части это можно объяснить тем, что..., ~~暂~~-пока, ~~偶~~, ~~有时~~-иногда, ~~在某些情况下~~- в некоторых случаях, ~~不总会~~-не всегда, ~~并不总是能够~~-не всегда удастся, ~~未必~~-не обязательно. Наконец, в высказываниях с эксплицитными оценками полученных выводов для проявления осторожности и ответственности за свои утверждения: ~~можно с осторожностью предположить, что...~~, ~~стоит высказать осторожную надежду на то, что...~~, ~~не можем сказать нечего определенного кроме...~~, ~~несколько предварительных замечаний, 粗略地说~~-грубо говоря, ~~似可说明~~-может быть объяснено.

Стоит отметить, что при обозначении уже известной аудитории информации или обобщении особенностей схожих объектов для эффективного представления информации также используются средства хеджирования: ~~как-то~~, ~~несколько~~, ~~те или иные~~, ~~一些~~-некоторые, ~~某种~~-некоторый.

В противоположном случае бустеры помогают автору эксплицитно выразить его уверенность в актуальности темы и достоверности результатов. Они прослеживаются в высказываниях с положительной оценкой эффективности используемых методов, моделей или концепций предшественников, подчеркивают пригодность материалов для исследования, их прозрачность и насыщенность. С их помощью явно и объективно, на основе фактов демонстрируется правомерность и универсальность полученных выводов.

Бустеры находят свое выражение в наречиях, словосочетаниях и эталонных конструкциях в качестве эвиденциальных показателей, например, ~~как видно, что...~~, ~~очевидно, что...~~, ~~как легко видеть, что...~~, ~~как видим, судя по наличию, заведомо, как часто утверждается, есть основания считать, что...~~, ~~дает основания говорить о том, что...~~, ~~в любом случае мы легко можем заметить, что...~~, ~~明显地~~-очевидно, ~~本来就~~-как само собой разумеющееся, ~~历来~~-исторически сложилось так, ~~照常~~-как обычно, ~~原则上~~-в принципе, ~~完全有理由相信~~, ...-~~есть все основания полагать, что...~~. Также они указывают на максимальное правдоподобие представленной информации (ср., ~~разумеется, фактически, правда, в подавляющем большинстве случаев, для большинства случаев можно считать, что...~~, ~~достаточно уверенно объяснить, это足以证明~~-достаточно, чтобы доказать, ~~时常~~-всегда, ~~很多时候~~-часто, ~~绝大多数~~-подавляющее большинство, ~~往往~~-зачастую) и выступают в качестве маркеров интенсификации для усиления категоричности для убеждения (см. например, ~~конечно, безусловно, не вызывает ни малейших сомнений, практически во всех случаях, можно с уверенностью сказать, что...~~, ~~с большой степенью уверенности утверждать, что...~~, ~~единственное, что можно однозначно сказать...~~, ~~无疑~~-несомненно, ~~自不必说~~- (даже) излишне говорить, ~~的确如此~~-действительно, так оно и есть).

Как утверждает В.Е. Чернявская, «в системе своей аргументации автор статьи поддерживает и усиливает поступательное развитие своей точки зрения на фоне чужого, уже существующего в научном обороте знания» [14]. При этом важную роль играют оценочные наречия, выражающие авторскую субъективную позицию к представленному материалу и работам других исследователей. Не менее значимы и модальные глаголы, обозначающие значимость и необходимость совершения какого-нибудь мыслительного поступка. Согласно нашим наблюдениям для реализации продвижения маркеры отношения (где доминируют оценочные наречия, прилагательные, глаголы и эталонные конструкции) активно используются в следующих ситуациях: 1) изложения и обоснования важности и актуальности области исследования: ~~важнейший, ключевой, недостаточный, проблематично, необходимо сделать,有意义的~~-значимый, ~~至关重要~~-крайне важный, ~~不言而喻~~-самоочевидно и т.д.; 2) определения исследовательской ниши и демонстрация лакуны исследуемой темы: ~~нетривиальный, интересующий нас, редкий, интересный и многообещающий, нельзя исключить и...~~, ~~新的~~-новый, ~~值得~~-стоит, ~~尚存在有待完善之处~~-есть возможности для улучшения и т.д.; 3) подчеркивания популярности и ценности рассмотрения выбранной темы: ~~плодотворный, самый распространенный,广泛~~-широко, ~~经典的~~-классический и т.д.; 4) раскрытия перспективы исследования и проявления заинтересованности к его развитию: ~~важно сознавать, открытый, необходимый, должен принимать во внимание, желательно, надеяться,有待~~-нуждаться, ~~仍需~~-все еще нуждаться и т.д.; 5) выражения положительной оценки к работам предшественников для демонстрации уважения к альтернативным точкам зрения, обоснования ценности представленного исследования: ~~интересный и значимый, нельзя также не упомянуть, любезно предоставленном нам N...~~, ~~寥若晨星~~-так же мало, как утренних звезд, ~~开创性的~~-новаторский, ~~有力~~-сильно и т.д.; 6) описания уникальных характеристик объекта для раскрытия его сложности, многогранности и гибкости: ~~особый, гибкий, спорный,令人质疑的~~-сомнительный, ~~复杂的~~-сложный и т.д.; 7) аргументации авторского вклада путем подтверждения ценности выводов: ~~новый, способный, стоит отметить, что...~~, ~~有助于~~-способный к, ~~有利于~~-полезный и т.д.; 8) доказательства целесоо-

образности выбранного материала в описании проблемы: *полноценно*, *专门-специально* и т.д.; 9) экспликации оценки к организации материала: *более подробно*, *следует выделить*, *有效地-эффективно* и т.д. Доказано, что частное использование данных маркеров является эффективным для продвижения авторского результата. Подчеркивая познавательность и важность определенных языковых явлений и выводов, автор не только привлекает внимание читателей, но и повышает в их глазах значимость представленной информации. С указанными необходимыми дальнейшими шагами он позиционирует свою работу как новую отправную точку для будущих исследований, тем самым утверждает ее ценность.

Как упомянуто в начале статьи, в настоящее время ученые находятся в условиях необходимости публиковать результаты исследований в журналах. Когда конкуренция предельно высока, «авторам текстов, для того чтобы быть услышанными, приходится четко обозначать свою позицию, отличную от позиции ученых в конкретной области исследования, то есть показывать собственное «я» [15]. Таким образом, большое значение имеет целесообразное использование *маркеров автореференции*, указывающих на автора. К ним относятся местоимение *мы/我们* в роли подлежащего или в глагольных формах 1-го л. мн. ч. и притяжательное *наш/我们的*. Их использование чаще наблюдается в русских статьях. Для китайских статей более характерны ссылки на работу. Рассматриваемые маркеры активно употребляются, как правило, с целью подчеркивания личного вклада, касающегося процесса написания текста и организации статьи, ср. *мы продемонстрировали*, *изучаемые нами*, *мы стремимся к ...*, *本文研究-настоящая статья исследует*, *我们对比了-мы сравнили* и т.д. Кроме того, они часто используются для раскрытия деталей представленного исследования путем объяснения собственных правил и сравнения с работами предшественников и демонстрации новизны, уникальности, теоретической или практической значимости темы. Например, *мы сосредоточимся на...*, *согласно нашей интерпретации*, *по нашим данным*, *与我们的分析相符-в соответствии с нашим анализом*, *根据我们的调查-согласно нашему опросу*. Прослеживаются также средства признания ограничения, как *насколько нам известно*, *дошедший до нас*. Стоит отметить, с помощью эксплицитного авторского присутствия информация представляется в виде солидарной коллективной работы, что объективно усиливает достоверность результата: *нашей группой*, *наши информанты*, *我们认为-мы считаем*, *что* и т.д. Маркеры автореференции сочетаются с лексическими единицами, имеющими оценочное или эмотивное значение для выражения субъективной оценки: *я благодарю*, *нам не удалось*, *我们可以-мы можем* и т.д.

Средства реализации взаимоотношения с будущей аудиторией в русском языке оказываются гораздо разнообразнее, чем в китайском языке. Представители исследуемых научных сообществ прибегают в основном к таким тактикам, согласно которым они выступают как руководители групп с читателями, диктуют последовательные действия к пониманию изложенных материалов, ср. например, *рассмотрим*, *допустим*, *перейдем к*, *мы вернемся к*, *让我们假设-давайте предположим*, *试比较-попробуйте сравнить* и т. п. Средством реализации взаимоотношения является обсуждение значимых, спорных вопросов и базовых факторов, касающихся истории изучения проблемы и перспективы развития целой области исследования, которые также интересны и релевантны для читателей. В данном случае используются такие маркеры, как *перед нами*, *мы сталкиваемся*, *доступный нам*, *в наши дни*, *这个事实提醒我们-этот факт нам напоминает*, *读者将会看到-читатели увидят*. Склонение читателей на свою сторону обычно эффективно для получения признания с их стороны. Это позволяет глубоко резонировать с лагунами, существующими в работах предшественников и направлять читательское внимание на преимущества представленных результатов. Риторические вопросы вызывают интерес читателей, что способствует убеждению и значительному продвижению.

Выводы

Проведённое исследование позволило уточнить содержание и механизмы реализации стратегии продвижения в современном академическом дискурсе на материале русских и китайских лингвистических статей. На основе корпуса из 120 научных публикаций 2023-2025 гг. и с опорой на модель метадискурса К. Хайленда было осуществлено системное описание метадискурсивных маркеров, функционирующих в реальных научных текстах и обеспечивающих эффективную презентацию исследовательских результатов, а также ориентацию читательского восприятия на их обоснованность, значимость и новизну.

Анализ показал, что стратегия продвижения реализуется посредством совокупности интерактивных и интеракционных средств. Интерактивные метадискурсивные маркеры, включая маркеры перехода и структуры, эндофорические элементы, эвиденциальные указатели и кодовые глоссы, выполняют функцию когнитивной и композиционной организации текста. Они обеспечивают связность и логическую последовательность изложения, делают дискурсивные шаги автора прозрачными для адресата и способствуют кор-

ректной интерпретации аргументации, тем самым снижая вероятность неоднозначного понимания представленных положений.

Интеракционные маркеры хеджи, бустеры, маркеры отношения, средства автореференции и вовлечения адресата выполняют прагматическую функцию позиционирования научного знания. Их использование позволяет одновременно демонстрировать научную осторожность и ответственность, акцентировать степень достоверности выводов и обозначать вклад исследования в развитие дисциплины. В результате данные средства обеспечивают не только аргументативную убедительность текста, но и его интеграцию в существующее научное знание, поддерживая взаимодействие автора с академическим сообществом.

Сопоставительный анализ русских и китайских научных статей выявил как общие черты стратегии продвижения, обусловленные универсальными требованиями академической коммуникации, так и различия в выборе и распределении метадискурсивных маркеров. Эти различия отражают влияние национальных академических традиций и конвенционально закреплённых норм научного письма, что позволяет рассматривать стратегию продвижения как культурно и дискурсивно обусловленный феномен, а не как универсальный формальный шаблон.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса за счёт текстов других научных дисциплин и жанров академического дискурса, что позволит более детально разграничить универсальные и дисциплинарно-культурные параметры стратегии продвижения и уточнить её роль в современной научной коммуникации.

Список источников

1. Хайланд К. Позиция и вовлечённость: модель взаимодействия в академическом дискурсе // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7. № 2. P. 173 – 192.
2. Хоутыз И.П. Функции перечислений в продвигающем академическом дискурсе: исследование объявлений аспирантских программ // *Professional Discourse & Communication*. 2025. Vol. 7. № 1. P. 34 – 49.
3. Фэрклоф Н. Критический дискурс-анализ и рыночная трансформация публичного дискурса: университеты // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. № 2. P. 133 – 168.
4. Файф А., Коут К., Карри С., Лоусон С., Моксхэм Н., Рёствик К. М. Распутывая академическое издательство: история взаимоотношений коммерческих интересов, академического престижа и циркуляции научных исследований. St Andrews: University of St Andrews, 2017. 26 с. URL: <https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/19148/1/UntanglingAcPub.pdf>
5. Чернявская В.Е. Научное знание: когнитивное vs социальное (к вопросу о критериях оценки научного результата) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 1. С. 15 – 20.
6. Шарабчиев Ю.Т. Аттестация научных кадров: количество и качество научных публикаций и результатов научной деятельности // *Медицинские новости*. 2015. № 1 (244). С. 104 – 135.
7. Чернявская В.Е. Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017. 144 с.
8. Короткина И.Б. Текст как вклад в научную дискуссию: что такое «фокус»? // *Высшее образование в России*. 2015. № 6. С. 44 – 51.
9. Нефёдов С.Т. Специфика кодирования метадискурсивной информации в научном тексте // *Вестник ОмГУ*. 2013. № 3 (69). С. 99 – 101.
10. Гейхман Л.К. Дискурс научного текста – взаимодействие автора с идеями других людей // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2017. № 2. С. 97 – 110.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Хинт Х., Лемендик Х., Йоханссон К., Лейен Д. А. Дж. Расшифровка метадискурсивных маркеров в эстонских академических текстах: языковоспецифический взгляд // *Written Communication*. 2024. Vol. 42. № 1. P. 152 – 192.
13. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: Изд-во МГУ, 1996. 112 с.
14. Чернявская В.Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // *Жанры речи*. 2016. № 1 (13). С. 56 – 64.
15. Щемелева И.Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // *Вестник СПбГУ. Язык и литература*. 2013. № 4. С. 143 – 153.

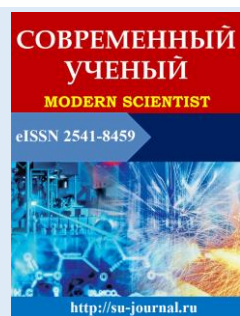
References

1. Hyland K. Position and Involvement: A Model of Interaction in Academic Discourse in *Discourse Studies*. 2005, Vol. 7. No. 2. P. 173 – 192.
2. Khoutyz I.P. The Functions of Enumerations in Promotional Academic Discourse: A Study of Graduate Program Announcements in *Professional Discourse & Communication*. 2025. Vol. 7. No. 1. P. 34 – 49.
3. Faircloth N. Critical Discourse Analysis and the Market Transformation of Public Discourse: *Universities in Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 133 – 168.
4. Fyfe A., Coat K., Currie S., Lawson S., Moxham N., Røstwick K. M. *Untangling Academic Publishing: The Relationship between Commercial Interests, Academic Prestige, and the Circulation of Research*. St Andrews: University of St Andrews, 2017. 26 p. URL: <https://eprints.bbk.ac.uk/id/eprint/19148/1/UntanglingAcPub.pdf>
5. Chernyavskaya V.E. Scientific Knowledge: Cognitive vs. Social (Towards the Criteria for Assessing Scientific Results). *Issues of Cognitive Linguistics*. 2005. No. 1. P. 15 – 20.
6. Sharabchiev Yu.T. Certification of scientific personnel: the quantity and quality of scientific publications and the results of scientific activity. *Medical news*. 2015. No. 1 (244). P. 104 – 135.
7. Chernyavskaya V.E. *Scientific discourse: putting forward a result as a communicative and linguistic problem*. Moscow: LENAND, 2017. 144 p.
8. Korotkina I.B. Text as a contribution to scientific discussion: what is “focus”? *Higher education in Russia*. 2015. No. 6. P. 44 – 51.
9. Nefedov S.T. Specifics of coding metadiscursive information in a scientific text. *Bulletin of Omsk State University*. 2013. No. 3 (69). P. 99 – 101.
10. Geykhman L.K. Discourse of a Scientific Text – the Author’s Interaction with the Ideas of Others. *Vestnik PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy*. 2017. No. 2. P. 97 – 110.
11. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
12. Hint H., Lemendik H., Johansson K., Leyen D.A.J. Decoding Metadiscursive Markers in Estonian Academic Texts: A Language-Specific View. *Written Communication*. 2024. Vol. 42. No. 1. P. 152 – 192.
13. Ryabtseva N.K. Theoretical and lexicographic description of scientific presentation: a scientific report on published works, submitted for defense for the degree of Doctor of Philological Sciences. Moscow: Moscow State University Press, 1996. 112 p.
14. Chernyavskaya V.E. Research article as verbalization of a new scientific result (based on linguistics). *Speech genres*. 2016. No. 1 (13). P. 56 – 64.
15. Shchemeleva I.Yu. Pronouns as a means of conveying the author’s position in English and Russian scientific texts. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature*. 2013. No. 4. P. 143 – 153.

Информация об авторе

Чжао Жонань, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, 1589449725@qq.com

© Чжао Жонань, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81-22

Английские отыменные инструментальные глаголы как средство репрезентации действий в новостном политическом дискурсе

¹ Якубовская Э.В.

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: данное исследование направлено на анализ лингвистических механизмов формирования политической картины мира в англоязычном медиапространстве. В центре внимания – отыменные инструментальные глаголы, образованные от существительных, обозначающих орудия действия. Цель работы – выявить и описать их семантические и прагматические функции в современном политическом новостном дискурсе. Установлено, что отыменные инструментальные глаголы служат мощным инструментом лексической экономии и интерпретации, лаконично кодируя в своей семантике сценарий целенаправленного воздействия агенса (властного субъекта) на пациенс (объект влияния). Через метафору физического воздействия они имплицитно передают оценку, интенсивность и характер политических действий, формируя в сознании аудитории конкретные модели восприятия событий. Результаты работы могут быть применены в практике политического анализа и медиакритики для деконструкции скрытых смыслов и манипулятивных техник в СМИ. Они также актуальны для теории и практики перевода, обучения английскому языку в сфере международной коммуникации и политологии, способствуя развитию критической медиаграмотности.

Ключевые слова: инструментальные глаголы, медиалингвистика, отыменные глаголы, новостной политический дискурс, языковая манипуляция, СМИ

Для цитирования: Якубовская Э.В. Английские отыменные инструментальные глаголы как средство репрезентации действий в новостном политическом дискурсе // Современный ученый. 2026. № 4. С. 108 – 113.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

English denominal instrumental verbs as a means of representing actions in political news discourse

¹ Yakubovskaya E.V.

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: this study aims to analyze the linguistic mechanisms that shape the political worldview in the English-language media space. The focus is on denominal instrumental verbs, derived from nouns denoting instruments of action. The goal of this work is to identify and describe their semantic and pragmatic functions in contemporary political news discourse. It is established that denominal instrumental verbs serve as a powerful tool for lexical economy and interpretation, concisely encoding within their semantics a scenario of purposeful action by an agent

(a power subject) upon a patient (an object of influence). Through the metaphor of physical impact, they implicitly convey evaluation, intensity, and the nature of political actions, shaping specific models of event perception in the audience's mind. The results of the study can be applied in the practice of political analysis and media criticism to deconstruct hidden meanings and manipulative techniques in the media. They are also relevant for translation theory and practice, English language teaching in the field of international communication and political science, contributing to the development of critical media literacy.

Keywords: instrumental verbs, media linguistics, denominal verbs, political news discourse, linguistic manipulation, media

For citation: Yakubovskaya E.V. English denominal instrumental verbs as a means of representing actions in political news discourse. Modern Scientist. 2026. 4. P. 108 – 113.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Особый интерес лингвистов к изучению новостного политического дискурса в современной международной обстановке обусловлен всевозрастающей ролью СМИ в формировании политической повестки. Поскольку язык служит инструментом репрезентации и моделирования политической картины мира, необходимо изучать конкретные лексические механизмы влияния на общественное сознание. К числу таких механизмов, актуальных для исследования, относятся средства вербализации действий, несущие имплицитные оценки и интерпретации. В частности, к ним принадлежат глаголы, образованные от существительных, обозначающих разного рода инструменты (далее отыменные инструментальные глаголы).

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что данная проблема находится на стыке нескольких областей (лексикологии, когнитивной лингвистики, политической лингвистики, медиалингвистики), однако по-прежнему неоправданно мало внимания уделяется использованию отыменных глаголов в политическом медиадискурсе.

Материалы и методы исследований

Методы исследования включали контекстуальный, концептуальный и семантический анализ. Эмпирическую базу составили примеры, отобранные из корпуса современных новостных текстов (NOW – News on the Web), включающий тексты новостных порталов, интернет-газет, журналов и блогов со всего мира [<https://www.english-corpora.org/now/>]. Нами был выбран временной период с января 2020 по настоящий момент, позволяющий отслеживать недавние новости о политической ситуации в мире и отражающий самые свежие изменения в языке.

Выборка исследуемых инструментальных глаголов включает образованные от существительных глаголы посредством конверсии, которая считается продуктивным способом словообразования в современном английском языке, в том числе и в медийном регистре.

Результаты и обсуждения

Отыменными глаголами в английском языке называют глаголы, образованные от существительных путем безаффиксальной транспозиции (без изменения формы слова). Они делают речь более лаконичной и образной. Понимание механизма образования отыменных глаголов способствует расширению словарного состава, а также созданию новых лексических единиц по аналогии.

Отыменные инструментальные глаголы представляют собой классический объект исследования в семантике и синтаксисе. Так, категорию инструментальности описывают в своих трудах А.В. Кобцева [4], Л.М. Ковалева [5], Ч. Филмор [6], Холле [7], В.С. Храковский [8], В.А. Ямшанова [10].

Инструментальные глаголы представляют собой ключевое средство выражения каузации, непосредственно формируя осознание задач и способов их достижения. Существуют разные подходы к определению участников каузативной ситуации. В частности, один из них, представлен в работах Т.Б. Алисовой, где каузатив рассматривается как целенаправленное действие активного субъекта (агенса) по отношению к объекту каузации, что становится причиной прямых или опосредованных изменений его свойств [1, с. 54–65]. Согласно исследованиям С.Д. Кацнельсона, каузация понимается как взаимодействие, при котором субъект воздействует на объект, побуждая его к совершению определенного действия, что делает субъект первопричиной данного события [3, с. 85]. Через такие инструментальные глаголы, как *anchor*, *axe*, *fork*, *hammer*, *saddle*, *whip*, *whipsaw*, агент описывает не просто действия, а целенаправленные действия, посредством которых, он может изменять окружающую действительность и управлять процессами. Исследуемые отымен-

ные глаголы, образованные от существительных, обозначающих конкретные инструменты, орудия, используются в новостном политическом дискурсе метафорически. Данные глаголы передают идею каузации – причинно-следственных связей [5, с. 77], где намеренный инициатор ситуации (агенса) представлен источником задуманных изменений. Агенсиом обычно выступает субъект, сосредоточивающий в себе власть (Государство, Правительство, политический лидер, партия). Пациенсиом (объектом действия) может выступать не только страна, народ, общество, но и оппонент (политический противник): “*Already, Democrats have **hammered** Trump and Elon Musk – the White House adviser leading Trump’s purge of the federal workforce via his so-called Department of Government Efficiency – for seeking major reductions of the Social Security Administration’s 60,000 employees*” [14]. Пациенсиом может также, может быть, и действие или деятельность оппонента: “*Democrats **have hammered** Trump’s involvement in the merger, as well as how the government approval of Skydance’s acquisition of Paramount went down this year*” [15]. Отыменный глагол *hammer*, образованный от существительного, означающего ручной ударный инструмент, имеет в данном контексте переосмысленное значение “to criticize sb/sth strongly” (infml) [12]. Значение «критиковать» сформировалось у глагола *hammer* через метафору физического воздействия, и закрепилось в медиадискурсе благодаря наглядности и экспрессивности. Этот пример демонстрирует, как язык, используя определенные физические образы, описывает сложные механизмы взаимодействия.

Присоединение пространственных послелогов к отыменным инструментальным глаголам приводит к образованию фразовых глаголов. «Сжатие» информации об объекте или инструменте способствует созданию компактных единиц, указывающих на пространственную концептуализацию действия [2, с. 85]. Инструментальные фразовые глаголы могут развивать свою семантическую структуру, приобретая переосмысленные значения [9]: “*It’s no accident, either: The plan was **hammered out** by President Trump’s envoy Steve Witkoff and Kirill Dmitriev, an adviser to Russian President Vladimir Putin, after the two met last month in Miami*” [16]. В рамках теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, послелог *in* и *out* во фразовых глаголах реализуют схему КОНТЕЙНЕР. При этом *out* конкретизирует вектор движения – пересечение границы контейнера и перемещение из внутреннего пространства во внешнее [11]. Присоединив адвербиальный послелог *out*, отыменный глагол образует фразовый глагол *hammer out* со значением “to discuss sth in detail in order to come to an agreement”. Объектом приложения силы субъекта является план. Фразовый глагол рисует образ «выковывания» плана в процессе сложной работы, схожей с трудом кузнеца.

Семантическая роль инструмента является значимой в политическом дискурсе, поскольку «встраиваемый в глагол инструмент» дает возможность субъекту имплицитно управлять ситуацией, скрывая от аудитории способ воздействия на объект, формируя необходимую основу для мировоззрения. Агенси (субъект, прилагающий силу, угроза) и пациенс (объект влияния, жертва) формируют в сознании сценарий управления восприятием.

Выбор отыменных инструментальных глаголов в медиадискурсе обусловлен его жанровыми особенностями, такими как плотность информации, лаконичность, речевая экспрессия. Инструментальный отыменный глагол включает в себя целую конструкцию, заменяя ее одним емким словом (агенси + инструмент + процесс + цель). Так, инструментальные отыменные глаголы зачастую используются в заголовках и первом абзаце, где важно воздействие на аудиторию и экономия места. Например, предложение “*Campaigners on Tuesday will call on the PM **to axe** completely proposals to force people to retire later*” [17] сообщает о субъекте действия (campaigners), которые будут призывать премьер-министра к действию. Глагол *axe* в прямом значении «рубить топором», в данном примере метафорически переосмыслен и означает «резко прекратить», «отказаться», он делает предложение более сжатым, экспрессивным и передает завершенность действия.

Стоит отметить, что инструментальные глаголы несут в своей семантике имплицитное отношение к действию, скрытые смыслы. Орудие или инструмент проецируется на определенное политическое действие, происходит актуализация смысла (семы). Выбор мастерски подобранного глагола *whipsaw*, образованного от существительного, означающего «двуручная пила», можно наблюдать в следующем примере. Поочередные движения взад-вперед такой пилы указывают на противоположные усилия двух сторон: “*The Republicans’ success came at the end of a day that left anxious voters **whipsawed** between competing claims from Gov. Tony Evers and his opponents in the G.O.P. – controlled State Legislature over whether Tuesday’s election would proceed as planned*” [18]. Глагол *whipsaw* актуализирует сему двойного давления, противоречивых колебаний. Согласно контексту, избиратели оказываются в положении, когда две силы тянут их одновременно в противоположных направлениях. Таким образом, происходит проецирование действия с использованием инструмента на абстрактную политическую ситуацию.

В следующем примере у отыменного глагола *whip* активирована метафорическая сема «заставить путем давления»: “*Former members of Congress could have ambition for other political offices which would render the*

*limits ineffective as an incentive toward impartiality, and a strong party leader might be able to **whip** a party-line vote even without the threat of the next election* [19]. В данном случае, значение данного глагола вероятно произошло не от существительного со значением «плеть», «хлыст», а от партийной должности в американской и британской системах “party whip” (in many elected political systems) a member of a political party in a parliament or in the legislature whose job is to make certain that other party members are present at voting time and also to make certain that they vote in a particular way [12]. Глагол *whip* в прямом значении «бить плетью» включает семы принуждения, давления и ускорения. Эти же смысловые элементы сохраняются в его политическом терминологическом значении «обеспечивать партийную дисциплину на голосовании», где подразумевается административное и психологическое давление для оперативного достижения цели. Таким образом, в политической коммуникации глагол *whip* актуализирует указанные семы, формируя концепт эффективного принуждения к требуемому действию.

Метафорический перенос у отыменного фразового глагола *iron out* «улаживать разногласия», «устранять проблемы» можно объяснить ассоциацией, возникающей с процессом разглаживания ткани, устранения на ней складок. *He suggested establishing an understanding of the trajectory of the bilateral relationship is “something you do in a relationship as opposed to a transaction,” and the best path for **ironing out** issues with China* [20]. *Iron out* прекрасно передает идею долгосрочных отношений, где урегулирование проблем происходит планомерно и целенаправленно, дипломатично описывая путь для желаемого взаимодействия с Китаем.

Частотность метафорически переосмысленного значения глагола *rake* гораздо выше его прямого значения «сгребать граблями сено, листья». Переносные значения «намеренно вспоминать» (обычно что-то неприятное), «предъявлять старые обвинения» зачастую можно встретить в текстах новостного политического дискурса в контексте нечестной политической тактики в своих интересах: *He also hit out at the Congress for **raking up** the issue in Parliament for their political gains* [21]. Присоединение послелога *up* указывает на завершенность действия.

Метафора во фразовом глаголе *plough ahead* («продолжать неизменно двигаться вперед») восходит к процессу изнурительной вспашки земли. Как плуг медленно, но неуклонно преодолевает сопротивление почвы, так и правительство, согласно автору, вопреки ожидаемым сложностям выполняет свое предвыборное обещание. Общей для прямого и переносного значений является сема неизменности курса и упорного преодоления препятствий. *In its maiden Budget, the government chose to **plough ahead** with its pre-election promise to abolish the non-dom regime, a centuries-old tax status that allowed wealthy foreign nationals to pay UK tax only on their asset gains and income generated in Britain* [22].

В следующем контексте глагол *harness*, образованный от существительного «упряжь», в переводе означает «обуздать», «поставить на службу» (отсылка к исходному «запрячь лошадь»). Точно так же, как животное обуздывают, чтобы заставить его работать, Дональд Трамп берет под контроль теории заговоров в интернете и использует их силу в своих политических целях. *That move, experts say, showcased how personal insults driven by online conspiracy theories – which Trump **harnessed** on his path to the presidency – remain fundamental to his hold on his base* [23]. Глагол *harness* указывает на умение политических лидеров умело реагировать на повестку и стратегически использовать нарративы в своей кампании.

В прямом значении глагол *shovel* обозначает работу лопатой. В результате переосмысления он приобретает значение «забрасывать в огромном количестве деньги» (как землю лопатой). Данный отыменный глагол указывает на масштабное вливание средств. Такое емкое и выразительное значение сложно передать, например, синонимами *invest*, *donate*. Выбор глагола неслучаен, так как он придает тексту образность, оценочность, характеризуя уровень и манеру финансирования. *Hulk Hogan and Tucker Carlson spoke at the Republican National Convention, and Elon Musk **shoveled** millions into the race for Trump* [24].

Выводы

Отыменные инструментальные глаголы представляют собой мощное средство лексической экономии и интерпретации политических действий: они кратко обозначают действие и имплицитно дают его оценку. Использование инструментальных глаголов помогает авторам искусно манипулировать вниманием аудитории. Отметим, что манипулятивный потенциал таких глаголов не всегда реализуется, и они используются для выразительности, однако новостном политическом дискурсе, где выбор лексики, особенно глаголов, редко бывает полностью нейтральным, такой способ влиять на сознание аудитории нельзя игнорировать. Даже если нет умысла манипулировать, выбор слова отражает точку зрения, идеологическую позицию или желание создать определенную эмоциональную реакцию. Таким образом, потенциал влияния постоянно присутствует, даже если он не осознается самим автором или не приводит к желаемому эффекту у аудитории.

Список источников

1. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 54 – 65.
2. Богданова С.Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск, 2006. 180 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое общение. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. Кобцева А.В. Категория инструментальности и способы её экспликации в текстах газетно-публицистического стиля русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 185 с.
5. Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. Иркутск, ИГЛУ, 2008. 397 с.
6. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.
7. Холле М.В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с.
8. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л.: Наука, 1974. С. 5 – 46.
9. Якубовская Э.В. Пространственная концептуализация действий отыменными инструментальными фразовыми глаголами в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2017. 192 с.
10. Ямшанова В.А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: ЛФЭИ, 1991. 159 с.
11. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago Univ. Press, 2003. 276 p.
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of treatment: 18.10.2025)
13. NOW Corpus (News on the Web) [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of treatment: 23.01.2026).
14. Huffpost [Electronic resource]. URL: https://www.huffpost.com/entry/social-security-missed-benefit-payment_n_67c5d849e4b05a517aba7be2 (date of treatment: 14.10.2025)
15. Deadline [Electronic resource]. URL: <https://deadline.com/2025/12/trump-60-minutes-paramount-david-ellison-1236650369/> (date of treatment: 15.10.2025)
16. The New republic [Electronic resource]. URL: <https://newrepublic.com/post/203517/trump-ukraine-peace-deal-russian-language> (date of treatment: 15.10.2025)
17. Mirror [Electronic resource]. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/state-pension-revolt-over-tory-29860024> (date of treatment: 16.10.2025)
18. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/06/world/coronavirus-live-news-updates.html> (date of treatment: 16.10.2025)
19. The Week [Electronic resource]. URL: <https://theweek.com/articles/890124/impeachment-fixed> (date of treatment: 16.10.2025)
20. CP24 [Electronic resource]. URL: <https://www.cp24.com/news/canada/2025/11/01/carney-says-he-raised-foreign-interference-other-issues-with-chinese-president/> (date of treatment: 16.10.2025)
21. Republic World [Electronic resource]. URL: <https://republicworld.com/india/not-a-shred-of-evidence-against-adani-group-senior-advocate-mahesh-jethmalani-on-us-allegations> (date of treatment: 16.10.2025)
22. CITYam [Electronic resource]. URL: <https://www.cityam.com/non-doms-made-up-two-thirds-of-super-prime-sellers-in-2025/> (date of treatment: 17.10.2025)
23. The Washington Post [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/anatomy-of-a-smear-how-john-bolton-became-a-target-of-the-pro-trump-internet/2020/01/28/b0d162fc-4150-11ea-b5fc-eefa848cde99_story.html (date of treatment: 17.10.2025)
24. Deadline [Electronic resource]. URL: <https://deadline.com/2024/11/donald-trump-wins-2024-presidential-election-1236168784/> (date of treatment: 17.10.2025)

References

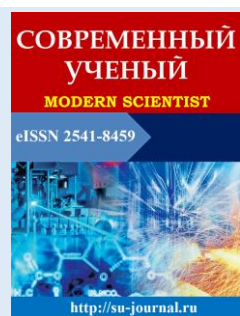
1. Alisova T.B. Additional Relations of Modus and Dictum. Problems of Linguistics. 1971. No. 1. P. 54 – 65.
2. Bogdanova S.Yu. Spatial Conceptualization of the World in the Mirror of English Phrasal Verbs. Irkutsk, 2006. 180 p.
3. Katsnelson S.D. Language Typology and Speech Communication. Leningrad: Nauka, 1972. 216 p.

4. Kobtseva A.V. The Category of Instrumentality and the Ways of Its Explication in Newspaper-Publicistic Texts in Russian and German: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Stavropol, 2006. 185 p.
5. Kovaleva L.M. English Grammar: Sentence and Word: Monograph. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University, 2008. 397 p.
6. Fillmore C.J. Frames and the Semantics of Understanding. New in Foreign Linguistics. Issue 23 Moscow: Progress, 1988. P. 52 – 92.
7. Holle M.V. Instrumental Clauses and Pronominal Adverbs as Forms of Expressing the Category of Instrumentality in Modern German: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). St. Petersburg, 2000. 194 p.
8. Khrakovsky V.S. Passive Constructions. Typology of Passive Constructions. Diatheses and Voices. Leningrad: Nauka, 1974. P. 5 – 46.
9. Yakubovskaya E.V. Spatial Conceptualization of Actions by Nominal Instrumental Phrasal Verbs in Modern English: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Irkutsk, 2017. 192 p.
10. Yamshanova V.A., "The Category of Instrumentality in German," Leningrad: LFEI, 1991. 159 p.
11. Lakoff G. Metaphors We Live by, Chicago Univ. Press, 2003, 276 p.
12. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of treatment: 18.10.2025)
13. NOW Corpus (News on the Web) [Electronic resource]. Available at: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of treatment: 23.01.2026).
14. Huffpost [Electronic resource]. URL: https://www.huffpost.com/entry/social-security-missed-benefit-payment_n_67c5d849e4b05a517aba7be2 (date of treatment: 10.14.025)
15. Deadline [Electronic resource]. URL: <https://deadline.com/2025/12/trump-60-minutes-paramount-david-ellison-1236650369/> (date of treatment: 10/15/2025)
16. The New republic [Electronic resource]. URL: <https://newrepublic.com/post/203517/trump-ukraine-peace-deal-russian-language> (date of treatment: 10.15.2025)
17. Mirror [Electronic resource]. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/politics/state-pension-revolt-over-tory-29860024> (date of treatment: 10.16.2025)
18. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/06/world/coronavirus-live-news-updates.html> (date of treatment: 10.16.2025)
19. The Week [Electronic resource]. URL: <https://theweek.com/articles/890124/impeachment-fixed> (date of treatment: 10.16.2025)
20. CP24 [Electronic resource]. URL: <https://www.cp24.com/news/canada/2025/11/01/carney-says-he-raised-foreign-interference-other-issues-with-chinese-president/> (date of treatment: 10.16.2025)
21. Republic World [Electronic resource]. URL: <https://republicworld.com/india/not-a-shred-of-evidence-against-adani-group-senior-advocate-mahesh-jethmalani-on-us-allegations> (date of treatment: 10.16.2025)
22. CITYam [Electronic resource]. URL: <https://www.cityam.com/non-doms-made-up-two-thirds-of-super-prime-sellers-in-2025/> (date of treatment: 10.17.2025)
23. The Washington Post [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/anatomy-of-a-smear-how-john-bolton-became-a-target-of-the-pro-trump-internet/2020/01/28/b0d162fc-4150-11ea-b5fc-eefa848cde99_story.html (date of treatment: 10.17.2025)
24. Deadline [Electronic resource]. URL: <https://deadline.com/2024/11/donald-trump-wins-2024-presidential-election-1236168784/> (date of treatment: 10.17.2025)

Информация об авторе

Якубовская Э.В., кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, yakubovskaya7@mail.ru

© Якубовская Э.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81-115

Репрезентация зоонимов в башкирском народном эпосе «Акбузат»

¹Хажиева З.Р., ²Самситова Л.Х.

¹Башкирский государственный медицинский университет,

²Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

Аннотация: в современной лингвистике XXI века все более актуальным становится антропоцентрический подход к изучению языка, где языковая система рассматривается не только как средство коммуникации, но и как культурный код нации, отражающий мировоззрение, ценностные ориентации и ментальные особенности этноса. В рамках этой парадигмы особый интерес представляют зоонимы – наименования животных, которые в традиционных культурах выполняют не только номинативную, но и символическую, мифологическую и культурно-маркирующую функции.

Лингвисты XXI века активно разрабатывают направление, в котором язык любого народа рассматривается как культурный код нации и этноса. Важную функцию в постижении антропоцентрической парадигмы, играют зоонимы, так как именно через сравнения с окружающими его животными человек постигал действительность.

Ключевые слова: лингвокультурология, зоонимы, башкирский народный эпос, лингвокультура, лошадь, конь, акбузат, толпар

Для цитирования: Хажиева З.Р., Самситова Л.Х. Репрезентация зоонимов в башкирском народном эпосе «Акбузат» // Современный ученый. 2026. № 4. С. 114– 120.

Поступила в редакцию: 17 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Representation of zoonyms in the Bashkir folk epic “Ak buzat”

¹Khazhieva Z.R., ²Samsitova L.Kh.

¹Bashkir State Medical University,

²Institute of Strategic Research, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

Abstract: in modern linguistics of the 21st century, an anthropocentric approach to the study of language is becoming increasingly relevant, where the language system is viewed not only as a means of communication, but also as a cultural code of a nation that reflects the worldview, value orientations, and mental characteristics of an ethnic group. Within this paradigm, zoonyms, the names of animals, are of particular interest, as they perform not only a nominative function in traditional cultures, but also a symbolic, mythological, and cultural-marking function.

Linguists of the 21st century are actively developing a direction in which the language of any nation is considered as the cultural code of the nation and ethnic group. Zoonyms play an important role in understanding the anthropocentric paradigm, as it was through comparisons with the animals around him that man came to understand reality.

Keywords: linguoculturology, zoonyms, Bashkir folk epic, linguoculture, horse, akbuzat, and tolpar

For citation: Khazieva Z.R., Samsitova L.Kh. Representation of zoonyms in the Bashkir folk epic “Акбузат”. Modern Scientist. 2026. 4. P. 114 – 120.

The article was submitted: October 17, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В нашем исследовании объектом исследования являются зоонимы, выявленные на материале башкирского народного эпоса «Акбузат».

Башкирский народный эпос «Акбузат» представляет собой уникальный памятник устного народного творчества, сохранивший в себе архаичные пласты мифологического сознания, этнические представления о мире и системе ценностей башкирского народа. Эпос, названный по имени волшебного коня Акбузата, является частью уральско-алтайского эпического наследия и отражает кочевническую культуру, где животные занимали центральное место в хозяйственной, социальной и духовной жизни народа.

Материалы и методы исследований

Данное исследование базируется на принципах лингвокультурологии, этнолингвистики и когнитивной лингвистики. Методологическую основу составляют:

1. Контекстуальный анализ зоонимов в эпическом тексте
2. Семантическая классификация зоонимической лексики
3. Культурологическая интерпретация символических значений
4. Сравнительно-типологический метод для выявления универсальных и этноспецифических черт

Объектом исследования являются все зоонимы, встречающиеся в тексте эпоса «Акбузат», предметом – их семантические, символические и культурные функции в эпическом дискурсе.

Классификация зоонимов в эпосе «Акбузат»

Проведенный анализ текста эпоса позволяет выделить несколько категорий зоонимов по различным основаниям.

По степени мифологизации:

1. Мифологические животные наделены сверхъестественными способностями, связаны с божественным или демоническим началом:

Акбузат (белый конь) – центральный мифологический персонаж

Толпар (крылатый конь) – символ небесной силы

Аждаһа (дракон) – хтоническое существо

2. Реалистические животные отражают реальную фауну региона:

Ат (лошадь) в различных модификациях

Буре (волк)

Төлкө (лиса)

Кош (птица) обобщенно и конкретные виды

По функциональной роли в эпосе:

1. Персонажные зоонимы – животные как самостоятельные действующие лица (Акбузат)
2. Атрибутивные зоонимы – животные как характеристики героев («батыр с глазами беркута»)
3. Сравнительные зоонимы – в составе эпитетов и сравнений
4. Символические зоонимы – несущие культурные коды и архетипы

Семантический анализ ключевых зоонимов

Акбузат: семантика белого коня

Центральный зооним эпоса «Акбузат» (от башк. «ак» – белый, «бузат» – конь) – представляет собой сложный семиотический комплекс. Белый цвет в тюркской мифологии символизирует:

Связь с небом и божественным миром

Чистоту, благородство, святость

Солярную символику (свет, жизнь)

Принадлежность к высшему социальному статусу

Функции Акбузата в эпосе многогранны:

1. Помощник и спаситель – выручает героя в критических ситуациях
2. Проводник между мирами – обеспечивает связь земного и небесного
3. Источник магической силы – обладает способностью к трансформации
4. Символ судьбы и предназначения – его обретение знаменует избранность героя

Лингвистический анализ показывает, что имя «Акбузат» функционирует как антропоморфизованное существо – обладает речью, разумом, эмоциями, что характерно для тотемистических представлений.

Конская символика в эпосе

Помимо Акбузата, в эпосе представлена разветвленная система конской лексики:

Йылкы – табун (коллективное начало)

Бейэ – кобылица (женское, плодоносящее начало)

Айгыр, тай – жеребец (мужское, активное начало)

Колон – жеребенок (потомство, продолжение рода) [3]

Эта дифференциация отражает глубокое знание башкирами конской природы и важность лошади в коневой культуре [4]. Конь выступает как:

Экономический капитал – мера богатства

Военный ресурс – средство передвижения в бою

Социальный маркер – показатель статуса

Космологический символ – связь с космосом

Зооним конь лошадь, кобыла, мерин, жеребец, ат, айгыр, акбузат-одно из самых почитаемых животных. Это символ интеллекта, мудрости, ума, рассудка, знатности, света, динамической силы, проворства, быстроты мысли, бега времени. Это типичный символ плодородия, мужества и мощной власти [10].

Устойчивые сравнительные обороты компаративного типа в эпосе рассматриваются только с зоолексикой лошадь, ат, акбузат рассматриваются в работе только с положительными качествами [8].

Далее мы встречаемся с отражением и реализацией основного зоонима «лошадь-акбузат». И мы наблюдаем полное образное отражение этого зоонима:

Ирәмәлдәй һарайга
Алтын таштар тултырган
Төрлө төстә йылкылар, -
Өйөр-өйөр көттөргән
Бер ынтылып өргәндә
Тау-таш ерзе онтаган,
Кылыс кишмәс муйынлы
Батырзарзы туплаган
Бар байлыкка торорлок,
Тарза серзәш булырлык
Ак батша атайымдың
Һөйөп менгән аты бар
Йылкы малдың кото бар
Ут юкта ул ут бирер,
Һыу юкта ул һыу бирер
Оһоз-кырыйһыз диңгеззән
Оһоп сығыр кош булыр
Ялы ап-ак ебәктәй
Төсө талгыр буз гына,
Йомро гына тояклы
Баһып тора без генә
Камыш колак бакыр күз,
Бәбәге лә ак кына
Мундаһы бейек, тар бөйөр,
Суртан тәнле, нык кына
Карсыга муйын, киң танау,
Куш азаулы, һоһа теш,
Оһло эйәк, ас янак,
Куш урайлы, шеш колак,-
Шул Буз атты бирәйем,
Уралыңда- һин үзең,
Һыу илемдә мин үзем
Бәхетле гүмер итәйем [12].

Хищные животные: волк и беркут

Буре (волк) в эпосе выполняет амбивалентные функции:

Положительная символика: сила, смелость, воинская доблесть (сравнения батыров с волком)

Отрицательная символика: опасность, коварство (враги «как голодные волки»)

Эта амбивалентность отражает реальное отношение кочевых народов к волку – одновременно как к опасному конкуренту и как к символу выносливости и независимости.

Бөркөт (беркут) – солнечная птица, символ:

Высоты духа, благородства

Острого зрения и мудрости

Связи с небесной сферой

В эпосе беркут часто используется в составе эпитетов, описывающих глаза героя – «беркутовый взгляд» означает пронзительность, способность видеть суть вещей.

Домашние животные и их культурные коды

Һыйыр (корова) и һарык (овца) представляют в эпосе:

Жертвенное начало – часто упоминаются в контексте пиров и жертвоприношений

Символ благополучия – показатель богатства и стабильности

Женское/материнское начало – ассоциации с плодородием и заботой

Интересно отметить, что в отличие от коня, эти животные редко персонализируются, выступая скорее как фон, элемент бытовой реальности.

Орнитонимия в эпосе «Акбузат»

Птичья символика в эпосе «Акбузат» представлена богато:

Карға (ворона) – вестник, часто дурных событий

Кош (птица) обобщенно – символ свободы, души

Карлугас (ласточка) – весенний символ, обновления

Ыласын (сокол) – воинская доблесть, атака

Утка -өйрәк следующим образом отражается в народном эпосе

Берзән-бер көн күл яғалап барганда, бер алтын өйрәк йөзөп йөрөгәннен күргән, уны-быны абайлап тормаган, тоғкай һалып атып йыккан да йөзөп барып өйрәкте күл ситенә яҡынлата ғына башлаган икән теге алып өйрәк қапыл телгә килгән, һөйләй башлаган. Шунда был алтын өйрәк

Егет, аткан һунарың

Өйрәк түгел, белһәң һин,

Күлдә йөзөп уйнаған,

Данлы Шүлгән батшаның

Йәндәй күргән кызы мин

Ай егетем, егетем,

Мине күлдән алма һин,

Төйәгемдән айырып,

Күлгә кайгы һалма һин.

Ни һораһаң, бирәйем,

Изге теләк теләйем

Өйөр-өйөр мал тиһәң,

Барын һиңә бирәйем, -тигән һүзәрзе әйтеп ялбарған, ти [12].

Особенностью башкирской орнитонимии является ее связь с шаманскими представлениями – птицы как проводники между мирами, воплощения духов-помощников.

Результаты и обсуждения

Зооморфные сравнения и их функции

В эпосе широко используются зооморфные сравнения, которые выполняют следующие функции:

1. Характериологическая – описание качеств персонажей:

«Храбрый как тигр»

«Хитрый как лиса»

«Верный как собака» [10]

2. Эмоционально-экспрессивная – усиление эмоционального воздействия:

«Завыл как волк от боли»

«Заплакал как жеребенок»

3. Мировоззренческая – отражение системы ценностей:

Сравнения с благородными животными для положительных героев [5]
Сравнения с низшими или опасными животными для отрицательных персонажей
Культурно-исторический контекст зоонимии
Анализ зоонимов в «Акбузате» позволяет реконструировать важные аспекты традиционной культуры башкир:
Тотемистические пережитки прослеживаются в антропоморфизации животных, особенно Акбузата, что указывает на возможные древние тотемические культы.
Шаманистические элементы – способность животных к трансформации, их роль как посредников между мирами соответствует шаманской картине мира.
Кочевнический менталитет – доминирование конской символики, ценность подвижности, скорости, выносливости.
Военно-демократический уклад – прославление хищных животных (волк, беркут, сокол) как воплощение воинских доблестей.
Сравнительный аспект: башкирские зоонимы в общеалтайском контексте
Сравнение зоонимической системы эпоса «Акбузат» с другими тюркскими и монгольскими эпосами показывает:
Общие черты:
Кульť коня (особенно белого) как универсальный для кочевых народов
Амбивалентность образа волка
Солярная символика птиц
Этноспецифические особенности башкирской зоонимии:
Большее разнообразие орнитонимии, связанное с лесными и степными экосистемами
Особое отношение к медведю (айыу), который в башкирской традиции имеет менее сакральный статус, чем у обских угров
Развитая терминология, связанная с коневодством, отражающая историческую специализацию [7]
Лингвистические особенности зоонимов в башкирском языке
Фонетический анализ показывает:
Преобладание односложных и двусложных названий (ат, буре)
Наличие звукоподражательных элементов (карга – карканье)
Использование аффиксов для образования производных форм
Словообразовательные модели:
Составные наименования (Акбузат, Каратургай)
Прилагательные + зооним для уточнения (ак ат – белый конь)
Уменьшительно-ласкательные формы (бәпес – котенок)
Семантическая эволюция зоонимов
Некоторые зоонимы в эпосе демонстрируют архаичные значения:
Йылан (змея) – в эпосе часто имеет нейтральное или даже положительное значение (мудрость, гибкость), тогда как в современном языке преимущественно отрицательное
Һарык (овца) – в эпосе символ достатка, в современной культуре может иметь негативные коннотации (стадность) [10]
Далее в эпосе мы встречаемся с зоонимами овца-Һарык, лошадь-йылкы. Бер аз киткәс тә, йылкы сыркыраган, куй-Һарык бакырган, һыйыр мөңрәгән тауыштар ишетелә башлаган.
Зоонимы как маркеры пространства и времени
В эпосе животные часто выступают как хронотопные маркеры:
Пространственные: волк – лес, степь; беркут – небо, горы; рыба – вода
Временные: ласточка – весна; медведь – осень (перед спячкой); волк – зима
Эта функция помогает структурировать эпическое пространство-время, создавая целостную картину мира.
Гендерные аспекты зоонимии
Анализ показывает гендерную дифференциацию в использовании зоонимов:
Мужские образы: конь, волк, беркут, бык – сила, активность, воинственность
Женские образы: кобылица, овца, ласточка – плодородие, забота, красота
Нейтральные: птицы, рыбы – могут использоваться для обоих полов
Мифопоэтическая функция зоонимов
В эпосе «Акбузат» зоонимы выполняют важные мифопоэтические функции:

1. Медиативная – животные как посредники между человеком и природой, земным и небесным
2. Трансформационная – способность к превращениям, отражающая идею единства всего живого
3. Инициационная – встреча с определенными животными знаменует переход героя на новый уровень (обретение Акбузата как инициация в батыры)
4. Пророческая – животные как предсказатели будущего (ворона, некоторые птицы).

Выводы

Проведенное исследование репрезентации зоонимов в башкирском народном эпосе «Акбузат» позволяет сделать следующие выводы:

1. Зоонимическая система эпоса представляет собой сложно организованный семиотический комплекс, отражающий мировоззрение, систему ценностей и культурные коды башкирского народа.
2. Центральное место занимает конская символика, особенно образ Акбузата, что соответствует кочевнической природе башкирской культуры и ее исторической специализации в коневодстве.
3. Зоонимы в эпосе выполняют функции: номинативную, характерологическую, символическую, мифопоэтическую, что свидетельствует о синкретическом характере традиционного сознания.
4. Анализ зоонимов позволяет реконструировать важные аспекты традиционной культуры: тотемистические пережитки, шаманистические элементы, военно-демократический уклад общества.
5. Сравнительный анализ показывает как универсальные для алтайских народов черты (культ коня, амбивалентность волка), так и этноспецифические особенности башкирской зоонимии, обусловленные экологическими и историческими факторами [9].
6. Зоонимы в эпосе «Акбузат» выступают как важный инструмент создания эпической картины мира, структурирования пространства-времени, характеристики персонажей и передачи культурных кодов.

Исследование зоонимии в башкирском эпосе имеет не только теоретическое значение для лингвистики и культурологии, но и практическую ценность для сохранения и актуализации культурного наследия башкирского народа в условиях глобализации и межкультурного диалога.

Перспективы дальнейших исследований могут включать:

Сопоставительный анализ зоонимии в различных версиях эпоса

Изучение зоонимов в других жанрах башкирского фольклора

Психолингвистическое исследование восприятия зоонимов современными носителями языка

Создание электронной базы данных башкирской зоонимической лексики

Таким образом, зоонимы в башкирском народном эпосе «Акбузат» представляют собой богатый материал для изучения взаимосвязи языка, культуры и мышления, демонстрируя, как через наименования животных народ осмысляет мир, выражает свои ценности и сохраняет культурную идентичность.

Список источников

1. Линник Л.А. Типологические особенности аутентичных текстов аннотаций в медицинском дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2021. 303 с.
2. Мугтасимова Г.Р., Туэрсюнтай Г.Т. Лексико-семантическая группа «животный мир» в татарских народных пословицах // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 12 – 43.
3. Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 164 с.
4. Самситова Л.Х., Муллағалиева Л.К. Концепт «конь» в русской и башкирской языковой картине мира // Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2005. С. 130 – 135.
5. Самситова Л.Х., Самситова Р.И. Коннотативный аспект зоонимов в языковой картине мира // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы V Международной научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н.Ф. Катанова. Абакан, 2022. С. 162 – 165.
6. Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь: 1572 фразеологических оборота / Под редакцией Э.Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. 404 с.
7. Фархутдинова И.Р. Политические коммуникации в интернет-пространстве Участие в XIII Международной научно-практической конференции «Современный PR: теория, практика, образование» / Отв. ред. проф. Э.С. Гареев Уфа: Изд-во УГНТУ, 2021. С. 383 – 385.
8. Хажиева З.Р. Русский язык (иностранный язык): учебное пособие. Уфа: Башкирский ГАУ, 2021. 147 с.
9. Хажиева З.Р. Функциональный аспект словообразовательных типов имен существительных: монография. Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2006. 122 с.

10. Хажиева З.Р. Использование зоонимов в номинации русского и башкирского языков // Преподаватель XXI века. 2025. № 3-2. С. 411 – 419.
11. Шолина А.А., Смирнова Д.С. Зоонимы в русской языковой картине мира // Инновационная наука. 2015. № 11. С. 259 – 261.
12. <https://brsbs.ru/ba/nazvanie/akbuzat-na-bash-yazyke>

References

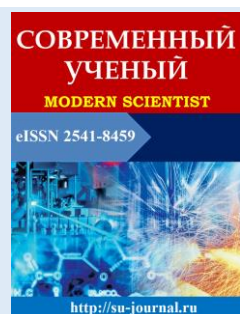
1. Linnik L.A. Typological features of authentic texts of annotations in a medical discourse course: dis. ...cand. Philol. Sci. Ufa, 2021. 303 p.
2. Mugtasimova G.R., Tuersyuntai G.T. Lexico-semantic group “animal world” in Tatar folk proverbs. Modern problems of science and education. 2015. No. 1. P. 12 – 43.
3. Samsitova L.Kh. Non-equivalent vocabulary of the Bashkir language. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2018. 164 p.
4. Samsitova L.Kh., Mullagalieva L.K. The Concept of "Horse" in the Russian and Bashkir Linguistic Picture of the World. Russian Language in the Intercultural Communicative Space: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2005. P. 130 – 135.
5. Samsitova L.Kh., Samsitova R.I. The Connotative Aspect of Zoonyms in the Linguistic Picture of the World. Preservation and Development of the Languages and Cultures of Indigenous Peoples of Siberia: Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 160th Anniversary of the Outstanding Orientalist and Turkologist N.F. Katanov. Abakan, 2022. P. 162 – 165.
6. Uraksin Z.G. Russian-Bashkir Phraseological Dictionary: 1,572 Phraseological Units. Edited by E.R. Tenshev. Moscow: Russian Language, 1989. 404 p.
7. Farkhutdinova I.R. Political Communications in the Internet Space. Participation in the XIII International Scientific and Practical Conference "Modern PR: Theory, Practice, Education". Ed. by prof. E.S. Gareev. Ufa: USPTU Publishing House, 2021. P. 383 – 385.
8. Khazhieva Z.R. Russian Language (Foreign Language): Textbook. Ufa: Bashkir State Agrarian University, 2021. 147 p.
9. Khazhieva Z.R. Functional Aspect of Word-Formation Types of Nouns: Monograph. Ufa: RIC Bashkir State University, 2006. 122 p.
10. Khazhieva Z.R. The use of zoonyms in the nomination of the Russian and Bashkir languages. Teacher of the XXI century. 2025. No. 3-2. P. 411 – 419.
11. Sholina A.A., Smirnova D.S. Zoonyms in the Russian language picture of the world. Innovative science. 2015. No. 11. P. 259 – 261.
12. <https://brsbs.ru/ba/nazvanie/akbuzat-na-bash-yazyke>

Информация об авторах

Хажиева З.Р., кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный медицинский университет, Республика Башкортостан, 450008, г. Уфа, ул. Ленина, д. 3, khazhieva_zr@mail.ru

Самситова Л.Х., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Республика Башкортостан, 450085, г. Уфа, ул. Кирова, д.15, luiza_sam@mail.ru

©Хажиева З.Р., Самситова Л.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 070.19

Когнитивная обработка заголовков и кликбейт стратегий в русскоязычных и англоязычных медиа на разных платформах

¹ Гасанов Анар Гюмшуд оглы

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: статья анализирует трансформацию заголовочного комплекса в условиях цифровой экономики внимания и описывает, как кликбейтные стратегии перестраивают когнитивную обработку медиасообщений в русскоязычном и англоязычном дискурсе. На массиве из 10 000 заголовков ведущих медиа за 2020-2024 гг., распределённых по новостным сайтам, социальным сетям и мессенджерам/видеохостингам, реконструируются лингвопрагматические механизмы формирования «информационного пробела» и эффекта обманутого ожидания, а также их связь с культурными кодами: англоязычные практики чаще опираются на любопытство и прагматическую «сделку» с читателем, русскоязычные – на экспрессивность, срочность и морально-оценочные триггеры. Показано, что платформенные аффордансы унифицируют структурные шаблоны заголовков, усиливая роль эллипсиса, катафоры, императивов и экстремальной лексики, при этом по-разному активируются когнитивные искажения (негативность, FOMO, предвзятость подтверждения, авторитет). Обсуждаются последствия систематической манипуляции для доверия и «семантической инфляции», а также регуляторные и этические риски, включая перспективу ИИ-оптимизации заголовков и необходимость инструментов маркирования манипулятивности и развития медиаграмотности.

Ключевые слова: кликбейт, заголовочный комплекс, экономика внимания, когнитивные искажения, медиадискурс

Для цитирования: Гасанов Анар Гюмшуд оглы Когнитивная обработка заголовков и кликбейт стратегий в русскоязычных и англоязычных медиа на разных платформах // Современный ученый. 2026. № 4. С. 121 – 127.

Поступила в редакцию: 24 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Cognitive processing of headlines and clickbait strategies in Russian-language and English-language media across different platforms

¹ Gasanov Anar Gyumshud ogly

¹ *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the article analyzes the transformation of the headline complex under the conditions of the digital attention economy and describes how clickbait strategies restructure the cognitive processing of media messages in Russian-language and English-language discourse. On a corpus of 10,000 headlines from leading media outlets for 2020-2024, distributed across news websites, social networks, and messengers/video hosting platforms, the

linguopragmatic mechanisms of constructing an “information gap” and the effect of violated expectation are reconstructed, as well as their connection with cultural codes: English-language practices more often rely on curiosity and a pragmatic “deal” with the reader, whereas Russian-language ones rely on expressiveness, urgency, and moral-evaluative triggers. It is shown that platform affordances unify structural headline templates, strengthening the role of ellipsis, cataphora, imperatives, and extreme lexis, while cognitive biases (negativity, FOMO, confirmation bias, authority) are activated in different ways. The consequences of systematic manipulation for trust and “semantic inflation” are discussed, as well as regulatory and ethical risks, including the prospect of AI-driven headline optimization and the need for tools to label manipulativeness and to develop media literacy.

Keywords: clickbait, headline complex, attention economy, cognitive biases, media discourse

For citation: Gasanov Anar Gyumshud ogly Cognitive processing of headlines and clickbait strategies in Russian-language and English-language media across different platforms. Modern Scientist. 2026. 4. P. 121 – 127.

The article was submitted: October 24, 2025; Approved after reviewing: December 21, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Современное медиaproстранство трансформируется под воздействием стремительного развития цифровых технологий, что неизбежно влечет за собой кардинальные изменения в способах потребления информации и, как следствие, в когнитивных механизмах ее обработки аудиторией. Заголовочный комплекс, являясь первым и зачастую единственным элементом текста, с которым взаимодействует реципиент, принимает на себя основную функциональную нагрузку по аттракции внимания и формированию первичной интерпретационной рамки. В условиях информационной перегрузки, которую исследователи характеризуют как состояние перманентного когнитивного шума, борьба за ресурс внимания становится определяющим фактором выживания медиа, заставляя редакции прибегать к специфическим лингвопрагматическим стратегиям [2]. Феномен кликбейта, изначально воспринимавшийся как маргинальная тактика “желтой прессы”, сегодня проникает в дискурс уважаемых изданий, имитируя под качественную журналистику и эксплуатируя базовые психологические паттерны человеческого восприятия, что требует глубокого осмысления в рамках психолингвистики и теории коммуникации.

Когнитивная обработка заголовка представляет собой сложный многоступенчатый процесс, включающий декодирование семантических узлов, построение вероятностных прогнозов относительно содержания полного текста и эмоциональную оценку полученного стимула. В русскоязычной и англоязычной традициях этот процесс имеет как универсальные нейрофизиологические основания, так и специфические культурно-обусловленные различия, проявляющиеся в предпочтении определенных синтаксических конструкций и лексических маркеров. Англоязычная медиасреда, исторически ориентированная на фактологическую точность и прагматизм, в цифровой эпоху все чаще демонстрирует дрейф в сторону “информационного пробела” (information gap theory), намеренно создавая семантическую лакуну, которую читатель вынужден заполнить переходом по ссылке [4]. Русскоязычный сегмент, сохраняя тяготение к экспрессивности и оценочности, трансформирует эти качества в манипулятивные стратегии, апеллирующие к чувству справедливости, страху или национальной идентичности, создавая уникальный гибрид информационного и эмоционального воздействия.

Платформенная специфика накладывает дополнительные ограничения и возможности на структуру заголовка, видоизменяя когнитивные стратегии как авторов, так и читателей. Социальные сети с их алгоритмическими лентами, мессенджеры с мгновенной доставкой пуш-уведомлений и видеохостинги с визуальным доминированием требуют различных подходов к текстопорождению. Если в классическом новостном агрегаторе заголовок конкурирует с соседними строчками в списке, то в ленте социальной сети он вынужден бороться с развлекательным контентом, личными фотографиями и рекламой, что вынуждает авторов использовать более агрессивные триггеры [9]. В Telegram-каналах наблюдается феномен “клипового заголовка”, где грань между заголовком и самим сообщением стирается, а текст часто сводится к единственной, максимально насыщенной смыслом фразе, призванной вызвать мгновенную реакцию без необходимости дальнейшего чтения, что меняет саму парадигму взаимодействия “автор-читатель”.

Проблема верификации и доверия в контексте кликбейта приобретает особую остроту, так как систематическое использование манипулятивных техник ведет к эффекту “семантической инфляции”, когда яркие заголовки перестают вызывать ожидаемую реакцию, а уровень доверия к медиаресурсу падает.

Этот процесс имеет долгосрочные последствия для когнитивной экологии общества, формируя поколение потребителей с фрагментарным мышлением, неспособных к глубокому анализу сложных текстов и ориентированных исключительно на поверхностные эмоциональные стимулы. Исследование механизмов воздействия кликбейта в сравнительном аспекте на материале русского и английского языков позволяет не только выявить типологические черты современного медиадискурса, но и понять, как язык адаптируется к технологическим вызовам, создавая новые формы взаимодействия [5]. Понимание этих процессов необходимо для разработки стратегий медиаграмотности и формирования защитных механизмов психики против деструктивного информационного влияния.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составил корпус заголовков, отобранных методом сплошной выборки из ведущих русскоязычных и англоязычных медиаресурсов за период с 2020 по 2024 год, что позволило охватить различные фазы информационного цикла и нивелировать влияние ситуативных факторов. Общий объем выборки составил 10 000 единиц (по 5 000 для каждого языка), распределенных пропорционально между тремя типами платформ: традиционные новостные порталы (онлайн-версии газет, информационные агентства), социальные сети (Facebook, VK, Twitter/X) и мессенджеры/видеохостинги (Telegram, YouTube). Источниками материала послужили такие издания, как The Guardian, CNN, BuzzFeed, Daily Mail для англоязычного сегмента, и РБК, Meduza, Lenta.ru, а также популярные новостные Telegram-каналы для русскоязычного сегмента. Критерием отбора служила не только популярность ресурса, но и его жанровая направленность, что обеспечило репрезентативность выборки как для "качественной", так и для "массовой" прессы [2].

Результаты и обсуждения

Изучение когнитивных механизмов восприятия медиатекста неизбежно сталкивает исследователя с необходимостью демаркации понятийного поля, описывающего феномен привлечения внимания. В современной гуманитарной науке существует множество трактовок того, что принято называть "кликбейтом", однако единого, универсально признанного определения до сих пор не выработано, что связано с динамичной природой самого явления. Граница между удачным, интригующим заголовком и манипулятивной ловушкой часто размыта и зависит не столько от формальных признаков, сколько от степени расхождения между ожиданиями, сформированными заголовком, и реальным содержанием текста. Эта семантическая дельта становится ключевым полем битвы за внимание читателя, где медиа используют весь арсенал лингвистических средств для максимизации показателя CTR (click-through rate), часто жертвуя при этом репутационными издержками [5].

Различия в подходах к конструированию заголовков в русскоязычной и англоязычной средах обусловлены глубинными культурными кодами и традициями журналистики. Если англо-саксонская модель исторически тяготеет к фактоцентричности, даже в своих таблоидных проявлениях, стремясь к игре слов и каламбурам, то российская традиция, пережившая сложную трансформацию в постсоветский период, часто опирается на эмоциональный надрыв и апелляцию к экзистенциальным угрозам или надеждам. Влияние технологических платформ унифицирует эти подходы, создавая некий глобальный "новояз" кликбейта, однако национальная специфика продолжает пробиваться сквозь алгоритмические требования, формируя уникальные паттерны взаимодействия с аудиторией. Анализ теоретических подходов к пониманию природы кликбейта и стратегий заголовков в рассматриваемых лингвокультурах представлен в нижеследующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ концептуальных подходов к определению кликбейта и стратегий заголовков в русскоязычном и англоязычном дискурсе.

Table 1

Comparative analysis of conceptual approaches to defining clickbait and headline strategies in Russian-language and English-language discourse.

Параметр сравнения	Англоязычный научный и медийный дискурс	Русскоязычный научный и медийный дискурс
Доминирующая дефиниция	Акцент на «gar theory» (теория информационного пробела). Кликбейт определяется как контент, эксплуатирующий любопытство через сокрытие ключевой информации при обещании её немедленного получения.	Акцент на «обманутом ожидании» и «речевой агрессии». Кликбейт трактуется через призму манипулятивного воздействия, часто с коннотацией мошенничества или нарушения этических норм коммуникации.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Когнитивная база	Прагматическая ориентация. Заголовок рассматривается как сделка: внимание в обмен на развлечение или уникальный факт. Широкое использование когнитивных искажений, связанных с прагматикой пользы.	Эмоционально-экспрессивная ориентация. Заголовок апеллирует к аффективным состояниям (страх, гордость, возмущение). Когнитивный механизм базируется на иррациональном импульсе и социальной тревожности.
Лингвистическая реализация	Преобладание катафорических местоимений (This, These), вопросительных конструкций, списочных структур (listicles). Игра слов и интертекстуальность как маркер интеллектуального заигрывания с читателем.	Высокая частотность императивов, парцелляции, многоточий как знака недосказанности. Использование лексики с экстремальной семантикой (шок, срочно, невероятно) и оценочных прилагательных.
Социокультурный контекст	Ориентация на индивидуалистические ценности (личный успех, здоровье, уникальный опыт). Кликбейт часто маскируется под лайфстайл-советы или инсайдерскую информацию.	Ориентация на коллективистские или патерналистские паттерны (судьба страны, решения властей, общие угрозы). Кликбейт часто эксплуатирует темы социальной справедливости и геополитики.

Представленные в таблице концептуальные различия наглядно демонстрируют, что, несмотря на глобализацию медиастандартов, когнитивная основа восприятия заголовков остается глубоко укорененной в культурной матрице. Англоязычная модель, базирующаяся на теории информационного пробела, оперирует любопытством как когнитивным зудом, который необходимо устранить. Это более "холодный", рассудочный тип манипуляции, где читателю предлагается решить загадку или узнать секрет [7]. Русскоязычная модель, напротив, чаще работает с "горячими" эмоциями, создавая ощущение неотложности или скандальности происходящего. Здесь заголовок не просто обещает информацию, он требует реакции, часто апеллируя к моральным или социальным триггерам, что делает его более агрессивным с точки зрения психолингвистического воздействия.

Интересно отметить, что категория "обманутого ожидания" в русскоязычном дискурсе воспринимается острее и имеет более выраженную негативную коннотацию. Если в англоязычной среде легкое преувеличение часто воспринимается как часть игры или жанровая условность, то в российском медиаполе это нередко интерпретируется как нарушение негласного договора между изданием и читателем, ведущее к быстрой потере лояльности. При этом парадокс заключается в том, что, несмотря на декларируемое раздражение кликбейтом, аудитория продолжает активно реагировать на наиболее примитивные его формы, что свидетельствует о превалировании автоматических когнитивных реакций над осознанным медиапотреблением [3].

Дальнейшее углубление в проблематику требует анализа конкретных психологических механизмов, которые активируются при чтении заголовков. Речь идет о когнитивных искажениях – систематических ошибках мышления, которые эволюционно сформировались для ускорения принятия решений, но в цифровой среде стали уязвимостями, эксплуатируемыми создателями контента. Медиа не изобретают новые способы воздействия, они лишь адаптируют древние инстинкты – страх упущенной выгоды, предвзятость подтверждения, эффект негативности – к формату короткой текстовой строки. Понимание того, какие именно искажения задействуются на разных платформах, позволяет деконструировать механику вирусности (табл. 2).

Таблица 2

Когнитивные искажения и психологические триггеры, используемые в медиазаголовках.

Table 2

Cognitive biases and psychological triggers used in media headlines.

Психологический механизм	Характеристика воздействия	Особенности реализации в заголовках
Эффект негативности (Negativity Bias)	Эволюционная предрасположенность психики уделять больше внимания неприятной, угрожающей или трагической информации по сравнению с позитивной.	Доминирование лексики семантического поля "угроза", "катастрофа", "смерть", "кризис". Создание атмосферы тревожности даже в нейтральных новостях.

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Синдром упущенной выгоды (FOMO)	Тревожное состояние, вызванное опасением пропустить важное событие, интересную информацию или возможность, доступную другим.	Использование темпоральных маркеров ("прямо сейчас", "срочно", "успейте узнать"). Формулировки, подразумевающие эксклюзивность знания или ограниченность доступа к информации.
Предвзятость подтверждения (Confirmation Bias)	Тенденция искать, интерпретировать и запоминать информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже имеющиеся убеждения или гипотезы.	Формулирование заголовков, резонирующих с популярными стереотипами, политическими взглядами или страхами целевой аудитории. Поляризация мнений в заголовке для привлечения единомышленников.
Эффект любопытства (Curiosity Gap)	Когнитивное напряжение, возникающее при обнаружении разрыва между тем, что мы знаем, и тем, что хотим узнать.	Использование неопределенных местоимений, обрыв фразы на самом интересном месте, вопросительные конструкции, подразумевающие неожиданный ответ.
Эффект авторитета (Authority Bias)	Склонность приписывать большую значимость и правдивость информации, исходящей от воспринимаемого авторитета или известной личности.	Обязательное упоминание имен знаменитостей, экспертов или названий престижных организаций в заголовке, даже если их связь с новостью косвенна. Цитаты, вырванные из контекста.

Анализ данных таблицы позволяет утверждать, что эксплуатация эффекта негативности является наиболее универсальной стратегией, пронизывающей все типы медиа. Человеческий мозг, запрограммированный на выживание, автоматически сканирует окружающую среду на предмет угроз, и заголовки, содержащие маркеры опасности, получают приоритетный доступ к вниманию, минуя фильтры критического восприятия. В русскоязычном сегменте это проявляется особенно ярко, где даже новости культуры или науки могут подаваться через призму конфликта или потенциальной утраты. В англоязычном сегменте, хотя негативность также присутствует, значительный вес имеет FOMO (страх упущенной выгоды), что коррелирует с более высокой ориентацией общества на конкуренцию и личную эффективность [10].

Применение предвзятости подтверждения в заголовках создает эхо-камеры, где пользователь видит только то, что хочет видеть. Алгоритмы социальных сетей усиливают этот эффект, подсовывая заголовки, максимально соответствующие профилю интересов пользователя. Это приводит к тому, что заголовок перестает быть инструментом информирования и становится инструментом социальной идентификации: кликая на заголовок, пользователь подтверждает свою принадлежность к определенной группе ("я тот, кто знает правду", "я тот, кто возмущен"). Лингвистически это выражается в использовании маркеров "свой-чужой" и оценочной лексики, которая заранее задает интерпретацию события, не оставляя пространства для самостоятельного анализа.

Различия в архитектуре платформ (социальные сети, видеохостинги, новостные сайты) диктуют свои правила игры, трансформируя структуру заголовка под технические ограничения и паттерны потребления контента. То, что работает в ленте Facebook, может быть абсолютно неэффективным в Telegram или на YouTube. Визуальное доминирование в одних случаях и текстоцентричность в других создают разные когнитивные нагрузки на пользователя. Ограничения на количество знаков, наличие или отсутствие превью, возможность комментирования – все это факторы, формирующие "экологическую нишу" заголовка, которую он должен заполнить наиболее эффективным образом.

Анализ платформенной специфики показывает, что YouTube и мессенджеры представляют собой полюса трансформации заголовка. На видеохостингах наблюдается максимальная карнавализация: использование прописных букв (Caps Lock), обилие пунктуационных знаков и эмодзи превращает заголовки в визуальный крик, который должен пробиться сквозь пеструю стену рекомендаций. Здесь когнитивная обработка идет по пути наименьшего сопротивления – яркий образ плюс простая, быющая по эмоциям фраза. Смысловая нагрузка часто вторична по отношению к аффективной: главное – заставить пользователя остановить скроллинг [6]. В этом контексте англоязычные и русскоязычные сегменты YouTube демонстрируют удивительную схожесть, практически копируя успешные шаблоны друг друга.

В Telegram-каналах, особенно в русскоязычном сегменте, сформировалась уникальная культура "новостного минимализма". Здесь заголовок часто выполняет функцию всего текста, либо текст новости

настолько сжат, что граница между ними исчезает. Это создает эффект непрерывного информационного потока, где пользователь потребляет новости не дискретно (открыл статью – прочитал – закрыл), а потоково. Когнитивная нагрузка при этом парадоксальным образом возрастает: мозгу приходится постоянно переключаться между микконтекстами, что ведет к быстрой утомляемости и снижению критичности восприятия. Доверие здесь базируется не на институциональном авторитете (как у газет), а на персонифицированном бренде автора канала.

Обобщая полученные данные, можно констатировать, что эволюция заголовков движется в сторону упрощения синтаксиса при одновременном усилении прагматического давления на реципиента. Различия между языками сохраняются на уровне лексических нюансов и культурных кодов, однако структурные модели воздействия становятся все более гомогенными под влиянием глобальных платформ. Когнитивная обработка таких текстов все чаще происходит в "режиме автопилота", когда пользователь реагирует на стимулы рефлекторно, минуя глубокий семантический анализ. Это создает серьезные вызовы для информационной гигиены, так как манипулятивные техники становятся невидимыми, растворяясь в привычном интерфейсе повседневного медиапотребления. Смещение информационных и развлекательных жанров приводит к тому, что серьезные социальные проблемы могут подаваться через призму развлечения, а тривиальные события – раздуваться до масштабов катастрофы, полностью дезориентируя читателя в картине мира.

Выводы

Трансформация заголовочных комплексов в современной цифровой среде ставит перед обществом и законодателем ряд сложных вопросов, выходящих за рамки чистой лингвистики. Правовое регулирование медиапространства традиционно фокусировалось на недостоверности фактической информации (фейках), клевете или экстремизме, однако феномен кликбейта находится в "серой зоне" права. Заголовок, который формально не содержит лжи, но создает ложное впечатление или провоцирует необоснованную панику, трудно квалифицировать как правонарушение с точки зрения действующих юридических норм. В англосаксонской правовой доктрине существуют прецеденты рассмотрения дел о введении потребителя в заблуждение (*misleading advertising*), однако применение этих норм к редакционному контенту наталкивается на принципы свободы слова и прессы. В российском правовом поле понятие "злоупотребление свободой массовой информации" трактуется достаточно широко, но практика привлечения к ответственности именно за манипулятивные заголовки, не содержащие прямого нарушения закона, пока не сложилась в устойчивую систему.

Перспективы развития ситуации видятся в двух плоскостях: технологической и этической. С одной стороны, развитие алгоритмов искусственного интеллекта, способных генерировать заголовки, оптимизированные под максимизацию кликабельности, неизбежно приведет к еще большей изоциренности манипуляций. ИИ способен анализировать миллионы реакций пользователей в реальном времени и подбирать такие комбинации слов, которые будут бить точно в "болевые точки" конкретной аудитории. Это требует разработки контр-алгоритмов и инструментов мониторинга, способных маркировать контент с высоким индексом манипулятивности, предоставляя пользователю "предупреждение" до совершения клика. С другой стороны, невозможно решить проблему исключительно техническими запретами без повышения уровня медиаграмотности населения. Формирование навыка критического чтения, умения распознавать когнитивные ловушки и эмоциональные триггеры должно стать частью базового образования.

Список источников

1. Лутовинова О.В. Манипулятивные приемы в кликбейтных заголовках интернет-СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 55 – 69.
2. Сладкевич Ж.Р. Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 353 – 368.
3. Гаврикова О.А. Смысловое искажение информации в кликбейт-заголовках в текстах политического медиадискурса // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 173 – 179.
4. Богданова Д.А. Кликбейты и листиклы – современные приёмы подачи информации онлайн-медиа // Народное образование. 2019. № 4 (1475). С. 203 – 210.
5. Битнер И.А., Коршунова А.В., Лузин Б.О. Кликбейтные заголовки в зеркале теории речевых актов // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 24 – 36.
6. Градюшко А.А. Приемы создания кликбейт-заголовков в цифровой журналистике // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2020. № 3 (105). С. 37 – 40.

7. Цзя Вэй. Эмоциогенность в цифровой среде: к вопросу о формализации семантики мультимодальных медиатекстов // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 8. С. 146 – 150.
8. Чанышева З.З. Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 54 – 62.
9. Дементьев В.В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 5 – 27.
10. Градюшко А.А. Кликбейт в цифровой журналистике: стратегии и особенности // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. 2025. № 1 (291). С. 34 – 40.

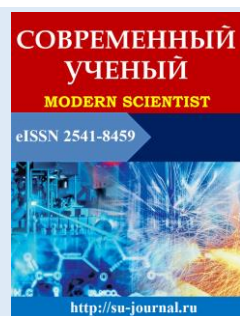
References

1. Lutovinova O.V. Manipulative Techniques in Clickbait Headlines of Online Media. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2023. No. 2. P. 55 – 69.
2. Sladkevich J.R. Announcement Headlines in Online Media Services: Between Informing and Clickbaiting. Medialinguistics. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 353 – 368.
3. Gavrikova O.A. Semantic Distortion of Information in Clickbait Headlines in Political Media Discourse Texts. Bulletin of Bashkir University. 2018. Vol. 23. No. 1. P. 173 – 179.
4. Bogdanova D.A. Clickbaits and listicles – modern techniques of presenting information in online media. Public education. 2019. No. 4 (1475). P. 203 – 210.
5. Bitner I.A., Korshunova A.V., Luzin B.O. Clickbait headlines in the mirror of speech act theory. Siberian Philological Forum. 2021. No. 2 (14). P. 24 – 36.
6. Gradyushko A.A. Techniques for creating clickbait headlines in digital journalism. Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology. 2020. No. 3 (105). P. 37 – 40.
7. Jia Wei. Emotivity in the Digital Environment: On the Formalization of the Semantics of Multimodal Media Texts. Academic Research Journal. 2025. Vol. 3. No. 8. P. 146 – 150.
8. Chanysheva Z.Z. Information Technologies of Semantic Distortions in Clickbait Headlines. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2016. No. 4. P. 54 – 62.
9. Dementyev V.V. Headlines with Numbers in Online Media: Linguistic and Pragmatic Characteristics. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2020. No. 63. P. 5 – 27.
10. Gradyushko A.A. Clickbait in Digital Journalism: Strategies and Features. Proceedings of BSTU. Series 4, Print and Media Technologies. 2025. No. 1 (291). P. 34 – 40.

Информация об авторе

Гасанов Анар Гюмшуд оглы, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, anarboard@gmail.com

© Гасанов Анар Гюмшуд оглы, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81:005.57

Лингвокультурный аспект английского речевого этикета в коммуникативной ситуации флирта

¹ Гирина И.Г.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: в статье анализируется речевой этикет в рамках жанра флирта в английской лингвокультуре. Материалом для анализа послужила популярная романтическая комедия «Дневник Бриджит Джонс», поскольку это дает возможность проследить динамику манипулятивных отношений между героями фильма. Флирт рассматривается как фатический речевой жанр, представленный в речевых ситуациях и непосредственно связанный с нормами речевого этикета в английской лингвокультуре. При помощи контекстуального анализа кинотекста и дискурс-анализа диалогов ставится цель выявить этапы флирта (начальный этап, сближение, конфликт, разрыв), манипулятивные тактики (языковая игра, ирония, косвенные речевые акты) и культурные особенности речевого поведения в английской лингвокультуре (уклончивость, ирония, сохранение лица).

Ключевые слова: лингвокультурология, речевой этикет, речевой жанр, речевая ситуация, теория вежливости, речевое поведение, невербальная коммуникация, анализ дискурса

Для цитирования: Гирина И.Г. Лингвокультурный аспект английского речевого этикета в коммуникативной ситуации флирта // Современный ученый. 2026. № 4. С. 128 – 135.

Поступила в редакцию: 25 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The linguocultural aspect of English speech etiquette in a communicative situation of flirting

¹ Girina I.G.

¹ Pacific National University

Abstract: the article analyzes speech etiquette within the genre of flirtation in the English linguoculture. A popular romantic comedy "Bridget Jones's Diary" serves as the material for the analysis, as it allows us to trace the dynamics of manipulative relationships between the film characters. Flirting is considered a phatic speech genre, presented in speech situations and directly linked to the norms of speech etiquette in the English linguoculture. Using contextual analysis of the film and discourse analysis of the dialogues, the aim is to identify the stages of flirtation (the initial stage, the development of relationship, the conflict, the breakup), manipulative tactics (language play, irony and indirect speech acts), and cultural characteristics of speech behavior in the English linguoculture (evasiveness, irony and saving face).

Keywords: linguocultural studies, speech etiquette, speech genre, speech situation, politeness theory, verbal behaviour, non-verbal communication, discourse analysis

For citation: Girina I.G. The linguocultural aspect of English speech etiquette in a communicative situation of flirting. Modern Scientist. 2026. 4. P. 128 – 135.

The article was submitted: October 25, 2025; Approved after reviewing: December 22, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В данной статье исследуются особенности вербального поведения англичан в рамках речевого жанра флирта на материале фильма «Дневник Бриджит Джонс». Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи языка и культуры в рамках теории речевых актов на материале кинотекста, отражающего особенности национальной культуры.

Цель работы – изучение английского речевого этикета в рамках речевого жанра флирта на материале речевых ситуаций из фильма «Дневник Бриджит Джонс».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили речевые ситуации, представленные в художественном фильме «Дневник Бриджит Джонс», отражающие вербальное поведение персонажей в рамках речевого жанра флирта. В качестве единиц анализа рассматривались диалогические фрагменты, содержащие элементы речевого этикета, косвенные речевые акты, языковую игру, проявления вежливости и коммуникативные тактики манипуляции. Методологическую основу исследования составили дискурсивный анализ с позиций лингвокультурологии, контекстуальный анализ речевых ситуаций, а также элементы прагматического анализа с опорой на теорию речевых актов и теорию вежливости. В ходе работы проводился отбор и систематизация речевых эпизодов, характеризующих различные этапы развития флирта, с последующей интерпретацией с учетом коммуникативной ситуации, социального статуса участников общения, культурных норм английской коммуникации и жанровых особенностей кинотекста. Полученные данные обобщались посредством качественного анализа с элементами классификации коммуникативных стратегий и речевых тактик.

Результаты и обсуждения

Речевой этикет является одним из предметов лингвокультурологии. Лингвокультурология, по определению В.А. Масловой, представляет собой отрасль лингвистики, изучающую проявления культуры народа, отражённые и закреплённые в языке [9, с. 8-11]. В рамках лингвокультурологии отдельное место занимает исследование речевого этикета, который Н.И. Формановская определяет как «систему коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся в соответствии с их статусом, психологическими и социальными ролями, ролевыми и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [11, с. 1].

Следует также отметить, что речевой этикет тесно связан с категорией вежливости, которая представляет собой совокупность коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в живом общении для обеспечения гармонии и взаимопонимания. Ученые П. Браун и С. Левинсон предлагают универсальную теорию вежливости, основанную на концепции "лица" (face) как публичного образа самооценки говорящего. Авторы различают positive face (желание одобрения и солидарности) и negative face (стремление к автономии и отсутствию навязывания), а акты речи, угрожающие лицу (face-threatening acts), требуют стратегий смягчения [13].

Отечественными исследователями (О.К. Клименко, Т.В. Ларина) вежливость понимается как ключевая коммуникативная категория, интегрирующая частные категории и обеспечивающая гармоничное общение. Она связана с этикетом, но шире его и представляет систему стратегий и тактик реального общения для достижения взаимопонимания и бесконфликтности, включая элементы, не всегда соответствующие этикету [7, 8]. В исследовании Т.В. Лариной подчёркивается роль вежливости в формировании национально-специфических стилей коммуникации. С целью выявления различий в стратегиях общения анализируется «негативная вежливость» (дистанцирование), типичная для англичан и «позитивная вежливость» (сближение), характерная для русских [8].

Речевая деятельность всегда обусловлена контекстом, или речевой ситуацией, которая, согласно Е.В. Синцову, является взаимодействием всех контекстов высказывания, позволяющим правильно интерпретировать его смысл и цель [10]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют два типа речевых ситуаций: стандартные, в которых строго регламентировано поведение и речь участников (например, учебный процесс), и переменные, связанные с личностными и социальными взаимоотношениями, в которых у говорящего есть выбор речевых форм [4].

Как отмечает Л.А. Введенская, формулы речевого этикета зависят от таких факторов, как социальный статус, служебная иерархия, профессия, возраст и пол участников беседы [1]. Кроме того, нормы вежливости значительно различаются в разных культурах, и для успешного межкультурного общения необходимо знать не только язык, но и культурные правила, включая невербальное поведение.

Формулы речевого этикета действуют в рамках определенного речевого жанра. Речевой жанр понимается как устойчивая типовая форма текста с определённой коммуникативной целью, тематикой, стилем и структурой, включённая в иерархическую систему жанров, от простых речевых актов до сложных текстов, что обеспечивает его узнаваемость и воспроизводимость в речи.

Основоположником теории речевых жанров считается М.М. Бахтин. Бахтин различает первичные (простые, бытовые, как приветствие) и вторичные (сложные, литературные) речевые жанры, где первые служат основой для вторых. Жанры организуют речь подобно грамматике, делая общение возможным в сферах человеческой деятельности. Речевые жанры социально обусловлены, связаны с конкретными условиями сферы (бытовой, профессиональной) и включают диалогичность как определяющий признак. Стил и композиция высказывания формируются экспрессивным (отношением говорящего к теме) и предметно-смысловым элементами [2]. Развивая теорию М.М. Бахтина, А.Г. Баранов трактует речевой жанр как устойчивую структуру, интегрирующую тематические, композиционные и стилистические нормы в дискурсе и обосновывает его системный характер, отличая от речевых актов и текстов [1].

Таким образом, речевые жанры характеризуются такими признаками как: 1) иерархичность (первичные и вторичные жанры); 2) типичность и устойчивость; 3) коммуникативная цель; 4) тематическое и стилевое единство; 4) функционально-смысловая организация (жанр организован как функционально и содержательно завершённый); 5) языковое воплощение, т.е. для конкретного жанра характерны определённые языковые средства, отражающие его формальные признаки.

Ещё одним ключевым термином для данной работы является «речевая ситуация, которая определяется как совокупность условий, в которых происходит речевое взаимодействие, включающая говорящего, слушающего, время и место, цель высказывания и другие факторы.

Речевая ситуация – это взаимодействие всех контекстов высказывания, которое помогает понять дополнительные смыслы сообщения и правильно истолковать цель высказывания [10]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют два типа речевых ситуаций: стандартные, в которых строго регламентировано поведение и речь участников (например, учебный процесс), и вариабельные, связанные с личностными и социальными взаимоотношениями, в которых у говорящего есть выбор речевых форм [4].

Таким образом, речевой жанр представляет собой устойчивый тип текста, объединяющий речевые акты по коммуникативной цели, образу автора и адресата, с типовыми лексическими, стилистическими и композиционными средствами, а речевая ситуация – это конкретный коммуникативный контекст (место, время, участники, цель), в котором возникает общение, при этом ситуация определяет выбор жанра.

Флирт является фатическим жанром непрямой (косвенной) коммуникации, где целью коммуникации является не передача адресату какой-либо информации, а установление положительных отношений между коммуникантами посредством выражения интенций и желания адресанта в косвенной форме [5, с. 402].

Флирт как речевой жанр может быть представлен следующим образом: 1) флирт ради самого флирта, целью которого целью служит получение удовольствия от игривого взаимодействия, далее он не заходит; 2) флирт ради построения дальнейших отношений, когда человек прибегает к флирту, чтобы понравиться кому-то при помощи косвенных комплиментов, предложений и положительных поступков [5]. Исследователи выделяют следующие этапы флирта: 1) начальный этап; 2) сближение; 3) завершающий [6].

Кейт Фокс рассматривает английский флирт как неотъемлемый элемент скрытых норм поведения, подчёркивая его косвенный и сдержанный характер. Английский флирт отличается неловкостью и нерешительностью: англичане избегают прямых комплиментов, предпочитая иронию, поддразнивания или беседы о погоде в качестве предлога для установления контакта. при которых инициатива маскируется под случайность, а отказ выражается с осмотрительностью, чтобы сохранить лицо. В отличие от романтических южных культур, англичане флиртуют «по-английски», т.е. скрытно, с элементами иронии, что делает процесс скорее комичным, чем страстным [14, с. 333-352].

Рассмотрим подробно речевые ситуации, в которых отражаются этапы развития флирта Дэниэла Кливера и Вриджит Джонс.

В фильме «Дневник Бриджет Джонс» есть две сюжетные линии, в которых представлены разные этапы развития отношений между героиней фильма Бриджет Джонс и двумя героями – её боссом Дэниэлом Кливером и адвокатом Марком Дарси. В анализируемых речевых ситуациях из фильма «Дневник Бриджет Джонс» показан динамичный процесс развития и последующего разрыва отношений между героиней

фильма Бриджит Джонс и Дэниэлом Кливером, построенных на основе манипулятивных стратегий и невербального поведения. Особенно следует отметить манипулирование уровнями вежливости, которое представляет собой использование лингвистических и прагматических средств для влияния на собеседника путем изменения степени формальности, дистанции или эмоциональной окраски высказываний. В контексте прагматики и теории вежливости это означает, что говорящий повышает или понижает уровень вежливости, чтобы создать определенный эффект: от давления через чрезмерную фамильярность до манипуляции через избыточную формальность. В случае флирта манипулирование вежливостью усиливает косвенность: ирония или поддразнивание понижают формальность, маскируя намерение и снижая риск отвержения, что типично для английского дискурса.

Анализ отношений главных героев фильма показывает, что флирт развивается по-разному в зависимости от конечной цели (флирт ради флирта или флирт для установления долгих, устойчивых отношений). Отношение Дэниэла Кливера к Бриджит носит манипулятивный характер и этапы развития флирта выглядят следующим образом: 1) начальный этап успешного флирта; 2) этап сближения; 3) предконфликтная фаза; 4) конфликт; 5) разрыв отношений; 6) попытка сглаживания конфликта; 7) окончательный разрыв. Отношение Марка Дарси к Бриджит, напротив, искреннее и лишено каких-либо манипуляций с его стороны. Этапы развития отношений Бриджит Джонс и Марка Дарси можно представить следующим образом: 1) неудачное начало флирта, конфликт; 2) проявление эмоционального состояния (начальный этап); 3) этап сближения; 4) конфликт; 5) сглаживание конфликта; 6) эксплицирование взаимной симпатии (заклучительный этап).

Рассмотрим подробно развитие отношений героини с Дэниэлом Кливером, её боссом, который манипулирует Бриджит, скрывая свои истинные намерения. На уровне вербального общения это выражается в нарушении конвенциональных этикетных норм и языковой игре. Приведем в качестве примера ряд речевых ситуаций из фильма, отражающих разные этапы развития флирта.

В первой ситуации – начальном этапе успешного флирта – разговор в электронной переписке между начальником и подчиненной выходит за рамки формальной вежливости и приобретает фамильярный, игривый тон, насыщенный иронией и юмором. Оба участника используют манипулятивные приемы, поддерживая зрительный контакт и формируя предпосылки для сближения. Ситуация представлена следующим образом:

«From: –

Daniel Cleaver

Subject: –

Serious problem

You appear to have forgotten your skirt. Is skirt off sick?»

«Message Mr. Cleaver. I am appalled by message. Skirt is demonstrably neither sick nor absent. Appalled by management's blatantly size-ist attitude to skirt. Suggest management sick, not skirt!»

Отношения начинают развиваться с электронной переписки, где наблюдается нарушение правил конвенциональной вежливости. Общение происходит на фамильярном уровне, хотя герои находятся на рабочем месте, в официальной обстановке и должны общаться в рамках официальной вежливости, будучи начальником и подчиненной. Начальник, вероятно, воспринимает одежду Бриджит (очень короткая юбка и прозрачная блуза) как невербальный сигнал приглашения к флирту, и начинает флирт с языковой игры – олицетворения: “Is skirt off sick”? Юбка становится самостоятельным участником действия, являясь примером антропоморфизации в языковой игре. Бриджит подхватывает языковую игру, пародируя формальный бюрократический стиль, используя эмоционально-окрашенную книжную лексику ‘appalled’, ‘blatantly’, что создает юмористический эффект за счет стилового контраста, а также прибегает к пародийной аллюзии на политкорректность (‘blatantly size-ist attitude to skirt’). Следует отметить, что в шутке про юбку отражаются сразу несколько культурных стереотипов: стандарты женской офисной одежды, общественные ожидания по отношению к внешности, а также излишняя формальность бюрократического стиля.

В следующей ситуации, которая характеризует этап сближения, продолжается языковая игра, которая заключается в стиловом контрасте (одновременном использовании официального и фамильярного стиля) и олицетворении предмета одежды (skirt). Личное общение происходит уже после работы:

DANIEL: Brenda, listen. What are you doing tonight?

BRIDGET: Actually, I'm busy.

DANIEL: All right. Well, that's a shame. I just, uh...well, I thought it might be a charitable thing to take your skirt out for dinner and try to fatten it up a bit.<...> Maybe you can come, too. What about tomorrow?

BRIDGET: No. Tomorrow's the launch.

DANIEL: Next night?

BRIDGET: Let's see, shall we? Good night, Daniel.

Дэниэл непрямо, с использованием косвенных речевых тактик и языковой игры, приглашает Бриджит на свидание. Языковая игра заключается в использовании олицетворения, когда он предлагает пригласить юбку Бриджит на ужин и слегка её откормить, а Бриджит тоже может прийти. Он намеренно трансформирует обычное приглашение в игру слов, используя иронию и комическое преувеличение. Выражение «take your skirt out for dinner» добавляет легкой двусмысленности, что является элементом игрового флирта. В целом, языковая игра и юмор помогают снятию напряжения и сближению собеседников.

В диалоге оба участника используют косвенные речевые тактики. Бриджит не отвергает Дэниэла, отказывая ему прямо, ее ответы вежливы и уклончивы (*Actually, I'm busy. No. Tomorrow's the launch. Let's see, shall we?*), чтобы сохранить возможность дальнейшего общения. Дэниэл, в свою очередь, не выражает прямую просьбу поужинать вместе. Он интересуется планами Бриджит и само приглашение представляет в юмористической форме. Это типичный пример не прямых речевых актов, когда истинное намерение маскируется формой высказывания. Косвенные речевые стратегии и тактики позволяют сохранить лицо и избежать прямого отказа или неловкости. Кроме того, использование косвенных речевых тактик в целом характерно для культур с высоким контекстом, к которым английская культура формально не относится, но при этом в английской культуре есть некоторые элементы высококонтекстуальной культуры, в частности недосказанность, уход от прямого ответа, косвенные просьбы и отказы, скрытая ирония. В английской культуре значительная часть сообщения не выражается прямо, а понимается из ситуации. В данном случае Дэниэл Кливер представляет ситуацию иронически (что также является частью языковой и любовной игры), будто приглашение на ужин является актом благотворительности (*charitable thing*), а не стандартным жестом ухаживания. Кроме того, в приглашении на ужин проявляется двусмысленность. Дэниэл сначала приглашает на ужин юбку, а затем Бриджит (*Maybe you can come, too*), что позволяет строить флирт на грани между шуткой и реальным предложением и позволяет участникам коммуникации избегать неловкости при отказе. Бриджит также прибегает к косвенным речевым тактикам, избегая прямого отказа и завершая диалог формулой (*Let's see, shall we?*), что даёт собеседнику надежду и простор для интерпретаций.

Следует также отметить использование вокативов. Начальник и подчиненная называют друг друга по имени, хотя начальник и путает имя Бриджит, называя её Брендой, что свидетельствует о развитии отношений.

Третья ситуация – предконфликтная фаза – характеризуется растущим напряжением и изменением динамики общения. Бриджит начинает серьезно воспринимать отношения, а Дэниэл сохраняет контроль и дистанцию, используя манипулятивные приемы (перенос вины на собеседника и неясные ответы), что создает основу для конфликта.

BRIDGET: Listen, Daniel, if you've changed your mind you could just say so because, honestly, I don't see what could be so important.

DANIEL: No, well, you wouldn't, would you? Because you don't have the faintest bloody idea of just how much trouble the company's in. You swan in in your short skirt and your see-through blouse and fanny around with press releases.

В данном диалоге используются конфликтные языковые средства, отражающие растущее напряжение между персонажами. Конфликтные тактики Бриджит представлены в реплике «*if you've changed your mind you could just say so because, honestly, I don't see what could be so important*». Эта реплика содержит предположение о неискренности собеседника и предложение выразить намерения прямо, что может восприниматься как речевое давление.

Среди конфликтных тактик Дэниэла следует отметить использование речевой агрессии (*You wouldn't, would you? Because you don't have the faintest bloody idea of just how much trouble the company's in*). Дэниэл использует риторический вопрос и грубую лексику (*bloody idea*), что повышает напряжение. Для выражения речевой агрессии служит также ирония, сарказм и гендерные стереотипы (*You swan in in your short skirt and your see-through blouse and fanny around with press releases*).

Таким образом, данный обмен репликами отражает эскалацию конфликта через прямую критику, эмоционально окрашенные оценки, иронию и гендерно-окрашенные стереотипы, что характерно для конфликтной коммуникации, направленной на доминирование одного участника над другим. Невербальное поведение персонажа (кинесика) соответствует вербальному, а именно конфликтная поза Кливера (руки на бедрах).

В конфликтной сцене, четвертой ситуации, речевые манипуляции усиливают напряженность, несмотря на попытки сгладить ситуацию через извинения и самообвинения.

DANIEL: The thing is... with Lara and me, well, you know...

BRIDGET: No. You'll have to fill me in.

DANIEL: Well, the truth is...the truth is, we're the same, Bridge, you and me.

Дэниэл пытается ловко манипулировать Бриджит. Он, как и на первом этапе флирта, использует комплименты, заботливый тон, сохраняет виноватое выражение лица.

Стратегии речевого манипулирования включают недоговоренность, неясность формулировок и перекалывание ответственности. Так, фраза "The thing is... with Lara and me, well, you know..." является примером нарочито неясного сообщения. Говорящий избирает неопределённые формулировки, чтобы скрыть истинное положение дел. Когда Бриджит не принимает недоговорённость и прямо требует разъяснений (No. You'll have to fill me in), Дэниэл не даёт конкретного ответа, а уходит в рассуждения и обобщения: "Well, the truth is...the truth is, we're the same, Bridge, you and me". Вместо откровенного обсуждения ситуации он переводит разговор на абстрактный уровень, пытаясь создать у собеседницы ощущение "общности" между ними. Утверждение о сходстве (we're the same, Bridge, you and me) – типичный приём, направленный на создание иллюзии эмоциональной близости, что может снизить степень недовольства собеседницы, вызвать сочувствие или заставить её пересмотреть свою реакцию. Все перечисленные приёмы – неясность, обобщения, и перекалывание ответственности являются типичными манипулятивными стратегиями, позволяющими управлять собеседником.

Пятая ситуация (разрыв отношений) происходит на рабочем месте. Когда Бриджит заявляет о своём уходе, Дэниэл меняет стиль общения с фамильярного на официальный, пытаясь сохранить контроль через манипулирование.

DANIEL: Oh, Bridget. Come on. I mean, I know it's been awkward but there's no need to leave.

BRIDGET: No, actually, there is. I've been offered a job in television.

DANIEL: Whoa. Just hold it right there, Miss Jones. I'm sorry to inform you but I think you'll find that by contract, you're expected to give at least six weeks' notice.

В данном диалоге проявляются косвенные речевые тактики и языковая игра, характерные для вежливого общения в английской культуре. Во фразе Дэниэла (Oh, Bridget. Come on. I mean, I know it's been awkward but there's no need to leave) он пытается не давить на собеседницу, а демонстрировать понимание, выражая надежду на продолжение разговора. Это пример косвенной тактики, чтобы не вызвать у собеседницы сопротивления. Ответ Бриджит (No, actually, there is. I've been offered a job in television) является прямым, но сдержанным, что отражает серьёзность решения. Фраза Дэниэла (Whoa. Just hold it right there, Miss Jones. I'm sorry to inform you but I think you'll find that by contract, you're expected to give at least six weeks' notice) содержит языковую игру, а именно, манипулирование различными уровнями вежливости, когда наблюдается контраст между неформальным обращением в начале (Oh, Bridget. Come on) и избыточной формальностью с использованием бюрократического канцелярского стиля (by contract, you're expected to give at least six weeks' notice) в конце диалога. Важно отметить и использование вокативов: 'Bridget' в начале диалога и 'Miss Jones' в конце. Вокативы в ситуации флирта часто сочетаются с косвенными тактиками, усиливая иронию.

В целом, в диалоге наблюдается баланс между косвенной речевой тактикой (смягчение, деликатность) и языковой игрой (ирония, обращение по фамилии с титулом вежливости Miss). Переключение с фамильярного уровня вежливости на официальный отражает нездоровую динамику в отношениях, где Дэниэл выступает манипулятором, используя вербальные и невербальные методы для управления эмоциями Бриджит. Флирт заканчивается разрывом.

В последней сцене (попытке сглаживания конфликта) Дэниэл выражает искренние извинения и пытается восстановить доверие с помощью теплых слов, уважения к личному пространству и перехода к интимной дистанции. Данная ситуация происходит после расставания Дэниэла и Бриджит у нее дома, когда она вместе с друзьями и Марком Дарси празднует свой день рождения и успешное начало карьеры. Начинает Кливер с извинений за то, что помешал:

DANIEL: Ah...Sorry, sorry, sorry... I'm obviously interrupting a... Darcy.

Бриджит понимает, что Дэниэл хочет поговорить с ней наедине, она извиняется перед гостями и отходит вместе с ним в сторону. Этим действием он не просто изменяет проксемику, так как обоим придется придерживаться интимной дистанции, но и доказывает свою искреннюю интенцию. Кливер старательно извиняется перед Джонс, обращаясь к ней при помощи сокращенной формы имени:

DANIEL: I'm a terrible disaster with posh voice and a bad character. You're the only one who can save me, Bridge. <...> Bridge, I missed you a lot.

В предложении используется языковая игра, типичная для английского флирта: ирония, гипербола (terrible disaster, he only one who can save) и стилевой контраст. Языковая игра строится на иронии через самокритику, когда говорящий преувеличивает свои недостатки (terrible disaster), маскируя комплимент адресату под шутливую просьбу о спасении, что снижает прямолинейность высказывания. Обращение “Bridge” выражает интимность и сочетается с ролью «спасителя».

«Whenever I see that skimpy little skirt on TV I just close my eyes and listen to all the intelligent things you’ve said. I was thrilled that little Kurdish bloke was set free».

На первый взгляд реплика звучит комплиментарно, однако здесь наблюдается ирония, основанная на стилевом контрасте. Фраза “skimpy little skirt” выражает снисходительное отношение к героине, а фраза “intelligent things you’ve said” в данном контексте звучит не как комплимент, а скорее, как ирония. **Гипербола** “close my eyes and listen to all the intelligent things” возводит адресата в идеал, придавая флирту комический эффект, а **димиинутивы** (little skirt, little Kurdish bloke) смягчают речь, создавая игривую интимность. Такие приемы типичны для английского флирта.

Далее между Дэниэлом Кливером и Марком Дарси происходит драка, по окончании которой последний уходит, а Кливер остается наедине с Бриджит. Решив, что они вернулись к прежним отношениям, и нет необходимости притворяться, Кливер вновь обращается к девушке игривым тоном, называя её по фамилии:

DANIEL: Let’s go upstairs. Come on. We belong together, Jones.

На основе анализа речевых ситуаций в фильме «Дневник Бриджит Джонс» можно сделать вывод о том, что отношения Бриджит Джонс и Дэниэла Кливера носят нездоровый характер, поскольку Кливер систематически прибегает к манипулятивным тактикам. Изначально эти тактики направлены на привлечение внимания и симпатии и представляют собой игривый флирт с элементами фамильярности и раскованности, отражая нарциссическую природу героя. Флирт, инициированный на рабочем месте, нарушает конвенциональные нормы официальной вежливости английской культуры, где профессиональные отношения должны превалировать над личными.

Кроме того, Дэниэл Кливер манипулирует Бриджит через вокативы. В английском дискурсе вокативы отражают дистанцию, статус и отношения. Обращение по фамилии служит дистанцирующим средством в моменты флирта, а обращение по имени выражает притворную искренность, восстанавливая доверие и близость.

Кливер прибегает к обману для гиперболизации собственных достоинств, провоцируя жалость и последующую симпатию. Он акцентирует внимание на внешности Бриджит, усиливая эффект комплиментами, и использует средства невербальной коммуникации (проксемика, такесика, окулесика).

Отношения героев так и не доходят до финального этапа, поскольку намерения героя не искренни и носят манипулятивный характер.

Выводы

Таким образом, в статье проанализированы речевые ситуации в рамках речевого жанра флирта, рассмотрена манипулятивная динамика отношений героев, а именно этапы флирта, коммуникативные тактики (языковая игра, ирония, косвенные акты), нарушение этикетных норм, элементы невербального поведения.

Представляется, что данная статья может быть полезна для изучения кросскультурной прагматики в рамках преподавания теории и практики межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 47 – 57.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237 – 280.
3. Введенская Л.А., Колесников Н.П. Культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 448 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвистические основы учения о национальной картине мира. М.: Русский язык, 1976. 249 с.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров: монография. Москва: Знак, 2010. 600 с.
6. Карташкова Ф.И., Князева А.А. Коммуникативное поведение человека в ситуациях флирта (гендерный и семиотический аспекты) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 356 – 368.
7. Клименко О.К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. С. 123 – 130.

8. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: На материале английской и русской коммуникативных культур: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. Москва, 2003. 48 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.
10. Синцов Е.В. Русский язык и культура речи: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 60 с.
11. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты: изд. стереотип. М.: ЛКИ, 2024. 160 с.
12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. / Под ред. В.Е. Гольдина. Саратов: СГУ, 1997. Вып. 1. С. 88 – 98.
13. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 245 p.
14. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behavior. London: Hodder & Stoughton, 2004. 432 p.
15. Дневник Бриджит Джонс [Видеозапись] / реж. Ш. Магуайр; продюсеры Т. Беван, Э. Феллнер. Великобритания; США; Франция: Universal Pictures, 2001. 1 DVD (97 мин.): цветной, стерео. Релиз на DVD: 18 июля 2006 г.

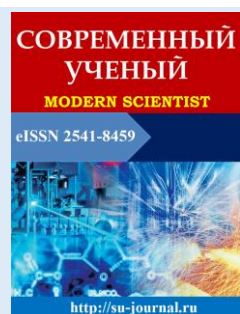
References

1. Baranov A.G. Speech genre in the system of discursive structures. Medialinguistics. 2015. No. 2 (8). P. 47 – 57.
2. Bakhtin M.M. The problem of speech genres. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. P. 237 – 280.
3. Vvedenskaya L.A., Kolesnikov N.P. Culture of speech. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 448 p.
4. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: linguistic foundations of the theory of the national picture of the world. Moscow: Russkiy Yazyk, 1976. 249 p.
5. Dementyev V.V. Theory of speech genres: monograph. Moscow: Znak, 2010. 600 p.
6. Kartashkova F.I., Knyazeva A.A. Human communicative behavior in flirting situations (gender and semiotic aspects). Bulletin of RUDN University. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2016. No. 2. P. 356 – 368.
7. Klimenko O.K. The category of politeness and speech etiquette in the Russian language. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2005. P. 123 – 130.
8. Larina T.V. The category of politeness in the aspect of intercultural communication: Based on the material of English and Russian communicative cultures: author's abstract. diss. ... Doctor of Philology. Moscow, 2003. 48 p.
9. Maslova V.A. Lingvoculturology: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Publishing Center "Academy", 2004. 208 p.
10. Sintsov E.V. Russian Language and Culture of Speech: a textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 60 p.
11. Formanovskaya N.I. Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects: Stereotype Publishing House. Moscow: LKI, 2024. 160 p.
12. Shmeleva T.V. Model of the Speech Genre. Speech Genres: A Collection of Scientific Articles. Ed. by V.E. Goldin. Saratov: Saratov State University, 1997. Issue 1. P. 88 – 98.
13. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 245 p.
14. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behavior. London: Hodder & Stoughton, 2004. 432 p.
15. Bridget Jones's Diary [Video recording]. dir. Sh. Maguire; producers T. Bevan, E. Fellner. UK; USA; France: Universal Pictures, 2001. 1 DVD (97 min.): color, stereo. DVD release: July 18, 2006.

Информация об авторе

Гирина И.Г., кандидат филологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет

© Гирина И.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.133.1

Ртуть как концептуальный символ в романе Амели Нотомб «Mercure» («Ртуть»)

¹ Горелик М.А.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена теме функционирования символа в художественном тексте. Особое внимание уделяется символизму ртути, как центральному символу повествования и его роли в анализе и интерпретации текста романа. Целью исследования является комплексная символика ртути в одноименном романе современной франкоязычной писательницы Амели Нотомб. Анализируется, каким образом этот химический элемент становится ключевой метафорой для раскрытия основных тем романа: токсичной любви, нестабильной идентичности, непредсказуемости человеческих отношений. В результате исследования доказывается, что ртуть – это символ изменчивости, опасности, интриг, лицемерия, психологического насилия.

Ключевые слова: символ, функции символа, анализ, интерпретация, художественный текст

Для цитирования: Горелик М.А. Ртуть как концептуальный символ в романе Амели Нотомб «Mercure» («Ртуть») // Современный ученый. 2026. № 4. С. 136 – 140.

Поступила в редакцию: 26 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Mercury as a conceptual symbol in Amélie Nothomb's novel “Mercure” (“Mercury”)

¹ Gorelik M.A.

¹ Pacific National University

Abstract: this article explores the function of symbol in literary text. Particular attention is paid to the symbolism of mercury as a central symbol of the narrative and its role in the analysis and interpretation of the text of the novel. The aim of this study is to examine the complex symbolism of mercury in the novel of the same name by contemporary French-language writer Amélie Nothomb. It analyzes how this chemical element becomes a key metaphor for revealing the main themes of the novel: toxic love, unstable identity, and the unpredictability of human relationships. The study proves that mercury is a symbol of volatility, danger, intrigue, hypocrisy, and psychological violence.

Keywords: symbol, functions of symbol, analysis, interpretation, literary text

For citation: Gorelik M.A. Mercury as a conceptual symbol in Amélie Nothomb's novel “Mercure” (“Mercury”). Modern Scientist. 2026. 4. P. 136 – 140.

The article was submitted: October 26, 2025; Approved after reviewing: December 23, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Символ в художественном тексте – это многозначный образ, который концентрирует глубокий, часто неоднозначный смысл, отсылая читателя к культурным традициям или замыслу автора, и служит для репрезентации и визуализации сложных тем и создания эмоциональной глубины. Символ связывает частное явление с универсальными понятиями. Универсальные символы являются общекультурными, но могут углублять свой смысл в художественном тексте. Авторские символы – это индивидуальные смысловые образы, переходящие из произведения в произведение.

Любые элементы текста, такие как детали сюжета, персонажи, название, могут становиться символическими, если получают дополнительный, более глубокий смысл. Ю.И. Еранова считает что, «символический план произведений представлен различными уровнями: символические собирательные образы героев, символические мотивы, символика пространства и времени, символика пейзажа, символические события, действия, ситуации, отдельные символические детали. Среди многочисленных символических уровней писатель намеренно выделяет главенствующий символ, непосредственно связанный с художественной концепцией героя. Доминирующий символический уровень, как правило, обозначен через название произведения» [4, с. 40]

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужил текст романа «Ртуть» («Mercure») франкоязычной бельгийской писательницы Амели Нотомб.

Основным методом исследования является анализ элементов прозаического художественного текста.

Результаты и обсуждения

Этимология слова «символ» связана с древнегреческим глаголом «соединять», иначе говоря, символ – это знак, в котором соединены внешняя форма и глубокий, внутренний смысл.

По мнению Е.В. Ерошкиной трактовка термина «символ» связана с его многозначностью и отсутствием единого мнения о его значении и употреблении. Проблема усугубляется наличием омонимичного термина в тесно граничащих с литературоведением гуманитарных науках: философии, психологии, эстетике, культурологии [5, с. 2].

Предметный образ и глубинный смысл предстают в структуре символа как единый феномен. По мнению С.С. Аверинцева, это «два полюса, немислимые один без другого (поскольку смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой, так что в напряжении между ними и раскрывается символ» [1, с. 378].

Художественный текст представляет собой сложную структуру, отражающую как окружающую действительность, так и восприятие, интерпретацию её автором. Символ позволяет представить в художественном тексте целостный образ мира. Л.В. Карасев отмечает, что в художественном тексте выявляются «неочевидные структуры, – символические схемы – смыслообразующие и формообразующие конструкции, которые участвуют в процессе создания текста как единого эстетического целого» [7, с. 48].

Символ, являясь элементом текста, раскрывает свою двойственность. Он всегда описывает что-то предметное, может быть несущественное с точки зрения повествования, но интерпретируя символ, происходит понимание того, что это и есть самое важное в высказывании автора.

Путь восприятия символа и его осознание проходит через этапы чувственного восприятия, затем интеллектуального наполнения дополнительными значениями. Эти дополнительные значения и будут являться символами [2, с. 66].

Символы раскрывают авторский замысел, детализируют создаваемую картину действительности, позволяют читателю получать дополнительную информацию о героях, событиях, отношении автора к ним. О.М. Воробьева считает, что «энергия символа заключается в том, что он устанавливает, создает сходство между любыми предметами, которые он связывает, и эта связь зависит от силы интуиции и богатства воображения человека, совершающего акт символизации» [3, с. 180].

По мнению Л.З. Зельцера художественный текст – «это модель мира, микрокосм со своими внутренними законами, состоящий из «предметно-логического» и «выразительного» [6, с. 103]. К выразительной составляющей, безусловно, относится символ. Смысл символа в большинстве случаев скрыт и позволяет допустить множество интерпретаций. «Символ выводит за рамки текста или расширяет до бесконечности смысловые рамки» [9, с. 128].

Амели Нотомб – одна из самых известных современных бельгийских писательниц, чьи произведения часто обращаются к философским, психологическим и культурным темам. В романе «Ртуть» исследуется множество концепций, и ртуть занимает особое место в её творчестве, как символ, отражающий различные аспекты человеческого бытия.

Роман рассказывает о странных и напряженных отношениях между одиноким мужчиной, Омером Лонкуром, называющим себя Капитаном и якобы изуродованной бомбежкой молодой женщиной Азель Англер, которую он подобрал, обеспечив ей роскошную, но замкнутую жизнь на острове, оградив её от всех внешних контактов и удалив из дома все отражающие поверхности, чтобы она не увидела своё «обезображенное» лицо. На остров прибывает медсестра Франсуаза Шавень, пытающаяся открыть правду Азель о том, что роковая бомбардировка не изуродовала её лицо. Франсуаза, всякий раз приезжая на остров, привозит термометр, разбивает его и собирает ртуть, чтобы создать зеркало и тем самым освободить Азель от психологической зависимости от Капитана.

Доминирующий символический уровень отмечен названием романа. Само имя книги «Ртуть» (фр. Mercure) намекает на текучесть, изменчивость, токсичность и невозможность удержать что-то цельным, как и отношения героев. Экзистенциальное одиночество, раскрывающееся через диалоги и внутренние монологи, словно ртуть, отражает хрупкость человеческой психики.

Мы выделяем следующие основные функции символа в тексте романа – 1. концентрация смысла на уровне микроструктуры позволяет через один знак охватить всё богатство содержания, то есть выйти на уровень макроструктуры текста; 2. многозначность, которая требует от читателя внутренней работы для понимания скрытого смысла; 3. визуализация идей, помогающая представить более наглядно сложные и абстрактные темы; 4. эмоциональное воздействие; 5. связь с культурой, соединение индивидуальных авторских смыслов с архитипическими или общекультурными значениями; 6. организация текста, так как символ служит основой для построения и структурирования смысловой иерархии текста.

Ртуть, химический элемент, известный своей текучестью, изменчивостью, двойственностью становится метафорой для представления природы человека. В романе герои сталкиваются с постоянными изменениями в своих эмоциях, и отношении к окружающему миру. Ртуть символизирует текучесть жизни, её непредсказуемость, многогранность и отражает внутренние конфликты героев. Ртуть является единственным металлом, который находится в жидком состоянии при комнатной температуре и это делает её идеальным символом нестабильности, неуловимой идентичности: героиня пытается «поймать» себя, своё место в окружающем мире, но её самоощущение постоянно ускользает и меняет форму.

Ртуть – это яд и она разрушительно воздействует на человеческий организм. А. Нотомб использует этот символ, чтобы подчеркнуть страдания и психологические травмы, ртуть становится олицетворением молчаливой боли, скрытой за внешним благополучием. Двойственная природа ртути отражена автором и в структуре текста, роман имеет два варианта концовки.

Азель духовно отравлена, она подвергает угрозе свою жизнь, отказываясь признать правду об отсутствии у неё увечий. Символом скрытой угрозы является ртуть, которая может быть невидима, но её пары смертельно опасны.

Как ртуть не смешивается с водой, так и главная героиня не представляет себя вне стен запертого замка и осознает невозможность интеграции в общество, Она остаётся чужеродным, нерастворимым элементом.

Ртуть также символизирует непостоянство и обман: ситуации и отношения в романе также изменчивы и ненадежны как подвижная поверхность ртути. Когда ртуть рассыпается, она превращается в множество мелких, идеально круглых шариков, которые очень трудно, практически невозможно собрать обратно. Это метафора раздробленности, душевного распада и потери целостности. Чувство собственного достоинства Азель дробится под давлением Капитана. Она не чувствует себя цельной личностью, а простым набором разрозненных, не поддающихся контролю реакций.

Ртуть обладает зеркальным эффектом, что можно трактовать как саморефлексию. Героиня лишена возможности смотреться в зеркало, в буквальном смысле слова, поэтому не может понять, кто она и что с ней происходит. Но отражающая поверхность ртути может дать и искаженное отражение, то есть, есть опасность того, что взглянув на себя в «зеркало» из ртути, которое создает Франсуаза, Азель вновь не верно истолкует то, что она увидит и неверно оценит потенциальные возможности жизни вне острова.

Ртуть в романе – центральный символ, который связывает все уровни повествования от психологического портрета персонажей до философского вопроса о природе любви, отношений, идентичности и границ между реальным миром и миром, созданным в воображении. Ртуть – жидкий металл, обладающий многими свойствами. Ключевыми характеристиками, через которые автор раскрывает символизм ртути, являются неуловимость и изменчивость, токсичность и опасность, двойственность. Весь роман – это сложная исто-

рия отравления и излечения. Ртуть – это и яд и лекарство. Капитан входит в жизнь Азель под предлогом спасения её от одиночества, а на самом деле приносит разрушение, его присутствие и мучительно и притягательно для Азель. Каждая встреча с Капитаном – это «доза» ртути, которая накапливается в организме, в психике Азель и приводят её к духовной интоксикации. С другой стороны, Франсуаза, разбивающая термометры и собирающая ртуть для создания зеркала, пытается вылечить Азель, открыть ей глаза на реальность. Капитан отражает как зеркало тайные желания Азель, её скрытые страхи, мечты, он создает для неё иллюзорный мир, параллельную реальность, однако эта жизнь искажена, как в кривом зеркале.

Выводы

Таким образом, символ – это ключевой элемент художественного текста, связывающий автора, текст и читателя через сложную сеть взаимосвязанных и постоянно интерпретируемых значений. Символ многозначен, он не имеет единственного, рассудочного значения, его смысл раскрывается в контексте произведения, он тесно связан с культурной традицией, он обладает разнообразием форм и описывая действительность проникает в её глубинный смысл, делая текст насыщенным и эмоционально воздействующим на читателя.

Функционирование символа в художественном тексте заключается в его роли как эмоционально заряженного знака, который не просто обозначает, а воплощает сложные идеи, темы и целостный образ мира, служа мощным инструментом для визуализации концепций, углубления смысла и вовлечения читателя в активную интерпретацию, концентрируя в себе как культурные, так и авторские смыслы.

Список источников

1. Аверинцев С.С. Символ в искусстве: литературно-энциклопедический словарь. М.: Наука, 1987. С. 378 – 379.
2. Власевская И.А. Роль символа в анализе и интерпретации художественного текста. // Вестник ЯГУ. 2009. Т. 6. № 2. С. 66.
3. Воробьёва О.М. Понятие символа // Филологические науки // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 7. С. 180 – 181.
4. Еранова Ю.И. Формы проявления художественной символики в ранней прозе А.П. Чехова // Гуманитарные исследования: журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2006. № 2. С. 40 – 43.
5. Ерошкина Е.В. Категория художественного символа в русском литературоведении XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
6. Зельцер Л.З. Выразительный мир художественного произведения. М.: Некоммерческая издательская группа Э. Ракитской («Эра»), 2001. 467 с.
7. Карасев Л.В. Символические схемы в художественном тексте (эстетико-герменевтический анализ): автореф. дис. ... докт. филос. наук. Москва, 2007. 48 с.
8. Миничкин П.Д. Слово как символ в художественной литературе // Oriental Studies. 2017. № 10 (4). С. 159 – 164.
9. Фуксон Л.Ю. Проблема интерпретации и ценностная природа литературного произведения: монография. Кемерово, 1999. 128 с.
10. Oberhuber A. Réécrire à l'ère du soupçon insidieux: Amélie Nothomb et le récit postmoderne // Études françaises. 2004. Vol. 40. № 1. P. 111 – 128.

References

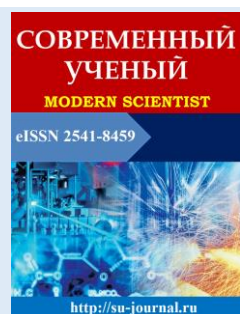
1. Averintsev S.S. Symbol in Art: Literary Encyclopedic Dictionary. Moscow: Nauka, 1987. P. 378 – 379.
2. Vlashevskaya I.A. The Role of Symbol in the Analysis and Interpretation of Fiction. Bulletin of YSU. 2009. Vol. 6, No. 2. P. 66.
3. Vorobyova O.M. The Concept of Symbol. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2010. No. 7. P. 180 – 181.
4. Eranova Yu.I. Forms of Artistic Symbolism in A.P. Chekhov's Early Prose. Humanitarian Studies: Journal of Fundamental and Applied Research. 2006. No. 2. P. 40 – 43.
5. Eroshkina E.V. The Category of Artistic Symbol in Russian Literary Criticism of the 20th Century: Abstract of Cand. Sci. (Phil.) Dissertation. Moscow, 2005. 20 p.
6. Zeltser L.Z. The Expressive World of a Work of Art. Moscow: E. Rakitskaya Non-Commercial Publishing Group ("Era"), 2001. 467 p.
7. Karasev L.V. Symbolic Schemes in a Fiction Text (Aesthetic and Hermeneutic Analysis): Abstract of Cand. Sci. (Phil.) Dissertation. Moscow, 2007. 48 p.

8. Minichkin P.D. The Word as a Symbol in Fiction. *Oriental Studies*. 2017. No. 10 (4). P. 159 – 164.
9. Fukson L.Yu. The Problem of Interpretation and the Value Nature of a Literary Work: Monograph. Kemerovo, 1999. 128 p.
10. Oberhuber A. Réécrire à l'ère du soupçon insidieux: Amélie Nothomb et le récit postmoderne. *Études françaises*. 2004. Vol. 40. No. 1. P. 111 – 128.

Информация об авторе

Горелик М.А., старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, 009613@togudv.ru

© Горелик М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 81'42:811.134.2

Использование экономических терминов в политическом дискурсе на примере испаноязычных СМИ

¹ Горенко А.А., ¹ Сангинова Ф.Ю.

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации*

Аннотация: цель исследования заключается в выявлении, каким образом экономические термины реализуют прагматическую функцию языка, а также в описании особенностей использования экономических терминов в испаноязычном политическом дискурсе, создании классификации экономических терминов, наиболее часто используемых в политическом дискурсе, и определении функции, которые они выполняют. В статье анализируются компоненты, свойственные политическим текстам: наличие тезиса и аргументов, прямая эксплицитная аргументация и использование дискурсивных маркеров построения утверждений. Автор рассматривает лингвистические средства воздействия на аудиторию для реализации основной цели – убеждения.

Ключевые слова: экономический дискурс, политический дискурс, экономический термин, испаноязычные СМИ

Для цитирования: Горенко А.А., Сангинова Ф.Ю. Использование экономических терминов в политическом дискурсе на примере испаноязычных СМИ // Современный ученый. 2026. № 4. С. 141 – 148.

Поступила в редакцию: 26 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The use of economic terms in political discourse: a case study of Spanish-speaking media

¹ Gorenko A.A., ¹ Sanginova F.Yu.

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: the purpose of the study is to identify how economic terms implement the pragmatic function of language, as well as to describe the features of the use of economic terms in Spanish-language political discourse, to create a classification of economic terms most commonly used in political discourse, and to define the functions they perform. The article analyzes the components peculiar to political texts: the presence of a thesis and arguments, direct explicit argumentation and the use of discursive markers for constructing statements. The author considers linguistic means of influencing the audience to achieve the main goal of persuasion.

Keywords: economic discourse, political discourse, economic term, discourse analysis, Spanish-language media

For citation: Gorenko A.A., Sanginova F.Yu. The use of economic terms in political discourse: a case study of Spanish-speaking media. Modern Scientist. 2026. 4. P. 141 – 148.

The article was submitted: October 26, 2025; Approved after reviewing: December 24, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Провести грань между политикой и экономикой представляется непростой задачей. Эти две сферы являются взаимосвязанными, нередко взаимодополняющими, а в некоторых случаях конфликтующими. Основой для принятия экономических решений являются решения, принятые в политической сфере, и поэтому зачастую эти решения обусловлены идеологией правящих партий [6, с. 57-58]. В свою очередь, процесс принятия политических решений обусловлен экономическими условиями.

В последнее время все чаще проводится анализ, в котором утверждается, что экономика приобретает большее значение, чем политика, так что она становится подчиненной экономическим интересам и, прежде всего, растущему значению рынка. Из-за этой тесной взаимосвязи между экономикой и политикой экономический дискурс перестал сводиться только к профессиональным сферам и стал занимать большую часть жизни людей. В последние годы возрос интерес к функционированию экономических терминов в разных видах дискурса, в частности, в политическом дискурсе, появилось много работ, посвященных особенностям употребления терминов в политических текстах.

Целью нашего исследования стали политические статьи испаноязычных СМИ, посвященные политическим и социальным проблемам.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе определены наиболее продуктивные словообразовательные модели, а также выявлены изменения основной номинативной функции экономических терминов при их использовании в политическом дискурсе в испаноязычных СМИ. Именно использование этих терминов как практических языковых единиц для достижения прагматических целей, на наш взгляд, недостаточно изучено с научной точки зрения.

Материалы и методы исследований

В качестве материала для исследования были отобраны статьи из таких испаноязычных периодических изданий, как: El País, La Nación, El Ciudadano, La Vanguardia, Cinco Días.

В качестве основных методов исследования выступают метод сплошной выборки, используемый для отбора фактологического материала для анализа политических текстов; описательно-аналитический метод, метод лексико-семантического и контекстуального анализа для выявления переносного значения рассматриваемых лексических единиц. Описательно-аналитический метод позволил автору обеспечить сбор и первичный анализ данных на основе сообщений в статьях в испаноязычных СМИ. Метод лексико-семантического анализа позволил выявить, как политический контекст влияет на смысл отдельных экономических терминов. Благодаря методу контекстуального анализа были выявлены особенности употребления экономических терминов в политических статьях.

Результаты и обсуждения

Анализ дискурса в последние десятилетия стал тенденцией в социальных науках. Его растущее значение обусловлено как теоретической важностью, которую приобрело понятие дискурса, так и осознанием того факта, что большинство исследователей в какой-то момент сталкиваются с «текстами различного характера, которые необходимо прочитать, чтобы понять» [9, с. 207, 208].

Таблица 1

Основные группы экономических терминов в политическом дискурсе и их прагматические функции.

Table 1

Main groups of economic terms in political discourse and their pragmatic functions.

Группа терминов	Примеры (испаноязычные СМИ)	Основная функция	Прагматический эффект
Неологизмы	deglobalización, japonización, abeconomía, PIGS	Концептуализация новых экономических явлений	Создание эффекта экспертности, усложнение интерпретации
Эвфемизмы	ajustes, crecimiento negativo, saneamiento de cuentas	Смягчение негативной оценки	Снижение социальной напряженности

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Иностранные заимствования	default, outsourcing, crack, Gran Recesión	Повышение выразительности и точности	Усиление доверия к источнику, манипуляция ожиданиями

Следуя Сантандеру, анализ дискурса необходим в различных областях, таких как социологические исследования, этнографические наблюдения, исторический обзор документов и т.д. Кроме того, следует иметь в виду, что язык – это не просто еще один код, как утверждал Соссюр, но иногда он скрывает, искажает, маскирует и изменяет то, что произносит оратор. Следовательно, такие авторы, как Гарретон [7, с. 48] и Ван Дейк [8, с. 29], указывают на важность анализа дискурсов, которые генерируются в гражданском обществе и циркулируют в нем, поскольку они могут отражать взгляды общества.

В практической части настоящей работы предпринимается попытка проанализировать причины и цели использования экономических терминов в испанском политическом дискурсе, а также классифицировать по группам наиболее часто используемые группы терминов.

Рис. 1. Классификация экономических терминов в политическом дискурсе.

Fig. 1. Classification of economic terms in political discourse.

Особенности политического контекста заключаются в том, что аналитик должен тщательно учитывать специфику анализа политического дискурса, которая заключается во взаимосвязи между дискурсивными структурами и контекстуальными политическими структурами [8, с. 37]. Это означает, что определенные элементы дискурса не могут функционировать вне определенного контекста. Идеология – это фактор, определяющий контекст политических дискурсов, поскольку они не только отражают ее, но и являются средством ее распространения. Таким образом, политический дискурс играет очень важную роль в формулировании и убеждении идеологических предложений.

Темы, которые охватывает политический дискурс, разнообразны, хотя верно, что большая часть его посвящена самой политике. Эта рефлексивность, которая его характеризует, не типична для научного, юридического или образовательного дискурса [10, с. 39] и сочетается с другими социальными темами. Таким образом, обсуждение экономической политики будет касаться не только политики правительства, но и занятости, компаний, международных финансовых рынков и т.д.

В результате анализа теоретической базы, можно выделить три основных причины включения экономических тем в политические тексты. Первая причина: дать представление о возможностях определенного политика или политического движения. На фоне той или иной проблемы, читателям передают политическое послание на основе решений или предложений по решению определенных проблем. Тексты представляют повестку дня аудитории; поскольку успешная карьера действующих политических деятелей зависит во многом от общественного одобрения простых людей, избирателей, политические деятели должны демонстрировать свою осведомленность и вовлеченность в их проблемы. Вторая причина: сочувствие. Граждане больше всего симпатизируют политикам, которые готовы обсуждать их проблемы. Таким образом, поскольку проявление сочувствия может особенно сильно повлиять на лояльность граждан, обсуждение насущных проблем народа становится полноценной стратегией для политических деятелей. Наконец, как

утверждает Хорват (2009), дискурс, сфокусированный на экономической теме, выводит его в публичную сферу; это означает, что другие политики, действующие или претенденты, несут ответственность за решение проблемы или за совместное несение расходов по решению проблемы.

Кроме того, в трудах ряда ученых (Хубер и Стивенс, 2001; Грин, 2007; Хеллвиг, 2012) отмечено, что политические слова могут предвосхищать политические или экономические проблемы. Эти работы также можно разделить на три группы. Первая группа признает, что заявления влияют на ожидания экономических агентов. Например, заявления, предупреждающие об экономических спадах, направлены на минимизацию политической ответственности эмитента. Вторая группа определяет, что правительства располагают частной информацией, способной лучше прогнозировать надвигающееся замедление экономических событий. В этом случае политически выгодно “предупредить” общественность, чтобы она предвидела необходимость соответствующей, обычно непопулярной политики (такой как повышение налогов или сокращение расходов).

Рис. 2. Прагматические функции экономических терминов в политическом дискурсе.

Fig. 2. Pragmatic functions of economic terms in political discourse.

Наконец, третья группа определяет намерение манипулировать ожиданиями читателей. Это тесно связано с такой спецификой языкового оформления политического дискурса, как эзотеричность [2, с. 214]. Например, когда в речи политиков звучат такие термины, как: *expansion cuantitativa* (количественное смягчение), *sinergia* (синергия). Хотя эта третья стратегия носит более спекулятивный характер, чем предыдущие две, она также приводит к наблюдению, что определенное содержание дискурсов предвосхищает некоторые экономические результаты.

Посредством использования экономических терминов публицистические тексты реализуют свою идеологическую функцию. Можно утверждать, что это такой способ подачи информации, ориентированной на определенного реципиента – читателя. По своей жанровой направленности большинство таких текстов относится к группе информационно-аналитических, поскольку в них, как правило, выражается определенное отношение и дается оценка той или иной проблеме, и выполняют прагматическую функцию.

Автор статьи исследовал, как экономические термины в политических текстах реализуют свою прагматическую функцию. Экономическая терминология становится все более универсальной, так как знания в этой области распространяются среди населения. В отличие от юридического языка, стремящегося к однозначности, и литературного, использующего творческие приемы, деловой язык занимает промежуточное положение. Экономические тексты ориентированы на широкую аудиторию, включающую экспертов, полупрофессионалов и непрофессионалов.

1. Экономический язык имеет несколько разделов: общеэкономический, коммерческий и финансовый (Алькарас и Хьюз, 2000, с. 7-16).

Язык экономики, по словам Алькараса, “это язык профессиональных экономистов, получивших академическое образование в университетах” (Alcaraz 2000, с. 73). Он носит более формальный и академический характер, большая часть его словарного запаса имеет латинские корни (*elasticidad tributaria* (эластичность

налога)), хотя есть и некоторые термины англосаксонского происхождения (*upturn/ downturn* (подъем/ падение)).

2. Коммерческий язык – это язык деловой переписки, транспорта и страхования, купли-продажи товаров как на крупных товарных рынках, так и на рынке маркетинга в торговых точках” [5, с. 73].

3. Финансовый язык или “словарь финансовых рынков” [5, с. 73], представлен более разговорными терминами. Этот тип языка характеризуется своей языковой гибкостью и постоянным созданием новых терминов, отражающих сложность делового мира. Здесь следует, с одной стороны, отметить роль СМИ, поскольку они напрямую влияют на сферу экономики, а более косвенно на финансовый язык. С другой стороны, финансовый язык стремительно расширяется и становится все более распространенным и доступным для широкой публики жаргоном.

Таким образом, экономический язык состоит из трех типов лексики: общеэкономические термины (*flujo de caja* (денежный поток), *inflación* (инфляция)); политехнические термины, которые имеют как обычные языковые, так и специализированные языковые значения (*margen* (маржа), *riesgo* (риск)); термины общего языка, которые приобретают значения, присущие экономическим терминам, с помощью метафоры (*rescate* (спасение), *saneamiento* (оздоровление)).

Анализ собранного материала позволил выделить основные группы терминов, наиболее активно используемых в политическом дискурсе: 1) неологизмы; 2) эвфемизмы; 3) иностранные заимствования. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть, чем объясняется частота их использования, а также изучить лингвистические ресурсы, которые усиливают их перлокутивный эффект.

1. Неологизмы

Социальные изменения оказывают широкое и прямое влияние на словарный запас. Этот факт также имеет место в политическом дискурсе, авторы которого зачастую хотят придать своему тексту характеристику высоконучного или высококультурного. Этой цели служит использование многосложных неологизмов, которые отражают склонность к созданию значительно более длинных терминов (*deglobalización* (деглобализация, или процесс ослабления глобальных связей), *emprendurismo* (процесс трансформации идеи в экономический или социальный проект), *japonización* (японизация экономики – продолжительная экономическая стагнация, сопровождающаяся дефляцией, высоким уровнем государственного долга и низкими или нулевыми процентными ставками)). Кроме того, использование подобных терминов помогает завуалировать смысл [3].

- *La temida 'japonización' ya está en Europa y amenaza con propagarse. / Наводящая страх "японизация" уже в Европе и угрожает распространиться (здесь и далее перевод автора статьи. – Ф. С.).*

- *Asistimos ahora a una fase de auténtica desglobalización, una fase de convulsión mundial que, al menos a medio plazo, parece destinada a traducirse en una reducción de la interconexión mundial. / Сейчас мы наблюдаем фазу настоящей деглобализации, фазу глобальных потрясений, которые, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, как представляется, приведут к сокращению глобальных взаимосвязей.*

На примере данных цитат можно проследить, как использование таких терминов, как *'japonización'* и *desglobalización* может помешать реципиенту данной информации разобраться в чем именно заключаются проблемы, с которыми сталкивается экономика.

Высокой степенью продуктивности отмечаются также термины неологизмы, образованные на основе имен президентов или других первых лиц государства, ставших особым историческим персонажем. Составными компонентами этой структурной модели являются имя собственное и корень «*economía*»: *abeconomía*, *clintoneconomía*, *bideneconomía*. Данные лексемы созданы для описания определенного арсенала мер экономической политики.

- *La Clintoneconomía fue el último modelo de política económica estadounidense que tuvo éxito y, como política, funcionó para Estados Unidos y para muchos otros países que la probaron. / Клинтоэкономика была последней успешной моделью экономической политики США, и как политика она оказалась эффективной и для Соединенных Штатов, и для многих других стран, которые ее опробовали.*

Использование сокращений – это наиболее часто используемый неологизм в экономическом тексте. Частота его использования объясняется тенденцией экономии языковых средств в обычном языке, которая проявилась особенно отчетливо в последние десятилетия [1, с. 121].

Примером аббревиатуры, которая очень показательна и, кроме того, появилась в контексте европейского кризиса, является термин *PIGS* (по-английски "свиньи"). Это сокращение появилось в английском языке в 2010 году для обозначения стран Южной Европы, переживающих тяжелую экономическую ситуацию (Португалия, Италия, Греция и Испания). Этот спорный термин с резко уничижительной коннотацией также начал появляться в испанской экономической прессе без перевода несмотря на то, что аббревиатура не

имела значения на испанском языке. Ее использование в испаноязычной прессе без перевода можно объяснить тем, что для ее понимания требуется базовый уровень английского. Сейчас в испаноязычных политических текстах нередко используется этот термин с целью показать, что ситуация радикально изменилась: наиболее богатые страны ЕС переживают сильнее экономический кризис чем так презрительно названные «PIGS (свины)».

- *Mientras las calles se llenaban de protestas, como en Grecia, por las políticas austeras, altos cargos llegaban a decir que los PIGS malgastábamos esa ayuda. / В то время как улицы были заполнены протестами, как в Греции, против жесткой политики, высокопоставленные чиновники стали говорить, что мы, СВИНЬИ, тратим эту помощь впустую.*

2. Эвфемизмы

Есть несколько специалистов, которые изучали эвфемизм в политическом дискурсе. Так, Бернардино М. Эрнандо (1990, с. 179-189), выделяет четыре цели использования эвфемизма:

1. Сгладить восприятие негативных процессов.
2. Помогает маскировать простое под сложное.
3. Помогает маскировать пустоту пустыми речами.
4. Помогает маскировать конкретику неопределенностью.

В политическом дискурсе широкое распространение получило такое явление, как экономический эвфемизм, появление которого обусловлено социальной востребованностью того или иного понятия. Эвфемизм призван выполнять определенную заданную функцию и служить конкретным политико-экономическим интересам.

Экономический эвфемизм – замена существующего слова или выражения на более корректное, согласно текущим экономическим условиям и целям автора политического текста.

В текущей сложной экономической ситуации, на фоне увеличения масштабов отрицательного воздействия кризиса и неэффективности проводимых антикризисных мер самая высокая частотность употребления у следующих экономических эвфемизмов: слово *ajustes* (корректировки) стало активно использоваться вместо *recortes de gasto público* (сокращение государственных расходов), *crecimiento negativo* (отрицательный рост) вместо *reducción* (спад), *saneamiento de cuentas* (финансовое оздоровление) вместо *rescate a la banca* (спасение банковской системы), *moderación salarial* вместо *bajada de salarios* (сокращение заработной платы).

- *El ministro de Hacienda explicó en Cortes los ajustes del gasto. / Министр финансов объяснил в Парламенте сокращение государственных расходов.*

- *La construcción tendrá este año un crecimiento negativo. / Рост в секторе строительства в этом году будет отрицательным.*

3. Иностранные заимствования

В настоящее время политический дискурс, как и экономический язык, находится под сильным влиянием английского языка. Это неудивительно, учитывая социальные, культурные и идеологические преобразования, происходящие в Соединенных Штатах. Многие из иностранных выражений, присутствующих в испаноязычном медийном пространстве, получили широкое признание в народе. Действительно, в некоторых случаях уже трудно определить язык их происхождения [4, с. 100]. Таким образом, существует необходимость учитывать большое количество иноязычных выражений, которые, хотя и часто встречаются в политическом языке, на самом деле чаще относятся к экономической или финансовой сфере и которые, следовательно, мы должны анализировать как таковые.

Что касается вопроса использования иностранных заимствований, существует ряд причин их популярности в политическом и экономическом дискурсе. Во-первых, английские термины, как правило, более оригинальны, точны и выразительны. Во-вторых, термины, характерные для этого языка в испанском, обычно длиннее. Третья причина, не лишенная актуальности, – это важная роль, которую глобализация сыграла в овладении английской терминологией.

Алькарас Варо и Хьюз (Алькарас Варо и Хьюз, 2000) выделяют в качестве основной характеристики английских финансовых терминов разговорное значение большинства слов в дополнение к их англосаксонской этимологии. Очевидно, что англосаксонская этимология, популярное использование и прозрачность финансовых терминов на английском языке делают их более доступными для англоговорящего, чем для испаноговорящего.

Ниже автор статьи приводит примеры иностранных заимствований.

– неадаптированные: *default* – этот термин означает *impago de deuda* (невывплаченный долг); *outsourcing* – *externalización* (аутсорсинг); *crack* – *quiebra* (банкротство)

- *Se formó un ruido muy grande con el asunto del crac bancario.* / Очень большой шум поднялся из-за дела о банкротстве банка.

– освоенные слова: *cheque* (чек) от английского *cheque*, *doméstico* от английского *domestic* (национальный или внутренний)

- *El repunte del turismo nacional y del consumo doméstico han impulsado una reducción histórica del desempleo para el mes de agosto.* / Рост внутреннего туризма и внутреннего потребления привело к историческому сокращению безработицы в августе

– кальки: *Gran Recesión* от английского *Grand Recession* (Великая Рецессия); *depresión económica* от английского *economic depression* (экономический спад).

Таким образом, экономический термин активно эксплуатируется в текстах политического дискурса испаноязычных СМИ, что помогает достичь все необходимые цели, описанные автором данной работы.

Выводы

Автор исследования приходит к следующим **выводам**:

- использование экономических терминов в политическом дискурсе испаноязычных СМИ помогает реализовать прагматическую функцию языка;

- основными причинами активного использования экономических терминов являются стремление сформировать у реципиента информации особое представление об определенной проблеме политического, социального или экономического характера;

- проведенное исследование показывает, что основная цель используемых экономических терминов – оказание воздействия на адресата – реализуется за счет подбора таких языковых единиц, которые могут произвести перлокутивный эффект, а также могут выступить в роли эффективного инструмента манипулирования читательской аудиторией;

- были определены основные группы экономических терминов, наиболее часто встречающихся в политических текстах: неологизмы, эвфемизмы и иностранные заимствования (в основном из английского языка).

Перспективным материалом для дальнейших исследований представляется изучение новых трендов в использовании экономических терминов в политическом дискурсе, связанных с развитием новых процессов в политической и экономической политике стран Латинской Америки и Испании (выборы, экономические реформы, создание новых интеграционных объединений).

Список источников

1. Дудин М.Н. Общественно-политический дискурс, качество жизни и протестная активность населения // Экономические отношения. 2022. Т. 12. № 1. С. 121 – 148.
2. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. Москва: Академия, 2008. 272 с.
3. Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯз РАН, 2006. 312 с.
4. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Москва: Флинт, 2006. 136 с.
5. Alcaráz Varó E. y Hughes B. Diccionario de términos económicos, financieros y comerciales. Barcelona: Ariel, 2008. P. 73.
6. Berzosa C. Relaciones Política y Economía. Madrid: Atrio, 2001. P. 57 – 58.
7. Garretón M.A. Del postpinochetismo a la sociedad democrática, Santiago de Chile: Prometeo, 2007. P. 48.
8. Hernando Bernardino M. Lenguaje de la prensa. Eudema, 1990. P. 29 – 37.
9. Santander P. Por qué y cómo hacer análisis de discurso. Cinta de moebio, 2011. P. 207 – 208.
10. Vandijk T.A. Análisis del discurso social y político, Quito, Ecuador: Ediciones ABYA-YALA, 1999. P. 37.

References

1. Dudin M.N. Socio-political discourse, quality of life and protest activity of the population. Economic relations. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 121 – 148.
2. Maslova V.A. Modern trends in linguistics. Moscow: Academy, 2008. 272 p.
3. Dictionary of sociolinguistic terms. Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences, 2006. 312 p.
4. Chernyavskaya V.E. Discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact. Moscow: Flint, 2006. 136 p.
5. Alcaráz Varó E. y Hughes B. Diccionario de términos económicos, financieros y comerciales. Barcelona: Ariel, 2008. P. 73.

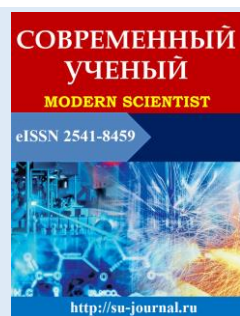
6. Berzosa C. Relaciones Política y Economía. Madrid: Atrio, 2001. P. 57 – 58.
7. Garretón M.A. Del postpinochetismo a la sociedad democrática, Santiago de Chile: Prometeo, 2007. P. 48.
8. Hernando Bernardino M. Lenguaje de la prensa. Eudema, 1990. P. 29 – 37.
9. Santander P. Por qué y cómo hacer análisis de discurso. Cinta de moebio, 2011. P. 207 – 208.
10. Vandijk T.A. Análisis del discurso social y político, Quito, Ecuador: Ediciones ABYA-YALA, 1999. P. 37.

Информация об авторах

Горенко А.А., кандидат филологических наук, PhD, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, a.gorenko@my.mgimo.ru

Сангинова Ф.Ю., кандидат филологических наук, PhD, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, kelfat@mail.ru

© Горенко А.А., Сангинова Ф.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.352.3

Концепт «огонь» как средство метафорического выражения эмоциональных состояний в кабардино-черкесском языке

¹ Дзасежева Л.Х., ² Кумыкова М.М.

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,

² Эрджиес университет, Турция

Аннотация: в статье анализируется концепт ОГОНЬ как источник метафорической концептуализации эмоций в кабардино-черкесском языке. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью эмоциональной метафорики в кабардино-черкесском языке и её востребованностью в современной лингвистике. Цель работы – выявить и описать модели соотношения семантики огня с аффективными состояниями и уточнить их когнитивно-культурные основания. Для достижения цели решались задачи: формирование корпусной выборки из электронного корпуса по ключевым лексемам; отграничение переносных употреблений от прямых; компонентный анализ признаков огня – жара, интенсивности, динамики разгорания и угасания, разрушительного потенциала; фреймовое сопоставление слотов ОГОНЬ и ЭМОЦИЯ; типологизация контекстов по доменам гнева, горя, любви, стыда и энтузиазма. Показано, что центральной зоной метафоризации выступает «горящее сердце», тогда как глаза, нос и кожа лица функционируют как внешние индикаторы внутреннего жара. Выявлена амбивалентная оценочность огненных образов: в негативных эмоциях огонь маркирует утрату самоконтроля, в любви и воодушевлении – мобилизующую энергию и социально одобряемую активность в дискурсе сообщества. Результаты применимы в лексикографии, преподавании кабардино-черкесского языка и переводоведении.

Ключевые слова: эмоции, концепт ОГОНЬ, концептуальная метафора, фреймовый анализ, корпусное исследование, домен

Для цитирования: Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М. Концепт «огонь» как средство метафорического выражения эмоциональных состояний в кабардино-черкесском языке // Современный ученый. 2026. № 4. С. 149 – 156.

Поступила в редакцию: 26 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The fire concept as a means of metaphorical expression of emotional states in the Kabardian-Circassian language

¹ Dzasezheva L.Kh., ² Kumykova M.M.

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,

² Erciyes University, Turkey

Abstract: the article analyzes the concept of FIRE as a source of metaphorical conceptualization of emotions in the Kabardian-Circassian language. The relevance is determined by insufficient investigation of emotional metaphors in Kabardian-Circassian and its demand in contemporary linguistics. The aim of the study is to identify and de-

scribe models of correlation between fire semantics and affective states, and to specify their cognitive-cultural foundations. To achieve this aim, the following tasks were addressed: formation of a corpus sample from an electronic corpus based on key lexemes; differentiation of figurative uses from literal ones; componential analysis of fire attributes – heat, intensity, dynamics of ignition and extinction, destructive potential; frame-based comparison of FIRE and EMOTION slots; typologization of contexts according to the domains of anger, grief, love, shame, and enthusiasm. It is demonstrated that the central zone of metaphorization is represented by the "burning heart," whereas eyes, nose, and facial skin function as external indicators of internal heat. The ambivalent evaluative nature of fire imagery has been revealed: in negative emotions, fire marks the loss of self-control, while in love and inspiration it signifies mobilizing energy and socially approved activity in community discourse. The results are applicable in lexicography, teaching of the Kabardian-Circassian language, and translation studies.

Keywords: emotions, FIRE concept, conceptual metaphor, frame analysis, corpus study, domain

For citation: Dzasezheva L.Kh., Kumykova M.M. The fire concept as a means of metaphorical expression of emotional states in the Kabardian-Circassian language. Modern Scientist. 2026. 4. P. 149 – 156.

The article was submitted: October 26, 2025; Approved after reviewing: December 24, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к исследованию концептов, вовлечённых в метафорическое моделирование эмоциональной сферы. Среди них особое место занимает концепт ОГОНЬ, репрезентирующий один из базовых элементов чувственного и культурного опыта. Актуальность обращения к данному концепту обусловлена, с одной стороны, его высокой универсальностью и типологической распространённостью, а с другой – недостаточной изученностью его функционирования в адыгских языках. Несмотря на наличие значительного корпуса работ, посвящённых функционированию метафоры огня в европейских языках, специфика её реализации в кабардино-черкесском языке до настоящего времени не получила всестороннего описания. Данное обстоятельство формирует исследовательскую лакуну и обуславливает необходимость систематического анализа механизмов метафорической концептуализации эмоций в адыгской лингвокультуре.

Объектом исследования выступают языковые средства кабардино-черкесского языка, используемые для вербализации эмоций. Предметом исследования является репрезентация эмоциональных состояний посредством концепта ОГОНЬ в его лексико-семантических, фразеологических и дискурсивных проявлениях.

Цель исследования состоит в выявлении и описании системы метафорического моделирования эмоций через концепт ОГОНЬ, а также в реконструкции связанных с ним когнитивных и культурных установок. Реализация поставленной цели требует опоры на междисциплинарный подход, интегрирующий достижения когнитивной лингвистики, концептологии, лингвокультурологии и теории метафоры. Такой подход позволяет описывать метафоризацию эмоций как результат взаимодействия когнитивных механизмов, телесного опыта и культурно закреплённых способов интерпретации переживаний, что особенно важно при анализе языков с выраженной образно-символической компонентой эмоциональной лексики.

Теоретической основой исследования является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], в рамках которой метафора рассматривается не как частный риторический приём, а как фундаментальный когнитивный механизм, структурирующий мышление и опыт. Концептуальная метафора понимается как систематическое соответствие между двумя концептуальными доменами: областью-источником, обладающей конкретными, чувственно воспринимаемыми характеристиками, и областью-целью, представляющей абстрактную сферу опыта. В контексте настоящего исследования **мафӀэ** («огонь») выступает областью-источником для концептуализации эмоциональных состояний, образующих область-цель. Структура знаний об огне (температура, интенсивность, динамика возгорания и угасания, разрушительный потенциал, визуальные характеристики) проецируется на абстрактную сферу эмоций, делая её более наглядной и когнитивно доступной через телесный и культурный опыт взаимодействия с огнём.

Важным методологическим положением является тезис о том, что метафорические проекции не являются произвольными, а в значительной мере мотивированы телесным опытом и культурными моделями. Указанная установка соответствует общему пониманию языка как когнитивного инструмента репрезентации и организации знания [7]. В частности, связь между повышением температуры тела и эмоциональным возбуждением имеет физиологическую основу (учащение сердцебиения, приток крови к коже при аффекте и т. п.), что делает метафору типа «ЭМОЦИЯ – ЭТО ОГОНЬ/ЖАР» естественной и типологически устойчивой.

Одновременно выбор огня в качестве области-источника поддерживается культурной семантикой огня как амбивалентного явления: он соотносится и с жизненной энергией, и с разрушением, и с очищением; это усиливает объяснительный потенциал метафоры при описании эмоций различной модальности и интенсивности.

Исследование опирается также на когнитивную модель эмоций, разработанную З. Кёвечешем [12, 13], который систематизировал метафорические и метонимические модели репрезентации эмоциональных концептов в разных языках. Показано, что эмоциональные концепты последовательно структурируются посредством устойчивых соответствий между телесными ощущениями, поведенческими реакциями и абстрактной сферой переживаний; при этом особое внимание уделяется концепту гнева как одному из наиболее детально метафоризированных. Данные наблюдения принципиальны для настоящей работы, поскольку метафоры огня в эмоциональной сфере объединяет телесный компонент (ощущение жара, внутреннее горение) и сценарный компонент (вспышка – разгорание – тление – угасание), что делает возможным моделирование эмоциональной динамики.

Значимым для интерпретации материала является также отечественная традиция анализа метафоры как механизма порождения смысла и средства концептуальной категоризации. В работах Н.Д. Арутюновой метафора описывается как способ осмысления и интерпретации действительности, при котором перенос становится формой когнитивной обработки опыта и средством формирования новых смыслов в речи [1]. Это положение дает возможность рассматривать «огненные» номинации эмоций не только как обозначения степени интенсивности, но и как способы оценивания переживания, объяснения его причинности и прогнозирования последствий (эмоция как опасность, разрушение, неуправляемая стихия и т. п.).

Лингвокультурологический ракурс исследования связан с тем, что метафорические выражения нередко закрепляются в устойчивых формулах и фразеологии, аккумулируя культурные представления и ценностные установки. В этой связи важны положения В.Н. Телии о культурной маркированности образной номинации и о фразеологии как зоне концентрированного выражения культурных смыслов [10]. Сходным образом в рамках лингвокультурологии подчёркивается, что языковая репрезентация эмоций соотносена с нормативными моделями переживания и социально одобряемыми способами их выражения [8]. Для настоящего исследования это означает необходимость учитывать не только семантику метафор огня, но и их культурно обусловленную прагматику: различия между допустимым и недопустимым проявлением эмоции, оценку сильного чувства, представления о контролируемости и последствиях аффекта. Дополнительную теоретическую опору задаёт концептологический подход В.И. Карасика, в котором концепт понимается как культурно значимая единица, включающая образный, понятийный и ценностный компоненты и актуализируемая в дискурсе [5]. Применительно к анализу огня как области-источника это позволяет фиксировать не только «физические» признаки, лежащие в основе переноса, но и ценностные смыслы, сопровождающие «огненную» интерпретацию эмоций.

В рамках настоящего исследования используется понятие «метафорическая модель», обозначающее устойчивую схему проекции одной понятийной области на другую, реализующуюся в наборе регулярных языковых выражений. Указанное толкование метафорической модели опирается на исследования ряда учёных. В трудах А.Н. Баранова метафорическая модель определяется как инвариантная схема проекции, обеспечивающая семантическую связанность серии регулярных метафорических выражений и позволяющая реконструировать когнитивную основу образной систематизации опыта [2]. Ю. Н. Караулов рассматривает метафорические корреляции как устойчиво воспроизводимые механизмы интерпретации, участвующие в формировании языковой картины мира и фиксирующие типичные для сообщества способы осмысления явлений [6]. В работах А.П. Чудинова метафорическая модель трактуется как когнитивная структура, организующая тематически и оценочно однородные метафорические ряды и особенно отчётливо проявляющаяся в дискурсивно значимых сферах [11]. Обращение к указанному подходу создаёт методологическую основу для выделения и описания моделей типа «ЭМОЦИЯ – ЭТО ОГОНЬ» в кабардино-черкесском языке и их дальнейшего анализа на материале эмоциональной лексики и употребления в дискурсе.

Опираясь на изложенные положения, метафорическая модель в настоящем исследовании конкретизируется через её внутреннюю структуру. Описание выполняется в терминах фреймовой организации знания, что соответствует когнитивно-семантическому пониманию значения как структуры, включающей типовые компоненты опыта и сценарии их развёртывания [3]. Структура метафорической модели включает: исходную понятийную область (фрейм ОГОНЬ со слотами: источник возгорания, интенсивность, температура, динамика горения/угасания, продукты горения, разрушительный эффект, визуальные признаки); целевую область (фрейм ЭМОЦИЯ с параметрами: тип эмоции, интенсивность, степень контролируемости, телесная локализация, причина, длительность, социальная оценка); а также типовые сценарии проекции (например:

возникновение эмоции – возгорание; усиление эмоции – разгорание; внешнее проявление – «выход» пламени/дыма; длительная эмоция – тление; ослабление переживания – угасание).

Материалы и методы исследований

Эмпирической базой исследования послужили тексты из электронного корпуса кабардино-черкесского языка [9], представляющего собой совокупность текстов различной жанрово-стилистической принадлежности. Обращение к корпусным данным позволило опереться на реально функционирующие в современном языке употребления, а также обеспечить достаточный объём и разнообразие контекстов, в которых метафорически реализуется концепт ОГОНЬ.

Отбор материала осуществлялся по принципу релевантности к исследуемой проблематике: в анализ включались только те контексты, в которых единицы с огненной семантикой участвуют в репрезентации эмоционального состояния человека. На первом этапе были заданы целевые лексемы, формирующие ядро огненной семантики: существительные **мафIэ** «огонь», **хъуаскIэ** «искра», **дэп** «горящие угли», **Iугъуэ** «дым», а также глаголы **исын** «жечь», **къызэщIэнэн** «разгореться», **къэлыбын** «вспыхнуть», **къэкъуэлъэн** «вскипеть», **къэлыдын** «засверкать», **кърысыкIын** «выжигать», **жъэн** «жариться». На основе поисковых запросов по этим леммам была сформирована выборка контекстов, после чего проводилась их последующая фильтрация: в корпус включались лишь те случаи, где указанные единицы не описывают физическое явление огня в прямом значении, а метафорически соотносятся с состояниями субъекта, его аффективной сферой и переживаниями.

К отобраным метафорическим примерам последовательно применялись семантический и компонентный анализ, позволившие выявить наиболее значимые для метафоризации признаки огня (температура, интенсивность, динамика, разрушительный потенциал, визуальная экспрессия и др.) и соотнести их с параметрами описываемых эмоций (тип, сила, степень контролируемости, длительность, телесная локализация). Далее использовался когнитивно-фреймовый анализ, в ходе которого реконструировались фреймы ОГОНЬ и ЭМОЦИЯ с их ключевыми слотами и устанавливались систематические соответствия между элементами области-источника и области-цели.

Результаты и обсуждения

В данной работе анализ метафорических образов осуществляется по семантико-прагматическим доменам, выделенным на основании преобладающего типа репрезентируемого аффекта: гнев, горе, любовь/страсть, стыд/смущение, энтузиазм/воодушевление.

В домене гнева наиболее часто актуализируется динамическая схема резкого возгорания, фиксирующая переход от нейтрального состояния к аффекту и сопутствующую ему неконтролируемость.

Фифэ и лыр **жыгей мафIэу къызэщIонэ**: - Ха! – жи. (букв.: «Муж Фифы загорается как дубовый огонь: - Ха! – говорит») [КЧЯ]. Данный пример репрезентирует гнев как «загорание», то есть как быстрый старт внутреннего жара. Указание на «дубовый огонь» усиливает характеристику пламени: он воспринимается сильным и трудно гасимым, что концептуально повышает интенсивность эмоции.

Екъуб **мафIэу къэлыбаш** лейтенантым жиIам щхъэкIэ. (букв.: «Якуб вспыхнул огнем из-за слов лейтенанта») [КЧЯ]. Здесь гнев рассматривается как реактивная вспышка, прямо мотивированная речевым воздействием. Схема «вспышка» задаёт краткую, но высокоинтенсивную фазу эмоции.

Отдельный слой метафор гнева связан с визуализацией внутреннего жара через область лица и, прежде всего, глаз – социально значимого канала выражения. Например: Пщашэм и нитI **хъуаскIэу къэлыдам** ар и пIэм иригъэжыхъат. (букв.: «Искры, вспыхнувшие в глазах девушки, заставили его замереть») [КЧЯ]. Огонь здесь локализован в глазах в форме «искр». В строгом смысле такой образ может кодировать не только гнев, но и высокую эмоциональную активность (решимость, внутреннюю силу, возмущение). Однако для блока гнева существенен сам механизм: повышение внутренней энергии проявляется во взгляде как огненный микросигнал, читаемый наблюдателем.

Гиперболизированные образы делают гнев физически видимым и подчеркивают его экстремальность:

Бжэр кIыгърэ Апчарэ къызэщIэжIмэ – къэзакъ цIыхубз фафIэ гуэр **унэм** къыщIэкIаш, и нэщхъыр зэхэукIауэ, и **нэм Iугъуэ къыщIыхыу**. (букв.: «Когда дверь захлопнулась и Апчара оглянулся – из дома вышла какая-то видная казачка, хмурая, из глаз шел дым») [КЧЯ].

Бэрокъуэ Адэлбий къэгубжъауэ **мафIэр** и **нэм къыщIыхырт**. (букв.: «Адальби Бороков был в гневе и из его глаз сыпался огонь») [КЧЯ].

«Дым из глаз» и «огонь из глаз» концептуализируют аффект как внутреннее пламя, переходящее границу тела и становящееся внешним воздействием. В результате выстраивается модель «ГЛАЗА – ИСТОЧНИК ОГНЯ», где взгляд приобретает почти агрессивную, поражающую силу.

Кроме того, наблюдается и выпуск пара/огня через нос, усиливающий физиологическую интерпретацию гнева как перегрева:

Сыхуэзамэ, и **пэм мафIэ кыльэлыу** кызопсалъэ, аршхэкIэ шхъэ укысхуэгуэпрэ жысIэу си шхъэ тесльхэркъым сеупщIыну, езыми и гум илгыр уигъащIэркъым. (букв.: «Когда я встречаюсь с ним, он говорит со мной, из носа у него сыпется огонь, но я не решаюсь спросить его, почему он сердится на меня, и он не дает понять, что у него на уме») [КЧЯ].

КъищынэмышIауэ, пщым и хэщIапIэр къатIэщIыну иужь ихъэнущ ахэр, – и шыхъу-гуащэм хуеплъэкIащ Адэмей, губжарэ, и **пэм гъуэзыр кърхуу**. (букв.: «Кроме того, они попытаются разузнать место пребывания князя, – Рассердился Адам и посмотрел на свою сестру, в ярости, из его носа шел пар») [КЧЯ]. В этом примере нос выступает «клапаном» телесного контейнера, через который накопленный жар прорывается наружу.

Телесные признаки (румянец, пот, кипение крови) оформляют гнев как состояние кипящего организма, то есть как совмещение эмоционального и физиологического процессов: Ар **щыплъу кызыэщIэнат**, и щIыфэм пщIэнтIэпсыр къежэхырт икIи зыIуригъэлыэдэным хуэдэу Тимур къеплъырт. (букв.: «Он разгорелся ярким румянцем, по его коже струился пот и он смотрел на Тимура, как будто хотел его проглотить») [КЧЯ]. В этом примере жар и пот являются маркерами перегрева, а описание взгляда **зыIуригъэлыэдэным хуэдэу** («как будто хотел проглотить») добавляет компонент агрессии.

«Алыхъ щыIэр пэжмэ, ар игу дауэ техуа?» – **къэкъуэлыащ си лыр**, мэджыт бжэIупэм дыздыIутым. (букв.: «Если Аллах действительно существует, как ты мог это принять?» – закипела моя кровь, когда мы стояли у входа в мечеть») [КЧЯ]. В этом примере кипящая кровь реализует широко типологически распространенную модель «ГНЕВ – КИПАЩАЯ ЖИДКОСТЬ ВНУТРИ ТЕЛА-КОНТЕЙНЕРА», где усиление эмоции равно повышению температуры и давления.

Наконец, важна цветовая характеристика огня как знака гнева (красный как «огненный»): Уэзырмэс къогубжъ, **щыплъу къолады**, къамэ Iэпщэм йопхъуэ. (букв.: «Уазирмес строго говорит: «Уазирмес злится, вспыхивает ярко-красным цветом и хватается за рукоять кинжала») [КЧЯ]. Красный цвет здесь не просто внешний признак, а семиотический индикатор аффекта, связывающий «красное» с «горячим» и «сердитым» в единую ассоциативную цепочку.

Для домена стыд/смущение характерен не образ мгновенной вспышки, а образ устойчивого жара, связанного с румянцем и социальной уязвимостью субъекта.

Абы и псалъэхэм си нэкIущхытIыр **дэпу кызыэщIагъэнауэ** сэри ди пщIэнтIэм сыдыхъэжт. (букв.: «От его слов у меня щеки пылали, как горящие угли. Я зашёл к себе во двор») [КЧЯ]. В этом примере телесная локализация (щеки) и источник сравнения (горящие угли) задают длительное, «тлеющее» состояние: устойчивое тепло, трудно скрываемое и потому выдающее переживание.

УщиякIуэ щыхубзым Къэнэмэт и гугъу зэришIу, пщэцэ дахэр, **дэпу кызыэщIэнэри**, пэщым къыщIэкIащ. Хъэдиэти кыгурыIуащ пщэцэм гурыль зыхуищIар. (букв.: «Как только наставница рассказала о Канамате, девушка, покраснела как горящие угли и вышла из комнаты. Хадизат сразу поняла, в кого влюбилась девушка») [КЧЯ]. Этот пример иллюстрирует типичный сценарий стыда или смущения и румянец влечёт поведенческую реакцию ухода или сокрытия. Существенно, что такая метафора легко сближается с доменом любовного чувства, в котором огонь одновременно маркирует интимную вовлечённость и социальную неловкость.

Основная конфигурация: «СТЫД/СМУЩЕНИЕ – ЭТО ЖАР», при этом жар не взрывной, а стабильный (угли), и он привязан к зоне лица (щеки), то есть к социально наблюдаемому телесному симптому.

В домене горя огонь переносится в область сердца и приобретает длительный, истощающий характер. Здесь ключевым становится не момент возникновения эмоции, а её протяжённость и разрушительность.

Апхуэдэ щытыкIэм итщ иджыпсту Хъан: и лыр мажъэ, и **гур къресыкI**. (букв.: «И в таком состоянии сейчас находится Хан: его плоть жарится, а сердце горит») [КЧЯ]. Двойная телесная проекция («плоть жарится» + «сердце горит») усиливает тотальность страдания и охватывает и внешнее телесное, и внутреннее эмоционально-личностное состояние.

Абы лъандэрэ мы си **гур гуауэм къресыкI**, си шхъэр кысхуэIэтыркъым. (букв.: «С тех пор мое сердце горит от горя, я не могу поднять голову») [КЧЯ]. Фраза «с тех пор» играет важную роль так, как она превращает огонь в метафору длительного процесса, близкого к медленному сгоранию.

Модель «ГОРЕ – ЭТО ОГОНЬ В СЕРДЦЕ» задаёт образ длительного внутреннего сгорания/выжигания, где сердце функционирует как главный очаг негативного опыта.

В домене любви/страсти активируется та же связка «сердце + огонь», что и при горе, но меняется оценка и модальность. Метафорический образ огня любви обладает позитивно-амбивалентной оценкой так, как соотносимое с ним переживание может описываться как мучительное по степени аффективной интенсивности, однако не воспринимается как деструктивный аффект, а, напротив, рассматривается как фактор укрепления эмоциональной привязанности и усиления сосредоточенности субъекта на адресате чувства.

Псалъэ къэскІэ лъагъуныгъэу хэлъым пщашэм и гур щэхуу къресыкІ. (букв.: «Любовь в каждом слове втайне выжигает сердце девушки») [КЧЯ]. В данном высказывании важны сразу три параметра. Во-первых, горение локализовано в сердце, что отражает традиционную для адыгской лингвокультуры «кардиальную» привязку сильных чувств. Во-вторых, огонь задаётся как процесс выжигания, то есть как длительное воздействие, меняющее внутреннее состояние субъекта. В-третьих, обстоятельственный компонент **щэхуу** («втайне», «скрытно») переводит метафору в плоскость интимности и любовь представляется не как публичная демонстрация, а как внутреннее, удерживаемое переживание.

Лъагъуныгъэ мафІэм, щІэрыщІэу къысщІэнэжауэ, сес. (букв.: «Я опять охвачен огнем любви и горю») [КЧЯ]. В этом примере конструкция **лъагъуныгъэ мафІэм сес** («охвачен огнем любви») показывает, что чувство любви осмысливается как состояние, возникающее вне волевого контроля человека и ощущаемое им как внешняя, неуправляемая сила, но при этом не обязательно разрушающее его.

ЩумыщІ си гум жыгей мафІэ, сес арыншэу мафІэм. Жэци махуи гум щызгъафІэр Уэраш, лъагъугъуафІэ. (букв.: «Не разводи дубовый огонь в моем сердце - я и так горю в огне. И днем и ночью в сердце лею только тебя») [КЧЯ]. Данный фрагмент показателен тем, что метафора здесь разворачивается в сложную прагматическую структуру. Образ **жыгей мафІэ** («дубовый огонь»), как уже отмечалось выше, концептуально связывается с силой пламени, следовательно – с интенсивностью чувства.

В материалах, относимых к домену энтузиазма/воодушевления, метафора огня приобретает устойчиво позитивную оценочность и соотносится с внутренней активизацией субъекта, ориентированной на достижение цели. В отличие от описаний гнева, где огонь маркирует утрату самоконтроля и «выход» напряжения наружу, здесь он репрезентирует собранность, эмоциональный подъём и готовность действовать. Ключевыми точками локализации становятся глаза (как зона моментального сигнала) и сердце (как условный «очаг» длительной мотивации).

Зыщумыгъэгъушщэу, зыхыумыгъэзэрыху. – НтІэ, – Тинэ и щхьэр ещІ. Абы и нэхэм гуфІэгъуэр хъуаскІэу къашІех. Ар зыхуеиххэр аракъэ! (букв.: «Не забывай и не путай. – Да, – Тина кивает. В ее глазах радость вспыхивает как искры. Это именно то, что она и хотела!») [КЧЯ]. В данном фрагменте энтузиазм оформляется через кратковременную, визуально маркированную вспышку – **гуфІэгъуэр хъуаскІэу къашІех** («радость вспыхивает как искры») и локализована в глазах. Здесь глаза выступают коммуникативно значимым экраном эмоции, позволяющим наблюдателю считывать резкое повышение внутренней энергии. Сравнение с искрами задаёт именно моментальную фазу переживания.

Дэ ди шухэр щхьэмыгъазэщ, **мафІэу ди гур зэщІэнэнщ**, щІы уи фІэщ уэ, бий дищІ лъэщым къидмынэн. (букв.: «Наши всадники непреклонны, наши сердца горят огнем, будьте уверены, мы не пустим врага на нашу сильную землю») [КЧЯ]. В этом контексте огонь переносится в область сердца и приобретает коллективное измерение и общую мобилизационную готовность группы.

Выводы

Обобщая проведённый анализ, можно констатировать, что в кабардино-черкесском языке концепт ОГОНЬ образует разветвлённую систему метафорических моделей, организующих репрезентацию как негативных (гнев, горе, стыд), так и позитивно окрашенных (любовь, энтузиазм) эмоциональных состояний. Центральной точкой локализации огненной образности выступает сердце, что свидетельствует о «кардиоцентричности» адыгской лингвокультуры: именно через образы «горящего», «выжигаемого» сердца структурируются переживания максимальной интенсивности, при этом различия между гневом, горем и любовью задаются контекстом, длительностью и оценкой состояния. Периферийные зоны тела – глаза, нос, кожа лица – функционируют как семиотические выходы внутреннего жара во внешнее пространство: искры, огонь и дым из глаз, пар и огонь из носа, пылающие как угли щёки кодируют переход аффекта из сферы скрытого в социально наблюдаемую, что соотносится с высокой значимостью внешнего самоконтроля и управляемости эмоций в адыгской традиции. При этом любовь и страсть, концептуализируемые как огонь, демонстрируют характерную для данной лингвокультуры позитивно-амбивалентную оценку: переживание признаётся мучительным по интенсивности, но в то же время – ценным, углубляющим привязанность и внутреннюю сосредоточенность на адресате, зачастую скрытой от постороннего взгляда. В моделях горя и стыда/смушения огонь приобретает тлеющий, затяжной характер, что подчёркивает представление о длительном, выматывающем воздействии этих эмоций на личность. В совокупности выявленные модели де-

монстрируют, как универсальные телесно мотивированные схемы типа «ЭМОЦИЯ – ЭТО ОГОНЬ/ЖАР» преломляются в кабардино-черкесской лингвокультуре через специфическую конфигурацию ценностей – сдержанность, высокую значимость визуально считываемых признаков и идеал внутренне напряжённой, но социально контролируемой аффективности.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 911 с.
2. Баранов А.Н. Русская политическая метафора: (материалы к словарю). М.: Институт русского языка РАН, 1991. 193 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 235 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
9. Корпус черкесского языка [Электронный ресурс] URL: <https://corpus.djarez.club/>
10. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
12. Kövecses Z. Metaphor and emotion: language, culture, and body in human feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 242 p.
13. Kövecses Z. Conceptual metaphor theory: some criticisms and alternative proposals // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2008. Vol. 6. P. 168 – 184.

References

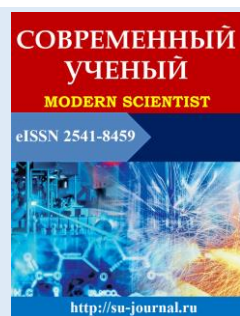
1. Arutyunova N.D. The Language and World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 911 p.
2. Baranov A.N. Russian Political Metaphor: (Materials for a Dictionary). Moscow: Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1991. 193 p.
3. Boldyrev N.N. Cognitive Semantics: A Course of Lectures. Tambov: Tambov University Press, 2001. 235 p.
4. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS, 2004.
5. Karasik, V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
6. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. 7th ed. M.: Publishing house LKI, 2010. 264 p.
7. Kubryakova E.S. Language and knowledge: Towards acquiring knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Ros. Academy of Sciences. Institute of Linguistics. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.
8. Maslova V.A. Linguoculturology. M.: Academy, 2001. 208 p.
9. Corpus of the Circassian language [Electronic resource]. URL: <https://corpus.djarez.club/>
10. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M.: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p.
11. Chudinov A.P. Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001, 238 p.
12. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 242 p.
13. Kövecses Z. Conceptual Metaphor Theory: Some Criticisms and Alternative Proposals. Annual Review of Cognitive Linguistics, 2008. Vol. 6. P. 168 – 184.

Информация об авторах

Дзасежева Л.Х., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Кумыкова М.М., кандидат филологических наук, преподаватель, Эрджиес университет, Турция

© Дзасежева Л.Х., Кумыкова М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.03

К вопросу об изменениях в современном немецком языке

¹ Кошелева О.Н., ² Маслова А.Н., ³ Шиндель С.В., ⁴ Котова Е.Н.

¹ Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России,

² Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,

³ Энгельсский технологический институт, филиал Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.,

⁴ Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова

Аннотация: в статье рассматривается влияние мультилингвальной среды на развитие современного немецкого языка. Проводится анализ феномена "Kiezdeutsch" – молодежного диалекта, возникшего в районах с высокой концентрацией мигрантов в Германии. Подчеркивается, что, вопреки распространенному мнению о "ломаном немецком", Kiezdeutsch представляет собой развивающуюся языковую систему ("Multiethnolekt") с уникальными грамматическими особенностями, такими как использование частицы "so" в качестве маркера фокуса. Рассматриваются причины и проявления этого явления, проводятся параллели с аналогичными процессами в английском языке (использование "like"). Отмечается, что Kiezdeutsch является продуктом успешной языковой интеграции, отражая мультикультурную реальность немецкого общества. Предлагается рассматривать его как свидетельство активного языкового развития и динамики в условиях многоязычия в противовес критическому восприятию диалекта в обществе.

Ключевые слова: кицдойч, мультиэтнOLEKT, молодежный язык, миграция, мультилингвальная среда

Для цитирования: Кошелева О.Н., Маслова А.Н., Шиндель С.В., Котова Е.Н. К вопросу об изменениях в современном немецком языке // Современный ученый. 2026. № 4. С. 157 – 161.

Поступила в редакцию: 27 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

On the issue of changes in the modern German language

¹ Kosheleva O.N., ² Maslova A.N., ³ Shindel' S.V., ⁴ Kotova E.N.

¹ Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

² Tatishchev Astrakhan State University,

³ Engels Technological Institute (branch) of Gagarin State Technical University,

⁴ Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

Abstract: this article examines the influence of a multilingual environment on the development of the modern German language. It analyzes the phenomenon of "Kiezdeutsch" – a youth dialect that emerged in areas with a high concentration of migrants in Germany. It emphasizes that, contrary to the widespread belief that Kiezdeutsch is a "broken German", it represents a developing language system ("Multiethnolekt") with unique grammatical features, such as the use of the particle "so" as a focus marker. The causes and manifestations of this phenomenon are

examined, and parallels are drawn with similar processes in English (the use of "like"). It is noted that Kiezdeutsch is a product of successful linguistic integration, reflecting the multicultural reality of German society. It is proposed to view it as evidence of active linguistic development and dynamism in a multilingual environment, as opposed to the critical perception of the dialect in society.

Keywords: Kiezdeutsch, multiethnolect, youth language, migration, multilingual environment

For citation: Kosheleva O.N., Maslova A.N., Shindel' S.V., Kotova E.N. On the issue of changes in the modern German language. Modern Scientist. 2026. 4. P. 157 – 161.

The article was submitted: October 27, 2025; Approved after reviewing: December 25, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

На протяжении уже довольно длительного времени немецкий язык продолжает подвергаться влиянию английского языка. Английский часто используется в академической среде университетов, и он является общепринятым языком межнационального общения для мигрантов и иностранных студентов [1]. Даже в экономике долгое время доминировал английский язык, порождая гибридные формы, известные в Германии как «денглиш», которые иногда приводят к гротескным предложениям, таким как: «Ich musste die Harddisk neu formatieren, weil der falsch gesteckte Jumper zur data corruption geführt hat und der Computer gecrasht ist» – «Мне пришлось переформатировать жесткий диск, потому что неправильно установленная перемычка привела к повреждению данных, и компьютер завис».

Однако важно помнить, что английский язык на протяжении своей истории претерпевал трансформацию в современный английский благодаря языковым контактам и демонстрирует многие особенности, которые только сейчас начинают развиваться в других языках, такие как обратное расположение падежей.

Материалы и методы исследований

В целом, очевидно, что язык и миграция тесно переплетены в Германии. Классическая немецкая грамматика все чаще уступает место большему количеству «компромиссных явлений», возникающих в результате языковых контактов. Среди подобного рода явлений широкое распространение получили следующие:

- Использование всех четырех падежных форм современного немецкого языка характеризуется выраженной нестабильностью. Достаточно распространены конструкции типа «das Auto von meinem Vater» вместо нормативного «meines Vaters», «er hat es ihn versprechen» вместо «ihm», «wir sprechen mit den Präsident_» вместо «mit dem Präsidenten», «er hat ihm ein_ Vorwurf gemacht» вместо «einen Vorwurf» и т.д.

- Падежная маркировка нередко подменяется предлогами: «Die Rechtsprechung in Deutschland» (юриспруденция Германии), «die Zukunft für die Banken» (будущее банков), «die Lehre aus der Geschichte» (уроки истории).

- Синтаксическая связность ослабевает: паузы и разрывы, ранее понимаемые как ошибки, всё чаще остаются без коррекции. Так, в зоопарке одинаково возможны варианты «mit einem niedlichen Eisbären», «mit ein niedlichen Eisbär» и другие, практически не вызывая замечаний.

- Конструкции с глаголом «machen» последовательно вытесняют традиционные обороты: «einen Film machen», «ein Tor machen» и др. замещают более ранние «einen Film drehen» и т.п.

- Комплексные грамматические категории, такие как сослагательное наклонение Konjunktiv II или Plusquamperfekt, почти полностью исчезли из повседневной устной речи.

Указанные явления обусловлены многоязычной коммуникационной средой и углубляют разрыв между стандартным немецким и разговорным вариантом. Постепенно складывается новая языковая норма [3], всё более расходящаяся с письменной, преподаваемой в школе, что создаёт дополнительные трудности для мигрантов.

Начиная с середины 1990-х гг. в городских районах с высокой долей выходцев из-за рубежа формируется молодёжный идиом «Kiezdeutsch». Его специфика иллюстрируется следующими репликами: «Lassma Viktoriapark gehen, Lan.» – «Пойдём в Викторияпарк, приятель»; «Ich hab meiner Mutter so Zunge rausgestreckt, so aus Spaß. Wallah.» – «Я показал язык матери просто ради шутки. Валлах». Эти примеры демонстрируют, насколько «Kiezdeutsch» отступает от стандарта на лексическом, грамматическом и прагматическом уровнях.

Результаты и обсуждения

Ряд специалистов полагает, что речь идёт лишь о корявом немецком, однако часть исследователей рассматривает данное явление как новый урбанистический диалект немецкого, который, подобно другим немецким говорам, характеризуется регулярными признаками в фонетике, лексике и грамматике языка.

В публичном дискурсе иногда используются другие термины, такие как "Kanak Sprak" – термин, который широко используется в комедийной среде. Этот термин кажется нам неудачным по нескольким причинам. Во-первых, он изначально фокусируется исключительно на молодых людях негерманского происхождения, во-вторых он обладает уничижительной окраской. Использование термина "Kanak Sprak" первоначально было мотивировано переосмыслением негативно окрашенного термина в контексте политических миграционных движений [10]. Как подчеркивают лингвистико-идеологические исследования, уничижительные ассоциации с «Kanak» сохраняются [2].

Для обозначения молодежного варианта немецкого языка предпочтительно употреблять термин «Kiezdeutsch». Такое решение обосновано рядом аргументов. Прежде всего, этот лейбл однозначно сигнализирует, что речь идет о разновидности именно немецкого, а не о смешанной или гибридной форме. Далее, формант «Kiez», восходящий к берлинскому просторечию со значением «квартал», акцентирует неофициальный, бытовой характер рассматриваемой речи. Наконец, в отличие от названий, апеллирующих к миграционному происхождению носителей, «Kiezdeutsch» принципиально лишён этнической маркировки и тем самым соотносён с многонациональной городской молодежью в целом.

Одной из наиболее примечательных структурных особенностей этого варианта служит употребление частицы «so» в позициях, которые норма стандартного немецкого за подобной частицей не закрепляет. Ср.: «Ich höre Alpa Gun, weil der so aus Schöneberg kommt» («Я слушаю Альпа Гана, потому что он из Шёнеберга»).

В литературном языке «so» выполняет несколько четко разграниченных функций:

1. Формирует сравнительные конструкции («So schnell wie Peter» – «Так же быстро, как Петер»);
2. Передает оттенок интенсивности («So schnell!» – «Как быстро!»);
3. В разговорной речи служит своеобразным «кавычковым» маркером, вводящим прямую или косвенную цитату («Ich dann so: „Was ist denn hier los?“ – «И я такой: „Что тут происходит?“»).

Общим знаменателем перечисленных употреблений является вклад частицы в ответ на вопрос «Как?», который при желании можно эксплицировать выражением «auf diese Art» – «таким образом».

Берлинская молодежная речь добавляет новую, принципиально иную функцию: «so» утрачивает собственное лексическое наполнение и выступает чистым фокусным индикатором, предвеля сегмент высказывания, содержащий наиболее значимую новую информацию. В приведённом выше примере таким сегментом является группа «aus Schöneberg», объясняющая, почему говорящий особенно ценит рэпера. Аналогично диалог в чате – «Was suchst du im Chat?» – «so coole Leute zum Kennenlernen» («– Что ищешь в чате? – Познакомиться с классными людьми») – демонстрирует, что «классные люди» конституируют содержание фокуса. Ещё один образец зафиксирован в ток-шоу, где ведущий Йоханнес Б. Кернер обращается к писательнице Шарлотте Рош: «So auch auf der Straße kommen die Leute, oder sind das hauptsächlich Journalisten?» – «То есть люди подходят к Вам и на улице, или это преимущественно журналисты?» Здесь фокусом выступает конструкция «auch auf der Straße».

Во всех приведённых случаях частица «so» функционирует исключительно как сигнал актуального членения: она лишена семантического наполнения и служит маркером той части реплики, которая, по замыслу говорящего, должна быть воспринята как информационно наивысшая.

В кицдойче «so» таким образом получает дополнительную функцию – маркера фокуса, не добавляя никакого дополнительного смысла предложению. В этом случае говорят о «грамматикализации»: потере смысла в пользу чисто грамматической или прагматической функции.

Очень похожее явление, как и в случае с «so», наблюдалось в родственном немецкому германском языке, а именно в английском, в частности, с выражением «like», которое имеет схожее значение с «so» и, что интересно, может также использоваться как маркер цитаты («I was like, What's going on here?»). В североамериканском английском «like» – подобно «so» в кицдойче – используется как маркер фокусировки и, подобно «so», может появляться в этой функции там, где это не ожидается в стандартном английском, например, в «She's like really smart» [7].

Это не означает, что использование «so» в качестве маркера фокусировки является заимствованием из английского языка. Случай с «like» показывает, что развитие маркеров фокусировки возможно в германских языках и что использование «so» в кицдойче представляет собой вариант, который не является уникальным, но это не означает, что для этого развития было необходимо влияние английского языка.

Примером грамматикализации в стандартном немецком языке является использование частицы «zu». В конструкциях типа «Sie liest Krimis zur Entspannung» (Она читает детективы, чтобы расслабиться) «zu» образует заключительную группу обстоятельства, указывающую на цель или назначение действия, тем самым добавляя смысловые элементы в предложение. В инфинитивных конструкциях типа «Sie glaubt zu träumen» (Она считает, что ей снится сон) «zu» грамматикализуется: «zu» больше не вносит вклад в смысл, а является лишь маркером инфинитива.

Молодежные языки существовали всегда, однако Kiezdeutsch имеет одну особенность он развивался благодаря контакту с различными языками. Следует отметить, что подобные молодежные языки существуют и в других европейских странах, например, в Нидерландах, Дании и Швеции [8]. Все эти молодежные языки объединяет то, что их используют не только молодые люди с миграционным прошлым, они развивались в повседневной жизни молодых людей из разных социальных слоев. Поэтому их также называют "Multiethnolekt" – «мультиэтнолект», данный термин, подчеркивает этническое разнообразие носителей [6]. Поэтому кицдойч является признаком особенно успешной языковой интеграции, он является продуктом многоэтнических сообществ, в которых молодые люди с миграционным прошлым и без него участвуют на равных.

Все вышеперечисленное превращает «Kiezdeutsch» в интересный языковой феномен. Он обладает характеристиками других молодежных языков, такими как предпочтительное использование в группе сверстников, его закрытость от взрослых и влияние американского английского на языковом уровне. Однако, по сравнению с другими языками молодежи, «Kiezdeutsch» демонстрирует уникальную грамматическую динамику, обусловленную тем, что его носители владеют несколькими языками.

Выводы

Языковые трансформации, ассоциируемые с кицдойч, нередко становятся объектом острой критики в публичном дискурсе. Этот многоэтнический городской говор нередко квалифицируют как «ломаный немецкий», как показатель «языковой некомпетентности» и даже как «искажение», якобы ускоряющее деградацию немецкого языка [3]. Подобные упрёки в адрес молодежных речевых практик, впрочем, наблюдались во все времена: одной из их основных функций изначально является маркер дистанции от языковых норм старших поколений. Однако в случае кицдойч критика зачастую приобретает выраженное социополитическое измерение: наряду с беспокойством о «чистоте» языка выдвигаются обвинения в нежелании интегрироваться или в демонстративном неприятии устоявшихся общественных ценностей со стороны носителей некоренного происхождения.

Следует, однако, исходить из того, что не существует единственного «монолитного» немецкого языка. Как и любой живой язык, немецкий представляет собой континуум разнообразных диалектов и регистров, а молодежные социолекты являются неотъемлемой его частью. Любой житель немецкоязычного пространства оперирует несколькими компонентами данного континуума: помимо нормативного варианта, он, как правило, использует регионально окрашенные формы, семейно-разговорные стили, а при официальном общении прибегает к бюрократизированному стандарту. Аналогичным образом кицдойч функционирует в арсенале подростков и молодых взрослых: его выбирают в неформальной коммуникации со сверстниками, тогда как в разговорах с родителями, преподавателями или работодателями задействуются иные регистры.

Следовательно, позиция, рассматривающая кицдойч как угрозу немецкому языку, не выдерживает научной критики. На уровне индивидуальной компетенции он представляет собой лишь один сегмент расширенного репертуара, а на системном уровне – разновидность, сравнимую с другими городскими или региональными диалектами. Если гессенские или баварские говоры рассматриваются как элементы, обогащающие языковое многообразие, логично признать и кицдойч очередным вкладом в этот спектр: он не подрывает структурную целостность немецкого языка, а наоборот, расширяет его внутреннее разнообразие.

Список источников

1. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft // Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen / Hrsg. C. Fandrych, R. Salverda. Tübingen: Narr, 2007. P. 114 – 155.
2. Fiedler S., Brosch C. Flucht, Exil, Migration. Sprachliche Herausforderungen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2018. 143 p.
3. Hinrichs U. Sprachwandel oder Sprachverfall? Zur aktuellen Forschungssituation im Deutschen // Muttersprache. 2009. № 1. P. 47 – 57.
4. Hinrichs U. Die deutsche Sprache wirft Ballast ab // Die Zeit. 2016. № 16. P. 50.

5. Hinrichs U. Sprachliche WurmLöcher. Wie sich unser Sprechen verändert // Sprache. Ein Lesebuch von A bis Z / Hrsg. C.M. Schmitz, J.E. Weiss. Göttingen: Wallstein, 2016. P. 150 – 153.
6. Quist P. Sociolinguistic approaches to multiethnolect // International Journal of Bilingualism. 2008. Vol. 12. P. 43 – 61.
7. Underhill R. Like is, like, focus // American Speech. 1988. Vol. 63. P. 234 – 246.
8. Wiese H. Grammatical innovation in multiethnic urban Europe: New linguistic practices among adolescents // Lingua. 2009. Vol. 119. P. 782 – 806.
9. Wiese H. «Ich mach dich Messer»: Grammatische Produktivität in Kiez-Sprache // Linguistische Berichte. 2006. № 207. P. 245 – 273.
10. Zaimoglu F. Kanak Sprak. 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft. Berlin: Rotbuch Verlag, 1995. 144 p.

References

1. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft. Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen. Hrsg. C. Fandrych, R. Salverda. Tübingen: Narr, 2007. P. 114 – 155.
2. Fiedler S., Brosch C. Flucht, Exil, Migration. Sprachliche Herausforderungen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2018. 143 p.
3. Hinrichs U. Sprachwandel oder Sprachverfall? Zur aktuellen Forschungssituation im Deutschen. Muttersprache. 2009. No. 1. P. 47 – 57.
4. Hinrichs U. Die deutsche Sprache wirft Ballast ab. Die Zeit. 2016. No. 16. P. 50.
5. Hinrichs U. Sprachliche WurmLöcher. Wie sich unser Sprechen verändert. Sprache. Ein Lesebuch von A bis Z. Hrsg. C.M. Schmitz, J.E. Weiss. Göttingen: Wallstein, 2016. P. 150 – 153.
6. Quist P. Sociolinguistic approaches to multiethnolect. International Journal of Bilingualism. 2008. Vol. 12. P. 43 – 61.
7. Underhill R. Like is, like, focus. American Speech. 1988. Vol. 63. P. 234 – 246.
8. Wiese H. Grammatical innovation in multiethnic urban Europe: New linguistic practices among adolescents. Lingua. 2009. Vol. 119. P. 782 – 806.
9. Wiese H. “Ich mach dich Messer”: Grammatische Produktivität in Kiez-Sprache. Linguistische Berichte. 2006. No. 207. P. 245 – 273.
10. Zaimoglu F. Kanak Sprak. 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft. Berlin: Rotbuch Verlag, 1995. 144 p.

Информация об авторах

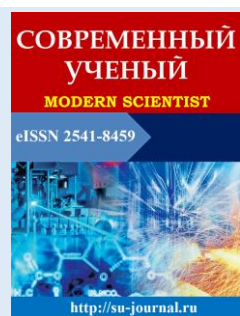
Кошелева О.Н., кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, ninlil@mail.ru

Маслова А.Н., кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, tonja-ch@yandex.ru

Шиндель С.В., доктор культурологии, профессор, Энгельский технологический институт, филиал Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., schindelswetlana@mail.ru

Котова Е.Н., преподаватель, Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, ekotova@mail.ru

© Кошелева О.Н., Маслова А.Н., Шиндель С.В., Котова Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 78:004.928

Способы усиления эмоционального воздействия при передаче мультсериала «Смешарики» с русского языка на английский

¹ Леонова Е.Н., ¹ Гостева М.М.

¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу переводческих стратегий, направленных на сохранение и усиление эмоционального потенциала мультсериала «Смешарики», при его переводе на английский язык. Автор исследует методы лингвокультурной адаптации, используемые для передачи уникальной философско-эмоциональной атмосферы произведения. В работе рассматриваются приемы компенсации, лексические трансформации и прагматическая адаптация, позволяющие достичь равенства коммуникативного эффекта у русскоязычной и англоязычной аудиторий. Особое внимание уделяется способам преодоления культурного барьера при передаче подтекста и эмоциональных доминант сериала.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация; эквивалентный перевод; адекватный перевод; целевая аудитория

Для цитирования: Леонова Е.Н., Гостева М.М. Способы усиления эмоционального воздействия при передаче мультсериала «Смешарики» с русского языка на английский // Современный ученый. 2026. № 4. С. 162 – 168.

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Methods of enhancing emotional impact in the translation of the animated series "Kikoriki" from Russian into English

¹ Leonova E.N., ¹ Gosteva M.M.

¹ Pacific National University

Abstract: this article focuses on the analysis of translation strategies aimed at preserving and enhancing the emotional potential of the adaptation of Russian animated series "Kikoriki". The study explores methods of linguocultural adaptation used to convey the work's unique philosophical and emotional atmosphere. The paper examines techniques such as compensation, lexical transformations, and pragmatic adaptation, all of which help achieve parity in communicative effect between Russian-speaking and English-speaking audiences. Particular attention is paid to ways of overcoming the cultural barrier when transferring the subtext and emotional dominants of the series.

Keywords: linguocultural adaptation; translation equivalence; translation adequacy; target audience

For citation: Leonova E.N., Gosteva M.M. Methods of enhancing emotional impact in the translation of the animated series "Kikoriki" from Russian into English. Modern Scientist. 2026. 4. P. 162 – 168.

The article was submitted: October 28, 2025; Approved after reviewing: December 26, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Современный процесс глобализации характеризуется взаимопроникновением культур, включающим в себя обмен медиа контентом, куда относятся не только сериалы, художественный и документальные фильмы, но и анимационные сериалы, успех которых в другой культуре напрямую зависит от качества перевода.

Согласно И.С. Алексеевой, перевод представляет собой процесс межъязыковой трансформации и вариативного перекодирования исходного сообщения. В этой деятельности ключевая роль отводится субъективному выбору переводчика, который, опираясь на языковые ресурсы, жанр текста и коммуникативные задачи, творчески формирует конечный результат. Таким образом, перевод признается глубоко индивидуальным и созидательным актом [1, с. 7].

Следует различать эквивалентность и адекватность перевода, на чем настаивает И.С. Алексеева. В её трактовке эквивалентность – это точность передачи исходного текста как такового, в то время как адекватность – это соответствие перевода конкретной цели, ради которой он создавался [1, с. 128].

Л.К. Латышев утверждает, что эквивалентность перевода достигается не полным совпадением коммуникативных ситуаций, а устранением разницы в знаниях и культурном опыте реципиентов исходного и переводного текста, создавая для них схожие условия восприятия сообщения, чтобы достичь примерно одинакового эффекта. Важно создать «равноценные лингвоэтнические предпосылки», чтобы читатель перевода мог адекватно понять и отреагировать, даже если это не требует идеального выравнивания компетенций или детальных комментариев. Согласно теории Л.К. Латышева, эквивалентность перевода заключается в равенстве коммуникативных эффектов, которое достигается через нейтрализацию различий в лингвоэтнической компетенции адресатов [5, с. 73].

Согласно теории Г. Егера, эквивалентность в переводе имеет многоступенчатый характер. В основе эквивалентности лежит коммуникативная значимость, которая вызывает определенный коммуникативный эффект [2, с. 28].

Для достижения эквивалентности в процессе перевода необходимо не просто переводить заданный текст с языка на язык, но транслировать его из культуры в культуру, при этом передача текста на переводящий язык может в определенной мере отличаться от исходного языка. В этом случае происходит адаптация для новой аудитории.

Согласно Ж. Бастину (Georges Bastin), лингвокультурная адаптация необходима для восстановления коммуникативного эффекта в тех случаях, когда между оригиналом и переводом возникает «культурный разрыв». Для достижения равноценности необходимо создание условий, при которых иноязычный реципиент реагирует на текст так же, как и получатель оригинала, несмотря на замену отдельных элементов (имен, мер, бытовых деталей).

Для Ж. Бастина адаптация – это не искажение, а необходимый инструмент перевода, позволяющий тексту полноценно функционировать в новой культурной реальности [10, с. 11].

Данное исследование имеет целью анализ перевода, выполненного студией профессионального перевода FUN Union Dub и способов лингвокультурной адаптации, использованных при передаче речи персонажей с русского языка на английский в мультсериале «Смешарики».

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался комплекс качественных методов анализа переводческих решений, включающий сопоставительный переводоведческий анализ, дискурсивный и лингвокультурный анализ. Эмпирическую базу составили оригинальные русскоязычные реплики персонажей мультсериала «Смешарики» и их англоязычная версия в дубляже студии FUN Union Dub. В процессе работы проводился отбор реплик, содержащих культурно маркированные элементы, разговорную лексику, шутки, игру слов и эмоционально окрашенные выражения. Сравнение оригинала и перевода осуществлялось с позиций теорий эквивалентности и адекватности перевода, а также концепции лингвокультурной адаптации. Для интерпретации полученных данных применялись элементы контекстуального анализа и классификации переводческих трансформаций (расширение, создание, адаптация, замена). Дополнительно использовался количественный подсчёт частоты применения отдельных переводческих приёмов, что позволило выявить доминирующие стратегии локализации и оценить их влияние на сохранение коммуникативного и эмоционального эффекта исходного текста.

Результаты и обсуждения

Мультсериал повествует о приключениях одноименных антропоморфных существ, попадающих в различные ситуации, которые учат зрителей взаимопомощи, креативности и прививают общечеловеческие ценности. Каждый персонаж обладает уникальным характером, внешностью и особенностями, что делает их узнаваемыми и запоминающимися [3, 4].

Есть разные варианты дубляжа, но в качестве эмпирического материала был выбран наиболее популярный в сети Интернет – FUN Union Dub.

Американский вариант английского перевода мультсериала «Смешарики» отличается повышенной эмоциональностью, что обусловлено как культурными особенностями аудитории, так и спецификой подхода к локализации исходного продукта. Этот феномен можно объяснить несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, американская аудитория традиционно предпочитает более динамичные и яркие диалоги, что требует от переводчиков соответственной адаптации с учетом ожиданий принимающей культуры. В английской версии персонажи могут выражать свои чувства более ярко, используя не только преувеличенные реакции, но и эмотивно насыщенные фразы, которые лучше резонируют с западной культурой. Это помогает сделать мультсериал более привлекательным для зрителей, привыкших к живым и энергичным персонажам.

Во-вторых, актеры дубляжа, задействованные в американской версии, зачастую используют более драматичные интонации и выразительные голоса, нежели в оригинальном дубляже, что способствует усилению восприятия эмоций персонажей.

Третьим важным аспектом является адаптация шуток. В процессе перевода некоторые юмористические элементы могут терять свою силу из-за языковых или культурных барьеров, поэтому моменты, которые могут быть понятны только русскоязычной аудитории, часто заменяются новыми шутками, специально созданными для англоязычного реципиента. Для того чтобы компенсировать потерю оригинального юмора новые шутки обычно более эмоциональны и выразительны, что так же работает на американскую аудиторию [6, 7].

Таким образом, общая тенденция заключается в том, что лингвокультурная адаптация стремится сделать контент не только более понятным, но и более динамичным, сохраняя при этом основную идею оригинала. Это достигается за счет усиления эмоциональной окраски речи персонажей и создания диалогов, характерных для западного восприятия юмора и повествования.

Использование сленга и накороткого разговорного стиля

В американской версии мультсериала активно применяется разговорный язык, включая сленг и неформальные выражения. Это делает диалоги более живыми и доступными для восприятия молодой аудитории, которая является целевой за рубежом. Например,

Как-то кролик Крош захотел сделать что-нибудь полезное для своего домика. Он решил смастерить скамейку, чтобы сидеть на ней с друзьями по вечерам.

Этот фрагмент взят из первой серии мультсериала, которая знакомит зрителей с одним из главных героев – Крошем. Закадровый голос повествует о том, как кролик почувствовал желание что-то улучшить в своем доме. Однако в лингвокультурной адаптации для американской аудитории этот момент обыгран с особым юмором

That one time Krash the rabbit got a hanker in to do a little home improvement. Realizing, that his bottom was mighty bored, he decided to build something new for it to sit on.

В данном случае переводчик прибегает к приему расширения и использует сленговое сокращение от *got a hankering* – идиоматический сленговый оборот, который означает «почувствовать сильное желание что-то сделать». Это придает переводному тексту больше эмоциональной окраски и адаптирует его под разговорный стиль.

Далее, во второй части приведенного примера, используется прием создания, что в итоге добавляет юмор и комичность. Вместо нейтрального *very bored* используется усилитель *mighty*, что так же относится к разговорному стилю. Кроме того, само упоминание *bottom* в данном контексте может показаться провокационным и вызывающим брезгливость. Однако именно такие вещи создают определенное эмоциональное поле. В данном случае использование подобной эмотивной лексики более низкого уровня позволяет сделать перевод более эмоционально насыщенным, что усиливает воздействие на зрителя.

Следующий яркий пример использования сленга и низкоразговорной лексики можно наблюдать в начале девятой серии мультсериала, где Копатыч работает в своем огороде и слушает радио, где диктор вещает для дачников о погоде на ближайшие дни:

...что, впрочем, только обрадует садоводников и огор... Простите, садоронов и огор... Нет, огородников и садоводов! О, Боже мой. Ну и сказанул.

Радиоведущий из-за спешки или невнимательности делает несколько комичных оговорок во время своей речи, а после выражает свое смятение и комментирует свою оплошность, что создает комический эффект. Вот как этот фрагмент перевела студия дубляжа

...which, will be good news for horticulturalists and vegetable patches... I'm sorry, horse tourists and girdlers. Nore-nore, horticulturists and gardeners! Oh, boy... Did that get away from me?

Переводчиком было принято решение использовать прием расширения и вместо стандартного отрицания по вставить более сленговое и удвоенное разговорное nore. Благодаря этому реакция выглядит более экспрессивной и привлекающей внимание.

Далее, автор перевода прибегает к приему ситуационной адекватности и переводит О, Боже мой не буквально Oh, my God, а используя фразу oh boy, так как в противном случае это было бы не уместно, поскольку упоминание Бога в обычной речи может посчитаться богохульством в англоязычной культурной среде.

В завершение монолога в переводе наблюдается прием создания. Это обусловлено тем, что новая фраза звучит в более разговорном стиле, а благодаря использованию риторического вопроса, она воспринимается живой и экспрессивной, что в частности усиливает воздействие на англоязычную аудиторию.

Это просто свинство какое-то!

Нюша размышляет о том, что за полдня к ней никто не заходил в гости, и от этого чувствует себя забытой и недооцененной, что вызывает у нее бурю эмоций. Юмор строится на том, что Нюша является свиньей, и использование ею слова свинство создает комический эффект.

I'm going skit, so I've gotta get out of here.

При переводе используется прием создания. Основная идея исходного текста сохранена, однако комический акцент смещен, и игра слов не была передана. Это обусловлено тем, что дословный перевод с использованием слова swinishness звучало бы устаревшим и литературным, что не соответствует речи героини. Поэтому переводчик передал ее эмоциональность и вспылчивость иными средствами. Слово skit используется здесь в сленговом контексте, чтобы передать идею того, что персонаж собирается устроить спектакль или даже истерику. Кроме того, использование разговорного сокращения I've gotta и фразового глагола get out очень характерно для неформального общения и разговорного стиля, что добавляет фразе динамичность и, в том числе, эмоциональность, одновременно адаптируя перевод для англоязычной аудитории.

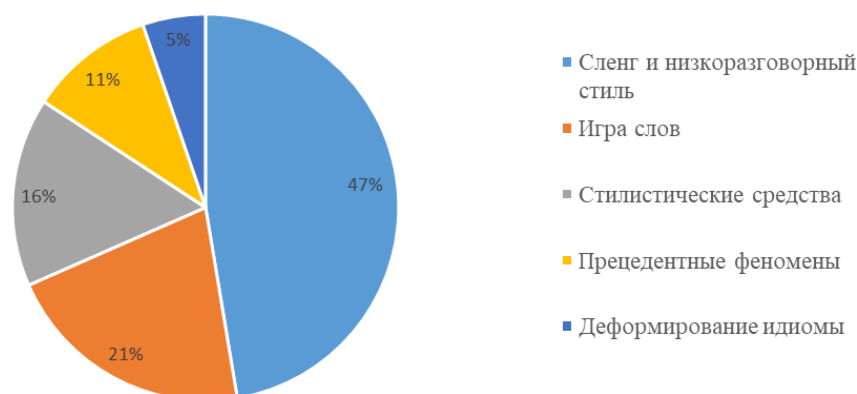

Рис. 1. Способы достижения эмоционального воздействия.

Fig. 1. Methods of achieving emotional impact.

После этой сцены к Нюше в гости приходят Крош и Ежик, которые предлагают ее прокатить на кровати до дома местного врача Совуньи, потому что Нюша, по ее словам, заболела. Но по пути на склоне кровать начала съезжать вниз и в итоге покатила с огромной скоростью, подхватывая по пути Совунью, Бараша и Копатыча. В конце концов все на бешеной скорости въезжают в дом Нюши. Свалившись с перевернувшейся кровати, Бараш спрашивает

А что это было? Нюша, это как-то связано с твоей болезнью?

Перевод этой фразы значительно отклоняется от оригинального смысла и стиля. Вместо перевода вопроса Бараша переводчиком был предложен следующий вариант

You know, Rosa, next time you want your friends to pop by for a visit, you could send a conventional invite.

Здесь в том числе наблюдается при адаптации использование приема создания. Произошла замена отрывка, и фраза в переводе звучит как совет или даже упрек, в отличие от оригинала, где персонаж кажется более мягким и тревожным. Более того, Бараш использует стандартное вводное слово *you know* для привлечения внимания Ньюши на очевидное. Употребление идиоматического выражения *pop by for a visit* означает нанести кому-либо внезапный или короткий визит. Благодаря этим переводческим решениям текст приобретает более неформальный характер и становится более ироничным и колоритным. Вместе с этим, он может быть воспринят как шутливый и саркастичный.

Использование игры слов

Юмор, основанный на игре слов, является важной частью американской культуры. Переводчики часто добавляют дополнительные слои, чтобы компенсировать потерю культурно-специфических отсылок, что делает шутку не только доступной, но и более многогранной для новой аудитории. Например,

А давай тебе что-нибудь покрасим...

Крош смастерил скамейку и покрасил ее в розовый цвет. У него остается еще краска, и он предлагает покрасить что-нибудь Ежику, обращаясь к нему. В дубляже эту реплику перевели следующим образом

I could give you rose colored glasses!

В данном случае переводчик использует прием расширения, так как Крош буквально предлагает покрасить в розовый цвет именно очки своего друга, что создает комический эффект через буквальное толкование идиоматического выражения *rose-colored glasses*. Дело в том, что Ежик по темпераменту является меланхоликом, пессимистичным персонажем, склонным к негативному восприятию мира, в то время как Крош – сангвиник, оптимистичный и энергичный. Предлагая такую затею, он пытается физически изменить пессимистическое мировоззрение Ежика. Благодаря этому такой перевод успешно передает как буквальное значение шутки, так и игру с идиомой, сохраняя при этом характерные черты обоих персонажей. Это в том числе усиливает эмоциональность для большего воздействия на аудиторию новой культуры.

Рассказчик: Ежик решил пойти к кролику Крошу, чтобы встретить Новый год.

Ежик: Так сказать, сообща!

Закадровый голос рассказывает зрителю, что в стране Смешариков наступает Новый год и Ежик собирается к своему другу в гости, на что тот, глядя на зрителей, продолжает фразу рассказчика. В мультсериале этот фрагмент был переведен так

Narrator: Chico's on his way to Krash's house to kick off the New Year.

Chiko: I won't kick anyone.

В переводе используется прием создания, чтобы не только создать ощущение диалога между персонажем и рассказчиком, но и воспроизвести чувство недоразумения между персонажами и, как следствие, комический эффект. Игра слов строится на разнице между идиоматическим и буквальным значениями фразового глагола *kick off*.

Использование деформированной идиомы

Деформирование идиомы – это изменение устойчивого выражения с целью создания комического эффекта и усиления эмоционального воздействия.

Какое тяжелое у тебя настроение. Никак не поднять. Ну просто кол с минусом ему за поведение!

Наступила осень, и у Бараша совершенно пропало настроение. Чтобы попытаться его поднять, он решает пойти к Совунье пить чай. Но и это не помогает, на что она замечает:

Your disposition seems to be contagious. Nothing I do works. You can lead a sheep to tea, but you can't make him drink.

В русской культуре выражение кол с минусом вызывает ассоциации с крайне низкой отметкой, однако в англоязычной культуре нет аналогичной системы оценок, поэтому прямой перевод был бы непонятен для новой аудитории. Переводчик решил использовать прием создания и вписал во фразу деформированную идиому. Благодаря игре с известной идиомой *you can lead a horse to water, but you can't make it drink* создан узнаваемый образ и, в свою очередь, дополнительный комический эффект, который хорошо вписывается в англоязычную культуру. Он заменил *horse* на *sheep*, поскольку Бараш, к которому обращается Совунья, баран.

Выводы

На основе проанализированного эмпирического материала было показано, что при лингвокультурной адаптации переводчик в большинстве случаев (47%) использовал сленг и низкоразговорный стиль, а также игру слов (21%), так как благодаря этому текст становится максимально близок к культуре и языку принимающей культуры, но при этом не теряет своей функции.

Список источников

1. Алексеева И.С. Введение в перевод: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 137 – 156.
3. Калинина Л.В., Симонян А.Г. Мультсериал "Смешарики" как средство реализации направлений воспитания младших школьников // Начальное общее образование: вопросы развития, методического и кадрового обеспечения. 2023. С. 225 – 234.
4. Кузнецова О.Е., Большакова Е.В. Представления о русской народной сказке у младших школьников // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. Т. 29. № 2. С. 167 – 176.
5. Латышев Л.К.. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов // Образовательно-издательский центр «Академия». 2005. 159 с.
6. Марченко Т.В. Взаимодействие форм прецедентности в синестетических полимодальных единицах: мемы в чувствах и чувства в мемах // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 1. С. 210 – 224.
7. Подлегаева Е.П. Стилистические особенности аудиовизуальных текстов (на материале мультсериала "Смешарики") // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 3. С. 32 – 42.
8. Швейцер А.Д., Ярцева В.Н. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
9. Baker M. In other words: A coursebook on translation. Routledge, 2018. 390 p.
10. Baker M., Saldanha G. Adaptation Georges L. Bastin // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Routledge, 2009. P. 23 – 25.

References

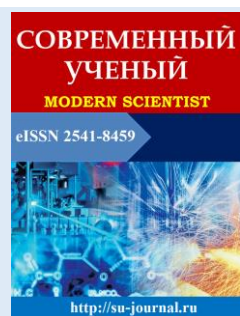
1. Alekseeva I.S. Introduction to Translation: a textbook. Moscow: Publishing Center "Academy", 2004. 352 p.
2. Eger G. Communicative and Functional Equivalence. Issues of Translation Theory in Foreign Linguistics. Moscow, 1978. P. 137 – 156.
3. Kalinina L.V., Simonyan A.G. The animated series "Smeshariki" as a means of implementing the directions of education of primary school students. Primary general education: issues of development, methodological and personnel support. 2023. P. 225 – 234.
4. Kuznetsova O.E., Bolshakova E.V. Concepts of Russian folk tales among primary school students. Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy". 2019. Vol. 29. No. 2. P. 167 – 176.
5. Latyshev L.K. Translation Technology: A Textbook for Students of Linguistics and Universities. Educational and Publishing Center "Academy". 2005. 159 p.
6. Marchenko T.V. Interaction of Precedent Forms in Synesthetic Polymodal Units: Memes in Feelings and Feelings in Memes. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2023. No. 1. P. 210 – 224.
7. Podlegaeva E.P. Stylistic Features of Audiovisual Texts (Based on the Animated Series "Smeshariki"). Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics. 2019. No. 3. P. 32 – 42.
8. Schweitzer A.D., Yartseva V.N. Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka, 1988. 215 p.
9. Baker M. In other words: A coursebook on translation. Routledge, 2018. 390 p.
10. Baker M., Saldanha G. Adaptation Georges L. Bastin. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Routledge, 2009. P. 23 – 25.

Информация об авторах

Леонова Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет

Гостева М.М., Тихоокеанский государственный университет

© Леонова Е.Н., Гостева М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.11-112

Грамматическая моделируемость фразеологических единиц в английском устном публичном дискурсе

¹ Гурьянова К.А., ¹ Павлова Ю.И.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию грамматической вариантности фразеологических единиц в английском устном публичном дискурсе и выявлению структурно-семантических моделей их трансформации. Особый интерес представляет функционирование грамматически трансформированных фразеологических единиц в устном дискурсе, так как модификации идиом часто используются с теми или иными прагматическими функциями, что подтверждает тезис о прагматической обусловленности грамматических трансформаций фразеологических единиц в публичной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена переходом от традиционной концепции немоделируемости фразеологических единиц к признанию их значительного трансформационного потенциала в современной лингвистике. Цель работы – систематизировать и описать механизмы грамматического варьирования фразеологических единиц в английском публичном дискурсе, выявить доминирующие модели трансформаций и определить их прагматико-стилистические особенности, провести статистический и стилистический анализ моделируемости фразеологических единиц в устном публичном дискурсе английского языка. Полученные нами результаты подтверждают основную гипотезу о том, что фразеологические единицы не являются «застывшими» образованиями, а напротив, обладают значительной грамматической моделируемостью, особенно в условиях устного публичного дискурса. Сравнение с данными о функционировании фразеологических единиц в письменном дискурсе показывает, что устная публичная речь характеризуется большей частотностью и разнообразием грамматических трансформаций, что объясняется спонтанностью, интерактивностью и ориентацией на непосредственное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: фразеологическая единица, моделируемость, вариантность, публичный дискурс

Для цитирования: Гурьянова К.А., Павлова Ю.И. Грамматическая моделируемость фразеологических единиц в английском устном публичном дискурсе // Современный ученый. 2026. № 4. С. 169 – 175.

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Grammatical variation of phraseological units in English oral public discourse

¹ Guryanova K.A., ¹ Pavlova Yu.I.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the study of grammatical variation of phraseological units in English oral public discourse and the identification of structural and semantic models of their transformation. Particular interest is the functioning of grammatically transformed phraseological units in oral public discourse exists since modifications of idioms are often used with various pragmatic functions. This confirms the thesis about the pragmatic conditionality

of grammatical transformations of phraseological units in public communication. The relevance of the research is due to the transition from the traditional concept of the non-modelability of phraseological units to the recognition of their significant transformational potential in modern linguistics. The purpose of the work is to systematize and describe the mechanisms of grammatical variation of phraseological units in English public discourse, to identify the dominant models of transformations and determine their functional features, to conduct a statistical, pragmatic and stylistic analysis of the modelability of phraseological units in the oral public discourse of the English language. Our results confirm the main hypothesis that phraseological units are not "frozen" formations, but, on the contrary, have significant grammatical modelability, especially in the context of oral public discourse. A comparison with data on the functioning of phraseological units in written discourse shows that oral public speech is characterized by a greater frequency and variety of grammatical transformations, which is explained by spontaneity, interactivity and a focus on direct impact on the audience.

Keywords: phraseological unit, modelability, variation, public discourse

For citation: Guryanova K.A., Pavlova Yu.I. Grammatical variation of phraseological units in English oral public discourse. Modern Scientist. 2026. 4. P. 169 – 175.

The article was submitted: October 28, 2025; Approved after reviewing: December 26, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Язык – это важнейшее средство общения, и как отмечают исследователи, его невозможно изучать в отрыве от его носителя, сегодня активно меняющего мир [1]. Устный дискурс представляет собой невероятно сложный феномен, меняющийся слишком быстро, чтобы ученые успевали выявить все существующие в нем закономерности. Сегодня помимо основного устного публичного дискурса стоит учитывать также и интернет-опосредованное общение, которое, по мнению части исследователей, можно и нужно относить к публичному дискурсу. Более того, как отмечают С.Г. Агапова, А.В. Полоян, интернет-опосредованный дискурс является своеобразным хранилищем языковой личности человека [2, с. 52]. Интернет-дискурс, как отмечают современные исследователи, стал новым пространством для использования языка, но при этом до сих пор недостаточно изучен, по крайней мере, с точки зрения лингвистики, реализации языка в данном пространстве, в частности – реализации потенциала языковых элементов в Интернет-дискурсе [3, с. 235].

Лексико-стилистический языковой портрет человека и сегодня представляет собой интересную и обширную область для лингвистических исследований. При накоплении достаточной в количественном отношении базы подобных языковых портретов появляется возможность для составления национального языкового портрета, региональных корпусов устного языка, что обуславливает *актуальность данного исследования*.

Данная работа представляет собой часть обширного лонгитюдного исследования фразеологических единиц (ФЕ) и их моделируемости в публичном дискурсе русского и английского языка, в которой мы сосредоточены на изучении грамматической моделируемости фразеологических единиц английского устного публичного дискурса. Выявление и описание закономерностей и специфики грамматической моделируемости английских фразеологических единиц в устной речи является *целью настоящего исследования*.

Задачами исследования являются систематизация подходы к изучению грамматической моделируемости фразеологических единиц в российской и зарубежной лингвистике; определение типов грамматических трансформаций фразеологических единиц в устном публичном дискурсе; анализ стилистических и прагматических функций грамматических вариаций фразеологизмов в публичной коммуникации в интернет-опосредованном публичном дискурсе.

Фразеологические единицы демонстрируют многоуровневую организацию, включающую взаимодействие семантических, синтаксических и прагматических параметров, что определяет их статус как одного из наиболее сложных объектов лингвистического анализа.

Традиционная фразеология отрицает возможность моделируемости ФЕ, так как в основе изучения ФЕ стояла теория о их неделимости (Амосова Н.Н., Чернышева И.И., Телия В.Н., Смирницкий А.И. и др.). Часть исследований и сегодня относит отдельные типы фразеологических единиц к «абсолютно неделимым», как например, фразеологические сращения, в которых, согласно устоявшейся теории, невозможны как синтаксические перестановки, так и семантические расширения [4, с. 54]: *kick the bucket* (пер. – умереть); *Kilkenny cats* (пер. – смертельные враги) и другие. Однако современные исследования убедительно демонстрируют противоположную тенденцию: фразеологические единицы обладают значительным транс-

формационным потенциалом и подчиняются определенным закономерностям структурно-семантического варьирования. Эмпирическим путем исследователи отмечают даже модели трансформаций во фразеологических сращениях: *kick the bucket – The awesome TV series that kept us riveted throughout the 2010s often employed the device of making us wonder just which **bucket would be kicked**. (Grunge / TV Deaths From The Past Decade We're Still Not Over 0:09); rain cats and dogs – Feels like it's gonna **rain like dogs and cats** later (Learn English with Papa Teach me 0:21) [5].*

Моделируемость фразеологических единиц активно исследуется в работах Ю.П. Солодуба, М.Ф. Палевской, А.Д. Райхштейна, И.Ю. Третьяковой и других ученых.

Современные исследования, основанные на корпусном анализе аутентичного дискурса, демонстрируют значительную вариативность фразеологических единиц на различных языковых уровнях. Мун подвергает сомнению концепцию абсолютной фиксированности и вводит понятие градуальной стабильности [6]. А. Начисчионе разрабатывает типологию трансформаций в дискурсе, выделяя расширенную метафору, фразеологический каламбур, искаженное употребление и фразеологическую аллюзию [7]. Wierzba и Brown в исследованиях подчеркивают, что вариативность следует определенным принципам и не является произвольной, в частности, в их исследованиях особое внимание уделяется композиционному подходу [8]. Khassanova приводит частотный анализ систематических трансформаций идиом в американской письменном публичном дискурсе, приходя к выводу, что отдельные единицы в модифицированном виде становятся более часто употребляемыми в Интернет-опосредованном дискурсе, в частности, в социальных сетях [9]. И. Ю. Третьякова обосновывает концепцию окказионального моделирования фразеологических единиц, рассматривая под «фразеологической моделью» их инвариантную базу [10, с. 202].

В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что существуют следующие виды моделируемости фразеологических единиц [11]:

1. Внутримодельная моделируемость – не нарушает семантическую структуру единиц, изменения отдельных компонентов ФЕ не приводят к изменениям значения самой единицы, а модифицируют лишь коннотативный аспект. К данному типу мы относим: (1) грамматическую вариантность, (2) лексическую вариантность, (3) количественную вариантность, (4) смешанную вариантность.

2. Межмодельная моделируемость – приводит к распаду семантической структуры исходной единицы и образованию новой. Здесь можно выделить (1) фразеологические антонимы, (2) диахронный эллипсис, (3) изменение направленности синтаксических связей между компонентами ФЕ, (4) межмодельный переход.

Грамматическая вариантность ФЕ проявляется через изменения структуры, которые могут включать: вариации между единственным и множественным числом; использование разных предлогов или артиклей; замену видов и форм глаголов, прилагательных, причастий; перестановку слов в составе конструкции; а также добавление, урезание или изменение суффиксов и префиксов.

В русском языке такое варьирование представлено значительно шире, чем в английском, что связано с различиями в морфологическом строе и синтаксическом типе обоих языков. В английской речи грамматические трансформации ФЕ встречаются реже из-за его аналитической природы: отсутствия падежей, сокращенных форм прилагательных и богатства глагольных морфем, а также из-за более жестких синтаксических связей. Кроме того, в английском доминирует фиксированный порядок слов S-V-O, исторически обусловивший стабильность расположения компонентов внутри фразеологизмов.

Выбор грамматических вариантностей фразеологических единиц обусловлен тем, что грамматика языка сама по себе наиболее устойчива как конструкт, однако тем не менее грамматический пласт вариаций фразеологических единиц является достаточно обширным (28% грамматических моделей вариантности были выделены среди фразеологических единиц русского публичного дискурса, и 20% моделей в английском публичном дискурсе). Как метко отмечает М.Н. Эпштейн, «грамматика более консервативна, чем лексика», однако именно данный факт вызывает особый интерес в изучении грамматический «аномалий», как называет их ученый [12, с. 119].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследований послужил англоязычный публичный дискурс, мидийный дискурс, выступления англоязычных публичных деятелей и корпусные данные из British National Corpus (BNC) и American National Corpus (ANC). Всего на данный момент нами проанализировано 1223 фразеологических единиц, встречающихся в публичном устном дискурсе, включая 935 трансформированных единиц.

В данном исследовании использовались следующие методы: корпусный метод с использованием видеоматериалов, как основной метод исследования, позволяющий выявить реальные случаи функционирования фразеологических единиц в устном дискурсе; сбор и анализ языковых данных из видеоматериалов; дескриптивно-аналитический метод для классификации и последующего описания типов грамматической ва-

риативности фразеологических единиц; контекстологический метод для анализа функционирования фразеологических единиц и моделей их трансформаций в конкретных дискурсивных условиях.

Результаты и обсуждения

Наше исследование посвящено изучению поведения английских фразеологических единиц в устном публичном дискурсе. В обширном пласте изученных единиц нами были отобраны 335 фразеологических единиц (за период 2021-2022 гг.), моделированных тем или иным образом в речи носителей языка.

Выполненный анализ позволил выявить основные факторы, обуславливающие трансформации фразеологических единиц, среди которых одной из наиболее распространенных является речевая погрешность, неточное воспроизведение лексических компонентов, их контаминация или взаимозамещение в результате недостаточного владения нормативной формой ФЕ. Стилистическая обусловленность трансформаций включает несколько направлений: эвфемистическая модификация предполагает замену грубых, просторечных или архаичных элементов на стилистически нейтральные литературные эквиваленты; экспрессивная – реализуется через внедрение более эмоционально насыщенной лексики, включая обсценную; контекстуальная адаптация осуществляется посредством введения синонимических, антонимических замен, культурных аллюзий. Важное место занимает этимологическая реинтерпретация – преобразования, вызванные ложной этимологизацией компонентов ФЕ, приводящей к их структурно-семантической модификации в соответствии с предполагаемым, но неверным происхождением.

Анализ показал, что для английского языка более характерна количественная вариантность во внутри-модельной системе вариантности.

В связи с аналитическим характером английского языка грамматическое варьирование реализуется преимущественно через:

- изменение порядка слов (инверсия);
- суффиксацию (включая продуктивный суффикс -ish);
- варьирование предлогов;
- модификацию артиклей;
- использование вспомогательных частей речи.

Инверсионная модель предполагает изменение традиционного порядка компонентов с различными стилистическими и прагматическими целями:

- для акцентуации образной составляющей ФЕ: *a stone's throw away – a throw stone away from us* (TopTenz 21:19); *raise (one's) eyebrows – She had no idea of how high those eyebrows will rise* (TopTenz 23:13);
- изменение порядка слов с разрывом структуры сложного или составного глагола *put in a good word for smb – If he never would have put a good word in for me* (Understood. Thriving with Dyslexia 2:28) – изменение последовательности синтаксической структуры в следствие ошибки; *put down the roots – And refugee farmers put roots down in their new home* (Iowa PBS. Market to Market 0:15) – стилистическая инверсия, придающая большую эмоциональную окраску речи говорящего.

- обратный порядок употребления сложноподчиненного предложения с изменением порядка положения главной части предложения (main clause) и зависимой части (subordinate clause): *When in Rome, do as Romans do – maybe not doing as the Romans do when in Rome* (Howard Community College – It's all in a Name 30:31). Во втором случае происходит акцентуация образности единицы, с выделением частицы *not*, что подчеркивает общую образность речи говорящего.

Инверсии в грамматической моделируемости фразеологических единиц зачастую несут в себе в первую очередь стилистические функции, такие как неформализация дискурса, акцентуация внимания на том или ином компоненте, функция языковой образности.

Модель суффиксального варьирования. Для английского языка, в связи с его аналитичностью, характерно варьирование грамматического значения при помощи предлогов, артиклей, вспомогательных частей речи, тогда как для русского языка суффиксальная модель является крайне частотной – в отличие от английского. Тем не менее, нами было выделено 3% примеров употребления уменьшительных суффиксов в английских ФЕ:

- *Pandora's box – Pandora's box... ish* (How Far is Too Far? | The Age of A.I. YouTube Originals 1:21), в данном примере наблюдается характерное для устного дискурса создание окказиональной вариации (nonce word).

- *Frankenstein (monster) – And what becomes really weird out of this Frankenstein-ish experiment is that what benefits the most is the on-road driving* (Edmund's Cars – 2021 Jeep Wrangler Rubicon 10:39).

Суффикс -ish сегодня является популярным окказионализмом, в частности, в американском устном публичном и художественном дискурсах. Данный суффикс приобретает грамматическое значение наряду с се-

мантическим: его употребление встречается не только с прилагательными, но и с глаголами, например: «I jumped! Well, ish». Употребление данного суффикса приводит к деформализации дискурса, выполняет функцию языковой креативности.

Предложная модель представлена в английском языке более обширным спектром примеров (25% от общего количества грамматических модификаций), что подтверждает аналитический характер грамматических связей:

- изменение предлога *of* на предлог *at* влечет за собой изменение семантики, что позволяет дополнить и расширить значение исходной единицы: *a second bite of an apple – a second bite at the apple of something that was denied* (DailyVee 35:16)

- изменение семантики единицы за счет замены предлога *round* на предлог *around*: *going round in circles – We've got a problem, they has been literally going around in circles* (Blue Mars 3:12).

Варьирование предлогов в единицах приводит к переходу от формального к неформальному регистру коммуникации, выполняет функцию языковой образности.

Варьирование артикля.

- взаимозаменяемые артикли являются особенностью устной английской речи, процент их использования составляет до 23%: *the tip of the iceberg – I think that words are like a tip of an iceberg* (Give Birth Like a Feminist | Milli Hill | Talks at Google 9:31); встречаются так же частые случаи, когда артикль опускается в речи: *a Pyrrhic victory – his victory was almost Pyrrhic* (Ravi Zacharias & Dr. Vince Vitale | Talks at Google 20:51);

- В части исследуемых нами примеров мы отмечаем стилистико-прагматические особенности варьирования артиклей, как например: *The elephant in the room – It's kind of like an elephant in a room: you have to have societal impact* (Matt P. Wolf The Changing Ways 55:01). Каноническая ФЕ представляет устоявшуюся метафору для обозначения очевидной, но намеренно игнорируемой проблемы, тогда как модель имеет оттенок сниженной категоричности проблемы, неопределенность создает более мягкую, менее конфронтационную тональность речи.

Модель вариативности по числу субстантивного компонента является наиболее распространенной в английском публичном дискурсе (35% от грамматических трансформаций):

- изменения множественного числа на единственное *good old days – They don't care about you having a nice, good old day at work* (The Financial Diet. Secrets Of The NYC Real Estate Market 6:54); *Fall on deaf ears – I have a workman comp's case that have fallen on deaf ear* (Help for Homeowners in the hardest hit 42:28).

- изменения единственного числа на множественное *put a good face on – put good faces on* (Best of the week J.Rogan 30:16); *sit on the fence – Clay was a man so determined to sit on the fences of any debate* (Geographics. Gettysburg 6:22).

Варьирование числа субстантивного компонента является мощным инструментом языковой образности и стилистической окрашенности речи, зачастую не упрощая дискурс, а напротив – делая речь более возвышенной и формальной.

Выводы

Исследование грамматической вариантности ФЕ в английском публичном дискурсе демонстрирует системный характер трансформационных процессов, подчиняющихся определенным структурно-семантическим закономерностям. Несмотря на относительно ограниченный спектр грамматических трансформаций в английском языке, обусловленный его аналитическим строем, выявленные модели (числового, предложного, суффиксального и инверсионного варьирования) представляют продуктивные механизмы адаптации ФЕ к современным дискурсивным практикам.

Проанализировав значительный пласт единиц устного публичного дискурса, мы приходим к выводу, что трансформации ФЕ базируются на когнитивных процессах концептуального блендинга и метафорического переосмысления. Регулярность трансформационных процессов предопределена аналоговыми процессами мышления и интерпретации приобретенного знания.

Грамматические трансформации ФЕ в публичном дискурсе выполняют различные прагматические функции – стилистическую, в создании эвфемистических вариантов через замену грубых компонентов на более приемлемые; экспрессивную функцию, через усиление эмоциональной окраски через модификацию грамматической структуры; контекстуальную – адаптация ФЕ к конкретному дискурсивному контексту.

Список источников

1. Сопова И.В. Фразеология и лингвокультура в формате политического дискурса // Сетевой журнал «Научный результат». Серия: «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 53 – 57. DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-53-57
2. Агапова С.Г., Полоян А.В. Интернет-дискурс: основные жанры и особенности их исследования // Известия Южного Федерального Университета. Филологические науки. 2016. № 20. С. 52 – 58.
3. Доброва М.С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русско-язычного интернета // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 233 – 246. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246>
4. Гранкина Л.А. Типы фразеологизмов с точки зрения семантической устойчивости (слитности) их компонентов на примере английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 54 – 56.
5. Башкирова К.А. Моделируемость фразеологических единиц в дискурсе публичной коммуникации в русском и английском языках: дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 2022. 177 с.
6. Moon R. Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
7. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.
8. Wierzbica M., Brown J., Fanselow G. Sources of variability in the syntactic flexibility of idioms // Glossa: a journal of general linguistics. 2023. № 8(1). P. 1 – 40. DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.8502>
9. Khassanova M. Decoding idiom change: Root form and frequency analysis of transformed idioms in American mass media // Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras. 2024. P. 147 – 168. DOI: 10.30827/portalin.viXI.31185.
10. Третьякова И.Ю. Аспекты моделирования современной фразеологии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 200 – 203.
11. Гурьянова К.А., Гурьянов И.О. Качественный и количественный анализ фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке и их моделируемость в устном и письменном публичном тексте // Фразеология на пересечении культур: опыт Казанской фразеологической школы: коллективная монография. Казань: Издательство Казанского университета, 2025. 192 с.
12. Эпштейн М.Н. Грамматические аномалии как потенции: о системно-проективном подходе к языку // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2023. С. 117 – 130.

References

1. Sopova I.V. Phraseology and linguaculture in the format of political discourse. Online journal "Scientific Result". Series: "Problems of theoretical and applied linguistics". 2016. Vol. 2. No. 1 (7). P. 53 – 57. DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-53-57
2. Agapova S.G., Poloyan A.V. Internet discourse: main genres and features of their study. Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2016. No. 20. P. 52 – 58.
3. Dobrova M.S. Implementation of the functions of phraseological units in the discursive space of the Russian-language Internet. Russists. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 233 – 246. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-233-246>
4. Grankina L.A. Types of phraseological units from the point of view of semantic stability (fusion) of their components using the English language as an example. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2012. No. 5 (16). P. 54 – 56.
5. Bashkirova K.A. Modelability of phraseological units in the discourse of public communication in Russian and English: diss. ... Cand. of Philology. Kazan, 2022. 177 p.
6. Moon R. Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
7. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse Amsterdam. Philadelphia: John Ben-jamins Publishing Company, 2010. 292 p.
8. Wierzbica M., Brown J., Fanselow G. Sources of variability in the syntactic flexibility of idioms. Glossa: a journal of general linguistics. 2023. No. 8 (1). P. 1 – 40. DOI: <https://doi.org/10.16995/glossa.8502>

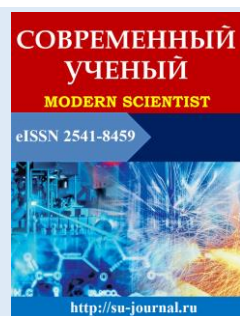
9. Khassanova M. Decoding idiom change: Root form and frequency analysis of transformed idioms in American mass media. *Porta Linguarum Revista Interuniversitaria de Didáctica de las Lenguas Extranjeras*. 2024. P. 147 – 168. DOI: 10.30827/portalin.viXI.31185.
10. Tretyakova I.Yu. Aspects of Modeling Modern Phraseology. *Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov*. 2009. No. 4. P. 200 – 203.
11. Guryanova K.A., Guryanov I.O. Qualitative and Quantitative Analysis of Phraseological Units of Biblical Origin in the English Language and Their Modelability in Oral and Written Public Text. *Phraseology at the Intersection of Cultures: Experience of the Kazan Phraseological School: Collective Monograph*. Kazan: Kazan University Publishing House, 2025. 192 p.
12. Epstein M.N. Grammatical anomalies as potentials: on the systemic-projective approach to language. *Discourse and language in the era of “big data”: Variability, creativity, experiment: Collection of scientific articles*. Ed. I.V. Zyкова. Moscow: R.Valent, 2023. P. 117 – 130.

Информация об авторах

Гурьянова К.А., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, s.b-carina@yandex.ru

Павлова Ю.И., старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, julie.argentum@gmail.com

© Гурьянова К.А., Павлова Ю.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.351.42

Некоторые особенности фонетических процессов гласных в итум-калинском диалекте чеченского языка

¹ Сосаева А.К.

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Аннотация: статья посвящена анализу специфики функционирования гласных в фонетической системе итум-калинского диалекта чеченского языка. В рамках работы выявляются и описываются специфические особенности реализации гласного у в различных фонетических условиях, а также детально анализируются преобразования, которым он подвергается в процессах словоизменения существительных и глаголов. Анализ полученного языкового материала показывает, что итум-калинский диалект обладает рядом устойчивых и системно проявляющихся фонетических особенностей. Полученные результаты позволяют более точно очертить фонетический облик итум-калинского диалекта и вносят существенный вклад в углублённое понимание механизмов исторической эволюции вокалической системы чеченского языка.

Ключевые слова: чеченский язык; итум-калинский диалект; фонетические особенности диалекта, звук, монофтонг, дифтонг, вокал, палатализация

Для цитирования: Сосаева А.К. Некоторые особенности фонетических процессов гласных в итум-калинском диалекте чеченского языка // Современный ученый. 2026. № 4. С. 176 – 182.

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Some features of phonetic processes of vowels in the Itum-Kala dialect of the Chechen language

¹ Sosaeva A.K.

¹ A.A. Kadyrov Chechen State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the specifics of vowel functioning in the phonetic system of the Itum-Kala dialect of the Chechen language. The paper identifies and describes the specific features of the implementation of the vowel in various phonetic conditions, as well as analyzes in detail the transformations it undergoes in the processes of inflection of nouns and verbs. The analysis of the obtained linguistic material shows that the Itum-Kali dialect has a number of stable and systematically manifested phonetic features. The results obtained make it possible to more accurately outline the phonetic appearance of the Itum-Kala dialect and make a significant contribution to an in-depth understanding of the mechanisms of the historical evolution of the vocal system of the Chechen language.

Keywords: the Chechen language; Itum-Kala dialect; phonetic features of the dialect, sound, monophthong, diphthong, vocal, palatalization

For citation: Sosaeva A.K. Some features of phonetic processes of vowels in the Itum-Kala dialect of the Chechen language. Modern Scientist. 2026. 4. P. 176 – 182.

The article was submitted: October 28, 2025; Approved after reviewing: December 26, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Диалектные формы языка представляют собой специфические компоненты его общей структуры, в которых сохраняются и проявляются архаические элементы, значимые как для реконструкции исторического развития языковой системы, так и для понимания социокультурной эволюции её носителей. Изучение диалектов занимает центральное место в лингвистических исследованиях, поскольку именно анализ территориально разграниченных разновидностей позволяет выявить закономерности функционирования языка и раскрыть внутренние механизмы его изменения. Рассмотрение диалектных расхождений уточняет представления о становлении грамматической и лексической подсистем и проясняет процессы, лежащие в основе исторической динамики языка.

Кроме того, обращение к диалектному материалу позволяет реконструировать прошлые стадии языкового развития, проследить динамику культурных контактов и изменения геолингвистического ареала. В этом смысле изучение диалектов выступает одной из ключевых задач описательной лингвистики, поскольку именно диалекты сохраняют элементы, постепенно утрачиваемые в условиях стандартизации и глобализации. Учитывая тенденцию к сокращению сфер их функционирования, исследование диалектных систем приобретает особую актуальность и научную значимость.

В работе анализируется фонетика итум-калинского диалекта чеченского языка, отличающегося вариативностью звуковых процессов. Этот диалект интересен сохранением архаичных фонетических черт, утраченных в литературном языке. Исследование фокусируется на изменениях согласных сочетаний и фонетических особенностях формообразования. Анализ основан на полевых наблюдениях и материалах чеченской диалектологии.

Полевые исследования позволили зафиксировать функционирование фонетических явлений в естественных условиях и охарактеризовать актуальные речевые процессы, свойственные данному диалектному ареалу.

Применение сравнительно-сопоставительного анализа обеспечило возможность установить и обосновать различия между фонетическими системами литературного чеченского языка и итум-калинского, шатойского и чеберловского диалектов, что позволило сформулировать проверяемые и аргументированные выводы.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых характеристик вокализма указанного диалекта и определении его места в общей системе чеченских диалектов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного сопоставления функционирования гласных фонем с литературной нормой чеченского языка.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы опубликованные научные работы, посвящённые чеченскому языку и его диалектам. Основные направления научных публикаций, которые берутся за основу: труды по общей фонетике и фонологии нахских языков (в частности, чеченского), работы посвященные диалектологии чеченского языка, а также научные статьи по частным вопросам фонетики и фонологии кавказских языков. Методологической основой исследования является системный подход, включающий методы наблюдения, описания, анализа и классификации языковых фактов. При анализе фонетических процессов применялись методы аудиторского анализа, инструментальной фонетики и статистической обработки данных, полученных на основе анализа научных публикаций. Результаты анализа были интерпретированы с учетом современных положений теории фонетики и фонологии.

Результаты и обсуждения

В целом фонетическая организация итум-калинского диалекта обнаруживает значительную корреляцию с системой звуков современного литературного чеченского языка, одновременно сохраняя ряд характерных структурных особенностей, отличающих его от общелитературной нормы. Однако в ряде лексических единиц, а также при формировании отдельных грамматических форм наблюдаются специфические фонетические особенности, отличающие данный диалект от литературной нормы. Так, в ряде существительных, характерных для итум-калинской речевой традиции, гласный «у», стоящий во втором слоге, демонстрирует устойчивость своей артикуляционной природы и не редуцируется в «а», даже при наличии лабиализован-

ного гласного «а» в предыдущем слоге [12, с. 102]. В литературном чеченском языке в аналогичных фонетических условиях, как показывают наблюдения С-Х.С-Э. Ирезиева [3, с. 4724-4731], обычно отмечается редукция соответствующего вокала. Ниже приводятся иллюстративные примеры:

Литературный язык:

кадам «соболезнование»

цлоцIкъам «бровь»←цлоцIкъум←цIацIкъум

Итум-калинский диалект:

кодум←кадум←кадам

цлоцIум←цIацIум←цIацIам.

Анализ речи носителей Итум-Калинского диалекта показал, что гласный "и" в форме множественного числа существительных сохраняет свою четкость и не редуцируется до "а", даже при палатализации [1, с. 100]. Это контрастирует с литературным чеченским, где обычно происходит редукция до "а". Наглядное подтверждение данного различия представляют следующие примеры:

Литературный язык:

мехкаш «страны»←махк-и-ш

Итум-калинский диалект:

мехкиш←махк-и-ш

Сходные фонетические расхождения фиксируются и в других именах существительных, например: бIоуниш «башни», Iуьргиш «отверстия». Для сравнения: в литературной чеченской норме они реализуются как бIаьниш, Iуьргаш.

Для итум-калинского диалекта характерно изменение качественных характеристик гласного в формах множественного числа ряда существительных, тогда как в литературном чеченском языке соответствующий вокал, напротив, сохраняет свою исходную артикуляционную форму [8, с. 12]. В особенности примечательно, что под воздействием палатализационных процессов в диалектной речи дифтонг «уо» последовательно трансформируется в последовательность «уоь», тогда как в нормативной литературной системе подобная фонетическая модификация не фиксируется:

Литературный язык:

ед. ч. куог «нога»

мн. ч. куогаш

Итум-калинский диалект:

куог

куоьгаш←куоьг-и-ш.

Аналогичная фонетическая закономерность проявляется и в структуре форм именительного падежа существительных.

Литературный язык:

доула «молитва»

Итум-калинский диалект:

доьла

Наиболее выраженное отличие данного диалекта наблюдается в системе глагольного словообразования, прежде всего – при формировании форм будущего фактического времени. Если в литературном чеченском языке при создании этой глагольной формы из аффикса -риг регулярно утрачивается финальный элемент -иг (Ирезиев, 2024), то в итум-калинском диалекте процесс развивается по иному типу: здесь редукции подвергается начальный компонент ри-, в результате чего в форме сохраняется лишь элемент -г.

Литературный язык:

кхиѣтар ву «буду понимать»←кхиѣтар-иг ву

хуьцур ду «будет менять»←хуьцур-иг ду

Итум-калинский диалект:

кхиѣтаг ву←кхиѣта-ри-г ву

хуьцаг ду←хуьцур-ри-г ду

Наличие первоначальной формы аффикса -риг подтверждается данными чеберловского диалекта, в котором этот формант сохранился в исходном виде и продолжает функционировать без структурных изменений. Именно поэтому обращение к чеберловскому материалу позволяет реконструировать изначальное состояние аффикса будущего фактического времени. В этой связи показательно замечание А.Г. Мациева, который отмечал: «В чеберловском диалекте форма будущего определённого времени образуется при помощи суффикса -риг, коррелирующего с чеченским -р и ингушским -рг» (1965, с. 65).

кхуьссуриг ду «будет бросать»

хьиѣхуриг ду «будет учить»

кхиѣхуриг ду «будет носить»

сацуриг ву «остановится»

В итум-калинском диалекте редукционные процессы, затрагивающие аффикс -риг, охватывают не только его гласный элемент, но и согласный компонент, что в итоге приводит к полной утрате сочетания -ри. Указанная фонетическая закономерность наиболее ярко проявляется при образовании форм самостоятельных причастий. В литературном чеченском языке развитие соответствующего аффикса происходило по иной траектории: историческая редукция затронула лишь гласный -у, вследствие чего в современном языке функционирует суффикс -рг. В итум-калинском ареале наблюдается более глубокий уровень редукции, в результате чего причастные формы образуются с использованием суффикса -г. Ср. примеры:

Литературный язык

вѣхарг «живущий» ← *вѣхариг*

тиѣкхарг «ползающий» ← *тиѣкхариг*

Итум-калинский диалект

вѣхаг ← *вѣхариг*

тиѣкхаг ← *тиѣкхариг*

В речи носителей итум-калинского диалекта фиксируется ряд характерных фонетических процессов, связанных с модификацией вокализма при формировании глагольных временных форм. Согласно наблюдениям А. Г. Магомедова и других исследователей, в литературном чеченском языке для глаголов первой группы типична регулярная лабиализация гласных а, â, â в первом (предшествующем) слоге под воздействием аффикса настоящего времени *и* [5, с. 170]. Данная фонетическая тенденция приводит к закономерной трансформации обозначенных вокалов по следующим моделям: а → о, â → оа, â → ô.

Указанные фонетические преобразования в литературном чеченском языке последовательно реализуются при формировании форм настоящего времени, прошедшего неопределённого времени, а также при образовании причастий и деепричастий настоящего времени.

В итум-калинском диалекте наблюдается иная картина: лабиализация перечисленных гласных последовательно проявляется преимущественно в причастных и деепричастных формах, тогда как в личных временных формах глагола данный процесс, характерный для литературного чеченского языка, практически не осуществляется.

инфинитив	<i>такха</i> ^и «возместить»	<i>такха</i> ^и
наст. время	<i>токха</i> ← <i>такх-у</i>	<i>такха</i> ← <i>такх-у</i>
прош. несов. вр.	<i>токха-ра</i> ← <i>такх-у-ра</i>	<i>такха-ра</i> ← <i>такх-у-ра</i>
прич. наст. вр.	<i>токхан</i> ← <i>такх-ун</i>	<i>токхан</i> ← <i>такх-ун</i>
дееприч. наст. вр.	<i>токха-ш</i> ← <i>такх-у-ш</i>	<i>токха-ш</i> ← <i>такх-у-ш</i>

Представляется, что природа данного фонетического процесса обусловлена особенностями функционирования гласного второго слога (V2). Как указывает А. Д. Тимаев, этот вокал демонстрирует повышенную артикуляционную стабильность в позиции закрытого слога. По наблюдениям исследователя, именно такая позиционная устойчивость усиливает его влияние на предшествующий гласный: «В закрытом слоге гласный второго компонента оказывает более выраженное воздействие на гласный первого» [7, с. 98].

В тех случаях, когда инфинитивная основа включает первичные гласные и, й, ие, иѐ, в итум-калинском диалекте они неизменно сохраняют свои исходные качественные свойства при образовании форм настоящего времени. Такая артикуляционная стабильность указывает на отсутствие ассимилятивного воздействия со стороны гласного второго слога, реализуемого в аффиксе настоящего времени *-у*, на предшествующие вокалические элементы [11, с. 78].

Следует особо подчеркнуть, что данные первичные гласные в итум-калинском диалекте сохраняют свою первоначальную артикуляционную конфигурацию и не претерпевают каких-либо изменений. Подобная стабильность вокализма существенно отличает диалектную систему от литературного чеченского языка, где соответствующие позиции обычно демонстрируют устойчивые и предсказуемые фонетические трансформации.

Как показывают данные специализированных исследований, в литературном чеченском языке исходные гласные первого слога в ряде грамматических форм систематически подвергаются лабиализующему воздействию гласного *у*, расположенного во втором слоге. Эта ассимиляционная тенденция приводит к устойчивым фонетическим изменениям: звук и преобразуется в уѣ, долгий й – в ѣѣ, сочетание ие – в уоѣ, а иѐ – в уѐѣ.

Временные формы	Литературный язык	Итум-калинский диалект
инфинитив	<i>кхиѐра</i> ^и «бояться»	<i>кхиѐра</i> ^и
наст. время	<i>кхуѐбра</i> ← <i>кхиѐр-у</i>	<i>кхиѐра</i> ← <i>кхиѐр-у</i>
прош. несов. вр.	<i>кхуѐбра-ра</i> ← <i>кхиѐр-у-ра</i>	<i>кхиѐра-ра</i> ← <i>кхиѐр-у-ра</i>
прич. наст. вр.	<i>кхуѐбран</i> ← <i>кхиѐр-у</i> ^и	<i>кхиѐран</i> ← <i>кхиѐра-у</i> ^и
дееприч. наст. вр.	<i>кхуѐбра-ш</i> ← <i>кхиѐр-у-ш</i>	<i>кхиѐра-ш</i> ← <i>кхиѐр-у-ш</i>
инфинитив	<i>литта</i> ^и «цедить»	<i>литта</i> ^и
наст. время	<i>луйтта</i> ← <i>литт-у</i>	<i>литта</i> ← <i>литт-у</i>
прош. несов. вр.	<i>луйтта-ра</i> ← <i>литт-у-ра</i>	<i>литта-ра</i> ← <i>литт-у-ра</i>
прич. наст. вр.	<i>луйтта</i> ^и ← <i>литт-у</i> ^и	<i>литта</i> ^и ← <i>литт-у</i> ^и
дееприч. наст. вр.	<i>луйтта-ш</i> ← <i>литт-у-ш</i>	<i>литта-ш</i> ← <i>литт-у-ш</i>

Подобные трансформации отражают длительную и последовательную фонетическую перестройку, характерную для литературной нормы чеченского языка, и демонстрируют устойчивые механизмы исторической адаптации вокализма к внутренним законам языка и его функциональным потребностям [10, с. 360].

В литературном чеченском перечисленные фонетические изменения регулярны и системны, проявляются в разных частях речи. Итум-Калинский диалект, напротив, сохраняет более ранние фонетические модели, демонстрируя архаичный вокализм [4, с. 92]. Эта консервативность подчеркивает роль диалекта в истории чеченского языка. Сохраненные древние звуковые характеристики делают его важным для реконструкции ранних этапов развития чеченской и других нахских языков.

В итум-калинском диалекте глагольные формы с дифтонгом уо демонстрируют особый фонетический механизм, отличающийся от литературной нормы чеченского языка. Если в литературном варианте под воздействием аффикса и, участвующего в образовании форм прошедшего времени, дифтонг уо подвергается палатализации и преобразуется в уоь (уо → уоь), что подробно зафиксировано в научных описаниях, то в итум-калинском ареале данный процесс протекает иначе [3, с. 4730].

Помимо самой палатализации, в данной позиции фиксируется и дополнительное артикуляционное сужение дифтонга. Вследствие совокупного воздействия этих процессов дифтонг уо трансформируется не в уоь, как это наблюдается в литературном чеченском языке, а в более узкий вокалический вариант – уь (уо → уь), что наглядно отражено в табл. 1.

Таблица 1

Формы прошедших времен.

Table 1

Past tense forms.

Временные формы	Литературный язык	Итум-калинский диалект
инфинитив	<i>xIyotma</i> "встать"	<i>xIyutma</i>
т. ч. пр. вр.	<i>xIyootti</i> ← <i>xIyotmi</i>	<i>xIyutti</i> ← <i>xIyotmi</i>
пр. оч. вр.	<i>xIyootтира</i> ← <i>xIyotтира</i>	<i>xIyutтира</i> ← <i>xIyotтира</i>
пр.н. вр.	<i>xIyootтина</i> ← <i>xIyotтина</i>	<i>xIyutтина</i> ← <i>xIyotтина</i>
д. пр. вр.	<i>xIyootтиниёра</i> ← <i>xIyotтиниёра</i>	<i>xIyutтиниёра</i> ← <i>xIyotтиниёра</i>

В формах прошедшего времени тех глаголов, чьи инфинитивные основы содержат полудолгую гласную «â», в итум-калинском диалекте отмечается характерное фонетическое преобразование. Находясь в позиции закрытого слога, этот вокал подвергается палатализационному влиянию и при формировании соответствующих временных форм последовательно переходит в «е» [9, с. 200]. В литературном чеченском языке аналогичная палатализация полудолгой â приводит к иному результату: вместо перехода в е наблюдается её последовательное изменение в фонему «аь», что подтверждается данными, представленными в табл. 2.

Таким образом, оба языковых варианта демонстрируют палатализацию исходной гласной, однако пути её фонетической эволюции в прошедшем времени существенно расходятся.

Таблица 2

Формы прошедших времен.

Table 2

Past tense forms.

Временные формы	Литературный язык	Итум-калинский диалект
инфинитив	<i>dâkxkxa</i> "отнять"	<i>dâkxkxa</i>
т. ч. прош. вр.	<i>dâkxkxi</i> ← <i>dâkxkxi</i>	<i>dekxkxi</i> ← <i>dâkxkxi</i>
пр. оч. вр.	<i>dâkxkхира</i> ← <i>dâkxkхира</i>	<i>dekxkхира</i> ← <i>dâkxkхира</i>
пр.неопр. вр.	<i>dâkxkхина</i> ← <i>dâkxkхина</i>	<i>dekxkхина</i> ← <i>dâkxkхина</i>
давл. пр. вр.	<i>dâkxkхиниёра</i> ← <i>dâkxkхиниёра</i>	<i>dekxkхиниёра</i> ← <i>dâkxkхиниёра</i>
инфинитив	<i>kxâlla</i> "закусить"	<i>kxâlla</i>
т. ч. прош. вр.	<i>kxâlli</i> ← <i>kxâlli</i>	<i>kxelli</i> ← <i>kxâlli</i>
прош. оч. вр.	<i>kxâллира</i> ← <i>kxâллира</i>	<i>kxelliра</i> ← <i>kxâллира</i>
прош.неопр.в.	<i>kxâллина</i> ← <i>kxâллина</i>	<i>kxelliна</i> ← <i>kxâллина</i>
давл. пр. вр.	<i>kxâллиниёра</i> ← <i>kxâллиниёра</i>	<i>kxelliниёра</i> ← <i>kxâллиниёра</i>

В итум-калинском диалекте прослеживается исторический процесс утраты ларингального согласного в корневой морфеме ряда глаголов, в результате чего их основы редуцировались до односложных форм [6, с. 47]. В литературном чеченском языке ситуация иная: соответствующий ларингальный абруптивный согласный ь продолжает функционировать и устойчиво сохраняется в тех же глагольных основах.

В результате исчезновения данного согласного в итум-калинском ареале произошло стяжение двух соседних гласных, что привело к формированию долгого гласного "â" [2, с. 473]. Таким образом, различие между двумя языковыми вариантами отражает разные этапы фонетической эволюции глагольных основ.

Литературный язык	Итум-калинский диалект
хаъа ^н «знать»	хă ^н ← ха + а ^н ← хаъа ^н
лаъа ^н «хотеть»	лă ^н ← ла + а ^н ← лаъа ^н .

В исследуемых глагольных основах выявляются также существенные расхождения в способах формирования временных форм. Для литературного чеченского языка типична регрессивно-дистантная ассимиляция, при которой артикуляционное воздействие последующего звука распространяется на предшествующий на определённую дистанцию. В итум-калинском диалекте, напротив, в аналогичных условиях доминирует контактный тип ассимиляции, предполагающий уподобление исключительно между непосредственно смежными звуковыми сегментами.

Выводы

Анализ итум-калинского диалекта показал, что его фонетическая система сохраняет значительный пласт архаических явлений, которые в литературной норме либо подверглись глубокой трансформации, либо полностью утратили свою продуктивность. Особую значимость имеют выявленные особенности в организации согласных сочетаний и в функционировании гласных, оказывающих непосредственное влияние на процессы грамматического формообразования.

В Итум-Калинском диалекте вокалическая система отличается от литературной нормы. Гласный "у" во втором слоге устойчив к редукции, в отличие от литературного языка. Суффиксальный "и" в форме множественного числа не редуцируется. Дифтонг "уо" под влиянием палатализации переходит в "уоь", что не характерно для литературного чеченского.

В глагольной системе Итум-Калинского диалекта также выделяется ряд особенностей: исходные гласные инфинитивов (и, й, ie, иё) сохраняют свою форму при словоизменении, в то время как аффиксальный "у" стабильно редуцируется до "а". Это является ключевой фонетической чертой, подчеркивающей консервативность диалекта.

Поскольку значительная часть явлений, характеризующих чеченские диалекты, всё ещё остаётся недостаточно изученной, дальнейшее развитие исследований в этом направлении представляется особенно важным для углубления сведений о диалектной вариативности, исторической фонетике и морфологической организации языка. Проведённая работа не только расширяет имеющийся научный материал по чеченскому языку, но и подчёркивает фундаментальное значение диалектного многообразия для осмысления культурной динамики, исторических процессов и основных принципов функционирования языковой системы в целом.

Список источников

1. Алироев И.Ю., Тимаев А.Д., Овахдов М.Р. Введение в нахское языкознание. Грозный: ИНФО, 1998. 106 с.
2. Иреzieв С.С. Некоторые фонетические расхождения в структуре имен существительных чеченского и ингушского языков // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 472 – 474.
3. Иреzieв С.-Х.С.-Э. Морфонологические и фонетические особенности итум-калинского диалекта чеченского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4724 – 4731.
4. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. 247 с.
5. Магомедов А.Г. Очерки фонетики чеченского языка. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2005. 208 с.
6. Сосаева А.К. Некоторые особенности итум-калинского диалекта // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 3 (35). С. 43 – 53.
7. Тимаев А.Д. Об одном типе контактной и регрессивно-дистанционной ассимиляции гласных в нахских языках и диалектах чеченского языка (лабиализация с сужением) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 3(32). С. 94 – 98.
8. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика. Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2011. 207 с.
9. Тимаев А.Д. Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итум-калинским говором. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2009. 257 с.
10. Халидов А.И. Введение в изучение кавказских языков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 480 с.
11. Халидов А.И. Грамматика чеченского языка. в 3 т. Т. II: Морфология. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2023. 800 с.
12. Халидов А.И., Тимаев А.Д., Овахдов М.Р. Грамматика чеченского языка: в 3-х т. Т. I. Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2013. 848 с.

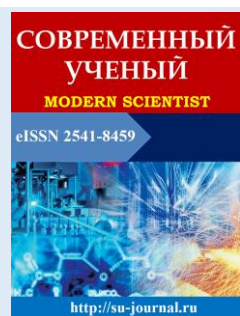
References

1. Aliroev I.Yu., Timaev A.D., Ovkhadov M.R. Introduction to Nakh Linguistics. Grozny: INFO, 1998. 106 p.
2. Ireziev S.S. Some Phonetic Differences in the Structure of Nouns in the Chechen and Ingush Languages. The World of Science, Culture, and Education. 2018. No. 6 (73). P. 472 – 474.
3. Ireziev S.-Kh.S.-E. Morphological and Phonetic Features of the Itum-Kala Dialect of the Chechen Language. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. No. 12. P. 4724 – 4731.
4. Klimov G.A. Introduction to Caucasian Linguistics. Makhachkala: IYALI DNC RAS, 2007. 247 p.
5. Magomedov A.G. Essays on the Phonetics of the Chechen Language. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2005. 208 p.
6. Sosayeva A.K. Some Features of the Itum-Kala Dialect. Bulletin of the A.A. Kadyrov Chechen State University. 2024. No. 3 (35). P. 43 – 53.
7. Timaev A.D. On One Type of Contact and Regressive-Distance Assimilation of Vowels in the Nakh Languages and Dialects of the Chechen Language (Labialization with Narrowing). Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2016. No. 3 (32). P. 94 – 98.
8. Timaev A.D. The Chechen Language. Phonetics. Grozny: FSUE "IPK Groznensky Rabochy", 2011. 207 p.
9. Timaev A.D. Shatoi Dialect of the Mountain Dialect of the Chechen Language in Comparison with the Plane Dialect and the Itum-Kala Dialect. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2009. 257 p.
10. Khalidov A.I. Introduction to the Study of Caucasian Languages. Grozny: GUP "Knizhnoye Izdatelstvo", 2008. 480 p.
11. Khalidov A.I. Grammar of the Chechen Language. in 3 volumes. Vol. II: Morphology. Grozny: JSC "Izdatelsko-Printing Complex Groznensky Rabochy", 2023. 800 p.
12. Khalidov A.I., Timaev A.D., Ovkhadov M.R. Grammar of the Chechen language: in 3 volumes. Vol. I. Grozny: FSUE "IPK "Groznensky Rabochy", 2013. 848 p.

Информация об авторе

Сосаева А.К., Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, aminasosaeva20@mail.ru

© Сосаева А.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 03(471)

Сравнительный анализ образов еды и трапезы в русской и китайской праздничной картине мира на материале лексики и устойчивых выражений

¹ Гу Тяньчи

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: статья посвящена сопоставительному описанию гастрономических образов и моделей праздничной трапезы в русской и китайской лингвокультурах на материале лексики, фразеологии и паремиологии, фиксирующих культурно значимые представления о еде как семиотической системе. Праздничное застолье интерпретируется как механизм поддержания коллективной идентичности и социального порядка: в русском языковом сознании оно коррелирует с идеями соборности, избыточности, эмоциональной открытости и сакрализованного «дара» (хлеб, соль, мотив «ломающегося стола», диминутивы как маркеры интимности), тогда как в китайской традиции доминируют ритуальная регламентированность, иерархичность и «читаемая» символика блюд, основанная на омонимии, форме, цвете и нумерологической упорядоченности. Показано, что различия проявляются в базовых номинациях трапезы, в роли алкоголя, в способах кодирования благопожеланий и табу, а также в распределении смысловой нагрузки между «едой как текстом» и «застольем как речевым действием». На примерах календарно-праздничных блюд и устойчивых выражений выявляются аксиологические доминанты: для русского дискурса характерны максимализм и этика гостеприимства, для китайского – идеал меры, забота о здоровье и инструментальность трапезы в поддержании социальных связей. Материал релевантен для задач межкультурной коммуникации, лингвострановедения и интерпретации культурных констант, закрепленных в языке.

Ключевые слова: гастрономический код, праздничная трапеза, русская лингвокультура, китайская лингвокультура, лингвокультурологический анализ

Для цитирования: Гу Тяньчи Сравнительный анализ образов еды и трапезы в русской и китайской праздничной картине мира на материале лексики и устойчивых выражений // Современный ученый. 2026. № 4. С. 183 – 190.

Поступила в редакцию: 29 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Comparative analysis of images of food and feasting in the Russian and Chinese festive picture of the world on the material of lexis and stable expressions

¹ Gu Tianchi

¹ *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the article is devoted to a comparative description of gastronomic images and models of festive feasting in Russian and Chinese linguocultures on the material of lexicon, phraseology, and paremiology that fix culturally significant representations of food as a semiotic system. The festive banquet is interpreted as a mechanism for maintaining collective identity and social order: in the Russian linguistic consciousness, it correlates with ideas of sobornost, abundance, emotional openness, and sacralized “gift” (bread, salt, the motif of the “groaning table”, diminutives as markers of intimacy), whereas in the Chinese tradition ritual regulation, hierarchy, and “readable” symbolism of dishes prevail, based on homonymy, form, color, and numerological order. It is shown that differences manifest in basic nominations of feasting, in the role of alcohol, in ways of encoding well-wishes and taboos, as well as in the distribution of semantic load between “food as text” and “banquet as speech act”. On examples of calendar-festive dishes and stable expressions, axiological dominants are revealed: for Russian discourse maximalism and the ethics of hospitality are characteristic, for Chinese – the ideal of measure, concern for health, and the instrumentality of feasting in maintaining social ties. The material is relevant for tasks of intercultural communication, linguocountry studies, and interpretation of cultural constants fixed in language.

Keywords: gastronomic code, festive feasting, Russian linguoculture, Chinese linguoculture, linguocultural analysis

For citation: Gu Tianchi Comparative analysis of images of food and feasting in the Russian and Chinese festive picture of the world on the material of lexis and stable expressions. Modern Scientist. 2026. 4. P. 183 – 190.

The article was submitted: October 29, 2025; Approved after reviewing: December 27, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Феномен гастрономического кода культуры занимает центральное положение в антропоцентрической парадигме современного гуманитарного знания, поскольку именно процессы поглощения пищи, ее ритуализация и семантизация являются одними из древнейших форм взаимодействия человека с окружающим миром. Пища перестает быть исключительно биологическим ресурсом, обеспечивающим выживание, и трансформируется в сложную семиотическую систему, транслирующую глубинные смыслы, ценностные установки и иерархические отношения внутри социума. В сознании носителей языка формируется уникальная картина мира, где праздничное застолье выступает не просто как акт насыщения, но как сакральное действо, восстанавливающее социальный порядок и подтверждающее онтологический статус коллектива. Русская и китайская лингвокультуры, обладая глубокими историческими корнями и развитыми традициями гостеприимства, предоставляют обширный материал для сопоставительного анализа, позволяя выявить как универсальные архетипы, так и специфические этнокультурные доминанты. Языковая фиксация гастрономических образов [4] демонстрирует, как материальная субстанция переплавляется в ментальные конструкторы, формируя устойчивые ассоциативные поля.

Интерес к изучению «языка еды» обусловлен тем, что именно в праздничной ситуации наиболее ярко проявляются национальный характер и менталитет, поскольку праздник по своей природе является временем разрыва повседневности, выходом в иное, сакральное измерение, требующее особого семиотического оформления. В русской культуре образ пира традиционно связывается с идеей соборности, безмерности и душевной широты, где обилие яств символизирует победу жизни над смертью и хаосом. Китайская же традиция, опирающаяся на конфуцианскую этику и даосскую натурфилософию, рассматривает трапезу как способ гармонизации отношений между небом и землей, людьми и духами предков, где каждый ингредиент несет строгую символическую нагрузку, часто основанную на омонимии и визуальном подобии. Лексический уровень языка и фразеологический фонд [11] чутко реагируют на эти мировоззренческие нюансы, закрепляя в семантике слов и устойчивых выражений аксиологические приоритеты этноса.

Важным аспектом является то, что гастрономическая метафора пронизывает практически все сферы человеческой деятельности, от политики до межличностных отношений, что делает анализ «съедобной» лексики ключом к пониманию концептуальной сферы культуры в целом. Если в русском сознании еда часто коррелирует с понятиями труда, достатка и божественного дара («хлеб насущный»), то в китайской картине мира она неразрывно связана с понятием здоровья, долголетия и социального статуса («народ считает пищу небом»). Сопоставление этих двух мощных цивилизационных пластов позволяет увидеть, как по-разному структурируется реальность через призму вкусовых ощущений и ритуалов потребления. Мы наблюдаем не просто различия в кулинарных предпочтениях, а фундаментальное расхождение в способах концептуализации жизненных процессов, где русская «душа нараспашку» противопоставляется китайской ритуальной сдержанности и символической многослойности.

Исследование семантики праздничного стола неизбежно затрагивает вопросы этикета, сакральной географии пространства дома и временных циклов, так как календарные праздники жестко регламентируют набор блюд и способы их подачи. Лингвистический анализ позволяет реконструировать фрагменты языковой картины мира, скрытые в этимологии названий блюд, в поговорках, предписывающих нормы поведения за столом, и в метафорических переносах, характеризующих человека через призму еды. В этом контексте лексика и фразеология выступают как хранители культурной памяти, консервирующие архаичные представления о жертвоприношении, обмене дарами и магической функции пищи. Понимание этих механизмов необходимо для глубокого проникновения в сущность межкультурной коммуникации, так как незнание гастрономического кода [8] может стать причиной серьезных коммуникативных сбоев и культурного недопонимания.

Глубина исследования определяется не только фиксацией лексических единиц, но и их интерпретацией в широком культурологическом контексте, учитывающем религиозные, исторические и социальные факторы. Русское православие и китайский синкретизм (конфуцианство, даосизм, буддизм) наложили неизгладимый отпечаток на восприятие еды, определив систему постов и праздничных разговений, запретов и предписаний. Сравнительный анализ позволяет выявить, как религиозные догматы трансформировались в народные обычаи и закрепились в языке, создав уникальные национальные образы мира. Таким образом, изучение гастрономической лексики и фразеологии становится инструментом познания духовной культуры народа, его этических и эстетических идеалов, воплощенных в материальных формах праздничной трапезы.

Материалы и методы исследований

В качестве материальной базы для проведения данного изыскания послужил обширный корпус лексикографических источников, включающий толковые, фразеологические, этимологические словари русского и китайского языков, а также сборники пословиц и поговорок. Для обеспечения репрезентативности выборки были использованы данные Национального корпуса русского языка и корпуса китайского языка (ВСС), что позволило проанализировать функционирование гастрономической лексики [2] в живом дискурсе и художественной литературе. Всего было отобрано и проанализировано более 500 лексических единиц и 300 устойчивых выражений, непосредственно связанных с тематикой еды, застолья и праздничных ритуалов в обеих лингвокультурах. Особое внимание уделялось единицам, обладающим высокой частотностью употребления и ярко выраженной национально-культурной маркированностью, что позволило исключить случайные и окказиональные употребления.

Методологическую основу работы составил комплексный подход, объединяющий методы лингвокультурологического анализа, сравнительно-сопоставительного метода и метода семантической реконструкции. Использование компонентного анализа позволило выделить семный состав лексических единиц и выявить скрытые смыслы, не всегда фиксируемые в словарных дефинициях, но интуитивно понятные носителям языка. Интерпретационный анализ применялся для дешифровки символического значения блюд и ритуалов в контексте праздничной культуры [14], опираясь на труды по этнографии и культурной антропологии. Важную роль сыграл также контекстуальный анализ, позволяющий проследить изменение семантики слов в зависимости от ситуации общения и жанровой принадлежности текста.

В процессе работы применялся метод концептуального моделирования, направленный на выявление структуры концептов «ЕДА», «ПРАЗДНИК», «ПИР» в русском и китайском языковом сознании. Это позволило систематизировать полученные данные и представить их в виде сопоставительных таблиц, отражающих ключевые различия и сходства в восприятии гастрономических образов. Также использовались элементы этимологического анализа для выявления генетических связей слов и их первичной мотивировки [6], что особенно важно для понимания архаичных слоев культуры,

сохранившихся в языке. Привлечение широкого круга источников и использование разнообразных методов анализа обеспечило достоверность и объективность полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Центральным элементом праздничной культуры любого этноса является коллективная трапеза, которая в архаическом сознании осмысливается как акт творения и упорядочивания мироздания. В русской традиции праздник немислим без обильного стола, который становится центром домашней вселенной, объединяющим живых и усопших, своих и чужих. Лингвистический анализ показывает, что русское слово «хлебосольство» не имеет прямого аналога в китайском языке, хотя концепт гостеприимства в Поднебесной чрезвычайно развит. Русское застолье предполагает стирание границ, переход в состояние измененного сознания через коллективную эйфорию и, зачастую, алкогольное опьянение, которое воспринимается как форма сакральной свободы. В китайской же картине мира [1] праздничная трапеза – это, прежде всего, ритуал, подтверждающий социальную иерархию и гармонию отношений, где каждое действие регламентировано.

Существенные различия наблюдаются уже на уровне базовой номинации процессов приема пищи и самого понятия праздничного стола. Если в русском языке лексема «пир» этимологически восходит к понятиям огня и жара, указывая на высокую энергетику и сакральность действия, то китайские термины акцентируют внимание на социальной коммуникации и порядке. Праздничная еда в России часто характеризуется эпитетами «богатая», «жирная», «сытная», что отражает историческую память о голоде и стремление к изобилию как гаранту выживания. В Китае же ключевыми характеристиками праздничных блюд становятся их символические названия, цвет и форма, которые должны притягивать удачу, богатство и долголетие. Нижеприведенная таблица демонстрирует концептуальное наполнение базовых терминов, связанных с трапезой, в двух культурах (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика базовых концептов праздничной трапезы в русской и китайской лингвокультурах.

Table 1

Comparative characteristics of the basic concepts of a festive meal in Russian and Chinese linguistic cultures.

Критерий сравнения	Русская лингвокультура (концепты и смыслы)	Китайская лингвокультура (концепты и смыслы)
Доминирующая идея	Соборность, единение, духовное общение, безмерность, «душа нарастает». Трапеза как сакральный акт объединения рода.	Ритуал, гармония, социальный порядок, символический прагматизм. Трапеза как способ установления и поддержания гуаньси (связей).
Ключевые лексемы	Хлебосольство, пир, застолье, разговение, угощение. Акцент на дарении и принятии пищи.	Янь (банкет), Си (циновка/место), Фань (рис/еда). Акцент на структуре приема пищи и церемониальности.
Отношение к количеству	Избыточность как норма. «Стол ломится». Необходимость накормить до отвала, чтобы осталось.	Достаток и разнообразие, подчиненные нумерологии. Количество блюд часто четное, символизирующее полноту и пару.
Символика основного продукта	Хлеб – глава всему, тело Христово, символ жизни и святости. Соль – оберег и суть вещей.	Рис/Зерно – основа жизни, связь с Небом. Еда в целом воспринимается как Небо для народа.
Роль алкоголя	Средство достижения искренности, «развязывания языка», эмоционального катарсиса. Питье «до дна».	Средство выражения уважения, закрепления ритуала. Тосты строго иерархичны. Питье как часть этикета.

Представленные в таблице данные свидетельствуют о глубоком онтологическом различии в восприятии акта еды. Для русского сознания важен эмоциональный и метафизический аспект: совместное преломление хлеба делает людей «со-хлебниками», почти родственниками. Лексика изобилует диминутивами (водочка, огурчик, грибочки), создающими атмосферу интимности и домашнего уюта [15]. В китайской традиции лексика более формализована и нагружена символикой: названия блюд часто представляют собой пожелания-ребусы. Например, рыба на столе обязательна не только из-за вкусовых качеств, но и благодаря омонимии со словом «избыток». Русская «скатерть-самобранка» – это мечта о чудесном насыщении без усилий, тогда как китайская кулинарная традиция подчеркивает мастерство повара (гунфу) и сложность приготовления как знак уважения к гостю.

Следующий пласт анализа затрагивает конкретные праздничные блюда, которые становятся маркерами календарных циклов. В русской культуре блины на Масленицу или куличи на Пасху обладают сакральной семантикой, связанной с солярным культом и воскресением. Форма и состав блюда имеют первостепенное значение: круглый блин – символ солнца, яйцо – символ вселенной. В Китае же связь между праздником и едой часто строится на фонетических ассоциациях, что совершенно нехарактерно для русского языка. Омофония позволяет превратить процесс поедания пищи в магический ритуал призывания благ. Специфика восприятия конкретных ритуальных блюд и их семиотическое наполнение отражены в следующей таблице, систематизирующей гастрономические символы главных праздников (табл. 2).

Таблица 2

Семиотический анализ ритуальных блюд в контексте главных национальных праздников.

Table 2

Semiotic analysis of ritual dishes in the context of major national holidays.

Праздничный контекст	Русская традиция (Образ и значение)	Китайская традиция (Образ и значение)
Новогодний цикл / Весенний фестиваль	Салат Оливье, холодец, мандарины. Советская традиция наложилась на архаику. Обилие мясных и сытных блюд как залог сытого года.	Цзяоцзы (пельмени) – по форме напоминают слитки серебра (богатство). Рыба (Юй) – омоним слова «избыток». Няньгао – пирог, созвучный с «расти выше каждый год».
Весенние праздники (Масленица / Праздник фонарей)	Блины. Символ солнца, круговорота времени, поминальная еда. Обильное употребление масла – «умасливание» божеств.	Таньюань (рисовые шарики). Круглая форма символизирует воссоединение семьи и полноту луны. Сладкая начинка – сладкая жизнь.
Осенние праздники / Праздник урожая	Пироги с капустой, грибами, ягодами. Демонстрация плодов земли. Хлеб нового урожая.	Лунные пряники (Юэбины). Символ полной луны и единства клана. Обмен пряниками как укрепление социальных связей.
Ритуальная семантика формы	Круг (каравай, блин) – вечность, защита, солнце.	Круг – единство, гармония. Длинная лапша – долголетие (нельзя разрывать).

Анализ показывает, что если в русской культуре доминирует визуально-мифологическая семантика (форма круга, цвет, состав), то в китайской – вербально-магическая. Китайский стол – это текст, который нужно уметь прочесть: подача курицы целиком символизирует целостность семьи, а нарезанная лапша может восприниматься как укорочение жизни [7]. В русском застолье текст создается вербально – через тосты и беседы, сама же еда выступает скорее фоном или катализатором общения. Примечательно, что в русской традиции практически отсутствует запрет на определенные виды еды по звуковому сходству с негативными словами, тогда как в Китае это табуирование развито чрезвычайно сильно (например, грушу нельзя делить, так как «фэнь ли» звучит как «расставание»).

Особого внимания заслуживает паремиологический фонд, фиксирующий народную мудрость относительно еды. Русские пословицы часто подчеркивают приоритет духовного над материальным или же, наоборот, иронизируют над чревоугодием, но при этом признают важность хлеба как основы жизни. Гостеприимство оценивается выше богатства («Не красна изба углами, а красна пирогами»). В китайских пословицах еда часто выступает мерилем цивилизованности и главным условием политической стабильности. Умение есть и знать меру – добродетель благородного мужа. Сравнение устойчивых выражений позволяет выявить аксиологические доминанты поведения за столом, что наглядно представлено в заключительной таблице (табл. 3).

Таблица 3

Компаративный анализ паремиологических единиц и устойчивых выражений о еде и гостеприимстве.

Table 3

Comparative analysis of paremiological units and set expressions about food and hospitality.

Категория смысла	Русские паремии и фразеологизмы	Китайские паремии и фразеологизмы
Значимость еды	Хлеб – всему голова. Голод не тетка. Щи да каша – пища наша. Мельница сильна водой, а человек едой.	Народ считает пищу небом. Кто не работает, тот не ест. Еда и питье – великое дело.
Гостеприимство	Что есть в печи – все на стол мечи. Гостю щей не жалеи, а погуще лей. Незванный гость хуже татарина.	Если есть друзья, то и рис вкуснее. Вино известно, да переулочек глубок (хорошее не требует рекламы, гости найдут).

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Мера и этикет	Ешь вволю, пей в меру. Когда я ем, я глух и нем. Соловья баснями не кормят.	Ешь до семи десятых сытости. Не говори во время еды, не болтай перед сном. Благородный муж в еде не ищет насыщения.
Качество пищи	Кашу маслом не испортишь. Хороша ложка к обеду. Голодному куме хлеб на уме.	Вкусное лекарство горько на вкус. Редька и имбирь уберегут от врача.

Паремиологический анализ выявляет интересную дихотомию: русский человек за столом часто «глух и нем» в смысле сосредоточенности на процессе или, наоборот, безудержен в беседе после насыщения, тогда как китайская мудрость предписывает сдержанность и заботу о здоровье даже во время праздника. Русское «кашу маслом не испортишь» говорит о стремлении к максимализму, улучшению через добавление, увеличение ресурса. Китайское правило «семи десятых» свидетельствует о философии умеренности и баланса инь-ян [10]. В русской картине мира гость – посланник божий, которому нужно отдать последнее, в китайской – гость это часть социальной сети, с которым нужно выстроить правильный обмен энергиями и любезностями.

Подводя общий итог анализа эмпирического материала, можно констатировать, что гастрономический код в обеих культурах является сложной многоуровневой системой. В русском сознании доминирует образ еды как дара, благодати и средства эмоционального объединения, где эстетика хаоса и изобилия превалирует над структурой. Праздничный стол – это модель рая на земле, где нет нужды и разделения. В китайской картине мира еда – это инструмент гармонизации космоса и социума, глубоко семиотизированный через язык и ритуал. Здесь важна не столько калорийность или объем, сколько правильное сочетание вкусов, цветов и смыслов, обеспечивающее правильное течение энергии Ци.

Оба языка демонстрируют высокую степень метафоризации гастрономических образов, однако векторы этой метафоризации различны. Русский язык склонен к эмоционально-оценочным метафорам (сладкая жизнь, горькая правда, хлебнуть горя), тогда как китайский часто использует гастрономические термины для описания социальных процессов и умственной деятельности (грызть книги, варить кашу из отношений). Это подтверждает тезис о том, что через «пищевую» призму нации осмысляют не только физиологию, но и абстрактные категории бытия [13], формируя уникальные когнитивные модели.

Выводы

Исследование образов еды и трапезы в русской и китайской праздничной картине мира позволяет сделать вывод о фундаментальных различиях в ментальных матрицах двух народов, несмотря на универсальную биологическую основу процесса питания. Правовая база, регулирующая данную сферу, в данном контексте понимается как совокупность неписаных законов, обычаев и культурных императивов, которые обладают силой нормативного акта внутри этноса. Нарушение «гастрономического закона» – будь то отказ от хлеба-соли в России или неправильная рассадка гостей на банкете в Китае – воспринимается как серьезная девиация, влекущая за собой социальное отчуждение. Эти «законы» законсервированы в языке и передаются из поколения в поколение как часть культурного генома, определяя стратегию поведения индивида в социуме.

Перспективы применения полученных результатов видятся крайне широкими и охватывают несколько направлений гуманитарного знания и практики. В области межкультурной коммуникации понимание глубинной семантики застольных ритуалов необходимо для успешного ведения переговоров и выстраивания дипломатических отношений, поскольку именно за столом часто принимаются ключевые решения. В лингводидактике материалы исследования могут быть использованы для создания спецкурсов по лингвострановедению, помогая изучающим язык преодолеть не только языковой, но и культурный барьер. Осознание того, что для китайца вопрос «Вы ели?» равнозначен приветствию «Как дела?», а для русского предложение «посидеть» означает глубокое эмоциональное общение, является ключом к эффективному диалогу.

Научная значимость работы заключается в выявлении корреляции между лексическим составом языка и базовыми архетипами культуры. Дальнейшая разработка данной проблематики может идти по пути расширения материала за счет включения диалектной лексики и современного интернет-сленга, который активно трансформирует традиционные пищевые метафоры. Также перспективным представляется изучение трансформации гастрономического кода в условиях глобализации, когда традиционные праздничные блюда вытесняются унифицированным фастфудом, что неизбежно ведет к эрозии

национальной идентичности. Сохранение и изучение «языка еды» становится, таким образом, важной задачей культурной экологии, направленной на сбережение уникального мировидения каждого народа.

В конечном счете, сопоставление русской и китайской гастрономических картин мира демонстрирует, что человечество, удовлетворяя одну и ту же физиологическую потребность, создает бесконечное разнообразие смыслов. Русская «душа» и китайское «дао» находят свое материальное воплощение в праздничном столе, делая его зеркалом культуры. Понимание этих механизмов обогащает гуманитарную науку новыми данными о когнитивных процессах и способах категоризации действительности, подтверждая неразрывную связь языка, мышления и культуры.

Список источников

1. Савиновских В.В. Небо и человек в русской и китайской загадке // Лингвокультурология. 2023. № 17. С. 108 – 119.
2. Благовещенская А.А., Сатарова Л.Х., Зиннатова Д.М. Репрезентация концептов душа и дух в художественных картинах мира китайского и русского языков // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 300 – 303.
3. Фу Хуэйюй, Харченко Е.В. Сопоставительный анализ вербализации запахов в русской и китайской картинах мира // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 581 – 583.
4. Лин Ли. Влияние происхождения слов на формирование картины мира русского и китайского языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2023. № 1. С. 63 – 72.
5. Долженко Д.А. Образ змеи в китайской лингвокультуре // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2023. № 4 (107). С. 23 – 28.
6. Чэн Ю. Сравнительный анализ принципов номинации блюд по вкусовым признакам в китайской и русской кухне // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 5 (116). С. 211 – 222.
7. Ян Ю. Изучение концепта честь родины в китайской и русской лингвокультурах (на материале китайских и русских плакатов) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2-2 (63). С. 618 – 623.
8. Го Ж. Символическое осмысление лексемы трава в русской и китайской лингвокультурах // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4. С. 52 – 61.
9. Данилевская Н.В., Сунь Д. Семантические оттенки лексемы родина в русской и китайской картинах мира // Мир русского слова. 2025. № 2. С. 4 – 11.
10. Головановская М.К., Ефименко Н.А. Представление о понятии "случай" в русском и китайском языках и культурах // Филология: научные исследования. 2023. № 11. С. 17 – 27.
11. Сунь Т. Представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах (по данным пословиц) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-1 (62). С. 479 – 482.
12. Насакаева Д.Н. Сравнительный анализ лексики по разделу “традиционная пища” в русском и китайском языках // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 4-3. С. 44 – 48.
13. Вэйпэн Г. Методологические подходы к интерпретации метафорической системы в русской поэзии серебряного века и в современной китайской поэзии // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 126 – 134.
14. Ван Т. Новогодний стол в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2025. № 8. С. 260 – 271.
15. Сердюкова У.В. Коннотативные особенности сторон света в китайской и русской лингвокультурах // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2025. № 6 (74). С. 11 – 22.

References

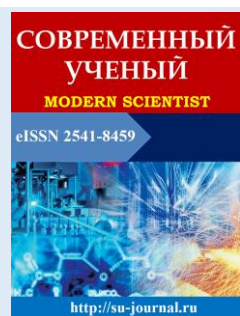
1. Savinovskikh V.V. Sky and Man in Russian and Chinese Riddles. Lingvoculturology. 2023. No. 17. P. 108 – 119.
2. Blagoveshchenskaya A.A., Satarova L.Kh., Zinnatova D.M. Representation of the Concepts of Soul and Spirit in Artistic Worldviews of the Chinese and Russian Languages. Modern Pedagogical Education. 2025. No. 4. P. 300 – 303.
3. Fu Huiyu, Kharchenko E.V. Comparative Analysis of Smell Verbalization in Russian and Chinese Worldviews. The World of Science, Culture, Education. 2024. No. 6 (109). P. 581 – 583.
4. Lin Li. The Influence of Word Origin on the Formation of the Worldview of the Russian and Chinese Languages. Bulletin of the Moscow State Regional University. Linguistics Series. 2023. No. 1. P. 63 – 72.
5. Dolzhenko D.A. The Image of the Snake in Chinese Linguistic Culture. Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Philological Sciences Series. 2023. No. 4 (107). P. 23 – 28.

6. Cheng Yu. Comparative Analysis of the Principles of Nominating Dishes by Taste Features in Chinese and Russian Cuisine. *Bulletin of Cherepovets State University*. 2023. No. 5 (116). P. 211 – 222.
7. Yan Yu. Studying the Concept of Honor of the Motherland in Chinese and Russian Linguistic Cultures (Based on Chinese and Russian Posters). *Cognitive Studies of Language*. 2025. No. 2-2 (63). P. 618 – 623.
8. Guo J. Symbolic understanding of the lexeme grass in Russian and Chinese linguocultures. *The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 52 – 61.
9. Danilevskaya N.V., Sun D. Semantic shades of the lexeme motherland in Russian and Chinese pictures of the world. *The World of the Russian Word*. 2025. No. 2. P. 4 – 11.
10. Golovanivskaya M.K., Efimenko N.A. The concept of "chance" in the Russian and Chinese languages and cultures. *Philology: scientific research*. 2023. No. 11. P. 17 – 27.
11. Sun T. Concepts of Patience in Russian and Chinese Linguistic Cultures (Based on Paremiyas). *Cognitive Studies of Language*. 2025. No. 1-1 (62). P. 479 – 482.
12. Nasakaeva D.N. Comparative Analysis of Vocabulary in the Section "Traditional Food" in Russian and Chinese Languages. *Humanitarian Scientific Journal*. 2025. No. 4-3. P. 44 – 48.
13. Weipeng G. Methodological Approaches to the Interpretation of the Metaphorical System in Russian Poetry of the Silver Age and in Modern Chinese Poetry. *Issues of Nature Management*. 2025. Vol. 4. No. 6. P. 126 – 134.
14. Wang T. New Year's Table in Russian and Chinese Linguistic Cultures. *Litera*. 2025. No. 8. P. 260 – 271.
15. Serdyukova U.V. Connotative Features of the Cardinal Directions in Chinese and Russian Linguistic Cultures. *Science in a Megapolis*. 2025. No. 6 (74). P. 11 – 22.

Информация об авторе

Гу Тяньчи, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, headesj@qq.com

© Гу Тяньчи, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1

Языковое воплощение концепта ТЕАТР (на материале лексем «театр» и «актер»)

¹ Ермолова К.А.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: данная статья посвящена изучению вербализации концепта ТЕАТР в мемуарной литературе. В качестве источника выбраны мемуары актера М. Ульянова «Работаю актером». Для исследования выбраны лексемы «театр» и «актер», которые ярко отражают особенности указанного концепта. Цель исследования заключается в определении смыслового наполнения концепта ТЕАТР в мемуарах М. Ульянова на основании лексической сочетаемости существительных «театр» и «актер». Научная ценность исследования заключается в том, что в работе с применением лингвокогнитивного, семантического и лексикологического подходов формируется представление об авторской репрезентации концепта ТЕАТР в восприятии известного театрального деятеля – актера Михаила Ульянова. В результате работы были определены основные смыслы, которые автор мемуаров вкладывает в концепт ТЕАТР, а также установлены средства его языковой репрезентации.

Ключевые слова: концепт ТЕАТР, лексическая сочетаемость, концепт ТЕАТР в мемуарах, лексическая сочетаемость слова «актер», лексическая сочетаемость слова «театр»

Для цитирования: Ермолова К.А. Языковое воплощение концепта ТЕАТР (на материале лексем «театр» и «актер») // Современный ученый. 2026. № 4. С. 191 – 197.

Поступила в редакцию: 30 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Linguistic embodiment of the concept of "THEATRE" (based on the lexemes "theatre" and "actor")

¹ Ermolova K.A.

¹ State University of Education

Abstract: this article examines the verbalization of the concept of THEATRE in memoir literature. The source is actor M. Ulyanov's memoir "I Work as an Actor". The lexemes *theatre* and *actor* were selected for the study as they vividly reflect the characteristics of this concept. The aim of the paper is to determine the semantic content of the concept THEATRE in M. Ulyanov's memoirs based on the lexical compatibility of the nouns *theatre* and *actor*. The scientific value of the study lies in its application of linguacognitive, semantic, and lexicological approaches to develop an understanding of the author's representation of the concept THEATRE as perceived by the renowned theater figure, actor Mikhail Ulyanov. The study identified the main semantics features the author ascribes to the concept THEATRE, as well as the means of their linguistic representation.

Keywords: concept THEATRE, lexical collocation, concept THEATRE in memoirs, lexical collocation of the word *actor*, lexical collocation of the word *theatre*

For citation: Ermolova K.A. Linguistic embodiment of the concept of "THEATRE" (based on the lexemes "theatre" and "actor"). Modern Scientist. 2026. 4. P. 191 – 197.

The article was submitted: October 30, 2025; Approved after reviewing: December 28, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Изучение особенностей языкового воплощения концепта ТЕАТР представляет ценность для современной лингвистики, так как значительное внимание в исследованиях уделяется лингвокогнитивному подходу к анализу языка. Актуальность работы состоит в том, что анализ лексической сочетаемости существительных «театр» и «актер» осуществляется через призму восприятия специфики концепта ТЕАТР в мемуарах актера. То есть, в работе рассматривается то, как указанный концепт воспринимается в мемуарах человека, который всю жизнь посвятил театральному искусству. Выбор лексем «театр» и «актер» для проведения анализа особенностей рассматриваемого концепта связан с тем, что существительное «театр» – это ключевая лексема (ядро) концепта ТЕАТР, а существительное «актер» характеризует одного из основных актеров, от которого зависит работа театра как такового.

Материалы и методы исследований

Методы исследования охватывают совокупность методов, связанных с проведением лингвистического, лингвокогнитивного, лингвостилистического анализа текста мемуаров Михаила Ульянова, которые позволяют определить, как в указанном тексте интерпретируется концепт ТЕАТР.

В основу настоящей работы будет положен принцип интерпретации концепта, который был создан И.А. Стернины и З.Д. Поповой. С их точки зрения, под концептами понимаются единицы когнитивного порядка, так как их ключевое назначение состоит в том, чтобы реализовать мыслительный процесс человека. Концепты при этом трактуются как хранители информации, обуславливая отличия восприятия реальности в пространстве лингвокультуры или уже – в рамках мышления одного отдельно взятого человека, опыт и профессиональная деятельность которого положены в основу концептуализации реальности [6, с. 25]. Концептам присущ значительный потенциал в интерпретации реальности, связанных с ней характерных особенностей, они воплощаются соответствующими языковыми средствами, а их смысловое наполнение часто носит образно-ассоциативный, аксиологический характер, которым обуславливается содержание семантических аспектов, воплощающих концепт в каждом отдельно взятом случае, например, в мемуарном тексте.

Как подчеркивает О.В. Шаталова, при интерпретации концепта важно учитывать как общий культурный контекст, в пространстве которого создан текст, содержащий концепт, так трактовать его с учетом архетипической природы, концепту свойственной. При этом, как замечает исследователь, при анализе концепта важно учитывать, что каждый отдельный человек, опираясь на широкий лингвокультурный контекст, имеет собственное представление о содержании концепта [9]. Этот аспект позволяет говорить о наличии национальной концептосферы и индивидуальных концептосфер, которые выступают как системы взглядов на ту или иную проблему, тот или иной феномен со стороны отдельно взятых людей.

По мнению М.С. Миловановой, при интерпретации концепта важно применять и семиотический подход, так как концепты – это и единицы сознания, существующие в национальной картине мира или сознании отдельных людей, так и знаки, которыми оперируют люди при интерпретации окружающей действительности [3]. Это восприятие концепта применимо к концепту ТЕАТР, так как театральное искусство как таковое глубоко укоренено в культуре и массовом сознании, а театр воспринимается по-своему людьми, которые связаны с театром профессионально (актеры, режиссеры), и публикой, которая воспринимает театр как место увеселения.

Как замечает В.В. Леденева, при проведении лингвистического описания концепта важно учитывать мотивацию и особенности использования языковых средств, которые выбираются автором для воплощения концепта. По этой причине, концепт содержит в себе также и совокупность авторских ценностей и оценок, что позволяет говорить о выявлении оценочного пласта в структуре концепта. Именно этот пласт, наряду с образно-ассоциативной информацией, содержащейся в концепте, обуславливает его потенциал индивидуализированного воплощения [5].

Этот феномен ярко проявляется, например, в мемуарной литературе, которая представляет собой образец авторского текста, результат индивидуально-маркированных представлений о действительности, пре-

ломленный через индивидуальную концептосферу автора. Как подчеркивает Н.А. Герасименко, мемуары направлены на то, чтобы донести до реципиентов информацию таким образом, который был бы полезен и желаем автором мемуаров. Именно по этой причине при изучении мемуаров необходимо принимать во внимание роль когнитивного фактора: автор мемуаров интерпретирует различные события своей жизни через соответствующие концепты, а их языковое воплощение носит субъективированный характер [2].

Как показывает С.М. Колесникова, при выражении концепта следует учитывать, с одной стороны, индивидуальный выбор языковых средств (принимая во внимание фактор мотивированности выбора), с другой стороны, – контекст и критерий лексической сочетаемости языка, которые в определенной степени ограничивают выбор используемых словосочетаний [4, с. 32]. По этой причине, значительную роль в анализе языкового воплощения концепта играет лексическая сочетаемость. В ее основе лежит фактор нормы языка, а также валентность языковых единиц, которая позволяет создавать словосочетания с одними единицами и не допускает возможности их создания с другими. В основе лексической сочетаемости слова лежат такие ограничивающие критерии как оттенки значения, стилистический регистр, смысловые и образно-ассоциативные коннотации и т.д. Опора на лексические синтагмы, которые строятся на основании ограничений и допущений, накладываемых лексической сочетаемостью, обеспечивает языковую репрезентацию концепта в определенном контексте [8]. Более того, как замечает Н.А. Герасименко, лексическая сочетаемость является одним из факторов, который обеспечивает репрезентацию точной структурированной информации в тексте, принимая во внимание передаваемое содержание и смысловые особенности концепта, суть которого воплощена в конкретном тексте [1]. По этой причине, для целей настоящего исследования продуктивной является методика изучения лексической сочетаемости лексем, входящих в состав концепта ТЕАТР (выбраны существительные *театр* и *актер*), с выявлением их семантики, отражающей отдельные смысловые аспекты рассматриваемого концепта.

Результаты и обсуждения

Для проведения анализа были изучены мемуары актера Михаила Ульянова «Работаю актером» (1987г.).

В первую очередь, следует охарактеризовать особенности лексической сочетаемости существительного «театр», а также семантическое наполнение формируемых словосочетаний, отражающих содержание концепта ТЕАТР.

В первую очередь, театр воспринимается как вид искусства, который завораживает и зачаровывает человека. М. Ульянов пишет:

*И это было самым большим счастьем Бориса Евгеньевича, оно согревало его постоянно, делало его таким **влюбленным в театр**, в искусство, во всю эту прекрасную, мучительную и ни на что не меняемую жизнь художника [7, с. 78].* Словосочетание «влюбленный в театр» персонифицирует театр, а также подчеркивает его ценность для публики.

В своих мемуарах актер говорит о том, что театр – это то пространство, тот феномен, который можно искренне полюбить:

*Я люблю этот мир, я им живу и рад был бы передать хоть малую частицу его тем, кто **любит театр** [7, с.92].* Словосочетание «любить театр» отражает мысль актера о том, что театр становится для человека чем-то критически значимым и приобретает дополнительную важность и ценность.

Кроме того, с точки зрения М. Ульянова, театр – это то, что создается силами человека, отдельного художественного руководителя, а затем – всей труппой:

*Он **создал театр**, в котором мы сейчас трудимся и творим. Он успел набросать сочно и ярко **эскиз нового театра** [7, с. 102].* Словосочетание «создать театр» показывает, что театр требует усилий человека, без которых театр не будет работать, не станет символом искусства и тем местом, в котором искусство воплощается на сцене в форме актерского мастерства. Словосочетание «эскиз театра» имеет метафорическую природу, оно призвано символизировать, что автор мемуаров указывает, что развитие театра – постоянная работа, которая однажды начинается и не заканчивается. Словосочетание «новый театр» показывает, что театральное искусство динамично, и возникает потребность в создании новых театров.

Акцент на том, что театр – результат работы коллектива, проявляется в следующей цитате из рассматриваемых мемуаров:

*Естественно, что сразу это ни у кого не получается, нужны годы, чтобы создать **театр единомышленников**, нужны годы, чтобы родились **сыгранность, приспособляемость друг к другу** [7, с. 121].* Словосочетание «театр единомышленников» показывает, что подлинное театральное искусство, совершенство формы театрального актерского мастерства может быть достигнуто, когда актеры понимают друг друга и воспринимают друг друга именно как единомышленники.

Становление театра, о котором рассказывает Михаил Ульянов, позволяет ему воспринимать театр как некий живой организм:

Наш театр родился непосредственно из Третьей студии МХТ, из жажды сценического обновления, которой был полон ее вдохновитель и гениальный театральный реформатор Константин Сергеевич Станиславский [7, с. 109]. С одной стороны, в этом примере используется словосочетание «театр родился»: оно показывает, что для актера, который всю жизнь отдал театру, театр является живым. С другой стороны, используется словосочетание с местоимением «наш театр», которое показывает, что для актера театр становится домом, который остается с ним на протяжении всей жизни.

Именно в силу того, что театр воспринимается актером как живое существо, он описывает ситуацию, при которой театр утрачивает свою значимость для искусства:

Уровень профессионализма сразу падает, глубина иссякает, совершенство превращается в неловкое рукоделие – театр начинает умирать [7, с.109]. Использование глагола «умирать» в составе словосочетания «театр начинает умирать» позволяет подчеркнуть, что театр в сознании актера – живой.

Михаил Ульянов отмечает также, что театр сам по себе ассоциируется с положительными эмоциями и воспринимается как праздник:

Театр в основе своей – праздник [7, с. 102]. В этой цитате актер присоединяется к общей существующей в массовом сознании точке зрения, согласно которой театральное искусство носит, в первую очередь, увеселительный характер, и именно этим оно ценно для общества.

Театр воспринимается также и как пространство, содержащее смыслы, выражающее авторскую позицию, по сути, как инструмент диалога между создателями театральных постановок и публикой:

Его театр умный и выверенный, и все-таки его актеры играют импровизационно и раскованно [7, с. 102]. Словосочетания «умный театр» и «выверенный театр» отражают наличие в театральном искусстве авторского замысла, которым формируются и выражаются смыслы языком актерского мастерства.

Далее, следует обратиться к лексической сочетаемости существительного «актер» в тексте мемуаров Михаила Ульянова. Поскольку сам Михаил Ульянов был актером, восприятие актера напрямую связано с его личным профессиональным опытом.

Для М. Ульянова актерство – это путь на всю жизнь:

Я еще расскажу на страницах этой книги о тех, кто бесконечно предан своему делу, нашей уникальной профессии, высокому ремеслу актера [7, с. 25]. Словосочетание «высокое ремесло актера» показывает, что актерское мастерство – это то, чему учатся всю жизнь, что представляет для самого человека несомненную ценность, от которой нельзя отказаться, которую нельзя предать. По этой причине, Михаил Ульянов пишет в процитированном фрагменте о бесконечной преданности своей работе.

Путь актера, его опыт всегда жестко индивидуальны, как индивидуально, субъективно все искусство [7, с. 55]. При помощи словосочетания «путь актера» подчеркивается идея о том, что актер реализует свой профессиональный и творческий потенциал на протяжении всей жизни, развиваясь от одной роли к другой. Данная метафора построена на существительном «путь», который здесь характеризует творческую карьеру актера.

В основе работы актера при этом лежит постоянное совершенствование: необходимо не только научиться актерской профессии, но также и постоянно развиваться, без чего актер не является настоящим мастером своего дела:

Если ты, друг мой, вырастешь в актера, то тебя ждет множество бессонных ночей, мучительные раздумья, незаслуженные обиды, справедливые упреки, бессилие перед некоторыми ролями, сонм неутоленных желаний, творческих провалов [7, с. 47]. Словосочетание «вырасти в актера» показывает, что человек проходит значительную трансформацию на пути к истинности мастерства, к подлинному признанию как публикой, так и коллегами по актерскому цеху.

В тексте мемуаров прослеживается и идея о том, насколько важно ценить истинный актерский талант:

Михаил Федорович счастливо сочетал в себе оба этих необходимых качества, без которых нельзя быть большим актером [7, с. 23]. Словосочетание «большой актер» призвано показать, что упоминаемый в мемуарах человек пользовался значительным авторитетом и уважением именно за счет своих профессиональных актерских качеств.

Что греха таить, сейчас такой актер вырождается [7, с. 21]. Словосочетанием «актер вырождается» Михаил Ульянов делает акцент на том, что с течением времени, с появлением новых форм общения с публикой (телевидение, кино) театральное актерское мастерство преобразуется, и автор мемуаров относится к этой тенденции сдержанно негативно.

На театральной периферии жили и живут **замечательные актеры** [7, с. 21]. При помощи словосочетания «замечательные актеры» М. Ульянов выражает свое восхищение талантливыми актерами, которых он встречал в различных городах страны на протяжении гастролей и своего долгого творческого пути.

А начинали мы творческую жизнь в училище отчаянной попыткой решить одну из сложнейших художественных задач, которая еще не была, наверное, по-настоящему решена и **крупнейшими актерами драматической сцены** [7, с. 21]. Посредством словосочетания «крупнейший актер» М. Ульянов также показывает, что он рассуждает о творческом пути серьезных актеров, которые своими творческими достижениями доказали свое место в театральном мире и театральном искусстве.

Истинный талант актера связан с его профессионализмом, с умением проанализировать роль и обеспечить ее максимально удачное воплощение:

Он был **собранный, думающий, умный актер** [7, с. 21]. Выделенные в этой цитате словосочетания существительного «актер» с прилагательными и причастиями показывают положительные характеристики актера, который относится к своей работе и деятельности с требуемым профессионализмом и самоотдачей. Подобная работа высоко оценивается Михаилом Ульяновым.

Михаил Ульянов замечает также, что актер реализует свой потенциал на сцене и видит подлинное счастье именно в работе, в общении со зрителями. Зритель, в свою очередь, формирует у актера ощущение востребованности и нужности его ремесла:

Зритель неотрывно следил за происходящим на сцене, радуясь, негодуя, возмущаясь и щедро **награждая актеров аплодисментами** в быстро остывающем на сибирском морозе зале [7, с. 21]. При помощи словосочетания «наградить актера аплодисментами» показывается идея о том, что для М. Ульянова живая реакция зрителей, яркий эмоциональный отклик на сценическую игру актера – важнейшая награда и цель выхода на сцену. Существительное «награждение» призвано сделать смысловой акцент на ценности зрительской реакции для выступающих на сцене актеров.

Актеры при этом воспринимаются как истинные волшебники, которые на сцене воплощают самую суть театрального искусства:

Я снова начинал верить в то, что театр – это чудо, что **актеры – это волшебники**, что без этого для меня нет жизни вообще [7, с. 43]. Употребление экспрессивно-окрашенного существительного «волшебники» в этой цитате позволяет подчеркнуть, насколько необычным является театральное искусство для зрителей, и что именно актеры – те люди, которые воплощают театральную магию на сцене перед публикой.

При этом, Михаил Ульянов акцентирует внимание и на том, что подлинное актерское мастерство передается в ходе обучения, при условии, что у обучающегося есть хорошие перспективы и задатки истинного актерского дарования:

Руководителем, который отдавал все силы, весь свой опыт, весь огромный жизненный и творческий багаж этому тонкому, утомительному делу – **воспитанию будущих актеров?** [7, с. 78]. Используется словосочетание «воспитание будущих актеров», которым подчеркивается идея преемственности актерского мастерства и потребность в передаче опыта, выходящая за рамки собственно обучения в высшем учебном заведении.

Выводы

Подводя итог, поставленная в работе цель была достигнута, так как было определено смысловое наполнение концепта ТЕАТР в мемуарах актера Михаила Ульянова через призму лексической сочетаемости существительных *театр* и *актер*.

При рассмотрении особенностей использования существительного *театр* для репрезентации концепта ТЕАТР в мемуарах Михаила Ульянова было выявлено, что он воспринимает театр как искусство, подчеркивает, что театр – это плод усилий каждого отдельного человека и всего театрального коллектива, указывает, что театр – это живой организм, всегда ассоциируется с праздниками и развлечением, а сам по себе он является пространством воплощения смыслов, инструментом коммуникации со зрителями. Перечисленные семантические аспекты выражаются в тексте мемуаров соответствующими словосочетаниями, которые приносят и оценочно-индивидуальные черты в текст мемуаров. По этой причине, распространены случаи использования метафоры (особенно в тех случаях, когда описывается театр как живой организм), экспрессивно-оценочных лексем (например, существительных, прилагательных, причастий), сочетающихся с существительным «театр». Выявлено также и понимание, что в картине мира Михаила Ульянова театр – это его родная стихия и дом, без которого он не мыслит своего существования.

При помощи существительного *актер* и словосочетаний с ним Михаил Ульянов в своих мемуарах показывает, что актерство – это путь на всю жизнь, отмечая при этом, что истинного актера, благословленного

талантов, найти очень сложно. При этом, он восхищается истинными профессионалами своего дела. Поскольку сам М. Ульянов – актер, он описывает такие аспекты, связанные с жизнью театрального актера, связи театра со зрителем через сценические роли, магическую природу актерского перевоплощения на сцене. Автор мемуаров отмечает также, что театральное мастерство – это то, чему учатся всю жизнь, то, что передается из поколения в поколение в том числе и в границах одного театра, выходя за пределы собственно образования. Перечисленные семантические аспекты, в соответствии с требованиями и ограничениями лексической сочетаемости, выражаются соответствующими словосочетаниями. Индивидуализированный характер репрезентации информации в мемуарах, авторский взгляд на актерское мастерство выражается эпитетами, экспрессивно-окрашенными единицами, использование которых связано с контекстом и целями коммуникации.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением специфики репрезентации концепта ТЕАТР в других типах текстов: публицистике, научной и научно-учебной, художественной литературе.

Список источников

1. Герасименко Н.А. Счастье как ценность в русской синтаксической картине мира // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. С. 126 – 130.
2. Герасименко Н.А. Язык современной публицистики: ценности и оценки. М.: Государственный университет просвещения, 2024. 192 с.
3. Карасик В.И., Милованова М.С. МОСТ как лингвокультурный символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 121 – 136.
4. Колесникова С.М. Роль средств русского языка в формировании морально-нравственного облика личности и его ценностной парадигмы: категории «долг» – «честь» – «совесть» // Русский язык как средство педагогического воздействия и взаимодействия в школе и вузе. М.: МПГУ, 2024. С. 30 – 36.
5. Леденева В.В. Особенности отражения концепта "женщина" в лирике И.А. Бунина периода "романтического реализма" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 15 – 25.
6. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: ИСТОКИ, 2007. 250 с.
7. Ульянов М. Работаю актером. М.: Искусство, 1987. 402 с.
8. Фадеева Т.М. К вопросу о лексических маркерах времени в текстах СМИ // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 22 – 26.
9. Шаталова О.В. Концепт бытие в русском языке: история и современное состояние. М.: Постатор, 2023. 178 с.

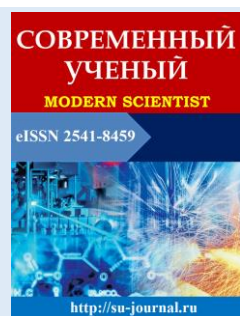
References

1. Gerasimenko N.A. Happiness as a Value in the Russian Syntactic Picture of the World. Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Moscow: A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2020. P. 126 – 130.
2. Gerasimenko N.A. The Language of Modern Journalism: Values and Assessments. Moscow: State University of Education, 2024. 192 p.
3. Karasik V.I., Milovanova M.S. BRIDGE as a Linguocultural Symbol. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 121 – 136.
4. Kolesnikova S.M. The Role of Russian Language Means in Shaping the Moral and Ethical Character of an Individual and Its Value Paradigm: the Categories "Duty" – "Honor" – "Conscience". Russian Language as a Means of Pedagogical Influence and Interaction at School and University. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2024. P. 30 – 36.
5. Ledeneva V.V. Reflection of the Concept of "Woman" in I.A. Bunin's Lyrics of the "Romantic Realism" Period. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2020. No. 4. P. 15 – 25.
6. Popova Z.D. Semantic and Cognitive Analysis of Language. Voronezh: ISTOKI, 2007. 250 p.
7. Ulyanov M. Working as an Actor. Moscow: Iskusstvo, 1987. 402 p.
8. Fadeeva T.M. On the issue of lexical time markers in media texts. Actual problems of speech culture. Moscow: Moscow State Regional University, 2021. P. 22 – 26.
9. Shatalova O.V. The concept of being in the Russian language: history and current state. Moscow: Postator, 2023. 178 p.

Информация об авторе

Ермолова К.А., аспирант, Государственный университет просвещения

© Ермолова К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 316.7

Тождество тела и государства: концепции тела и вселенной в китайских медицинских пословицах – пример перевода в стиле российских СМИ

¹ Люй Цзинвэй

¹ Сюйчжоуский технологический университет (XZIT), Китай

Аннотация: данная статья посвящена анализу широко распространённых в традиционной китайской культуре медицинских пословиц в российских СМИ, раскрытию заложенного в них образа мышления «*тождества тела и государства*». По этому образу тело, государство и вселенная рассматриваются как органическое целое, обладающее однородной структурой и едиными законами движения. В статье систематизируются философские и культурные истоки концепции «тождества тела и государства», с трёх уровней – «естественного тела», «политического тела» и «этического тела», – отбираются типичные медицинские пословицы для интерпретации, анализируются отражённые в них малый мир (тело) и большой мир (вселенная). Результаты показывают, что китайские медицинские пословицы являются посредством для китайцев понимать отношения между жизнью, обществом и вселенной, концепция «*тождества тела и государства*» сформирует уникальную китайскую культуру для поддержания здоровья, влияет на социальные управления и этическую практику, составляет систему жизненной мудрости.

Ключевые слова: тождество тела и государства, медицинские пословицы, российские СМИ, философия единства, жизненная мудрость

Для цитирования: Люй Цзинвэй Тождество тела и государства: концепции тела и вселенной в китайских медицинских пословицах – пример перевода в стиле российских СМИ // Современный ученый. 2026. № 4. С. 198 – 205.

Поступила в редакцию: 31 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The identity of body and state: concepts of the body and cosmos in Chinese medical proverbs – a Russian media-style translation example

¹ Lyu Jingwei

¹ Xuzhou University of Technology (XZIT), China

Abstract: this article is dedicated to the analysis of medical proverbs widely prevalent in traditional Chinese culture, revealing the underlying concept of the “*identity of body and state*”. According to this concept, the body, the state, and the universe are viewed as an organic whole, possessing a homogeneous structure and unified laws of motion. The article systematizes the philosophical and cultural origins of the “identity of body and state” concept, selecting typical medical proverbs for interpretation from three levels – *natural body, political body and ethical body* – and analyzing the microcosm (body) and macrocosm (universe) reflected in them. The results demonstrate that Chinese medical proverbs serve as a medium for the Chinese people to understand the relationships between

life, society, and the universe. The concept of the “*identity of body and state*” forms a unique Chinese culture for maintaining health, influences social governance and ethical practices, and constitutes a system of life wisdom.

Keywords: identity of body and state, medical proverbs, philosophy of unity, life wisdom

For citation: Lyu Jingwei The identity of body and state: concepts of the body and cosmos in Chinese medical proverbs – a Russian media-style translation example. Modern Scientist. 2026. 4. P. 198 – 205.

The article was submitted: October 31, 2025; Approved after reviewing: December 29, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Макрокосм и микрокосм – одна из древнейших натурфилософских концепций, привлекающая внимание мифологов, теологов, философов и учёных. По определению святителя Григория Нисского, “человек есть некий малый мир, содержащий в себе те же стихии, которыми наполнена вселенная” [18]. Этот принцип получил широкое признание в ранней китайской философии. В китайском медицинском труде – «Трактате Жёлтого императора о внутреннем», природные явления (*Небо и Земля*) связываются с человеческим телом через систему **пяти стихий**. Например, встречается такая формулировка: «Юг рождает жар. Жар рождает стихию Огня. Огонь рождает горький вкус. Горький вкус порождает сердце. Сердце порождает кровь. Кровь порождает селезёнку. Сердце управляет языком. На Небе ему соответствует жар, на Земле – стихия Огня. В человеке это каналы. Среди органов-накопителей – сердце. Среди цветов – красный. Среди звуков – чжи. Среди модуляций голоса – смех. Среди отверстий организма это язык» [5]. Фактически, здесь создаётся модель медицины-вселенной, подчёркивающий динамическое равновесие между человеческим организмом и природой, вместо механического соответствия. Подобные представления о балансе между человеком, вселенной и природными элементами нашли яркое отражение в китайских медицинских пословицах:

*Сведущий врач лечит государство;
Весной прикрывайся, осенью мёрзни;
Зимой – ешь редьку, а летом – имбирь и не придётся к врачам вам ходить;
После еды делай 100 шагов и доживёшь до 99 лет.*

Данные медицинские пословицы, глубоко укоренённые в китайской медицине, представляют собой не просто практические рекомендации. Как определяет Т.Ф. Ефремова, «*пословица – меткое образное изречение, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл*» [6]. Китайские медицинские пословицы представляют собой **культурный код** [16], указывающий на масштабную и фундаментальную когнитивную схему устройства мира. В данной схеме тело человека не изолированное физиологическое существованием, а в форме микрокосма, взаимодействует с государством, вселенной. Здоровья тела, порядок в государстве, гармония космоса понимаются как конкретные проявления универсальных законов на разных уровнях [21].

С развитием межкультурной коммуникации и применением цифровых СМИ китайские медицинские пословицы проникли в российский медиадискурс, что ярко иллюстрирует в рамках **Семиотического Пространства** М.Ю. Лотмана, «*одновременно во всём пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать*» [15]. В современных российских СМИ трансляция китайских медицинских пословиц как раз свидетельствует в глубинной когнитивной структуре **тождества тела и государства**. Это подтверждает универсальность когнитивной схемы традиционной китайской медицины, и в то же время создаёт пространство диалога в области медицины между Россией и Китаем.

Материалы и методы исследований

Материалом научного исследования являются фрагменты из российских государственных и местных СМИ, включая статьи из информационных агентств (ИТАР Тасс, РИА Новости, «Известия», «Аргументы и факты», «Новая газета» и др.) за период 2015-2026 гг., содержащие медицинские пословицы китайского народа. В рамках теоретической концепции «тождества тела и государства», в работе применяются методы когнитивной лингвистики [19, 11, 13], культурологии и дискурс-анализа [3, 4, 9, 10]. Целью исследования является решение следующих задач:

- (1) Выявить философские основания китайских медицинских пословиц;
- (2) Демонстрировать их метафорических структур;

(3) Анализировать межкультурные трансформации в российском масс-медийном пространстве китайских медицинских пословиц;

Результаты и обсуждения

В ходе исследования установлено, что китайские медицинские пословицы раскрывают три взаимосвязанных концепции тела: естественное (гармония с «Небом и человеком»), политическое (метафора государственного управления) и этическое (единство здоровья и нравственности), формируя целостную философско-медицинскую систему.

1. Гармония является высшим законом.

Китайские медицинские пословицы уходят корнями в классическую философию Китая, основанную на концепции «единства Неба и человека». Считается, что **Небо** обладает волей, человеческие дела являются воплощением небесного замысла; воля **Неба** управляет человеческими делами, а человеческие деяния могут воздействовать на волю **Неба**, создавая таким образом их единство. Её основу составляют **Учение о пяти элементах** (вода, воздух, огонь, земля и металл в китайской натурфилософии) и философия **Ци**.

Пять элементов рассматриваются как динамичные, взаимозависимые формы (или аспекты) постоянного существования и развития вселенной [2], **Ци** является самой основой множества проявлений жизни, включая минералы, растения и животных (в том числе человека), как объяснил китайский философ Сюнь Куан (313-238 г. до н.э.) говорил: «Вода и Огонь имеют Ци, но не имеют жизни; травы и деревья имеют жизнь, но не имеют знаний; птицы и животные имеют знания, но не обладают чувством того, что есть правильно». Поэтому многие китайские медицинские пословицы выражаются через метафоры, к примеру, китайская медицинская пословица «Застой Ци и крови может вызывать боль» описывает как физиологию и патологию, так и служит метафорой управления государством; а пословица «Сердце – это чиновник-правитель» сравнивает сердце с государем, это физиолого-политическая метафора.

Таким образом, китайские медицинские пословицы реализуют когнитивное построение «тождества тела и государства» через многоуровневые метафоры. Можно классифицировать «тело» как «естественное тело», «политическое тело» и «этическое тело». На уровне естественного тела, ритмы поддержания здоровья человека синхронизируются с природными сезонами, формируя резонанс между микрокосмом и макрокосмом, как в пословице: «Весной прикрывайся, осенью мёрзни»; на уровне политического тела, медицинские действия аналогичны управлению государством, что отражает смысл государственного управления в медицинских пословицах, например, в ранее упомянутой пословице: «Сведущий врач лечит государство»; на уровне этического тела, здоровье определяется как состояние морального совершенства, а конфуцианская этика, китайская мудрость «управления собой, страной, семьёй и миром» расширяется, как в пословице: «Если человек добрый, болезней не возникнут».

Это становится прочной когнитивной парадигмой и сформирует уникальную культуру китайской медицины – так родилась самобытная культура китайской медицины: тело подобно империи, лечение – управлению государством, а гармонизация «внутреннего мира» становится высшим законом.

2. Естественное тело: сохранение здоровья в русле соответствия «Небу и человеку».

Тело человека рассматривается как миниатюра вселенной, и его функционирование должно резонировать с ритмами Неба и Земли. В китайской традиционной медицине, деятельность внутренних органов, каналов и коллатеральных сосудов (цзин-ло), ци и крови в человеческом теле тесно соответствует временам года, месяцам и даже суткам. Весна соответствует печени, отвечает за рост; осень соответствует лёгким, отвечает за сдерживание, Весной **Ян-ци** начинает подниматься, но ещё не достигает пика; поры кожи постепенно открываются, уменьшение одежды позволяет холоду и ветру проникнуть внутрь, повреждая поднимающийся **Ян-ци**. Осенью **Ян-ци** начинает сдерживаться, **Инь-ци** постепенно усиливается, холод в меру тренирует способность защитной **ци** поверхности тела к сдерживанию и уплотнению, подготавливая к зимнему хранению.

Для того, чтобы макрокосм (человек) синхронизировалась с микрокосмом (вселенной), необходимо соблюдать этот закон в распорядке дня и питании. В противном случае возникнет дисбаланс между человеком и вселенной, что приведёт к болезням. В российских СМИ встречается такая медицинская пословица: «Зимой ешь редьку, а летом имбирь», что как раз является примером «сезонного» подхода в питании.

Во фрагменте российского масс-медийного дискурса, данная пословица была процитирована в материалах о новогодних традициях: «Новогоднее китайское застолье – отдельный культурный феномен. Здесь каждое блюдо символизирует отдельное благопожелание. Вот что непременно входит в новогоднее меню: Редька. Подаётся сырой в салатах, тушённой или отваренной в густом бульоне. Одно из названий редьки – лайфу – «счастье пришло». В целом редька – один из популярных ингредиентов зимних блюд в Китае. Здесь говорят: “Зимой ешь редьку, а летом имбирь – к врачам обращаться не будет нужды”» [12].

С одной стороны, мы видим, что российская аудитория обратила внимание на часть культурного смысла – символическое значение прозвища редьки «лайфу» («счастье пришло»), а более глубокую мудрость оздоровления за этим стоящую поняли ограниченно. Такое восприятие отражает для межкультурной коммуникации явление упрощения – элементы чужой культуры часто сводятся к самым наглядным, наиболее символическим образам.

Это согласуется с теорией высоко/низко-контекстуальных культур Э. Холла, аудитория из низко-контекстуальных культур при интерпретации высоко-контекстуальных культур естественным образом отбрасывает сложный контекст, фокусируясь на узнаваемых символах.

С другой стороны, российский масс-медийный дискурс даёт правильное понимание китайских медицинских пословиц. Во время сезона Дашу – самого жаркого времени года, по китайскому сельскохозяйственному календарю это последний сезон лета, скоро наступит осень, а правильное питание – один из самых эффективных способов преодоления жирного сезона. Наблюдается цитирование пословицы в другом фрагменте дискурса: *«Ешь редьку зимой и имбирь летом – и забудешь о врачах; Имбирь осенью губителен для человека, утром он превосходит отвар женщины, вечером его можно сравнить с мышьяком. Если вечером есть имбирь, он съест человека. Перед сном ешь редьку, проснувшись – имбирь. Тогда незачем будет врачу выписывать рецепт...»* [7].

Русская аудитория подошла к пословицам диалектически, обобщая как целебные свойства имбиря, так и его клиническое применение. Рекомендуют, что правильное применение имбиря в быту способны устранить различные неприятные симптомы и улучшить качество жизни.

Поэтому такие пословицы устанавливают общее понятие между телом и вселенной, связывая человеческий организм с миром через селезёнку и желудок как ключевое звено. Это мудрость проявляется как в определении тёплого, холодного свойства продуктов, так и во временной философии (зимой-редьку, летом-имбирь), формируя систему оздоровления – правильное питание приводит тело в гармонию со вселенной.

3. Политическое тело: метафора исцеления в искусстве управления государством.

Когнитивная схема «Тождества тела и государства» в китайской традиционной мысли также сформировала уникальную систему политической философии. Когнитивная модель «сопоставление по аналогии» рассматривает государство как макроорганизм с жизненными характеристиками. Это и есть воплощение теории **воплощённого познания**, предложенной Д. Лакоффом и М. Джонсоном в китайской политической философии, а именно: понимание абстрактных политических концепций через телесный опыт. Как сказано, что сведущий врач лечит государство, средний врач лечит человека, худший врач лечит болезнь [14].

В качестве примера пословицы: *«Применять лекарства – как вести войну, управлять государством – как лечить болезнь»*. Она тесно связывает здоровье человека с управлением государством. В этой системе лечение болезней и управление государством методологически аналогичны: оба требуют диалектического подхода. Правитель должен регулировать методы управления в зависимости от изменений социальных противоречий. Принцип сочетания «главное – вспомогательное» является ядром здесь – основной компонент (правитель) определяет эффект, а вспомогательные (министры) усиливают его. Аспекты этой структуры неотделимы друг от друга, что соответствует политическому распределению власти.

Целостность служит другим важным измерением в этой метафорической системе. Китайская традиционная медицина понимает тело как единый организм, подчёркивает взаимодействие пяти органов, одна болезнь может вызывать другие. Метафорическая проекция проявляется в том, что экономика, культура, военная жизнь, благосостояние народов составляют единое целое, части которого влияют друг на друга. Кроме того, мера особенно важна в данной системе, это требует правителей соблюдать меру при управлении государством, чтобы достигать общего баланса.

В современном обществе, пословица *«Применять лекарства – как вести войну, управлять государством – как лечить болезнь»* развивается и получит переосмысление. Как цитируется в российском масс-медийном пространстве: *«Используя лекарства – ведём войну, используя медицину – выигрываем будущее...»* [8]. Борьба с эпидемией наглядно доказала то, что научное и точное распределение медицинских ресурсов подобно стратегии войны, что определяет успехи ли в движении. С точки зрения общественного порядка, строительство системы общественного здравоохранения является фундаментальными мерами, имеет решающее значение для будущего нации.

Практика борьбы с эпидемией в Китае служит воплощением концепции управления «народ превыше всего, жизнь превыше всего», сочетая традиционную мудрость с современным управлением. Из этого мы видим единство принципов лечения и управления государством – не только точно решать текущие проблемы, но и заранее создавать долгосрочные механизмы.

Благодаря сходству человеческого мышления, вышесказанная китайская пословица смогла успешно входить в русскую культуру, распространяться и восприниматься в русскоязычных СМИ. Это согласуется с тем, что отмечал Ю.М. Лотман – некоторые культурные символы обладают межкультурной адаптивностью и могут по-новому интерпретироваться в различных социальных контекстах [16]. Таким образом, пословица является и когнитивным инструментом, и средством коммуникации, и политической риторикой. Китайские пословицы в российских СМИ не только имеют такие функции, как функция привлечения внимания, эмоционально-экспрессивная функция, оценочная функция и регулятивная функция [17], но и выполняет функцию межкультурной коммуникации.

Рассмотрим ещё пример из дискурса российских масс-медийных СМИ: «*“Управлять большой страной – все равно, что готовить мелкую рыбёшку”*». Вопрос был такой: что не надо делать при приготовлении рыбёшки и управлении большой страной? Ответ оказался одновременно простым и мудрым – не нужно мешать...» [20]. Пословица «*Управлять большой страной – все равно, что готовить мелкую рыбёшку*» восходит к китайскому философу Лао Цзы тысячу лет назад, осмысленно отражала даосский принцип *У-вэй*, но демонстрировала один корень лекарство и пища, их общая философия заключается в следующем: огонь – это мера, вкусы – гармония, основы блюд – народ.

В ответ на вопрос российские СМИ дали объяснение – не нужно мешать, то есть управлять нужно мягко, без излишнего давления на людей, не ломая естественный ход событий. Не разрушать, а направлять. Не вмешиваться в каждую мелочь, а создавать условия для развития.

Этот метафорический диалог межкультурной коммуникации доказывает, что традиционная китайская мудрость управления государством в современную эпоху ещё сохраняет свою жизненную силу.

4. Этического тело: гармония физического здоровья и нравственного совершенствования.

Тело становится пространством для моральной практики. Нравственное развитие человека влияет не только на порядок общества, но и напрямую связано с его физическим здоровьем. «*Чрезмерная радость вредит сердцу, гнев – печени, грусть – лёгким, тоска – селезёнке, страх – почкам*» [5] доказывает, что эмоция – физиологическая сила. Видится, что в китайской медицинской системе, эмоции не просто ограничиваются психической сферой, эмоциональные нарушения приносят влияние на внутренние органы и напрямую повреждают их функции. Это придаёт медицинскую необходимость моральному самоконтролю.

Таким образом, самосовершенствование – это и есть забота о физическом здоровье, идеальный нравственный человек в теории должна также обладать гармоничным состоянием энергии и крови, а также здоровыми функциями своих органов. И наоборот, регуляции эмоций и нравственного самосовершенствования способствуют лечению физических болезней.

Это проявляется не только на личных людях, но и в макромасштабе влияет на общественную мораль. Как упоминалось в политической метафоре, государство подобно политическому телу: коллективные социальные эмоции (недовольство, паника, расточительство и т.д.) могут повреждать его «печень», «сердце» и т.п. и приводить к дисфункции системы управления. Вот с этой точки зрения, воспитание народа и поддержание спокойствия в обществе – это своего рода *политическое «здоровье»*. Современное управление предоставляет нам отличный пример, скандинавские страны поддерживают уровень социального доверия выше 50% благодаря политике всеобщего благосостояния, снижающей тревожность населения – уровень доверия к правительству в Люксембурге (56%), Мексике (54%) и Швейцарии (62%) [1].

Этот философский взгляд на «*этическое тело*» в процессе межкультурной коммуникации также демонстрирует удивительную жизнеспособность.

Российский литературный журнал в своём обсуждении темы *гуманных людей* и социальных отношений отмечает: «*Цивилизованный, человечный и гуманный человек – мечта идеального общества (государства)... Суммируя эти выводы, можно сделать заключение о том, что для воплощения мечты об идеальном государстве, как вариант – коммунистическое общество, которое сейчас создаёт Китай, нужны воспитанные, цивилизованные, человечные и гуманные люди, о чём твердили нам древние и мудрые. Таких людей нужно учить и воспитывать с малолетства, с учётом всего полезного из многотысячелетней истории нашей цивилизации*» [23]. Этот тезис восходит к китайской пословице «*仁者寿*» («гуманные люди долговечны»), которая перекликается с русской традиционной традицией: «*здоровый дух в здоровом теле*». Оба выражения удивительным образом отражают одинаковую суть – управление эмоциями важнее материальных вмешательств.

Это глубокое понимание «*воспитания людей*» проявляется не только в сфере духовной культуры, но и напрямую связано с материальной основой нации. Переводим взгляд от философских размышлений к современной практике, обнаруживаем: концепции воспитания *гуманных людей* и аграрная политика по охране здоровья населения, по сути представляют достижение цели «*ориентация на потребности людей*».

Таким образом, укрепления основы идеального общества состоит в сохранении баланса между нравственным воспитанием и научным обеспечением.

Как сказала ранее в беседе Ирина Донник, Россия ещё в 1996 году одобрила концепцию ООН о переходе к устойчивому развитию, одним из ключевых принципов которой является приоритет охраны здоровья населения. *«АПК вносит определяющий вклад в охрану здоровья населения, ведь, как гласит китайская поговорка, “ты есть то, что ты ешь”. Понимание этого обстоятельства иногда отстаёт от требований времени даже среди лиц, говорящих с высоких трибун. Необходимо прививать культуру безопасности, чтобы все принимаемые решения рассматривались именно через эту призму»* [22].

От восточной мудрости к западной практике, хотя Китай и Россия обладают разными культурными традициями, в когнитивном измерении демонстрируют межкультурный консенсус.

Выводы

Китайские традиционные медицинские пословицы в российских масс-медийных дискурсах, укоренённые в жизненной философской системе китайской культуры, формируют целостную когнитивную парадигму, которая унифицирует тело-нравственность, небо-человек – создаёт концепцию «тождества тела и государства». Данная концепция содержит уникальные космологические и соматические воззрения, выявляет особую культурную психологию и когнитивные модели. Это не только отражает традиционные китайские социальные идеалы, но предлагает для международного сообщества мудрость. Посредством китайских медицинских пословиц, российские масс-медийные СМИ раскрывают этические ориентиры и идеалы общественного устройства.

Список источников

1. Government at a Glance 2025. [Электронный ресурс] // OECD. 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/government-at-a-glance-2025_70e14c6c/full-report/levels-of-trust-in-public-institutions_62a3b94e.html#indicator-d1e5214-1a22a318f8 (дата обращения: 02.10.2025)
2. Wang, X. Wuxing: An Investigation into the interpretations of traditional Chinese cosmology in contemporary China // The Asia Pacific Journal of Anthropology. 2019. № 20 (2). С. 129 – 146.
3. Абакумова О.Б. Пословица в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 7 – 10.
4. Антонова О.Н. Паремии как средство функциональной модификации англоязычного публицистического дискурса // Вопросы прикладной лингвистики. 2012. № 8. С. 3 – 10.
5. Виноградский Б. Трактат Жёлтого императора о внутреннем. Том первый: Вопросы о простейшем [Электронный ресурс]. М.: «Международная издательская компания «Шанс», 2021. URL: <https://flibusta.su/book/134736-traktat-zhelтого-imperatora-o-vnutrennem-tom-1-voprosyi-o-prosteysheem-/read/> (дата обращения: 08.10.2025)
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000: в 2-х т. 1209 с.
7. Имбирь: как применять с пользой. [Электронный ресурс] // Акупунктура. РФ. 2026. URL: <https://www.xn--80aa3aaoljpfbd.xn--p1ai/blog/imbir-kak-primenyat-s-polzoy/> 2026 1/29 (дата обращения: 02.10.2025)
8. Используя лекарство – ведём войну, используя медицину — выигрываем будущее. [Электронный ресурс] // Труд. 2020. URL: https://www.trud.ru/article/06-03-2020/1387101_ispolzuja_lekarstvo--vedem_vojnu_ispolzuja_meditinu--vyigryvaem_budushee.html (дата обращения: 08.10.2025)
9. Казеннова О.А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе (на материале спортивных репортажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 24 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 330 с.
11. Каюмова Д.Ф. Сравнительная когнитивная лингвистика: Краткий конспект лекций. Казань: Каз. федер. ун-т, 2013. 110 с.
12. Китайский новый год: традиции от А до Я. [Электронный ресурс] // GGNC. 2024. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-02-02/1752937463969660930/index.html> (дата обращения: 02.10.2025)
13. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. М.: Черо, 2005. 336 с.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров внутри мыслящих миров // Развитие личности. 2017. № 1. С. 13 – 59.

16. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
17. Люй Ц. Функции китайских пословиц в российских дискурсах СМИ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С.154 – 157.
18. Малков П.Ю. Человек: микрокосм или макрокосм? [Электронный ресурс] // Азбука веры. 2011. URL: <https://xpa-spb.ru/libr/Malkov/chelovek-mikrokosm-makrokosm.html> (дата обращения: 02.10.2025)
19. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
20. Простой и мудрый ответ Лао Цзы на вопрос: что не надо делать при приготовлении рыбёшки и управлении большой страной. [Электронный ресурс] // Vc. ru. 2025. URL: <https://vc.ru/growth/2152077-otvet-lao-tszy-chto-ne-delat-pri-prigotovlenii-ryby-i-upravlenii-stranoy> (дата обращения: 02.10.2025)
21. Тань А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
22. УрГАУ продолжит разработку совместных научных направлений с аграриями из Чехии [Электронный ресурс] // ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/4169397> (дата обращения: 02.10.2025)
23. Цивилизованный, человеческий и гуманный человек – мечта идеального общества (государства) [Электронный ресурс] // МОРПОЛИТ. 2026. URL: <https://journal.morpolit.ru/civilizovannyj-chelovechnyj-i-gumannyj-chelovek-mechta-idealnogo-obshhestva-gosudarstva/> (дата обращения: 02.10.2025)

References

1. Government at a Glance 2025. [Electronic resource]. OECD. 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/government-at-a-glance-2025_70e14c6c/full-report/levels-of-trust-in-public-institutions_62a3b94e.html#indicator-d1e5214-1a22a318f8 (accessed: 02.10.2025)
2. Wang, X. Wuxing: An Investigation into the Interpretations of Traditional Chinese Cosmology in Contemporary China. The Asia Pacific Journal of Anthropology. 2019. No. 20 (2). P. 129 – 146.
3. Abakumova O.B. Proverb in media discourse. Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 330. P. 7 – 10.
4. Antonova O.N. Proverbs as a means of functional modification of English-language journalistic discourse. Issues of Applied Linguistics. 2012. No. 8. P. 3 – 10.
5. Vinogradsky B. The Yellow Emperor's Treatise on the Internal. Volume One: Questions about the Simplest [Electronic resource]. M.: International Publishing Company "Chance", 2021. URL: <https://flibusta.su/book/134736-traktat-zheltogo-imperatora-o-vnutrennem-tom-1-voprosyi-o-prosteyschem-/read/> (accessed: 08.10.2025)
6. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation. M.: Russian Language, 2000: in 2 volumes. 1209 p.
7. Ginger: How to Use It Beneficially. [Electronic resource]. Acupuncture. Russian Federation. 2026. URL: <https://www.xn--80aa3aaoljpfbd.xn--p1ai/blog/imbir-kak-primenyat-s-polzoy/> 2026 1/29 (date of access: 02.10.2025)
8. Using medicine – we wage war, using medicine – we win the future. [Electronic resource]. Trud. 2020. URL: https://www.trud.ru/article/06-03-2020/1387101_ispolzuja_lekarstvo--vedem_vojnu_ispolzuja_meditinu--vyigryvaem_budushee.html (date of access: 08.10.2025)
9. Kazennova O.A. The Functioning of Phraseologisms in Oral Discourse (Based on Sports Reports): Abstract of Cand. Sci. (Philology). Moscow, 2009. 24 p.
10. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 330 p.
11. Kayumova D.F. Comparative Cognitive Linguistics: Brief Lecture Notes. Kazan: Kaz. Federal University, 2013. 110 p.
12. Chinese New Year: Traditions from A to Z. [Electronic resource]. GGNC. 2024. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-02-02/1752937463969660930/index.html> (date accessed: 02.10.2025)
13. Kornilov O.A. Pearls of Chinese Phraseology. Moscow: Chero, 2005. 336 p.
14. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By: trans. from English. edited and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
15. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds Within Thinking Worlds. Personality Development. 2017. No. 1. P. 13 – 59.
16. Lotman Yu. M. Culture and Explosion. Moscow: Progress Publishing Group, 1992. 272 p.
17. Lu Q. Functions of Chinese Proverbs in Russian Mass Media Discourses. Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2018. No. 3. P. 154 – 157.

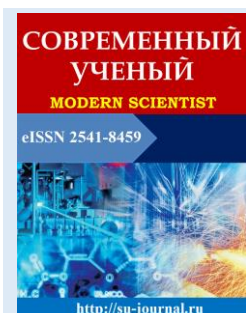
18. Malkov P.Yu. Man: Microcosm or Macrocosm? [Electronic resource]. ABC of Faith. 2011. URL: <https://xpa-spb.ru/libr/Malkov/chelovek-mikrokosm-makrokosm.html> (date of access: 02.10.2025)
19. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic-cognitive analysis of language. Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
20. Lao Tzu's simple and wise answer to the question: what not to do when cooking fish and governing a large country. [Electronic resource]. Vc. ru. 2025. URL: <https://vc.ru/growth/2152077-otvet-lao-tszy-chto-ne-delat-pri-prigotovlenii-ryby-i-upravlenii-stranoy> (accessed: 02.10.2025)
21. Tan A. Chinese picture of the world: Language, culture, mentality. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 240 p.
22. Ural State Agrarian University will continue to develop joint research projects with farmers from the Czech Republic [Electronic resource]. TASS. 2017. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/4169397> (date accessed: 02.10.2025)
23. A civilized, humane, and humane person is the dream of an ideal society (state) [Electronic resource]. MORPOLIT. 2026. URL: <https://journal.morpolit.ru/civilizovannyj-chelovechnyj-i-gumannyj-chelovek-mechta-idealnogo-obshhestva-gosudarstva/> (date of access: 02.10.2025)

Информация об авторе

Люй Цзинвэй, кандидат, старший преподаватель, Сюйчжоуский технологический университет (XZIT), Китай

© Люй Цзинвэй, 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 747.012

Компетентностная модель специалиста в области дизайна интерьеров: ключевые компетенции, их интеграция в профессиональные стандарты и методическое обеспечение в дополнительном профессиональном образовании

¹ Артамонов А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ компетентностной модели специалиста по дизайну интерьеров в условиях дополнительного профессионального образования с детальным выявлением пробелов в интеграции ключевых компетенций – от универсальных (коммуникация, психология клиента) и профессиональных (гармонизация форм, материаловедение, чертежная графика) до специальных (цифровизация CAD-программами ArchiCAD/3ds Max, авторский надзор, комплектация) в существующие профессиональные стандарты (профессиональный стандарт 10.028 «Архитектор-дизайнер»). На основе системного анализа научной литературы, нормативов и сравнения программ дополнительного профессионального образования (модули 1386 часов) предложена оригинальная иерархическая модель с тремя уровнями, методическим обеспечением (матрицы соответствия, портфолио проектов, практикумы с VR-презентациями) и экспертной оценкой (опрос отрасли). Результаты обеспечивают переход от декларативных подходов к прикладной методологии непрерывного образования, способствуя унификации профессии при отсутствии государственного стандарта, адаптации к цифровизации и повышению рыночной конкурентоспособности специалистов.

Ключевые слова: компетентностная модель, дизайн интерьеров, ДПО, профессиональные стандарты, цифровизация, CAD-программы, гармонизация форм, авторский надзор, методология образования

Для цитирования: Артамонов А.А. Компетентностная модель специалиста в области дизайна интерьеров: ключевые компетенции, их интеграция в профессиональные стандарты и методическое обеспечение в дополнительном профессиональном образовании // Современный ученый. 2026. № 4. С. 206 – 212.

Поступила в редакцию: 14 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The competence model of an interior design specialist: key competencies, their integration into professional standards and methodological support in continuing professional education

¹ Artamonov A.A.

¹ Federal State University of Education

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the competence model of an interior design specialist in the context of additional professional education, with detailed identification of gaps in the integration of key competencies – from universal (communication, client psychology) and professional (form harmonization, materials science, drawing graphics) to special (digitalization with ArchiCAD/3ds Max CAD programs, author supervision, configuration) to existing professional standards (professional standard 10.028 "Architect-designer"). Based on a systematic analysis of scientific literature, standards, and a comparison of continuing professional education programs (1386 hours modules), an original hierarchical model with three levels, methodological support (compliance matrices, project portfolios, workshops with VR presentations), and expert assessment (industry survey) is proposed. The results provide a transition from declarative approaches to applied lifelong learning methodology, contributing to the unification of the profession in the absence of a state standard, adaptation to digitalization and increasing the market competitiveness of specialists.

Keywords: competence model, interior design, vocational training, professional standards, digitalization, CAD programs, harmonization of forms, author's supervision, educational methodology

For citation: Artamonov A.A. The competence model of an interior design specialist: key competencies, their integration into professional standards and methodological support in continuing professional education. Modern Scientist. 2026. 4. P. 206 – 212.

The article was submitted: October 14, 2025; Approved after reviewing: December 11, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современном профессиональном образовании дизайн интерьеров выступает динамично развивающейся дисциплиной, где ключевым вызовом становится формирование компетентностной модели специалиста, способной отвечать требованиям цифровизации, инновационных технологий и быстрых рыночных трансформаций [5, 7]. Вместе с тем, основной проблемой данного направления продолжает оставаться недостаточная разработанность и интеграция ключевых компетенций дизайнера интерьеров (от обмеров и концептуального проектирования до визуализации, авторского надзора и комплектации объектов) в действующие профессиональные стандарты и методическое обеспечение дополнительного профессионального образования (далее – ДПО). Это проявляется в разрыве между теоретической подготовкой, ориентированной на традиционные методы, и практическими требованиями отрасли, где отсутствует единый государственный профессиональный стандарт, а отраслевые аналоги, не утвержденные Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд) не полностью учитывают цифровизацию и междисциплинарные навыки, такие как работа в системах автоматизированного проектирования (далее – CAD-программы (например, ArchiCAD, 3ds Max)) и эргономика.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью методологии компетентностного подхода, обеспечивающей непрерывное образование и выпуск специалистов с портфолио готовых проектов, интегрирующих универсальные (коммуникация, психология клиента) и профессиональные компетенции (материаловедение, стилистика, нормативные требования) в условиях отсутствия лицензирования профессии и фрагментации стандартов (например, пересечение с профессиональным стандартом 10.028 «Архитектор-дизайнер», утвержденным приказом Минтруда от 14 сентября 2022 года №538н) [1].

Материалы и методы исследований

Методология исследования включает системный анализ профессиональных стандартов для выявления ключевых компетенций и пробелов в их интеграции, сравнительный анализ программ ДПО с рыночными требованиями для диагностики качества методического обеспечения, контент-анализ учебных планов для

оценки сетевого взаимодействия, моделирование компетентностной структуры с использованием матриц и экспертную оценку отрасли для валидации модели.

Результаты и обсуждения

В научной литературе компетентностный подход (подход, ориентированный на формирование системы компетенций как интегральной характеристики специалиста, включающей знания, умения, ценности и готовность к профессиональной деятельности) к подготовке специалистов по дизайну интерьеров позиционируется как инструмент гармонизации творческих (художественно-эстетических), технических (инженерно-технологических) и профессиональных (рыночно-ориентированных) компетенций в контексте эволюционирующих образовательных стандартов (от Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (далее – ГОС ВПО) к федеральным государственным образовательным стандартам (далее – ФГОС), однако выявляются существенные пробелы в его адаптации к специфике ДПО при отсутствии унифицированных профессиональных стандартов (нормативных документов, определяющих трудовые функции, знания и умения) [11, 12, 13, 14].

Так, например, одни авторы [10] концептуализируют дизайн как системную методологию (набор последовательных этапов и инструментов для решения задач), интегрирующую проектную деятельность (цикл от анализа проблемы к воплощению) в образовательный процесс – от постановки задач до их реализации. При этом акцент делается на компетенции гармонизации форм (согласование эстетических и функциональных параметров), работе с информационными ресурсами (базы данных материалов, нормативов) и междисциплинарный синтез (сочетание искусства, инженерии и экономики). Предполагается, что вышеуказанный подход к компетентностной модели способствует развитию инновационного мышления (способности генерировать новые решения), но предполагает усиление практико-ориентированной компоненты (практикумов, стажировок) в вузовских программах.

С вышеприведенным подходом нельзя не согласиться в целом, поскольку он обоснованно позиционирует дизайн как системную методологию, эффективно интегрирующую проектную деятельность в образование, что способствует формированию комплексных компетенций: гармонизация форм обеспечивает эстетическую и функциональную устойчивость проектов, работа с ресурсами – обоснованность решений, междисциплинарный синтез – адаптивность специалиста к рынку. Развитие инновационного мышления через такой цикл (анализ – реализация) напрямую отвечает требованиям цифровизации ДПО, где дизайнеры интерьеров нуждаются в генерации решений для нестандартных задач, подтверждая практическую ценность для перехода от теории к практике.

Однако акцент преимущественно на вузовских программах игнорирует специфику ДПО, где время ограничено и делается фокус на быстром освоении навыков (визуализация через CAD-программы), а не полном цикле. При этом усиление практикумов связано с рисками дублирования отраслевых стандартов без их унификации, приводя к фрагментации компетенций. Предположение об инновационном мышлении недооценивает барьеры (отсутствие государственного стандарта, мотивационные пробелы), делая модель декларативной без эмпирической диагностики в контексте реальных проектов интерьеров.

Другие авторы проводят деконструкцию профессиональной компетенции на когнитивные (знания эстетики и материалов), практические (визуализация: создание 2D/3D-изображений, чертежная графика) и мотивационные компоненты (внутренняя готовность к деятельности), предлагая их обобщение для оптимизации учебных планов (структурированных программ обучения). При этом акцент делается на психологическом аспекте, когда мотивация клиента лежит в основе деятельности, а сплоченность команды рассматривается в качестве фактора успеха [2].

Такой подход обоснованно деконструирует компетенцию на когнитивные, практические и мотивационные компоненты, обеспечивая целостную оптимизацию учебных планов, где обобщение компонентов упрощает модульную структуру ДПО. Психологический акцент на мотивации клиента (понимание нужд для персонализации проектов) и сплоченности команды (коллаборация с подрядчиками) усиливает рыночную адаптивность дизайнера интерьеров, подтверждая эффективность в отраслевых стандартах, где коммуникация определяет успех.

Вместе с тем, деконструкция связана с риском избыточной абстракции, игнорируя специфику дизайна интерьеров: когнитивные знания устаревают без цифровизации (интеграция с CAD-программами), практические навыки требуют не обобщения, а специализации (авторский надзор), а мотивационные компоненты недооценивают внешние факторы (бюджет клиента). Фокус на психологии клиента и команды также отвлекает от технических пробелов в отсутствии государственного стандарта, делая позицию декларативной без эмпирической проверки в ДПО-программах и не учитывает рыночные реалии ДПО (коммерческие аспекты переподготовки).

Г.А. Кувшинова анализирует трансформацию (изменение формы и содержания) от ГОС ВПО (стандарты 1990-2000-х, ориентированные на знания) к ФГОС (стандарты 2010-х и позднее, с фокусом на компетенции), характеризующуюся введением квалификационных уровней (бакалавр, магистр), сроков обучения (4-6 лет) и модульных структур (блочные учебные единицы). Автор отмечает прогресс в ориентации на рынок труда (соответствие спросу работодателей), но подвергает критике фрагментацию стандартов (рассеивание норм), при которой дизайн интерьеров (проектирование внутренних пространств) размывается (стираются границы) с архитектурным проектированием (общая среда) без адекватной интеграции цифровизации (CAD-программы, 3D-моделирование). Также Г.А. Кувшинова указывает на необходимость изучения дополнительных работ по цветоведению (науке о цвете) и компетентностному подходу, подчеркивая значимость дисциплин типа колористики (применение цвета в дизайне) в формировании дизайнерских компетенций с использованием методологии анализа образовательных практик (изучение реальных кейсов) для их внедрения [6].

Анализ Г.А. Кувшиновой обоснованно документирует трансформацию от знания-ориентированных ГОС ВПО к компетентностным ФГОС, где модульные структуры и квалификационные уровни обеспечивают гибкость, а ориентация на рынок труда (соответствие работодателям) усиливает релевантность подготовки дизайнеров интерьеров. Критика фрагментации (размывание с архитектурой) и пробелов в цифровизации (CAD, 3D) точно выявляет барьеры, подтверждая необходимость интеграции колористики и анализа практик для целостной модели в ДПО.

Однако фокус преимущественно на вузовской эволюции игнорирует ДПО-контекст, где сроки короче (1386 часов) и модули ориентированы на практику, а критика фрагментации видится декларативной без предложений унификации с отраслевыми стандартами. Упоминание колористики как ключевой дисциплины недооценивает приоритетные компетенции (авторский надзор, комплектация), ограничивая позицию без эмпирического моделирования.

Таким образом, в специализированной литературе сформирован теоретический фундамент компетентностной модели, представляющей дизайн интерьеров как синтез художественного (эстетика) и инженерного (технологии) знания. Однако, имеющиеся научные подходы не соотносимы с практикой ДПО. Так, преимущество отдается вузовскому образованию (базовое высшее образование является приоритетным), а не ДПО. Указанные ограничения подтверждают актуальность перехода от декларативных конструкций (формальных заявлений) к прикладной методологии, учитывающей отсутствие государственного профессионального стандарта и процессы цифровизации.

Предлагаемая компетентностная модель специалиста в области дизайна интерьеров строится как иерархическая структура из трех уровней: универсального, профессионального и специального, что позволяет обеспечить последовательное освоение навыков от базовых адаптационных к инновационным и рыночным. Такой подход обоснован необходимостью преодоления фрагментации стандартов и десинхронизации образования с практикой ДПО.

Универсальный уровень компетенций является базовым, поскольку обеспечивает адаптивность специалиста в изменяющейся профессиональной среде, где взаимодействие с заинтересованными сторонами предшествует любому техническому этапу. Без данного уровня проект не может быть начат, так как отсутствие понимания потребностей приводит к переработкам и финансовым потерям. Ключевые компетенции включают:

- коммуникацию с клиентом: анализ технического задания (далее – ТЗ), выявление функциональных нужд, предпочтений и ограничений (бюджет, сроки), ведение переговоров, презентацию эскизов и корректировку на основе обратной связи;
- психологию: мотивация клиента для утверждения концепции (могут быть использованы техники убеждения, эмпатия, разрешение конфликтов, что способствует лояльности и рекомендациям);
- командную работу: координация с подрядчиками (архитекторами, строителями, поставщиками), распределение задач, контроль сроков.

Универсальный уровень компетенций в предложенной модели представляет фундаментальную основу профессиональной подготовки дизайнера интерьеров, опираясь на теоретические положения компетентности [4], где универсальные компетенции определяются как метапредметные образования, обеспечивающие перенос навыков в различные контексты деятельности и адаптацию к неопределенности среды [9]. Научное обоснование уровня коренится в системном подходе к профессионализму [12], согласно которому взаимодействие с заинтересованными сторонами предшествует техническим фазам, минимизируя риски переработок, что подтверждает роль коммуникации как основы успеха. Психология (мотивация, эмпатия) интегрируется на базе трудов А.Н. Леонтьева о деятельности, где внутренняя готовность субъекта и разре-

шение конфликтов способствуют устойчивости проекта. Командная работа опирается на теорию групповой динамики [8]. Таким образом, уровень обеспечивает резiliентность специалиста, подтвержденную моделями непрерывного образования, где отсутствие базовых навыков блокирует прогресс к профессиональным и специальным уровням.

Профессиональный уровень выступает средним звеном, синтезирующим художественное и техническое знание в основные навыки проектирования. Данный уровень формирует суть профессии по и необходим для создания функциональных и эстетичных интерьеров, устраняя размывание границ с архитектурой (профессиональный стандарт 10.028, ориентированный на внешнюю среду). Ключевые компетенции включают:

- гармонизацию форм: согласование эстетики (стилистика, колористика) и функционала (эргономика, зонирование пространства жилых/общественных помещений), разработка концепции с учетом строительных норм и правил (далее - СНиП) и санитарно-эпидемиологических правил и норм (далее - СанПиН);
- материаловедение: знание свойств отделочных материалов (текстуры, устойчивость к износу, экологичность), расчет совместимости и стоимости.
- чертежную графику: создание 2D-планов (план меблировки, разрезы), спецификаций (ведомости материалов, оборудования) для производства.

Фокус на интерьерах минимизирует пересечения с архитектурой, обеспечивая специализацию «дизайн интерьеров» и соответствие рыночным требованиям.

Профессиональный уровень компетенций модели представляет срединный слой, синтезирующий гуманитарно-художественное и естественно-техническое знание в ключевые навыки интерьерного проектирования, обоснованный принципами системно-структурного подхода [3] и теорией профессионального мастерства [15], где средний уровень обеспечивает переход от общих способностей к специализированным действиям.

Научное обоснование профессионального уровня компетенций опирается на функциональный анализ труда А.Н. Леонтьева [8], где синтез эстетики и техники формирует «суть профессии». Гармонизация форм интегрирует эргономику с нормативами СНиП и СанПиН, материаловедение опирается на физико-химические свойства веществ, информация о которых может содержаться в стандартах. Этот уровень обеспечивает специализацию «дизайн интерьеров» (внутренние пространства), минимизируя пересечения с архитектурой, и соответствует принципам компетентностного моделирования, где средний слой фиксирует профессионально значимые действия для ДПО-программ.

Специальный уровень компетенций модели является высшим уровнем, отвечающим современным вызовам цифровизации и полной реализации проектов. Данный уровень компетенций требует мастерства и опыта от специалиста для конкурентоспособности на рынке, где 80% проектов используют цифровые инструменты, а контроль реализации определяет качество. Ключевые компетенции включают:

- цифровизацию: владение CAD-программами (ArchiCAD для планировки, 3ds Max для 3D-визуализации и рендеринга), моделирование, фотореализм, VR-презентации.
- авторский надзор: контроль этапов строительства (соответствие проекту, корректировки на объекте), фотофиксация, акты.
- комплектации: подбор поставщиков, закупки, бюджетирование, оптимизация затрат с учетом логистики.

Эта детализация позволяет внедрить модель в ДПО-программы как матрицу с индикаторами оценки (например, портфолио проектов), обеспечивая переход от декларативного описания к прикладному использованию.

Специальный уровень компетенций модели представляет вершину иерархии, ориентированную на инновационные и интегративные задачи в условиях цифровизации и полной реализации проектов, обоснованный теорией уровневой дифференциации компетенций [10], где высший уровень предполагает мастерство, опыт и способность к рефлексии для решения сложных, неструктурированных проблем. Научное обоснование уровня опирается на концепцию цифровой трансформации профессионального образования [12], где владение CAD-программами отвечает требованиям ФГОС 3++ для IT-компетенций (ПК-5). Авторский надзор и комплектация базируются на теории управления проектами [11], где контроль реализации (фотофиксация, акты) и бюджетирование минимизируют отклонения (до 20% по статистике отрасли). Внедрение через матрицу индикаторов (портфолио как основа оценки) соответствует критериям аутентичной оценки [10], обеспечивая прикладное значение ДПО по модели непрерывного обучения, когда высший уровень гарантирует конкурентоспособность на рынке, где 80% проектов являются цифровыми проектами.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что разработанная компетентностная модель устраняет выявленные пробелы, предлагая иерархическую структуру (универсальный – профессиональный – специальный уровни), интегрированную с отраслевыми стандартами и адаптированную для ДПО. Универсальный уровень обеспечивает адаптивность, профессиональный – синтез эстетики и техники, специальный – цифровизацию и реализацию, что подтверждает переход от декларативных подходов литературы к прикладной методологии. Внедрение через матрицы и портфолио повысит качество подготовки, способствуя унификации профессии в отсутствие государственного стандарта, отвечая вызовам цифровизации.

Список источников

1. Приказ Минтруда России от 14.09.2022 № 538н «Об утверждении профессионального стандарта «Архитектор-дизайнер» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2022 №70508) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.10.2022.
2. Буранок Д.Д. Компетентностный подход в подготовке будущих дизайнеров // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №2-4. С. 1058 – 1062.
3. Ильин Е.П. Психология для педагогов. СПб.: Питер, 2012. 640 с.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исслед. центр. пробл. качества подгот. специалистов, 2004. 38 с.
5. Королева Л.Ю., Хайруллина Э.Р. Подготовка студентов-дизайнеров к профессиональной деятельности в рамках компетентностного подхода // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 19. С. 391 – 394.
6. Кувшинова Г.А. Эволюция образовательных стандартов профессиональной подготовки дизайнеров в отечественной высшей школе конца XX и начала XXI века // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. № 9. С. 851 – 859.
7. Кувшинова Г.А. Особенности дизайн-образования в России // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 130 – 133.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
9. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 185 с.
10. Р. Мередит Белбин. Типы ролей в командах менеджеров: пер.с англ. М.: НРРО, 2003. 232 с.
11. Романов В., Лысенко В., Тюрина Е. Инженерная педагогика и проблемы дизайн-образования // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 35 – 41.
12. Скачкова Н.В. Компетентностный формат дизайнерской подготовки бакалавра профессионального обучения // Вестник ТГПУ. 2013. № 11 (139). С. 204 – 208.
13. Соснин Н.В. Дизайн как основа компетентностной модели инженерного образования // Высшее образование в России. 2009. № 12. С. 20 – 26.
14. Соснин Н.В. Компетентностный подход в инновационном инженерном образовании. Красноярск: КГТУ, 2006. 182 с.
15. Шишкин Ф. Т. Компетенция и компетентность как ключевые понятия компетентностного подхода в образовании // Наука и школа. 2008. № 4. С. 5 – 7.

References

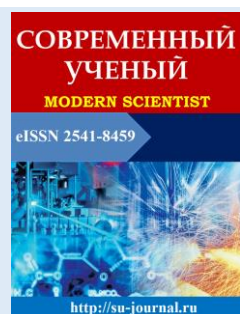
1. Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 14, 2022, No. 538n, "On Approval of the Professional Standard "Architect-Designer" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 14, 2022, No. 70508). Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, October 14, 2022.
2. Buranok D.D. Competency-Based Approach in Training Future Designers. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. Nos. 2-4. P. 1058 – 1062.
3. Ilyin E.P. Psychology for Teachers. St. Petersburg: Piter, 2012. 640 p.
4. Zimnyaya I.A. Key Competencies as a Results-Target Basis for a Competency-Based Approach in Education. Moscow: Research Center for Problems of Quality of Training of Specialists, 2004. 38 p.
5. Koroleva L.Yu., Khairullina E.R. Training student designers for professional activity within the framework of the competence-based approach. Bulletin of Kazan Technological University. 2013. No. 19. P. 391 – 394.
6. Kuvshinova G.A. Evolution of educational standards for professional training of designers in domestic higher education at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2024. No. 9. P. 851 – 859.

7. Kuvshinova G.A. Features of design education in Russia. The world of science, culture, education. 2021. No. 4 (89). P. 130 – 133.
8. Leontiev A. N. Activity. Consciousness. Personality: A Textbook. 2nd ed., Stereotype. Moscow: Smysl: Academy, 2005. 352 p.
9. Lerner I. Ya. Didactic Foundations of Teaching Methods. Moscow: Pedagogy, 1981. 185 p.
10. R. Meredith Belbin. Types of Roles in Management Teams: Translated from English. Moscow: HIPPO, 2003. 232 p.
11. Romanov V., Lysenko V., Tyurina E. Engineering Pedagogy and Problems of Design Education. Higher Education in Russia. 2008. No. 7. P. 35 – 41.
12. Skachkova N.V. Competency-Based Format of Design Training for Bachelor of Professional Education. Bulletin of TSPU. 2013. No. 11 (139). P. 204 – 208.
13. Sosnin N.V. Design as a Basis for a Competency-Based Model of Engineering Education. Higher Education in Russia. 2009. No. 12. P. 20 – 26.
14. Sosnin N.V. Competency-Based Approach in Innovative Engineering Education. Krasnoyarsk: KSTU, 2006. 182 p.
15. Shishkin F.T. Competence and Competence as Key Concepts of the Competency-Based Approach in Education. Science and School. 2008. No. 4. P. 5 – 7.

Информация об авторе

Артамонов А.А., аспирант, Государственный университет просвещения, artamonov2012@yandex.ru

© Артамонов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37.01

Организационно-методические основы формирования групп здоровья студентов для занятий физической культурой

¹ Евдокимов И.М.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: оптимальное распределение студентов по медицинским группам здоровья для занятий физической культурой представляет собой существенный элемент врачебного контроля, обеспечивающий безопасность, индивидуализацию и максимальную оздоровительную эффективность физического воспитания в высшем учебном заведении. Несмотря на существование нормативных критериев, практическая реализация этого процесса на местах может сталкиваться с системными трудностями, что потенциально снижает качество медицинского сопровождения. Целью данного исследования являлось выявление и анализ типичных ошибок, возникающих при распределении студентов по медицинским группам здоровья, и определение их организационных причин. В рамках данного исследования было проведено целенаправленное обследование системы врачебного контроля на базах Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения (СПбГУАП) и Санкт-Петербургского университета ветеринарной медицины (СПбГУВМ). Основными методами исследования послужили организационный анализ, выборочное изучение медицинских карт студентов с оценкой соответствия диагнозов назначенной медицинской группе, а также беседы с медицинскими работниками данных вузов. Результаты показали, что наибольшие затруднения и ошибки возникают при формировании подготовительной группы здоровья. Были выявлены многочисленные случаи необоснованного зачисления в данную группу студентов, чье состояние здоровья по характеру и выраженности отклонений соответствовало критериям специальной медицинской группы. Значительно реже встречалась обратная ошибка – неоправданное отнесение обучающихся к специальной медицинской группе. Полученные данные свидетельствуют о необходимости системности и детализации критериев распределения для пограничных состояний здоровья.

Ключевые слова: студенты, врачебный контроль, физическое воспитание, медицинские группы, подготовительная группа, специальная медицинская группа, физическая культура, медицинские работники

Для цитирования: Евдокимов И.М. Организационно-методические основы формирования групп здоровья студентов для занятий физической культурой // Современный ученый. 2026. № 4. С. 213 – 218.

Поступила в редакцию: 14 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Organizational and methodological foundations of the formation of students' health groups for physical education

¹ Evdokimov I.M.

¹ *St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation*

Abstract: the optimal distribution of students into medical health groups for physical education is an essential element of medical control, ensuring the safety, individualization and maximum health-improving effectiveness of physical education in higher education institutions. Despite the existence of regulatory criteria, the practical implementation of this process in the field may face systemic difficulties, which potentially reduces the quality of medical support. The purpose of this study was to identify and analyze typical errors that occur when students are assigned to medical health groups, and to determine their organizational causes. As part of this study, a targeted examination of the medical control system was conducted at the bases of the St. Petersburg University of Aerospace Instrumentation and the St. Petersburg University of Veterinary Medicine. The main research methods were organizational analysis, a selective study of students' medical records with an assessment of the compliance of diagnoses with the assigned medical group, as well as conversations with medical professionals from these universities. The results showed that the greatest difficulties and mistakes arise when forming a preparatory health group. Numerous cases of unjustified enrollment in this group of students were identified, whose state of health, by the nature and severity of the abnormalities, corresponded to the criteria of the special medical group. The reverse error was much less common – the unjustified assignment of students to a special medical group. The data obtained indicate the need for systematic and detailed distribution criteria for borderline health conditions.

Keywords: students, medical supervision, physical education, medical groups, preparatory group, special medical group, physical education, medical workers

For citation: Evdokimov I.M. Organizational and methodological foundations of the formation of students' health groups for physical education. Modern Scientist. 2026. 4. P. 213 – 218.

The article was submitted: October 14, 2025; Approved after reviewing: December 11, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В основе отечественной системы физического воспитания студентов исторически лежит принцип дифференцированного подхода, регламентированный нормативными документами [2]. Ключевым из них является Положение о врачебном контроле, согласно которому все учащиеся на основании состояния здоровья распределяются по трём медицинским группам: основная (для здоровых студентов), подготовительная (для лиц с незначительными функциональными отклонениями или временными ограничениями) и специальная (для студентов со стойкими нарушениями здоровья, требующими значительного ограничения физических нагрузок). Данная система призвана оптимизировать педагогический процесс, обеспечивая как максимальную пользу от занятий физической культурой, так и безопасность для каждого обучающегося. Однако, несмотря на чёткость теоретических критериев, их практическая реализация в условиях массовой медицины сопряжена с рядом трудностей [8]. Распределение по группам здоровья, часто осуществляется под влиянием организационных факторов, дефицита времени и субъективных оценок медицинских работников. Таким образом, существует очевидный разрыв между нормативным идеалом и повседневной практикой. Целью настоящего исследования стал анализ реальной процедуры распределения учащихся по медицинским группам здоровья. Исследование направлено не только на констатацию ошибок, но и на выявление их системных причин.

Материалы и методы исследований

Проведено исследование проверочного характера, на базах СПбГУАП и СПбГУВМ, было направленно на оценку соответствия практики распределения студентов по медицинским группам здоровья установленным нормативным критериям. Объектом исследования выступила организационно-методическая составляющая данного контроля в рамках ежегодных профилактических медицинских осмотров студентов. Основным источником наблюдаемых показателей являлись индивидуальные медицинские карты учащихся

(форма № 26/у), содержащие заключения о состоянии здоровья, диагнозы и указание назначенной медицинской группы для занятий физической культурой.

Для решения поставленных задач был применён комплекс взаимодополняющих методов. На первом этапе проведён организационный анализ, в ходе которого оценивались регламенты и локальная документация, определяющие процесс проведения ежегодных медицинских осмотров и последующего распределения студентов по медицинским группам здоровья, с акцентом на целостность и последовательность данного организационного алгоритма [4]. На втором этапе использован аналитико-статистический метод, включавший выборочный аудит медицинской документации. Осуществлялась целевая проверка записей в медицинских картах, где критерием корректности распределения служило строгое соответствие зафиксированного диагноза или состояния здоровья студента официальным критериям для отнесения к основной, подготовительной или специальной медицинской группе согласно актуальному на момент обследования.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования первичным критерием оценки являлось наличие документально подтверждённого соответствия между состоянием здоровья учащихся, зафиксированной в медицинской карте (форма № 26/у), и нормативными требованиями к назначенной медицинской группе здоровья согласно действовавшему Положению. Качественный содержательный анализ данных, полученных методом аудита документации и бесед, позволил не только констатировать факт некоторых расхождений, но и провести их систематизацию, выявив ключевые организационно-методические недостатки в деятельности медицинской службы. Обследование показало, что распределение студентов в основную и специальную медицинские группы, как правило, не вызывает существенных затруднений у медицинских работников и в большинстве случаев проводится корректно. Основная группа формируется для здоровых студентов, не имеющих отклонений, ограничивающих физическую нагрузку [1]. Специальная группа, в свою очередь, назначается учащимся с документально подтверждёнными стойкими и значительными отклонениями в состоянии здоровья (например, пороки сердца, хронические заболевания в стадии компенсации, выраженные нарушения опорно-двигательного аппарата), требующими существенной индивидуализации и ограничения физических нагрузок [9]. Критерии назначения в специальную медицинскую группу представлен табл. 1.

Таблица 1

Критерии и особенности назначения специальной медицинской группы (СМГ).

Table 1

Criteria and features of appointment of a special medical group (SMG).

Критерий назначения	Характеристика состояния здоровья	Примеры заболеваний	Особенности организации занятий
Назначается студентам с документально подтверждёнными (справка от врача-специалиста) стойкими и значительными отклонениями в состоянии здоровья.	Отклонения носят хронический характер, но могут находиться в стадии компенсации (без обострения).	Пороки сердца, хронические заболевания (бронхиальная астма, пиелонефрит и др.) в стадии компенсации, выраженные нарушения опорно-двигательного аппарата (сколиоз, последствия травм).	Требуется существенная индивидуализация программы и ограничение объёма, интенсивности и характера физических нагрузок.

Основные проблемы и системные ошибки были сконцентрированы в процессе формирования подготовительной медицинской группы, которая в контексте нашего исследования выступает как «зона неопределённости» и повышенного риска ошибочных решений. Исследование установило два преобладающих типа ошибок, обладающих разной распространенностью и различной клинико-организационной сущностью. Наиболее распространённой была ошибка некорректного смягчения группы здоровья, которая была зафиксирована в 45% случаях в обеих высших учебных заведениях. Она заключалась в необоснованном зачислении в подготовительную группу, чьё состояние здоровья по характеру и выраженности отклонений в полной мере соответствовало критериям для отнесения к специальной группе здоровья. Типичными примерами являлось включение в подготовительную группу учащихся со значительными нарушениями осанки (сколиоз II степени), резидуальными явлениями после серьёзных заболеваний (например, миокардит, пневмония) без полного восстановления функциональных возможностей, а также с хроническими заболеваниями в неустойчивой компенсации. Ошибки необоснованного отнесения к подготовительной группе здоровья представлены в табл. 2.

Таблица 2

Типичные случаи необоснованного отнесения к подготовительной группе здоровья.

Table 2

Typical cases of unjustified attribution to the preparatory health group.

Категория состояния здоровья	Конкретные примеры / Медицинские показания	Почему это ошибка (ожидаемое решение)
Значительные нарушения опорно-двигательного аппарата.	Сколиоз II степени и другие выраженные нарушения осанки.	Такие стойкие значительные отклонения, как правило, требуют отнесения к специальной медицинской группе (СМГ) для существенной индивидуализации нагрузок.
Неполное восстановление после серьёзных заболеваний.	Остаточные явления после перенесённых серьёзных заболеваний без полного восстановления функциональных возможностей организма.	Состояние требует не просто облегчённых нагрузок (подготовительная группа), а временного освобождения или особого врачебного контроля, так как организм не готов к стандартному учебному процессу.
Неустойчивая компенсация хронических заболеваний.	Хронические болезни (например, бронхиальная астма, заболевания почек) в стадии нестойкой компенсации, когда высок риск обострения.	Неустойчивое состояние требует не стандартных ограничений подготовительной группы, а, скорее, индивидуальной программы в рамках СМГ или временного освобождения в период неустойчивости.

Подобная практика, обусловлена направленностью медицинских работников упростить организацию учебного процесса, однако она приводит к неадекватной и потенциально опасной физической нагрузке для данной категории учащихся [3].

Значительно реже – примерно в 10% случаев – встречалась необоснованное ужесточение группы здоровья. Она заключалась в отнесении студентов с незначительными, временными нарушениями в состоянии здоровья (например, период после лёгкой острой респираторной вирусной инфекции, функциональные нарушения) непосредственно в специальную группу, минуя подготовительную. Это свидетельствует о избыточно осторожном подходе к трактовке нормативных критериев, что неоправданно ограничивает двигательную активность и процесс физической реабилитации учащихся, не имеющих для этого медицинских противопоказаний.

Причиной выявленного несоответствия является: подготовительная группа здоровья часто используется как зона диагностической неопределённости или организационных сложностей [7]. Беседы с медицинским персоналом подтвердили, что ключевыми организационно-методическими причинами расхождений являются: отсутствие чётких, алгоритмизированных протоколов принятия решения для пограничных состояний; дефицит времени на углублённое обследование в условиях массового профилактического осмотра; недостаточный уровень уверенности в трактовке критериев специальной группы здоровья.

Выводы

Проведённое исследование позволило определить системные недостатки в организации врачебного контроля за физическим воспитанием студентов. Установлено, что наиболее проблемным звеном является процедура формирования подготовительной медицинской группы. Преобладающим видом ошибок выступает необоснованное отнесение к данной категории учащихся, чьи стойкие и значительные отклонения в состоянии здоровья соответствуют диагностическим критериям для специальной медицинской группы [5]. Фактором выявленных нарушений является организационная недостаточность системы контроля на уровне, где на процесс принятия решений существенное влияние оказывают субъективные факторы: дефицит времени на осмотр, недостаточная оценка функциональных резервов организма, что приводит к преобладанию внешнего подхода над углублённой клинико-функциональной диагностикой [6]. Для повышения эффективности, безопасности и объективности врачебного контроля необходима реализация комплекса мер, включающего разработку и внедрение дифференцированных клинических алгоритмов для чёткого отграничения подготовительной и специальной медицинских групп здоровья. Реализация данных предложений позволит минимизировать субъективную составляющую, обеспечить научно обоснованный и индивидуальный подход к каждому учащемуся и, в конечном итоге, повысить профилактическую и оздоровительную эффективность занятий физической культурой в образовательных учреждениях.

Список источников

1. Бортновский В.Н, Зененкова Е.Ю., Меркушев И.А. Актуальные вопросы обеспечения физической культуры и спорта студенческой молодежи // Спорт, человек, здоровье: материалы XII Международного научного конгресса, посвященного 300-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 16-18 апреля 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2025. С. 251 – 253.
2. Гриднева И.В., Харина М.В., Апарин В.Е. Физическая культура в обеспечении здорового образа жизни студентов медицинских вузов // Культура физическая и здоровье. 2020. № 1 (73). С. 32 – 34.
3. Евдокимов И.М., Живодеров А.В., Живодеров В.А. Оценка функционального состояния студентов инженерных вузов при проведении занятий по физической культуре // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 6 (208). С. 135 – 138.
4. Апарин В.Е., Гриднева И.В., Харина М.В. Оценка функционального состояния больных при разработке реабилитационных программ // Культура физическая и здоровье. 2015. № 2 (53). С. 107 – 109.
5. Гриднева И.В., Харина М.В. Значение медицинской реабилитации в укреплении здоровья студентов // Прикладные информационные аспекты медицины: научно-практический журнал. 2019. Т. 22. № 4. С. 128 – 133.
6. Сухорукова О.В., Охупкина Л.П. Врачебный контроль в обеспечении преподавания физической культуры и спорта в медицинском вузе // Смоленский медицинский альманах. 2024. № 1. С. 29 – 32.
7. Евдокимов И.М. Особенности организации и методики физического воспитания студентов с отклонениями здоровья. Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки сб. докл. СПб.: ГУАП, 2024. С. 160 – 161
8. Новик Г.В., Хорошко С.А., Зиновьева Е.В. Методическое обеспечение при проведении аттестации студентов специально-медицинской группы по дисциплине "Физическая культура" // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы "школа – университет – предприятие: Материалы XIII международной научно-методической конференции 2021. С. 462 – 466.
9. Осипов В.Г. Медицинское обеспечение занятий физической культурой и спортом // Тверской медицинский журнал. 2025. № 2. С. 49 – 51.

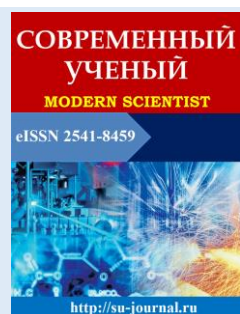
References

1. Bortnovsky V.N., Zenenkova E.Yu., Merkushev I.A. Current issues of providing physical education and sports to student youth. Sport, man, health: Proceedings of the XII International Scientific Congress dedicated to the 300th anniversary of St. Petersburg State University, St. Petersburg, April 16-18, 2025. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2025. P. 251 – 253.
2. Gridneva I.V., Kharina M.V., Aparin V.E. Physical education in ensuring a healthy lifestyle of medical students. Physical Culture and Health. 2020. No. 1 (73). P. 32 – 34.
3. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V., Zhivoderov V.A. Evaluation of the Functional State of Students of Engineering Universities During Physical Education Classes. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 6 (208). P. 135 – 138.
4. Aparin V.E., Gridneva I.V., Kharina M.V. Evaluation of the Functional State of Patients in the Development of Rehabilitation Programs. Physical Culture and Health. 2015. No. 2 (53). P. 107 – 109.
5. Gridneva I.V., Kharina M.V. The Importance of Medical Rehabilitation in Improving Students' Health. Applied Information Aspects of Medicine: Scientific and Practical Journal. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 128 – 133.
6. Sukhorukova O.V., Okhapkina L.P. Medical Supervision in Ensuring the Teaching of Physical Education and Sports in a Medical University. Smolensk Medical Almanac. 2024. No. 1. P. 29 – 32.
7. Evdokimov I.M. Features of the Organization and Methodology of Physical Education of Students with Disabilities. Scientific Session of GUAP: Humanitarian Sciences Collection of Reports. St. Petersburg: GUAP, 2024. P. 160 – 161.
8. Novik G.V., Khoroshko S.A., Zinovieva E.V. Methodological support for the certification of students of the special medical group in the discipline "Physical Education". Modern education: continuity and continuity of the educational system "school – university – enterprise": Proceedings of the XIII International Scientific and Methodological Conference 2021. P. 462 – 466.
9. Osipov V.G. Medical support for physical education and sports. Tver Medical Journal. 2025. No. 2. P. 49 – 51.

Информация об авторе

Евдокимов И.М., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1148-1180>, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 190000, г. Санкт-Петербург, Большая Морская улица, д. 67, литера А, evdokimov-ivan@mail.ru

© Евдокимов И.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.147

Развитие коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов»

¹ Казанцева В.А.

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: в статье приводятся дефиниции понятий «компетенция» и «компетентность» в трактовке различных авторов. Рассматривается вопрос значимости развития коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей, как первично составляющая системы профессиональных компетенций. Проведен теоретический анализ научных трудов педагогов и психологов по проблеме развития коммуникативных компетенций. Раскрыты особенности развития коммуникативных компетенций, а также психологические характеристики. Целью статьи является анализ особенностей развития коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей в процессе обучения. Обосновывается ведущая роль коммуникативных компетенций в процессе обучения бакалавров. Представлены результаты диагностики студентов 5 курса ОФО направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) «Начальное образование. Дошкольное образование» по трем компонентам: когнитивному, эмоционально-ценностному, поведенческому. Автор предлагает свой опыт развития коммуникативных компетенций у студентов выпускного курса вуза в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов». В качестве примера приводится фрагмент содержания практических занятий. Делается акцент на компетентностно-личностный подход и включение в процесс изучения дисциплины активных форм обучения.

Ключевые слова: студент, компетенция, компетентность, коммуникативные компетенции, учитель, компоненты

Для цитирования: Казанцева В.А. Развитие коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов» // Современный ученый. 2026. № 4. С. 219 – 225.

Поступила в редакцию: 14 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Development of communicative competencies in students of pedagogical specialties in the process of studying the discipline "Practical training in pedagogical communication of primary school teachers"

¹ Kazantseva V.A.

¹ Kuban State University

Abstract: this article provides definitions of the concepts "competence" and "competency" as interpreted by various authors. It examines the importance of developing communicative competencies in students majoring in teaching as a primary component of a system of professional competencies. A theoretical analysis of the scientific works of educators and psychologists on the development of communicative competencies is conducted. The article explores the development of communicative competencies, as well as their psychological characteristics. The aim of the article is to analyze the development of communicative competencies in students majoring in pedagogy during their studies. The leading role of communicative competencies in bachelor's degree programs is substantiated. The article presents the results of a diagnostic assessment of fifth-year students majoring in 44.03.05 Pedagogical Education (with two training profiles), focusing on "Primary Education. Preschool Education," across three components: cognitive, emotional-value, and behavioral. The author presents her experience developing communicative competencies in final-year university students while studying the course "Practical Training in Pedagogical Communication for Primary School Teachers." Excerpts from practical training sessions are provided as examples. Emphasis is placed on a competency-based approach and the inclusion of active learning in the course.

Keywords: student, competence, competency, communicative competencies, teacher, components

For citation: Kazantseva V.A. Development of communicative competencies in students of pedagogical specialties in the process of studying the discipline "Practical training in pedagogical communication of primary school teachers". Modern Scientist. 2026. 4. P. 219 – 225.

The article was submitted: October 14, 2025; Approved after reviewing: December 11, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современной системе образования все большее значение приобретает уровень коммуникативных компетенций выпускников педагогических специальностей. Считается, что молодые специалисты после окончания вуза уже обладают достаточным уровнем коммуникативных компетенций, которые они в трудовой деятельности продолжают развивать. Но в век информационных технологий, педагогическая практика образовательных учреждений сталкивается с проблемой дефиниции, высказыванием собственного мнения, этикой и культурой речи молодого специалиста. Это связано с тем, что в период обучения будущий учитель из-за краткосрочности педагогических практик ограничен в опыте общения с современными учениками, взаимодействии с субъектами образования [6]. Часто, именно от коммуникабельности молодого специалиста в первый год работы зависит не только профессиональная деятельность, но и стремление к саморазвитию, а также уровень самооценки учителя.

На рис. 1 представлены понятия «компетентность» и «компетенция», рассмотренные в научных трудах разных авторов.

Рис. 1. Понятия «компетентность» и «компетенция», в трактовке различных авторов.
Fig. 1. The concepts of “competency” and “competence”, as interpreted by various authors.

Опираясь на теоретический анализ, можно сделать вывод, что компетенция – целостность определённых знаний, умений и навыков, а также набор личностных качеств, которые позволяют успешно выполнять как профессиональные задачи, так и решать социальные вопросы. Компетентность же – интеграция компетенций и способность их применения в изменяющихся условиях профессиональной деятельности. То, насколько успешен будет будущий учитель в своей педагогической деятельности, напрямую зависит от уровня его коммуникации, а именно от уровня его коммуникативных компетенций.

Проблема развития коммуникативных компетенций нашла свое отражение в научных трудах педагогов (А.В. Мудрик, Н.В. Кузьмина, В.А. Фокин и т.д.), психологов (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, И.М. Юсупов и т.д.) [8].

Целью работы стал анализ уровня коммуникативных компетенций у студентов 5 курса ОФО направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) «Начальное образование. Дошкольное образование»; формулировка основных направлений повышения эффективности развития коммуникативных компетенций в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов».

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 30 студентов 5 курса ОФО направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) «Начальное образование. Дошкольное образование». Для оценки уровня коммуникативной компетенции были применены диагностические методики и определены критерии диагностики уровня коммуникативных компетенций, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Критерии диагностики уровня коммуникативных компетенций.

Table 1

Criteria for assessing the level of communicative competence.

Компонент	Содержание компонента	Методы диагностики
Когнитивный	Знания о важности процесса общения; способах вербальной/невербальной коммуникации; применении в процессе общения эмпатии и рефлексии.	Оценка уровня общительности (В.Ф. Ряховского)
Эмоционально-ценностный	Умения создавать и поддерживать эмоциональное взаимодействие с оппонентом в процессе общения; саморегуляция и прогнозирование психологических ощущений в процессе общения.	Исследование личности с помощью 16-факторного опросника Кеттелла (форма С)
Поведенческий	Система коммуникативных навыков, включающая в себя, следующие умения: воспринимать и понимать позицию собеседника в процессе общения; прогнозировать негативные реакции и избегать тех, которые могут помешать достижению цели общения; применять просодические средства речи и контролировать/отслеживать сенсомоторные процессы.	Методика Л. Михельсона в переводе и адаптации Ю.З. Гильбуха, целью которой является определение уровня коммуникативной компетенции и качества сформированности коммуникативных умений.

Результаты и обсуждения

Обобщенные результаты по трем диагностическим методикам представлены на рис. 2.

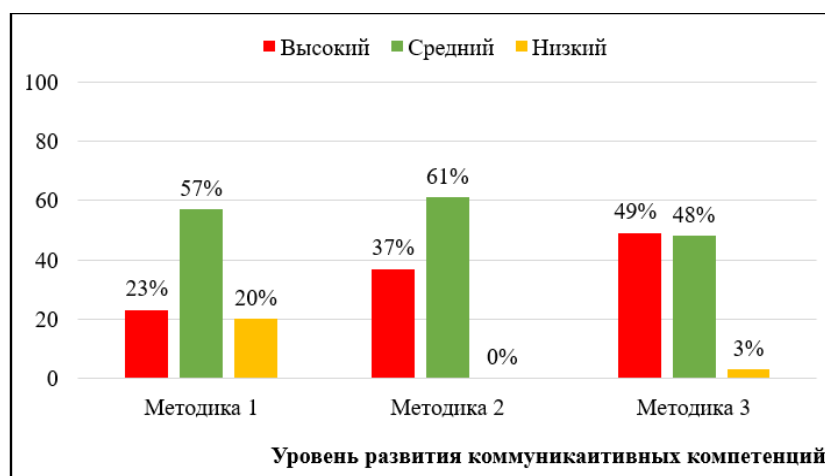

Рис. 2. Обобщенные результаты по трем диагностическим методикам.

Fig. 2. Generalized results for three diagnostic methods.

Проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод о том, что у студентов выпускного курса преобладает средний уровень коммуникативных компетенций. Тем не менее, в экспериментальной выборке по результатам двух диагностических методик присутствуют показатели низкого уровня – неготовность студентов выпускного курса к работе в коллективе, замкнутость, неспособность конструктивно вести дискуссию, а также присутствует агрессивный способ общения.

В рамках изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов» коммуникативная компетенция рассматривается как обязательная составляющая профессионального мастерства будущих учителей начальных классов. Она помогает будущему выпускнику на этапе своего профессионального пути, пребывая в непрерывном общении с субъектами образования, полностью реализовать свои профессиональные цели [9].

Практические занятия в процессе изучения дисциплины «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов» включают в себя разнообразные методы и приемы: упражнение «Откровенно говоря», направленное на создание доверительной атмосферы и укрепление сплоченности коллектива; составление характеристики персонажа-педагога, с целью анализа профессиональных и личностных качеств учителя и их влияние на эффективное общение с учениками и т.д. Фрагменты содержания практических занятий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Фрагменты содержания практических занятий по дисциплине «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов».

Table 2

Excerpts from the content of practical classes in the course "Practical Training in Pedagogical Communication for Primary School Teachers."

Направление (тема)	Тематика занятий/разбор	Методы/приемы
Общение как процесс установления и развития контактов. Развитие речевых способностей к общению.	Понятие общения. Три стороны общения. Стили общения. Общительность. Эмоциональный компонент общительности. Характеристика коммуникативной стороны общения. Перцептивная сторона общения. Взаимодействие в совместной деятельности. Методы воздействия. Методы активного взаимодействия.	1. Упражнение «Откровенно говоря». 2. Кластер с центральным понятием «педагогическое общение». 3. Составление характеристики персонажа-педагога (фильм на выбор: «Доживем до понедельника», «Большая перемена», «Расписание на послезавтра» и т.д.). 4. Упражнение «Объявление в газету».
Специфика и функции педагогического общения. Профессиональные умения педагога в общении с детьми	Педагогическое общение. Барьеры общения. Основные функции педагогического общения. Профессиональные умения педагога в общении с детьми, в том числе и с использованием различных цифровых инструментов (e-mail, Интернет, телефон и др.). Модели общения педагога.	1. Тест «Речевые барьеры при общении». 2. Эссе на тему: «Мой стиль педагогического общения». 3. Интонационные упражнения (например, «Качели Амазонки»).
Этическая защита в педагогическом общении. Способы скрытой педагогической защиты	Защита ее виды и способы. Шесть способов этической защиты. Жесткие формы педагогической защиты	1. Моделирование ситуации. 2. Упражнение «Зона моей безопасности». 3. Сообщение «Образец поведения» (из собственного опыта общения с учителями/педагогами)
Социально-психологический климат в группе. Создание ситуации успеха	Характеристики благоприятного и неблагоприятного климата. Инициирование активности. Ситуации успеха и неуспеха	1. Упражнение «Кейс». 2. Метод активного слушания. 3. «Три портрета». 4. Мозговой штурм «Рекомендации коллегам от коллег».
Конфликт и взаимодействие в педагогической деятельности	Педагогическое общение как форма взаимодействия субъектов образовательного процесса. Виды педагогических конфликтов: конфликты деятельности, конфликты поведения (поступков), конфликты отношений. Психологическая характеристика конфликтного учителя, родителя, ребенка. Алгоритмы и принципы разрешения конфликтов.	1. Игра «Граница». 2. Игра «Категория границы». 3. Упражнение «Кейс». 4. Упражнение «Зона моей безопасности». 5. Метод проекта. 6. Разбор ситуационных задач с применением стратегий. 7. Ролевые игры для отработки переговоров и медиации.

Выводы

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что развитие коммуникативных компетенций выходит на первый план в системе профессиональных компетенций. Приведенные в табл. 3 практические занятия по дисциплине «Практикум по педагогическому общению учителя начальных классов», которые включают в себя компетентно-личностный подход и активные формы обучения способствуют развитию коммуникативных компетенций у студентов педагогических специальностей [11].

Список источников

1. Grebennikova V.M., Kazantseva V.A., Karpenko A.V. et al. Formation of future teachers' meta-competence as a base to develop their potential readiness for continuing education // Revista Tempos e Espaços em Educação. – 2021. Vol. 14. No. 33. P. 16573. DOI 10.20952/revtee.v14i33.16573
2. Ryakhovskaya A.Yu., Obraz N.N., Gracheva A.V. Selection of information and communication technologies to improve language training of university students // Proceedings II International Scientific Conference on Advances in Science, Engineering and Digital Education (ASEDU-II-2021): Conference Proceedings, Krasnoyarsk, 28 октября 2021 года. Krasnoyarsk: AIP PUBLISHING, 2022. Vol. 2647 A. P. 40095.
3. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
4. Анисимова Т.В., Пригарина Н.К. Коммуникативная компетенция: состав и принципы описания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 121 – 129.
5. Белкина В.В., Макеева Т.В. Концепт универсальных компетенций высшего образования [Электронный ресурс]. Белкина. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-universalnyhkompetentsiy-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 10.10.2025)
6. Голуб Л.Н., Медведева С.А. Коммуникативная компетенция и дифференцированный подход // Актуальные проблемы ветеринарии и интенсивного животноводства: сборник трудов по материалам национальной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию со дня рождения Заслуженного работника высшей школы РФ, Почётного профессора Брянской ГСХА, доктора ветеринарных наук, профессора Ткачева А.А., Брянск, 27 октября 2023 года / Брянский государственный аграрный университет. Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2023. С. 404 – 409.
7. Казанцева В.А., Карпенко А.В. Медиативно-образовательная социум-терапия (МОСТ) как средство первичной профилактики конфликтного поведения младших школьников в гетерогенной образовательной среде // Вестник педагогических наук. 2024. № 2. С. 138 – 147. DOI 10.62257/2687-1661-2024-2-138-147
8. Корохова А.В. Теоретический анализ становления понятия «коммуникативная компетенция» // Учебный год. 2024. № 2 (76). С. 55 – 57.
9. Лазорак О.В. Коммуникативная компетенция как компонент гуманитарной направленности личности // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 71. DOI 10.17513/spno.29736
10. Попова Е. Р. Развитие коммуникативной компетенции учителей в период первичной профессионализации // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 01. ART 75003. 0,4 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75003.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77 49965. ISSN 2304-120X.
11. Стурикова М.В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. 164 с.

References

1. Grebennikova V.M., Kazantseva V.A., Karpenko A.V. et al. Formation of future teachers' meta-competence as a base to develop their potential readiness for continuing education. Revista Tempos e Es-paços em Educação. – 2021. Vol. 14.No. 33. P. 16573. DOI 10.20952/revtee.v14i33.16573
2. Ryakhovskaya A.Yu., Obraz N.N., Gracheva A.V. Selection of information and communication technologies to improve language training of university students. Proceedings II International Scientific Conference on Advances in Science, Engineering and Digital Education (ASEDU-II-2021): Conference Proceedings, Krasnoyarsk, October 28, 2021. Krasnoyarsk: AIP PUBLISHING, 2022. Vol. 2647 A. P. 40095.
3. Azimov E.G., Shchukin A.N. New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching). Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
4. Anisimova T.V., Prigarina N.K. Communicative Competence: Composition and Principles of Description. Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (77). P. 121 – 129.
5. Belkina V.V., Makeeva T.V. The Concept of Universal Competencies of Higher Education [Electronic resource]. Belkina. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-universalnyhkompetentsiy-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 10.10.2025)

6. Golub L.N., Medvedeva S.A. Communicative competence and differentiated approach. Current issues of veterinary science and intensive animal husbandry: collection of papers based on the materials of the national scientific and practical conference with international participation dedicated to the 85th anniversary of the birth of Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Professor of the Bryansk State Agricultural Academy, Doctor of Veterinary Sciences, Professor A.A. Tkachev, Bryansk, October 27, 2023. Bryansk State Agrarian University. Bryansk: Bryansk State Agrarian University, 2023. P. 404 – 409.

7. Kazantseva V.A., Karpenko A.V. Mediation-educational social therapy (MOST) as a means of primary prevention of conflict behavior of primary school students in a heterogeneous educational environment. Bulletin of pedagogical sciences. 2024. No. 2. P. 138 – 147. DOI 10.62257/2687-1661-2024-2-138-147

8. Korokhova A.V. Theoretical analysis of the formation of the concept of "communicative competence". Academic year. 2024. No. 2 (76). P. 55 – 57.

9. Lazorak O.V. Communicative competence as a component of the humanitarian orientation of the individual. Modern problems of science and education. 2020. No. 2. P. 71. DOI 10.17513/spno.29736

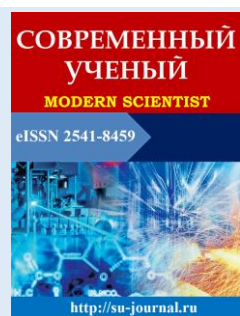
10. Popova E.R. Development of Teachers' Communicative Competence during Primary Professionalization. Concept. 2015. Special Issue No. 01. ART 75003. 0.4 p. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75003.htm>. State Reg. El No. FS 77 49965. ISSN 2304-120X.

11. Sturikova M.V. Communicative Competence and Its Development in University Students in the Context of Continuity of Education: Monograph. Ekaterinburg: Publishing House of the Russian State Prof. and Pedagogical University, 2020. 164 p.

Информация об авторе

Казанцева В.А., кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет, serg.vika@mail.ru

© Казанцева В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Математическая подготовка в высшем спортивном образовании: компетентностные и практико-ориентированные аспекты

¹ Костенко Е.Г.

¹ Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация: современное развитие физической культуры и спорта характеризуется активным внедрением цифровых технологий, систем мониторинга и аналитических инструментов, используемых для управления тренировочным и соревновательным процессами. В этих условиях возрастает значимость аналитической подготовки специалистов спортивного профиля, предполагающей владение методами количественного анализа и интерпретации данных. В статье рассматривается проблема математической подготовки обучающихся спортивных высших учебных заведений в контексте реализации компетентностного подхода. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании целесообразности включения математических дисциплин в базовую часть образовательных программ спортивных вузов. Методологическую основу исследования составили анализ научных публикаций, нормативных документов и обобщение педагогического опыта. Показано, что системное изучение математических и статистических методов является необходимым условием формирования аналитических и исследовательских компетенций. Обоснована практико-ориентированная модель математической подготовки, ориентированная на прикладное использование математических методов в профессиональной деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании и модернизации образовательных программ в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: математическая подготовка, спортивное образование, физическая культура и спорт, аналитические компетенции, математическая статистика, обработка данных

Для цитирования: Костенко Е.Г. Математическая подготовка в высшем спортивном образовании: компетентностные и практико-ориентированные аспекты // Современный ученый. 2026. № 4. С. 226 – 230.

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Mathematical training in higher sports education: competency-based and practice-oriented aspects

¹ Kostenko E.G.

¹ Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

Abstract: the contemporary development of physical culture and sports is characterized by the active implementation of digital technologies, monitoring systems, and analytical tools used to manage training and competitive processes. Under these conditions, the importance of analytical training for sports specialists increases significantly, implying proficiency in quantitative analysis methods and data interpretation. This article addresses the issue of

mathematical training of students in higher sports education institutions within the framework of a competency-based approach. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the inclusion of mathematical disciplines in the compulsory (basic) part of educational programs at sports universities. The methodological basis of the research includes the analysis of scientific publications, regulatory documents, and the generalization of pedagogical experience. It is shown that systematic study of mathematical and statistical methods is a necessary condition for the formation of analytical and research competencies. A practice-oriented model of mathematical training focused on the applied use of mathematical methods in professional activity is substantiated. The results of the study can be used in the design and modernization of educational programs in the field of physical culture and sports.

Keywords: mathematical training, sports education, physical culture and sports, analytical competencies, mathematical statistics, data analysis

For citation: Kostenko E.G. Mathematical training in higher sports education: competency-based and practice-oriented aspects. Modern Scientist. 2026. 4. P. 226 – 230.

The article was submitted: October 15, 2025; Approved after reviewing: December 12, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Современная профессиональная деятельность в сфере физической культуры и спорта всё в большей степени основывается на анализе количественных показателей, характеризующих уровень подготовленности спортсменов, объём и интенсивность тренировочных нагрузок, а также динамику соревновательных результатов. Использование цифровых средств контроля и анализа данных требует от специалистов сформированных аналитических умений и навыков работы с числовой информацией [1, 13].

Несмотря на объективную востребованность данных компетенций, математическая подготовка в спортивных вузах зачастую не рассматривается как обязательный компонент образовательных программ. В ряде случаев математические дисциплины либо отсутствуют в учебных планах, либо представлены фрагментарно в составе интегрированных курсов. Подобная практика снижает уровень готовности выпускников к использованию научно обоснованных методов анализа в профессиональной деятельности [4, 9].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались методы теоретического анализа научных публикаций по проблемам высшего спортивного образования, анализа нормативных и учебно-методических документов, а также обобщение педагогического опыта преподавания дисциплин аналитического профиля. Методологическую основу исследования составили системный и компетентностный подходы, позволяющие рассматривать математическую подготовку как структурно и функционально значимый компонент профессиональной подготовки специалистов в сфере физической культуры и спорта [5, 15].

Результаты и обсуждения

Анализ профессиональных функций специалистов физической культуры и спорта показывает, что значительная часть их деятельности связана с обработкой и интерпретацией количественных данных. Педагогический контроль, анализ тренировочных нагрузок, оценка эффективности тренировочного процесса и интерпретация результатов тестирования требуют использования методов прикладной математики и математической статистики [2, 7].

Анализ открытых учебных планов и образовательных программ российских спортивных вузов свидетельствует о высокой вариативности подходов к организации математической подготовки. Установлено, что лишь около 30-40 % программ включают математические дисциплины в базовую (обязательную) часть, тогда как в 40-50 % случаев они относятся к вариативной части или реализуются в форме элективных курсов. В оставшейся части программ математическая подготовка носит фрагментарный характер и ограничивается отдельными разделами прикладных дисциплин [6, 11].

Подобная неоднородность приводит к неравномерности уровня аналитической подготовки выпускников. Обучающиеся, не имеющие системной математической подготовки, испытывают затруднения при обработке экспериментальных данных, интерпретации результатов педагогического контроля и выполнении выпускных квалификационных работ [10, 16].

В то же время в программах, где математические дисциплины включены в базовую часть, отмечается более высокий уровень сформированности аналитических умений, необходимых для научно обоснованного управления тренировочным процессом [8, 17].

В условиях реализации компетентностного подхода особую значимость приобретает практико-ориентированная модель обучения, предполагающая интеграцию учебного процесса с будущей профессиональной деятельностью выпускника. Применительно к математической подготовке специалистов в сфере физической культуры и спорта данная модель ориентирована на освоение прикладных методов анализа данных, непосредственно используемых в спортивной практике [14].

Практико-ориентированная модель предполагает использование профессионально значимых задач, отражающих специфику деятельности тренера и преподавателя физической культуры: анализ результатов педагогического тестирования, обработка данных мониторинга тренировочных нагрузок, оценка динамики спортивных результатов. Освоение математических методов в таком контексте способствует формированию устойчивой учебной мотивации и осознанию практической значимости изучаемых дисциплин [3, 18].

Структурно модель предусматривает сокращение лекционного компонента и увеличение объема практических занятий, выполняемых с использованием электронных таблиц и статистических пакетов. Контроль результатов обучения целесообразно осуществлять в форме расчётно-аналитических заданий и мини-проектов, ориентированных на обработку реальных или условно-профессиональных данных. Такой подход позволяет формировать у обучающихся аналитическую культуру и обеспечивает методологическую преемственность с курсами спортивной метрологии, биомеханики и методов научных исследований [12, 14].

Таблица 1

Рекомендуемая структура математической подготовки в спортивных вузах.

Table 1

Recommended structure of mathematical training in sports universities.

Дисциплина	Семестр	З.е.	Лекции, ч	Практические занятия, ч	Самостоятельная работа, ч.	Форма контроля
Прикладная математика в физической культуре и спорте	1	2	10	26	36	зачет
Математическая статистика и анализ данных в спорте	2	2	8	28	36	зачет
Итого		4	18	54	72	-

Выводы

1. Современная профессиональная деятельность специалистов физической культуры и спорта требует владения методами количественного анализа.
2. Статистический анализ образовательных программ выявил недостаточную представленность математических дисциплин в базовой части подготовки.
3. Включение математических дисциплин в обязательную часть образовательных программ способствует формированию аналитических и исследовательских компетенций.
4. Практико-ориентированная модель математической подготовки обеспечивает повышение качества профессиональной подготовки без увеличения общей учебной нагрузки.

Список источников

1. Бальсевич В.К. Спортивная наука и образование в условиях цифровизации // Теория и практика физической культуры. 2021. № 6. С. 3 – 7.
2. Воробьёв А.А., Кузнецов В.Н. Аналитические методы в системе подготовки спортсменов // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 4 (194). С. 62 – 66.
3. Губа В.П. Биомеханика спорта: современные подходы. М.: Спорт, 2021. 320 с.
4. Жукова Л.В. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании // Высшее образование в России. 2020. № 8-9. С. 45 – 53.
5. Зеер Э.Ф., Симанюк Э.Э. Компетентностная модель профессионального образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 6. С. 11 – 29.
6. Иванов А.В. Аналитические компетенции студентов спортивных вузов // Педагогическое образование в России. 2021. № 5. С. 97 – 103.

7. Козлов А.С. Использование статистических методов в педагогическом контроле // Педагогика физической культуры. 2022. № 4. С. 28 – 33.
8. Кузнецова З.М., Ахметов Р.Ф. Применение методов математической статистики в спортивных исследованиях // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2023. № 2. С. 41 – 45.
9. Лубышева Л.И. Современные тенденции развития физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2019. № 12. С. 8 – 12.
10. Никитин С.Н. Методы научных исследований в физической культуре и спорте. М.: Юрайт, 2022. 256 с.
11. Орлов В.А. Подготовка выпускных квалификационных работ в спортивных вузах // Высшее образование сегодня. 2019. № 10. С. 41 – 45.
12. Платонов В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Киев: Олимпийская литература, 2019. 808 с.
13. Романов С.Ю., Исаев А.П. Цифровые технологии и аналитика в спорте // Спортивная наука: теория и практика. 2024. № 1. С. 14 – 20.
14. Селиванов В.И. Математические методы в спортивной метрологии // Теория и практика физической культуры. 2020. № 7. С. 58 – 62.
15. Сериков В.В. Методология педагогических исследований в высшей школе // Педагогика. 2021. № 3. С. 25 – 33.
16. Смирнов П.А. Методология количественных исследований в спорте // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 134 – 138.
17. Фёдоров И.Н. Анализ тренировочных нагрузок с применением математических методов // Наука и спорт. 2023. № 3. С. 19 – 24.
18. Шестаков М.П. Анализ данных в спортивной тренировке // Наука и спорт: современные тенденции. 2022. Т. 10. № 1. С. 52 – 58.

References

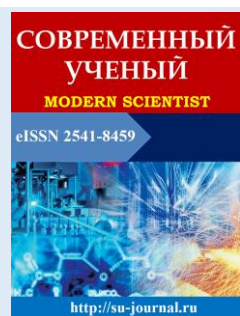
1. Balsevich V.K. Sports Science and Education in the Context of Digitalization. Theory and Practice of Physical Education. 2021. No. 6. P. 3 – 7.
2. Vorobyov A.A., Kuznetsov V.N. Analytical Methods in the Athlete Training System. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 4 (194). P. 62 – 66.
3. Guba V.P. Biomechanics of Sport: Modern Approaches. Moscow: Sport, 2021. 320 p.
4. Zhukova L.V. Competency-Based Approach in Higher Professional Education. Higher Education in Russia. 2020. No. 8-9. P. 45 – 53.
5. Zeer E.F., Simanyuk E.E. Competency-based Model of Professional Education. Education and Science. 2020. Vol. 22. No. 6. P. 11 – 29.
6. Ivanov A.V. Analytical Competencies of Students of Sports Universities. Pedagogical Education in Russia. 2021. No. 5. P. 97 – 103.
7. Kozlov A.S. Use of Statistical Methods in Pedagogical Control. Pedagogy of Physical Education. 2022. No. 4. P. 28 – 33.
8. Kuznetsova Z.M., Akhmetov R.F. Application of Methods of Mathematical Statistics in Sports Research. Physical Education: Upbringing, Education, Training. 2023. No. 2. P. 41 – 45.
9. Lubysheva L.I. Current Trends in the Development of Physical Education. Theory and Practice of Physical Education. 2019. No. 12. P. 8 – 12.
10. Nikitin S.N. Methods of Scientific Research in Physical Education and Sports. Moscow: Yurait, 2022. 256 p.
11. Orlov V.A. Preparation of Graduation Theses in Sports Universities. Higher Education Today. 2019. No. 10. P. 41 – 45.
12. Platonov V.N. The System of Training Athletes in Olympic Sports. Kyiv: Olympic Literature, 2019. 808 p.
13. Romanov S.Yu., Isaev A.P. Digital Technologies and Analytics in Sports. Sports Science: Theory and Practice. 2024. No. 1. P. 14 – 20.
14. Selivanov V.I. Mathematical Methods in Sports Metrology. Theory and Practice of Physical Education. 2020. No. 7. P. 58 – 62.
15. Serikov V.V. Methodology of Pedagogical Research in Higher Education. Pedagogy. 2021. No. 3. P. 25 – 33.
16. Smirnov P.A. Methodology of Quantitative Research in Sports. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 9 (187). P. 134 – 138.

17. Fedorov I.N. Analysis of Training Loads Using Mathematical Methods. Science and Sport. 2023. No. 3. P. 19 – 24.
18. Shestakov M.P. Data Analysis in Sports Training. Science and Sport: Modern Trends. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 52 – 58.

Информация об авторе

Костенко Е.Г., кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Kostenko_e_g@mail.ru

© Костенко Е.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 376.3

Интонационная компетенция в коммуникации детей с нарушением слуха: теоретический анализ

¹ Наумова Н.В.

¹ *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена*

Аннотация: в контексте современного специального образования формирование полноценной коммуникации у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) приобретает ключевое значение. У детей с нарушением слуха (НС), независимо от использования кохлеарных имплантов или слуховых аппаратов, наблюдается устойчивый дефицит в области интонационной компетенции. Это затрудняет их способность устанавливать эмоциональный контакт и успешно адаптироваться в социальной среде. Целью статьи является теоретическое обоснование структуры и содержания интонационной компетенции как системообразующего элемента коммуникативной способности у детей с НС. На основе методов сравнительно-исторического анализа, системного подхода и междисциплинарного синтеза решаются задачи: 1) анализ эволюции понятия «коммуникативная компетенция»; 2) рассмотрение лингвистической сущности и функций интонации; 3) исследование онтогенеза интонации в норме и патологии; 4) разработка интегративной модели интонационной компетенции. Установлено, что интонационная компетенция выступает как центральный компонент коммуникативной способности, выполняя функцию прагматического обеспечения речи. У детей с НС её формирование носит фрагментарный и компенсаторный характер, требующий специального, целенаправленного педагогического воздействия. Автором предложена трёхкомпонентная модель интонационной компетенции, включающая когнитивно-системный, прагматико-дискурсивный и перцептивно-моторный компоненты. Результаты исследования открывают перспективные направления в разработке методики дифференцированной диагностики и коррекции, тем самым способствуя преодолению коммуникативных барьеров и успешной социализации детей с нарушением слуха.

Ключевые слова: интонационная компетенция, коммуникативная компетенция, нарушение слуха, просодия, дети с ОВЗ, сурдопедагогика, теоретическая модель

Для цитирования: Наумова Н.В. Интонационная компетенция в коммуникации детей с нарушением слуха: теоретический анализ // Современный ученый. 2026. № 4. С. 231 – 237.

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Intonation competence in communication of children with hearing impairment: a theoretical analysis

¹Naumova N.V.

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: in the context of modern special education, the development of full-fledged communication in children with disabilities is of paramount importance. Children with hearing impairment, regardless of whether they use cochlear implants or hearing aids, exhibit a persistent deficit in the area of intonation competence. This impedes their ability to establish emotional contact and successfully adapt to the social environment. The purpose of the article is to provide a theoretical substantiation of the structure and content of intonation competence as a system-forming element of communicative ability in children with hearing impairment. Using methods of comparative historical analysis, systems approach, and interdisciplinary synthesis, the article addresses the following tasks: 1) analysis of the evolution of the concept of "communicative competence"; 2) examination of the linguistic nature and functions of intonation; 3) investigation of the ontogenesis of intonation in typical and atypical development; 4) development of an integrative model of intonation competence. It is established that intonation competence acts as a central component of communicative ability, fulfilling the function of pragmatic provision of speech. In children with hearing impairment, its formation is fragmented and compensatory in nature, requiring special, targeted pedagogical intervention. The author proposes a three-component model of intonation competence, comprising cognitive-systemic, pragmatic-discursive, and perceptual-motor components. The study's results open promising avenues for developing a methodology for differential diagnosis and correction, thereby contributing to overcoming communication barriers and fostering the successful socialization of children with hearing impairment.

Keywords: intonation competence, communicative competence, hearing impairment, prosody, children with special needs, deaf pedagogy, theoretical model

For citation: Naumova N.V. Intonation competence in communication of children with hearing impairment: a theoretical analysis. Modern Scientist. 2026. 4. P. 231 – 237.

The article was submitted: October 15, 2025; Approved after reviewing: December 12, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Формирование полноценной коммуникации у детей с нарушением слуха (НС) остаётся сложной задачей. Широкое внедрение средств акустической коррекции (кохлеарная имплантация, слуховые аппараты) позволило добиться значительных успехов в развитии сегментного уровня речи. Однако этого недостаточно для спонтанного формирования её супraseгментной, просодической организации. Ключевым и наиболее стойким компонентом коммуникативного дефицита выступает нарушение интонации, что создаёт барьер для распознавания и выражения прагматических смыслов, эмоций и коммуникативных намерений. Возникает противоречие между новыми технологическими возможностями, потребностью в развитии коммуникативной компетентности и недостаточной теоретической разработанностью интонационной компетенции, требующее междисциплинарного теоретического анализа.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование структуры и содержания интонационной компетенции как системообразующего элемента коммуникативной способности у детей с нарушением слуха.

Задачи статьи:

1. Проанализировать эволюцию понятия «коммуникативная компетенция» в лингводидактике и определить место интонационной компетенции в её структуре.
2. Рассмотреть лингвистическую сущность интонации, её компоненты и функции.
3. Исследовать психолингвистические и онтогенетические аспекты формирования интонации в норме и выявить специфику этого процесса при нарушении слуха.
4. На основе синтеза данных подходов предложить авторское определение и структурную модель интонационной компетенции применительно к детям с нарушением слуха, а также обозначить принципы её формирования.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили: сравнительно-исторический метод (при анализе эволюции понятия «коммуникативная компетенция»), системный анализ (при рассмотрении структуры интонации и компетенции), метод междисциплинарного синтеза (при интеграции лингвистического, психологического и педагогического знания), а также теоретическое моделирование. Работа носит теоретико-аналитический характер, основанный на изучении и обобщении отечественных и зарубежных источников по лингвистике, психолингвистике, сурдопедагогике и теории коммуникации.

Результаты и обсуждения

1. Эволюция понятия «коммуникативная компетенция» и место интонации в её структуре

Понятие «коммуникативная компетенция» эволюционировало от узколингвистической модели к социально-прагматическому пониманию. Исходной точкой стала дуалистическая модель Н. Хомского, разделявшая «компетенцию» как знание системы и «употребление» как её речевое воплощение [14, с. 9]. Эта модель была подвергнута критике за игнорирование экстралингвистических параметров [3, 12]. Ответом стала социолингвистическая концепция Д. Хаймса, утверждавшего, что владение языком включает знание того, «о чем говорить, с кем, когда, где, в какой манере» [18, с. 277]. Он ввёл термин «коммуникативная компетенция», подчеркивая важность адекватности языковых форм социальной ситуации.

Дальнейшая операционализация осуществлена в модели М. Канала и М. Свейна, включающей грамматическую, социолингвистическую, стратегическую и дискурсивную компетенции [16, 17]. Более комплексную модель «коммуникативной языковой способности» предложил Л. Бахман, интегрировав организационную, прагматическую и стратегическую компетенции [15, с. 84].

Принципиально важен акцент Л. Бахмана на прагматической компетенции, которая отвечает за соотношение высказывания с интенциями и контекстом [15, с. 89-94]. Именно здесь для эффективного общения требуется способность владеть интонацией как ключевым супraseгментным средством реализации прагматических значений.

Таким образом, интонационная компетенция определяется как комплексная способность к адекватному восприятию, интерпретации и использованию интонационных средств для достижения коммуникативных целей. Её системный дефицит у детей с нарушением слуха напрямую затрагивает ядро коммуникативной способности.

2. Лингвистическая сущность, компоненты и функции интонации

В лингвистике интонация понимается как супraseгментный уровень организации речи, представляющий системное единство акустических и перцептивных характеристик, накладывающихся на сегментный состав [2]. Будучи континуальной по природе, она выполняет роль связующего механизма между языковой системой и актом коммуникации. Для исследования наиболее уместен интегративный подход, рассматривающий интонацию и как формальную систему, и как инструмент прагматики.

Анализ исследований позволяет выделить следующие взаимосвязанные компоненты интонации:

1. Мелодика (тон) – изменение высоты основного тона (F0), выполняющее ключевую коммуникативно-смыслоразличительную роль [11, с. 14].
 2. Ритм – временное упорядочивание речи на основе чередования ударных и безударных элементов [5, с. 45].
 3. Темп – скорость артикулирования, служащая средством выразительности и смыслового выделения [13, с. 73].
 4. Паузация – система перерывов, выполняющая смыслоразличительные функции [4, с. 95].
 5. Интенсивность (громкость) – сила звучания, средство выделения смысловых центров в единстве с мелодикой и длительностью [2].
 6. Логическое ударение – просодический механизм актуализации коммуникативного центра [2, с. 156].
 7. Тембр – акустическая характеристика, отражающая эмоциональное состояние [10, с. 115].
- Взаимодействие компонентов обеспечивает полифункциональность интонации, реализующую:
- Базовые системные функции: коммуникативную (фразоразличительную) и делимитативную.
 - Семантико-прагматические функции: смыслоразличительную, экспрессивно-эмоциональную и актуализирующую.
 - Регулятивную функцию: управление ходом диалога.

Таким образом, интонация является обязательным системообразующим элементом речи, а понимание её многокомпонентности и полифункциональности составляет теоретический фундамент для конструирования понятия «интонационная компетенция».

3. Психолингвистический и онтогенетический аспекты формирования интонации: норма и патология

Для понимания механизмов становления интонации в онтогенезе необходим психолингвистический ракурс. Фундаментальный вклад в его разработку внесла М.И. Лисина, доказавшая, что интонация служит первичным средством доречевого и раннего речевого взаимодействия [9]. Уже на этапах гуления и лепета ребенок экспериментирует с просодическими параметрами, формируя протоинтонационные структуры, выполняющие экспрессивную и контактоустанавливающую функции.

Ключевой вывод заключается в том, что интонационный контур усваивается и используется ребенком раньше лексико-грамматического наполнения [8, с. 156]. Изначально интонация берёт на себя семантическую и прагматическую нагрузку, выступая носителем целого коммуникативного акта.

Таким образом, у детей с нормальным слухом формирование интонационной компетенции происходит имплицитно, через слуховое подражание и эмоциональное заражение в процессе общения. Слух обеспечивает акустическую обратную связь.

У детей с нарушением слуха сенсорный дефицит блокирует этот естественный путь [1, 6, 7], приводя к нарушениям:

1. Дефицит слуховой обратной связи: искажённое восприятие акустических параметров речи.
2. Неполнота перцептивного образца: «размытая» интонационная картина даже при использовании технических средств.
3. Вторичные нарушения голосообразования и дыхания: монотонность, сбои ритмико-темповой организации.

Следовательно, для детей с НС имплицитное усвоение интонации невозможно и замещается необходимостью её эксплицитного, целенаправленного формирования. Просодическая система требует специально-го «конструирования» с опорой на сохранные анализаторы.

4. Интегративная модель интонационной компетенции и принципы её формирования при нарушении слуха

Понятие «интонационная компетенция» не имеет в современной науке унитарного определения, что обусловлено междисциплинарной природой феномена. Его содержание варьируется в зависимости от научной парадигмы (лингвистика, психолингвистика, педагогика) и объекта изучения (норма/патология). Для операционализации данного понятия применительно к детям с НС необходим синтез ключевых подходов. В результате анализа выделены три взаимодополняющих ракурса, которые представлены в интегративной модели (табл. 1).

Таблица 1

Интегративная модель интонационной компетенции: синтез научных подходов.

Table 1

Integrative model of intonation competence: a synthesis of scientific approaches.

Научный подход	Сущность и ракурс рассмотрения	Ключевые компоненты компетенции	Основные представители и идеи
Лингвистический и психолингвистический	Часть языковой компетенции. Имплицитное знание системы интонации как кода языка.	Когнитивно-системный компонент: знание интонационных конструкций, функций интонации, правил соотношения акустических параметров со смыслами.	Е.А. Брызгунова, Т.М. Николаева, И.Г. Торсуева, И.А. Зимняя.
Коммуникативно-прагматический	Инструмент успешного социального взаимодействия. Способность к адекватному использованию интонационных средств в дискурсе.	Прагматико-дискурсивный компонент: умение использовать интонацию для реализации речевых интенций, структурирования дискурса, учёта контекста.	Д. Хаймс, Дж. Остин, Дж. Сёрль, Л. Бахман.
Операционно-исполнительный (педагогический/сурдопедагогический)	Нормативно-прикладная цель обучения и коррекции. Совокупность знаний, умений и навыков.	Перцептивно-моторный компонент: навык восприятия и контролируемого воспроизведения интонационных моделей; компенсаторные механизмы при НС.	В норме: Л.В. Бондарко. При НС: В.И. Бельтюков, Е.П. Кузьмичева, Е.Е. Шевцова, Е.З. Яхнина

На основе проведенного теоретического синтеза в исследовании принимается следующее рабочее определение: **интонационная компетенция** – это сложноорганизованная способность, структурно представленная тремя взаимосвязанными и взаимообусловленными компонентами: 1) когнитивно-системным (знание системы), 2) прагматико-дискурсивным (умение использовать в контексте), 3) перцептивно-моторным (навык восприятия и воспроизведения).

Специфика интонационной компетенции у детей с НС заключается в её диссоциированном, осознанно конструируемом и компенсаторном характере. Она определяется не как спонтанно формирующееся ядро коммуникации, а как дефицитарная, целенаправленно формируемая компенсаторная способность. Это предполагает качественную трансформацию каждого компонента модели:

1. **Компенсированный когнитивно-системный компонент:** эксплицитное, вербализованное знание интонационных моделей и правил, формируемое в обход нарушенной имплицитной способности к их спонтанному усвоению (например, через правило: «Чтобы задать вопрос, повысь голос в конце фразы»).

2. **Осознаваемый прагматико-дискурсивный компонент:** специально формируемое умение дешифровать интонационные маркеры собеседника и использовать их для решения коммуникативных задач с опорой на контекст, визуальные подсказки (мимика, жесты) и метаязыковые комментарии.

3. **Специально развиваемый перцептивно-моторный компонент:** навык полимодального восприятия интонации (с опорой на остаточный/сниженный слух, зрительное восприятие визуализации речи, тактильно-вибрационные ощущения) и её моторной реализации с применением специальных техник (например, «рисование» мелодии рукой, использование ритмических отхлопываний и т.п.).

Таким образом, коррекционно-педагогическая работа по формированию интонационной компетенции у детей с НС не должна сводиться к традиционным упражнениям по «выразительному чтению». Она должна быть переориентирована на целенаправленное, компонентно-ориентированное формирование каждого из трёх компенсаторных блоков с учетом их взаимосвязи.

Выводы

Проведённый междисциплинарный теоретический анализ позволил достичь поставленной цели – обосновать структуру и содержание интонационной компетенции как системообразующего элемента коммуникативной способности детей с нарушением слуха. Последовательное решение задач исследования привело к следующим выводам:

1. Эволюция понятия «коммуникативная компетенция» от лингвоцентричной модели Н. Хомского к социально-прагматическим концепциям Д. Хаймса, М. Каналья и М. Свейна, Л. Бахмана закономерно приводит к признанию интонации ключевым просодическим средством реализации прагматических функций речи. Интонационная компетенция локализуется в ядре коммуникативной способности, обеспечивая адекватность высказывания ситуации, цели и социальному контексту.

2. Интонация представляет собой полифункциональную систему, включающую взаимосвязанные компоненты (мелодика, ритм, темп, паузация, интенсивность, логическое ударение, тембр), которые обеспечивают не только оформление фразы, но и передачу смысловых нюансов, эмоций и регуляцию диалога.

3. В онтогенезе интонационная компетенция формируется имплицитно и первично по отношению к сегментной стороне речи (М.И. Лисина). Нарушение слуха блокирует этот естественный путь, приводя к системному дефициту, который не компенсируется спонтанно даже при использовании технических средств, и обуславливает необходимость эксплицитного формирования.

4. На основе интеграции лингвистического, коммуникативно-прагматического и педагогического подходов предложена авторская трехкомпонентная структурно-содержательная модель интонационной компетенции, включающая когнитивно-системный, прагматико-дискурсивный и перцептивно-моторный компоненты. Применительно к детям с НС дано определение данного феномена как дефицитарной, целенаправленно формируемой компенсаторной способности, и детализирована специфика диссоциированного развития каждого компонента в условиях нарушенной слуховой функции.

Научная новизна исследования заключается: 1) в междисциплинарном синтезе, позволившем преодолеть фрагментарность в понимании интонационной компетенции; 2) в разработке интегративной трехкомпонентной модели, адаптированной к специфике развития при нарушении слуха; 3) в обосновании перехода от констатации феномена монотонной речи к компонентному анализу лежащих в его основе дефицитов.

Теоретическая значимость состоит в конкретизации и структуризации понятия «интонационная компетенция» для сурдопедагогики, что вносит вклад в теорию коммуникативного развития детей с ОВЗ, в частности с нарушением слуха и определяет новые методологические векторы для исследований в этой области.

Практическая ценность определяется тем, что предложенная модель представляет чёткие целевые ориентиры и логику для дифференцированной диагностики и коррекционно-педагогической работы. Она позволяет перейти от глобальной задачи «развития выразительности речи» к последовательному «достраиванию» дефицитарных компонентов через специальные, полимодальные и метакогнитивные технологии.

Список источников

1. Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). Москва: Педагогика, 1977. 176 с.
2. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. Москва: Русский язык, 1977. 279 с.
3. Иванова В.И. Компетенция (Н. Хомский) vs. Язык (Ф. де Соссюр) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Филология». 2006. Вып. 6: Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 41 – 48.
4. Иванова-Лукиянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: учебное пособие. 4-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2002. 196 с.
5. Кодзасов С.В. Исследования в области русской просодии. Москва: Языки славянских культур, 2009. 640 с.
6. Кузьмичева Е.П., Яхнина Е.З. Обучение глухих детей восприятию и воспроизведению устной речи / под ред. Н.М. Назаровой. Москва: Академия, 2014. 336 с.
7. Ланге Н.К., Иванова Т.В., Светлогорская И.Д. Восприятие и интерпретация различных интонаций речи детьми со сниженным слухом // Сенсорные системы. 2008. Т. 22. № 4. С. 317 – 323.
8. Лисина М.И. Развитие речи у детей в первые годы жизни // Вопросы психологии. 1959. № 5. С. 151 – 161.
9. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 410 с.
10. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. Москва: ИП РАН ; МГК им. П.И. Чайковского, 2008. 596 с.
11. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. Москва: Наука, 1977. 278 с.
12. Падей Е.В. Психолого-педагогические исследования формирования коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения иностранному языку // Молодой ученый. 2013. № 2 (49). С. 388 – 390.
13. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. 176 с.
14. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса: пер. с англ. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 258 с.
15. Bachman L.F. Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 1990. x, 408 p.
16. Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy // Language and Communication. London: Longman, 1983. P. 2 – 27.
17. Canale M., Swain M. Theoretical basis of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied linguistics. 1980. Vol. 1. P. 1 – 47.
18. Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269 – 293.

References

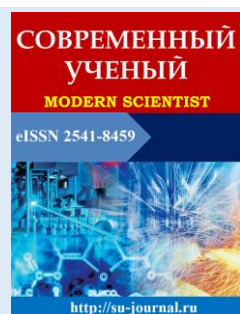
1. Beltyukov V.I. Interaction of Analyzers in the Process of Perception and Assimilation of Oral Speech (in Normal and Pathological Conditions). Moscow: Pedagogy, 1977. 176 p.
2. Bryzgunova E.A. Sounds and Intonation of Russian Speech. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 279 p.
3. Ivanova V.I. Competence (N. Chomsky) vs. Language (F. de Saussure). Bulletin of Tver State University. Series: "Philology". 2006. Issue 6: Linguistics and Intercultural Communication. P. 41 – 48.
4. Ivanova-Lukyanova G.N. Oral Speech Culture: Intonation, Pausing, Logical Stress, Tempo, Rhythm: Study Guide. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 196 p.
5. Kodzasov S.V. Research in the Field of Russian Prosody. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. 640 p.
6. Kuzmicheva E.P., Yakhnina E.Z. Teaching Deaf Children to Perceive and Reproduce Oral Speech. edited by N.M. Nazarova. Moscow: Academy, 2014. 336 p.
7. Lange N.K., Ivanova T.V., Svetlogorskaya I.D. Perception and Interpretation of Various Speech Intonations by Children with Impaired Hearing. Sensory Systems. 2008. Vol. 22. No. 4. P. 317 – 323.

8. Lisina M.I. Speech Development in Children in the First Years of Life. *Voprosy Psichologii*. 1959. No. 5. P. 151 – 161.
9. Lisina M.I. Formation of the Child's Personality in Communication. 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg: Piter, 2009. 410 p.
10. Morozov V.P. The Art of Resonant Singing. Fundamentals of Resonance Theory and Technique. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 2008. 596 p.
11. Nikolaeva T.M. Phrase Intonation of Slavic Languages. Moscow: Nauka, 1977. 278 p.
12. Padey E.V. Psychological and Pedagogical Studies of the Formation of Communicative Competence at the Initial Stage of Foreign Language Teaching. *Young Scientist*. 2013. No. 2 (49). P. 388 – 390.
13. Svetozarova N.D. Intonation system of the Russian language. Leningrad: Publishing house of the Leningrad state. Univ., 1982. 176 p.
14. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax: trans. from English Moscow: Publishing house Mosk. Univ., 1972. 258 p.
15. Bachman L.F. Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 1990. x, 408 p.
16. Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy. *Language and Communication*. London: Longman, 1983. P. 2 – 27.
17. Canale M., Swain M. Theoretical basis of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied linguistics*. 1980. Vol. 1. P. 1 – 47.
18. Hymes D. On communicative competence. *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269 – 293.

Информация об авторе

Наумова Н.В., старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Наумова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37. 025. 7

О синтетических тенденциях в синтаксисе русского, немецкого и английского языков в контексте мультилингвального обучения в вузах

¹ Рыбкина С.Н.

¹ Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: статья посвящена выявлению синтетических тенденций и их специфике в основных синтаксических конструкциях русского, немецкого и английского языков в контексте задач мультилингвального обучения в вузах, связанных с необходимостью более глубокого понимания особенностей структуры данных языков, определяющих специфические способы формирования и формулирования мыслей, а также описания ситуаций в каждом из них. Актуальность исследования связана с необходимостью решения вышеуказанных задач и проблемы достижения аутентичности речи обучаемых в ходе учебного процесса. В качестве способов решения поставленных задач автор рассматривает выявление частотности, особенностей структуры, специфики употребления и определения грамматического статуса основных синтаксических конструкций в каждом из языков и сопоставление данных показателей. Автор приходит к выводу о том, что синтетические тенденции представлены в основных синтаксических структурах названных языков по-разному: в наибольшей степени данные тенденции присущи немецкому языку, являясь структурно и типологически значимым свойством языка, в значительно меньшей степени они выражены в английском и в ограниченной степени, в виде окказиональных явлений, присущи русскому языку. Результаты данных сопоставительных исследований могут быть использованы в процессе преподавания в вузах немецкого и английского языков в качестве первого и/или второго иностранного на базе русского языка как средства достижения аутентичности иностранной речи через понимание специфики языков в плане способов выражения мыслей и описания ситуаций.

Ключевые слова: вузы, синтетические тенденции, синтаксис, русский язык, немецкий язык, английский язык, мультилингвальное обучение

Для цитирования: Рыбкина С.Н. О синтетических тенденциях в синтаксисе русского, немецкого и английского языков в контексте мультилингвального обучения в вузах // Современный ученый. 2026. № 4. С. 238 – 244.

Поступила в редакцию: 16 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

On synthetic trends in the syntax of Russian, German, and English in the context of multilingual education in universities

¹ Rybkina S.N.

¹ Ural State University of Railway Transport

Abstract: the article is devoted to the identification of synthetic tendencies and their specificity in the main syntactic constructions of the Russian, German and English languages in the context of the tasks of multilingual education in universities, associated with the need for a deeper understanding of the structural features of these languages, which determine specific ways of forming and formulating thoughts, as well as describing situations in each of them. The relevance of this study stems from the need to address the aforementioned challenges and the need to achieve authenticity in students' speech during the educational process. The author considers identifying the frequency, structural features, usage patterns, and grammatical status of key syntactic constructions in each language, as well as comparing these indicators, as ways to address these challenges. The author comes to the conclusion that synthetic tendencies are presented in the main syntactic structures of the named languages in different ways: to the greatest extent, these tendencies are inherent in the German language, being a structurally and typologically significant property of the language, to a much lesser extent they are expressed in English and to a limited extent, in the form of occasional phenomena, they are inherent in the Russian language. The results of these comparative studies can be used in the process of teaching German and English as a first and/or second foreign language in universities based on the Russian language as a means of achieving the authenticity of foreign speech through understanding the specifics of languages in terms of ways of expressing thoughts and describing situations.

Keywords: universities, synthetic tendencies, syntax, the Russian language, the German language, the English language, multilingual education

For citation: Rybkina S.N. On synthetic trends in the syntax of Russian, German, and English in the context of multilingual education in universities. Modern Scientist. 2026. 4. P. 238 – 244.

The article was submitted: October 16, 2025; Approved after reviewing: December 13, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Преподавание языков в условиях современной вузовской полигlossии так или иначе ставит на повестку дня проведение сравнительно-сопоставительных исследований, касающихся изучаемых языков – как в сфере традиционного языкознания (грамматики, лексики, фразеологии и т.д.), так и в социокультурном и когнитивно-лингвистическом аспектах. Данные сопоставительных исследований находят отражение в многочисленных работах лингвистов, а также ученых, представляющих смежные специальности [1, 2, 3, 4].

Результаты таких исследований, безусловно, могут быть использованы как в самых различных областях лингвистики, так и в сфере преподавания языков, в частности, представлять интерес с точки зрения так называемой методики мультилингвального обучения, предполагающей изучение каждого последующего языка с опорой на лингвистический, когнитивный, прагматический и социокультурный опыт изучения предыдущих языков, включая родной. Необходимо отметить, что данная методика том или ином виде и объеме находит все большее применение в учебных заведениях нашей страны и за рубежом [5, 6, 7].

Что касается собственно сферы сопоставления, то, с нашей точки зрения, она не может быть ограничена лишь рамками синхронных срезов языков на том или ином уровне: весьма показательным для понимания специфики языков является также выявление современных *тенденций* их развития. В этом смысле безусловный интерес для сопоставительных исследований представляет собой сфера синтаксиса, которая является стороной языка, наиболее тесно связанной с мышлением и речью,

что в известной мере позволяет получить представление об определенных традициях языкового мышления того или иного народа.

Цель статьи: рассмотреть на примере русского, немецкого и английского языков, насколько синтетические тенденции характерны для основных синтаксических структур данных языков, а также выявить в сопоставительном плане специфику этих тенденций в названных синтаксических структурах каждого из них.

Материалы и методы исследований

В качестве *методов* исследования нами были выбраны методы наблюдения, описания и сопоставления. *Материалом исследования* послужили тексты художественной литературы, средств массовой информации и рекламы на русском, немецком и английском языках.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим, как в каждом из названных языков синтетические тенденции проявляются в основных синтаксических структурах – предложении, субстантивном атрибутивном подчинительном словосочетании, а также в речевых (синтаксических) композитах – сложных словах, построенных по самым разным моделям.

Начнем с *немецкого языка*, в котором на основании имеющихся научных исследований синтетические тенденции выражены наиболее ярко [8, 9, 10].

Самый первый отличительный признак, репрезентирующий синтетические тенденции в немецком языке – это вербально-предикативная рамка, «цементирующая» немецкое *предложение* и являющаяся обязательной к соблюдению *структурно-грамматической нормой* в данном языке:

Die Architektur des neuen Hauses hat eine lebhafteste Debatte ausgelöst.

Рамочная конструкция, образуя в предложении одно «развернутое синтаксическое слово», являет, по словам В. М. Жирмунского, наглядный пример синтаксического синтетизма [8, с. 77].

Нарушается она нечасто – по данным исследований публицистических текстов один случай на 10 страниц печатного текста [9, с. 89]. При этом ее нарушения допускаются лишь при наличии веских причин структурного, коммуникативного либо стилистического порядка [10, с. 195-199].

Другая синтаксическая конструкция – весьма распространенное в немецком языке субстантивное подчинительное атрибутивное *словосочетание* – также оформлено рамочной структурой – так называемой *номинальной рамкой*, образуемой существительным и относящимися к нему артиклем, предлогом, а также неопределенным, притяжательным и др. местоимениями либо числительным:

Ihre eigenen fachlichen und seminardidaktischen Kompetenzen

150 akademisch qualifizierte und hoch motivierte Fortbilder

Ein auf die Fortbildungsthemen abgestimmtes Rahmenprogramm

Номинальная рамка, а также монофлексивное оформление группы существительного (одна флексия с грамматически выразительным показателем на всю группу), как и определенный порядок следования компонентов внутри рамки цементируют данную структуру, обеспечивая тесную связь атрибутов вместе с зависими от них словами с господствующим словом. В силу высокой степени спаянности компонентов данной структуры ее нарушения происходят *окказионально*: согласно исследованиям на базе публицистики примерно один случай на 50 страниц печатного текста [9, с. 95].

Помимо предложения и атрибутивного подчинительного словосочетания наглядным примером синтаксического синтетизма в немецком языке обладает еще одна синтаксическая структура – *полносинтаксический (речевой) композит*, обладающий, несмотря на свою цельнооформленность и, таким образом, высокую степень спаянности компонентов, свойством производимости в речи подобно предложениям и словосочетаниям. Данные структуры весьма распространены в немецком языке, т.е. обладают *высокой частотностью* и не поддаются учету ввиду их *речевого характера*. Они могут быть образованы по самым разным моделям и быть очень объемными, многокомпонентными образования (до 5-6 компонентов и более).

Степень спаянности компонентов может быть маркирована графически: имеет место как слитное написание с выделением или без выделения компонентов большой буквой, так и дефисное написание, маркирующее определенную степень «живости» синтаксических связей между конститuentами композита. Последние часто включают в себя аббревиатуры и элементы самых разных языков, чаще всего английского. Это могут быть структуры, построенные по модели сложнопроизводного слова, т.е. структуры, построенные по принципу примыкающих неоформленных корней или слов:

die Videoüberwachungsanlage, die Science-Fiction-Stilrichtung, der Samisdat-Vertrag, der Grand-Prix-Sieg, der Nicht-EU-Mitgliedsstaat либо композиты по модели сложнопроизводного слова, *включающие в себя* так называемые *голофрастические конструкции* (т.е. структуры, образованные в результате синтаксического сдвига) по типу *словосинтагма* или *словопредложение*:

die Ton-in-Ton-Kleidung

das Gott-mit-uns-Propaganda

das Jetzt-oder-nie-mehr-Gefühl

die Raucher-sterben-früher-Warnung

der Kipp-Dreh-Wipp-und-was-sonst-noch-Schalter

die Mädchen-tun-dies- und-Mädchen-tun-jenes-nicht-Regeln,

а также композиты, представляющие собой голофрастические конструкции по типу *словопредложение*:
das *Es-muss-wieder-erzählt-werden*
das *Tut-mir-leid-was-ich-getan-habe*

Нередко композиты, представляющие собой голофрастические конструкции, входят в состав атрибутивно-подчинительного словосочетания, оформленного номинальной рамкой:

eine typisch deutsche Entweder-oder-Debatte
die beleidigte Auf-mich-hört-ja-mal-wieder-keiner-Miene
die der Welt erste motorgetriebene Schwere-als-Luft-Maschine

Помимо этого, есть основания рассматривать полносинтаксические (речевые) композиты в немецком языке в качестве рамочных структур, что также свидетельствует о плотной структурной организации данных конструкций [9, с. 138].

Факт большого количества синтаксических структур – не поддающихся учету в силу их речевого характера – с высокой степенью спаянности компонентов свидетельствует об их структурной и типологической значимости для немецкого языка. Следовательно, данные структуры относятся к преференциальным способам выражения мыслей и описания ситуаций прежде всего в письменной немецкой речи, на что необходимо обращать внимание студентов в процессе преподавания немецкого языка.

Что касается *английского языка*, то синтетические тенденции в синтаксисе данного языка выражены по сравнению с немецким в значительно меньшей степени:

На уровне *предложения* вербально-предикативная рамка как структурно-грамматическая норма, в отличие от немецкого языка, отсутствует. Рамка встречается относительно редко в структурах типа «*What are you talking about?*», будучи образованной вопросительным словом и относящимся к нему предлогом.

В большей степени данные тенденции можно наблюдать на примере субстантивного атрибутивного подчинительного *словосочетания*, оформленного рамочной конструкцией (номинальной рамкой), образуемой артиклем либо его функциональным аналогом в виде указательного, притяжательного, неопределенного местоимения, числительного и относящегося к ним слова. Помимо этого, расположение слов внутри данной рамки подчиняется определенному порядку, что также способствует «уплотнению» данной структуры. Действует общий принцип: слова, обозначающие более общие понятия, ставятся перед словами, обозначающими более специфические понятия; слова, выражающие мнение, стоят перед словами, обозначающими факты [11, с. 137]:

a large-scale airport grid map
a continent-wide closed-circuit hook-up
the snow clearance command post
his own office suit

Синтетические тенденции в синтаксисе английского языка также могут быть представлены сложными словами – *композициями*. Так же, как и в немецком, в английском языке композиты могут быть словарными (лексическими) единицами (brother-in-law, twenty-five), но могут быть использованы также для передачи синтаксических отношений.

Однако, несмотря на то, что модель композита занимает значительное место в словообразовательной структуре английского языка, он не используется для выражения синтаксических отношений активно в той степени, в которой это характерно для немецкого языка. Существует исследование Е.С. Кубряковой, проведенное на базе пяти германских языков, включая немецкий и английский, в котором она отмечает, что немецкий язык по количеству композитов в тексте (т.е. в письменной речи – С.Р.) занимает второе место после исландского, а английский язык только пятое место [12, с. 107].

Английские синтаксические композиты также могут быть образованы по различным моделям, однако, как правило, состоят из меньшего количества компонентов, в отличие от немецких, и нередко включаются в виде голофрастических конструкций с дефисным написанием в состав рамки атрибутивного подчинительного словосочетания:

the twenty-thousand-dollar-a-year job
the fifty-five-year-old woman
the kiss-and-make-up night
the out-of-town applicants
the get-on-with-it pattern
his beat-up- filthy-inside-and-out Chevrolet

Что касается грамматического статуса таких конструкций, то, поскольку их образование как бы задано системой языка и происходит легко и по определенным схемам, т.е. имеет место определенная предсказуе-

мость их появления в тексте, то есть основания считать данные случаи *относительными окказионализмами* [13, с. 38].

Таким образом, данные примеры показывают, что отношения определительного характера в английских текстах нередко передаются посредством номинальных синтаксических рамочных структур с достаточно высокой степенью синтетизма, что, таким образом, также подлежит учету при изучении данного языка.

В *русском языке* на уровне *предложения* синтетические тенденции по сравнению с английским и особенно с немецким языком выражены значительно слабее. Вербально-предикативная рамка для данного языка факультативна, а возможные случаи ее употребления служат коммуникативно-стилистическим целям.

Субстантивное атрибутивное подчинительное *словосочетание*, несмотря на отсутствие артикля в русском языке, может «обрамляться» с помощью предлога, указательных местоимений, числительных и т.д. с относящимся к нему главным словом: *перед большим домом, три больших дома, мое красивое платье и т.п.*

Однако легко заметить, что ввиду высокой оснащенности русской словоформы флексивными показателями, обеспечивающей в целом ряде случаев возможность перестановки слов внутри данного словосочетания, номинальная рамка в русском языке не цементирует словосочетание в той мере, которая ей присуща в английском, а тем более в немецком языке. К тому же в русском языке такая конструкция, как правило, состоит из меньшего числа компонентов.

На уровне *сложного слова* структуры, передающие синтаксические отношения (типа «самолетопадение»), встречаются в русскоязычных текстах, в отличие от немецкого и английского, крайне редко, однако, тем не менее, в последнее время мы наблюдаем некоторую тенденцию к появлению структур, образованных путем *синтаксического сдвига*.

Как правило, речь идет о примерах из текстов средств массовой информации и социальной рекламы. Это могут быть имитация разговорной речи: «яжмать», «онижедети» и т.п., а также слоганы различного рода, относящиеся к различным сферам деятельности – таким, как

- защита животных:

«РоссияБезЖестокости», «ЖиводерамНет», «ПротивЭвтаназии», «ПротивУбийстваЖивотных», «Стопзоофашизм»,

- военные действия:

«ЗаЖизнь», «МыНеОтступим», «СвоихНеБросаем»

-спорт, фитнес: «Здесьидуткцели»

-коммерческая реклама: «Всефасад»

Не вызывает сомнения, что в данном случае прежде всего сказывается влияние интернета с присущими ему графическими особенностями оформления слов и высказываний. Встречаются данные структуры, как уже было указано выше, в русском языке в основном в средствах массовой информации и в сфере рекламы (на плакатах, вывесках, растяжках, упаковках различных продуктов и т.п.), т.е. в тех стилях и формах речи, где особо ярко выражено стремление к экспрессии и воздействию на получателя/потребителя, в данном случае через достижение/подчеркивание смысловой целостности высказывания путем объединения (через слитное написание) входящих в его структуру слов.

Однако необходимо отметить, что подобные структуры в русском языке не употребляются с той степенью частотности, как в немецком и даже в английском языке и что такого рода синтаксический синтетизм в целом не характерен для русского языка, а появление подобных структур в русскоязычных текстах носит, с нашей точки зрения, *окказиональный* характер ввиду относительно небольшой количественной представленности, а также ввиду ограниченности сфер их употребления.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие *выводы*:

1. Их трех названных языков в наибольшей степени синтетические тенденции в основных синтаксических структурах присущи немецкому языку, что позволяет говорить об их структурной и типологической значимости для данного языка, в котором они представлены как на уровне предложения в виде рамочной конструкции, являющейся структурно-грамматической *нормой*, так и на уровне субстантивного атрибутивного подчинительного словосочетания, которому отводится значительная роль в немецком предложении, а также в виде речевых (синтаксических) композитов, обладающих высокой степенью частотности.

2. В английском языке синтетические тенденции в сфере синтаксиса в целом представлены в меньшей степени: на уровне предложения вербально-предикативная рамка отсутствует, рамочные структуры иного

рода присутствуют в ограниченном количестве. Синтетизм в данном языке в большей степени характерен для субстантивных атрибутивных подчинительных словосочетаний, часто включающих в свой состав речевые композиты. Ввиду заданности данных структур системой языка можно вести речь об их *относительной окказиональности*.

3. Основным синтаксическим структурам русского языка синтетизм свойственен в наименьшей степени: рамка на уровне предложения факультативна, субстантивным атрибутивным подчинительным словосочетаниям не отводится такая значительная роль в предложении, как в английском и особенно в немецком языке. Появление синтаксических композитов в русскоязычных текстах носит *окказиональный* характер.

4. Ключевая роль названных выше синтаксических структур в строе каждого из языков, определяемая их функцией в предложении, частотностью, объемом и спаянностью их компонентов (синтетизмом), в значительной степени влияет на специфику их употребления в плане формирования и формулирования мыслей, а также описания ситуаций в текстах на данных языках. Последнее обстоятельство определяет необходимость учета названных факторов как средств достижения аутентичности иностранной речи в процессе преподавания иностранных языков в высшей школе.

Список источников

1. Азизова Л.Р. Синхронно-сопоставительный анализ устойчивых единиц с глаголами речи в английском и русском языках // Современный ученый. 2025. № 12. С. 53 – 56.
2. Газиллов М.Г. Сопоставительное исследование концепта ГЕРОИ в русском и французском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 1. С. 175 – 178.
3. Демидкина Д.А., Марзоева И.В. Функционирование и референциальные особенности временных форм с системной семантикой имперфекта в языках германской, романской и славянской групп (на примере английского, французского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 5. С. 284 – 288.
4. Ларионова М.В. Слово года как современный языковой феномен: сравнительный анализ лингвистического своеобразия (на материале русского, испанского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 278 – 284.
5. Малых Л.М. К вопросу о содержании понятия «мультилингвальное обучение» в российской системе образования // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 108 – 117.
6. Согачева А.С. К вопросу о содержании понятия «мультилингвальное образование» исходя из исторических и логических предпосылок формирования концепции мультилингвального образования в России // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1. № 4 (94). С. 92 – 112.
7. Gogolin I, Hansen A, McMonagle S, Rauch D. Handbuch Mehrsprachigkeit und Bildung. Springer VS Wiesbaden, 2020. 373 p.
8. Жирмунский В.М. Развитие строя немецкого языка. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 81 с.
9. Рыбкина С.Н. Рамка как ведущий структурно-организационный принцип оформления синтаксических отношений в немецком языке и ее типологическая отмеченность: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 164 с.
10. Hoberg U. Die Wortstellung in der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache. München: M. Hueber, 1981. 256 p.
11. Cunningham Gillie, Bell Jan, Clementson Theresa with Chris Redston. Face2face. Advanced Student's Book. Cambridge University Press, 2013. 176 p.
12. Кубрякова Е.С. О путях изучения типологических особенностей в области словообразования (на материале современных германских языков) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М.: Наука, 1966. С. 74 – 113.
13. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. М.: ВШ, 1990. 159 с.

References

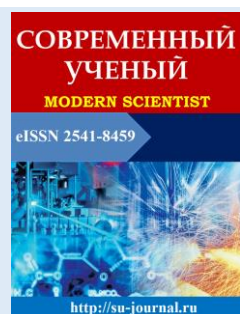
1. Azizova L.R. Synchronic-comparative analysis of stable units with verbs of speech in English and Russian. Sovremennyy ucheny. 2025. No. 12. P. 53 – 56.
2. Gazilov M.G. Comparative study of the concept HERO in Russian and French. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. No. 1. P. 175 – 178.

3. Demidkina D.A., Marzoeva I.V. Functioning and referential features of tenses with systemic semantics of the imperfect in the languages of the Germanic, Romance, and Slavic groups (using English, French, and Russian as an example). *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2020. No. 5. P. 284 – 288.
4. Larionova M.V. Word of the Year as a Modern Linguistic Phenomenon: A Comparative Analysis of Linguistic Peculiarities (Based on Russian, Spanish, and English). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2020. No. 6. P. 278 – 284.
5. Malykh L.M. On the Content of the Concept of “Multilingual Education” in the Russian Education System. *Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2021. Vol. 31. Issue 1. P. 108 – 117.
6. Sogacheva A.S. On the Content of the Concept of “Multilingual Education” Based on Historical and Logical Prerequisites for the Formation of the Concept of Multilingual Education in Russia. *Domestic and Foreign Pedagogics*. 2023. Vol. 1. No. 4 (94). P. 92 – 112.
7. Gogolin I, Hansen A, McMonagle S, Rauch D. *Handbook of Mehrsprachigkeit und Bildung*. Springer VS Wiesbaden, 2020. 373 p.
8. Zhirmunsky V.M. *Development of the structure of the German language*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1936. 81 p.
9. Rybkina S.N. The frame as a leading structural and organizational principle of formalizing syntactic relations in the German language and its typological marking: diss. ... Cand. of Philological Sciences. Saratov, 2004. 164 p.
10. Hoberg U. *Die Wortstellung in der geschriebenen deutschen Gegenwartssprache*. Munich: M. Hueber, 1981. 256 p.
11. Cunningham Gillie, Bell Jan, Clementson Theresa with Chris Redston. *Face2face. Advanced Student's Book*. Cambridge University Press, 2013. 176 p.
12. Kubryakova E.S. On the Ways of Studying Typological Features in Word Formation (Based on Modern Germanic Languages). *Structural and Typological Description of Modern Germanic Languages*. Moscow: Nauka, 1966. P. 74 – 113.
13. Vashunin V.S. *Substantive Compound Words in German*. Moscow: VSh, 1990. 159 p.

Информация об авторе

Рыбкина С.Н., кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный университет путей сообщения, swrybkin@mail.ru

© Рыбкина С.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 747.012

Сравнительный анализ современных программ дополнительного профессионального образования по дизайну интерьеров: методология изучения отечественного и зарубежного опыта

¹ Артамонов А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье разработана комплексная методология сравнительного анализа современных программ дополнительного профессионального образования по дизайну интерьеров с учетом особенностей отечественного и зарубежного опыта. В качестве основного инструментария предложена синтетическая матрица компетентностных разрывов, представляющая собой оригинальную последовательность аналитических процедур, включающую декомпозицию образовательных программ на структурные компоненты, расчет композитного индекса компетентности, стратегическое позиционирование по матрице роста-доли рынка и экспертную верификацию с использованием метода Дельфи. Особое внимание уделено выявлению качественных диспропорций между российскими образовательными практиками, ориентированными на нормативно-техническую базу, и зарубежными подходами, акцентирующими внимание на практико-ориентированной подготовке и современные цифровые технологии. На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по созданию гибридных образовательных модулей, интегрирующих передовые международные методики с локальными стандартами, с последующим пилотным внедрением в ведущих отечественных вузах. Теоретическая новизна исследования заключается в создании первой эмпирически обоснованной модели для анализа программ дополнительного профессионального образования в сфере дизайна интерьеров, существенно превосходящей существующие в литературе дескриптивные и фрагментарные подходы.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, дизайн интерьеров, синтетическая матрица компетентностных разрывов, метод Дельфи, матрица BCG

Для цитирования: Артамонов А.А. Сравнительный анализ современных программ дополнительного профессионального образования по дизайну интерьеров: методология изучения отечественного и зарубежного опыта // Современный ученый. 2026. № 4. С. 245 – 251.

Поступила в редакцию: 17 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Comparative analysis of modern programs of additional professional education in interior design: methodology of studying domestic and foreign experience

¹ Artamonov A.A.

¹ Federal State University of Education

Abstract: the article develops a comprehensive methodology for comparative analysis of modern programs of additional professional education in interior design, taking into account the peculiarities of domestic and foreign experience. A synthetic matrix of competence gaps is proposed as the main toolkit, which is an original sequence of analytical procedures that includes the decomposition of educational programs into structural components, the calculation of a composite competence index, strategic positioning according to the growth-market share matrix, and expert verification using the Delphi method. Special attention is paid to identifying qualitative imbalances between Russian educational practices focused on the regulatory and technical framework and foreign approaches that emphasize practice-oriented training and modern digital technologies. Based on the analysis, recommendations have been formulated for the creation of hybrid educational modules that integrate advanced international methods with local standards, followed by pilot implementation in leading domestic universities. The theoretical novelty of the research lies in the creation of the first empirically based model for the analysis of additional professional education programs in the field of interior design, significantly surpassing the existing descriptive and fragmentary approaches in the literature.

Keywords: additional professional education, interior design, synthetic matrix of competence gaps, Delphi method, BCG matrix

For citation: Artamonov A.A. Comparative analysis of modern programs of additional professional education in interior design: methodology of studying domestic and foreign experience. Modern Scientist. 2026. 4. P. 245 – 251.

The article was submitted: October 17, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

На современном этапе общественного развития, сопровождающимся ускоренной цифровизацией и глобализацией профессионального образования, дизайн интерьеров предстает динамичной дисциплиной, где формирование компетентностного профиля специалиста сталкивается с фундаментальными вызовами, обусловленными несоответствием образовательных программ требованиям инновационного рынка труда. Сравнительный анализ современных отечественных и зарубежных программ дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) по дизайну интерьеров обретает особую значимость, поскольку выявляет системные пробелы в методическом обеспечении. Так, в России акцент делается на нормативно-технической базе (своды правил (далее – СП), санитарно-эпидемиологические правила и нормы (далее – СанПиН), отраслевой стандарт профессии «Дизайнер интерьера», не утвержденный Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд), что контрастирует с зарубежными моделями (Королевский институт британских архитекторов (далее – RIBA), Национальный совет по квалификации дизайнеров интерьеров (далее – NCIDQ), ориентированными на технологии информационного моделирования зданий (далее – BIM моделирование), устойчивый дизайн и сертификацию (Leadership in Energy and Environmental Design (далее – LEED), Building Standard (далее – WELL)), порождая десинхронизацию подготовки кадров с глобальными трендами.

Данная проблема особенно актуальна в рамках методологии и технологии профессионального образования дизайнера интерьера, где отсутствие унифицированной методологии сравнительного изучения отечественного и зарубежного опыта препятствует разработке гибридных программ, способствующих импортозамещению технологий и повышению экспортного потенциала российских специалистов в области дизайна интерьера. Учитывая вышесказанное, настоящее исследование направлено на синтез лучших практик для создания методологии, обеспечивающей переход к непрерывному образованию, адаптированному к вызовам цифровизации и отсутствию государственного профессионального стандарта, тем самым способствуя технологическому суверенитету в дизайн-индустрии.

Материалы и методы исследований

Методология исследования включает сравнительный анализ отечественных и зарубежных программ дополнительного профессионального образования по дизайну интерьеров с использованием декомпозиции образовательных структур, контент-анализа и стратегического позиционирования. Применены методы количественной оценки компетентностных разрывов (индекс I), матричный анализ BCG и SWOT, а также экспертная верификация методом Дельфи.

Результаты и обсуждения

В научной литературе тема сравнительного анализа программ ДПО по дизайну интерьеров трактуется как стратегический метод для выявления и преодоления компетентностных разрывов между отечественными и зарубежными образовательными парадигмами [1, 2, 5] с целью синтеза лучших практик в условиях глобализации и цифровизации креативных индустрий. При этом методология изучения отечественного и иностранного опыта дифференцирована. Так, одни исследователи предлагают метод декомпозиции [9], заключающийся в разборе образовательных программ на ключевые структурные компоненты: цели обучения, содержание курсов, формы контроля знаний. В применении к электронным программам такой подход демонстрирует, что российские платформы, такие, как электронное обучение Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (далее – СПбГАСУ), охватывают цифровизацию на уровне сорока процентов (программы типа ArchiCAD), в то время как международные аналоги на платформе Coursera достигают семидесяти пяти процентов за счет технологий информационного моделирования зданий (далее – Revit).

Другие исследователи в основу методологии изучения отечественного и иностранного опыта закладывают традиционно принятую матрицу сильных и слабых сторон, возможностей и угроз (метод SWOT-анализа) [7, 8], а также матрицу роста доли рынка (далее – BCG) для стратегического позиционирования российских курсов (СПбГАСУ), Московского архитектурного института (далее – МАРХИ), Национального исследовательского Московского государственного университета строительства (далее – МГСУ) в сравнении с Pratt Institute в США. Такая методология позволила выявить сильные стороны отечественных программ ДПО, заключающиеся в глубокой нормативной ориентации на своды правил СП 54.13330 для жилых зданий и санитарно-эпидемиологические правила и нормы СанПиН, и слабости отечественных программ, заключающиеся в низком уровне практики (35% против 75%) в американских стажировках с сертификацией LEED. Иными словами, в российских ДПО по дизайну интерьеров практика есть (практикумы в ArchiCAD, проекты), но ее доля низкая (35% от общего времени, например, 400 часов из 1200), преимущественно теоретическая/симуляционная; в США – 75% реальной практики (стажировки на объектах, портфолио с LEED-сертификацией), что делает выпускников более конкурентоспособными [4].

Несмотря на наличие отдельных методологических подходов в литературе (декомпозиция, SWOT, BCG), глубоких исследований, посвященных именно сравнительному анализу современных программ ДПО по дизайну интерьеров с учетом отечественного и зарубежного опыта, практически нет. Это означает отсутствие комплексных эмпирических данных по ключевым разрывам (цифровизация 40% против 75%, практика 35% против 75%), унифицированной методологии синтеза (гибрид BIM модели и нормы) и рекомендаций для российских ДПО.

Важно отметить и тот факт, что по данным NCIDQ [12] уровень сертификации среди практикующих специалистов в США и Канаде превышает восемьдесят процентов: проходной балл экзаменов IDPX, IDFX и PRAC составляет от 51 до 69 процентов, общее число сертифицированных дизайнеров насчитывает более пяти тысяч человек. В Российской Федерации (далее – России), согласно Федеральной информационной системе обеспечения образовательных стандартов и федеральных требований к образовательным стандартам (ФИС ФРДО, статистика на fis.fedo.gov.ru за 2024 год), ежегодно выдается около двадцати тысяч дипломов дополнительного профессионального образования по специальностям, связанным с «дизайном» [13], однако доля выпускников с отраслевой сертификацией (аналог NCIDQ) не превышает двадцати процентов. Такая диспропорция подчеркивает необходимость введения унифицированных механизмов сертификации в российских программах ДПО по дизайну интерьеров для повышения их международной конкурентоспособности [6], в основу которой должна быть заложена эффективная и объективная методология изучения отечественного и зарубежного опыта, отсутствующая в современной научной литературе.

Решением вышеобозначенной научной проблемы является разработка методологии изучения отечественного и зарубежного опыта, основанных на синтетической матрице компетентностных разрывов (далее – СМКР), представляющей собой гибридный инструментарий, интегрирующий декомпозицию программ, SWOT/BCG-анализ и количественную оценку по шкале цифровизации/практики (0–100%), что позволит не только выявлять разрывы (например, 40% против 75% в цифровизации), но и разрабатывать рекомендации

по синтезу (50% BIM моделирование/Revit + 50% СП/СанПиН). Методология будет включать в себя четыре последовательных шага.

Шаг 1: Сбор и декомпозиция программ

На этом этапе формируется репрезентативная база данных из не менее 10 отечественных программ ДПО ведущих вузов (2022-2025 годы) и 10 зарубежных. Так, среди программ ДПО ведущих российских вузов могут быть использованы программы СПбГАСУ, МАРХИ, МГСУ. Среди программ ДПО ведущих иностранных вузов могут быть использованы программы Pratt Institute, частного университета искусств и дизайна в Бруклине (Нью-Йорк, США), одного из лидеров в образовании по дизайну интерьеров с аккредитованными программами, фокусом на BIM моделирование и LEED, практике и стажировках. Также предлагается использовать данные Coursera NCIDQ-aligned – онлайн-программы на платформе Coursera, адаптированные под стандарты NCIDQ и данные профессиональной ассоциации Совета преподавателей дизайна интерьеров США (Interior Design Educators Council (далее – IDEC)). Каждая программа будет декомпонироваться на ключевые структурные компоненты: цели обучения (стратегические/оперативные), содержание курсов (модули по теории/практике/цифре), формы контроля (экзамены, проекты, стажировки), объем (часы). Такой разбор позволит обеспечить объективность и воспроизводимость данных, устраняя субъективные интерпретации, характерные для традиционных обзоров программ ДПО.

Пример применения: Программа СПбГАСУ «Дизайн интерьера в ArchiCAD» (1200 часов) [11]: цели программы: освоение СП 54.13330 «Здания жилые многоквартирные», содержание программы 60% теория, 25% симуляции ArchiCAD, 15% проектная деятельность; форма промежуточного и итогового контроля – зачеты. Зарубежный аналог Pratt Institute (900 часов): цели программы: LEED-сертификация; содержание программы: 20% теория, 50% Revit/BIM-практика, 30% стажировки; форма промежуточного и итогового контроля: портфолио + экзамен NCIDQ.

Шаг 2: Квантитативная оценка разрывов

Каждый компонент оценивается по унифицированной шкале 0–1 с весами (практика – 0,3; цифровизация – 0,4; нормы/сертификация – 0,3), индекс рассчитывается по формуле

$$I = \sum(w_i \cdot s_i),$$

где s_i – нормализованный показатель (например, % практики / 100). Разрывы визуализируются в таблице ($\Delta I = I_{\text{зарубеж}} - I_{\text{отечеств}}$).

Предложенный порядок позволяет переводить качественные методы (SWOT) в метрику, позволяя ранжировать проблемы. В литературе отсутствуют подобные подходы для ДПО в области дизайна интерьеров. Пример применения: СПбГАСУ: практика $s=0,35$ (420 ч), цифровизация $s=0,40$ (ArchiCAD), нормы $s=0,90$ соответственно:

$$I = 0,3 \cdot 0,35 + 0,4 \cdot 0,40 + 0,3 \cdot 0,90 = 0,585.$$

Pratt Institute (США) [10]: практика $s=0,75$, цифровизация $s=0,80$ (Revit/BIM), нормы $s=0,85$ (LEED) соответственно:

$$I = 0,3 \cdot 0,75 + 0,4 \cdot 0,80 + 0,3 \cdot 0,85 = 0,745.$$

Разрыв $\Delta I = 0,16$ (критично по практике и цифровизации).

Шаг 3: Синтез матрицы СМКР

На основе индексов в рамках предложенной методологии строится четырехквadrантная матрица стратегического позиционирования, интегрирующая ключевые индексы оценки бизнес-единиц. По горизонтальной оси X отображается классификация по модели BCG (Boston Consulting Group), где учитываются два параметра: относительная доля рынка и темпы роста рынка. Таким образом, левая часть оси соответствует слабым сторонам (низкая доля рынка и/или низкий рост), а правая соответствует сильным сторонам (высокая доля рынка и высокий рост).

По вертикальной оси Y фиксируются разрывы между текущей практикой организации и уровнем цифровизации, с градацией от низкого (нижний квадрант) к высокому (верхний квадрант). Низкий уровень разрыва указывает на гармоничное соответствие практики и цифровых технологий, в то время как высокий указывает на значительные диспропорции, требующие корректировки.

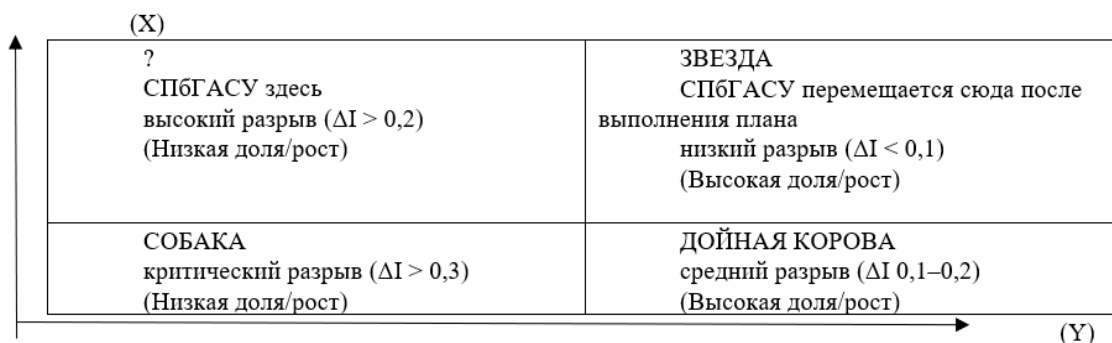

Рис. 1. Четырехквadrантная матрица BCG- ΔI для ДПО СПбГАСУ.

Fig. 1. Four-quadrant matrix BCG- ΔI for DPO SPbGASU.

Пример применения СМКР для квадранта «Вопросительный знак + высокий разрыв» (СПбГАСУ в сравнении с Pratt Institute (США), $\Delta I = 0,16$). Как уже было отмечено ранее, разрыв в программах $\Delta I = 0,16$ является критичным по практике и цифровизации, следовательно российская программа ДПО имеет низкую долю рынка, но при этом у программы есть высокий потенциал роста за счет цифровизации ДПО. Рассмотрим квадрант: «Вопросительный знак» (низкая доля/высокий рост) + «высокий разрыв» ($\Delta I > 0,1$).

SWOT-анализ для этого квадранта будет выглядеть следующим образом:

- Strengths (сильные стороны): глубокая нормативная база (СП 54.13330, СанПиН).
- Weaknesses (слабые стороны): низкий уровень практики в области дизайна интерьера, поскольку практика основана на программах симуляторов, а реальная практика дизайна отсутствует. Что касается цифровизации, то она ориентирована только на ArchiCAD, BIM моделирование не применяется.
- Opportunities (возможности): адаптация программы для экспорта ДПО в ЕАЭС; рост рынка онлайн-дизайна.
- Threats (угрозы): конкуренция с иностранными программами, отставание в BIM моделировании от MAPXI и МГСУ.

Исходя из вышеприведенных данных необходима гибридная модель программы, включающая в себя зарубежные практики и локальное нормативное регулирование для российского рынка. После внедрения программы из квадранта «Вопросительный знак» (инвестировать или отказаться?) осуществляется переход в «Звезду» (высокая доля/рост) в том числе за счет возможности экспорта программы ДПО в страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Шаг 3: Валидация и пилотирование

После синтеза матрицы СМКР на шаге 3, где на основе индексов компетентности (I) и разрывов (ΔI) программы ДПО размещаются в четырехквadrантной BCG-матрице с конкретными рекомендациями по трансформации необходима валидация и пилотирование, обеспечивающие переход от аналитической модели к практическому внедрению.

Здесь объективным видится применение метода Дельфи, который будет реализован в форме трех итеративных раундов анонимного экспертного опроса с целью достижения консенсуса (необходимое число экспертов 20 человек, из них: 10 человек российских кураторов программ ДПО из СПбГАСУ, MAPXI, МГСУ и 10 зарубежных экспертов, например, сертифицированных по Национальному совету по квалификации дизайнеров интерьеров и аккредитованных Советом преподавателей дизайна интерьеров).

Каждый раунд оценки предполагает структурированную оценку по шкале Ликерта (от 1 (полное несогласие) до 5 (полное согласие)): индекса компетентностных разрывов ($\Delta I > 0,1$ квалифицируется как высокий); анализа сильных и слабых сторон (SWOT-анализ) синтезированных рекомендаций матрицы СМКР; плана имплементации (модули, сроки, ресурсы). Порог консенсуса устанавливается на уровне более 70% согласия; внутренняя согласованность оценивается коэффициентом альфа Кронбаха ($\alpha > 0,8$).

Пример применения: во втором раунде 85% экспертов подтверждают значение $\Delta I = 0,16$ для программы ДПО СПбГАСУ «Дизайн интерьера в ArchiCAD»: практика $s=0,35$ против 0,75 в Pratt Institute (США); на третьем раунде корректировка рекомендаций предусматривает усиление модулей технологий информационного моделирования зданий на 15% объема.

Данная методология видится наиболее объективной, поскольку направлена на минимизацию субъективности за счет анонимности и итераций, что отличает метод Дельфи от традиционных фокус-групп и делает

предлагаемую модель более адаптированной к современным реалиям, в отличие от обычно принятых дескриптивных моделей без экспертной верификации [3, 7, 8, 9].

Выводы

Проведенный сравнительный анализ современных программ ДПО по дизайну интерьеров свидетельствует о наличии системных компетентностных разрывов между отечественными и зарубежными моделями, достигающих $\Delta I=0,16$ по приоритетным параметрам практико-ориентированной подготовки и цифровизации, что предопределяет ограниченную международную конкурентоспособность отечественных выпускников в области дизайна интерьеров.

Предложенная методология синтетической матрицы компетентностных разрывов, интегрирующая декомпозицию образовательных программ, расчет композитного индекса компетентности I , стратегическое позиционирование по модели BCG и экспертную верификацию методом Дельфи, позволит сделать отечественные программы ДПО в области дизайна интерьеров более адаптированными к современному рынку в условиях цифровизации и обеспечит их конкурентоспособность на глобальном рынке образовательных программ.

Список источников

1. Ахмедова Е.А. Архитектурно-градостроительное образование в ведущих зарубежных школах: тенденции и направления адаптации опыта в российской высшей школе // *Фундаментальные исследования*. 2007. № 7. С. 92 – 95.
2. Бобряшова О.В., Мосиенко Л.В. Компаративный анализ российского и зарубежного опыта развития дизайн-образования // *Вестник ОГУ*. 2014. № 2 (163). С. 16 – 27.
3. Ершова Н.Ю., Екимова Т.А. Методика проектирования инновационной программы дополнительного профессионального образования для nanoиндустрии // *Непрерывное образование: XXI век*. 2014. № 3 (7). С. 89 – 107.
4. Ибрагимов Г.И. Компетентностный подход в профессиональном образовании // *ОТО*. 2007. № 3. С. 361 – 365.
5. Миронова Л.И., Космодемьянова А.А., Бернгардт К.В. Методика сравнения результативности образовательных программ системы дополнительного профессионального образования // *Педагогическое образование в России*. 2022. № 6. С. 209 – 215.
6. Назаркина В.А., Зозуля О.А. Специальные мероприятия по продвижению услуг дополнительного профессионального образования: формирование и оценка эффективности // *ПНиО*. 2024. № 4 (70). С. 737 – 757.
7. Патрахина Т.Н. Стратегический менеджмент образовательного учреждения: особенности, структура, практика // *Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века: Монография. Книга 3*. Краснодар, 2012. С. 102 – 129.
8. Попова Э.Р., Ткаченко Д.М. Методология выявления ниш на рынке корпоративного образования // *Научные записки молодых исследователей*. 2025. № 5. С. 67 – 78.
9. Шинкарьюк А.С. Методика анализа декомпозиций учебных курсов // *Вестник Херсонского национального технического университета*. 2013. № 1 (46). С. 439 – 442.
10. Pratt, Home Interior Design, MFA. Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.pratt.edu/design/interior-design/interior-design-mfa/> (дата обращения: 02.09.2025)
11. Факультет дополнительного образования СПбГАСУ Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.spbgasu.ru/university/faculties-and-departments/institut-povysheniya-kvalifikatsii-i-professionalnoy-perepodgotovki-spetsialistov/> (дата обращения: 02.09.2025)
12. NCIDQ. Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.ncidqprep.com/ncidq-exam-pass-rates/> (дата обращения 02.09.2025)
13. ФИС ФРДО Режим доступа URL: <https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosfunction/formirovanie-i-vedenie-federalnogo-reestra-svedenij-o-dokumentah-ob-obrazovanii-i-ili-o-kvalifikaczii-dokumentah-ob-obuchenii/> (дата обращения: 02.09.2025)

References

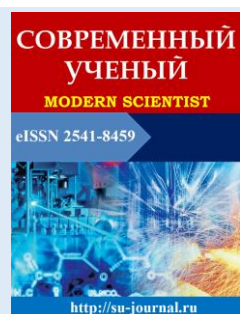
1. Akhmedova E.A. Architectural and urban planning education in leading foreign schools: trends and directions of adaptation of experience in Russian higher education. *Fundamental research*. 2007. No. 7. P. 92 – 95.
2. Bobryashova O.V., Mosienko L.V. Comparative analysis of Russian and foreign experience in design education development. *OSU Bulletin*. 2014. No. 2 (163). P. 16 – 27.

3. Ershova N.Yu., Ekimova T.A. Methodology for designing an innovative program of additional professional education for the nanoindustry. Continuous education: XXI century. 2014. No. 3 (7). P. 89 – 107.
4. Ibragimov G.I. Competency-based approach in professional education. OTO. 2007. No. 3. P. 361 – 365.
5. Mironova L.I., Kosmodemyanova A.A., Bernhardt K.V. Methodology for Comparing the Performance of Educational Programs in the Continuing Professional Education System. Pedagogical Education in Russia. 2022. No. 6. P. 209 – 215.
6. Nazarkina V.A., Zozulya O.A. Special Events to Promote Continuing Professional Education Services: Formation and Evaluation of Effectiveness. PNiO. 2024. No. 4 (70). P. 737 – 757.
7. Patrakhina T.N. Strategic Management of an Educational Institution: Features, Structure, Practice. Questions. Hypotheses. Answers: Science of the 21st Century: Monograph. Book 3. Krasnodar, 2012. P. 102 – 129.
8. Popova E.R., Tkachenko D.M. Methodology for Identifying Niches in the Corporate Education Market. Scientific Notes of Young Researchers. 2025. No. 5. P. 67 – 78.
9. Shinkaryuk A.S. Methodology for Analyzing Decompositions of Academic Courses. Bulletin of the Kherson National Technical University. 2013. No. 1 (46). P. 439 – 442.
10. Pratt, Home Interior Design, MFA. Electronic resource. Access mode URL: <https://www.pratt.edu/design/interior-design/interior-design-mfa/> (date of access: 09.02.2025)
11. Faculty of Continuing Education, SPbGASU Electronic resource. Access mode URL: <https://www.spbgasu.ru/university/faculties-and-departments/institut-povysheniya-kvalifikatsii-i-professionalnoy-perepodgotovki-spetsialistov/> (date of access: 02.09.2025)
12. NCIDQ. Electronic resource. Access mode URL: <https://www.ncidqprep.com/ncidq-exam-pass-rates/> (date of access: 09.02.2025)
13. FIS FRDO Access mode URL: <https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosfunction/formirovanie-i-vedenie-federalnogo-reestra-svedenij-o-dokumentah-ob-obrazovanii-i-ili-o-kvalifikaczii-dokumentah-ob-obuchenii/> (date of access: 09.02.2025)

Информация об авторе

Артамонов А.А., аспирант, Государственный университет просвещения, artamonov2012@yandex.ru

© Артамонов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Мультимодальный дискурс современной коммуникации

¹ Самойлова А.Н.

¹ *Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*

Аннотация: с позиций сущностного и системного подходов в статье рассматриваются эндогенные факторы, способствующие развитию коммуникации современного субъекта, живущего в цифровом социуме. Авторы ставят своей целью рефлексии роли коммуникации в пространстве различных дисциплинарных практик, что позволит более рельефно обозначить значение акта коммуникации для человека. В заданной логике исследования в статье решаются следующие задачи: выявить дефиниции концептов в антропологических науках; провести их типологическое сравнение для определения смыслового наполнения и смысловых границ коммуникации; определить доминантные формы реализации коммуникативных практик с позиции мультимодального дискурса. Для этого в статье через призму мультимодальности рассматривается ресурсный потенциал коммуникации, анализируется ее многоканальность, описываются агенты, коды и механизмы коммуникации, индикаторы типологизации коммуникативных практик, внутренние и внешние условия преодоления барьеров в коммуникативном акте. Эффективность коммуникации определяется в рамках социальной семиотики, поэтому в статье представлена модель коммуникации, эксплицирующая ее основной ментальный ресурс, и имплицитная «материальные» ресурсы мультимодальности языка. Процесс моделирования коммуникации в мультимодальном дискурсе позволяет выявить компоненты, влияющие на организацию акта коммуникации.

Ключевые слова: современная коммуникация, мультимодальность, ментальные установки, дискурсивность, виртуальность, каналы восприятия

Для цитирования: Самойлова А.Н. Мультимодальный дискурс современной коммуникации // Современный ученый. 2026. № 4. С. 252 – 260.

Поступила в редакцию: 18 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The multimodal discourse of modern communication

¹ Samoylova A.N.

¹ *A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) Rostov State University of Economics*

Abstract: from the standpoint of the essential and systemic approaches, the article examines the endogenous factors contributing to the development of communication of a modern subject living in a digital society. The authors aim to reflect on the role of communication in the space of various disciplinary practices, which will make it possible to more clearly identify the meaning of the act of communication for a person. According to the given research logic, the article solves the following tasks: to identify definitions of concepts in the anthropological sciences; to carry out their typological comparison to determine the semantic content and semantic boundaries of communication; to de-

termine the dominant forms of implementation of communicative practices from the perspective of multimodal discourse. For this purpose, the article examines the resource potential of communication through the prism of multimodality, analyzes its multichannel nature, describes agents, codes and mechanisms of communication, indicators of typologization of communicative practices, internal and external conditions for overcoming barriers in the communicative act. The effectiveness of communication is determined within the framework of social semiotics, therefore, the article presents a communication model that explicates its main mental resource and implies the "material" resources of the multimodality of language. The process of modeling communication in a multimodal discourse allows us to identify the components that influence the organization of the act of communication.

Keywords: modern communication, multimodality, mental attitudes, discursivity, virtuality, channels of perception

For citation: Samoylova A.N. The multimodal discourse of modern communication. Modern Scientist. 2026. 4. P. 252 – 260.

The article was submitted: October 18, 2025; Approved after reviewing: December 15, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Значение коммуникации трудно переоценить, так как она обеспечивает накопление и передачу социального опыта, организацию совместной деятельности, трансляцию культуры [13]. Коммуникация представляет собой национальную модель социального развития, социокультурный продукт этносов и, кроме того, коммуникация вписана в ментальные установки нашего общества, раскрывая через поколенческие каналы духовно-душевные особенности человека.

Современная коммуникация по праву считается мультимодальной, так как способная обрабатывать и генерировать информацию с помощью нескольких типов модальностей одновременно: текст, изображение, аудио и видео, что создает более естественное и комплексное взаимодействие в процессе коммуникации.

К проблемам организации коммуникации в различных аспектах обращались многие отечественные ученые: А.В. Мудрик (социализация личности), Р.В. Леушкин (теория социальной коммуникации), В.В. Сериков (развитие и саморазвитие личностных свойств индивида), И.А. Кондратьев (системно-ролевая теория становления личности), А.М. Кондаков (модернизация единой информационной образовательной среды), А.В. Назарчук (концепция сетевого общества), Л.В. Быкасова (когнитивная коммуникация), О.Н. Морозова, О.А. Базылева (коммуникация в современной лингвистике), а также зарубежные исследователи: Б.Ф. Скиннер (концепция оперантного обусловливания), Ж. Пиаже (концепция когнитивного развития), Дж. Брунер (концепция обучения через открытие), С. Пейперт (концепция конструктивизма в области ИТ), таксономия Б. Блума и др., в которых рельефно обозначались ценностные ориентиры личности; намечались пути ее неконфликтного существования в социуме; рассматривались этапы вхождения человека в культуру через развитие коммуникативных навыков.

Вопросы мультимодальности освещали в своих трудах Л.В. Шиукаева (модальность педагогического дискурса), Г.Е. Крейдлин (проблемы семиотики и мультимодальности), И.П. Хуыз (мультимодальность академического дискурса), Г. Кресс (взаимосвязь семиотики и мультимодальности), Ч. Гудвин (мультимодальность в человеческом взаимодействии), С. Михель, М. Клемм (медиакоммуникация субъектов) и др.

Материалы и методы исследований

Обратимся к дефинициям концептов, вводимых в канву нашего исследования. Бытийный смысл, актуальность феноменов «коммуникация» и «мультимодальность» требуют обращения к их имманентной сущности.

1. Коммуникация – это понятие, которое активно используется в социальной психологии в двух значениях: для характеристики структуры деловых и межличностных связей между людьми; для характеристики обмена информацией в человеческом общении [10]. Почему в век стремительного развития информационных технологий вопрос о коммуникации субъекта особо важен? Ответ очевиден: вырабатывая навыки коммуникации, человек формирует определенные социальные практики и ментальные установки, приобретает новые для себя способности как в сфере межличностного общения, так и в сфере кумуляции культурных знаний, направленных на развитие эмпатии и толерантности к окружающим людям иных этнических групп, языков и религий. В коммуникации соединяются не только речь, но и интонация, тембр, громкость голоса, мимика, пантомимика, такесика, просодика и пр., т.е., коммуникация имеет мультимодальный характер.

2. Мультимодальность включает в себя базовый компонент – «модальность». Модальность – это вид и способ бытия или события [14]. На голографичность концепта указывает сфера его употребления. Так, мо-

дальность в психологии – это термин, означающий принадлежность к определенной сенсорной системе и использующийся для характеристики либо ощущения, либо сигнала [10].

В педагогике модальность – это способ происходящего и способ существования, значение истинности. Это вид восприятия и обработки информации человеком через разные сенсорные каналы (зрительный, слуховой, кинестетический) или типы мышления, определяющий предпочтительный метод обучения для усвоения знаний, а также характеристика отношения к содержанию высказывания (возможно, необходимо, случайно).

В языкознании модальность – понятийная категория, которая характеризует отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности [11].

Обратимся к социологии. Мультимодальность в социологии – это подход к изучению коммуникации и социального взаимодействия, который анализирует, как значение создается и передается через множество «модусов» или каналов (визуальные, аудиальные, текстовые, пространственные, жестовые, мимические), а не только через язык. Социология считает, что коммуникация – это общение, передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся главным образом при помощи языка. Коммуникация находит применение во множестве различных дисциплин, где используется классическая схема связи, обмена информацией или смыслом «коммуникант – реципиент» [13].

Для нашего исследования необходим концепт мультимодальность, образующийся от основы «модальность» с помощью словосложения. Мультимодальностью в дискурс-анализе называется одновременное использование нескольких средств или каналов передачи информации. Мультимодальность – это способность человека (компьютера) обрабатывать, понимать и генерировать информацию с помощью нескольких типов модальностей одновременно: текст, изображение, аудио и видео, что создает более естественное, комплексное взаимодействие в процессе коммуникации.

Мультимодальность мы, вслед за исследователем Г.Е. Крейдлиным, будем понимать как описание общих законов и правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков, соединение различных кодов предъявления информации [7].

В мультимодальном дискурсе различаются три кода коммуникации.

1. Вербальный код (устная, письменная речь);
2. Паралингвистический (голос и его модуляции: тембр, тон, интонация, темп);
3. Экстралингвистический, т.е. невербальный – кинестетический (мимика, эмоции, жесты, пантомимика, такесика, просодика и т.д.).

Считаем, концепт «мультимодальность» нуждается в дополнительном пояснении для расширения коннотационных связей в условиях развития цифровизации. Цифровые технологии в значительной степени изменили коммуникацию людей и особенно «цифророжденной» молодежи (поколения Y, Z) [5]. Цифровизация является эндогенной переменной системных изменений в коммуникации, которая достигла значительного прогресса именно благодаря использованию сети и ее (практически неограниченного) потенциала [2].

Концепт «мультимодальность» необходимо рассмотреть потому, что современный процесс коммуникации «многоканальный», т.е. это речь, картинка, мимика, жесты, сетевые коннотации и т.д. Коммуникация основывается на взаимодействии различных мультимодальностей (знаковых систем). Языковая коммуникация, транслирующая смыслы, является мультимодальной по своей природе. Для смысла, производства смысла, для производителей смыслов и агентивности современному человеку, как выяснилось, уже недостаточно использовать только один канал (звук или текст) [3].

Результаты и обсуждения

Феномен коммуникации представлен в пространстве различных дисциплинарных практик:

- 1) исторический дискурс: коммуникация как базовая конструкция общественного сознания, инструмент психологического и социального воздействия [12];
- 2) философский дискурс: коммуникация как феномен духовности, как высший уровень развития личности, проявляющийся в стремлении к идеалу, смыслу и самосовершенствованию, через поиск высших ценностей (истины, добра, красоты) [15];
- 3) политологический дискурс: коммуникация как коллективная форма сознания и деятельности [6];
- 4) педагогический дискурс: коммуникация как категория нравственного порядка [16];
- 5) социологический дискурс: созидательная функция коммуникации как конструктивной формы социального самоопределения субъекта, как связь отдельного человека и интересов локальной социальной среды [5].

Типология коммуникации в различных науках представлена в табл. 1.

Таблица 1

Типология коммуникации.

Table 1

Typology of communication.

№	Наука	Персоналии	Категории модальности	Методические указания
1.	Философия	Аристотель, Теофраст, Евдем, И. Кант, Е.А. Кононов, А.А. Мёдова	Возможность, действительность	Исследование сущности
2.	Психология	Л.С. Выготский, В. Вунд, Р. Бендлер, Дж. Гриндер, А.В. Буренкова, Т.Э. Сизикова,	Сенсорные каналы восприятия (визуальная, аудиальная, кинестетическая: ощущение, адекватность раздражения); психоанализ, гештальт, арт-терапия и др.	Принадлежность ощущения к определенной сенсорной системе: слуховое, тактильное, зрительное восприятие
3.	Педагогика	М.В. Баллот, К.Н. Котлярова, Н.В. Петрова	Способ существования, значение истинности	Определение предпочтительного метода обучения для усвоения знаний
4.	Лингвистика	В.фон Гумбольдт, О. Есперсен, И.И. Мещанинов, А.В. Бондарко, Ш. Балли	Функционально-семантическое поле, «иллокутивная» модальность, ориентированная на коммуникативный тип предложения	Анализ функционально-семантических категорий
5.	Социология	Ю.В. Сорокина, С.В. Соколовский, Н.В. Михайлов, Г. Кресс, Ч. Гудвин, Дж. Янделл, З. Бауман	Общение	Передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся при помощи языка

Как следует из таблицы, коммуникация – это достаточно емкая категория, имеющая широкий спектр атрибутивных характеристик. В нашей статье за основу типологизации коммуникативных практик мы взяли два ключевых индикатора: форма организации и содержание коммуникативного акта, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Типология коммуникативных практик.

Table 2

Typology of communication practices.

Типы коммуникативных практик	
Форма	Содержание
Онлайн, офлайн, сеть Интернет, смешанная коммуникация, неформальная коммуникация, постоянная коммуникация (системная), разовая, диалог, монолог.	Вербальная, невербальная, письменная; вертикальная, горизонтальная; формальная, неформальная; познавательная, убеждающая; с помощью технических средств и информационных технологий.

Одной из целей коммуникации является ее эффективность. Эффективная коммуникация – это социальная интеграция и, в конечном итоге, личностный рост субъекта. На этом тезисе мы остановимся, сфокусировав наше внимание на психолого-лингвистической компоненте, обозначающей

- 1) отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 2) принадлежность феномена к определенной сенсорной системе;
- 3) характер производимого в коммуникации действия с помощью модальности [4].

Для построения эффективной коммуникации необходимо применять теоретическую модель в рамках социальной семиотики. В фокусе модели социальной семиотики находится процесс коммуникации [8]. На рис. 1 представлена данная модель.

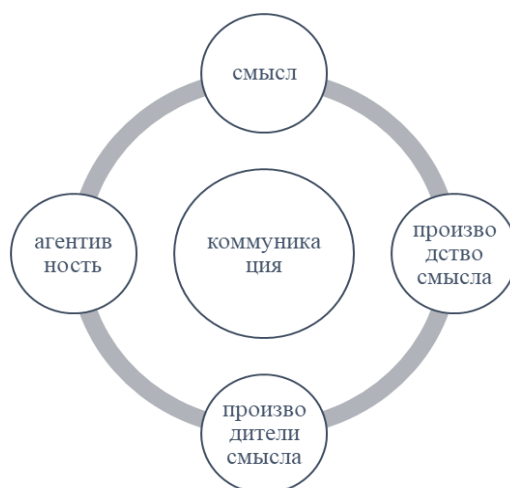

Рис. 1. Модель социальной семиотики.
Fig. 1. The model of social semiotics.

Из рисунка следует, что цель коммуникации – смыслообразование. Структура коммуникации имеет достаточно жесткую конструкцию, складываясь из определенных мыслительных операций (смысл и его производство), акторов (производители смысла) и имеет логическое следствие, которым является агентивность, т.е. способность человека посредством коммуникации действовать осознанно: совершать свой собственный выбор, ставить амбициозные цели и влиять на их реализацию, пытаться изменить реальность, будучи при этом активным субъектом.

В коммуникации происходит использование, обработка и анализ различных типов данных: текст, звук, жесты, изображение (использование гаджетов, нейросети), т.е. возникает мультимодальный эффект, что, в свою очередь, позволяет воспринимать текст комплексно, при достаточно узкой функциональности каждого режима, которые в итоге представляют синергию:

- 1) изложение текста имеет собственную логику;
- 2) изображение демонстрирует эмоции говорящего;
- 3) звук акцентирует атмосферу коммуникации;
- 4) пространство и композиция указывают на иерархию и т.д. [20].

Дискурс мультимодальности современной коммуникации заключен в формировании смыслов с помощью спектра семиотических средств (письмо, речь и ее темп, изображение, звук и его громкость, голос и его модуляции, тембр, интонация, шрифт, его размер, цвет, наклон, гаджеты); кинестетических средств и способов их реализации (движение головы, мимика, мануальные жесты, используемые субъектом) и т.д. [17].

По мнению исследователя Г. Кресса, мультимодальность является материальной, так как «материальные» ресурсы мультимодальности языка, которые доступны средствам восприятия, (человеческому) сенсориуму, в своей многочисленности и разнообразии выходят далеко за пределы речи и письма [8].

В коммуникации важен модус мультимодальности контакта, т.е. в данном случае мы акцентируем внимание на канале, которым человек воспринимает, обрабатывает, рефлексировывает и выражает информацию о контакте с миром. Доминирующими сенсорными каналами при этом могут быть: зрение, слух, осязание; либо социальные категории: уважение, формальность, эмоциональность, которые позволяют оценить стиль общения субъектов.

В широком диапазоне сообществ встречаются многие модусы: письменность, жесты, изображения. Но как быть людям с нарушениями речи, чья коммуникация серьезно затруднена или порой невозможна? Устная речь является модусом, недоступным для членов сообщества таких людей, живущих с нами в одном социуме. У людей с нарушением речевых, когнитивных, моторных факторов это проявляется в следующем виде:

- затруднение проявления фонематического восприятия;
- невозможность языкового анализа и синтеза;
- усечение словарного запаса;
- нарушение грамматического строя речи;

- ухудшение внимания и памяти;
- возникновение эмоциональных трудностей;
- снижение самооценки субъекта [19].

Для минимизации влияния генетических, анатомических, медицинских, социальных факторов на акт коммуникации, обратим свое внимание на агентов коммуникации. Ими являются семья, образовательная организация, СМИ, компании (коммуникационные агентства), специалисты, а также репертуар коммуникативных действий, направленный на социализацию человека, не его неконфликтное вхождение в социум.

Для преодоления системы барьеров, возникающих при нарушении речи, необходимо консолидировать систему внешних и внутренних условий, способствующих нормализации процесса коммуникации. К внешним условиям отнесем

- 1) создание благоприятной среды;
- 2) поддержку родных, друзей, педагогов;
- 3) преодоление вызовов.

Внутренние условия преодоления барьеров в коммуникативном акте – это мотивация, воля, самосознание субъекта.

Внешние и внутренние условия являются двигателями роста субъекта в процессе коммуникации, что проявляется в формировании таких качеств, как осознание ситуации, целеположение, развитие деятельности субъекта по преодолению имеющейся проблемы. Сферами проявления положительной динамики в коммуникации являются эмоции, интеллектуальные трансформации, расширение контакта с социумом посредством мультимодальной коммуникации.

Считаем, что мультимодальный дискурс современной коммуникации наиболее полно раскрывается в модели ее организации. Возможность моделирования акта коммуникации для человека важна потому, что позволяет

- 1) контролировать динамику процесса;
- 2) выявлять лакуны в коммуникации;
- 3) уточнять факторы, препятствующие реализации коммуникации или снижать ее результативность и т.д.

Успешность акта коммуникации зависит от механизмов коммуникации, к которым относятся процессы и средства передачи информации, включающие

а) кодирование (преобразование мысли в знаки), канал (способ передачи, например, вербальный/невербальный);

б) декодирование (интерпретация сообщения) [9];

в) техники воздействия:

- проксемика (пространство);
- паравербалика (тон голоса, паузы, тембр, громкость, интонация);
- жесты, мимика, символы;
- хронемика (тайминг);
- кинесика (двигательная активность);
- знаковые системы (символы, знаки, пиктограммы);
- технологические средства общения (чаты, видеосвязь, социальные медиа) [1];

г) психологические и социальные механизмы:

- перцепция (коммуникативное, интерактивное общение);
- воздействие (влияние на эмоции, установки субъекта);
- внушение, убеждение;
- идентификация;
- стереотипизация;
- рефлексия.

Мультимодальный дискурс современной коммуникации нам видится вписанным в модель из четырех блоков, включающих компоненты, влияющие на организацию акта коммуникации:

1. Социальное взаимодействие;
2. (Само)развитие субъекта;
3. Психологическое благополучие;
4. Приобретение и совершенствование компетенций.

Рассмотрим каждый блок подробнее на рис. 2.

Рис. 2. Мультимодальный дискурс современной коммуникации.

Fig. 2. Multimodal discourse of modern communication.

Если у человека есть нарушение речи, слуха или присутствуют другие проблемы, затрудняющие коммуникацию, то самостоятельно, либо с помощью семьи, тьютора, педагога, или медицинского работника можно начать коррекционную работу с субъектом образования по различным направлениям: построение индивидуального образовательного маршрута, саморегуляция, междисциплинарное сопровождение, снижение эмоциональной нагрузки и т.д., что позволит

- 1) включить субъекта в процесс коммуникации с ее мультимодальным общением;
- 2) решить критическую массу проблем коммуникации;
- 3) предложить стратегии социальной консолидации для достижения субъектом синергетического эффекта.

Выводы

В результате проведенного исследования современной коммуникации через призму мультимодальности, сделаем основные выводы.

1. Синтезировано понятие «современная коммуникация». «Современная коммуникация» – это единица ментального ресурса, это диффузное целое, это совокупность рутинных действий двух или более социальных субъектов, направленных на воспроизводство сложившейся в обществе системы взглядов на общение для передачи информации в виде мысли от отправителя к получателю через физическую среду (воздух, кабель, оптоволокно). Исходя из этого определения, мы заключаем, что коммуникация – это перманентная реализация триады: сигнификант – сигнификат – денотат, т.е. отправитель (адресант) – получатель (адресат), система кодов (язык, жесты, знаки).

2. Выявлены основные индикативы педагогического, психологического и социального измерения коммуникации. Мы считаем, что этими индикативами являются форма организации и содержание коммуникативного акта. Коммуникация включает такие компоненты, как когнитивный (представление об организации коммуникации); аксиологический (коммуникация как ценность); конативный (коммуникация как установка). С содержательной позиции коммуникативные практики в их эмпирической верификации выделяется по таким индикативам, как

- ориентированность на индивидуальные и социальные интересы;
- источник коммуникативных ценностей;
- направленность, масштаб.

3. Вскрыто, что основой выделения форм коммуникации являются такие индикаторы, как источник, локация, характер коммуникации, принципы организации, тайминг.

4. Определено, что ключевыми агентами, оказывающими доминантное влияние на коммуникацию, являются семья, друзья, спортивные клубы, сетевые сообщества, компании и другие социальные институты.

5. Выявлены эндогенные факторы, способствующие развитию коммуникации современного субъекта, живущего в цифровом социуме: – накопление и передача социального опыта;

- организация совместной деятельности;
- трансляция культуры через поколенческие каналы духовно-душевных особенностей человека.

6. Обосновано, что современная коммуникация является мультимодальной, так как обрабатывает и генерирует информацию с помощью нескольких типов модальностей одновременно: текст, изображение, аудио, видео, мимика, жесты и т.д., что способствует созданию более естественного и комплексного взаимодействия на реципиента в процессе коммуникации.

7. Установлено, что современный процесс коммуникации имеет все признаки инкультурации, так как коммуникация «многоканальная», что способствует формированию культуры интегрированного человека.

8. Подчеркнуто, что в мультимодальной коммуникации происходит креолизация континуального и дискретного языков, что расширяет коммуникационный потенциал, придавая акту коммуникации новизну и неповторимость, актуальность и естественность.

9. Сформулирована на имплицитном уровне идея о том, что современная коммуникация – это один из механизмов приращения нового знания: поризм – экстраполяция – рекомбинация.

10. Сформулирован методологический ориентир исследования мультимодального дискурса коммуникации:

- использование различных средств, их осмысленное взаимодействие для достижения коммуникативной цели (усиление смысла, оптимизация восприятия, новые формы грамотности);

- задействование спектра модусов: вербальные, невербальные, визуальные, пространственные, кинестетические.

Грамотное сочетание всех компонентов гарантирует успешность коммуникативного акта в мультимодальном дискурсе.

Список источников

1. Андрианова Ю.Г. Применение IT-технологий в образовании: анализ и предложения (часть первая: IT и ИИ-технологии как позитивный фактор в реализации образовательных процессов) // Вестник Уфимского государственного нефтяного технического университета. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2023. № 2 (44). С. 124 – 133.

2. Быкасова Л.В., Самойлова А.Н. Дискурсивность современной коммуникации // ЦИТИСЭ. 2024. № 4 (42). С. 141 – 153.

3. Быкасова Л.В., Опрышко А.А., Самойлова А.Н. Современная коммуникация: интенциональность, перформативность, медийность // В сборнике: Системный синтез и прикладная синергетика: Сборник научных трудов XII Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону – Таганрог, 2024. С. 438 – 443.

4. Вавилова Ж.Е., Русецкий К.В., Хусаинов А.Ф., Якубова Д.Д. Прототип адаптивной системы генерации мультимодальных обучающих материалов // Казанская наука. 2015. № 11. С. 246 – 249.

5. Гудвин Ч. Мультимодальность в человеческом взаимодействии // Социология власти. 2023. № 35 (2). С. 197 – 223.

6. Ковалев Г.С. Медиакратия в современном политическом процессе // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2007. № 4. С. 66 – 75.

7. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100 – 120.

8. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77 – 100.

9. Назарчук А.В. Социальное пространство и социальное время в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56 – 66.

10. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. С. 154 – 193.

11. Русская Грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980. Т. 2. С. 214.

12. Соколовский С.В. О мультимодальности в антропологии // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 200 – 207.

13. Социология: словарь-справочник. Т. 3. Междисциплинарные исследования. М., 1991. С. 70 – 71.

14. Философский словарь. М.: Республика, 2003. С. 278.

15. Хутыз И.П. Мультимодальность академического дискурса как условие его коммуникативной успешности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 1 (172). С. 90 – 95.

16. Шиукаева Л.В. Модальность педагогического дискурса // Евразийский гуманитарный журнал. № 4. 2018. С. 160 – 163.

17. Hynan A., Goldbart J., Murray J. A grounded theory of Internet and social media use by young people who use augmentative and alternative communication (AAC) // *Disability and Rehabilitation*. 2015. № 37 (17). P. 1559 – 1575.
18. Kress G. What Is Mode? // *A Handbook of Multimodal Analysis*. L. N. Y.: Routledge. 2009. P. 54 – 67.
19. Pennacchia J. M., Bonyhady G., Wong S., Pacheco C., Coghill D., Granlund M., Imms C. Making qualitative research accessible to people who have communication disability. *Research in Developmental Disabilities*. 2025. № 165. P. 1 – 13.
20. Vavilova Z. The Subject in Dialogue: A Visual Semiotic Perspective. *Dialogue and Universalism*. 2014. № 2. P. 193 – 205.

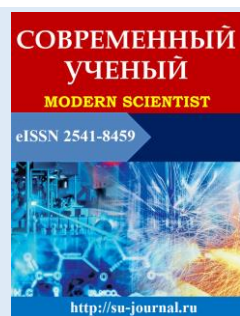
References

1. Andrianova Yu.G. Application of IT technologies in education: analysis and proposals (part one: IT and AI technologies as a positive factor in the implementation of educational processes). *Bulletin of Ufa State Petroleum Technological University. Science, education, economics. Series: Economics*. 2023. No. 2 (44). P. 124 – 133.
2. Bykassova L.V., Samoilo A.N. Discursivity of modern communication. *CITISE*. 2024. No. 4 (42). P. 141 – 153.
3. Bykassova L.V., Opryshko A.A., Samoilo A.N. Modern communication: intentionality, performativity, mediaity. In the collection: *System synthesis and applied synergetics: Collection of scientific papers of the XII All-Russian scientific conference*. Rostov-on-Don – Taganrog, 2024. P. 438 – 443.
4. Vavilova Zh.E., Rusetskiy K.V., Khusainov A.F., Yakubova D.D. Prototype of an adaptive system for generating multimodal educational materials. *Kazan Science*. 2015. No. 11. P. 246 – 249.
5. Goodwin C. Multimodality in Human Interaction. *Sociology of Power*. 2023. No. 35 (2). P. 197 – 223.
6. Kovalev G.S. Mediocracy in the Modern Political Process. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2007. No. 4. P. 66 – 75.
7. Kreidlin G.E. Semiotic Conceptualization of the Body and the Problem of Multimodality. *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2014. No. 2. P. 100 – 120.
8. Kress G. Social Semiotics and the Challenges of Multimodality. *Political Science*. 2016. No. 3. P. 77 – 100.
9. Nazarchuk A.V. Social Space and Social Time in the Concept of the Network Society. *Questions of Philosophy*. 2012. No. 9. P. 56 – 66.
10. *Psychological Dictionary*. Moscow: Pedagogy, 1983. pp. 154–193.
11. *Russian Grammar*. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2. P. 214.
12. Sokolovsky S.V. On Multimodality in Anthropology. *Siberian Historical Research*. 2025. No. 1. P. 200 – 207.
13. *Sociology: A Dictionary and Reference Book*. Vol. 3. Interdisciplinary Research. Moscow, 1991. P. 70 – 71.
14. *Philosophical Dictionary*. Moscow: Respublika, 2003. P. 278.
15. Khutiz I.P. Multimodality of Academic Discourse as a Condition of Its Communicative Success. *Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism*. 2016. No. 1 (172). P. 90 – 95.
16. Shiukaeva L.V. Modality of pedagogical discourse. *Eurasian Humanitarian Journal*. No. 4. 2018. P. 160–163.
17. Hynan A., Goldbart J., Murray J. A grounded theory of Internet and social media use by young people who use augmentative and alternative communication (AAC). *Disability and Rehabilitation*. 2015. No. 37 (17). P. 1559–1575.
18. Kress G. What Is Mode? *A Handbook of Multimodal Analysis*. L. N. Y.: Routledge. 2009. P. 54 – 67.
19. Pennacchia J. M., Bonyhady G., Wong S., Pacheco C., Coghill D., Granlund M., Imms C. Making qualitative research accessible to people who have communication disabilities. *Research in Developmental Disabilities*. 2025. No. 165. P. 1 – 13.
20. Vavilova Z. The Subject in Dialogue: A Visual Semiotic Perspective. *Dialogue and Universalism*. 2014. No. 2. P. 193 – 205.

Информация об авторе

Самойлова А.Н., ассистент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

© Самойлова А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Интернационализация высшего образования: суть и отличие от смежных понятий

¹ Вашетина О.В.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью чёткого понимания основных терминов в контексте интернационализации высшего образования – особенно в условиях стремительно усиливающихся международных связей в образовательной сфере. Глобализация приводит к росту академической мобильности, расширению партнёрских программ между вузами разных стран, внедрению совместных образовательных модулей. Без ясного разграничения ключевых понятий невозможно эффективно выстраивать межвузовское взаимодействие и разрабатывать стратегии развития университетов на мировой арене. Целью данной статьи является раскрытие и детальный анализ различий между такими понятиями, как «интернационализация высшего образования», «глобальное образование», «международное образование» и «кросс-культурное образование». Это позволит обеспечить более глубокое понимание их сущности, специфики и взаимосвязей, а также оценить их влияние на современные образовательные процессы – от проектирования учебных программ до формирования межкультурной компетентности выпускников. В ходе исследования проведён системный анализ психолого-педагогической литературы по проблеме. Автор не только раскрыл содержание указанных понятий, но и подчеркнул принципиальные различия в их определениях, обусловленные разными теоретическими подходами и практическими контекстами. На основе обобщения научных источников предложено авторское определение понятия «интернационализация высшего образования», учитывающее современные тренды и вызовы. Материалы статьи вносят существенный вклад в развитие теоретических представлений об интернационализации, уточняют её специфику в сфере высшего образования и могут быть полезны для исследователей, администраторов вузов и разработчиков образовательных политик.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, глобальное образование, международное образование, кросс-культурное образование, интернационализация

Для цитирования: Вашетина О.В. Интернационализация высшего образования: суть и отличие от смежных понятий // Современный ученый. 2026. № 4. С. 261 – 265.

Поступила в редакцию: 19 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Internationalization of higher education: the essence and difference from related concepts

¹ Vashetina O.V.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the relevance of this article stems from the need for a clear understanding of key terms in the context of the internationalization of higher education, particularly in the context of rapidly expanding international ties in education. Globalization leads to increased academic mobility, the expansion of partnership programs between universities in different countries, and the introduction of joint educational modules. Without a clear distinction between key concepts, it is impossible to effectively build interuniversity cooperation and develop strategies for university development on the global stage. The purpose of this article is to reveal and thoroughly analyze the differences between such concepts as “internationalization of higher education”, “global education”, “international education”, and “cross-cultural education”. This will provide a deeper understanding of their essence, specific features, and interrelations, as well as an assessment of their impact on modern educational processes - from curriculum design to the development of graduates' intercultural competence. The study conducted a systemic analysis of the psychological and pedagogical literature on the topic. The author not only explores the content of these concepts but also highlights the fundamental differences in their definitions, driven by different theoretical approaches and practical contexts. Based on a summary of scientific sources, the author proposes a definition of “internationalization of higher education” that takes into account contemporary trends and challenges. The article's materials make a significant contribution to the development of theoretical understandings of internationalization, clarify its specific features in higher education, and may be useful for researchers, university administrators, and educational policy-makers.

Keywords: internationalization of higher education, global education, international education, cross-cultural education, internationalization

For citation: Vashetina O.V. Internationalization of higher education: the essence and difference from related concepts. Modern Scientist. 2026. 4. P. 261 – 265.

The article was submitted: October 19, 2025; Approved after reviewing: December 16, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Концепция интернационализации в условиях высшего образования рассматривается такими зарубежными учеными, как: Морис Харари, Джейн Найт, Марийк ван дер Венде, Минна Сьедерквист, Ханс де Вит, Филипп Альтбах и др. Наибольшей популярностью пользуется определение, предложенное (и впоследствии несколько раз доработанное) Джейн Найт [10]. Автор выходит за рамки прикладного характера интернационализации. В ее определении раскрывается понимание процесса интернационализации на микро- и макроуровнях.

Минна Сьедерквист [11] целью интернационализации видит повышение качества преподавания, исследований и достижения требуемых компетенций.

Филипп Альтбах [1] рассматривает интернационализацию в условиях глобализации, похожий взгляд мы встречаем у Марийк ван дер Венде [13], которая говорит, что целью интернационализации является построение высшего образования адекватным требованиям и вызовам, связанным с глобализацией общества. Ханс де Вит [7] описал необходимость переосмысления концепта интернационализации, предложив восемь причин, некоторые из которых актуальны до сих пор.

Отечественные исследователи рассматривают феномен с опорой на труды вышеупомянутых зарубежных авторов. Е.Г. Леонтьева [5] подчеркивает особенности подготовки специалистов высокого (международного) класса, Ю.Н. Зиятдинова [4] интернационализацию рассматривает как комплексный феномен, В.М. Филиппов [6] выделяет внутреннюю интернационализацию вузов, В.С. Беляева [2] также делает акцент на подготовке высококвалифицированных специалистов для глобального и национального рынков труда. Научный интерес представляет рассмотрение стратегий интернационализации, представленных Н.В. Дрантусовой и Е.А. Князевым [3, с. 230-240].

Материалы и методы исследований

Данное исследование опирается на концепцию интернационализации высшего образования, которая в литературе отличается от понятий «международное образование», «глобальное образование» и «межкультурное образование». Основными методами данного исследования являются анализ литературы по изучаемой проблеме, а также индуктивный анализ, который позволил выделить подходы к определению интернационализации в отечественной науке, а также прийти к авторскому определению интернационализации высшего образования.

Результаты и обсуждения

За последние несколько десятилетий мы можем проследить трансформацию основного понятия. Но также мы видим, что определение интернационализации часто описывали через схожие понятия, такие как «международное образование», «глобальное образование», «трансграничное образование», «транснациональное образование», «кросс культурное образование», «компаративное образование». До сих пор зачастую между ними ставится знак равенства, что, на наш взгляд, неправильно. Попробуем развести эти, условно связанные между собой, понятия.

Джонс и де Вит утверждают, что термин «интернационализация» отделился от «международного образования» в 90-е годы 20 века с целью описания различных измерений в области высшего образования в международном контексте [4, с. 22]. Авторы считают, что определение, предложенное Джейн Найт в 2004 г. стало шагом к изменению, так как интернационализацию стали рассматривать как процесс, а не конечный результат (в отличие от «международного образования»).

Термины «глобальное образование» и «международное образование» часто путают или используют как взаимозаменяемые в связи с тем, как считает Эпштейн [8, с. 409], что оба понятия связаны с границами и выходят за рамки одного государства. Под международным образованием Кроссли и Уотсон понимают подготовку студентов к «трудоустройству в любой точке мира» и в развитии «понимания особенностей разных стран, налаживании хороших отношений с людьми разных национальностей» [9, с. 14]. Томпсон и Хейден, в свою очередь, считают, что международное образование «связано с достижением более высокого уровня взаимного уважения и гармоничного сосуществования между народами» [12, с. 276]. Термин «международное образование» мы можем также встретить в работе международных образовательных организаций, таких как Европейская комиссия, Совет Европы, Организация экономического сотрудничества и развития и Организация Объединённых Наций. В этом контексте данный термин в основном используется для освещения политических вопросов, таких, например, как признание международных квалификаций, определение инструментов оценки и сравнительного анализа, содействие образовательным обменам и заключение соглашений между нациями и культурами.

Определение понятия «международное образование», на наш взгляд, более полно отразил Эпштейн. Автор считает, что международное образование предполагает «организованные усилия по объединению студентов, преподавателей и учёных из разных стран для взаимодействия и обмена опытом» [8, с. 409].

Определение понятия «глобальное образование», в свою очередь, будет отличаться по своей сути. На наш взгляд, в отличие от мнения многих исследователей, «глобальное образование» и «международное образование» не являются синонимами. С учетом того, что глобализация высшего образования, по мнению Альтбах и Найт, это «неизбежные в современном мире широкие экономические, технико-технологические и научные тенденции, непосредственно воздействующие на высшее образование» [1, с. 157], можем предположить, что глобальное образование подразумевает организацию образовательного процесса таким образом, чтобы оно отвечало тенденциям современного мира и запросам мирового сообщества.

«Кросс культурное образование» мы считаем понятием более узким, так как сам термин «культура» может быть отнесен к одной из частей социокультурной действительности, характеристикой народа. Соответственно понятие «кросс культурное образование» семантически охватывает лишь часть «международности». «Транснациональное (межнациональное) образование» близко к понятию «международное образование», но также является более узким, так как характеризует политико-экономическую действительность, в то время как «народ» включает в себя культурные, исторические, этнические, территориальные, языковые особенности.

В отличие от перечисленных понятий интернационализация не ограничивается лишь результатом, а предполагает в своей основе также процесс.

Выводы

Интернационализация высшего образования требует рассмотрения как с глобальной точки зрения, так и в частном порядке. В данном случае мы предполагаем, что рассматриваемый феномен может быть охарактеризован на макро- и микроуровнях. Макроуровень может быть отражен в контексте организации про-

грамм на государственном (национальном) уровне, а также через отражение мировых тенденций в образовательной и научной деятельности университета. Микроуровень предполагает реализацию университетских программ в рамках международной мобильности, организацию мероприятий в международном формате и позиционирование университета на международном уровне.

Взаимосвязь макро и микроуровней носит диалектический характер. С одной стороны, государственная политика и глобальные тренды задают рамки и ресурсы для деятельности университетов: например, национальные программы поддержки экспорта образования стимулируют вузы разрабатывать привлекательные международные программы. С другой стороны, опыт, накопленный на уровне отдельных учреждений – успехи в привлечении иностранных студентов, результаты совместных исследований, отзывы участников обменных программ – служит основанием для корректировки стратегий на национальном и наднациональном уровнях. Таким образом, интернационализация предстаёт не как односторонний процесс, а как динамическая система, где глобальное и локальное постоянно взаимодействуют, обогащая друг друга.

В этой связи особую значимость приобретает способность университетов балансировать между следованием универсальным стандартам и сохранением собственной идентичности. Успешная интернационализация предполагает не механическое копирование зарубежных практик, а их осмысленную адаптацию к локальному контексту с учётом национальных особенностей, исторических традиций и специфических задач, стоящих перед конкретным вузом.

Список источников

1. Альтбах Ф.Дж. Дорога к академическому совершенству. Становление исследовательских университетов мирового класса / под ред. Филиппа Дж. Альтбаха и Джамиля Салми; пер. с англ. Н. Шульгина. Москва, Вашингтон: Весь мир; Всемирный банк, 2012. 382 с.
2. Беляева В.С. К вопросу об изменении вектора интернационализации высшего образования // МНИЖ. 2022. № 12 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izmenenii-vektora-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 21.10.2025)
3. Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева М.: Логос, 2013. 420 с.
4. Зиятдинова Ю.Н. Концептуальная модель интернационализации инженерного образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук. Казань: 2016. 45 с.
5. Леонтьева Е.Г. Интернационализация университетского образования: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск: [Б.и]., 2002. 27с.
6. Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-osnovnye-tendentsii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 21.10.2025)
7. De Wit H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: A historical, comparative and conceptual analysis. Westport, CT: Greenwood, 2002.
8. Epstein E.H. Editorial // Comparative Education Review. 1992. № 36 (4). P. 409 – 416.
9. Crossley M., Watson K. Comparative and International Research in Education: Globalisation, Context and Difference, Routledge, London, 2003.
10. Knight J. The internationalization of higher education: Complexities and realities. Higher education in Africa: The international dimension (P. 1 – 43) Publisher: Centre for International Education (Boston College) and Association of African Universities, 2008.
11. Soderqvist M. Internationalisation and its management at Higher Education Institutions. Applying conceptual, content and discourse analysis // Helsinki School of Economics: HSE Print, 2007. 271 p.
12. Thompson M., Hayden J. International Education: Principles and Practice, Routledge, Abingdon, 2004.
13. Van der Wende M. Missing links: The relationship between national policies for internationalisation and those for higher education in general, 1997. URL: https://www.researchgate.net/publication/330132050_Missing_links_The_relationship_between_national_policies_for_internationalisation_and_those_for_higher_education_in_general (дата обращения: 21.10.2025)

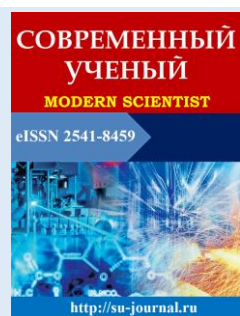
References

1. Altbach F.J. The Road to Academic Excellence: Building World-Class Research Universities. edited by Philip J. Altbach and Jamil Salmi; translated from English by N. Shulgin. Moscow, Washington: Ves' Mir; The World Bank, 2012. 382 p.
2. Belyaeva V.S. On the Issue of Changing the Vector of Internationalization of Higher Education. MNIZH. 2022. No. 12 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izmenenii-vektora-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 21.10.2025)
3. Imperatives of Internationalization. Ed. by M.V. Larionova, O.V. Perfilieva M.: Logos, 2013. 420 p.
4. Ziyatdinova Yu.N. Conceptual Model of Internationalization of Engineering Education: Abstract of Doctor of Pedagogical Sciences Dissertation. Kazan: 2016. 45 p.
5. Leontyeva E.G. Internationalization of University Education: Social and Philosophical Analysis: Abstract of Cand. Philosophical Sciences Dissertation. Tomsk: [B.i]., 2002. 27 p.
6. Filippov V.M. Internationalization of Higher Education: Main Trends, Problems, and Prospects. RUDN University Bulletin. Series: International Relations. 2015. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalizatsiya-vysshego-obrazovaniya-osnovnye-tendentsii-problemy-i-perspektivy> (date of access: 10.21.2025)
7. De Wit H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: A historical, comparative and conceptual analysis. Westport, CT: Greenwood, 2002.
8. Epstein E.H. Editorial. Comparative Education Review. 1992. No. 36 (4). P. 409 – 416.
9. Crossley M., Watson K. Comparative and International Research in Education: Globalisation, Context and Difference, Routledge, London, 2003.
10. Knight J. The internationalization of higher education: Complexities and realities. Higher education in Africa: The international dimension (P. 1 – 43) Publisher: Center for International Education (Boston College) and Association of African Universities, 2008.
11. Soderqvist M. Internationalization and its management at Higher Education Institutions. Applying conceptual, content and discourse analysis. Helsinki School of Economics: HSE Print, 2007. 271 p.
12. Thompson M., Hayden J. International Education: Principles and Practice, Routledge, Abingdon, 2004.
13. Van der Wende M. Missing links: The relationship between national policies for internationalization and those for higher education in general, 1997. URL: https://www.researchgate.net/publication/330132050_Missing_links_The_relationship_between_national_policies_for_internationalisation_and_those_for_higher_education_in_general (date of access: 10.21.2025)

Информация об авторе

Вашетина О.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5021-9228>, Институт психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, vashetina@yandex.ru

© Вашетина О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.14

Педагогические условия эффективного формирования предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе прохождения тренингов предпринимательских компетенций

¹ Волкова К.В.

¹ Российский новый университет

Аннотация: в статье исследуются педагогические условия, обеспечивающие эффективное формирование предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе тренинговой деятельности. На основе системного и компетентностного подходов автор выделяет ключевые факторы, включая интеграцию предпринимательских модулей в инженерное образование, применение активных методов обучения (кейс-анализ, бизнес-симуляции, проектная работа) и создание среды, стимулирующей инновационную активность. Особое внимание уделяется роли мотивационных механизмов и междисциплинарного взаимодействия в развитии предпринимательских компетенций. Результаты исследования подтверждают эффективность предложенной модели, демонстрируя значительное повышение уровня креативности, аналитического мышления и готовности к предпринимательской деятельности среди обучающихся.

Ключевые слова: предпринимательское мышление, студенты технических специальностей, педагогические условия, тренинги предпринимательской направленности, профессиональное образование, активные методы обучения

Для цитирования: Волкова К.В. Педагогические условия эффективного формирования предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе прохождения тренингов предпринимательских компетенций // Современный ученый. 2026. № 4. С. 266 – 273.

Поступила в редакцию: 20 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Pedagogical conditions for the effective development of entrepreneurial thinking in students of technical specialties in the process of passing entrepreneurial trainings

¹ Volkova K.V.

¹ Russian New University

Abstract: the article examines the pedagogical conditions that ensure the effective development of entrepreneurial thinking in students of technical specialties in the process of training activities. Based on the systemic and competence approaches, the author identifies key factors, including the integration of entrepreneurial modules into engineering education, the use of active learning methods (case analysis, business simulations, project work) and the creation of an environment that stimulates innovative activity. Particular attention is paid to the role of motivational mechanisms and interdisciplinary interaction in the development of entrepreneurial competencies. The results of

the study confirm the effectiveness of the proposed model, demonstrating a significant increase in the level of creativity, analytical thinking and readiness for entrepreneurial activity among students.

Keywords: entrepreneurial thinking, students of technical specialties, pedagogical conditions, entrepreneurial trainings, vocational education, active learning methods

For citation: Volkova K.V. Pedagogical conditions for the effective development of entrepreneurial thinking in students of technical specialties in the process of passing entrepreneurial trainings. Modern Scientist. 2026. 4. P. 266 – 273.

The article was submitted: October 20, 2025; Approved after reviewing: December 17, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Актуальность. Современный этап развития общества вступил в эпоху «перманентной технологической революции», где стремительная конвергенция таких направлений, как искусственный интеллект, интернет вещей, биотехнологии, аддитивное производство и робототехника не просто ускоряет изменения, а фундаментально трансформирует отрасли, бизнес-модели и рынки труда.

Эта высокая динамика технологических изменений усугубляется глобальной конкуренцией, стирающей географические границы, текущей политико-экономической ситуацией и острой необходимостью инновационного развития экономики, где основным драйвером роста становятся не традиционные ресурсы, а знания и способность к генерации прорывных идей. Такой контекст предъявляет качественно новые, повышенные требования к подготовке инженерных кадров.

Традиционная модель инженерного образования, сфокусированная преимущественно на передаче узкоспециализированных знаний и формировании репродуктивных навыков в рамках отдельных дисциплин, демонстрирует свою ограниченность в новых условиях. Знания устаревают с беспрецедентной скоростью, а стандартные инженерные задачи все чаще автоматизируются. На первый план выходит способность выпускника не просто применять известные решения, а выступать инициатором и создателем нового: выявлять неудовлетворенные рыночные потребности, генерировать инновационные идеи, разрабатывать и выводить на рынок востребованные продукты, услуги и технологические решения, а также создавать и развивать устойчивые бизнес-модели вокруг них. Иными словами, ключевым требованием становится формирование предпринимательского мышления как интегративной характеристики современного российского инженера.

Проблема. В последние годы наблюдается повышенное внимание к развитию предпринимательского образования в технической сфере, однако вопросы методологии и технологий формирования предпринимательских компетенций у студентов остаются недостаточно разработанными в педагогической науке. Многие современные образовательные программы технического профиля сосредоточены преимущественно на теоретическом аспекте, уделяя недостаточное внимание прикладным компонентам, включая создание бизнес-моделей, финансовое планирование и командное взаимодействие. Особую актуальность и сложность задачи формирования предпринимательского мышления приобретает именно для обучающихся технических специальностей [1]. С одной стороны, они обладают уникальным потенциалом: глубокие предметные знания, развитое системное и аналитическое мышление, навыки решения сложных технических задач – все это составляет основу для генерации прорывных технологических инноваций. С другой стороны, традиционная инженерная подготовка часто формирует «технологический детерминизм» – фокус на решении задачи как таковой, в отрыве от ее рыночной ценности, экономической целесообразности и потребностей конечного пользователя.

Таким образом, существует острое противоречие между высоким инновационным потенциалом студентов технических специальностей и недостаточной сформированностью у них комплекса знаний, навыков и установок, необходимых для успешной коммерциализации их идей и технологий в формате стартапов или интрапренерских проектов. Преодоление этого противоречия через целенаправленное формирование предпринимательского мышления является ключевым вызовом и стратегической задачей для системы высшего технического образования в XXI веке.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и разработке комплекса педагогических условий, обеспечивающих эффективное формирование предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе прохождения тренингов предпринимательских компетенций.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

□ теоретически проанализировать сущность, структуру и критерии сформированности предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в контексте современного профессионального образования;

□ выявить и обосновать комплекс педагогических условий, способствующих эффективному развитию предпринимательского мышления в процессе тренинговой деятельности;

□ разработать и апробировать модель тренинговой программы, направленной на формирование предпринимательских компетенций у студентов технических направлений подготовки;

□ определить критерии и показатели эффективности предложенных педагогических условий на основе экспериментальных данных и диагностических методик.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирическом подтверждении уникального комплекса педагогических условий, способствующих формированию предпринимательского мышления у студентов технических специальностей в процессе тренинговой деятельности, что учитывает специфику инженерного образования и восполняет существующий пробел в методике профессиональной подготовки.

Практическая ценность исследования определяется возможностью непосредственного внедрения разработанного комплекса педагогических условий и тренинговой программы в образовательный процесс технических вузов, что позволит существенно повысить качество подготовки будущих инженеров-предпринимателей.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования основаны на комплексном анализе современных научных подходов к формированию предпринимательского мышления в техническом образовании, включая последние исследования в области педагогики и психологии предпринимательства (2021-2023 гг.). Нормативно-правовая база исследования включает широкий спектр законодательных и программных документов: Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по техническим направлениям подготовки, Постановление Правительства РФ № 497 «О развитии малого и среднего предпринимательства», Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Национальную технологическую инициативу, а также региональные программы поддержки молодежного предпринимательства. Особое внимание уделено анализу профессионального стандарта «Специалист по инновационной деятельности в научно-технической сфере» (приказ Минтруда № 832н) и методическим рекомендациям Минобрнауки по реализации предпринимательских компетенций в основных профессиональных образовательных программах.

Теоретическая основа исследования опирается на современные научные разработки в области предпринимательского образования и педагогики высшей школы. Хорошавина Г.Д. в своих исследованиях обосновывает психолого-педагогические условия развития предпринимательского мышления, подчеркивая важность мотивационных факторов и когнитивных стратегий. Гучас И.В. [10] разрабатывает концепцию тренинговых технологий в профессиональном образовании, предлагая инновационные подходы к оценке их эффективности.

Значительный вклад в разработку проблемы внесли современные исследователи: Петров А.С. [7] с его концепцией междисциплинарного подхода в предпринимательском образовании, Смирнова Е.К. [8] - автор методики формирования бизнес-мышления у технических специалистов, а также Козлов Д.М. [4], разработавший модель оценки предпринимательских компетенций. Особую ценность представляют работы Ивановой Т.Н. [3] по вопросам цифровизации предпринимательского образования и адаптации традиционных методов обучения к современным экономическим реалиям.

В исследовании также учитывались положения, изложенные в трудах зарубежных авторов последних лет (Brown, 2021 [12]; Schmidt & Wagner, 2022 [13]), которые позволяют рассматривать проблему в контексте международного опыта предпринимательского образования. Теоретический анализ современных источников позволил выявить ключевые тенденции и методологические подходы к формированию предпринимательского мышления в техническом образовании.

В исследовании использовались основные методы педагогического исследования, включая общетеоретические (анализ, синтез, сравнение), прогностические (педагогическое моделирование), эмпирические (опросы, тестирование, анкетирование, семантический анализ), а также методы статистической обработки данных.

Результаты и обсуждения

Формирование предпринимательского мышления у студентов инженерно-технических направлений обладает выраженной спецификой, обусловленной особенностями их профессиональной подготовки и склада

мышления. С одной стороны, будущие инженеры и технологи обладают развитым аналитическим, системным и логическим мышлением, высоким уровнем предметных знаний и навыками решения сложных технических задач, что создает мощный фундамент для генерации технологических инноваций [9]. С другой стороны, традиционная инженерная подготовка, часто базирующаяся на принципах технологического детерминизма, может формировать определенные когнитивные и установочные барьеры.

Таблица 1

Специфика формирования предпринимательского мышления у студентов инженерно-технических направлений.

Table 1

Specifics of developing entrepreneurial thinking in engineering and technical students.

Аспект анализа	Характеристика	Ключевые проявления и следствия
Потенциал и сильные стороны	Аналитический, системный и логический склад мышления, глубокие предметные знания, навыки решения сложных технических задач.	Создают мощный фундамент для генерации технологических инноваций и проработки технической составляющей проекта [9].
Ключевые когнитивные и установочные барьеры	Традиционная подготовка, основанная на принципах технологического детерминизма, формирует ряд ограничений для предпринимательской деятельности.	—
1. Дефицит рыночной ориентации	Сфокусированность на техническом решении в отрыве от рыночного контекста.	Трудности в понимании спроса и оценке экономической целесообразности. Риск создания продуктов «в поиске проблемы» (solution in search of a problem).
2. Слабость коммуникативных компетенций	Недостаточная развитость навыков презентации ценности решения для нетехнической аудитории.	Неспособность убедительно аргументировать для инвесторов, менеджеров, пользователей, что снижает шансы на поддержку и коммерциализацию.
3. Низкая толерантность к коммерческой неопределенности	Склонность к поиску единственного, полностью детерминированного и оптимального решения.	Конфликт с необходимостью в предпринимательстве принимать быстрые решения на основе ограниченных и неполных данных, итеративно тестируя гипотезы.
4. Страх неудачи (как профессионального провала)	Усиленное, негативное восприятие неудач в валидации идей или коммерциализации.	Восприятие неудачи не как ценного источника обратной связи и обучения, а как личного профессионального провала, что блокирует эксперимент.
5. Дисциплинарная замкнутость	Трудности интеграции технического знания с экономическими, управленческими и маркетинговыми аспектами.	Создание ценности воспринимается исключительно через технологическую призму, без построения целостной бизнес-модели.
Вектор педагогической работы	Необходимость целенаправленного преодоления барьеров через интеграцию подходов.	Интеграция технологического и бизнес-мышления, изменение восприятия реальности для формирования комплексного предпринимательского мышления.

Тренинги предпринимательских компетенций, реализуемые в рамках мероприятий Платформы университетского технологического предпринимательства федерального проекта «Технологии», входящего в состав национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», выделяются в арсенале педагогических средств как высокоинтенсивный, практико-ориентированный формат, обладающий значительным потенциалом для формирования предпринимательского мышления именно благодаря своей методологической и контекстуальной специфике.

Таблица 2

Методологические принципы и педагогические эффекты формата вводного тренинга.

Table 2

Methodological principles and pedagogical effects of the introductory training format.

Методологический аспект	Конкретные проявления и инструменты	Педагогический / образовательный эффект
1. Ориентация на первичное погружение (точка входа)	Знакомство с базовыми понятиями и инструментарием: Customer Discovery, Lean Canvas, публичные выступления, финансовые аспекты стартапов.	Формирует первичную когнитивную карту технологического предпринимательства, снижает порог входа, задает общий понятийный аппарат для дальнейшего погружения.
2. Высокая интенсивность и сжатые сроки	Однодневный формат с плотной программой, моделирующий динамичную среду стартапа.	Создает эффект глубокого погружения, способствует развитию адаптивности и умения работать в условиях цейтнота, что характерно для предпринимательской деятельности.
3. Практико-ориентированность через микродействия	Отработка элементарных действий в безопасной среде: генерация идей, командное взаимодействие, подготовка кратких питчей, съемка видеопрезентаций.	Позволяет преодолеть «паралич действия», получить первый опыт применения инструментов и сформировать уверенность через выполнение конкретных, достижимых задач.
4. Интерактивность и групподинамика	Активные методы: командные упражнения, мозговые штурмы, ролевые игры (переговоры, питчинг), групповые дискуссии; акцент на командообразовании.	Моделирует необходимость коллаборации в стартапах, развивает коммуникативные и социальные навыки, создает среду для генерации идей через групповое взаимодействие.
5. Проектность как модель деятельности	Краткосрочная проектная деятельность по разработке и презентации технологической идеи; итоговый питчинг как ключевой результативный элемент.	Апробирует основы проектного мышления в квазиреальных условиях, формирует навык упаковки и презентации идеи в строгих временных рамках, демонстрирует цикл «идея – результат».
6. Экспертное вовлечение для мотивации и обратной связи	Привлечение действующих технологических предпринимателей и инвесторов для лекций, мотивационных выступлений и экспертной оценки питчей.	Обеспечивает аутентичность контента и передачу актуального рыночного контекста, служит мощным мотивационным фактором, дает первичное понимание требований реальных стейкхолдеров.

Эффективность тренингов предпринимательских компетенций в формировании не только навыков, но и глубинных структур предпринимательского мышления у студентов технических специальностей не является автоматической. Она требует целенаправленного проектирования и реализации комплекса взаимосвязанных педагогических условий, научно обоснованных в рамках ведущих образовательных подходов (компетентностный, деятельностный, контекстный).

На основе синтеза этих подходов и анализа практики ведущих лидеров в области инновационного предпринимательского образования (Сколтех, ИТМО, МФТИ, Иннополис) выделен следующий комплекс ключевых педагогических условий, который возглавляет формирование мотивационно-ценностной среды, стимулирующей предпринимательскую самоидентификацию. Данное условие подразумевает создание образовательного пространства, в котором целенаправленно культивируются ценности инновационности, инициативности и ответственности. В свою очередь, это достигается через проблематизацию и вызов: начальные этапы тренинга актуализируют личную заинтересованность через демонстрацию успешных кейсов «инженеров-предпринимателей», обсуждение глобальных технологических трендов и подчеркивание роли участников как потенциальных агентов изменений. Далее следует формирование конструктивного отношения к риску и неудаче: внедряется культура «обучающихся неудач» ("fail fast, learn fast"), где анализ ошибок рассматривается как неотъемлемая и ценная часть процесса, а не как провал. Создание атмосферы психологической безопасности для экспериментирования и выдвижения «безумных» идей. Также формируется экзистенциальная связь с личными траекториями: помощь обучающимся в осмыслении того, как развитие предпринимательского мышления способствует достижению их индивидуальных профессиональных и жизненных целей, независимо от немедленного старта собственного бизнеса (например, развитие интра-

пренерства, лидерских качеств, управление). Эффективность формирования предпринимательского мышления напрямую зависит от степени реалистичности контекста обучения. Реализация этого условия включает в себя работу с реальными рыночными проблемами и индустриальными запросами, такими как использование кейсов действующих технологических компаний и актуальных задач от промышленных партнеров университета, требующих разработки инженерно-технологических решений с коммерческим потенциалом. Ключевым элементом является интеграция Customer Development (кастдева), как методологического ядра, что подразумевает обязательное включение этапов эмпирической валидации гипотез (проблема, решение, ценностное предложение) через взаимодействие с реальными потенциальными клиентами, экспертами отрасли и партнерами, реализуемое через подход «выход из здания» или его цифровые аналоги. Также важным является использование материально-технической инфраструктуры университетов обучающихся, а именно предоставление доступа к лабораторному оборудованию, средствам прототипирования, патентным базам данных и специализированному ПО университета на этапе разработки и тестирования технологического решения.

Центральным условием организации обучения является системное применение проектно-деятельностных методов, основанных на принципе «обучение через создание» [5]. Это включает метод сквозных проектов, при котором весь тренинг структурируется вокруг разработки и валидации студенческого технологического проекта, проходящего итерации от первоначальной идеи до создания минимально жизнеспособного продукта или детализированной бизнес-модели. Для отработки навыков в условиях, моделирующих реальное давление и неопределенность, применяются геймификация и симуляции, такие как бизнес-симуляторы, ролевые игры и конкурсы питчей. Неотъемлемой частью является интеграция методологий Design Thinking (дизайн-мышление) и Lean Startup, которые служат структурой для итеративного поиска решения, фокусировки на глубинном понимании потребностей пользователя, быстрого прототипирования и валидации гипотез на ранних этапах. Организация командной работы также критически важна, что предполагает формирование междисциплинарных команд для развития навыков коллаборации, распределения ролей, разрешения конфликтов и синергии компетенций.

Формирование мышления невозможно без осознанного анализа собственной деятельности и ее результатов, что обеспечивается систематической рефлексивной составляющей образовательного процесса. Это реализуется через регулярные структурированные рефлексивные сессии, проводимые индивидуально, в командах и группах после каждого ключевого этапа тренинга или проекта. Фокус вопросов на таких сессиях направлен на анализ процесса мышления и принятия решений. Формирующее оценивание обеспечивает постоянную содержательную обратную связь от тренеров, экспертов и менторов, сосредоточенную не столько на конечном результате, сколько на логике рассуждений, эффективности применяемых методов, качестве командных взаимодействий и демонстрируемом прогрессе в развитии предпринимательского мышления [6].

Доступ к сообществу практиков является критическим ресурсом для развития предпринимательского мышления, что требует формирования сетевого взаимодействия с предпринимательской экосистемой. Это условие включает активное привлечение практиков: системное вовлечение действующих технологических предпринимателей, инвесторов и экспертов рынка не только в роли эпизодических спикеров, но и в качестве постоянных менторов проектных команд и членов жюри питч-сессий, предоставляющих аутентичную обратную связь и расширяющих профессиональный кругозор студентов R&D).

Необходима интеграция участников тренинга в стратегию технологического предпринимательства университета, обеспечивающая плавный переход в другие элементы экосистемы университетского предпринимательства, такие как стартап-выходные, митапы, акселерационные программы и итоговые демо-дни, технопарки, студенческие конструкторские бюро, а также знакомство с резидентами, потенциальными соучредителями, партнерами и инвесторами. Также важно создание и поддержка сообщества участников через организацию условий для нетворкинга между участниками разных потоков тренинга, факультетов и курсов, способствующего формированию устойчивых связей, обмену опытом и возникновению новых коллабораций.

Выводы

Проведенное исследование позволило достичь значимых результатов по всем поставленным задачам. Теоретический анализ проблемы показал, что предпринимательское мышление студентов технических специальностей представляет собой интегративное качество личности, включающее мотивационно-ценностный, когнитивно-аналитический, операционно-деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты, формирование которых требует особых педагогических условий в контексте современного профессионального образования. В ходе исследования был выявлен и научно обоснован комплекс таких условий,

включающий: интеграцию предпринимательских модулей в образовательные программы технических направлений; применение активных методов обучения, моделирующих реальные бизнес-ситуации; создание среды, стимулирующей инновационную активность; обеспечение междисциплинарного взаимодействия при формировании предпринимательских компетенций.

Предложенная система критериев и показателей, включающая как качественные, так и количественные параметры оценки, позволила объективно зафиксировать изменения в уровне сформированности ключевых предпринимательских компетенций у студентов технических специальностей. Полученные результаты имеют важное значение для совершенствования профессиональной подготовки будущих инженеров, так как разработанный подход позволяет гармонично сочетать формирование специальных технических знаний с развитием предпринимательских качеств, что особенно востребовано в условиях современной инновационной экономики. Материалы исследования могут быть использованы при проектировании образовательных программ, разработке учебно-методических комплексов и организации системы дополнительного профессионального образования в технических вузах.

Список источников

1. Белова Е.А., Козлов Д.В. Формирование предпринимательских компетенций у студентов технических специальностей через тренинговые технологии // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 45 – 59. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-45-59
2. Иванов С.П., Петрова М.К. Современные подходы к развитию предпринимательского мышления в инженерном образовании // Педагогика. 2022. № 6. С. 78 – 92.
3. Иванова Т.Н. Цифровизация предпринимательского образования: новые вызовы и решения. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2023. 216 с.
4. Козлов Д.М. Модель оценки предпринимательских компетенций студентов технических вузов // Высшее образование в России. 2022. № 5. С. 45 – 53.
5. Кузнецова О.В. Педагогические условия формирования предпринимательской культуры будущих инженеров // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 2. С. 112 – 130.
6. Морозов А.А. Тренинги предпринимательских компетенций как инструмент профессионального становления технических специалистов // Инженерное образование. 2023. № 18. С. 34 – 48.
7. Петров А.С. Междисциплинарный подход в предпринимательском образовании: теория и практика. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2023. 184 с.
8. Смирнова Е.К. Формирование бизнес-мышления у будущих инженеров: методический подход // Педагогика. 2021. № 8. С. 67 – 75.
9. Смирнова Т.Н. Цифровые технологии в развитии предпринимательского мышления студентов технических вузов // Высшее образование сегодня. 2024. № 5. С. 64 – 72.
10. Филатов В.В., Гучас И.В., Хорошавина Г.Д. Программа по созданию и поддержанию инновационных технологических проектов на базе Самарского государственного медицинского университета и промышленных партнеров // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 6. С. 243 – 250.
11. Brown J.R. Entrepreneurial Education in Technical Universities: Global Trends. L.: Routledge, 2021. 198 p.
12. Schmidt P., Wagner K. Modern Approaches to Engineering Entrepreneurship Education // Journal of Technical Education and Training. 2022. Vol. 14. № 3. P. 112 – 125.

References

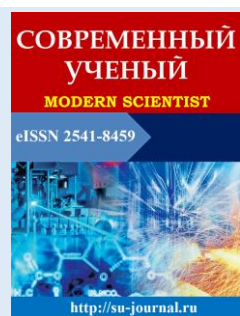
1. Belova E.A., Kozlov D.V. Formation of entrepreneurial competencies in students of technical specialties through training technologies. Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 45 – 59. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-45-59
2. Ivanov S.P., Petrova M.K. Modern approaches to the development of entrepreneurial thinking in engineering education. Pedagogy. 2022. No. 6. P. 78 – 92.
3. Ivanova T.N. Digitalization of entrepreneurship education: new challenges and solutions. St. Petersburg: Publishing house of the Polytechnic University, 2023. 216 p.
4. Kozlov D.M. A Model for Assessing Entrepreneurial Competencies of Students at Technical Universities. Higher Education in Russia. 2022. No. 5. P. 45 – 53.
5. Kuznetsova, O.V. Pedagogical Conditions for Forming an Entrepreneurial Culture of Future Engineers./ Education and Science. 2024. Vol. 26. No. 2. P. 112 – 130.
6. Morozov A.A. Entrepreneurial Competency Training as a Tool for the Professional Development of Technical Specialists. Engineering Education. 2023. No. 18. P. 34 – 48.

7. Petrov, A.S. Interdisciplinary Approach to Entrepreneurship Education: Theory and Practice. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publishing House, 2023. 184 p.
8. Smirnova E.K. Developing Business Thinking in Future Engineers: A Methodological Approach. Pedagogy. 2021. No. 8. P. 67 – 75.
9. Smirnova T.N. Digital Technologies in Developing Entrepreneurial Thinking in Students of Technical Universities. Higher Education Today. 2024. No. 5. P. 64 – 72.
10. Filatov V.V., Guchas I.V., Khoroshavina G.D. A Program for the Creation and Maintenance of Innovative Technological Projects Based on Samara State Medical University and Industrial Partners. Pedagogical Education. 2025. Vol. 6. No. 6. P. 243 – 250.
11. Brown J.R. Entrepreneurial Education in Technical Universities: Global Trends. L.: Routledge, 2021. 198 p.
12. Schmidt P., Wagner K. Modern Approaches to Engineering Entrepreneurship Education. Journal of Technical Education and Training. 2022. Vol. 14. No. 3. P. 112 – 125.

Информация об авторе

Волкова К.В., аспирант, Российский новый университет, volkxenia@yandex.ru

© Волкова К.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37.01

Методические аспекты проведения занятий адаптивной физической культурой для студентов специальных медицинских групп

¹ Евдокимов И.М.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу методических аспектов проведения занятий адаптивной физической культурой (АФК) для студентов, отнесенных к специальным медицинским группам (СМГ) в высших учебных заведениях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки педагогических подходов, выходящих за рамки узконаправленной лечебной физкультуры и ориентированных на целостное развитие личности обучающихся с особыми образовательными потребностями в сфере физического воспитания.

Основное внимание уделяется принципу адаптивности как методологической основе построения учебного процесса. Адаптивность в данном контексте рассматривается в трёх взаимосвязанных плоскостях: индивидуально-дифференцированный подход к дозированию нагрузок и подбору средств АФК с учётом характера и степени отклонений в состоянии здоровья; динамическая коррекция содержания занятий в зависимости от текущих функциональных возможностей и прогресса студентов; социально-ориентированная направленность, обеспечивающая перенос приобретённых умений и навыков в повседневную жизнь и будущую профессиональную деятельность.

Целью внедряемой программы является не просто компенсация существующих ограничений по здоровью, а активное многоуровневое воздействие, направленное на последовательное укрепление соматического здоровья, повышение укрепления организма, оптимизацию физического развития и рост общей работоспособности. Важнейшей составляющей является формирование психологических ресурсов, в частности, воспитание волевых качеств, необходимых для преодоления трудностей и ведения здорового образа жизни.

Ключевым ожидаемым результатом реализации данной методики выступает формирование у студентов осознанной компетенции в области самостоятельного использования средств физической культуры. Это подразумевает не только получение теоретических знаний, но и выработку устойчивых практических навыков для организации двигательной активности в режиме учебы, быта и труда. В частности, программа нацелена на обучение самостоятельному проведению гигиенической (утренней) и производственной гимнастики, а также на умение адаптировать комплексы физических упражнений к специфике своей будущей профессии.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, специальные медицинские группы, студенты, методика проведения занятий, физическое воспитание, оздоровление, самостоятельные занятия

Для цитирования: Евдокимов И.М. Методические аспекты проведения занятий адаптивной физической культурой для студентов специальных медицинских групп // Современный ученый. 2026. № 4. С. 274 – 279.

Поступила в редакцию: 21 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Methodological aspects of conducting adaptive physical education classes for students of special medical groups

¹ Evdokimov I.M.

¹ St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the methodological aspects of conducting adaptive physical education (AFC) classes for students assigned to special medical groups (SMG) in higher educational institutions. The relevance of the research is determined by the need to develop pedagogical approaches that go beyond the narrowly focused physical therapy and focus on the holistic personal development of students with special educational needs in the field of physical education.

The main attention is paid to the principle of adaptability as a methodological basis for building the educational process. Adaptability in this context is considered in three interrelated planes: an individually differentiated approach to load dosing and the selection of ROS funds, taking into account the nature and degree of deviations in health status; dynamic correction of the content of classes depending on the current functionality and progress of students.; a socially oriented orientation that ensures the transfer of acquired skills into everyday life and future professional activities.

The goal of the implemented program is not just to compensate for existing health limitations, but to actively multi-level impact aimed at consistently strengthening somatic health, increasing body strength, optimizing physical development and increasing overall performance. The most important component is the formation of psychological resources, in particular, the education of strong-willed qualities necessary to overcome difficulties and lead a healthy lifestyle.

The key expected result of the implementation of this methodology is the formation of students' conscious competence in the field of independent use of physical education facilities. This implies not only the acquisition of theoretical knowledge, but also the development of sustainable practical skills for organizing physical activity in the mode of study, everyday life and work. In particular, the program is aimed at teaching self-management of hygienic (morning) and industrial gymnastics, as well as the ability to adapt physical exercise complexes to the specifics of their future profession.

Keywords: adaptive physical education, special medical groups, students, teaching methods, physical education, health improvement, independent studies

For citation: Evdokimov I.M. Methodological aspects of conducting adaptive physical education classes for students of special medical groups. Modern Scientist. 2026. 4. P. 274 – 279.

The article was submitted: October 21, 2025; Approved after reviewing: December 18, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Физическое воспитание студентов в высшей школе играет основную роль формирования здоровья и профессиональной готовности будущих специалистов. Особую актуальность эта задача приобретает в отношении студентов специальных медицинских групп (СМГ), чьи занятия требуют особого методического подхода [7]. Однако, несмотря на очевидную социальную и педагогическую значимость обеспечения полноценных занятий для данной категории обучающихся, научно-методическая разработка этих вопросов остается явно недостаточной. Между тем, студенты СМГ наравне со всеми должны быть готовы после окончания вуза к активной профессиональной деятельности.

Существует противоречие между нормативными требованиями и реальной практикой [1]. Согласно учебной программе дисциплины, для студентов СМГ введены обязательные занятия на всем протяжении обучения, однако в большинстве вузов они проводятся только на первых двух курсах обучения. Более того, в некоторых вузах, особенно педагогических, до 25-30% студентов этой категории по разным причинам полностью освобождаются от занятий, что лишает их необходимой двигательной реабилитации. Ситуация усугубляется объективными тенденциями: ростом числа студентов и, соответственно, увеличением контингента лиц с остаточными явлениями после заболеваний и функциональными нарушениями. Это создает насущный социальный запрос на дальнейшее и глубокое совершенствование методики проведения физиче-

ских упражнений и организации учебного процесса для специальных медицинских групп [4]. Таким образом, целью данного исследования является анализ системных недостатков в физическом воспитании студентов СМГ и разработка научно-обоснованных рекомендаций по оптимизации этого процесса для их успешной интеграции в образовательную и профессиональную среду.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось с целью обоснования и апробации методики занятий адаптивной физической культурой для студентов специальных медицинских групп (СМГ). Основной задачей являлась разработка организационной структуры, подбора средств и методов физического воспитания с учётом ограничений по здоровью и специфики учебного процесса. С учётом особенностей вузовского расписания весь курс физического воспитания для студентов СМГ был структурирован в виде трёх годичных периодов, каждый из которых подразделялся на три фазы продолжительностью от 1-2 до 5-6 месяцев в зависимости от педагогических задач. Первый период – общего физического развития 1-й курс обучения – включал адаптационную 2 месяца, основную 5 месяцев и закрепляющую 1-месяц фазы и был направлен на укрепление здоровья, адаптацию к нагрузкам, разностороннее физическое развитие, формированию навыков использования физической культуры в режиме дня. Второй период – физической культуры 2-й курс, 8 месяцев – состоял из восстановительной 1-месяц, основной – 5 месяцев и стабилизационной – 1-месяц фаз и ставил задачи развития физических качеств и формирования двигательных навыков, имеющих прикладное значение для будущей деятельности. Третий период – специализированной подготовки 3-й курс – представлял собой повторение и углубление программы второго года обучения.

Результаты и обсуждения

Разработанная методика занятий для студентов специальных медицинских групп (СМГ) была основана на принципе соответствия педагогических задач реальным жизненным и профессиональным требованиям [8, 9]. Содержание учебного плана, подбор средств и дозирование физических нагрузок осуществлялись в строгом соответствии с программными требованиями к медицинской специальной группе здоровья, ключевыми из которых являются укрепление здоровья, коррекция функциональных отклонений и повышение уровня разносторонней физической подготовленности студентов. Для реализации этих задач была применена организационная модель, включающая занятия по расписанию продолжительностью 90 минут один раз в неделю в группах численностью 12-15 человек.

Исходным методологическим принципом стало понимание контингента СМГ: студенты имеют отклонения в состоянии здоровья, но являются практически здоровыми людьми, к которым предъявляются равные требования. Анализ внеаудиторной деятельности позволил сформулировать центральный тезис: недостаточные, неадекватно заниженные нагрузки на занятиях могут оказывать не менее негативное влияние на здоровье и адаптацию студентов, чем риск контролируемого перенапряжения [5]. Таким образом, ключевой задачей стал поиск оптимальных нагрузок и обеспечение их планомерной динамики с использованием простых методов педагогического контроля.

Особое значение придавалось первому периоду – общему физическому развитию, и особенно фазе адаптации (2-3 месяца). На этом этапе акцент делался на качестве выполнения движений, осмысленном освоении упражнений, согласовании движений с дыханием, а также на формировании гигиенических навыков и уверенности в своих силах. Практическая реализация фазы адаптации основывалась на дозированной ходьбе по спортивному залу с планомерным увеличением объема и интенсивности: от 2-3 кругов ходьбы в первый месяц до 10-12 кругов непрерывной ходьбы к концу третьего месяца. Завершением фазы служил контрольное занятие с прохождением в объёме не менее 3 км, что являлось объективным критерием перехода к следующему этапу.

В последующих фазах первого периода (освоения и закрепления программного материала) связующим звеном оставалась ходьба (10-15 минут). В содержание занятий включались средства основных спортивных дисциплин, при этом изучение каждого вида было структурировано: 2-3 недели на освоение техники с последующим закреплением. На этапе закрепления продолжительность ходьбы увеличивалась до 30-35 минут при снижении общей интенсивности, что способствовало развитию выносливости [3].

Второй период физической подготовки был логическим продолжением первого и характеризовался смещением акцента на формирование навыков, непосредственно связанных с деятельностью будущего специалиста. Его содержание включало комплексы упражнений базовые прикладные двигательные навыки (разнообразные виды ходьбы, упражнения направленные на развития равновесия). Концентрация данного материала на втором году обучения была обоснована необходимостью достижения студентами базового уровня подготовленности, учитывая, что более 50% из них не имели системного опыта занятий в школе.

Методика второго года интегрировала средства двух направлений: вводно-подготовительную часть учебного занятия и основную и заключительные части [6].

Завершением второго периода являлась фаза закрепления прикладных навыков, в рамках которой происходило углубленное освоение основ базовых спортивных дисциплин. Преимуществом обеспечивалась включением подвижных игр и ходьбы. Важным элементом индивидуализации стало анкетирование для выявления желаний студентов относительно спортивной специализации, что учитывалось при комплектовании групп для третьего периода наряду с возможностями занимающихся.

Эффективность разработанной методики подтверждается динамикой показателей состояния здоровья и физической подготовленности студентов, оценивавшихся по комплексу признаков: улучшение самочувствия, отсутствие признаков декомпенсации кровообращения и положительная динамика функциональных показателей. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика состояния здоровья и физической подготовленности студентов СМГ в процессе обучения (%).

Table 1

The dynamics of the state of health and physical fitness of SMG students in the learning process (%).

Период занятий (курс, направленность)	Состояние здоровья		Физическая подготовленность	
	Значительное улучшение	Улучшение	Значительное улучшение	Улучшение
1-й год (период общего физического развития – ОФП)	28.8	71.2	57.7	42.3
2-й год (период прикладной физической подготовки – ПФП)	45.9	54.1	73.0	27.0
3-й год (период специализации)	80.8	19.2	80.8	19.2

Как видно из таблицы, после первого года обучения улучшение состояния здоровья отмечено у всех студентов (28,8% – значительное, 71,2% – улучшение), а физической подготовленности – у 100% (57,7% и 42,3% соответственно). После второго года произошло качественное улучшение показателей: доля студентов со значительным улучшением здоровья возросла до 45,9%, а физической подготовленности – до 73,0%. К концу третьего года положительная динамика достигла максимума: у 80,8% студентов зафиксировано значительное улучшение как состояния здоровья, так и физической подготовленности, у остальных 19,2% наблюдалось улучшение. Случаев ухудшения не отмечено на всех этапах.

Таким образом, разработанная многоуровневая методика, проходящая путь от общей адаптации через физическую подготовку к добровольной специализации, обеспечивает целостный и индивидуализированный подход к физическому воспитанию студентов специальных медицинских групп [2]. Результаты исследования демонстрируют её высокую эффективность, выражающуюся в устойчивой положительной динамике ключевых показателей здоровья и физической подготовленности на протяжении всего трёхлетнего периода обучения.

Выводы

Актуальность совершенствования системы физического воспитания студентов с ограничениями по здоровью обусловлена устойчивой тенденцией к увеличению их численности в вузах. Наличие у данного контингента остаточных явлений после заболеваний, хронических патологий и функциональных нарушений требует разработки специализированных организационно-методических подходов, учитывающих как состояние здоровья, так и будущую профессиональную направленность обучающихся. В результате исследования была разработана и апробирована трехуровневая распределение временного цикла учебного процесса по адаптивной физической культуре для специальных медицинских групп. Предложенная система, включающая периоды общего физического развития, прикладной и специализированной подготовки с четким распределением задач по фазам, доказала свою эффективность. Её внедрение позволяет целенаправленно улучшать функциональное состояние и физическую подготовленность студентов, параллельно обеспечивая их физическую готовность. Разработанная методика обладает значительным потенциалом включающие в

себя: принципы периодизации, подобранные средства и методы физического воспитания могут быть адаптированы и успешно применены в других высших учебных заведениях для организации занятий со студентами специальных медицинских групп. Систематические занятия по предложенной методике приводят к качественным положительным изменениям у занимающихся: по итогам курса студенты демонстрируют не только сформированные знания, умения и двигательные навыки, но и значительный прирост в физической работоспособности, а также улучшение адаптационных возможностей сердечно-сосудистой системы, что подтверждается её адекватной реакцией на стандартные физические нагрузки.

Список источников

1. Евдокимов И.М., Живодеров А.В. Клинико-физиологические основы физической культуры студентов с отклонениями в состоянии здоровья // Научная сессия ГУАП: Сборник докладов, Санкт-Петербург, 10-17 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2023. С. 128 – 129.
2. Волкова Л.М., Петрова Н.В. Дифференцированный подход в проведении занятий АФК для студентов с различными нозологиями // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2021. № 4. С. 18 – 21.
3. Колгушкин А.Н., Чесноков Н.Н. Мониторинг физического состояния студентов специальной медицинской группы как основа коррекции нагрузок // Вестник спортивной науки. 2022. № 3. С. 55 – 60.
4. Козырева О.В. Использование фитнес-технологий в адаптивной физической культуре студентов специальной медицинской группы // Адаптивная физическая культура. 2023. № 1 (85). С. 32 – 35.
5. Евдокимов И.М. Особенности организации и методики физического воспитания студентов с отклонениями здоровья. Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки сб. докл. СПб.: ГУАП, 2024. С. 160 – 161.
6. Григорьева Е.В., Федоров А.И. Мотивация студентов специальных медицинских групп к занятиям адаптивной физической культурой: диагностика и методы коррекции // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2022. № 84. С. 45 – 52.
7. Сайкина Е.Г., Пономарев Г.Н. Методические особенности организации занятий АФК для студентов с отклонениями в состоянии здоровья // Теория и практика физической культуры. 2021. № 5. С. 45 – 48.
8. Степанова О.Н., Калинин Д.Е. Методика применения элементов пилатеса и стретчинга для студентов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата в условиях вуза // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2023. № 1. С. 78 – 84.
9. Абрамова Т.Ф., Никитина Т.А. Модель организации физкультурно-оздоровительной среды для студентов специальных медицинских групп в университетском кампусе // Вестник Московского университета. Серия 20, Педагогическое образование. 2022. № 3. С. 34 – 47.

References

1. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V. Clinical and physiological foundations of physical education of students with health deviations. Scientific session of GUAP: Collection of reports, St. Petersburg, April 10-17, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2023. P. 128 – 129.
2. Volkova L.M., Petrova N.V. Differentiated approach to conducting physical education classes for students with various nosologies. Physical education: upbringing, education, training. 2021. No. 4. P. 18 – 21.
3. Kolgushkin A.N., Chesnokov N.N. Monitoring the physical condition of students in a special medical group as a basis for correcting loads. Bulletin of sports science. 2022. No. 3. P. 55 – 60.
4. Kozyreva O.V. Use of fitness technologies in adaptive physical education of students of a special medical group. Adaptive physical education. 2023. No. 1 (85). P. 32 – 35.
5. Evdokimov I.M. Features of the organization and methods of physical education of students with health deviations. Scientific session of GUAP: Humanitarian sciences collection of reports. St. Petersburg: GUAP, 2024. P. 160 – 161.
6. Grigorieva E.V., Fedorov A.I. Motivation of students of special medical groups to participate in adaptive physical education classes: diagnostics and correction methods. Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2022. No. 84. P. 45 – 52.
7. Saykina E.G., Ponomarev G.N. Methodological Features of Organizing Physical Education and Sports Classes for Students with Health Disabilities. Theory and Practice of Physical Education. 2021. No. 5. P. 45 – 48.

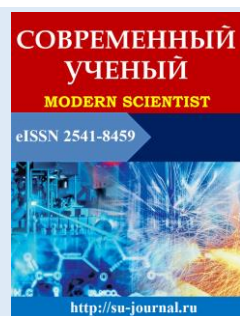
8. Stepanova O.N., Kalinkin D.E. Methodology for Using Pilates and Stretching Elements for Students with Musculoskeletal Disorders in a University Setting. Physical Education, Sport – Science and Practice. 2023. No. 1. P. 78 – 84.

9. Abramova T.F., Nikitina T.A. Model for Organizing a Physical Culture and Health Environment for Students of Special Medical Groups on a University Campus. Bulletin of Moscow University. Series 20, Pedagogical Education. 2022. No. 3. P. 34 – 47.

Информация об авторе

Евдокимов И.М., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1148-1180>, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 190000, г. Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 67, литера А, evdokimov-ivan@mail.ru

© Евдокимов И.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Компьютерно-математическое моделирование в управлении тренировочным процессом

¹ Костенко Е.Г.

¹ Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация: в статье исследуются возможности применения компьютерно-математического моделирования в системе физической культуры и спорта как инструмента прогнозирования и управления тренировочным процессом. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и практическом анализе использования математических и компьютерных моделей для повышения эффективности планирования, контроля и коррекции тренировочных нагрузок. В работе использованы методы системного анализа, математической статистики, компьютерного моделирования и педагогического обобщения опыта образовательной и тренировочной деятельности спортивного вуза. Показано, что компьютерно-математические модели позволяют рассматривать тренировочный процесс как динамическую управляемую систему, учитывать индивидуальные особенности спортсменов и снижать риски нерационального распределения нагрузок. Особое внимание уделено интеграции методов моделирования и прогнозирования в образовательный процесс магистратуры по направлению 49.04.01 «Физическая культура», профиль «Управление в области физической культуры и спорта». Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке учебных дисциплин, научно-методическом сопровождении тренировочного процесса и подготовке управленческих кадров в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: компьютерно-математическое моделирование, прогнозирование, тренировочный процесс, управление в спорте

Для цитирования: Костенко Е.Г. Компьютерно-математическое моделирование в управлении тренировочным процессом // Современный ученый. 2026. № 4. С. 280 – 285.

Поступила в редакцию: 22 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Computer-mathematical modeling in training process management

¹ Kostenko E.G.

¹ Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

Abstract: the article examines the application of computer-based mathematical modeling in the field of physical culture and sport as a tool for forecasting and managing the training process. The purpose of the study is to substantiate theoretically and analyze practically the use of mathematical and computer models to improve the effectiveness of planning, monitoring, and adjusting training loads. The research is based on methods of systems analysis, mathematical statistics, computer modeling, and pedagogical generalization of educational and training practices implemented in a sports university. The results demonstrate that computer-based mathematical models make it possible to consider the training process as a dynamic controlled system, take into account individual characteristics of

athletes, and reduce the risks associated with irrational load distribution. Special attention is paid to the integration of modeling and forecasting methods into the master's degree educational programs in Physical Culture, focused on training specialists in sports management. The practical significance of the study lies in the possibility of using the obtained results in curriculum development, scientific and methodological support of the training process, and preparation of managerial personnel in the field of physical culture and sport.

Keywords: computer-based mathematical modeling; forecasting; training process; sports management

For citation: Kostenko E.G. Computer-mathematical modeling in training process management. Modern Scientist. 2026. 4. P. 280 – 285.

The article was submitted: October 22, 2025; Approved after reviewing: December 19, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Современный этап развития физической культуры и спорта характеризуется активным внедрением цифровых технологий и усилением требований к научной обоснованности управленческих решений. Рост интенсивности тренировочных нагрузок, увеличение объёма соревновательной деятельности и необходимость долгосрочного планирования спортивной подготовки обуславливают потребность в использовании методов компьютерно-математического моделирования [1].

Компьютерно-математическое моделирование позволяет формализовать сложные процессы, протекающие в системе спортивной подготовки, и представить их в виде моделей, пригодных для анализа, прогнозирования и оптимизации. В отличие от эмпирических подходов, моделирование обеспечивает объективность оценки тренировочных воздействий и адаптационных реакций организма спортсмена [2].

Особую значимость данные методы приобретают в условиях высшего физкультурного образования. В рамках магистерских программ по направлению 49.04.01 «Физическая культура», профиль «Управление в области физической культуры и спорта», компьютерно-математическое моделирование рассматривается как важный элемент подготовки управленческих кадров, способных принимать обоснованные решения в сфере спортивной деятельности. Дисциплина «Методы моделирования и прогнозирования в физической культуре и спорте» направлена на формирование у обучающихся аналитических, проектных и управленческих компетенций, востребованных в условиях цифровизации спорта [4].

Анализ современных научных публикаций показывает, что несмотря на активное внедрение цифровых технологий в спортивную практику, потенциал компьютерно-математического моделирования в управлении тренировочным процессом реализуется фрагментарно. Во многих случаях математические методы используются изолированно, без системной интеграции в управленческую структуру спортивной подготовки, что снижает их практическую эффективность [1; 3].

В условиях спортивного вуза данное противоречие проявляется особенно отчётливо. С одной стороны, образовательные программы ориентированы на формирование управленческих и аналитических компетенций, с другой – методы моделирования зачастую остаются на уровне теоретического ознакомления. Это обуславливает необходимость разработки и внедрения целостных моделей компьютерно-математического сопровождения, объединяющих образовательный, тренировочный и управленческий контуры спортивной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и педагогической интерпретации компьютерно-математического моделирования как инструмента управленческого прогнозирования в спорте, а также в обосновании его роли в профессиональной подготовке магистрантов по профилю «Управление в области физической культуры и спорта».

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили системный, деятельностный и междисциплинарный подходы, позволяющие рассматривать спортивную подготовку как сложную управляемую систему. В ходе исследования использовались методы анализа научных источников, педагогического моделирования, математической статистики и компьютерной обработки данных [3; 5].

Для анализа тренировочного процесса применялись методы корреляционного и регрессионного анализа, позволяющие выявить зависимости между параметрами тренировочных нагрузок и показателями функционального состояния спортсменов. В частности, для оценки влияния объёма и интенсивности тренировочной нагрузки на результат использовалась линейная регрессионная модель вида:

$$R = a + b_1 \cdot V + b_2 \cdot I + \varepsilon$$

где

R – спортивный результат;

V – объём тренировочной нагрузки;

I – интенсивность нагрузки;

a, b_1, b_2 – коэффициенты регрессии;

ε – случайная ошибка.

Компьютерная реализация моделей осуществлялась с использованием электронных таблиц и специализированных программ анализа данных, применяемых в образовательном и научно-исследовательском процессе спортивного вуза.

В отличие от традиционного подхода, основанного на линейном анализе тренировочных нагрузок, в исследовании использовалась комбинированная методика, сочетающая элементы статистического анализа и имитационного моделирования. Это позволило рассматривать тренировочный процесс не как совокупность отдельных воздействий, а как динамическую систему с обратными связями.

Для оценки интегрального тренировочного воздействия использовалась обобщённая модель тренировочной нагрузки:

$$TL = \sum_{i=1}^n (V_i \cdot I_i \cdot k_i)$$

где

TL – интегральная тренировочная нагрузка;

V_i – объём i -го упражнения;

I_i – интенсивность;

k_i – корректирующий коэффициент, отражающий индивидуальные особенности спортсмена.

Использование корректирующих коэффициентов позволило учитывать вариативность реакции спортсменов на идентичные тренировочные воздействия, что существенно повышает прогностическую ценность модели [6].

Многолетняя подготовка спортсменов предполагает принятие управленческих решений в условиях неопределённости, обусловленной возрастными, физиологическими и психофункциональными изменениями. В этой связи компьютерно-математическое прогнозирование приобретает особое значение как инструмент долгосрочного планирования.

Прогнозирование спортивных результатов основывается на анализе ретроспективных данных и построении моделей трендовой динамики. В рамках исследования использовалась модель экспоненциального сглаживания:

$$R_t = \alpha \cdot X_t + (1 - \alpha) \cdot R_{t-1}$$

где

R_t – прогнозируемое значение результата;

X_t – фактическое значение;

α – коэффициент сглаживания.

Данная модель показала высокую применимость при прогнозировании показателей физической подготовки студентов-спортсменов, обучающихся в условиях совмещения учебной и тренировочной деятельности [8].

Результаты и обсуждения

В результате анализа установлено, что в практике спортивной науки и управления тренировочным процессом применяются различные типы компьютерно-математических моделей (рис. 1).

Рис. 1. Классификация компьютерно-математических моделей, используемых в спорте.

Fig. 1. Classification of computer-mathematical models used in sports.

Использование данных моделей позволяет тренеру и менеджеру объективно оценивать состояние спортсменов и принимать управленческие решения на основе количественных данных, а не интуитивных оценок [6].

На основе обобщения теоретических и практических данных разработана описательная модель компьютерно-математического сопровождения управления тренировочным процессом (рис. 2).

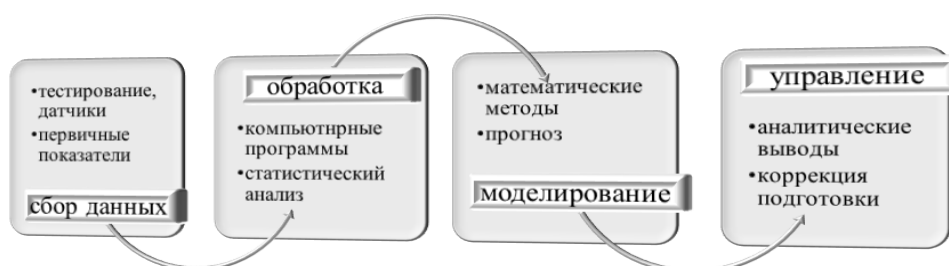

Рис. 2. Модель компьютерно-математического сопровождения управления спортивной подготовкой.

Fig. 2. Model of computer-mathematical support for sports training management.

Данная модель позволяет обеспечить непрерывность анализа и повысить эффективность управления многолетней подготовкой спортсменов [7].

В рамках реализации дисциплины «Методы моделирования и прогнозирования в физической культуре и спорте» магистранты КГУФКСТ выполняют практические задания, связанные с анализом тренировочных данных спортсменов. Обучающиеся осуществляют сбор показателей, их компьютерную обработку и построение прогнозных моделей спортивной работоспособности.

Применение компьютерно-математического моделирования позволяет студентам сформировать навыки анализа и интерпретации данных, а также приобрести опыт принятия управленческих решений на основе объективной информации. Данный подход способствует интеграции образовательного, научного и тренировочного процессов и повышает качество подготовки управленческих кадров в сфере спорта [4; 9].

В образовательном процессе КГУФКСТ методы компьютерно-математического моделирования используются в рамках практико-ориентированных заданий, направленных на формирование управленческих компетенций. Магистранты анализируют динамику тренировочных нагрузок условной группы спортсменов, строят прогнозные модели и разрабатывают управленческие рекомендации по коррекции тренировочного процесса.

Особенностью данного подхода является ориентация не только на получение числовых результатов, но и на интерпретацию их управленческого значения. Это позволяет рассматривать компьютерно-математическое моделирование как средство формирования профессионального мышления будущих руководителей и менеджеров в сфере физической культуры и спорта.

Интерпретация результатов моделирования свидетельствует о том, что наибольший управленческий эффект достигается при использовании компьютерно-математических моделей не как инструмента постфак-

тум анализа, а как средства оперативного и стратегического управления тренировочным процессом. Особенно значимым является переход от оценки отдельных показателей к анализу их системных взаимосвязей.

Полученные данные позволяют утверждать, что математическое моделирование способствует снижению управленческих рисков, связанных с перегрузками и нерациональным распределением тренировочных нагрузок. Это имеет принципиальное значение для спортивных вузов, где тренировочный процесс должен быть согласован с образовательной нагрузкой и требованиями учебного плана [9; 10].

Выводы

1. Компьютерно-математическое моделирование следует рассматривать как системообразующий элемент управления тренировочным процессом, а не вспомогательный аналитический инструмент.
2. Применение прогнозных моделей позволяет повысить устойчивость управленческих решений в условиях многолетней подготовки спортсменов.
3. Интеграция методов моделирования в образовательный процесс спортивного вуза способствует формированию управленческого и аналитического мышления магистрантов.
4. Опыт КГУФКСТ подтверждает эффективность использования компьютерно-математических моделей в подготовке специалистов управленческого профиля.
5. Дальнейшее развитие данного направления связано с усложнением моделей и расширением цифровых платформ анализа данных.

Список источников

1. Бальсевич В.К. Цифровая трансформация спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 6. С. 3 – 8.
2. Гавердовский Ю.К. Биомеханическое моделирование в спорте // Физическая культура. 2020. № 4. С. 45 – 50.
3. Кузнецова З.М. Математическое моделирование подготовки спортсменов // Физическая культура. 2022. № 3. С. 34 – 39.
4. Медведев В.С. Цифровые технологии в спортивных вузах // Высшее образование сегодня. 2021. № 6. С. 45 – 49.
5. Поляков А.В. Компьютерные технологии мониторинга // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 21 – 26.
6. Селуянов В.Н. Моделирование адаптации в спорте // Физическая культура и спорт. 2020. № 5. С. 18 – 23.
7. Федоренко В.А. Цифровые методы анализа тренировок // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 26 – 31.
8. Хоменко А.П. Прогнозирование спортивных результатов // Спортивная наука. 2021. № 4. С. 52 – 57.
9. Шамардин А.А. Информационные технологии в управлении спортом // Физическая культура и спорт. 2023. № 1. С. 42 – 47.
10. Щербakov В.П. Управление тренировочным процессом // Теория и практика физической культуры. 2020. № 9. С. 14 – 19.

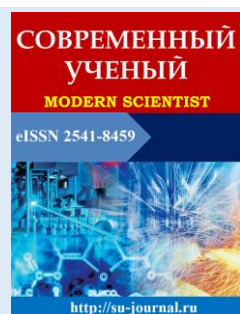
References

1. Balsevich V.K. Digital transformation of sport. Theory and practice of physical education. 2021. No. 6. P. 3 – 8.
2. Gaverdovsky Yu.K. Biomechanical modeling in sport. Physical education. 2020. No. 4. P. 45 – 50.
3. Kuznetsova Z.M. Mathematical modeling of athletes' training. Physical education. 2022. No. 3. P. 34 – 39.
4. Medvedev V.S. Digital technologies in sports universities. Higher education today. 2021. No. 6. P. 45 – 49.
5. Polyakov A.V. Computer monitoring technologies. Theory and practice of physical education. 2023. No. 2. P. 21 – 26.
6. Seluyanov V.N. Modeling Adaptation in Sports. Physical Education and Sports. 2020. No. 5. P. 18 – 23.
7. Fedorenko V.A. Digital Methods of Training Analysis. Theory and Practice of Physical Education. 2022. No. 8. P. 26 – 31.
8. Khomenko A.P. Forecasting Sports Results. Sports Science. 2021. No. 4. P. 52 – 57.
9. Shamardin A.A. Information Technologies in Sports Management. Physical Education and Sports. 2023. No. 1. P. 42 – 47.
10. Shcherbakov V.P. Training Process Management. Theory and Practice of Physical Education. 2020. No. 9. P. 14 – 19.

Информация об авторе

Костенко Е.Г., кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

© Костенко Е.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37.017

От мероприятия – к со-бытию: как преодолеть ритуализацию воспитательной работы в школе

¹ Сидорова Т.В., ¹ Шибанова Ю.В.

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема формализации и ритуализации воспитательного процесса в современной общеобразовательной школе. На фоне внедрения масштабных государственных инициатив, таких как цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном» и деятельность молодежных движений, автор выявляет острое противоречие между императивным запросом государства на усиление ценностного вектора и реальной когнитивной перегрузкой участников образовательного процесса. Опираясь на онтологический подход Л.М. Лузиной и концепцию со-бытийной общности В.И. Слободчикова, в работе проводится теоретическая декомпозиция понятий «мероприятие» и «со-бытие». Авторы анализируют феномен «инфляции смыслов», возникающий вследствие тотальной бюрократизации и жесткой регламентации воспитательной деятельности. В статье обосновывается, что избыточное количество внешне ориентированных действий ведет к психологическому пресыщению и потере искренности в отношениях между учителем и учеником. В качестве пути преодоления формализма предлагается переход к событийному подходу, в центре которого лежит экзистенциальная встреча взрослого и ребенка; приводятся возможные условия для перехода от «мероприятийности» к «событийности». Авторы делают вывод, что эффективность воспитания зависит не от интенсивности мероприятийного плана, а от создания условий для подлинного диалога и ценностного сотворчества субъектов образования.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная работа в школе, событийный подход, онтологический подход, со-бытие, мероприятие, инфляция смыслов, Разговоры о важном, бюрократизация, педагогика понимания

Для цитирования: Сидорова Т.В., Шибанова Ю.В. От мероприятия – к со-бытию: как преодолеть ритуализацию воспитательной работы в школе // Современный ученый. 2026. № 4. С. 286 – 293.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

From event to co-event: how to overcome the ritualization of educational work in school

¹ Sidorova T.V., ¹ Shibanova Yu.V.

¹ Buryat State University named after D. Banzarov

Abstract: the article examines the pressing issue of formalization and ritualization of the educational process in modern comprehensive schools. Against the backdrop of the introduction of large-scale government initiatives, such as the "Conversations about the Important" series of extracurricular activities and the activities of youth

movements, the author reveals an acute contradiction between the imperative request of the state to strengthen the value vector and the actual cognitive overload of participants in the educational process. Based on the ontological approach of L. M. Luzina and the concept of co-event community of V. I. Slobodchikov, the work provides a theoretical decomposition of the concepts of "event" and "co-event". The authors analyze the phenomenon of "inflation of meanings" arising as a result of total bureaucratization and strict regulation of educational activities. The article substantiates that an excessive number of externally oriented actions leads to psychological satiety and a loss of sincerity in the relationship between teacher and student. As a way to overcome formalism, a transition to an event-based approach is proposed, at the center of which lies the existential meeting of an adult and a child. Possible conditions for the transition from "event-based" to "event-based" are presented. The authors conclude that the effectiveness of educational work depends not on the intensity of the activity plan, but on creating conditions for genuine dialogue and value-based co-creation among educational subjects.

Keywords: education, educational work in school, event-based approach, ontological approach, co-event, event, inflation of meanings, Conversations about the Important, bureaucratization, pedagogy of understanding

For citation: Sidorova T.V., Shibanova Yu.V. From event to co-event: how to overcome the ritualization of educational work in school. Modern Scientist. 2026. 4. P. 286 – 293.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Актуальность. В условиях масштабной трансформации современной российской школы вопросы воспитания вновь заняли центральное место в государственной образовательной политике. Внедрение таких масштабных инициатив, как цикл внеурочных занятий «Разговоры о важном», деятельность РДДМ «Движение первых», проект «Новая философия воспитания», а также регламентация церемониала поднятия государственного флага, свидетельствует о стремлении к системному ценностному наполнению школьной среды.

Однако форсированное внедрение новых воспитательных форматов вошло в острое противоречие с реальными психолого-педагогическими ресурсами участников образовательного процесса. Наблюдается выраженный резонанс между императивным запросом государства на усиление воспитательного вектора и объективной когнитивной и эмоциональной перегрузкой педагогов и обучающихся. В условиях жесткого регламента и необходимости строгой отчетности за каждое проведенное действие возникает феномен «семантической избыточности», который неизбежно ведет к инфляции смыслов.

Когда количество воспитательных воздействий превышает порог восприятия, они перестают быть ценностно-значимыми актами и трансформируются в специфический «фоновый шум» или пустой формальный ритуал. Ритуализация воспитательной работы порождает отчуждение: педагог выступает лишь транслятором готовых сценариев, а ученик – пассивным объектом воздействия, что нивелирует саму суть формирования личности. Учитель и ученик – главные действующие субъекты воспитания – в современной школе становятся робототизированными существами, движущиеся в направлении достижения определенного извне целеполагания [4].

В данной ситуации критически важным становится переосмысление воспитательного процесса через призму бытийного подхода, разработанного в трудах Л.М. Лузиной [11]. Авторская концепция «понимающей педагогики» и идея о человеке как «незавершенном проекте» позволяют взглянуть на воспитание не как на сумму запланированных мероприятий, а как на экзистенциальную встречу взрослого и ребенка. Переход от внешнего «мероприятия» к внутренне проживаемому «со-бытию» является необходимым условием преодоления формализма и возвращения в школу живого педагогического смысла.

Объект настоящего исследования – процесс воспитания в современной школе. Предмет – педагогическая событийность как основополагающее условие и детерминанта эффективности воспитательного процесса.

Материалы и методы исследований

Теоретический фундамент исследования базируется на антропологических идеях Л.М. Лузиной [11, 12], рассматривающей воспитательный процесс сквозь призму онтологии бытия. Проблема подлинности педагогического взаимодействия находит отражение в концепции со-бытийной общности В.И. Слободчикова [15], где развитие личности трактуется как результат глубокого внутреннего резонанса между взрослым и ребенком. В трудах М.М. Бахтин описаны идеи о диалоге как основе человеческого существования и базе

для понимания «со-бытия». Переход от формализованных структур к живому педагогическому действию подробно описан в работах Д.В. Григорьева [5, 6] и Н.Л. Селивановой [13], которые определяют событийный подход как инструмент преодоления дистанции между программными целями и реальными смыслами обучающихся. Методология создания развивающей среды в школе также опирается на принципы личностно-развивающего образования В.В. Серикова [14], подчеркивающего событийную природу каждого акта ценностного самоопределения».

В работе использованы теоретические и эмпирические **методы исследования**: анализ и синтез психолого-педагогической литературы; наблюдение за школьниками и учителями в процессе воспитательной работы; анкетирование классных руководителей.

Результаты и обсуждения

Для понимания глубинных причин кризиса современного воспитания необходимо провести четкую демаркационную линию между двумя базовыми категориями: «мероприятие» и «со-бытие». В педагогическом лексиконе эти термины часто используются как синонимы, однако их смысловое наполнение диаметрально противоположно по отношению к внутренней жизни личности.

Мероприятие в контексте школьной повседневности выступает как единица административно-педагогического планирования. Это внешне детерминированное, жестко регламентированное действие, первичная цель которого – трансляция определенного набора сведений или демонстрация ценностных установок. В структуре мероприятия обучающийся неизбежно занимает позицию объекта воздействия. Его присутствие часто носит формальный характер, а активность ограничена рамками предложенного сценария. Основными маркерами мероприятия являются отчетность, массовость (охват) и соответствие регламенту. С позиции онтологического подхода Л.М. Лузиной, мероприятие принадлежит к сфере «функционального бытия», где личность педагога и ученика скрыта за социальными ролями и профессиональными функциями [12]. Здесь происходит не воспитание, а «обслуживание» учебного плана, где человеческое присутствие заменяется исполнением протокола.

Альтернативой формализованному подходу выступает категория «со-бытия». Опираясь на концепцию В.И. Слободчикова, мы определяем со-бытие как живую общность взрослого и ребенка, внутри которой возникает уникальное пространство духовной встречи [15]. В отличие от мероприятия, со-бытие невозможно «провести» по инструкции – оно может только случиться. Это ситуация экзистенциального резонанса, в которой встречаются «два мира» (учитель и ученик), и эта встреча ведет к их взаимной трансформации.

В российской науке внимание событийности уделял М.М. Бахтин, который в своих трудах обращал внимание именно на «со-бытие» – совместное проживание чего-либо, совместное учение (не просто обучение и преподавание, а именно *со-проектирование*, *со-причастность*, *со-участное мышление* в противоположность *без-участному* [2]. Выделим здесь слово *со-причастность*. Как будто в продолжение мыслей М.М. Бахтина известный ученый-пропагандист «воспитания делом, а не посредством болтовни» Д.В. Григорьев писал о важности формирования гражданской идентичности именно через *сопричастность* России и Русскому миру, т.е. через «ощущение себя частью чего-то большего, чем ты сам: семьи, малой и большой Родины, Бога» [7]. Это слово точно совпадает с дефиницией идентичности – переживание и осознание индивидом принадлежности к группе, другим людям, сообществу, имеющим для него значимый смысл.

Л.М. Лузина подчеркивала, что подлинное воспитание – это всегда «вхождение в мир другого», диалог смыслов, а не инструкций. Со-бытие характеризуется высокой степенью эмоциональной вовлеченности и смыслообразования. Если мероприятие – это пункт в сетке расписания, то со-бытие – это значимый жизненный акт, меняющий систему координат ребенка, его отношение к себе и миру. В со-бытии ученик обретает статус субъекта, поскольку его чувства, сомнения и открытия становятся центром педагогического процесса.

Что же наблюдается в современной воспитательной системе: событийный или мероприятийный подход? Это сильно зависит от региона, самой школы, а главное, от конкретного учителя, выбирающего для себя ту или иную стратегию. Однако, зная о колоссальной нагрузке на учителя, нельзя не отрицать, что формализм и косность (использование ритуальных слов «надо провести», «должен состояться», еще хуже – «прилетела бумага», «загоним в актовый зал» и др.), жесткость и фальшивость, подчинение и шаблонность, отчетность и единообразие являются верными спутниками многих школьных мероприятий, «превращая их в «мертвое дело», где личность заменена винтиком, а форма господствует над смыслом» [8].

Мы явно наблюдаем проблему «инфляции воспитания», стоит почитать последние криминальные новости из мира подростков. Так почему же количество не переходит в качество? Одной из наиболее острых проблем современной школы является заблуждение, согласно которому интенсивность воспитательного

воздействия прямо пропорциональна его эффективности. Однако в педагогике, как и в психологии, действует закон, препятствующий механическому накоплению количественных показателей – закон психологического пресыщения [10].

Воспитание – это тонкий процесс интериоризации (присвоения) ценностей. Для того чтобы внешнее слово стало внутренним убеждением, личности требуется пространство для рефлексии, тишины и внутреннего «переваривания» опыта. Когда же школьная среда перенасыщается однотипными акциями, линейками и обязательными «разговорами», включаются механизмы психологической защиты.

Предполагаем, что причина отсутствия перехода «количества в качество» кроется в следующих факторах:

1. Эффект «белого шума». При избыточной частоте трансляции даже самые высокие смыслы (патриотизм, милосердие, долг) девальвируются. Ученик перестает воспринимать их как ценность, реагируя на них как на привычный звуковой фон.

2. Ритуализация без переживания. Мероприятия превращаются в пустые ритуалы, где форма (красивая картинка для отчета) полностью поглощает содержание. Согласно Л.М. Лузиной, это ведет к «овеществлению» человека, превращению его в декорацию педагогического процесса.

3. Реактивное сопротивление. Навязчивость и гипертрофированный контроль вызывают у подростков естественное стремление к автономии, проявляющееся в форме иронии, цинизма или полного отчуждения от школьной жизни.

Современное «школьное дело» превращается в митинг из известного произведения В.Н. Войновича: «Митинг – это такое мероприятие, когда собирается много народу, и одни говорят то, что не думают, а другие думают то, что не говорят». Ирония? Конечно. Однако стоит глубже разобраться в обязательных внеурочных занятиях «Разговоры о важном». Стоит оговорить, что авторы статьи полностью осознают важность и поддерживают идею необходимости воспитания патриота своей страны и ответственного гражданина, вопрос только к формам и методам такого воспитания. Комплект методических материалов доступен всем классным руководителям страны на сайте «Разговоры о важном» по ссылке <https://xn--80aafadv9bifbaeqg0p.xn--p1ai/>. Как правило, выбора у учителей нет, темы и сценарии заранее определены. Все ли педагоги могут осветить и обсудить с детьми порой сложные темы, как «Мирный атом» (22 сентября 2025 г.), «Селекция и генетика» (10 ноября 2025 г.), «Что такое совесть?» (22 декабря 2025 г.) и др.? Тем более, что времени на подготовку, как правило, не так много (сценарии выкладываются на сайт за 2-4 дня до «Разговора»). Здесь уместно высказывание Наполеона Бонапарта: «Когда маленький человек задумывает великое предприятие, он всегда кончает тем, что уменьшает его до уровня своей посредственности». Справедливо и мнение многих ученых-педагогов, что воспитание осуществляется только «от человека к человеку». Невозможно воспитать патриотизм или доброту по инструкции, если сам учитель в этот момент не включен эмоционально; если он не успел прожить, осмыслить сам предлагаемую тему, есть риск, что разговор останется пустым формальным действием.

Представляется очевидным, что «инфляция смыслов» в современной школе является следствием попытки подменить качество со-бытийного общения количеством регламентированных мероприятийных единиц. Истинное воспитание требует не умножения форм, а возвращения к подлинности человеческого контакта, что требует от педагога мужества отказаться от роли «функционера» в пользу роли «со-бытийного взрослого». Готов ли каждый педагог к такой перемене? Вопрос отдельный, весьма сложный, требующий системного подхода. В рамках пилотного эмпирического исследования мы предложили классным руководителям разных школ города Улан-Удэ (респ. Бурятия) анонимно ответить на ряд вопросов, касающихся организации воспитательной деятельности в школе и классе. Всего в пилотном исследовании приняли участие 96 классных руководителей, главный принцип при анкетировании был добровольность.

Более 36% респондентов ответили, что за месяц проходит более 8 различных воспитательных мероприятий (включая линейки, классные часы, акции, праздники), при этом 45% учителей почти всегда ловят себя на мысли, что проводят мероприятие только «для фотоотчета» или «потому что спустили приказ», а 36 % – часто.

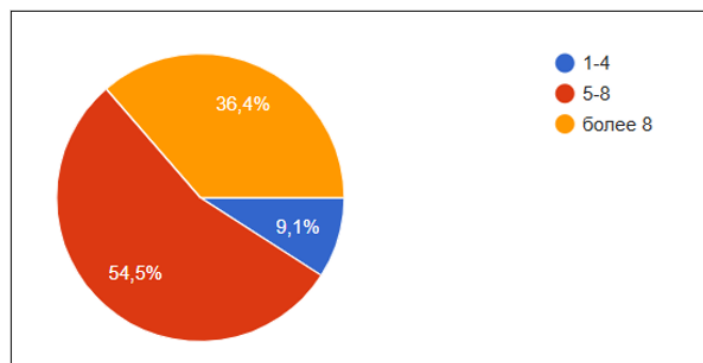

Рис. 1. Ответы на вопрос «Сколько воспитательных мероприятий (включая линейки, классные часы, акции, праздники) в среднем проходит в вашем классе за месяц?».

Fig. 1. Responses to the question "How many educational events (including stages, class hours, events, holidays) on average are held in your class per month?".

Внедрение в 2022 году цикла внеурочных занятий «Разговоры о важном» стало наиболее масштабной попыткой систематизации ценностно-ориентированного компонента в российском образовании. Однако спустя несколько лет реализации данного проекта педагогическое сообщество столкнулось с рядом серьезных противоречий, которые наглядно иллюстрируют конфликт между мероприятиейной формой и событийным содержанием.

Такую картину ответов мы получили на просьбу оценить степень вовлеченности учеников в обсуждение тем на занятиях «Разговоры о важном»:

Рис. 2. Ответы на вопрос «Оцените степень вовлеченности ваших учеников в обсуждение тем на занятиях «Разговоры о важном»».

Fig. 2. Responses to the question: "Rate the degree of your students' involvement in discussing topics in 'Conversations about Important Things' classes".

Современные обучающиеся, обладающие высокой чувствительностью к искренности («радар на фальшь»), мгновенно считывают отсутствие личной включенности взрослого. В результате происходит девальвация самой темы разговора: «важное» перестает быть таковым, как только оно облекается в форму обязательного чтения по методичке. Слово, отчужденное от личности говорящего, лишается своей воспитательной силы и становится механическим звуком.

В ходе исследования мы выяснили, что 60% учителей всегда идут строго по методичке, 25% используют методичку частично, добавляют свое и только 15% полностью меняют ход беседы в зависимости от реакции детей.

Как мы писали ранее, в рамках «Разговоров о важном» учителю предлагается детализированный методический конструктор: готовые сценарии, видеоматериалы и интерактивные задания. С одной стороны, это снижает нагрузку на подготовку, с другой – лишает педагога права на «авторство» собственного высказывания. Согласно концепции Л.М. Лузиной, воспитание – это всегда акт «встречи смыслов». Если учитель транслирует текст, который не был им прожит, не прошел через фильтр его личных убеждений и сомнений, возникает ситуация экзистенциального диссонанса. Учитель в этой системе координат превращается в тех-

нического посредника, транслятора чужого контента. Радует, что 15% учителей «часто меняют ход беседы», значит, официальные сценарии, не всегда выполняющие свою функцию «встречи смыслов», адаптируются живым человеком, равнодушным учителем.

Классным руководителям было предложено вспомнить самое яркое воспитательное событие года, которое действительно «зацепило» детей. Было ли оно запланированным мероприятием «сверху»? 37% ответили «Да, это было плановое общешкольное/государственное мероприятие» и 63% – «Нет, это возникло спонтанно или было инициативой класса/учителя». Наша гипотеза о том, что самые важные моменты происходят на переменах, в походах или после уроков, а не в рамках 40-минутного регламентированного часа, подтверждается.

80% опрошенных считают, что главным препятствием для «подлинного воспитания» в школе является слишком большое количество обязательных мероприятий, а также избыточная отчетность (фото, отчеты, посты в соцсетях) (50%). На тотальную бюрократизацию воспитательного процесса уже невозможно закрывать глаза. Сегодня эффективность работы заместителя директора по воспитательной работе и классного руководителя зачастую оценивается не по качественным изменениям в сознании учеников, а по «цифровому следу»: фотоотчетам, количеству постов в социальных сетях и охвату участников акций. Стремление к «красивой картинке» для отчета неизбежно убивает искренность педагогического акта. Воспитание превращается в инсценировку. Когда главной целью занятия становится фиксация самого факта его проведения, внутреннее содержание (переживания ребенка, его вопросы, несогласие) становится помехой. Бюрократический аппарат требует единообразия и предсказуемости, в то время как подлинное событие, по определению В. И. Слободчикова, всегда спонтанно, уникально и непредсказуемо в своих результатах. Институциональный контроль поглощает живую педагогику, заменяя ее имитацией деятельности.

Еще одна проблема, выявленная в ходе анкетирования, – перегруженность графика воспитательной работы в классе (70% ответили, что их график перегружен до предела, 20% – оценили график на «4»). «Дефицит времени» в воспитании – это не только нехватка минут, но и дефицит психологического пространства для рефлексии. В условиях спешки воспитание сводится к информированию. Как отмечала Л.М. Лузина, понимающая педагогика требует остановки, «вслушивания» в другого. Мероприятийный же подход требует движения по графику. В результате между учителем и учеником выстраивается барьер из методических рекомендаций, преодолеть который в рамках регламентированного часа практически невозможно.

Таким образом, кейс «Разговоров о важном» демонстрирует, как институционализация воспитания, направленная на благие цели, при формальном исполнении может привести к обратному эффекту – отчуждению обучающихся от традиционных ценностей из-за их навязчивой и неорганичной трансляции. Конечно, данное пилотное исследование является недостаточным без комплексного исследования уровня воспитанности школьников, уровня удовлетворенности воспитательным процессом обучающихся, их родителей и педагогических работников, однако результаты исследования не могут быть оставлены без внимания.

Авторам представляется важным проанализировать и кейс «Бесшовного патриотического воспитания», реализуемого в республике Бурятия в рамках проекта «С чего начинается Родина». В научно-педагогической литературе термин «бесшовный» отсутствует. Проблема модернизации патриотического воспитания представлена в диссертационных исследованиях В.И. Баева [1], Г.А. Коноваловой [9] и др., но и у них не встречается данный термин. Остаются вопросы к авторам понятия «бесшовность воспитания», а также вызовы к дальнейшему изучению воспитательной деятельности в современной школе в целом, и патриотического воспитания в частности.

Выводы

Подведем итог, подлинное воспитание – это не сумма мероприятий, а качество педагогических отношений и среды.

Возможные условия для перехода от «мероприятийности» к «событийности»:

- Смена критериев оценки воспитательной работы (с отчетов на качество детско-взрослых общностей).
- Передача инициативы и ответственности педагогам и детям на местах.
- Поддержка неформальных, «тихих» форм работы и принятие их рисков.
- Переориентация с идеи «охвата» на идею «глубины» воспитательного воздействия.

В качестве приглашения к дальнейшему диалогу приведем некоторые ответы учителей на вопрос об эффективных формах общения с детьми для формирования их ценностей (сохранена авторская редакция):

- «Живое общение, где все участники мероприятия заинтересованы в конечном результате и вместе идут к цели»;

- «Воспитывать детей нужно в первую очередь своим собственным примером. Говоря о патриотизме, учитель должен быть сам настоящим патриотом, и дети должны это видеть и чувствовать. Иначе дети не поверят. Потому что, то информационное пространство, в котором они живут, наполнено только развлекательным, провокационным, насильственным компонентом».

- «Лучшая форма – это душевная»

Однажды в разговоре с Дмитрием Васильевичем Григорьевым Владимир Абрамович Караковский сказал «...в педагогике лучше ничего не делать, чем притворяться».

Список источников

1. Баев В.И. Педагогические условия организации патриотического воспитания учащихся общеобразовательных учебных заведений в современных условиях: дис. ... канд.пед. наук. М. 2004. 164 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 44 с.
3. Богуславский М.В. Динамика обоснования ценностей и смыслов воспитания в отечественной педагогике второй половины XX – первой четверти XXI века // Традиции психолого-педагогического образования в подготовке будущего учителя: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции посвященной памяти академика РАО, профессора Н.Д. Никандрова, Москва, 24-25 октября 2025 года. М.: МПГУ, 2025. С. 494 – 506.
4. Гагаев П.А. О науке, ремесле и искусстве в воспитании // Вестник педагогических наук. 2025. № 2. С. 38 – 45.
5. Григорьев Д.В. Событие воспитания и воспитание как событие // Право и образование. 2007. № 1. С. 90 – 99.
6. Григорьев Д.В. Детско-взрослая общность в образовании: не потерять смысл // Народное образование. 2015. № 4 (1447). С. 167 – 170.
7. Григорьев Д.В. Сопричастность России и Русскому миру: формирование идентичности ребёнка в школе // Народное образование. 2017. № 9-10 (1465). С. 135 – 151.
8. Иоффе А.Н. Книга о полезном, здоровом и вкусном образовательном занятии открытый путеводитель с образцами и рекомендациями для размышлений, творческого использования и потенциалом профессиональной переработки. Ярославль: Академия 76, 2023. 453 с.
9. Коновалова Г.А. Организационно-педагогические условия патриотического воспитания учащихся в современной общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2003. 197 с.
10. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2009. 312 с.
11. Лузина Л.М. Понимание как духовный опыт : (о понимании человека). Псков: Изд-во ПГПУ. 1997. 167 с.
12. Лузина Л.М. Педагогическая антропология как общий подход к построению и реализации процесса воспитания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 3 (116). С. 56 – 59.
13. Селиванова Н.Л. Воспитательное пространство как объект педагогического исследования. Калуга: Калуж. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 248 с.
14. Сериков В.В. 3.1. Личностно-ориентированное образование: продолжение поиска // Современная педагогика: взаимосвязь традиций и инноваций: монография. М.: ООО "МАКС Пресс", 2024. С. 138 – 148.
15. Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 2. С. 3 – 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/so-bytiynaya-obrazovatel'naya-obschnost-istochnik-razvitiya-i-subekt-obrazovaniya> (дата обращения: 18.10.2025)

References

1. Baev V.I. Pedagogical Conditions for Organizing Patriotic Education of Students in General Education Institutions in Modern Conditions: Diss. ... Cand. Sci. (Pedagogical Sciences). Moscow, 2004. 164 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskustvo, 1986. 44 p.
3. Boguslavsky M.V. Dynamics of Substantiating Values and Meanings of Education in Domestic Pedagogy of the Second Half of the 20th – First Quarter of the 21st Century. Traditions of Psychological and Pedagogical Education in the Preparation of Future Teachers: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Academician of the Russian Academy of Education, Professor N.D. Nikandrov, Moscow, October 24-25, 2025. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2025. P. 494 – 506.

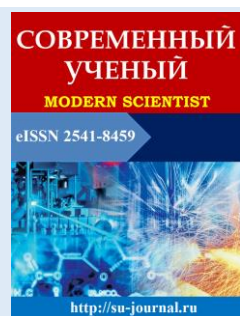
4. Gagaev P.A. On Science, Craft, and Art in Education. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. No. 2. P. 38 – 45.
5. Grigoriev D.V. The Event of Education and Education as an Event. Law and Education. 2007. No. 1. P. 90 – 99.
6. Grigoriev D.V. Child-Adult Community in Education: Not Losing the Meaning. Public Education. 2015. No. 4 (1447). P. 167 – 170.
7. Grigoriev D.V. Involvement with Russia and the Russian World: Shaping a Child's Identity at School. Public Education. 2017. No. 9–10 (1465). Pp. 135–151.
8. Ioffe A.N. A Book on Useful, Healthy, and Tasty Educational Activities: An Open Guide with Samples and Recommendations for Reflection, Creative Use, and Potential for Professional Revision. Yaroslavl: Academy 76, 2023. 453 p.
9. Konovalova G.A. Organizational and Pedagogical Conditions for Patriotic Education of Students in a Modern Comprehensive School: Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation. Tomsk, 2003. 197 p.
10. Leonova A.B., Kuznetsova A.S. Psychological Technologies for Managing the Human State. Moscow: Smysl, 2009. 312 p.
11. Luzina L.M. Understanding as a Spiritual Experience (On Understanding a Person). Pskov: Perm State Pedagogical University Publishing House. 1997. 167 p.
12. Luzina L.M. Pedagogical anthropology as a general approach to the construction and implementation of the educational process. Scientific notes of Petrozavodsk state university. 2011. No. 3 (116). P. 56 – 59.
13. Selivanova N.L. Educational space as an object of pedagogical research. Kaluga: Kaluga regional institute of advanced training for teachers, 2000. 248 p.
14. Serikov V.V. 3.1. Personality-oriented education: continuation of the search. Modern pedagogy: the relationship between traditions and innovations: monograph. Moscow: ООО "MAX Press", 2024. P. 138 – 148.
15. Slobodchikov V.I. Co-event educational community – a source of development and a subject of education. News of Saratov state university Nov. Ser. Ser. Acmeology of Education. Developmental Psychology. 2010. No. 2. P. 3 – 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/so-bytiynaya-obrazovatel'naya-obschnost-istochnik-razvitiya-i-subekt-obrazovaniya> (accessed: 18.10.2025)

Информация об авторах

Сидорова Т.В., кандидат педагогических наук, доцент, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Шибанова Ю.В., кандидат педагогических наук, доцент, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

© Сидорова Т.В., Шибанова Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Ретроспективный анализ системы высшего педагогического образования СССР и КНР в послевоенный период

¹ У Синван

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: целью данной статьи является изучение процессов становления и развития системы высшего педагогического образования в СССР и КНР. Проведен ретроспективный анализ, который позволил изучить параметры влияния советской системы образования на формирование китайской модели, заключающейся не только в передаче знаний, но и в формировании нового типа человека - сознательного, трудолюбивого, коллективистского и преданного делу партии.

Проанализированы социально-политические факторы, влияющие на реформы образовательных систем в обеих странах, в которых была заложена идеологическая составляющая, потребности индустриализации и научно-технического прогресса, социальное равенство, а также централизация и государственный контроль.

Обосновано, что дальнейшее взаимодействие систем высшего педагогического образования будет способствовать интеграции международного сотрудничества и повышения качества подготовки педагогических кадров в условиях глобализации и цифровой трансформации.

Наиболее значимые элементы научной новизны заключаются в актуализации проблем выявления тенденций развития высшего педагогического образования, сквозь призму ретроспективного анализа развития образовательного процесса в Китае и СССР в послевоенный период.

Ключевые слова: педагогическое образование в СССР и КНР, послевоенный период, реорганизация, реформы системы образования, технологических прогресс

Для цитирования: У Синван Ретроспективный анализ системы высшего педагогического образования СССР и КНР в послевоенный период // Современный ученый. 2026. № 4. С. 294 – 299.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

A retrospective analysis of the higher pedagogical education system of the USSR and China in the post-war period

¹ Wu Xingwan

¹ *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the purpose of this article is to study the processes of formation and development of the system of higher pedagogical education in the USSR and China. A retrospective analysis was carried out, which allowed us to study the parameters of the influence of the Soviet education system on the formation of the Chinese model, which con-

sists not only in the transfer of knowledge, but also in the formation of a new type of person – conscious, hard-working, collectivist and dedicated to the cause of the party.

The article analyzes the socio-political factors influencing the reforms of educational systems in both countries, which included an ideological component, the needs of industrialization and scientific and technological progress, social equality, as well as centralization and state control.

It is proved that further interaction of higher pedagogical education systems will contribute to the integration of international cooperation and improve the quality of teacher training in the context of globalization and digital transformation.

The most significant elements of scientific novelty are the actualization of the problems of identifying trends in the development of higher pedagogical education, through the prism of a retrospective analysis of the development of the educational process in China and the USSR in the post-war period.

Keywords: teacher education in the USSR and China, the post-war period, reorganization, reforms of the education system, technological progress

For citation: Wu Xingwan A retrospective analysis of the higher pedagogical education system of the USSR and China in the post-war period. Modern Scientist. 2026. 4. P. 294 – 299.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 21, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения исторических основ взаимодействия двух социалистических государств в сфере образования, в целях более глубокого осмысления международного педагогического опыта и дальнейшего регулирования современной образовательной политики.

Послевоенный период для высшего педагогического образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) ознаменовался масштабной реорганизацией системы подготовки педагогических кадров. В условиях восстановления страны после Второй мировой войны (1939-1945 гг.) была поставлена задача сформировать устойчивую образовательную среду, на базе внедрения педагогических методик, ориентированных на идеалы марксизма-ленинизма.

В свою очередь, в Китае послевоенный период послужил началом радикальной перестройкой системы высшего педагогического образования, начавшейся после провозглашения Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г.

Данная трансформация активно проводилась в рамках социалистической модернизации и воплощения идеологии Коммунистической партии Китая, отражающейся в контексте программ и структуре учебных заведений.

Присутствие советского влияния проявлялось не только в содержательном наполнении учебных дисциплин, но и в организационно-административных подходах к управлению педагогическим процессом. В КНР внедрялись практики централизованного планирования, жесткой регламентации обучения и контроля качества подготовки кадров, заимствованные из советской системы.

Вместе с тем, адаптация предполагала учет национальных особенностей, которая проявлялась в постепенном включении традиционных китайских культурных компонентов в образовательные программы и формирование уникальных подходов к педагогике, учитывающих социокультурный контекст страны. Стоит отметить, что данный процесс сталкивался с вызовами, связанными с различиями в экономическом развитии, социальной структуре и культурных традициях.

Именно по этой причине, в современных педагогических исследованиях отсутствует комплексный сравнительный анализ взаимовлияния систем высшего педагогического образования СССР и КНР в послевоенный период, что затрудняет понимание исторических предпосылок современных образовательных моделей данных стран.

В этой связи, целью данной статьи явилось изучение процессов становления и развития системы высшего педагогического образования в СССР и КНР, в контексте оценки влияния советской модели на китайскую систему образования в послевоенный период, учитывая которую, появилась потребность решения следующих практических задач:

- описать этапы развития высшего педагогического образования в СССР и КНР после Второй мировой войны;

- исследовать параметры влияния советской системы образования на формирование китайской модели;
- проанализировать социально-политические факторы, влияющие на реформы образовательных систем в обеих странах;
- оценить долгосрочные результаты взаимодействия систем высшего педагогического образования.

Материалы и методы исследований

Данная проблематика, в различные временные периоды была изучена рядом отечественных и зарубежных авторов, в числе которых Е.И. Бражник [5], М.В. Адамчик [1], А.Н. Бадан [1], Кэмин Хао [15], Кэюн Цай [15] и т.д.

Теоретическая база исследования была основана на трудах В.Е. Гмурмана [12], Ш.И. Ганелина [12], Ф.Ф. Королева [12], Ф.А. Фрадкина [12], которые изучали особенности этапов развития высшего педагогического образования в Китае, раскрытие исторической связи двух стран, а также предпосылок сопоставления высшего педагогического образования в России и в Китае.

Стоит отметить, работы, посвященные проблемам и тенденциям развития высшего педагогического образования представленных стран, в числе которых Л.М. Гудошников [8], Б.П. Барахт [8], В.Г. Карымов [8], Р.М. Неронов [8], М.Х. Хайбулаев [16], Г.М. Гаджикурбанова [16] и др.

Однако, несмотря на представленное многообразие научных трудов, отсутствует комплексный ретроспективный анализ взаимовлияния систем высшего педагогического образования СССР и КНР в послевоенный период, что затрудняет понимание исторических предпосылок современных образовательных моделей.

В этой связи, практическая значимость исследования подтверждается определением основных тенденций и особенностей формирования отечественных и китайских педагогических систем в послевоенную эпоху, которое позволит дать оценку влиянию исторических процессов на современную образовательную практику.

В рамках статьи нами будет использоваться сравнительный анализ данных, а также общенаучные методы, такие как синтез, аналогия, индукция, дедукция.

Результаты и обсуждения

После завершения Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), которая являлась составной частью Второй мировой войны, в СССР началось глубокое реформирование системы высшего педагогического образования, вызванное необходимостью восстановления и модернизации народного хозяйства [2, 3].

В послевоенный период резко ухудшилось положение с педагогическими кадрами по причине значительных человеческих потерь на фронте и снижения числа выпускников педагогических учебных заведений. Согласно статистическим данным на конец 1945 г., в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) пятая часть учителей начальных школ и почти половина учителей средних школ не имела соответствующего профильного образования [3, 5].

Сложившаяся негативная тенденция потребовала срочного расширения сети педагогических институтов и училищ, а также улучшения качества подготовки кадров.

Так, в ходе «четвертой пятилетки» (Четвёртый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР после окончания Великой Отечественной войны (1946-1950 гг.)) было создано 73 новых педагогических и учительских института, что способствовало увеличению количества учителей почти 1,5 миллиона к 1951 учебному году - это на 250 тысяч больше, чем до войны [4, 6].

Важным направлением послевоенного развития стало создание аспирантур при педагогических ВУЗах, направленное на повышение уровня научно-методической подготовки преподавателей. В данный период сохранялось прикрепление преподавателей к специализированным учреждениям для сдачи кандидатских экзаменов, которое обеспечивало их профессиональное развитие [16].

Позднее, в начале 1960-х гг. реформа системы образования, закреплённая законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», приобрела либеральный характер, отражая влияние научно-технического прогресса. Возросли задачи подготовки инженерно-технических и научных кадров для восстановления и развития промышленности и сельского хозяйства, что также косвенно повлияло на акцент в педагогическом образовании на точные науки и методики преподавания соответствующих дисциплин [9, 10].

В целом, послевоенный этап развития высшего педагогического образования в Советском Союзе характеризуется переходом от кадрового кризиса к системной государственной поддержке, направленной на расширение сети педагогических учебных заведений, совершенствование программ и внедрение аспирантуры.

Нельзя не отметить, что советская система заложила основы идеологической направленности педагогического образования в Китае.

После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г., Коммунистическая партия Китая (КПК) стала основным инициатором и регулятором реформ, направленных на формирование социалистической модели образования, которая отражала бы партийные идеалы и политическую стратегию построения нового общества [11].

В первые годы власти КПК, образование ориентировалось на непосредственное внедрение марксистско-ленинской идеологии и советского опыта управления учебными заведениями. Однако уже к концу 1950-х гг., в ходе кампании «Большой скачок», произошли значительные изменения в социальной политике. Реформы, нацеленные на массовое внедрение индустриализации и коллективизации, требовали быстрого наращивания квалифицированных кадров, что повлекло за собой увеличение числа педагогических вузов, их переориентацию на подготовку специалистов технического профиля, и внесение идеологических корректировок в учебные планы [12].

Период Культурной революции (1965-1976 гг.) стал наиболее драматичным и разрушительным этапом для системы высшего педагогического образования, в который политические лозунги и массовые кампании партии радикально изменили образовательный процесс, включая закрытие или преобразование многих педагогических институтов, отказ от традиционных академических дисциплин и укрепление партийного контроля. Учебные программы стали резко идеологизированными, а преподаватели подвергались гонениям за любое отклонение от партийной линии, что существенно ухудшило качество подготовки педагогических кадров и действовало на демотивацию научной деятельности [13, 14].

После смерти революционера Мао Цзэдуна и окончания Культурной революции, КПК инициировала политику реформ и открытости (1978 г.), которая коренным образом отразилось на педагогическом образовании, способствуя развитию более гибких подходов в обучении, размягчению партийного контроля и интеграции международных образовательных практик, включая элементы западной педагогики, с сохранением социалистической идеологической основы [16]. Политика партии включала поддержание национального единства через образовательные программы, ориентированные на развитие китайской идентичности, социалистических ценностей и инноваций в науке и технологии. При этом образовательная система продолжала оставаться важным инструментом партийного влияния на формирование социальной дисциплины и моральных норм среди молодежи [17].

Позднее, экономические изменения создали новые вызовы для систем высшего педагогического образования в СССР и КНР, требуя адаптации учебных программ и масштабного повышения квалификации преподавателей для подготовки кадров [17].

Социально-экономический сдвиг в обеих странах сопровождался также формированием новых теоретических концепций – в Китае развивалась теория плановой товарной экономики, позволяющая сочетать рыночные отношения с социализмом, а в СССР велась активная дискуссия вокруг роли товарно-денежных отношений в социалистической экономике. Несмотря на различия в подходах, обе страны использовали экономическую науку для осмысления преобразований в обществе и высшем образовании, что стимулировало обновление учебных планов и методологий преподавания [18].

Еще одной важной составляющей социально-экономических изменений стал переход Китая от сырьевого придатка и потребителя советской помощи к самостоятельному субъекту мировой экономики. Китайская система высшего педагогического образования была вынуждена подготовить новое поколение специалистов, способных вести инновационные проекты, участвовать в международном обмене знаниями и работать в условиях развивающегося рынка.

В СССР педагогическая система в этот период испытывала давление из-за замедления экономического роста и политических волнений, которое негативно сказывалось на качестве подготовки педагогов и их адаптивности к экономическим переменам [10].

Стоит отметить, что социально-экономические изменения служили мощным фактором трансформации педагогических систем СССР и КНР, стимулируя реформы, которые отражали специфику национального развития и уровень интеграции в мировое хозяйство.

Нельзя не отметить, что в ходе адаптации советских методов в китайской системе возник уникальный национальный стиль обучения, отражающий ценности дисциплины и коллективизма, а также высокий уровень вовлеченности в процесс трудовой деятельности.

Так, китайская модель педагогического образования демонстрирует устойчивость к внешним политическим и социальным потрясениям, сохраняя за основу универсальные принципы доступности и качества об-

разования, которые были заложены в советской системе, но эволюционировали под воздействием национальных реалий и современного развития страны [1].

На сегодняшний день, Россия и Китай сталкиваются с общими вызовами в сфере образования, такими как необходимость адаптации к быстро меняющемуся рынку труда, внедрение инклюзивного образования и повышение качества подготовки педагогов. Совместные образовательные программы, стажировки и исследовательские проекты позволяют будущим педагогам получить уникальный опыт работы в иной культурной и образовательной среде, принимая различные подходы к обучению, развивая межкультурную компетенцию, становясь при этом более адаптивными в условиях глобализации.

Выводы

Проведённое исследование продемонстрировало, что послевоенный период стал эпохой фундаментальных изменений и для советской, и для китайской систем высшего педагогического образования. В СССР преодоление кадрового дефицита и восстановление образовательных институтов сопровождалось усилением идеологической нагрузки и развитием научно-методической базы, которое обеспечило системность и качество подготовки педагогов [3, 7].

Одновременно на территории КНР, опираясь на советский опыт, создавалась новая образовательная инфраструктура, ориентированная на массовую подготовку педагогических кадров в условиях социалистической трансформации.

Данное двухстороннее взаимодействие явилось результатом не только технического переноса образовательных стандартов и методик, но и глубокого интегрирования идеологических и административных моделей.

В настоящее время, взаимодействие между системами высшего педагогического образования Китая и России – это не просто обмен студентами и преподавателями, а долгосрочная инвестиция в будущее обеих стран.

Список источников

1. Адамчик В.В., Адамчик М.В., Бадан А.Н. и др. История Китая. Минск: Харвест, 2004. 736 с.
2. Беловолов В.А., Беловолова С.П. Введение в методологию педагогического исследования. Новосибирск: Б.и., 2002. 117с.
3. Боровская Н.Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае: монография / Российская академия наук. Инт Дал. Востока М.: Б.и., 2002. 146 с.
4. Борткевич, М. Как готовятся учителя начальной школы // Школа и просвещение в народном Китае: сб. ст. М.: Б.и., 1957. С. 78 – 92.
5. Бражник Е.И. Проблемы развития педагогического образования за рубежом // Актуальные проблемы непрерывного педагогического образования, Вып. 1. СПб.: Образование, 1994. С. 67 – 68.
6. Ван Гуанхуа Основные тенденции развития народного образования Китая после революции 1949 года: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1998. 169 с.
7. Вульфсон Б.Л. Сравнительная педагогика: история и современные проблемы. М.: УРАО, 2003. 232 с.
8. Гудошников Л.М., Барахт Б.П., Карымов В.Г., Неронов Р.М. Китай после «культурной революции»: (Политическая система, внутривластное положение). М.: Мысль, 1979. 360 с.
9. Жилина А.И. Модель управления непрерывным педагогическим образованием в современных условиях развития образования в России // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2012. № 5. С. 37 – 44.
10. Ли Цзюнь, Тянь Сяохун, Чэнь Пайпей и др. Китайская модель педагогического образования – опыт и просвещение, ведущие к глобальной реформе // Фуданский образовательный форум. 2017. № 15 (2). С. 13 – 19.
11. Мазуркевич А.А. Влияние советского опыта на становление китайской системы образования в 1970-х – 1990-х годах // Актуальные исследования, 2025. № 25 (260), ч. III. С. 30 – 32.
12. Общие основы педагогики / Акад. пед. наук СССР. Ин-т теории и истории педагогики; Под ред. Ф.Ф. Королева, В.Е. Гмурмана. Москва: Просвещение, 1967. 391 с.
13. Семёнова С.С. Образование в Китае: история и современность // В статье рассматривается образовательная система Китая после Второй мировой войны, роль СССР в её становлении.
14. Сунь Янчунь Основа специализации учителя // Исследование развития образования. 2003. № 1. С. 58 – 59.
15. Тарасюк Л. Н. «Развитие системы образования в КНР». М.: Наука, 1989; Кэмин Хао, Кэюн Цай. «Развитие и реформа высшего образования в Китае». М.: [Б. и.], 1989.

16. Хайбулаев М.Х., Гаджикурбанова Г.М. Этапы становления профессионально-педагогического образования в России // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 4 (29). С. 94 – 101.
17. Чжу Сяомань Реформа содержания образования в Китае // Журнал «Педагогика». 2005. № 1. С. 67 – 74.
18. Чжан Чанг Эволюция и особенности политики образования учителей в Китае в течение столетия // Журнал Хэбэйского пед. ун-та. 2001. № 4. С. 16 – 21.

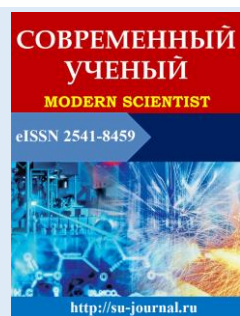
References

1. Adamchik V.V., Adamchik M.V., Badan A.N., et al. History of China. Minsk: Harvest, 2004. 736 p.
2. Belovolov V.A., Belovolova S.P. Introduction to the Methodology of Pedagogical Research. Novosibirsk: B.i., 2002. 117 p.
3. Borevskaya N.E. Essay on the History of School and Pedagogical Thought in China: Monograph. Russian Academy of Sciences. Int. Far East Moscow: B.i., 2002. 146 p.
4. Bortkevich, M. How Primary School Teachers Are Trained. School and Education in People's China: Collection of Articles. Moscow: B.i., 1957. P. 78 – 92.
5. Brazhnik E.I. Problems of Development of Pedagogical Education Abroad. Actual Problems of Continuous Pedagogical Education, Issue 1. St. Petersburg: Obrazovanie, 1994. P. 67 – 68.
6. Wang Guanghua. Main Trends in the Development of Public Education in China after the 1949 Revolution: Dissertation ... Cand. Sci. (Pedagogical Sciences). Kazan, 1998. 169 p.
7. Wulfson B.L. Comparative Pedagogics: History and Contemporary Problems. Moscow: URAO, 2003. 232 p.
8. Gudoshnikov L.M., Barakht B.P., Karymov V.G., Neronov R.M. China after the "Cultural Revolution": (Political System, Domestic Political Situation). Moscow: Mysl', 1979. 360 p.
9. Zhilina A.I. A Model of Continuous Pedagogical Education Management in the Modern Conditions of Education Development in Russia. Regional Education in the 21st Century: Problems and Prospects. 2012. No. 5. P. 37 – 44.
10. Li Jun, Tian Xiaohong, Chen Paipei et al. The Chinese Model of Pedagogical Education: Experience and Enlightenment Leading to Global Reform. Fudan Education Forum. 2017. No. 15 (2). P. 13 – 19.
11. Mazurkevich A.A. The Influence of the Soviet Experience on the Development of the Chinese Education System in the 1970s – 1990s. Current Research, 2025. No. 25 (260), Part III. P. 30 – 32.
12. General Foundations of Pedagogics. USSR Academy of Pedagogical Sciences. Institute of Theory and History of Pedagogics; Ed. by F.F. Queen, V.E. Gmurmana. Moscow: Prosveshchenie, 1967. 391 p.
13. Semenova S.S. Education in China: History and Modernity. The article examines the educational system of China after World War II, the role of the USSR in its development.
14. Sun Yanchun The Basis of Teacher Specialization. Research on the Development of Education. 2003. No. 1. P. 58 – 59.
15. Tarasyuk L.N. "Development of the Education System in the PRC". Moscow: Nauka, 1989; Keming Hao, Keiyun Cai. "Development and Reform of Higher Education in China". Moscow: [B. i.], 1989.
16. Khaibulaev M.Kh., Gadzhikurbanova G.M. Stages of Formation of Professional Pedagogical Education in Russia. Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. 2014. No. 4 (29). P. 94 – 101.
17. Zhu Xiaoman. Reform of the Educational Content in China. Journal of Pedagogy. 2005. No. 1. P. 67 – 74.
18. Zhang Chang. Evolution and Features of Teacher Education Policy in China Over the Century. Journal of Hebei Pedagogical University. 2001. No. 4. P. 16 – 21.

Информация об авторе

У Синван, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 1900477150@qq.com

© У Синван, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.147:811.111'276.6

Методологический комплекс обучения деловой письменной иноязычной коммуникации в сфере транспорта средствами микромодульной технологии

¹ Капустин И.В., ² Исаева С.М.

¹ Московский городской педагогический университет,

² Российский университет транспорта

Аннотация: в статье представлено теоретическое обоснование и практическая реализация методологического комплекса микромодульной технологии обучения деловой письменной иноязычной коммуникации студентов транспортного вуза. Автором вводится новое понятие «методологический комплекс технологии обучения» как многоуровневая система, включающая технологический аппарат, целевую аудиторию, педагогические методы, дидактические принципы и методические инструменты. На основе анализа современных научных исследований и результатов педагогического эксперимента с использованием t-теста доказана эффективность применения микромодульной технологии для формирования профессиональной коммуникативной компетенции будущих специалистов транспортной отрасли. Выявлены основные характеристики микромодульного подхода: краткость, конкретность, независимость, разнообразие, гибкость, индивидуализация, проблемность. Предложена типовая структура микромодуля, включающая определение цели обучения, теоретический блок, практические задания, средства контроля и обратную связь. Экспериментальное обучение показало значительное повышение уровня сформированности ключевых умений деловой письменной иноязычной коммуникации, что подтверждается количественными и качественными показателями.

Ключевые слова: методологический комплекс технологии обучения, микромодульная технология, деловая письменная иноязычная коммуникация, транспортный вуз, профессиональная коммуникативная компетенция, педагогический эксперимент

Для цитирования: Капустин И.В., Исаева С.М. Методологический комплекс обучения деловой письменной иноязычной коммуникации в сфере транспорта средствами микромодульной технологии // Современный ученый. 2026. № 4. С. 300 – 306.

Поступила в редакцию: 24 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The methodological complex of teaching business written foreign language communication in the transport sector by means of micro-modular technology

¹ Kapustin I.V., ² Isaeva S.M.

¹ *Moscow City Pedagogical University,*

² *Russian University of Transport*

Abstract: the article presents the theoretical justification and practical implementation of the methodological complex of micro-modular technology for teaching business written foreign language communication to students of a transport university. The author introduces a new concept of "methodological complex of teaching technology" as a multi-level system, including technological apparatus, target audience, pedagogical methods, didactic principles and methodological tools. Based on the analysis of modern scientific research and the results of a pedagogical experiment using Student's t-test, the effectiveness of applying micro-modular technology for forming professional communicative competence of future specialists in the transport industry is proved. The main characteristics of the micro-modular approach are identified: brevity, concreteness, independence, diversity, flexibility, individualization, problem orientation. A typical structure of a micro-module is proposed, including the definition of the learning objective, theoretical block, practical tasks, control tools and feedback. Experimental training showed a significant increase in the level of formation of key skills of business written foreign language communication, which is confirmed by quantitative and qualitative indicators.

Keywords: methodological complex of teaching technology, micro-modular technology, business written foreign language communication, transport university, professional communicative competence, pedagogical experiment

For citation: Kapustin I.V., Isaeva S.M. The methodological complex of teaching business written foreign language communication in the transport sector by means of micro-modular technology. Modern Scientist. 2026. 4. P. 300 – 306.

The article was submitted: October 24, 2025; Approved after reviewing: December 22, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современных условиях глобализации и цифровизации образования особую актуальность приобретают инновационные педагогические технологии, способные обеспечить эффективное формирование профессиональных компетенций будущих специалистов. Одной из таких технологий является микромодульное обучение, представляющее собой развитие концепции модульного подхода к организации учебного процесса [1]. В контексте подготовки студентов транспортных вузов особое значение имеет развитие навыков деловой письменной иноязычной коммуникации, что напрямую влияет на их конкурентоспособность на международном рынке труда [2].

Несмотря на активное внедрение микромодульной технологии в образовательный процесс, многие исследования фокусируются преимущественно на описании самой технологии, без комплексного осмысления её методологического фундамента. В связи с этим возникает необходимость в теоретическом осмыслении понятия «методологический комплекс технологии», который бы обеспечивал системный подход к анализу и синтезу всех аспектов педагогического процесса.

Цель настоящей статьи – теоретическое обоснование и практическая апробация методологического комплекса микромодульной технологии обучения деловой письменной иноязычной коммуникации в сфере транспорта. В качестве основных задач выступают: введение и теоретическое обоснование понятия «методологический комплекс технологии обучения»; выявление ключевых компонентов и характеристик микромодульной технологии; экспериментальная проверка эффективности предложенного методологического комплекса в условиях транспортного вуза.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач использован комплекс методов научного исследования:

1. Теоретический анализ научной литературы по проблемам методики обучения иностранным языкам, микромодульной технологии обучения и формированию деловой письменной коммуникации позволил определить современное состояние исследуемой проблемы и выявить ключевые понятия.

2. Сравнительный анализ различных подходов к определению понятий «технология обучения», «методология обучения» и «методический аппарат технологии» в отечественной и зарубежной педагогике способствовал формированию авторской концепции методологического комплекса.

3. Педагогический эксперимент включал формирующий и контрольный этапы, в ходе которых была апробирована авторская модель обучения на базе двух групп студентов 3 курса Российского университета транспорта (экспериментальная группа – 30 человек, контрольная группа – 30 человек).

4. Статистические методы анализа данных включали использование t-теста для оценки статистической значимости результатов, корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между показателями уровня сформированности компетенций.

5. Экспертные оценки проводились с участием преподавателей кафедры иностранных языков и специалистов транспортной отрасли для оценки качества выполнения студентами заданий делового характера.

Таблица 1

Уровни владения ключевыми умениями деловой иноязычной коммуникации.

Table 1

Levels of mastery of key business foreign language communication skills.

Умение	Уровень 1	Уровень 2	Уровень 3	Процент результативности
Умение составлять деловое письмо	+-	+-	+	50%, 60% и 70%
Умение оформлять отчет по шаблону	-	+-	+	70%, 80%
Умение реферировать профессиональный текст	-	+	+	80% и 90%

Примечание: "+-" – выполнение задания при частичной поддержке преподавателя; "+" – самостоятельное выполнение задания.

Note: "+-" – assignment completed with partial support from the teacher; "+" – assignment completed independently.

Результаты и обсуждения

В научной литературе существуют различные подходы к определению понятий «технология обучения» и «методология обучения». В рамках настоящего исследования для комплексного описания педагогических технологий вводится новое понятие – «методологический комплекс технологии обучения», представляющий собой многоуровневую систему, включающую следующие структурные компоненты:

1. Технологический аппарат – совокупность средств цифровизации и визуализации учебной информации (тексты, видеоматериалы, подкасты, тесты, инфографика, творческие практические задания, интерактивные электронные средства обучения).

2. Целевая аудитория – конкретные категории обучающихся (студенты технических вузов, сотрудники компаний, лица, повышающие квалификацию).

3. Педагогические методы – интерактивность, визуализация контента, индивидуализация подхода, учет психолого-социальных особенностей личности, методы повторения и закрепления учебной информации.

4. Дидактические принципы – гибкость в построении материалов, конкретность, независимость и самодостаточность микромодулей, разнообразие учебных заданий.

5. Методические инструменты – цифровые и электронные учебные пособия, онлайн-платформы, конструкторы тестов, опросников и средств для создания кроссвордов и учебных кейсов.

Анализ исторического развития микромодульной технологии обучения позволяет выделить несколько этапов её эволюции (табл. 2):

Таблица 2

Этапы эволюции микромодульной технологии обучения.

Table 2

The stages of evolution of micro-modular learning technology.

Период	Авторы	Страна	Ключевые идеи
1950-е гг.	Б. Скиннер, Н. Краудер	США	Концепция «программированного обучения» – линейный алгоритм постепенного усвоения материала
1963 г.	Д. Аллен, Р. Буш	США	Микромодульное обучение как учебное взаимодействие, уменьшенное по времени и количеству учащихся
2004 г.	Г. Гасслер, Е. Хуг, С. Глан	США	Концепция «интегрированного микрообучения» – формат электронного обучения с опорой на геймификацию
2020 г.	О.Л. Чуланова, А.А. Хисмаутдинова	РФ	Анализ различных трактовок микрообучения – от формы обучения до способа представления информации
2021 г.	Е.З. Власова	РФ	Современная трактовка микрообучения с дихотомическим характером – технология обучения и подход к отбору учебного материала

Микромодульная технология обучения деловой письменной иноязычной речи характеризуется следующими основными свойствами:

- краткость – каждый микромодуль максимально лаконичен и сфокусирован на формировании одного конкретного умения;
- конкретность – содержание микромодуля строго направлено на формируемое умение;
- независимость – микромодули могут изучаться в любом порядке, при этом сохраняя автономность;
- разнообразие – каждый микромодуль включает вариативность микро-дидактических единиц в виде заданий, аудио- и видеоматериалов, текстовых примеров;
- гибкость – технология позволяет обучающимся выбирать удобное время, темп и устройство для обучения;
- индивидуализация – задания формулируются с учетом индивидуальных потребностей студентов;
- проблемность – задания содержат элементы проблемно-поискового обучения.

На основе анализа теоретических и практических материалов была разработана типовая структура микромодуля для обучения деловой письменной иноязычной коммуникации:

1. Целевой блок – определение конкретной учебной цели (формирование одного умения деловой письменной коммуникации).
2. Теоретический блок – краткая теоретическая информация, необходимая для выполнения последующих заданий (структура делового письма, ключевые фразы, особенности жанра).
3. Практические задания – комплекс упражнений, направленных на освоение теоретического материала и формирование практического навыка. Задания дифференцированы по уровням сложности.
4. Средства контроля – тесты, задания для самостоятельной работы, критерии оценки результатов обучения.
5. Обратная связь – система комментариев и рекомендаций преподавателя по результатам выполнения заданий.

В ходе экспериментальной работы была разработана система уровневой градации сформированности ключевых умений деловой иноязычной письменной коммуникации, включающая следующие навыки: составление делового письма по заданному проблемно-коммуникативному заданию, оформление отчета руководителя структурного подразделения по предоставленному шаблону или образцу, составление грамотно оформленной аннотации или реферирования текста научного характера.

Для проверки эффективности предложенной методики обучения была проведена серия экспериментальных занятий со студентами транспортного вуза. Экспериментальной группе (30 человек) обучение осуществлялось с использованием микромодульной технологии, контрольной группе (30 человек) – по традиционной методике.

В ходе промежуточного тестирования студенты были распределены на 5 команд по 3 человека, каждой из которых предлагалось выполнить одно из заданий делового характера: письмо-повестка совещания, письмо-запрос, письмо-претензия, письмо рекламного характера, отчет начальника железнодорожного узла.

Результаты выполнения заданий представлены в табл. 3:

Таблица 3

Результаты выполнения заданий студентами экспериментальной группы.

Table 3

Results of tasks performed by students of the experimental group.

Команда□	Тип задания□	Баллы (макс. ·10)□
1□	Письмо-повестка-совещания□	3□
2□	Письмо-запрос□	5□
3□	Письмо-претензия□	5□
4□	Письмо-рекламного характера□	3□
5□	Отчет начальника железнодорожного узла□	10□

Для статистической обработки полученных данных был применен t-тест. Результаты анализа показали, что среднее значение для группы А (команды 2, 3, 5) составило 6,67 балла при стандартном отклонении 2,89, а для группы В (команды 1, 4) – 3 балла при стандартном отклонении 0. Значение t-критерия составило 2,19 при критическом значении 3,182 для уровня значимости 0,05 и степени свободы 3.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что начальный уровень подготовки студентов был недостаточно высоким для самостоятельного выполнения сложных заданий, что подтверждает необходимость поэтапного внедрения методики обучения. Однако после полного курса обучения с использованием микромодульной технологии в экспериментальной группе наблюдался значительный рост показателей: средний балл выполнения заданий увеличился с 5,2 до 8,7, в то время как в контрольной группе – с 5,1 до 6,4. Различия между группами после эксперимента оказались статистически достоверными ($t=4,31$ при $t_{крит}=2,00$).

Качественная оценка результатов обучения показала, что студенты экспериментальной группы продемонстрировали улучшение в следующих аспектах: способность структурировать деловые тексты в соответствии с принятыми стандартами, умение использовать профессиональную лексику и терминологию транспортной отрасли, понимание культурных особенностей деловой коммуникации в англоязычной среде, повышение уверенности в собственных коммуникативных возможностях.

Выводы

Проведенное исследование позволило теоретически обосновать и экспериментально подтвердить эффективность методологического комплекса микромодульной технологии обучения деловой письменной иноязычной коммуникации в сфере транспорта. Введение понятия «методологический комплекс технологии обучения» обеспечивает системный подход к анализу и синтезу всех аспектов педагогического процесса.

Результаты педагогического эксперимента подтверждают, что микромодульная технология обладает рядом преимуществ перед традиционными методами обучения:

- обеспечивает индивидуализацию обучения с учетом исходного уровня подготовки студентов;
- позволяет гибко компоновать учебный материал в соответствии с конкретными профессиональными задачами;
- способствует более глубокому усвоению материала за счет концентрации на конкретных умениях;
- повышает мотивацию студентов благодаря интерактивности и наглядности учебных материалов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанного методологического комплекса в образовательном процессе транспортных вузов для повышения качества профессиональной подготовки кадров. Предложенная модель обучения может быть адаптирована для различных технических специальностей с учетом их специфических потребностей и требований к деловой коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением функционала микромодульной технологии за счет интеграции искусственного интеллекта для автоматизации процесса обратной связи и персонализации обучения, а также с разработкой методик оценки сформированности межкультурной коммуникативной компетенции в условиях цифровой образовательной среды.

Список источников

1. Асламова Т.Ш., Косолапов В.С. Функционально-стилистический аспект преподавания деловой письменной речи: учеб.-метод. пособие для вузов. Москва: Издательство РГАТУ, 2019. 156 с.
2. Власова Е.З. Микрообучение: дихотомия подходов // Журнал высшего образования. 2021. Т. 30. № 2. С. 112 – 118.
3. Гальскова Н.Д. Преимущество способов обучения иноязычного делового общения в школе, вузе и негосударственных языковых центрах // Язык: формы, функционирование, использование. 2006. № 8 (113). С. 132 – 140.
4. Давыдова И.С., Смирнов П.Р. Микромодульное обучение как эффективная стратегия в подготовке специалистов: методологические основы // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 4. С. 78 – 94.
5. Зимняя И.А. Педагогика и психология обучения иностранным языкам в высшей школе. Москва: Высшая школа, 2003. 312 с.
6. Исаева С.М. Образовательная игра как один из видов интерактивного обучения в транспортном вузе // Роль и статус языка в цивилизационном пространстве: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 2025. С. 50 – 55.
7. Капустин И.В., Рябова М.Э. Модель обучения студентов технического профиля деловой письменной речи на английском языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 3. С. 187 – 203.
8. Кремлева Е.О. Применение микромодульной технологии обучения на курсе «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» в транспортном вузе // Педагогическое образование в России. 2017. № 5 (22). С. 126 – 131.
9. Кузнецова Л.А., Фролова Е.И. Формирование ключевых компетенций у студентов посредством использования микромодульных технологий // Вестник научных конференций. 2021. 5(12). С. 96 – 101.
10. Линдецкая И.Г. Теоретические основы обучения деловому иностранному языку. Москва: Юрайт, 2009. 320 с.
11. Лопатина Т.С. Деловая письменная коммуникация в условиях глобализации: новые вызовы и решения // Язык и культура. 2023. № 9 (54). С. 34 – 41.
12. Сидоренко П.В. Методические рекомендации по организации учебного процесса с использованием микромодулей // Современные образовательные технологии и их применение. 2020. № 6 (76). С. 55 – 67.
13. Ургель А. Оптимизация процесса реализации микромодульной технологии обучения вуза // Сборник материалов конференции «Актуальные проблемы образования». 2015. С. 45 – 50.
14. Фёдорова Е.И. Системный анализ эффективности применения микромодульной технологии в процессе обучения иностранному языку в организации дополнительного профессионального образования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2018. № 10 (201). С. 256 – 261.
15. Шаркова О.В. Инновационные подходы к обучению иноязычной деловой коммуникации на примере дистанционных технологий // Научный вестник Хабаровского края. 2023. № 2 (88). С. 112 – 118.
16. Allen D., Bush R. Microteaching: A New Approach to Teacher Training. Stanford University, 1963. 68 p.
17. Flowerdew J., Peacock M. Research perspectives on English for academic purposes. Cambridge University Press, 2001. 342 p.
18. Gassler G., Hug T., Glahn S. Integrated Micro Learning: An Outline of the Basic Method and First Results // Interactive Computer Aided Learning. 2004. Vol. 4. P. 1 – 8.
19. Hyland K. English for Academic Purposes: An Advanced Resource Book. Routledge, 2006. 304 p.
20. O'Rourke S., Parry M., Hanioglu A. Developing writing skills through technology in an international online context: The case of a student blog project with pre-service teachers from the USA and Turkey // Computer Assisted Language Learning. 2015. Vol. 28. No. 3. P. 183 – 202.

References

1. Aslamova T.Sh., Kosolapov V.S. Functional and stylistic aspect of teaching business writing: a teaching aid for universities. Moscow: RSATU Publishing House, 2019. 156 p.
2. Vlasova E.Z. Microlearning: A Dichotomy of Approaches. Journal of Higher Education. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 112 – 118.
3. Gal'skova N.D. Continuity of Methods of Teaching Foreign Language Business Communication in Schools, Universities, and Non-State Language Centers. Language: Forms, Functioning, Use. 2006. No. 8 (113). P. 132 – 140.

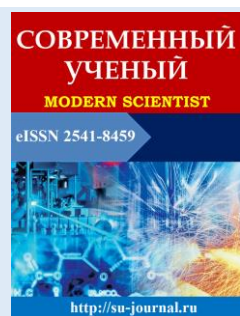
4. Davydova I.S., Smirnov P.R. Micromodular Learning as an Effective Strategy in Training Specialists: Methodological Foundations. Education and Science. 2021. Vol. 23. No. 4. P. 78 – 94.
5. Zimnyaya I.A. Pedagogy and Psychology of Teaching Foreign Languages in Higher Education. Moscow: Vysshaya Shkola, 2003. 312 p.
6. Isaeva S.M. Educational Game as a Type of Interactive Learning in a Transport University. The Role and Status of Language in the Civilizational Space: Collection of Articles from the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 25, 2024. St. Petersburg: Emperor Alexander I Petersburg State Transport University, 2025. P. 50 – 55.
7. Kapustin I.V., Ryabova M.E. A Model of Teaching Business Writing in English to Technical Students. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2025. No. 3. P. 187 – 203.
8. Kremleva E.O. Application of Micro-Modular Teaching Technology in the Course "Foreign Language in Professional Communication" at a Transport University. Pedagogical Education in Russia. 2017. No. 5 (22). P. 126 – 131.
9. Kuznetsova L.A., Frolova E.I. Formation of Key Competencies in Students Through the Use of Micro-Modular Technologies. Bulletin of Scientific Conferences. 2021. 5 (12). P. 96 – 101.
10. Lindetskaya I.G. Theoretical Foundations of Teaching a Business Foreign Language. Moscow: Yurait, 2009. 320 p.
11. Lopatina T.S. Business Written Communication in the Context of Globalization: New Challenges and Solutions. Language and Culture. 2023. No. 9 (54). P. 34 – 41.
12. Sidorenko P.V. Methodological Recommendations for Organizing the Educational Process Using Micro-modules. Modern Educational Technologies and Their Application. 2020. No. 6 (76). P. 55 – 67.
13. Urgel A. Optimization of the Implementation Process of Micromodular Technology for University Teaching. Collection of Materials from the Conference "Actual Problems of Education". 2015. P. 45 – 50.
14. Fedorova E.I. System Analysis of the Efficiency of Using Micromodular Technology in Teaching a Foreign Language in an Continuing Professional Education Organization. Scientific and Technical Bulletin of SPbSPU. 2018. No. 10 (201). P. 256 – 261.
15. Sharkova O.V. Innovative Approaches to Teaching Foreign-Language Business Communication Using Distance Learning Technologies. Scientific Bulletin of Khabarovsk Krai. 2023. No. 2 (88). P. 112 – 118.
16. Allen D., Bush R. Microteaching: A New Approach to Teacher Training. Stanford University, 1963. 68 p.
17. Flowerdew J., Peacock M. Research Perspectives on English for Academic Purposes. Cambridge University Press, 2001. 342 p.
18. Gassler G., Hug T., Glahn S. Integrated Micro Learning: An Outline of the Basic Method and First Results. Interactive Computer Aided Learning. 2004. Vol. 4. P. 1 – 8.
19. Hyland K. English for Academic Purposes: An Advanced Resource Book. Routledge, 2006. 304 p.
20. O'Rourke S., Parry M., Hanioglu A. Developing writing skills through technology in an international online context: The case of a student blog project with pre-service teachers from the USA and Turkey. Computer Assisted Language Learning. 2015. Vol. 28.No. 3. P. 183 – 202.

Информация об авторах

Капустин И.В., Московский городской педагогический университет, vania.capustin2015@yandex.ru

Исаева С.М., старший преподаватель, Российский университет транспорта, isaeva-sabina@yandex.ru

© Капустин И.В., Исаева С.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 37.012.2:372.3/4

STEAM-подход к технологическому обучению младших школьников: стратегическая целесообразность и пути национальной адаптации

¹ Константинова Н.В.

¹ Московский городской педагогический университет

Аннотация: статья посвящена обоснованию стратегической целесообразности и практических путей адаптации международного STEAM-подхода к технологическому обучению младших школьников в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования технологической грамотности, отвечающей как глобальным вызовам, так и национальным приоритетам в условиях стремления к технологическому суверенитету. Цель работы – разработка концептуальных основ национально-культурной трансформации международного опыта использования STEAM-подхода, позволяющей преодолеть ключевые риски: подготовку специалиста, чья компетентность может оказаться отчужденной от отечественного ценностного и производственного контекста, а также дисбаланс между цифровой и материально-практической составляющими в технологическом образовании.

Методологической основой выступили теоретический и нормативно-правовой анализ, проектирование и системный подход. В результате определены организационно-педагогические условия успешной реализации подхода в российской начальной школе, предложена система практических мер, включая разработку ценностно-ориентированных учебных кейсов.

Основной вывод заключается в том, что эффективность STEAM в России достигается не через прямое заимствование, а через его глубокую аксиологическую адаптацию, где традиционные духовно-нравственные ценности становятся смысловым ядром технологической деятельности младших школьников. Такой синтез направлен на воспитание не только грамотного, но и ответственного созидателя, что вносит вклад в укрепление технологического и культурного суверенитета страны.

Ключевые слова: технологическая грамотность, функциональная грамотность младших школьников, STEAM, STEM, технология, труд

Для цитирования: Константинова Н.В. STEAM-подход к технологическому обучению младших школьников: стратегическая целесообразность и пути национальной адаптации // Современный ученый. 2026. № 4. С. 307 – 315.

Поступила в редакцию: 25 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

STEAM-approach to technology education of primary school students: strategic expediency and ways of national adaptation

¹ Konstantinova N.V.

¹ Moscow City Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to substantiating the strategic feasibility and practical ways to adapt the international STEAM-approach to technological education of primary school students in Russia. The relevance of the research is determined by the need to form technological literacy that meets both global challenges and national priorities in the context of striving for technological sovereignty.

The main goal is to substantiate the feasibility and develop ways to adapt STEAM, taking into account cultural characteristics, contributing to the effective formation of technological literacy as an ability for creative creation and critical understanding, rather than passive consumption. The study uses a comprehensive methodology that includes theoretical, normative and systemic analysis.

The main dilemmas related to the application of the international experience of the STEAM-approach were identified: the risk of training a specialist whose competence may be alienated from the domestic value and production context, as well as the imbalance between digital and material-practical components in technological education. In response, the authors of the article advocate not a mechanical borrowing, but an axiological transformation of the STEAM-approach. This turns the STEAM-approach into a strategic tool for developing technological literacy and educating responsible creators and patriots.

It is concluded that the STEAM-approach adapted to national conditions is strategically important for creating the foundation of technological literacy focused on innovation and sovereignty. However, its successful implementation requires systematic political support, curriculum development, and methodological innovations. Ultimately, this work contributes to the strengthening of both technological and cultural-value sovereignty of the Russian Federation.

Keywords: technological literacy, functional literacy of primary school students, STEAM, STEM, technology, manual labor

For citation: Konstantinova N.V. STEAM-approach to technology education of primary school students: strategic expediency and ways of national adaptation. Modern Scientist. 2026. 4. P. 307 – 315.

The article was submitted: October 25, 2025; Approved after reviewing: December 23, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Достижение государственного суверенитета стало ключевым вектором развития российской государственной политики в сфере социально-экономического и научно-технологического развития. Этот стратегический курс, направленный на обеспечение национальной безопасности и укрепление конкурентных позиций страны, нашел отражение в федеральных документах, где особое внимание уделяется модернизации системы технологического и инженерного образования [5].

Вызовы современности определяют основные тренды технологического и инженерного образования:

1. Экономические санкции, которым подвергается отечественная экономика в последние годы, инициирует потребность в создании собственных производственных систем полного цикла: от идеи до реализации, что, в свою очередь, определяет необходимость подготовки специалистов инженерного профиля, владеющих полным представлением всего технологического цикла. Страны, способные не только потреблять чужие технологии, но и создавать свои, определяют геополитическое будущее.

2. Экономика, основанная на массовом производстве и потреблении ресурсов, упирается в ограниченность ресурсов, экономические и экологические проблемы. Нужны созидатели-новаторы для возможности создания новых решений.

3. Активная цифровая трансформация и искусственный интеллект неизбежно приведут к автоматизации алгоритмизируемых задач. Ценность человека останется только в том, чего роботизированные системы пока не могут: креативности, постановке новых проблем, новых идей на стыке дисциплин, принятии этических

ских решений в отношении технологий, восстановлении экосистем, проектировании гармоничной среды и др.

Ориентация современного российского образования на формирование функциональной грамотности и интенсивная технологизация общества приводящая к тому, что технологическая грамотность перестает иметь узкоспециализированное значение, выявляют необходимость рассмотрения технологического обучения через призму формирования технологической грамотности как важнейшей составляющей функциональной грамотности [4; 10].

Цель исследования: Обосновать стратегическую целесообразность и разработать концептуальные пути национально-культурной адаптации STEAM-подхода к технологическому обучению младших школьников в Российской Федерации для формирования технологической грамотности.

Материалы и методы исследований

Теоретический анализ и синтез позволили систематизировать международный опыт использования STEAM-подхода и определить его концептуальный потенциал. Анализ нормативно-правовой базы установил ценностные ориентиры и стратегические установки для выстраивания системы адаптации. Для разработки конкретных кейсов и конструирования системы включения STEAM-подхода в отечественную образовательную систему был применён метод проектирования, а системный анализ обеспечил целостное представление о взаимосвязях всех элементов системы.

Результаты и обсуждения

Понимание технологической грамотности в истории своего развития претерпевало множество этапов развития: от восприятия ее как «знания о способах и средствах изготовления различных предметов» до «способности понимать, использовать, управлять и оценивать технологии» [2; 6; 7; 9; 15].

В современном педагогическом дискурсе существует распространенная, но по сути ошибочная подмена понятий: отождествление технологической грамотности с цифровой, а также ощутимый перекося в сторону формирования цифровой грамотности. Однако, если цифровая грамотность представляет из себя навык работы в цифровых средах, то технологическая грамотность – это более широкое системное понимание технологий: как они устроены, как создаются, как влияют на людей и природу. То есть, технологическая грамотность сегодня – это феномен, актуальный для всех сфер человеческой жизни.

Причины подмены, по всей видимости, кроются в широкой распространенности и доступности цифровых устройств, которые повсюду окружают ребенка, а также в мощнейшем влиянии рыночного и политического запроса на развитие цифрового общества и цифровой экономики. Это формирует устойчивое, но упрощенное представление о том, что технологическое будущее определяется лишь ИТ-сектором, незаметно вытесняя из общественного сознания фундаментальную важность материальной инженерии и производства.

Перечень стратегически важных наукоемких технологий, утвержденный на государственном уровне, доказывает, что экономический суверенитет определяется не только цифровыми навыками, но и компетенциями в материальной инженерии – создании междоборудования, транспорта, промышленных комплексов. В этой системе цифровая грамотность – не цель, а ключевой инструмент специалиста, чья работа основана на физических законах и естественнонаучных знаниях.

Для достижения государственного суверенитета, особенно в условиях экономических санкций последних лет, необходимо обеспечение полного технологического цикла. Это достижимо только при условии синхронного развития отечественной элементной базы и программных экосистем, что, в свою очередь, обуславливает необходимость формирования как цифровой, так и материальной технологической грамотности.

Российская инженерная школа исторически опиралась на глубокое изучение фундаментальных дисциплин: механики, электроники, изучение материалов и процессов. В современной образовательной парадигме, начиная уже с младших классов, приоритет смещается в сторону программирования и цифровых технологий. Раннее изучение цифровых технологий начинает доминировать над развитием практических, сенсорных навыков работы с реальными материалами и механизмами.

Следует отметить также тот факт, что дети 7-11 лет, в силу своих психофизиологических возрастных особенностей, мыслят конкретными категориями и образами. Им важно пощупать, собрать, разобрать, увидеть физический результат. Цифровые коды и абстрактные цифровые сущности для них вторичны и плохо усваиваются без материальной опоры. Понимание материальной основы устройств создает предпосылки для понимания цифрового мира позже (чтобы запрограммировать робота нужно понять, как он устроен физически, как мотор передает движение колесу и т.д.).

Чрезмерный уклон в цифровую среду в этом возрасте провоцирует развитие клипового мышления, недоразвитие мелкой моторики, критического, системного и креативного мышления, ослабление связи с материальным миром. Безусловно цифровая грамотность не отвергает полностью, она становится логичным усилением и расширением материальной деятельности.

Приоритет преобразовательной деятельности с материальными объектами в технологическом образовании младших школьников отвечает принципу природосообразности. Это стратегический выбор в пользу формирования конструкторского, а не потребительского отношения к миру технологий и субъектной позиции обучающегося.

Все это определяет необходимость поиска новых эффективных подходов к технологическому обучению и организационно-педагогический условий их применения, позволяющих удовлетворить представленные проблемы и противоречия.

В условиях реализации ФГОС, где целевым ориентиром является формирование функциональной грамотности, становится необходимым выделение самостоятельного компонента – технологическая грамотность.

Технологическая грамотность младших школьников как компонент функциональной грамотности представляет собой *интегральное, системное, динамическое качество личности, характеризующееся готовностью обучающихся 7-11 лет на доступном уровне взаимодействовать с миром технологий, понимать элементарные технологические процессы, создавать несложные технологии, применять полученные технологические знания для решения учебных и жизненных задач, планировать и оценивать результаты своей деятельности, владеть критическим и креативным мышлением и эффективно взаимодействовать в команде для решения общих задач [6].*

Становится необходимым переосмыслить саму суть технологии в образовании, выйдя за рамки узкого взгляда на нее как на свод инструкций и последовательность операций. Ключевым становится более широкое понимание технологии как «любой процесс, объект или система, которые люди создают и используют для решения проблемы или исполнения желаний», что смещает акцент с технических деталей на созидательный смысл, раскрывая технологию как инструмент преобразования мира и воплощения идей [15, с. 11].

Поиск новых подходов к технологическому обучению младших школьников привел нас к пониманию, что перспективным направлением в этой области представляется использование международного опыта применения STEAM-подхода к технологическому обучению, с условием его адаптации к целям и задачам российской образовательной системы.

STEAM-подход – конвергентный подход к обучению, основанный на практикоориентированном обучении через применение знаний из различных образовательных областей: естественно-научной (S), технологической (T) и математической (M), с использованием процесса инженерного проектирования (E) и искусства (A) в качестве связующего звена [8; 12; 15].

Принцип практикоориентированности и личной значимости технологической деятельности для ребенка младшего школьного возраста реализуется через создание артефактов, важных для него: предметов игровой среды, механических игрушек, настольных игр, предметов, интересных для него в быденной жизни и др.

Создавая механическую игрушку («ходячего» робота, подъёмный кран, лягушку-манипулятор), ребёнок использует знания и овладевает представлениями из других предметных областей:

- *наука (S)*: применяет законы физики (сила тяжести, упругость, трение), биологии (бионика, строение суставов).
- *технология (T)*: осваивает ручные инструменты, свойства материалов (дерево, картон, нити), основы механики.
- *инженерия (E)*: проходит цикл от чертежа и расчёта к сборке, испытанию и улучшению прототипа.
- *искусство (A)*: продумывает дизайн, форму, эстетику, создаёт сюжет игры.
- *математика (M)*: производит замеры, расчёты размеров, траекторий, определяет пропорции.

Таким образом, создаются условия, когда предметная область «технология» выступает в качестве базиса, над которым надстраиваются междисциплинарные предметные и метапредметные знания и навыки.

Ключевым звеном технологической деятельности на основе STEAM-подхода является использование упрощённого процесса инженерного проектирования, представляющего из себя *циклический процесс решения практических задач, который позволяет преобразовать идею в функционирующее устройство, систему или технологию и включает основные этапы: замысел, исследование, планирование, создание, тестирование, улучшение, воспроизведение; конечной целью которого является не продукт, а когнитивный паттерн, способствующий переходу ребенка из позиции исполнителя в статус активного исследователя [6; 12; 13].*

Мы считаем, что STEAM-подход, будучи включенным в российскую образовательную систему, обладает значительным потенциалом для формирования технологической грамотности младших школьников, в основе которого находится функциональное значение его структурных составляющих и использование методов, форм и средств STEAM-подхода для формирования каждого из компонентов функциональной грамотности.

Но, как убедительно подчеркивают в своей работе М.В. Богуславский и К. Ю. Милованов, отечественная педагогическая система исторически складывалась под влиянием уникального культурно-исторического и социокультурного контекста, государственных приоритетов и ценностных ориентиров, присущих российскому обществу, где прямая трансляция зарубежных педагогических моделей малоэффективна, поскольку игнорирует ментальные основы народа, которые являются основой подлинной педагогики (Богуславский, Милованов, 2016) [3].

Как показывает анализ международного опыта, включение STEAM в систему образования всегда происходит на основе политических, экономических и культурных особенностей государства и с течением времени неизбежно подвергается трансформации. В связи с этим, интеграция STEAM-подхода в российское школьное образование требует его осмысленной адаптации с опорой на национальный культурный код и учет специфики отечественных социально-экономических реалий, обусловленных многонациональным составом Российской Федерации, социально-экономическим разнообразием регионов, акцентом государственной политики в отношении технологического и инженерного образования на патриотический контекст и национальную идентичность, экологической политикой государства [2; 11].

В российской практике внедрения STEAM-подхода в технологическое обучение возникает задача его ценностно-смысловой адаптации. В основу этого процесса может быть положен Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 года, утвердивший Основы государственной политики в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей, которые становятся нормативной рамкой для формирования содержания образования.

Эта адаптация находит конкретное воплощение в содержании, методах и способах технологического обучения младших школьников на основе STEAM-подхода, где каждый компонент наполняется особым смыслом:

- технология не является чем-то безличностным, глобальным или исключительно техногенным, она реализуется как инструмент, несущий культурный смысл, учитывает традиции русской инженерной школы, в которых сочетались эффективность и эстетика, приоритет остроумных решений против избыточности материалов и др.

- художественный компонент, как мост к традициям, наполняется конкретным культурным содержанием: национальными орнаментами, народными архитектурными артефактами (колодец, изба и т.д.), которые становятся объектом изучения и источником вдохновения для создания современных авторских изделий;

- инженерный компонент реализуется через формулирование инженерных задач, которые учитывают историко-культурный контекст, например, «спроектируй механическую игрушку, используя образы героев сказки «Репка» и на основе механизма Богородской игрушки «Кузнецы»;

- естественно-научный компонент может включать постановку экологических вопросов, изучение проблемы сохранения природных ресурсов через призму ценности родной природы и рационального использования ее богатств, бережного отношения к родной земле, что в технологической деятельности отражается в акценте на вторичное использование материалов, например.

В концепции STEAM-подхода формирование технологической грамотности младших школьников основывается на развитии трех ключевых компонентов: мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и командно-коммуникативного.

Мотивационно-ценностный компонент (интерес ребенка к технологиям, понимание значимости технологий в жизни людей и своей собственной, стремление к технологической деятельности), складывается за счет ориентации обучения на интересы ребенка, демонстрации практической значимости результатов (например, создание элементов игровой среды), использования разнообразных форм работы и поддержки самостоятельного детского экспериментирования.

Когнитивно-деятельностный компонент (характеризующийся сформированностью первоначальных представлений о технологиях, пониманием элементарных технологических процессов, проявлением критического и креативного мышления, владением навыками решения технологических задач, умением работать с информацией) развивается в процессе организованной технологической деятельности, которая строится на межпредметных связях, личностно ориентированном содержании, решении функциональных задач и применении упрощенных циклов инженерного проектирования.

Командно-коммуникативный компонент (владение коммуникативными умениями и навыками командной работы) формируется через коллективно-творческое взаимодействие, партнерские отношения с педагогом, а также такие методы, как проектная деятельность, взаимное обучение и создание трансформируемой образовательной среды [1].

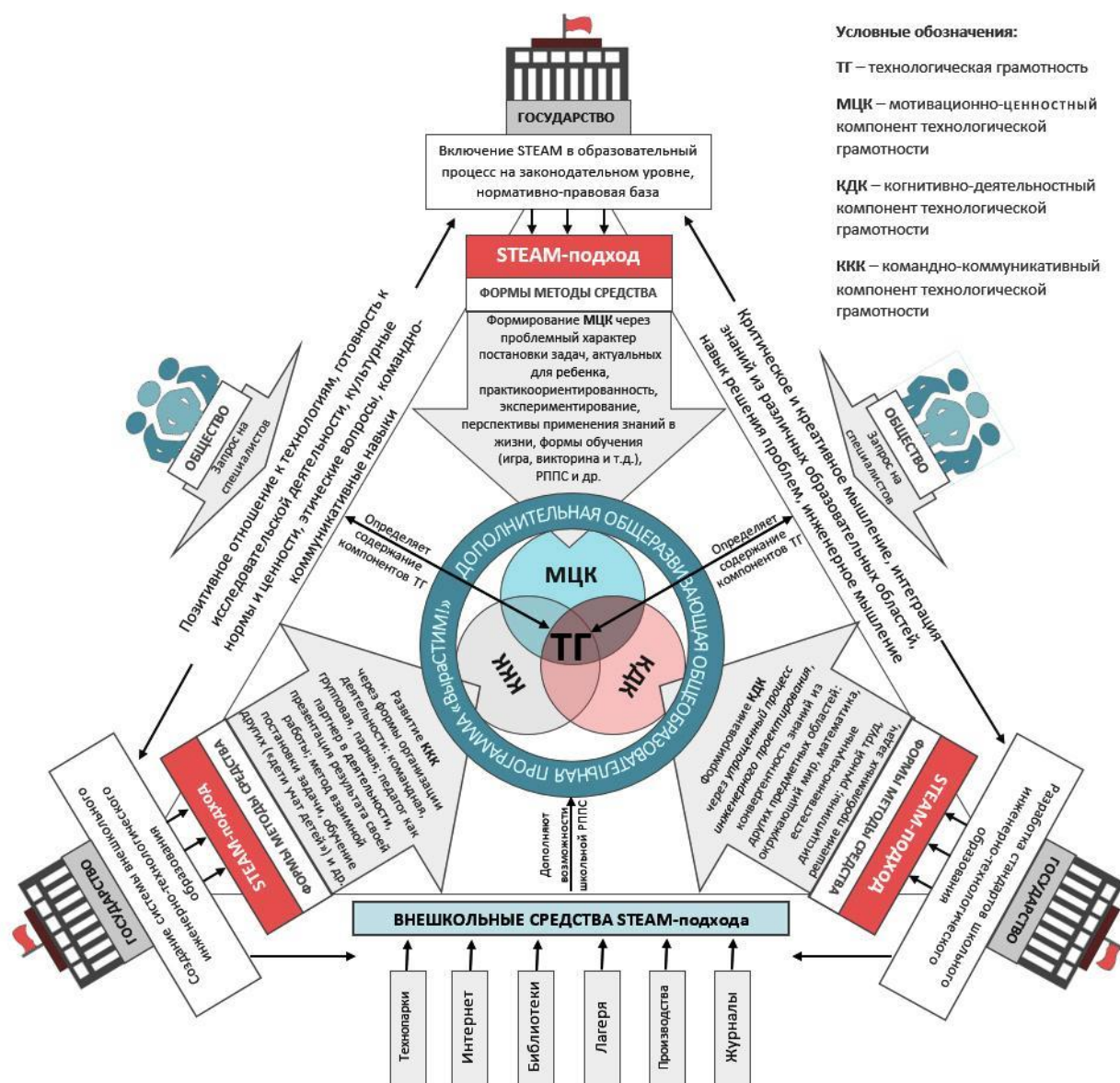

Рис. 1. Механизм включения STEAM-подхода в систему образования с целью формирования технологической грамотности младших школьников.

Fig. 1. The mechanism for incorporating the STEAM approach into the education system with the aim of developing technological literacy in primary school students.

Формирование технологической грамотности на основе STEAM-подхода представляет собой системный процесс, зависящий как от внутренней логики педагогической системы, так и от внешних социально-государственных факторов. Ключевым внешним драйвером выступает общественный запрос на специалистов с мультидисциплинарными компетенциями, актуальными для современного технологического уклада, креативностью, готовностью решать проблемы, навыками работы в команде и др.

Этот запрос напрямую влияет на структуру и содержание технологической грамотности, что, в свою очередь, отражается в государственной образовательной политике. В новых нормативно-правовых условиях, связанных с отказом от Болонской системы и международных сравнительных исследований (PISA), актуализируются задачи: разработка национальных стандартов технологического обучения, основанного на STEAM-подходе, интеграция основного и дополнительного инженерно-технологического образования

(внутришкольного и за пределами школы) и создание отечественного инструментария для оценки технологической грамотности (рис. 1).

Таким образом, в результате проведенного исследования, определена ключевая проблема применимости и целесообразности международного опыта использования STEAM-подхода к технологическому обучению младших школьников в России – угроза формирования технологической грамотности, неадекватной стратегическим целям и культурно-производственному контексту России, риск воспроизводства чужой логики в формировании специалистов, мыслящих в парадигме иных технологических и ценностных экосистем и предложена система практических мер по реализации адаптированного перехода к использованию STEAM-подхода к технологическому обучению младших школьников в российской системе образования с целью эффективного формирования технологической грамотности и преодоления указанных противоречий.

Выводы

1. STEAM-подход является стратегически целесообразным для России с целью формирования технологической грамотности младших школьников, основанной на созидании, а не потреблении.
2. Национальная адаптация STEAM должна заключаться не в механическом копировании, а в его глубокой аксиологической трансформации, где традиционные духовно-нравственные ценности становятся стержнем творческой технологической деятельности.
3. Реализация такого синтеза требует системных усилий на уровне образовательной политики и научно-методического обеспечения. Успех этой работы станет вкладом не только в технологический, но и в культурно-ценностный суверенитет страны.

STEAM-подход, осмысленный через призму традиционных российских ценностей, превращается из просто эффективной педагогической технологии в стратегический инструмент формирования будущего страны. Он позволяет растить поколение, которое будет способно генерировать инновации, делать это осмысленно, с любовью к своей земле, с уважением к истории и с ответственностью перед согражданами. Синтез технологической грамотности и духовно-нравственного стержня – это ключ к достижению национальных целей развития и укреплению технологического суверенитета России в полном смысле этого слова: не только экономическом и политическом, но и культурно-ценностном.

Список источников

1. Арябкина И.В. Социализация младшего школьника в процессе коллективно-творческой деятельности как актуальная проблема современного образования // Экономические и гуманитарные исследования регионов, 2022. № 4. С. 13 – 17.
2. Богданов Д.С. Формирование технологической грамотности учащихся в учреждениях общего среднего образования Израиля и Новой Зеландии // Педагогика: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2023. 132 с.
3. Богуславский М.В., Милованов К.Ю. Перспективы развития историко– педагогического знания // Отечественная и зарубежная педагогика, 2016. № 3 (30). С. 25 – 32.
4. Воровщиков С.Г., Кубышева М.А. Функциональная грамотность учащихся: содержательная специфика // Социальная дидактика: за пределами привычных понятий. Коллективная монография. Киров. Радуга-Пресс», 2023. С. 44 – 57.
5. Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г. [Электронный ресурс] // РАНГиХС, ФИРО, 2020. Режим доступа: http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-lyuchevye-napravleniya-2035#_Toc32484559 (дата обращения: 05.03.2025)
6. Константинова Н.В., Карпова С.И. Формирование технологической грамотности младших школьников на основе STEAM-подхода к технологическому обучению // Педагогика и просвещение. 2025. № 1. С. 127 – 139. DOI: 10.7256/2454-0676.2025.1.73770
7. Константинова Н.В., Феномен технологической грамотности в контексте научно-педагогических исследований // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 253 – 258. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-253-258
8. Рамазанов Р.Г. STEM-образование: возможности и перспективы // «Открытая школа» – Информационно-методический журнал Республики Казахстан "Открытая школа". 2021. № 1. С. 35 – 42.

9. Федеральная рабочая программа начального общего образования «Труд (технология)» для 1-4 классов образовательных организаций. М.: ФГБНУ Институт развития образования. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/frp-trud-tehnologiya_1-4_09062024.pdf (дата обращения: 03.01.2025)
10. Хуторской А.В. Функциональная грамотность в образовании: науч.-методич. пособие / под ред. А.В. Хуторского. М.: Издательство Института образования человека, 2023. 123 с.
11. Cagape Anito J.J., Sarmiento C. TPACK in Philippine STEAM Education [Tekhnicheskiy otchet po programme TPACK v sfere STEAM-obrazovaniya na Filippinakh] // Philippine Normal University Press. 2019. 202 p.
12. Deville K. STEM vs. STEAM: making room for the arts [STEM protiv STEAM: sozdayem prostranstvo dlya iskusstva] // A guide to STEM Education. Victorville, California, 2024. Retrieved from: <https://STEMeducationguide.com/STEM-v-steam/> (дата обращения: 22.04.2025)
13. Dykstra B., Meeteren V. Elementary Engineering: What Is the Focus? [Elementarnaya inzheneriya: Na chem my fokusiruyemsya?] // Science and Children. NSTA, 2023. P. 6 – 8. doi.org/10.2505/4/sc18_055_07_6
14. Lange A.A., Robertson L., Price J., Craven A. Teaching Early and Elementary STEM. [Obucheniiye rannemu i elementarnomu STEM] // Johnson City: East Tennessee State University, 2021. 67 p.
15. Standards for technological and engineering literacy: The role of technology and engineering in STEM education. [Standarty tekhnologicheskoy i inzhenernoy gramotnosti: rol' tekhnologiy i inzhiniringa v STEM-obrazovanii.] International Technology and Engineering Educators Association (ITEEA), Reston, Virginia, 2020. [Electronic resource]. Retrieved from: https://assets-002.noviams.com/novi-file-uploads/iteea/standards/18193-00018_iteea_stel_2020_final_security-d1e2c729.pdf (дата обращения: 02.03.2025)

References

1. Aryabkina I.V. Socialization of primary school students in the process of collective creative activity as a pressing problem of modern education. Economic and humanitarian studies of regions, 2022. No. 4. P. 13 – 17.
2. Bogdanov D.S. Formation of technological literacy of students in general secondary education institutions of Israel and New Zealand. Pedagogy: topical issues of theory and practice: collected articles from the IV International scientific and practical conference. Penza: MCNS "Science and Education". 2023. 132 p.
3. Boguslavsky M.V., Milovanov K.Yu. Prospects for the development of historical and pedagogical knowledge. Domestic and foreign pedagogy, 2016. No. 3 (30). P. 25 – 32.
4. Vorovshchikov S.G., Kubysheva M.A. Functional Literacy of Students: Content Specifics. Social Didactics: Beyond Conventional Concepts. Collective Monograph. Kirov. Raduga-Press, 2023. P. 44 – 57.
5. Key Directions for the Development of Russian Education to Achieve the Sustainable Development Goals and Objectives in the Education System through 2035 [Electronic Resource]. RANGEiHS, FIRO, 2020. Access Mode: http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-lyuchevye-napravleniya-2035#_Toc32484559 (date of access: 05.03.2025)
6. Konstantinova N.V., Karpova S.I. Formation of technological literacy of primary school students based on the STEAM approach to technological learning. Pedagogy and education. 2025. No. 1. P. 127 – 139. DOI: 10.7256/2454-0676.2025.1.73770
7. Konstantinova N.V., The phenomenon of technological literacy in the context of scientific and pedagogical research. The world of science, culture, education. 2024. No. 3 (106). P. 253 – 258. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-253-258
8. Ramazanov R.G. STEM education: opportunities and prospects. "Open School" – Information and methodological journal of the Republic of Kazakhstan "Open School". 2021. No. 1. P. 35 – 42.
9. Federal Work Program of Primary General Education "Labor (Technology)" for Grades 1-4 of Educational Organizations. Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Institute for Education Development. 2024. [Electronic resource]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/frp-trud-tehnologiya_1-4_09062024.pdf (date of access: 03.01.2025)
10. Khutorskoy A.V. Functional Literacy in Education: Scientific and Methodological Handbook / edited by A.V. Khutorskoy. Moscow: Publishing House of the Institute of Human Education, 2023. 123 p.
11. Cagape Anito J.J., Sarmiento S. TPACK in Philippine STEAM Education [Technical report on the TPACK program in the field of STEAM education in the Philippines]. Philippine Normal University Press. 2019. 202 p.
12. Deville K. STEM vs. STEAM: making room for the arts. A guide to STEM Education. Victorville, California, 2024. Retrieved from: <https://STEMeducationguide.com/STEM-v-steam/> (accessed: April 22, 2025)
13. Dykstra B., Meeteren V. Elementary Engineering: What Is the Focus? [Elementarnaya inzheneriya: Na chem my fokusiruyemsya?]. Science and Children. NSTA, 2023. P. 6 – 8. doi.org/10.2505/4/sc18_055_07_6

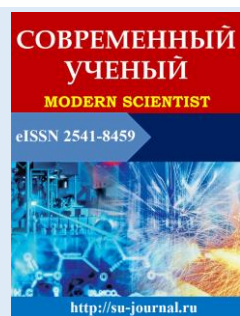
14. Lange A.A., Robertson L., Price J., Craven A. Teaching Early and Elementary STEM. [Obucheniye rannemu i elementarynomu STEM]. Johnson City: East Tennessee State University, 2021. 67 p.

15. Standards for technological and engineering literacy: The role of technology and engineering in STEM education. [Technological and Engineering Literacy Standards: The Role of Technology and Engineering in STEM Education.] International Technology and Engineering Educators Association (ITEEA), Reston, Virginia, 2020. [Electronic resource]. Retrieved from: https://assets-002.noviams.com/novi-file-uploads/iteea/standards/18193-00018_iteea_stel_2020_final_security-d1e2c729.pdf (accessed: 02.03.2025)

Информация об авторе

Константинова Н.В., соискатель департамента педагогики, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-7218-8276>, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, 123022, Россия, г. Москва, Столярный переулок, д. 16, стр. 1, konstantinovanv316@mgpu.ru

© Константинова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 796.011.3

Влияние оздоровительной и адаптивной физической культуры на психоэмоциональное состояние человека

¹ Покусаева Н.В.

¹ Высшая школа теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности,
Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: цель исследования – определить степень влияния оздоровительной и адаптивной физической культуры на психоэмоциональное состояние человека, включая уровень тревожности, стрессоустойчивость, эмоциональную стабильность и общее психологическое благополучие.

Методы исследования: анализ научной литературы по проблеме физической культуры и психоэмоционального состояния; анкетирование и опросы респондентов различных возрастных групп; сравнительный анализ психоэмоциональных показателей у людей, регулярно занимающихся оздоровительной и адаптивной физической культурой, и тех, кто не имеет такой практики; методы наблюдения и статистической обработки данных.

Результаты исследования и выводы. Установлено, что регулярные занятия оздоровительной и адаптивной физической культурой значительно улучшают психоэмоциональное состояние человека. Отмечено снижение уровня тревожности, депрессии, а также повышение эмоциональной устойчивости и жизненного тонуса. Особое значение имеет индивидуальный подход и адаптация физических нагрузок в зависимости от состояния здоровья и психофизических особенностей. Оздоровительная и адаптивная физическая культура способствует формированию позитивного настроения, укреплению уверенности в себе и активной жизненной позиции, что положительно отражается на общем качестве жизни.

Ключевые слова: оздоровительная физическая культура, адаптивная физическая культура, психоэмоциональное состояние, стрессоустойчивость, здоровье, физическая активность

Для цитирования: Покусаева Н.В. Влияние оздоровительной и адаптивной физической культуры на психоэмоциональное состояние человека // Современный ученый. 2026. № 4. С. 316 – 322.

Поступила в редакцию: 26 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The influence of health-improving and adaptive physical culture on the psycho-emotional state of a person

¹ Pokusaeva N.V.

¹ *Higher School of Theory and Methodology of Physical Culture and Life Safety, Pacific State University*

Abstract: the aim of the study is to determine the degree of influence of recreational and adaptive physical culture on a person's psycho – emotional state, including anxiety, stress tolerance, emotional stability and general psychological well-being.

Research methods: analysis of scientific literature on the problem of physical culture and psychoemotional state; questionnaires and surveys of respondents of various age groups; comparative analysis of psychoemotional indicators in people who regularly engage in recreational and adaptive physical education, and those who do not have such practice; methods of observation and statistical data processing.

Research results and conclusions. It has been established that regular recreational and adaptive physical education significantly improve a person's psychoemotional state. There was a decrease in the level of anxiety, depression, as well as an increase in emotional stability and vitality. Of particular importance is an individual approach and adaptation of physical activity, depending on the state of health and psychophysical characteristics. Wellness and adaptive physical education contributes to the formation of a positive attitude, strengthening self-confidence and an active lifestyle, which has a positive effect on the overall quality of life.

Keywords: health-improving physical culture, adaptive physical culture, psycho-emotional state, stress tolerance, health, physical activity

For citation: Pokusaeva N.V. The influence of health-improving and adaptive physical culture on the psycho-emotional state of a person. Modern Scientist. 2026. 4. P. 316 – 322.

The article was submitted: October 26, 2025; Approved after reviewing: December 24, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В условиях современной жизни наблюдается значительное повышение уровня психоэмоционального напряжения в обществе. Высокие темпы урбанизации, информационная перегрузка, нестабильность в социально-экономической сфере, а также вызовы цифровизации оказывают непосредственное влияние на психическое и эмоциональное здоровье населения. Особенно остро эти явления отражаются на уязвимых группах населения – подростках, пожилых людях, людях с ограниченными возможностями здоровья и хроническими заболеваниями.

На этом фоне оздоровительная и адаптивная физическая культура приобретают особую значимость как средство коррекции и профилактики психоэмоциональных нарушений. Их применение позволяет не только повысить общий уровень физического состояния, но и существенно улучшить настроение, снизить тревожность, повысить стрессоустойчивость и уровень социальной адаптации.

Материалы и методы исследований

Для анализа влияния оздоровительной и адаптивной физической культуры на психоэмоциональное состояние человека были использованы следующие методы:

теоретический анализ научной и методической литературы по теме;
социологические методы (анкетирование и интервьюирование участников программ);
психодиагностические методики (шкала тревожности Спилбергера, шкала депрессии Бека, опросник субъективного эмоционального состояния);
методы наблюдения за участниками на разных этапах программы.

Исследование проводилось на базе оздоровительных и адаптивных программ в ряде региональных центров России, включая г. Москва, Санкт-Петербург, Владивосток.

В исследовании приняли участие 225 человек (подростки, студенты, пожилые люди и лица с ОВЗ), из них:

- 110 человек – участники программ оздоровительной физической культуры;

- 115 человек – участники программ адаптивной физической культуры.

Результаты и обсуждения

Анализ результатов показал следующее:

У 83% участников наблюдалось снижение уровня тревожности (по шкале Спилбергера в среднем на 10–15 баллов).

У 79% участников снизились проявления депрессивных состояний (по шкале Бека).

68% отметили улучшение качества сна, повышение уровня бодрости.

74% сообщили об улучшении настроения и общего психоэмоционального фона.

У 60% повысился уровень самооценки и уверенности в себе.

Особенно высокие результаты показали участники программ, где использовались элементы телесно-ориентированных практик и дыхательных техник.

Участники адаптивных программ отмечали:

-улучшение моторной координации (по наблюдениям инструкторов);

-снижение социальной замкнутости и повышение мотивации к активной жизни;

-развитие коммуникативных навыков в процессе групповых упражнений.

Эффективность программ подтверждена также и на биохимическом уровне: у части участников проводились замеры уровня кортизола в слюне до и после занятий, где отмечено его снижение в среднем на 25–30% после 2 месяцев тренировок.

Оздоровительная и адаптивная физическая культура являются эффективными средствами профилактики и коррекции психоэмоциональных нарушений.

Их регулярное применение приводит к улучшению эмоционального состояния, повышению самооценки, снижению уровня тревожности и депрессии.

Телесно-ориентированные практики, дыхательные упражнения и элементы осознанности значительно усиливают эффект психоэмоциональной стабилизации.

Индивидуализация и мотивационная поддержка – ключевые условия результативности как оздоровительных, так и адаптивных программ.

Результаты исследования подчеркивают необходимость институционального внедрения таких программ в систему образования, здравоохранения и социальной поддержки населения.

Физиологические и психологические механизмы воздействия физических упражнений на организм человека хорошо изучены. Научно подтверждено, что во время физической активности в организме вырабатываются нейромедиаторы – эндорфины, дофамин и серотонин, способствующие улучшению настроения и снижению уровня тревожности [1. с. 103-110]. Регулярные занятия физической культурой нормализуют сон, повышают самооценку, укрепляют уверенность в себе.

Особую роль играют аэробные нагрузки – ходьба, бег, плавание, езда на велосипеде – они способствуют восстановлению психического равновесия и борьбе с симптомами депрессии, главное – регулярность, дозировка нагрузки, позитивная мотивация и индивидуальный подход. В то же время адаптивная физическая культура ориентирована на индивидуальные возможности человека и включает в себя специально подобранные упражнения, направленные не только на физическое развитие, но и на коррекцию психоэмоционального фона [2. с. 60-66].

Включение упражнений на внимание к телесным ощущениям и осознанность позволяет участникам лучше справляться с тревогой и напряжением. Систематичность, индивидуализация и мотивационная составляющая – ключ к успешному оздоровительному эффекту [12. с. 103-114].

Регулярная физическая активность способствует нормализации уровня кортизола – гормона стресса, а также стимулирует выработку нейротрофического фактора мозга (BDNF), способствующего нейропластичности и улучшению когнитивных функций. Уже 20-30 минут аэробных упражнений в день оказывают положительное влияние на психоэмоциональное состояние человека.

На психологическом уровне физическая активность способствует:

- снижению тревожности и симптомов депрессии;

- повышению самооценки;

- усилению чувства контроля над собственной жизнью;

- формированию устойчивого позитивного образа "Я".

Особенно высока эффективность телесно-ориентированных практик – йоги, цигун, дыхательной гимнастики, осознанной ходьбы, которые сочетают физическую нагрузку с элементами медитации и психорелаксации [13. с. 45-52].

Оздоровительная физическая культура: цели и методы. Оздоровительная физическая культура представляет собой систему физического воспитания, целью которой является улучшение и сохранение здоровья, повышение работоспособности, профилактика заболеваний и улучшение психоэмоционального состояния.

К основным методам оздоровительной физической культуры относятся:

- 1) гимнастика и фитнес-программы;
- 2) оздоровительное плавание;
- 3) дыхательные упражнения (в том числе практики йоги и цигун);
- 4) ходьба и скандинавская ходьба;
- 5) лечебная физическая культура (ЛФК).

Подводя итог, можно утверждать: оздоровительная и адаптивная физическая культура – это мощный и универсальный инструмент укрепления психоэмоционального здоровья, доступный каждому человеку вне зависимости от возраста, пола, уровня физической подготовки или состояния здоровья. В условиях современной жизни, наполненной стрессами и перегрузками, интеграция телесных практик и регулярной двигательной активности в повседневную практику – это не роскошь, а насущная необходимость, позволяющая сохранить качество жизни, повысить личную эффективность и гармонизировать внутреннее состояние.

Занятия должны быть систематическими, дозированными и мотивационно подкрепленными. Особенно важно включение элементов саморегуляции, позитивной психологии, тренингов внимательности и телесно-ориентированных практик [3. с. 112-117].

Адаптивная физическая культура (АФК) направлена на лиц с ограниченными возможностями здоровья и включает комплекс реабилитационных и коррекционных программ. Ее задачи охватывают не только физическое развитие, но и восстановление психоэмоционального баланса, повышение качества жизни и социальной интеграции личности.

В адаптивных программах широко применяются:

- 1) двигательная терапия;
- 2) индивидуальные занятия с инструктором;
- 3) групповые упражнения, стимулирующие коммуникативную активность;
- 4) водная реабилитация;
- 5) игровые формы адаптации и социализации.

Психологический эффект АФК заключается в повышении уровня личной эффективности, преодолении страхов и стеснения, формировании позитивной самооценки и укреплении мотивации к активной жизни [4. с. 45-49].

Научные исследования показывают, что систематическая физическая активность эффективно снижает уровень кортизола – гормона стресса – и улучшает эмоциональное состояние человека [5. с. 72-78]. Уже после 20-30 минут умеренной аэробной нагрузки запускают биохимические процессы, способствующие снижению уровня гормона стресса – кортизола, а также активации центров удовольствия в головном мозге. Это объясняет, почему после занятий спортом человек чувствует прилив бодрости, удовлетворения и даже эйфории.

Адаптивные занятия позволяют прорабатывать тревожные состояния через телесные ощущения, снимают мышечное напряжение, способствуют формированию эмоциональной устойчивости. Особенно эффективными считаются программы, сочетающие двигательную активность с когнитивно-поведенческим подходом [6. с. 36-42].

Социологические опросы среди студентов и пожилых людей, участвующих в оздоровительных и адаптивных программах, показали, что более 80% из них ощущают повышение настроения, мотивации и снижение уровня тревожности после двух месяцев регулярных занятий [7. с. 147-152].

В экспериментальных исследованиях было доказано, что включение упражнений на координацию, дыхание и осознанность повышает психоэмоциональную стабильность и способствует адаптации в социуме [8. с. 52-58].

Примеры успешных программ:

1. Программа «Здоровье через движение» (г. Москва) – включает оздоровительную гимнастику, дыхательные упражнения, мотивационные тренинги. Участники отмечают снижение уровня стресса на 35% через три месяца занятий [9, с. 12-18].

2. Центр адаптивной физической культуры «Феникс» (г. Казань) – реализует программы АФК для людей с ОВЗ, включая пациентов с неврологическими нарушениями. Доказано улучшение эмоционального фона у 87% участников [10, с. 94-102].

3. Проект «Двигайся с удовольствием» (г. Владивосток) – ориентирован на молодёжь. Сочетает фитнес, йогу и психологические тренинги. Участники демонстрируют рост позитивного мышления и снижение признаков депрессии [11 с 30-36].

4. Программа «Активное долголетие» (г. Санкт-Петербург) – реализуется в рамках муниципальных центров здоровья для людей старшего возраста. Включает занятия лечебной физкультурой, танцевальной терапией и арт-тренингами. Через 4 месяца участники отмечают повышение жизненного тонуса и снижение уровня тревожности на 40% [12, с. 104-113].

5. Реабилитационный курс «Тело в движении» (г. Екатеринбург) – направлен на людей с психосоматическими расстройствами. Состоит из комплекса адаптивной гимнастики, работы с телесной осознанностью и групповой психотерапии. По данным мониторинга, 78% участников сообщают об улучшении настроения и снижении психоэмоционального напряжения [13, с. 21-25].

6. Школьный проект «Дыши и двигайся» (г. Новосибирск) – действует в рамках системы дополнительного образования. Включает дыхательные практики, игровые формы двигательной активности и элементы осознанности. Уровень тревожности среди подростков после 3 месяцев участия снизился на 30%, улучшилась концентрация внимания и настроение [14, с. 89-94].

7. Программа «Инклюзивный спорт – путь к гармонии» (г. Ростов-на-Дону) – реализуется при поддержке общественных организаций. Нацелена на подростков и молодых людей с ОВЗ. Содержит элементы адаптивного фитнеса, парного взаимодействия, танцев и арт-движения. Отмечено снижение социальной изоляции и улучшение самооценки у 82% участников [15, с. 11-16].

Выводы

В заключении, современная социальная и информационная среда предъявляет к человеку всё более высокие требования, порождая целый спектр психоэмоциональных перегрузок, включая тревожность, хронический стресс, эмоциональное выгорание и депрессивные состояния. На этом фоне проблема сохранения и укрепления психоэмоционального здоровья становится не только актуальной, но и стратегически значимой задачей для системы здравоохранения, образования, социальной защиты и физической культуры. Анализ научных исследований и практического опыта подтверждает высокую эффективность средств оздоровительной и адаптивной физической культуры в профилактике и коррекции психоэмоциональных нарушений у разных категорий населения.

Физическая активность, реализуемая в форме целенаправленных оздоровительных занятий, активизирует естественные физиологические механизмы регуляции настроения, стимулирует выработку нейромедиаторов «положительных эмоций», укрепляет нервную систему и способствует развитию стрессоустойчивости. Установлено, что регулярные занятия физической культурой улучшают качество сна, снижают уровень тревожности, повышают уровень жизненной энергии и социальной активности.

Адаптивная физическая культура, как специализированное направление, открывает широкие возможности для людей с ограниченными возможностями здоровья и особыми потребностями. Индивидуализированные программы, учитывающие физическое состояние, возраст и психоэмоциональный статус, создают условия не только для физической реабилитации, но и для формирования устойчивой положительной самооценки, ощущения успешности и принадлежности к обществу.

Занятия оздоровительной физкультурой способствуют:

- нормализации сна и улучшению общего самочувствия;
- снижению тревожности и депрессивных проявлений;
- формированию положительного образа тела и повышению самооценки;
- укреплению волевых качеств и самодисциплины;
- улучшению когнитивных способностей (внимания, памяти, скорости мышления).

Особо стоит отметить роль телесно-ориентированных практик, таких как йога, цигун, пилатес. Они направлены на восстановление баланса между телом и психикой, развивают осознанность, учат расслаблению и внутреннему сосредоточению, что особенно эффективно при синдроме хронической усталости, панических атаках и эмоциональном истощении.

Эмпирические данные, рассмотренные в статье, подтверждают: даже умеренные и доступные физические нагрузки способны стать мощным инструментом повышения психоэмоционального благополучия. Развитие и широкое внедрение таких программ в повседневную практику, в том числе в рамках национальных стратегий в области здравоохранения и спорта, позволит существенно повысить качество жизни населения, снизить уровень социальной дезадаптации и способствовать формированию более устойчивого, гармоничного и здорового общества.

Список источников

1. Беляев В.А. Оздоровительные технологии в физической культуре. СПб.: Речь, 2020. С. 103 – 110. URL: <https://volley-ural.ru/userFiles/file/metod/belyaev.pdf>
2. Гомес Дж., Аллен Р. Адаптивная физическая активность и когнитивное поведение // Международный журнал психологии. 2022. Т. 58. С. 60 – 66. URL: https://intpsychjournal.org/2022/gomez_allen_adaptive_activity
3. Иванов И.П. Влияние физической активности на психоэмоциональное здоровье // Вестник психофизиологии. 2022. № 4. С. 112 – 117. URL: <https://psyphysjorn.ru/>
4. Иванова Т.А., Селезнёв М.В. Программа оздоровительной физической культуры для населения мегаполиса // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2020. № 3. С. 45 – 49.
5. Климова О.Н. Психология адаптивной физической культуры. Казань: КФУ, 2019. С. 72 – 78. URL: https://kpfu.ru/docs/klimova_psychology_adaptive_physical_2019.pdf
6. Кузнецова М.Л., Ахметова З.Г. Инклюзивные программы адаптивной физической культуры: опыт реализации в южных регионах России // Инклюзивное образование: теория и практика. 2022. № 2. С. 11 – 16.
7. Лебовиц К. Физические упражнения и стресс: нейрохимические аспекты // Журнал психического здоровья. 2021. Т. 30. С. 36 – 42.
8. Петрова Н.А. Психоэмоциональное состояние и физическая культура // Наука и общество. 2023. № 3. С. 147 – 152.
9. Смирнова И.В., Чернышов А.П. Влияние дыхательных и двигательных практик на психоэмоциональное состояние подростков // Дополнительное образование и развитие личности. 2023. № 4. С. 89 – 94.
10. Федоров С.В. Эффективность телесно-ориентированных практик в адаптации личности // Современная педагогика. 2022. № 6. С. 52 – 58.
11. Хакимова Э.Р., Каюмов Р.И. Эффективность занятий адаптивной физической культурой для людей с ОВЗ // Адаптивная физическая культура. 2021. № 2 (46). С. 12 – 18. URL: https://adaptive-fc.ru/2021/hakimova_kayumov_efficiency
12. Чеснокова Л.Л. Адаптивная физическая культура: теория и практика. М.: Просвещение, 2021. С. 94 – 102. URL: https://prosveshchenie.ru/books/adaptive_physical_culture_2021
13. Чеснокова Л.Л., Агапова О.А. Психофизическая коррекция средствами фитнеса и йоги у молодежи: опыт регионального проекта // Вестник психологии и педагогики Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 30 – 36.
14. Шевцова Н.Ю. Психоэмоциональное здоровье и телесно-ориентированные практики: влияние йоги и дыхательных техник на тревожность и стресс // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 104 – 113. URL: https://psyedu.ru/2020/shevtsova_yoga_stress
15. Зотова О.И., Андреева И.А. Влияние аэробных физических нагрузок на уровень нейротрофического фактора мозга и стресс-реакции у взрослого населения // Физиология человека. 2021. Т. 47. № 2. С. 45 – 52.

References

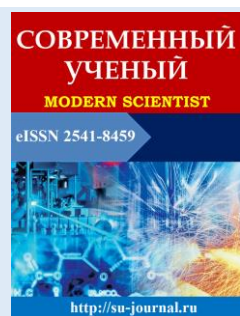
1. Belyaev V.A. Health technologies in physical education. St. Petersburg: Rech, 2020. P. 103 – 110. URL: <https://volley-ural.ru/userFiles/file/metod/belyaev.pdf>
2. Gomez J., Allen R. Adaptive physical activity and cognitive behavior. International Journal of Psychology. 2022. Vol. 58. P. 60 – 66. URL: https://intpsychjournal.org/2022/gomez_allen_adaptive_activity
3. Ivanov I.P. The influence of physical activity on psychoemotional health. Bulletin of psychophysiology. 2022. No. 4. P. 112 – 117. URL: <https://psyphysjorn.ru/>
4. Ivanova T.A., Seleznev M.V. A program of health-improving physical education for the population of a megacity. Physical education: upbringing, education, training. 2020. No. 3. P. 45 – 49.
5. Klimova O.N. Psychology of adaptive physical education. Kazan: KFU, 2019. P. 72 – 78. URL: https://kpfu.ru/docs/klimova_psychology_adaptive_physical_2019.pdf
6. Kuznetsova M.L., Akhmetova Z.G. Inclusive programs of adaptive physical education: implementation experience in the southern regions of Russia. Inclusive education: theory and practice. 2022. No. 2. P. 11 – 16.
7. Lebowitz K. Physical exercise and stress: neurochemical aspects. Journal of Mental Health. 2021. Vol. 30. P. 36 – 42.
8. Petrova N.A. Psychoemotional state and physical education. Science and Society. 2023. No. 3. P. 147 – 152.
9. Smirnova I.V., Chernyshov A.P. The influence of breathing and motor practices on the psychoemotional state of adolescents. Supplementary education and personal development. 2023. No. 4. P. 89 – 94.
10. Fedorov S.V. The effectiveness of body-oriented practices in personality adaptation. Modern pedagogy. 2022. No. 6. P. 52 – 58.

11. Khakimova E.R., Kayumov R.I. The effectiveness of adaptive physical education classes for people with disabilities. Adaptive physical education. 2021. No. 2 (46). P. 12 – 18. URL: https://adaptive-fc.ru/2021/hakimova_kayumov_efficiency
12. Chesnokova L.L. Adaptive physical education: theory and practice. Moscow: Prosveshchenie, 2021. P. 94 – 102. URL: https://prosveshchenie.ru/books/adaptive_physical_culture_2021
13. Chesnokova L.L., Agapova O.A. Psychophysical correction by means of fitness and yoga in young people: experience of a regional project. Bulletin of Psychology and Pedagogy of the Far East. 2022. No. 4. P. 30 – 36.
14. Shevtsova N.Yu. Psychoemotional health and body-oriented practices: the influence of yoga and breathing techniques on anxiety and stress. Psychological science and education. 2020. Vol. 25. No. 6. P. 104 – 113. URL: https://psyedu.ru/2020/shevtsova_yoga_stress
15. Zotova O.I., Andreeva I.A. The influence of aerobic physical activity on the level of brain-derived neurotrophic factor and stress response in the adult population. Human physiology. 2021. Vol. 47. No. 2. P. 45 – 52.

Информация об авторе

Покусаева Н.В., старший преподаватель, Высшая школа теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Тихоокеанский государственный университет, 000548@togudv.ru

© Покусаева Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.1

Особенности реализации практико-ориентированного образования в вузах

¹ Абдулаев Э.К., ² Сысоева Л.М., ³ Позднякова К.А., ⁴ Ханова И.А.

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова,

² Московский государственный педагогический университет,

³ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,

⁴ Альметьевский государственный технологический университет "Высшая школа нефти"

Аннотация: высшие учебные заведения современного периода функционируют в контексте реализации Федеральных государственных стандартов высшего образования поколения 3++. Данные стандарты содержат требования к организации обучения студентов по различным направлениям подготовки и образовательные результаты, которые затем находят свое отражение в профессиональных стандартах. В сложившейся ситуации автор подчеркивает преемственность высшего образования и профессиональной деятельности, при которой сформированные компетенции студентов находят отражение в обобщенных трудовых функциях.

Обращая на это внимание, исследователь подчеркивает значимость практико-ориентированного образования, при котором формируются не только знания и умения, но и допрофессиональные навыки будущих специалистов. Это способствует оптимизации адаптационного процесса при выходе молодых специалистов на работу. Практико-ориентированное обучение определяется как важнейший компонент подготовки студентов, при этом акцент делается на становление профессионально значимых свойств и качеств личности. Основным преимуществом данного обучения является то, что в образовательном процессе возможно смоделировать ситуации, близкие к профессиональным и на этой основе выработать стратегии работы.

Ключевые слова: Федеральный государственный стандарт, высшее образование, практико-ориентированное обучение, профессиональные компетенции, модели профессиональной деятельности, образовательный процесс, профессиональный стандарт

Для цитирования: Абдулаев Э.К., Сысоева Л.М., Позднякова К.А., Ханова И.А. Особенности реализации практико-ориентированного образования в вузах // Современный ученый. 2026. № 4. С. 323 – 329.

Поступила в редакцию: 27 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Features of practice-oriented education in universities

¹ Abdulaev E.K., ² Sysoeva L.M., ³ Pozdnyakova K.A., ⁴ Khanova I.A.

¹ *Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov,*

² *Moscow State Pedagogical University,*

³ *Oryol State University named after I.S. Turgenev,*

⁴ *Almetyevsk State Technological University "Higher School of Oil"*

Abstract: higher educational institutions of the modern period function in the context of the implementation of Federal State Standards of Higher Education. These standards contain requirements for the organization of students' training in various fields of study and educational results, which are then reflected in professional standards. In this situation, the author emphasizes the continuity of higher education and professional activity, where the competencies acquired by students are reflected in generalized labor functions.

By drawing attention to this, the researcher emphasizes the importance of practice-oriented education, which not only provides knowledge and skills, but also develops the pre-professional skills of future specialists. This contributes to the optimization of the adaptation process when young professionals enter the workforce. Practice-oriented education is recognized as a crucial component of student training, focusing on the development of professionally significant personality traits and qualities. The primary advantage of this approach is that it allows for the simulation of professional-like situations in the educational process, enabling the development of effective work strategies.

Keywords: Federal State Standard, higher education, practice-oriented training, professional competencies, models of professional activity, educational process, professional standard

For citation: Abdulaev E.K., Sysoeva L.M., Pozdnyakova K.A., Khanova I.A. Features of practice-oriented education in universities. Modern Scientist. 2026. 4. P. 323 – 329.

The article was submitted: October 27, 2025; Approved after reviewing: December 25, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Действующие федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования поколения 3++, по которым осуществляется подготовка различных специалистов, определяют перечень общих и специальных компетенций, приобретение которых позволит им успешно осуществлять профессиональную деятельность. Вышеперечисленные факторы диктуют необходимость переноса акцентов преподавания в ведомственном вузе из теоретической, знаниевой парадигмы в плоскость практико-ориентированного обучения.

Практико-ориентированное образование в современной высшей школе является отражением требований общества, необходимым условием реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования 3++. Данное направление позволяет студентам получить необходимые практические навыки, развить компетенции, которые затем будут реализованы в профессиональной деятельности.

В условиях современного динамично развивающегося мира и активного внедрения инновационных технологий во все сферы деятельности требования к профессиональным компетенциям соискателей на рынке вакансий постоянно изменяются, что, в свою очередь, требует изменения содержания учебных программ подготовки специалистов. В связи с этим исследование практико-ориентированного обучения в процессе преподавания различных дисциплин представляет безусловный интерес. Это важно не только для поиска научной новизны в данной тематике, но и имеет прикладную ценность – в контексте корректировки планов и программ практик и стажировок. В каждом направлении подготовки определено количество часов, отведенное на практическую деятельность, ознакомление с профессией. Однако, в контексте современных реалий этого недостаточно, т.к. выходя на работу у выпускника не остается времени на адаптацию: необходимо включаться в рабочий процесс, искать эффективные методы и технологии, решать профессиональные задачи.

Практическая подготовка включает в себя не только семинарские занятия, практикумы, лабораторные работы, но и комплексный пересмотр парадигмы обучения студентов. Она включает в себя разработку и реализацию индивидуальных и групповых проектов участие в научно-исследовательской работе и практиках в организациях, связанных с профильной деятельностью.

В связи с этим актуализируется исследовательская цель нашей работы – выявить особенности практико-ориентированного образования в высших учебных заведениях. Объектом выступает система высшего образования, предметом – особенности практико-ориентированного образования.

В контексте этого нужно проанализировать различия традиционного и практико-ориентированного образования не только анализируя публикации, но и опираясь на прикладные наработки преподавателей, определить взаимосвязь образовательных и профессиональных стандартов.

В результате считаем возможной разработку рекомендаций, позволяющих «усилить» практический компонент в обучении, сделать его более эффективным.

Материалы и методы исследований

Основным методом данного исследования необходимо определить теоретический анализ работ Е.М. Авласович, С.О. Авчинниковой, актуализирующих значимость практической подготовки в современном высшем образовании. Авторы раскрывают основное содержание практики, обосновывают «усиление» применения специфических форм и методов подготовки студентов.

М.В. Титкова в своей публикации апеллирует к тому, что основой подобной подготовки является психологическая и знаниевая готовность к осуществлению профессиональной деятельности и в данной работе также указывается на необходимость сформированности мотивационного компонента и студентов, и преподавателей.

Изучению проблематики практического компонента в высшем образовании посвящены публикации С.А. Берсеновой, Л.И. Проскуриной, А.Н. Белова, Н.В. Репш, А.С. Коляды. Ориентируясь на содержание этих публикаций, необходимо определить специфику практической подготовки на различных направлениях.

Кроме того, используются разработки О.А. Смирновой, Ю.В. Черненко, И.В. Петровой, Ю.В. Николаевой, отражающие структуру практической подготовки различных этапах высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура).

Результаты и обсуждения

Реализация практико-ориентированного образования в вузах предполагает ориентацию учебного процесса на формирование профессиональных компетенций за счёт выполнения реальных практических задач. Интеграция реальных практических заданий в учебный процесс способствует выполнению требований ФГОС ВО относительно достижения определенных образовательных результатов.

Реальность современного общества, запросы работодателей на высококвалифицированных специалистов обуславливают трансформацию практического компонента на любых направлениях подготовки в вузе. При этом О.А. Смирнова, Ю.В. Черненко, И.В. Петрова, Ю.В. Николаева [5] изначально актуализируют недостаточность практической подготовки. Становление прикладных навыков не может осуществляться лишь в контексте тех часов, которые определены в рабочих программах. Безусловно, современные методические рекомендации к ФГОС ВО позволяют включать практику непосредственно с первого курса обучения. Однако, для реализации практических навыков необходима знаниевая основа, т.к. введение в профессию важно реализовывать в контексте одновременного становления теоретических знаний и практической основы. Поэтому практика на первом курсе бакалавриата является скорее ознакомительной, позволяющей конкретизировать профессиональную ориентацию, закрепить мотивацию выбора направления подготовки.

Практика на последующих курсах (учебная, производственная, преддипломная) предполагает более активное включение студентов в профессиональную деятельность, самостоятельное освоение и реализацию рабочих методов и технологий.

Свою специфику имеет практическая деятельность магистрантов, т.к. данный уровень высшего образования включает непосредственную профессиональную деятельность и более узкая, в отличие от бакалавриата, специализация, нацеливает студента на реализацию своих научных и практических интересов.

И.А. Юмашева [10] в своей работе рассматривает три основных подхода, которые сложились в понимании практического образования. Первый подход ориентирован на формирование социального опыта у студентов посредством их погружения в профессиональную среду. В ходе подобной деятельности студенты наблюдают за работой специалистов, участвуют в процессе, тем самым создавая и апробируя свои модели деятельности в профессии. В данном обучении «вхождение в профессию» осуществляется непосредственно в рабочей среде и это имеет свои преимущества, т.к. «полевые условия» являются оптимальными для понимания студентами сущности практической деятельности, закрепления мотивации.

Второй подход предполагает практическую подготовку в междисциплинарном пространстве, в контексте аудиторной работы. Изучая различные дисциплины, студенты выявляют причинно-следственные связи между событиями и явлениями в профессиональной среде на основе полученных знаний. Полученная теоретическая основа реализуется в работе с реальными проблемными ситуациями, в технологиях case study, которые обеспечивают возможность вариативного решения учебно-профессиональных задач, обучая студентов критическому мышлению, умениям принимать решения, прогнозировать результаты их реализации.

Данный подход актуален именно в аудиторной работе, когда по объективным причинам нет возможности студентов ознакомить с практической деятельностью специалистов.

В рамках третьего подхода необходимо обратиться к содержанию ФГОС ВО 3++, который определяет в качестве образовательных результатов становление различного рода компетенций. Практическая подготовка осуществляется в контексте формирования не отдельных знаний и профессиональных навыков, а целостных компетенций. Она направлена на комплексное видение профессиональной проблематики и использование в ее решении знаний, опыта, а также практических навыков, полученных студентами. Ориентация на компетентностный подход позволяет каждому студенту сформировать свой, уникальный комплекс компетенций, которые будут необходимы в профессиональной деятельности.

Анализируя историю высшего образования XX века [8, 10], возможно прийти к выводу о том, что практическая подготовка была актуальна еще в начале прошлого столетия, когда приоритетным было обучение наряду с выполнением профессиональных обязанностей, «без отрыва от производства», заочные, вечерние формы, позволяющие сочетать работу и учебу, обеспечивая повышение квалификационного уровня.

В более поздний период акцент в высшей школе был смещен в сторону фундаментального образования. Это было обусловлено стремительным развитием науки в стране, увеличением количества теоретических концепций, которые, безусловно важны, однако должны получать практическое подтверждение/опровержение. Кроме того, и высшая школа, и работодатели в конце прошлого века – в начале нынешнего столетия столкнулись с проблемой профессиональной адаптации выпускников, когда будущие специалисты приходят на работу неподготовленные и встречаясь с трудностями, проблемными либо конфликтными ситуациями, не имеют навыков эффективного их разрешения [9].

В этой связи актуализировался вопрос о формировании у студентов не только базы знаний, но и комплекса практических навыков. Именно поэтому в рабочих планах и программах был усилен компонент практики, увеличено количество часов [3]. Кроме того, обращаясь к концептуальной основе стандартов высшего образования, важно отметить не только компетентностный, но и деятельностный подход, что само по себе обуславливает необходимость практического образования.

Однако, как отмечает С.О. Авчинникова [2], динамика развития современного общества такова, что времени, отведенного на отработку профессиональных умений, стажировку в объеме определенном в рабочей программе, также на настоящий момент недостаточно. Поэтому анализ исследований по данной теме позволяет говорить об интеграции практического образования и в традиционные формы обучения – семинарские и лабораторные занятия. Это помогает учебные задачи трансформировать в учебно-профессиональные, анализировать и разбирать их вместе с преподавателем, вырабатывать новые модели профессиональной деятельности.

В работе М.М. Олесовой [4] выделено несколько направлений реализации практического образования, которые показали себя как наиболее эффективные и востребованные:

- организация всех видов практик, включая учебную, производственную и преддипломную. Данное направление ориентировано на реальное приобретение студентами профессионального опыта, становление универсальных и специальных компетенций по соответствующему направлению подготовки. При этом практика, стажировка обязательно проходят несколько этапов [5]. На начальном этапе практическим специалистом осуществляется руководство процессом планирования и проведения практики. Содержание практики как учебной дисциплины студентам разъясняет преподаватель, а непосредственно в учреждении или в организации координирует и контролирует процесс руководитель либо наставник. На следующем этапе студенты более активно включаются в профессиональную деятельность в качестве ассистента, технического помощника специалиста. Это позволяет постепенно реализовывать трудовые функции, обеспечивая преемственность образовательного и профессионального стандартов [7]. И наконец, на заключительном этапе студент работает с профессиональными ситуациями самостоятельно, используя готовые либо разработанные совместно с преподавателем методы и технологии. На данной стадии актуализируется профессиональная готовность, осознание себя в качестве специалиста, закрепляется рабочая мотивация.

- интеграция практико-ориентированных технологий в обучение, в лекции, семинары, практикумы, что позволяет осуществлять практическую подготовку непрерывно. Отрабатывая полученные знания, различ-

ные методы и технологии работы, студенты получают опыт объединения знаний, умений и навыков в компетенции, что и является одним из важнейших образовательных результатов;

- создание на базе вуза инновационных форм профессиональной занятости студентов в целях решения научно-практических и опытно-производственных работ. Здесь возможно говорить о базах практики, стажировочных площадках, технопарках, центрах коллаборации. Они формируют уникальное учебно- профессиональное пространство, в котором возможна не только «отработка» учебных технологий, но и создание новых научных и практических проектов, стартапов;

- привлечение работодателей к реализации учебного процесса, в том числе, и к разработке учебных программ. Это позволит отразить специфику профессиональной сферы, конкретного региона, учесть потребности целевой аудитории. Включение актуальных тем в региональный компонент рабочих программ дисциплин в полной мере обеспечивает становление необходимых профессиональных компетенций у студентов;

- самостоятельная практическая деятельность студентов в рамках выполнения научно-исследовательских работ, выпускных квалификационных работ, проектов. Данное направление подходит для студентов старших курсов, так как практическая работа предполагает наличие определенного объема знаний, уровня профессионального опыта. Ведь деятельность в профессиональных ситуациях имеет реальные результаты, последствия и будущему специалисту необходимо максимально осознанно принимать решения и реализовывать их [6].

Данный автор говорит о том, что при выборе направлений и форм практического образования в вузе необходимо ориентироваться не только на их эффективность, но и на ресурс образовательного процесса, возможности сочетания учебных методов. Конечно, наиболее благоприятными можно считать условия обучения, когда в дополнение к практике или стажировке как отдельной дисциплине рабочей программы реализуются прикладные исследования, лабораторные работы, практикумы в ходе аудиторных занятий, и студенты могут воплотить свои идеи в проектах, разработках, а затем представить их на экспертную оценку не только преподавателю, но и практическому специалисту, аналитику. Зачастую это происходит лишь в ходе государственной итоговой аттестации и конечно же, такой объем недостаточен не только для становления практических навыков у студентов, но даже для всестороннего объективного оценивания интеллектуального продукта, созданного студентом.

Кроме того, в основе практического образования необходимо сочетать учебные (специально разработанные) и реальные (из профессионального опыта) ситуации. Подобная интеграция способствует постепенному усложнению образовательных задач, расширяет возможности экспериментальной, «пробной» деятельности студентов, чтобы ошибки, неточности не стали препятствием к дальнейшей работе, не стали фактором снижения мотивации. Задачей преподавателя в ситуации неправильного решения студента становится подача конструктивной критики, разработка рекомендаций для того, чтобы совершенные ошибки стали «точкой роста» для совершенствования учебно- профессиональной деятельности.

В ряде случаев, в особенности в социальной и образовательной сферах [2] имеет место феномен наставничества, при котором практическую подготовку студентов осуществляют специалисты учреждений и организаций на рабочих местах или в вузе, входя в состав структурного подразделения. Дуальное сопровождение (преподаватель – специалист) позволяет формировать, развивать и закреплять необходимые компетенции у студентов. При этом выезд на стажировочные площадки возможен и на семинарских, практических занятиях в контексте изучаемой тематики. В этом случае студенты имеют возможность ознакомиться с реализацией профессиональных методов и технологий, проанализировать их, получить консультации специалистов, оценить эффективность и возможно, предложить свои варианты решения проблемы. Подобная подготовка стимулирует становление поисково-прогностических, прикладных компетенций у студентов, формирует профессиональную позицию, уверенность в себе, социальную ответственность.

Выводы

Анализируя результаты исследования, необходимо сделать следующие выводы:

1. Практико- ориентированное образование является неотъемлемым компонентом в высшей школе, который обеспечивает сформированность профессиональных компетенций у будущих специалистов, совершенствует прикладные навыки;

2. Недостаточное количество часов, отведенных на практику и стажировку в учебных программах обуславливает необходимость интеграции практических компонентов в семинарские и лабораторные занятия;

3. В целях обеспечения эффективности практической подготовки необходимо создать пространство, в котором реализуется сотрудничество вузовских преподавателей и практических специалистов на предприятиях, в учреждениях, организациях в качестве тьюторов, наставников.

Также нами были выделены особенности практико-ориентированного образования:

1. Тесная взаимосвязь с профессиональной средой. Учебный процесс интегрирован в реальную профессиональную деятельность через сотрудничество с базами практик, потенциальными работодателями, профессиональными экспертами.
2. Необходимость вооружения студентов знаниями в процессе лекций, что формирует концептуальную основу обучения. Однако, приоритет отдается практической, лабораторной, экспериментальной деятельности на любом этапе обучения.
3. Активное использование проектных методов обучения. Максимальная часть обучения включает работу над реальными проектами или кейсами. Студенты работают над ними от начала до конца: от анализа задачи до презентации решения.
4. Участие в практической подготовке экспертов либо высококомпетентных специалистов. Практики из учреждений, организаций участвуют в формировании содержания курса, проводят лекции и мастер-классы, делятся реальными кейсами и актуальными профессиональными технологиями.

Ориентация на данные особенности поможет преподавателям сделать процесс практической подготовки более интересным для студентов, эффективным для повышения качества образования [1]. Приоритетным является учет требований современных ФГОС ВО 3++ относительно формирования прикладных навыков и компетенций в качестве образовательных результатов, понимание того, что возможность их «отработки» в учебном процессе, становление моделей эффективной деятельности способствуют максимально быстрой и результативной адаптации выпускников при выходе на работу.

Список источников

1. Авласович Е.М. Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта освоения практико-ориентированной модели обучения // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. № S3. С. 1 – 5.
2. Авчинникова С.О. Усиление практико-ориентированной направленности профессионального образования по социальной работе // Вестник ТГПУ. 2018. № 1 (190). С. 135 – 139.
3. Берсенева С.А., Проскурина Л.И., Белов А.Н., Репш Н.В., Коляда А.С. Трансформация практического обучения в дуальное обучение в свете актуализации нормативно-правовой базы в области образования (теоретический аспект) // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 6 (196). С. 44 – 51.
4. Олесева М.М. Применение практико-ориентированных технологий обучения в вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-2 (73). С. 200 – 204.
5. Смирнова О.А., Черненко Ю.В., Петрова И.В., Николаева Ю.В. Реализация практико-ориентированного подхода в подготовке бакалавров образования // НИИ/S&R. 2023. № 2 (14). С. 42 – 49.
6. Тимофеева Е.А. Особенности реализации практико-ориентированного подхода в образовательном процессе ведомственного вуза // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер.: Психолого-педагогич. науки. 2014. №3 (23). С. 198 – 206.
7. Титкова М.В. Готовность индивида к самоуправляемому обучению как важное условие личностно-профессионального развития // Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 1. С. 128 – 131.
8. Тихонова И.Н., Помазанова Е.В., Курбанова Г.А. Особенности практикоориентированного обучения студентов педагогического вуза // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). URL: <https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.34> (дата обращения: 16.10.2025)
9. Щурин Е.А., Щеголева С.А., Шкарина Т.Ю. Пути реализации практико-ориентированного подхода в вузах // Инновационное развитие профессионального образования. 2024. № 3 (43). С. 106 – 120.
10. Юмашева И.А. Практико-ориентированная модель образовательного процесса вуза // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2019. № 4 (68). С. 5 – 10.

References

1. Avlasovich E.M. Comparative Analysis of Foreign and Domestic Experience in Mastering a Practice-Oriented Training Model. Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University. 2017. No. S3. P. 1 – 5.
2. Avchinnikova S.O. Strengthening the Practice-Oriented Focus of Professional Education in Social Work. Bulletin of TSPU. 2018. No. 1 (190). P. 135 – 139.

3. Berseneva S.A., Proskurina L.I., Belov A.N., Repsh N.V., Kolyada A.S. Transformation of Practical Training into Dual Training in Light of the Updating of the Regulatory Framework in the Field of Education (Theoretical Aspect). Scientific Notes of Lesgaft University. 2021. No. 6 (196). P. 44 – 51.
4. Olesova M.M. Application of practice-oriented teaching technologies in higher education institutions. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 7-2 (73). P. 200 – 204.
5. Smirnova O.A., Chernenko Yu.V., Petrova I.V., Nikolaeva Yu.V. Implementation of a practice-oriented approach in training bachelors of education. Research and Development/S&R. 2023. No. 2 (14). P. 42 – 49.
6. Timofeeva E.A. Features of the implementation of a practice-oriented approach in the educational process of a departmental university. Vestn. Sam. state tech. university. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2014. No. 3 (23). P. 198 – 206.
7. Titkova M.V. Individual Readiness for Self-Directed Learning as an Important Condition for Personal and Professional Development. Design. Experience. Result. 2024. No. 1. P. 128 – 131.
8. Tikhonova I.N., Pomazanova E.V., Kurbanova G.A. Features of Practice-Oriented Learning of Students of a Pedagogical University. International Research Journal. 2023. No. 7 (133). URL: <https://research-journal.org/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.34> (date of access: 10.16.2025)
9. Shchurin E.A., Schegoleva S.A., Shkarina T.Yu. Ways to implement a practice-oriented approach in universities. Innovative development of professional education. 2024. No. 3 (43). P. 106 – 120.
10. Yumasheva I.A. Practice-oriented model of the educational process of a university. Scientific notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. 2019. No. 4 (68). P. 5 – 10.

Информация об авторах

Абдулаев Э.К., старший преподаватель, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, abdulaev_ek@voenmeh.ru

Сысоева Л.М., аспирант, Московский государственный педагогический университет, Lidia.Sysoeva@gmail.com

Позднякова К.А., ассистент кафедры теории и методики начального общего образования, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-6834>, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, SPIN-код автора: 3631-3160, madamlalori@gmail.com

Ханова И.А., старший преподаватель, Альметьевский государственный технологический университет «Высшая школа нефти», i-khanova@bk.ru

© Абдулаев Э.К., Сысоева Л.М., Позднякова К.А., Ханова И.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 378.2

Повышение компетентности преподавателя вуза как условие успешной реализации ФГОС ВО поколения 3++

¹ Коновалова И.Н., ² Копосова Е.Г., ³ Тырышкин С.Ю., ⁴ Чугаева К.М.

¹ Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы,

² Военная академия связи им. С.М. Буденного,

³ Алтайский государственный технический университет им И.И. Ползунова,

⁴ Институт радиоэлектроники и информатики,
МИРЭА – Российский технологический университет

Аннотация: Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) поколения 3++ обуславливают необходимость пересмотра понятия «профессиональная компетентность» преподавателя вуза. Современная проблематика социальных процессов и явлений указывает на необходимость непрерывного обучения всех субъектов образовательного процесса, включающих и профессорско-преподавательский состав.

Педагог высшей школы должен не только владеть материалом преподаваемых дисциплин, но и уметь применять цифровые технологии, различные методы коммуникации со студентами, реагировать на различные образовательные запросы. Автор подчеркивает, что это возможно лишь при постоянном обучении, повышении уровня профессиональной компетентности.

При этом компетентность в работе определяется как многокомпонентное, динамично развивающееся понятие, которое является важнейшим условием реализации педагогического процесса. Также в исследовании определяется, что эффективная реализация ФГОС ВО последнего поколения невозможна без работы компетентного преподавателя, в задачи которого входит становление различных компетенций у студентов. Таким образом, повышение уровня компетентности педагога в высшей школе напрямую влияет на качество образования и уровень подготовки выпускников вуза.

Ключевые слова: образовательный стандарт, высшая школа, профессиональная компетентность, повышение квалификации, субъекты образовательного процесса, преподаватель вуза, педагогический процесс

Для цитирования: Коновалова И.Н., Копосова Е.Г., Тырышкин С.Ю., Чугаева К.М. Повышение компетентности преподавателя вуза как условие успешной реализации ФГОС ВО поколения 3++ // Современный ученый. 2026. № 4. С. 330 – 336.

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Improving the competencies of university teachers as a condition for the successful implementation of the 3++ Generation Federal State Educational Standards for Higher Education

¹ Konovalova I.N., ² Koposova E.G., ³ Tyryshkin S.Yu., ⁴ Chugaeva K.M.

¹ *Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

² *S.M. Budyonny Military Academy of Communications,*

³ *Polzunov Altai State Technical University,*

⁴ *Institute of Radioelectronics and Computer Science,
MIREA – Russian Technological University*

Abstract: the Federal State Educational Standards for Higher Education of the 3++ generation necessitate a revision of the concept of "professional competence" for university teachers. The current issues of social processes and phenomena indicate the need for continuous learning for all participants in the educational process, including faculty members.

A higher education teacher should not only be familiar with the material of the subjects they teach, but also be able to use digital technologies and various communication methods with students, and respond to different educational needs. The author emphasizes that this is only possible through continuous learning and improving professional competence.

At the same time, competence in the work is defined as a multi-component, dynamically developing concept, which is an essential condition for the implementation of the pedagogical process. The work also determines that the effective implementation of the latest generation of Federal State Educational Standards for Higher Education is impossible without the work of a competent teacher, whose task is to develop various competencies in students. Thus, increasing the level of teacher competence in higher education directly affects the quality of education and the level of training of university graduates.

Keywords: educational standard, higher education, professional competence, advanced training, subjects of the educational process, university teacher, pedagogical process

For citation: Konovalova I.N., Koposova E.G., Tyryshkin S.Yu., Chugaeva K.M. Improving the competencies of university teachers as a condition for the successful implementation of the 3++ Generation Federal State Educational Standards for Higher Education. Modern Scientist. 2026. 4. P. 330 – 336.

The article was submitted: October 28, 2025; Approved after reviewing: December 26, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Современный образовательный процесс в высшей школе проходит этап трансформации в контексте меняющихся федеральных государственных образовательных стандартов, их содержания и образовательных результатов. В соответствии с этим меняются и требования к преподавателям, их компетентности, профессиональной деятельности. Напрямую это в стандартах не отражено, однако те цели, которые ставятся перед педагогом в процессе работы, формируемые компетенции студентов, обуславливают значимость пересмотра составляющих «профессиональной компетентности» преподавателя.

Кроме того, актуализируется проблема личностного и профессионального развития педагога, соответствия формируемых компетенций тем требованиям, которые предъявляют федеральные стандарты к образовательному процессу в вузе. Исследуемая тема имеет скорее практическую направленность, т.к. концептуальная база современных ФГОС ВО 3++ четко определена (компетентностный подход) и на настоящем этапе развития системы образования профессиональный опыт преподавателей реализуется в различных направлениях, требующих конкретизации.

Материалы и методы исследований

Для данного исследования большим значением имеют работы, посвященные:

- специфике высшего образования в контексте стандартов последнего поколения (М.Б. Видревич, И.В. Первухина, Т.В. Дикова, Е.А. Смирнова, И.В. Горохова);

-личностным и профессиональным характеристикам педагога (А.Д. Асанбаева, М.Б. Видревич, И.В. Первухина);

Публикации О.А. Коряковцевой, И.Ю. Ильиной позволяют изучить особенности содержания компетентности преподавателей вуза и способов повышения ее уровня. В данных работах подчеркивается значимость повышения как отдельных компонентов компетентности, так и профессионального уровня в целом.

Теоретико- методологический анализ исследований отечественных авторов позволяет провести комплексное исследование современного образовательного процесса в вузе и на этой основе обосновать необходимость повышения уровня компетентности преподавателей.

Результаты и обсуждения

Компетентностный подход, который является основой реализации стандартов высшего образования поколения 3++, обуславливает необходимость более детального анализа не только результатов высшего образования (формируемых у студентов компетенций), но и тех знаний, умений и навыков, которыми должен обладать преподаватель.

Анализируя функции профессиональной компетентности, М.Б. Видревич и И.В. Первухина выделяют следующие:

- мотивирование студентов к учебной, научно-исследовательской деятельности, стимулирование их активности в аудиторной и внеаудиторной работе;
- интеграция традиционных и инновационных форм и методов обучения, разработка авторских образовательных технологий, учебно- методических комплексов;
- поиск и выбор современных наиболее подходящих образовательных ресурсов любого информационного формата, адаптирование их к конкретным условиям преподавательской деятельности;
- разработка индивидуальных планов, образовательных траекторий для бакалавров, магистрантов, аспирантов, обучающихся с особыми образовательными потребностями;
- способность к конструктивному разрешению проблемных, конфликтных ситуаций;
- самопрезентация, самоменеджмент, организация межкультурной коммуникации.

Как видно из перечисленных функций, они предполагают наличие широкого спектра знаний, умений, навыков, сформированных компетенций, которые постоянно трансформируются, совершенствуются и данный процесс оказывает прямое воздействие на преподавателя и опосредованное – на студентов.

Как отмечают в своей работе С.А. Останина и Е.В. Птицына [8], в понятие «компетенция» входят знания, умения и навыки, личностные качества (инициативность, целеустремленность, ответственность, толерантность и т.д.), социальная адаптация (умение работать самостоятельно и в коллективе) и профессиональный опыт. Как раз такие характеристики являются необходимыми для преподавателя высшей школы, т.к. одними из первоочередных задач его деятельности являются обучение и воспитание студентов, воздействие на их ценностно-смысловую сферу, интеграция в профессиональную деятельность. Данные направления возможно реализовывать лишь в контексте развития компетенций, необходимых для построения процесса обучения, вот почему компетентность современного преподавателя являет собой важнейший педагогический феномен, интегративную характеристику его личности.

Целесообразность введения понятия «профессиональная компетентность» обусловлена широтой его содержания, интегративной характеристикой, объединяющей такие дефиниции как: «профессионализм», «квалификация», «профессиональные способности», «профессиональные личностные качества» и др. [8, с. 5] Исходя из этого, предлагается анализировать данные компоненты и возможности их совершенствования. Так как в образовательных стандартах нет непосредственных требований к профессиональному уровню преподавателя, то необходимо понимать, насколько составляющие его компетентности позволяют достичь определенных в нормативно-правовых документах результатов.

Понятие «квалификация», с точки зрения различных авторов [3] в большей мере является формальным, отражающим наличие курсов повышения квалификации, переподготовки, участия в различных семинарах и тренингах. Безусловно, кроме официального оценивания педагог на таких мероприятиях получает необходимые знания, совершенствует имеющиеся навыки. Актуальность данного компонента подтверждается необходимой периодичностью повышения квалификации (раз в три года, в пять лет) и наличием подтверждающих документов.

Компонент «профессиональные способности» формируется на стыке теоретических знаний как основы деятельности и их воплощения в рабочем процессе. Именно поэтому возможно говорить, что способности связаны с накопленным социальным опытом, и в этом контексте прослеживается тесная взаимосвязь с образовательными стандартами поколения 3++. В образовательных результатах стандарты раскрывают профессиональную деятельность преподавателей, соблюдая её преемственность на различных квалификацион-

ных уровнях. Структура учебного процесса в профессиональных стандартах предусматривает использование более современной конструкции в виде сочетаний требований к знаниям, умениям и компетенциям, профессиональному опыту, что позволяет обеспечить преемственность профессиональных стандартов с образовательными стандартами и программами. Анализируя компонент «профессиональные способности», необходимо обращаться к опыту преподавателя, к тому как его знания и умения транслируются в работе и обращать внимание на то, что необходимо для повышения уровня сформированности данного компонента. Приоритетное значение в этой связи отдается мероприятиям по обмену опытом: конференциям, вебинарам, круглым столами, где педагогу возможно получить новые знания, а также оценить свой уровень, выявить проблемные моменты в работе.

Немаловажным является то, что преподаватель может самостоятельно определять формы и методы обучения, сочетая традиционные и инновационные, апробируя различные варианты, разрабатывать авторские методики, формировать собственный педагогический стиль. Это также является показателем профессиональных способностей: наиболее ценно то, что он имеет возможность варьирования, импровизации в процессе обучения в зависимости от ситуации, изменения образовательных запросов студентов, специфики аудитории.

Профессиональные личностные качества выступают основой любой деятельности: и повседневной, и учебной, и профессиональной. Выступая важнейшим компонентом компетентности преподавателя, они также могут совершенствоваться, развиваться. Рассматривая преподавателя как субъекта работы с молодежью, А.Д. Ансбаева [1] говорит об изначальном наличии определенных качеств, влияющих на взаимодействие со студентами: человеколюбие, открытость, коммуникабельность, доброта. Данный список, безусловно, является неполным, однако дополнение его субъективно, в зависимости от персональной позиции преподавателя и понимания целей педагогического общения.

В отношении преподавательской деятельности в исследованиях различных авторов [5, 6, 7] определяется комплекс необходимых составляющих профессиональной компетентности, которые необходимы в высшей школе и практически все говорят о недостаточном уровне методической грамотности. Исследователи подчеркивают, что преподаватели вне зависимости от возраста, профессионального опыта гораздо чаще работают по уже апробированным моделям, алгоритмам чтения лекций, используя готовые вопросы и темы к семинарским занятиям. Низкий уровень педагогической, в том числе методической компетентности не позволяет полноценно реализовать профессиональный потенциал. Педагогическое мастерство, как важнейшее условие преподавательской деятельности, не реализуется в полной мере при работе «по шаблонам», оно должно «раскрываться» в свободной работе, когда преподаватель находит инструменты коммуникации с различными студентами, ориентируется в предметном материале, организует дискуссии, строит свою деятельность на практических примерах. Это стимулирует к саморазвитию и студентов, и самого преподавателя, побуждая находить новые интересные случаи, практические примеры. Кроме того, преподавателю необходимо ориентироваться в современных технологиях, образовательных ресурсах, чтобы рекомендовать их студентам, обучить их использованию [4].

Обозначая проблематику недостаточной сформированности профессиональной компетентности преподавателей высшей школы, конечно же, необходимо говорить о способах и методах ее повышения. Это обусловлено тем, что низкая квалификация преподавателя, небольшой профессиональный опыт, а главное – отсутствие мотивации развития, негативно сказывается на подготовке студентов, на качестве образования. Необходимо напомнить, что в задачи преподавателя входит предоставление студентам возможности развивать свои способности и навыки, которые могут быть полезны в будущем, накапливать социальный опыт и конечно же, уровень педагога должен быть соответствующим. Высококвалифицированный, конкурентоспособный педагог интересен и студентам, и работодателям. Он умеет реализовывать уже апробированные технологии работы, методически грамотен, варьирует приемы и способы педагогического воздействия на студентов в зависимости от изменения запросов аудитории, задействует студентов в различных видах активности.

Говоря об актуальности повышения уровня профессиональной компетентности преподавателей вуза, некоторые исследователи (М.Б. Видревич) подчеркивают, что подобная деятельность в ряде случаев носит формальный характер и включает в себя либо передачу теоретических знаний, либо, наоборот – ориентацию на использование инновационных разработок, технологий без указания их роли, значения в образовательном процессе. Используя «готовый» алгоритм, преподаватель получает возможность внедрения его в практику, и для того, чтобы эта деятельность была эффективной, он должен обладать определенным уровнем знаний и опыта. При отсутствии должного уровня компетентности даже самая эффективная технология «не работает», покажет недостаточно высокие результаты и не будет грамотно реализована. Это влечет за со-

бой снижение учебной и рабочей мотивации, искажение учебной информации и вследствие этого, ухудшение качества образования [2].

Поэтому повышение уровня компетентности становится задачей не только преподавателя либо отдельного вуза, но и государства в целом. Речь идет не столько о ситуативных курсах повышения квалификации, периодических консультациях, но и о регулярном участии преподавателей в различных федеральных и региональных мероприятиях, проектах, программах.

В настоящее время в нашей стране активно реализуются такие проекты как «ДНК России: проводники смыслов», «Голос поколения» (преподаватели), Ежегодный педагогический форум и пр. Участвуя в подобных мероприятиях, преподаватели любого уровня: от ассистента до профессора, активно постигают новые технологии, выявляют социальные проблемы и находят креативные подходы к их решениям. В результате индивидуальной и командной деятельности разрабатываются интересные интеллектуальные творческие и научные продукты. Подобная работа имеет методическую и прикладную ценность, т.к. в ней интегрируются различные мнения, стили работы, взгляды на образовательную проблематику и это является основой для создания новых педагогических школ, направлений работы. Обогащение опыта, разнообразная деятельность, разработка моделей социокультурной коммуникации – это лишь немногие результаты реализации подобных мероприятий, и основа для повышения уровня профессиональной компетентности.

Статус преподавателя высшей школы подразумевает то, что для студентов педагог – это не только транслятор знаний, но и пример для подражания. То, как читаются лекции, ведутся семинары и практикумы, организуется стажировка и практика, в максимальной степени влияет на отдельных студентов и на весь образовательный процесс. Ориентируясь на ФГОС ВО, мы понимаем, что результаты обучения отражаются не только в формальном оценивании (баллах, отметках, рейтинге), но и в уровне мотивации студентов, их ориентированности на дальнейшее продолжение обучения, профессиональную деятельность.

Здесь прослеживается взаимосвязь между профессиональной компетентностью преподавателя и результатами его работы, оценкой студентами своих возможностей. То, что определено в качестве образовательных целей по ФГОС 3++, может выступать критерием эффективности педагогической деятельности и показателем уровня компетентности преподавателя.

Возвращаясь к названным ранее проектам и программам, важно подчеркнуть, что участвуя в них, преподаватели включают студентов, тем самым повышая мотивацию различных достижений. К примеру, совместная активная работа в проекте «Голос поколения» позволяет обеспечить участие в отдельных его программах и преподавателей, и студентов, выводя на уровень модераторов, наставников, что уже является фактором повышения уровня профессиональной компетентности.

Изучение сформированности профессиональной компетентности преподавателя высшей школы не сводится к формальному оцениванию, рейтингу. В каждом вузе разработана система критериев, позволяющая выявить эффективность педагогической деятельности и, как определяющий показатель – уровень профессиональной компетентности либо отдельных компетенций. В качестве таких показателей могут выступать:

- публикационная активность, отражающая методическую грамотность, научно-исследовательские интересы преподавателей;
- средний балл студентов по дисциплинам, которые ведет преподаватель. Текущие и итоговые отметки также могут служить показателем развития профессиональной компетентности преподавателя, критерием качества образования по определенным предметам;
- участие преподавателя в различных мероприятиях (конференции, семинары, круглые столы) как в качестве докладчика, так и организатора, показывает коммуникативные компетенции, профессиональную мотивацию.

Также очень важной является ориентация преподавателя на защиту кандидатской, докторской диссертаций, получение дополнительного образования, что является значимыми факторами повышения уровня профессиональной компетентности.

Образовательная среда вуза, межвузовского взаимодействия благоприятна для всестороннего развития участников образовательного процесса. Однако, не всегда в практике используются все возможности для развития отдельных компетенций, повышения профессионального уровня. Мотивация преподавателей может быть снижена ввиду рутинности рабочего процесса, недостаточной обратной связи от коллег и студентов и многих факторов, которые не способствуют развитию.

Именно поэтому Н.И. Чернышова [10] прежде всего говорит о формировании психологической культуры, закреплении мотивации не только рабочего процесса, но и достижения определенных результатов, саморазвития. Особой составляющей частью профессиональной компетентности, как отмечает указанный исследователь, является креативность преподавателя – многомерное психологическое явление, определяе-

мое как совокупность мыслительных и личностных особенностей, способствующих становлению и проявлению творчества педагога в работе со студентами. И именно данный феномен является основополагающим в повышении уровня компетентности наряду с мотивацией. От того, насколько преподаватель нестандартно, заинтересованно подходит к процессу обучения, зависит и эффективность его работы, и качество усвоения студентами учебного материала. Повышение мотивации способствует повышению уровня психологической культуры, педагогического мастерства и компетентности в целом.

Также психологическая культура влияет на стиль, содержание коммуникации педагога и если преподаватель отмечает наличие сложностей, понимает, что не может разрешить самостоятельно какие-то проблемные моменты, он имеет возможность обратиться в психологическую службу вуза, к более опытным коллегам за консультацией и это также помогает повышению уровня профессиональной компетентности [9].

Выводы

Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы является необходимым условием его педагогической деятельности, обеспечения качества образования. Однако, анализируя данный термин, важно рассматривать как его формальные критерии (рейтинг, повышение квалификации), так и ценностно-мотивационную сферу, личностные качества, которые составляют основу взаимодействия со студентами. Необходимо говорить о построении системы работы с преподавателями, отражающей требования современного образовательного процесса, а также способствующей личностному росту самоактуализации.

В связи с этим мы считаем необходимым обратить внимание на необходимость разработки персональной траектории профессионального развития преподавателя, которая может быть закреплена в таких документах как индивидуальный план работы, план научно-исследовательской деятельности и пр. В его содержании преподаватель самостоятельно намечает направления личностного и профессионального развития (планирование повышения квалификации, публикационная активность, участие в различных мероприятиях, обмен опытом). Множественность направлений повышает возможности активизации личностного и рабочего потенциала, обеспечивает активное участие преподавателя, как субъекта образовательного процесса.

При этом, ориентируясь на богатую практику по работе с преподавателями, мы подчеркиваем значимость обращения к фундаментальному понятию «профессиональная компетентность», важность трансформации его компонентов в условиях новой образовательной реальности.

Список источников

1. Ансбаева А.Д. Педагог, как субъект воспитания молодежи // Проектирование. Опыт. Результат. 2024. № 1. С. 12 – 15.
2. Видревич М.Б., Первухина И.В. Особенности формирования университетов третьего поколения в России // КПЖ. 2018. № 5 (130). С. 46 – 50.
3. Видревич М.Б., Первухина И.В. Повышение педагогической компетентности преподавателей высшей школы России // КПЖ. 2022. № 4 (153). С. 50 – 57.
4. Гафурова Н.В., Осипова С.И., Шубкина О.Ю. Адаптивная система развития преподавателей для реализации образовательного процесса в идеологии CDIO // ПНиО. 2019. № 5 (41). С. 441 – 451.
5. Дикова Т.В., Смирнова Е.А., Горохова И.В. Компетентностный подход в системе высшего образования: проблемы и перспективы // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 11 – 13.
6. Ильина И.Ю. Трансформация профессиональной деятельности преподавателей вузов в условиях цифровизации образования: тенденции и риски // Вестник Мининского университета. 2024. № 4 (49). С. 1 – 17.
7. Коряковцева О.А. Модернизация системы профессионального развития научно-педагогических работников в условиях вуза // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 8 – 17.
8. Останина С.А., Птицына Е.В. Компетентностный подход к обучению студентов вуза в условиях реализации образовательных стандартов третьего поколения // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. С. 1 – 12.
9. Тиханова Н.Е., Сергеева М.Г. Методическая компетентность преподавателя при реализации личностно ориентированного обучения в современном вузе: содержательный аспект // Концепт. 2025. №7. С. 88-101.
10. Чернышева Н.И. Психологическая культура преподавателя вуза в системе профессиональной культуры образовательного социума // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2019. № 3. С. 1 – 15.

References

1. Ansabaeva A.D. Teacher as a Subject of Youth Education. Design. Experience. Result. 2024. No. 1. P. 12 – 15.
2. Vidrevich M.B., Pervukhina I.V. Features of the Formation of Third-Generation Universities in Russia. KPZh. 2018. No. 5 (130). P. 46 – 50.
3. Vidrevich M.B., Pervukhina I.V. Improving the Pedagogical Competence of Teachers of Higher Education in Russia. KPZh. 2022. No. 4 (153). P. 50 – 57.
4. Gafurova N.V., Osipova S.I., Shubkina O.Yu. Adaptive System of Teacher Development for the Implementation of the Educational Process in the CDIO Ideology. PNiO. 2019. No. 5 (41). P. 441 – 451.
5. Dikova T.V., Smirnova E.A., Gorokhova I.V. Competence-based approach in the system of higher education: problems and prospects. Modern pedagogical education. 2020. No. 6. P. 11 – 13.
6. Ilyina I.Yu. Transformation of professional activities of university teachers in the context of digitalization of education: trends and risks. Bulletin of Minin University. 2024. No. 4 (49). P. 1 – 17.
7. Koryakovtseva O.A. Modernization of the system of professional development of scientific and pedagogical workers in a university setting. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2023. No. 6 (135). P. 8 – 17.
8. Ostanina S.A., Ptitsyna E.V. Competency-based approach to teaching university students in the context of implementing third-generation educational standards. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. No. 5. P. 1 – 12.
9. Tikhanova N.E., Sergeeva M.G. Methodological competence of a teacher in implementing personally oriented learning in a modern university: the substantive aspect. Concept. 2025. No. 7. P. 88 – 101.
10. Chernysheva N.I. Psychological culture of a university teacher in the system of professional culture of the educational society. A-factor: scientific research and development (humanities). 2019. No. 3. P. 1 – 15.

Информация об авторах

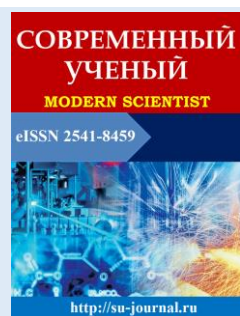
Коновалова И.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, i_n_kon@rambler.ru

Копосова Е.Г., кандидат педагогических наук, доцент, Военная академия связи им. С.М. Буденного, Koposova2000@mail.ru

Тырышкин С.Ю., кандидат технических наук, доцент, Алтайский государственный технический университет им И.И. Ползунова, service.vip-spe@yandex.ru

Чугаева К.М., старший преподаватель, Институт радиоэлектроники и информатики, МИРЭА – Российский технологический университет, chugaeva@mirea.ru

© Коновалова И.Н., Копосова Е.Г., Тырышкин С.Ю., Чугаева К.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.2

Научно-исследовательская деятельность как критерий эффективности профессиональной деятельности преподавателей вуза

¹Тодис Л.М., ²Куртукова О.В., ³Фролагина Е.В.

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,*

² *Школа № 112 с углубленным изучением информатики, г. Новокузнецк,*

³ *Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева*

Аннотация: на современном этапе развития высшего образования качеству обучения уделяется большое внимание и в связи с этим актуализируются вопросы изучения эффективности профессиональной деятельности преподавателей. Данная работа посвящена исследованию такого важнейшего критерия эффективности как научно-исследовательская деятельность. Автор подчеркивает, что преподаватель высшего учебного заведения является не только транслятором новых знаний, наставником студентов, но и специалистом, который постоянно развивается, совершенствуется. И от того, насколько успешно проходит данный процесс, зависит, в том числе, и качество образования.

В публикации анализируются такие компоненты научно-исследовательской деятельности как публикационная активность, участие в различных конференциях и круглых столах, разработка интеллектуальных продуктов. Данные виды деятельности рассматриваются как неотъемлемые компоненты работы преподавателя, получающие прямое отражение в образовательном процессе, обучении студентов научной методологии.

В пример автор приводит опыт ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», где указанные критерии включаются в кафедральный отчет по научно-исследовательской деятельности, а также в эффективный контракт, как в составляющую оплаты труда профессорско-преподавательского состава.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, эффективность работы, качество образования, высшая школа, эффективный контракт, публикационная активность, научные интересы, участие в конференциях

Для цитирования: Тодис Л.М., Куртукова О.В., Фролагина Е.В. Научно-исследовательская деятельность как критерий эффективности профессиональной деятельности преподавателей вуза // Современный ученый. 2026. № 4. С. 337 – 343.

Поступила в редакцию: 30 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Research activities as a criterion of the effectiveness of professional activities of university teachers

¹Todis L.M., ²Kurtukova O.V., ³Frolagina E.V.

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

² *Secondary School No. 112, Novokuznetsk,*

³ *Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev*

Abstract: at the current stage of development of higher education, the quality of education is paid great attention and in this regard, the issues of studying the effectiveness of professional activities of teachers are actualized. This work is devoted to the study of such an important criterion of efficiency as research activities. The author emphasizes that a teacher of a higher educational institution is not only a transmitter of new knowledge, a mentor of students, but also a specialist who constantly develops and improves. And the quality of education depends, among other things, on how successful this process is.

The publication analyzes such components of research activity as publication activity, participation in various conferences and round tables, and the development of intellectual products.

These activities are considered to be integral components of a teacher's work, which are directly reflected in the educational process and in teaching students scientific methodology.

As an example, the author cites the experience of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State University", where these criteria are included in the departmental report on research activities, as well as in the effective contract, as a component of the remuneration of the teaching staff.

Keywords: research activities, work efficiency, quality of education, higher education, effective contract, publication activity, scientific interests, participation in conferences

For citation: Todis L.M., Kurtukova O.V., Frolagina E.V. Research activities as a criterion of the effectiveness of professional activities of university teachers. Modern Scientist. 2026. 4. P. 337 – 343.

The article was submitted: October 30, 2025; Approved after reviewing: December 27, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Специфика современного высшего образования обуславливает необходимость смены понимания уровня профессиональной компетентности преподавателя, критериев эффективности его деятельности. Необходимо отметить, что результативность работы преподавателя возможно определять различными способами. Большинство вузов имеют свою систему оценки качества образования, в том числе и преподавательской деятельности. Однако есть категории, которые являются важными для всех высших учебных заведений и к их числу относится научно-исследовательская деятельность.

Реалии высшей школы таковы, что ее основу составляет деятельность высококвалифицированных, конкурентоспособных преподавателей, активно проявляющих себя как педагогов, научных работников, исследователей. Показатели эффективности их деятельности являются немаловажными компонентами работы кафедры, института, учитываются при аттестации, аккредитации вуза. В соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования 3++, образовательными результатами, которые в них сформулированы, преподавателю просто необходимо, кроме обучения, осуществлять еще научно-поисковую работу, анализировать методические разработки, создавать авторские методики, технологии.

В большинстве случаев научно-исследовательскую деятельность рассматривают как составную часть профессиональной деятельности педагога, фактор развития профессионализма и форму реализации творческого потенциала личности преподавателя. То, насколько часто преподаватель публикуется, создает учебно-методические комплексы, разработки, влияет на качество образования, отражает его мотивацию, стремление к познанию нового, а также к созданию интеллектуальных продуктов.

Кроме того, в ряде случаев, проведенные и опубликованные исследования напрямую влияют на оплату труда, отражаясь в эффективном контракте, приказах о стимулирующих доплатах и пр. Безусловно, финан-

совая составляющая играет немаловажную роль в повышении исследовательской мотивации преподавателей, как и иные способы поощрения данного вида работы.

Кроме того, как показывают исследования различных авторов [1, 3], а также практика высшего образования, большинство научных разработок носят не только теоретический, но и прикладной характер. Их обязательными составляющими являются научная новизна, практическая значимость, что нацеливает преподавателей не только на исследовательскую, но и проектно-прикладную деятельность.

Материалы и методы исследований

В данной работе были не только изучены публикации современных авторов, посвященные научно-исследовательской деятельности в высшей школе, но и проанализирован опыт ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» на предмет отражения компонентов научно-исследовательской деятельности в эффективном контракте. Указанный документ является основой для формирования стимулирующей надбавки к окладу преподавателей и конечно же, влияет на подобного рода активность.

Публикации Е.И. Аржиловской, А.В. Чумаковой, А.И. Чучалина актуализируют роль научно-исследовательской деятельности в высшей школе и изучая их, возможно обосновать трансформацию роли современного преподавателя, уделяя максимальное значение наряду с педагогической, научной деятельности.

В работах Ю.В. Маркеловой, М.Е. Корневской актуализируется значимость научной работы в функционировании вуза, подчеркивается, что качество высшего образования зависит от того, насколько преподаватели «погружены» в науку, имеют возможность знакомиться с новейшими исследованиями и создавать собственные разработки.

Кроме того, в контексте исследования важно актуализировать компоненты научно-исследовательской деятельности, чтобы изучить содержание и значимость каждого. Необходимую информацию возможно найти в публикациях П.В. Деркачева, Ж.Л. Варакиной, Н.С. Гусевой, Н.С. Клишевич.

Результаты и обсуждения

Пространство современного высшего образования создает условия для всестороннего развития участников образовательного процесса, повышения качества образования. При этом, несмотря на множество факторов, которые стимулируют активность студентов и преподавателей, актуальным остается вопрос об измерении качества обучения, об определении критериев эффективности педагогической деятельности [4].

Данная тема является приоритетной для изучения и понимания в контексте реализации ФГОС ВО поколения 3++, т.к. данные стандарты содержат обновленные результаты обучения в вузе и обуславливают пересмотр требований к компетентности преподавателя и к определению эффективности его деятельности.

Высококвалифицированные, «эффективные» преподаватели готовят будущих специалистов, которые конкурентоспособны, востребованы, необходимы работодателям, способствуют социальному и экономическому развитию общества [2]. Именно поэтому вопрос об эффективности работы преподавателя, различных ее составляющих, в том числе, научно-исследовательской деятельности является одним из приоритетных в высшем образовании.

Опираясь на мнение И.Н. Ким [6] необходимо отметить, что достижению целей, поставленных в стандартах, наряду с ресурсным обеспечением вуза, способствует высокий уровень квалификации преподавателя, множественность его ролей (педагог, исследователь, практик), умение разрабатывать новые идеи, проекты и воплощать их. Подобная деятельность возможна лишь в том случае, когда преподаватель анализирует научные публикации последних лет, представляет свой опыт на семинарах, конференциях, круглых столах, пишет статьи, учебно-методические пособия, обменивается опытом с коллегами.

Вышеуказанный автор говорит о недостаточном внимании к научно-исследовательской деятельности преподавателей, «кризисным» явлениям, которые сопровождают профессиональное развитие педагога – ведь опубликовать научную статью, издать учебное пособие не для всех является доступным. Кроме того, подобная деятельность не всегда находит должную поддержку, стимулирование и это негативно влияет на мотивацию преподавателей, их публикационную активность, участие в выездных научных мероприятиях [7].

Данная ситуация связана с тем, что в системе высшего образования до сих пор отсутствуют четкие количественные показатели в соответствующих общегосударственных требованиях к определению квалификационного уровня профессорско-преподавательского состава [10]. Это в существенной степени ослабляет общественно-государственный контроль над уровнем его квалификации, снижает планку требований к нему, что приводит к нечетким формулировкам ролей и функций преподавателей университета и в итоге – к снижению качества образовательного процесса [8]. Безусловно, необходимо принимать во внимание, что на присвоение звания «доцент/профессор ВАК» оказывает существенное влияние научно-

исследовательская активность, количество публикаций, защищенных аспирантов. Однако, если говорить о должности доцента и профессора по кафедре, то количество публикаций и выступлений реализуется скорее для «поддержания статуса», увеличения кафедральных, институтских показателей.

Несмотря на отмеченные сложности, все же вопрос об исследовательской деятельности преподавателя вуза достаточно актуален. М.В. Пашина, А.А. Петрусевиц [9] в своем исследовании отмечают, что компетентностный подход как основа современных ФГОС ВО обуславливает необходимость активизации преподавателя как исследователя, изучающего и создающего новые знания. Только компетентный педагог, как подчеркивают исследователи, может строить работу со студентами, формировать у них проектные, поисковые компетенции, создавать новые идеи и воплощать их. Обладая высоким уровнем исследовательских навыков, ориентируясь в научном пространстве не только преподаваемой дисциплины, но и смежных, преподаватель передает знания студентам, обеспечивая высокое качество образования [5].

По мнению М.В. Пашиной и А.А. Петрусевиц «...исследовательская компетентность отличается глубокой теоретической грамотностью и владением комплекса исследовательских методов в осуществлении научного исследования, в умении обработки и анализа получаемых результатов, в формулировании выводов и интерпретации исследовательских материалов» [9, с. 98]. Обладая теоретическими знаниями, наработками, преподаватель может провести диагностику, мониторинг, провести эксперимент, обработать, интерпретировать его результаты и интегрировать их в практику, что повышает качество образования.

Для того, чтобы подтвердить сложность и значимость научно- исследовательской деятельности преподавателя в контексте взаимосвязи с эффективностью его работы, необходимо более подробно исследовать ее содержание и критерии на примере конкретного высшего учебного заведения.

На базе ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» научно-исследовательская деятельность преподавателей актуальна, она стимулируется, поддерживается и отражается в различных документах. Среди основных необходимо выделить:

- план-отчет о конгрессно-выставочных мероприятиях, который включает перечень мероприятий международного характера, связанных с презентацией научных разработок и образовательного опыта сотрудников университета, организацией и участием преподавателей различных стран и регионов РФ. Данная форма работы подчеркивает значимость научно- исследовательской деятельности в международном пространстве и предоставляет преподавателям возможности самореализации в научном сотрудничестве с другими вузами;

- план\ отчет о научно- технических мероприятиях отражает научно- исследовательскую деятельность, демонстрационные мероприятия с использованием цифровых технологий. В перечень подобных критериев входит проведение мастер- лекций, круглых столов, вебинаров, родительских собраний, лекций и бесед, на которых транслируются передовые научные разработки, освещаются актуальные практические вопросы. К примеру, Научный центр Российской академии образования ВолГУ регулярно проводит всероссийские методические семинары, освещающие последние достижения педагогической науки и практики;

- отчет кафедры/института о научно-исследовательской работе является одним из самых объемных отчетных документов, который составляется в конце календарного года. Он включает в себя несколько разделов, посвященных именно научно- исследовательской деятельности. Обязательным для данного отчета является учет количества изданных учебников (в том числе, с грифом Министерства образования и науки), учебно-методических пособий. Данный показатель отражает фундаментальный характер исследований преподавателей, стабильность и основательность научных интересов. Наиболее обширный раздел включает количество публикаций преподавателей за год, причет в дифференциации: статьи ВАК, статьи РИНЦ, SCOPUS, WEB OF SCIENCE, имеющих RSCI. Такое деление очень важно, т.к. отражает не только количественные, но и качественные показатели (объем, уровень публикации). Возможно проследить взаимосвязь уровня издания и уровня профессиональной компетентности, активности научной деятельности преподавателя. И в данном случае внимание уделяется даже таким деталям как градация публикаций внутри перечня ВАК (Всероссийской аттестационной комиссии): Белый список, категории К1, К2, К3, без категории – все эти показатели важны для изучения рабочей мотивации преподавателей, в особенности, в случаях подготовки документов на научное звание доцента/профессора, написания диссертации, что само по себе является критерии научно- исследовательской деятельности.

Также необходимо упомянуть такой показатель как участие преподавателей в научно- практических мероприятиях: конференциях, круглых столах, семинарах. Отдельно в данном пункте учитывается организация мероприятий, как деятельностный компонент, повышающий эффективность профессиональной деятельности. Это обусловлено тем, что кроме научно-исследовательских компетенций в данном случае актуализируются проблемно- поисковые, организаторские, педагогические. Данная составляющая позволяет

конкретизировать не только работу с текстами, проведение диагностической и экспериментальной деятельности, но и коммуникативные компетенции, умения демонстрации научных достижений.

Положительным моментом, стимулирующим исследования преподавателей в научной сфере является то, что результаты публикационной активности включаются в отдельный раздел эффективного контракта, влияющего на оплату труда преподавателей. Конечно же, с одной стороны, это можно охарактеризовать как фактор, повышающий мотивацию к публикациям, разработке интересных тем. Но с другой стороны, необходимо обозначить проблематику качества публикаций: важно, чтобы не было «погони за количеством», от которого зависит надбавка при оплате труда. И важным преимуществом, «гарантом» качества научной деятельности выступает рецензирование в журналах либо в университете. Оно осуществляется анонимно, в несколько этапов, что исключает субъективность и предвзятость.

Касаясь исследуемого вуза необходимо отметить, что научно-исследовательская деятельность является важнейшим показателем уровня квалификации преподавателей и реализуется с участием множества российских и зарубежных партнеров. На стыке совместных исследований создаются интересные межрегиональные и международные научно-исследовательские проекты, для реализации которых необходим высокий уровень профессиональной компетентности, методической и научной грамотности, определенный социальный опыт.

В контексте этого, актуализируется раздел, отражающий участие педагогов в конкурсных и грантовых исследованиях, поддерживаемых научными фондами (к примеру, Росмолодежь, Российский научный фонд и пр.) Подобные мероприятия не только повышают статус преподавателя, кафедры, вуза, но и позволяют активизировать дополнительные ресурсы для исследований (дополнительное финансирование, технологическое и техническое обеспечение).

Исследования по грантам носят фундаментальный и прикладной, однако достаточно углубленный и длительный характер, что отражает направленность работы преподавателей, их научные интересы. Это также важно для определения ведущих видов исследований кафедр, институтов и может характеризоваться как значимый показатель эффективности преподавательской деятельности.

Выводы

Исходя из результатов исследования возможно сделать следующие выводы:

Научно-исследовательская деятельность преподавателя вуза способствует:

- обогащению содержания преподаваемой дисциплины новыми знаниями и методами их поиска, обработки и трансформации;
- повышению квалификации и потенциала преподавателя. Научная работа обеспечивает высокий уровень владения теоретическими основами профессии, которой обучает преподаватель. Кроме того, в ходе реализации научных разработок преподаватель использует множество различных ресурсов, совершенствует поисково-прогностические компетенции;
- формированию педагогической позиции преподавателя и самосовершенствованию. Наличие авторских разработок, публикаций, участие в грантовых и конкурсных исследованиях повышает статус преподавателя, увеличивает количество обращений и цитат его работ.

Однако, для того, чтобы научно-исследовательская деятельность велась максимально эффективно, необходимы благоприятные условия, которые повышают мотивацию преподавателя:

- наличие коллектива соавторов (на кафедре, факультете, в институте), делающее публикации более доступными. Это позволяет разработать рукопись с единомышленниками, объединиться для софинансирования;
- обязательное включение показателей научно-исследовательской деятельности в эффективные контракты, положения о стимулирующих надбавках, что является немаловажным фактором стимулирования исследовательской деятельности;
- различные способы нематериального поощрения преподавателей, активно ведущих научную работу (похвала, возможность отметить среди коллег).

Научно-исследовательская деятельность является не только показателем эффективной работы преподавателя высшей школы, но и способствует расширению научно-методической базы образовательного процесса, позволяет обобщить и проанализировать накопленный опыт.

Необходимо подытожить, что качество научно-образовательной деятельности находится в зависимости от различных факторов: ресурсного и кадрового обеспечения, контактов и масштаба сотрудничества вуза. Однако, в данном случае приоритетным является высокий уровень компетентности профессорско-преподавательского состава, активность в различных направлениях, что влияет на качество образования, мотивирование студентов к научным исследованиям. Те высшие учебные заведения, которые ответственно

подходят к реализации своей миссии, высоко оценивают научно-исследовательских потенциал преподавателей, большое внимание уделяют мониторингу и стимулированию публикаций, научно-издательской деятельности, участию в различного рода мероприятиях преподавателей. И конечно же, это является важнейшим фактором повышения эффективности работы педагога и вуза в целом.

Список источников

1. Аржиловская Е.И., Чумакова А.В. Роль научно-исследовательской работы в деятельности преподавателя вуза нового поколения // *European journal of education and applied psychology*. 2016. № 2. С. 4 – 7.
2. Васильев И.А. Научно-исследовательская деятельность преподавателей вуза: направления, результаты, перспектива. Социологический контент // *Образование и наука*. 2016. №4 (133). С. 4-18.
3. Гладков А.Н., Плюхин А.Ю. Мониторинг как ключевой элемент в формировании готовности преподавателей военных вузов к научно-исследовательской деятельности // *Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии*. 2024. № 4 (16). С. 22 – 26.
4. Деркачев П.В., Варакина Ж.Л., Гусева Н.С., Клишевич Н.С. субъективная оценка преподавателями вузов влияния эффективного контракта на повышение показателей их научно-исследовательской работы // *Университетское управление: практика и анализ*. 2022. № 1. С. 54 – 67.
5. Жаринова Е.Н. Психолого-акмеологические факторы развития коммуникативной культуры преподавателя высшей школы // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2016 № 4-1. С. 142 – 149.
6. Ким И.Н. Профессиональная деятельность преподавателя российского вуза: сложившиеся стереотипы и необходимость перемен // *Высшее образование в России*. 2014. №4. С. 39 – 47.
7. Корневская М.Е. Практико-ориентированный компонент образовательного процесса в современной высшей школе в контексте современных ФГОСОВ // *Проектирование. Опыт. Результат*. 2024. № 2. С. 51 – 55.
8. Маркелова Ю.В., Нурмиева С.В. Научная деятельность вуза как ресурс инновационного развития // *Проектирование. Опыт. Результат*. 2025. № 1. С. 156 – 161.
9. Пашина М.В., Петрусович А.А. исследовательская компетентность преподавателя вуза при работе со студентами на основе советской научной деятельности // *МНКО*. 2021. № 3 (88). С. 97 – 100.
10. Халадов Х.А.С., Головина И.В., Папуткова Г.А. Публикационная активность педагогических вузов: количественные и качественные показатели // *Высшее образование в России*. 2022. № 2. С. 58 – 67.
11. Чучалин А.И. Подход CDIO++ к совершенствованию научно-педагогической деятельности преподавателей университета // *Высшее образование в России*. 2019. № 5. С. 18 – 36.

References

1. Arzhilovskaya E.I., Chumakova A.V. The Role of Research Work in the Activities of a New Generation University Teacher. *European Journal of Education and Applied Psychology*. 2016. No. 2. P. 4 – 7.
2. Vasiliev I.A. Research Activities of University Teachers: Directions, Results, Prospects. *Sociological Content. Education and Science*. 2016. No. 4 (133). P. 4 – 18.
3. Gladkov A.N., Plyukhin A.Yu. Monitoring as a Key Element in Developing the Readiness of Military University Teachers for Research Activities. *Almanac of the Perm Military Institute of the National Guard Troops*. 2024. No. 4 (16). P. 22 – 26.
4. Derkachev P.V., Varakina Zh.L., Guseva N.S., Klishevich N.S. Subjective assessment by university lecturers of the impact of an effective contract on improving their research performance. *University Management: Practice and Analysis*. 2022. No. 1. P. 54 – 67.
5. Zharinova E.N. Psychological and acmeological factors in the development of a higher education teacher's communicative culture. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2016. No. 4-1. P. 142 – 149.
6. Kim I.N. Professional activity of a Russian university lecturer: established stereotypes and the need for change. *Higher education in Russia*. 2014. No. 4. P. 39 – 47.
7. Korenevskaya M.E. Practice-oriented component of the educational process in modern higher education in the context of modern Federal State Educational Standards. *Design. Experience. Result*. 2024. No. 2. P. 51 – 55.
8. Markelova Yu.V., Nurmieva S.V. Scientific activity of the university as a resource for innovative development. *Design. Experience. Result*. 2025. No. 1. P. 156 – 161.

9. Pashina M.V., Petrusevich A.A. Research competence of a university teacher when working with students based on Soviet scientific activity. MNKO. 2021. No. 3 (88). P. 97 – 100.
10. Khaladov Kh.A.S., Golovina I.V., Paputkova G.A. Publication activity of pedagogical universities: quantitative and qualitative indicators. Higher education in Russia. 2022. No. 2. P. 58 – 67.
11. Chuchalin, A.I. The CDIO++ Approach to Improving the Scientific and Pedagogical Activities of University Faculty. Higher Education in Russia. 2019. No. 5. P. 18 – 36.

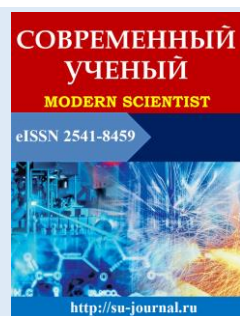
Информация об авторах

Тодис Л.М., кандидат педагогических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, lorinda@yandex.ru

Куртукова О.В., заместитель директора по учебно-воспитательной работе, Школа № 112 с углубленным изучением информатики, г. Новокузнецк, ovkurtukova@yandex.ru

Фролагина Е.В., кандидат физико-математических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, frolaginaev@gmail.com

© Тодис Л.М., Куртукова О.В., Фролагина Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 378.014.1:378.093

Теоретико-методологические основы интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов

^{1, 2} Ян Тао

¹ Профессиональный институт новых энергетических технологий провинции Цзянси, Китай,

² Алтайский государственный университет

Аннотация: в статье представлены теоретико-методологические основания интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов. Рассматриваются системно-деятельностный и культурно-исторический подходы как методологическая база исследования, а также концепции ведущих китайских и российских авторов, раскрывающих содержание, цели и организационные механизмы предпринимательского образования. На основе анализа учебных планов Пекинского педагогического университета, Университета Цинхуа, Шанхайского университета и Колледжа промышленности и торговли Наньхуа разработана иерархичная педагогическая модель интеграции, включающая целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты. Модель отражает многоуровневую организацию процесса, обеспечивающую формирование предпринимательских компетенций, универсальных учебных действий и ценностных ориентаций студентов. Результаты исследования имеют практическую значимость для проектирования и корректировки образовательных программ вузов и способствуют развитию научно-педагогической базы предпринимательского образования в КНР.

Ключевые слова: предпринимательское образование, интеграция, учебный процесс, китайские вузы, педагогическая модель, компетенции, междисциплинарность

Для цитирования: Ян Тао Теоретико-методологические основы интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов // Современный ученый. 2026. № 4. С. 344 – 349.

Поступила в редакцию: 31 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Theoretical and methodological foundations of integrating entrepreneurship education into the curriculum of Chinese universities

^{1, 2} Yang Tao

¹ Jiangxi Province Professional Institute of New Energy Technology, China,

² Altai State University

Abstract: the article presents the theoretical and methodological foundations for integrating entrepreneurship education into the curriculum of Chinese universities. System-activity and cultural-historical approaches are considered as the methodological basis of the study, along with the concepts of leading Chinese and Russian scholars, revealing the content, objectives, and organizational mechanisms of entrepreneurship education. Based on the analysis of curricula from Beijing Normal University, Tsinghua University, Shanghai University, and Nanhua College

of Industry and Commerce, a hierarchical pedagogical model of integration was developed, including target, content, process, and result components. The model reflects a multi-level organization of the process, ensuring the formation of entrepreneurial competencies, universal learning activities, and students' value orientations. A diagram is proposed to visualize the components and levels of the model, as well as a table of quantitative indicators of integration implementation. The results of the study have practical significance for designing and adjusting university curricula and contribute to the scientific and pedagogical development of entrepreneurship education in China.

Keywords: entrepreneurship education, integration, curriculum, Chinese universities, pedagogical model, competencies, interdisciplinarity

For citation: Yang Tao Theoretical and methodological foundations of integrating entrepreneurship education into the curriculum of Chinese universities. Modern Scientist. 2026. 4. P. 344 – 349.

The article was submitted: October 31, 2025; Approved after reviewing: December 29, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В условиях перехода Китайской Народной Республики к модели китайской модернизации высшего образования предпринимательское образование приобретает статус стратегического педагогического ресурса, направленного на формирование инновационного человеческого капитала. В рамках педагогической науки данное направление осмысливается как особый сегмент профессионального образования, интегрированный в учебный процесс и ориентированный на развитие у студентов способности к продуктивной преобразующей деятельности. Ц. Ван отмечает, что становление государственно-общественной системы обеспечения качества высшего образования в Китае создало институциональные предпосылки для включения предпринимательской подготовки в структуру образовательных программ вузов, что позволило рассматривать ее не как факультативный элемент, а как системообразующий компонент профессиональной подготовки [7, с. 112].

Т.Л. Гурулева и В. Бин подчеркивают, что специфика китайской модели высшего образования определяется сочетанием государственных и партийных механизмов управления, что оказывает непосредственное влияние на цели, содержание и методы предпринимательского образования [8, с. 642]. С их точки зрения, интеграция предпринимательского образования в учебный процесс осуществляется в логике воспитательно-образовательного единства, где экономическая инициативность соотносится с социально значимыми и идеологическими ценностями.

В. Чэнь считает, что концепция подготовки «трехтворческих» талантов, получившая распространение в китайских вузах, представляет собой педагогическую модель, в рамках которой предпринимательское образование выступает как средство формирования инновационного мышления, предпринимательской культуры и креативных способностей студентов [11, с. 19]. Автор указывает на необходимость целенаправленной интеграции предпринимательских модулей в содержание профессиональных дисциплин, что обеспечивает целостность образовательного процесса.

С. Сяо и С. Тяньцзы рассматривают предпринимательское образование в контексте цифровой трансформации высшей школы и считают, что в эпоху цифрового интеллекта особое значение приобретает разработка практико-ориентированных образовательных моделей, обеспечивающих связь теоретической подготовки студентов с реальной предпринимательской деятельностью [9, с. 370].

Таким образом, анализ авторских концепций позволяет констатировать, что в педагогической науке предпринимательское образование в Китае рассматривается как системный феномен, требующий научного обоснования его интеграции в учебный процесс вузов. Вместе с тем сохраняется необходимость комплексного анализа теоретико-методологических оснований данного процесса с учетом современных образовательных практик.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования базируется на положениях общей педагогики и теории профессионального образования, а также на системном и интегративном подходах, позволяющих рассматривать предпринимательское образование как структурный компонент учебного процесса высшей школы. Теоретическую рамку исследования составили концепции М. Цянь, обосновывающего интеграцию предпринимательских компетенций в профессиональную подготовку студентов в условиях международного образовательного взаимодействия [10, с. 47], С. Цзи, В. Ли и С. Чжу, раскрывающих связь предпринимательского

образования с идеологическим и политическим воспитанием в китайских вузах [2, с. 381], С. Дэн, акцентирующего значение практико-ориентированных педагогических технологий в реформировании предпринимательских курсов [1, с. 1324], Д. Ван, рассматривающего предпринимательское образование как элемент китайской модернизации высшей школы [4, с. 48], а также С. Ван, С. Лю и Л. Чжан, подчеркивающих необходимость разработки национально обусловленных методологических оснований интеграции предпринимательского образования [5, с. 7].

Эмпирическую базу исследования составили учебные планы и образовательные программы Пекинского педагогического университета, Университета Цинхуа, Шанхайского университета и Колледжа промышленности и торговли Наньхуа, в которых предпринимательское образование реализуется через курсы 创新创业教育 («Инновационно-предпринимательское образование»), 大学生创业基础 («Основы студенческого предпринимательства»), 创新思维与实践 («Инновационное мышление и практика»), 设计与创业融合课程 («Интеграция дизайна и предпринимательства»), а также 思想政治教育与实践 («Идеологико-политическое воспитание и предпринимательская практика»). Анализ осуществлялся с использованием методов теоретического анализа, контент-анализа учебных программ и сравнительно-педагогического анализа, что позволило выявить особенности интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов.

Результаты и обсуждения

Результаты анализа учебных планов и образовательных программ китайских университетов позволили разработать обобщенную педагогическую модель интеграции предпринимательского образования в учебный процесс высшей школы, отражающую устойчивые структурные и функциональные характеристики данного процесса. Установлено, что интеграция предпринимательского образования реализуется как многоуровневая система, в которой предпринимательская подготовка не изолируется в рамках отдельных дисциплин, а включается в целостную логику профессионального и воспитательного образования студентов.

Структурно модель интеграции предпринимательского образования включает: (1) целевой компонент; (2) содержательный компонент; (3) процессуальный компонент; (4) результативный компонент.

Целевой компонент модели ориентирован на формирование у студентов готовности к инновационной и предпринимательской деятельности, понимаемой в педагогическом контексте как совокупность мотивационных, когнитивных и деятельностных характеристик личности. Содержательный компонент представлен совокупностью учебных дисциплин и модулей, включенных в образовательные программы университетов, в том числе курсов 创新创业教育 («Инновационно-предпринимательское образование»), 大学生创业基础 («Основы студенческого предпринимательства») и 创新思维与实践 («Инновационное мышление и практика»), реализуемых в Пекинском педагогическом университете, Университете Цинхуа и Шанхайском университете. Процессуальный компонент модели раскрывается через использование практико-ориентированных педагогических технологий, проектного обучения и междисциплинарных форм организации учебной деятельности, что обеспечивает связь теоретического обучения с практикой предпринимательства. Результативный компонент выражается в формировании предпринимательских компетенций, универсальных учебных действий и социально значимых личностных качеств студентов.

Анализ эмпирических материалов показал, что модель интеграции предпринимательского образования функционирует на трех взаимосвязанных уровнях. На институциональном уровне предпринимательское образование закрепляется в образовательной политике университетов и учебных планах как обязательный или вариативный компонент подготовки. На содержательно-деятельностном уровне осуществляется интеграция предпринимательских знаний и умений в профессиональные дисциплины, а также в междисциплинарные курсы, такие как 设计与创业融合课程 («Интеграция дизайна и предпринимательства»), реализуемые в Колледже промышленности и торговли Наньхуа. На личностно-результативном уровне формируются ценностные установки, инициативность и готовность студентов к самостоятельной профессиональной и предпринимательской деятельности, что усиливается включением курсов 思想政治教育与实践 («Идеологико-политическое воспитание и предпринимательская практика»).

Для визуализации структуры модели могут быть использованы данные, отражающей соотношение основных компонентов и уровней модели.

Рис. 1. Модель интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов.
Fig. 1. Model of integrating entrepreneurship education into the educational process of Chinese universities.

Обобщенные результаты эмпирического анализа представлены в табл. 1, отражающей ключевые характеристики реализации модели.

Таблица 1

Показатели интеграции предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов.

Table 1

Indicators of the integration of entrepreneurship education into the educational process of Chinese universities.

Шифр показателя	Содержание показателя	Значение показателя
П1	Доля предпринимательских дисциплин в учебном плане	10-15 %
П2	Уровень междисциплинарной интеграции курсов	85-90 %
П3	Степень практико-ориентированности обучения	80 %
П4	Включенность идеологико-воспитательного компонента	100 %
П5	Вариативность форм учебной деятельности	70-75 %

Качественный анализ полученных результатов свидетельствует о том, что интеграция предпринимательского образования в китайских вузах носит системный и целенаправленный характер и соответствует педагогической логике развития высшей школы в условиях модернизации. Обсуждение результатов позволяет утверждать, что разработанная модель обеспечивает целостность учебного процесса, согласование образовательных и воспитательных задач, а также преемственность формирования предпринимательских компетенций. Вместе с тем выявленные различия в степени практико-ориентированности и вариативности учебных форм указывают на необходимость дальнейшего педагогического осмысления механизмов реализации модели и их адаптации к условиям конкретных университетов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интеграция предпринимательского образования в учебный процесс китайских вузов представляет собой сложный педагогический процесс, основанный на сочетании теоретических концепций и эмпирически апробированных образовательных практик. Теоретико-методологические основания данного процесса формируются в контексте общей педагогики и теории профессионального образования с учетом национальных особенностей развития высшей школы Китая.

Установлено, что системная интеграция предпринимательского образования обеспечивается через включение специализированных курсов и междисциплинарных модулей в учебные планы вузов, а также через использование проектных и практико-ориентированных методов обучения. Полученные результаты подтверждают, что иерархичная модель интеграции предпринимательского образования соответствует положениям общей педагогики и теории профессионального образования, а также отражает национальную специфику развития высшей школы Китая в условиях модернизации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования представленной модели при проектировании и корректировке образовательных программ вузов, а также в дальнейшем научно-педагогическом анализе механизмов интеграции предпринимательского образования в системе высшего образования КНР.

Список источников

1. Deng X. Research on the Teaching Reform of Innovation and Entrepreneurship Courses in Higher Vocational Education under the Background of Modernization of Chinese Style Education // *Advances in Education*. 2024. Vol. 14. P. 1322 – 1326. DOI 10.12677/AE.2024.142205
2. Ji S., Li W., Zhu X. Research on the Integrated Development of Innovation and Entrepreneurship and Ideological and Political Education in Colleges and Universities – A Case Study of Design Teaching in Guangdong Nanhua College of Business and Industry // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021. Vol. 559. P. 379 – 383.
3. Kong Z. Research on the Selection Strategy of Entrepreneurial Projects Based on the Characteristics of College Students in the New Era // *iBusiness*. 2025. Vol. 17. P. 111 – 123. DOI 10.4236/ib.2025.172006
4. Wang D. Research on the Reform and Development of Innovation and Entrepreneurship Education under the Background of Chinese-style Modernization // *Journal of Higher Education Teaching*. 2024. Vol. 1. No. 5. P. 46 – 50. DOI 10.62517/jhet.202415508.
5. Wang X., Liu S., Zhang L. How the “West as method” fails: A study of entrepreneurship education from the perspective of China // *The International Journal of Management Education*. 2024. Vol. 22. No. 3. P. 1 – 12. DOI 10.1016/j.ijme.2024.101073
6. Актамов И.Г., Банзарова А.Х.Б. Особенности процесса интеграции университетов Гонконга и КНР в современных условиях // *Власть*. 2021. Т. 29. № 3. С. 262 – 269. DOI 10.31171/vlast.v29i3.8195
7. Ван Ц. Становление и развитие государственно-общественной системы обеспечения качества высшего образования Китая: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2012. 221 с.
8. Гурулева Т.Л., Бин В. Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 3. С. 636 – 654. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654
9. Сяо С., Тяньцзы С. Практические пути инновационно-предпринимательского образования в китайских вузах в эпоху цифрового интеллекта // *Бизнес. Образование. Право*. 2025. № 73. С. 369 – 375. DOI 10.25683/VOLBI.2025.73.1426
10. Цянь М. Динамика и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере высшего образования: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2022. 181 с.
11. Чэнь В. Построение и практика системы подготовки «трехтворческих» (инновационных, предпринимательских, креативных) талантов в вузах // *Преподавание в китайских университетах*. 2022. № 3. С. 17 – 24.

References

1. Deng X. Research on the Teaching Reform of Innovation and Entrepreneurship Courses in Higher Vocational Education under the Background of Modernization of Chinese Style Education. *Advances in Education*. 2024. Vol. 14. P. 1322 – 1326. DOI 10.12677/AE.2024.142205
2. Ji S., Li W., Zhu X. Research on the Integrated Development of Innovation and Entrepreneurship and Ideological and Political Education in Colleges and Universities – A Case Study of Design Teaching in Guangdong Nanhua College of Business and Industry. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021. Vol. 559. P. 379 – 383.
3. Kong Z. Research on the Selection Strategy of Entrepreneurial Projects Based on the Characteristics of College Students in the New Era. *iBusiness*. 2025. Vol. 17. P. 111 – 123. DOI 10.4236/ib.2025.172006
4. Wang D. Research on the Reform and Development of Innovation and Entrepreneurship Education under the Background of Chinese-style Modernization. *Journal of Higher Education Teaching*. 2024. Vol. 1.No. 5. P. 46 – 50. DOI 10.62517/jhet.202415508.
5. Wang X., Liu S., Zhang L. How the “West as method” fails: A study of entrepreneurship education from the perspective of China. *The International Journal of Management Education*. 2024. Vol. 22. No. 3. P. 1 – 12. DOI 10.1016/j.ijme.2024.101073
6. Aktamov I.G., Banzarova A.Kh.B. Features of the integration process of universities in Hong Kong and China in modern conditions. *Vlast*. 2021. Vol. 29. No. 3. P. 262 – 269. DOI 10.31171/vlast.v29i3.8195
7. Wang T. Formation and development of the state-public system of quality assurance in higher education in China: diss. ... Cand. Ped. Sciences. Chita, 2012. 221 p.
8. Guruleva T.L., Bin V. Higher Education in the PRC: Institutions and Mechanisms of State and Party Governance. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 636 – 654. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654

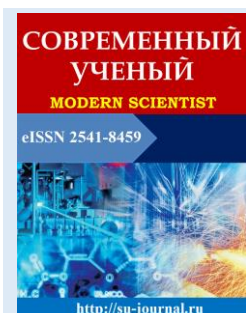
9. Xiao S., Tianzi S. Practical Paths of Innovative Entrepreneurship Education in Chinese Universities in the Era of Digital Intelligence. Business. Education. Law. 2025. No. 73. P. 369 – 375. DOI 10.25683/VOLBI.2025.73.1426
10. Qian M. Dynamics and Prospects of Cooperation between China and Russia in Higher Education: Diss. ... Cand. Ped. Sci. (Pedagogical Sciences). Moscow, 2022. 181 p.
11. Chen W. Construction and Practice of a System for Training “Tri-Creative” (Innovative, Entrepreneurial, Creative) Talents in Universities. Teaching at Chinese Universities. 2022. No. 3. P. 17 – 24.

Информация об авторе

Ян Тао, доцент, Профессиональный институт новых энергетических технологий провинции Цзянси, Китай; аспирант, Алтайский государственный университет, 153318244@qq.com

© Ян Тао, 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 340.121

Исламское право как объект научного знания: методологические проблемы исследования религиозно-правовых систем

¹ Аскеров Н.Н.

¹ *Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ*

Аннотация: в статье рассматривается исламское право как объект научного знания с акцентом на методологические трудности его исследования в рамках светской юридической науки. Анализируются особенности соотношения религиозного и правового начал, проблемы дефиниции исламского права, а также применимость общенаучных, юридических и междисциплинарных методов. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего историко-правовой, сравнительно-правовой и социокультурный анализ, что позволяет адекватно раскрыть специфику религиозно-правовых систем.

Ключевые слова: исламское право, шариат, фикх, методология права, религиозно-правовые системы, сравнительное правоведение

Для цитирования: Аскеров Н.Н. Исламское право как объект научного знания: методологические проблемы исследования религиозно-правовых систем // Современный ученый. 2026. № 4. С. 350 – 356.

Поступила в редакцию: 15 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Islamic law as an object of academic inquiry: methodological issues in the study of religious legal systems

¹ Askerov N.N.

¹ *Moscow State University of International Relations*

Abstract: the article examines Islamic law as an object of academic inquiry, focusing on methodological challenges faced by secular legal scholarship. It analyzes the relationship between religious and legal elements, problems of defining Islamic law, and the applicability of general scientific, legal, and interdisciplinary methods. The author argues for a comprehensive approach combining historical, comparative, and socio-cultural analysis in order to adequately capture the specificity of religious legal systems.

Keywords: Islamic law, Sharia, fiqh, legal methodology, religious legal systems, comparative law

For citation: Askerov N.N. Islamic law as an object of academic inquiry: methodological issues in the study of religious legal systems. Modern Scientist. 2026. 4. P. 350 – 356.

The article was submitted: October 15, 2025; Approved after reviewing: December 12, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Исламское право представляет собой религиозно-правовую систему, основанную на исламской религии. Изучение его в рамках светской науки – сложная методологическая задача, поскольку необходимо сочетать подходы общенаучной методологии, гуманитарного знания и специфические юридические методы. В истории науки о праве долгое время преобладал европоцентричный подход, при котором религиозные правовые системы недооценивались или исследовались преимущественно через призму теологии. В современную эпоху растет интерес к исламскому праву как к объекту научного познания, что обусловлено как практической значимостью норм шариата в жизни многих обществ, так и теоретической ценностью понимания альтернативных правовых культур. При этом, как отмечают исследователи, методологические основы изучения религиозного права пока разработаны недостаточно полно [1]. Это создает необходимость критически осмыслить используемые подходы и выработать адекватные методы исследования исламского права.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системного анализа. Используются общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), методы гуманитарного познания (герменевтика для интерпретации религиозно-правовых текстов, сравнительно-исторический метод) и специальные юридические методы (формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод). Такой комплексный подход позволяет всесторонне оценить исламское право именно как объект научного (а не сугубо богословского) знания, что отвечает требованиям современной философии и истории правовой науки.

Результаты и обсуждения

Исламское право традиционно рассматривается мусульманами как совокупность божественных установлений (шариат) и выведенных из них положений исламской юридической доктрины (фикх). С научной точки зрения важно разграничить эти понятия. Так, Л.Р. Сюкияйнен обращает внимание, что **шариат** – это прежде всего религиозный феномен, совокупность этико-правовых предписаний Корана и Сунны, тогда как **фикх** – исторически выработанная исламская юриспруденция, служащая связующим звеном между божественными установлениями и конкретными правовыми нормами [2]. В результате применения фикх исламскими судами нормы, интерпретирующие шариат, приобретали качество юридических правил – таким образом формировалось собственно **исламское право** в узком научном смысле. Л.Р. Сюкияйнен подчеркивает, что исламское право *“не является частью религии, а представляет собой юридический феномен, относительно независимый от исламской религии”* [3]. Данное положение отражает стремление отделить предмет правового исследования (нормы, институты, практику) от чисто теологических догматов, хотя на практике связь права и религии в исламе чрезвычайно тесна.

Методологической проблемой здесь выступает дефиниция объекта исследования. В российском правоведении долгое время преобладал взгляд на исламское право просто как на синоним шариата – совокупности социальных и религиозных норм, в которых не разделены юридические и богословские предписания [4]. Однако, как показывают современные исследователи, подобная отождествленность упрощает картину. С научной точки зрения необходимо определить, что понимать под «исламским правом»: только ли средневековую доктрину фикха, или и современное законодательство мусульманских стран, основанное на шариатских принципах, или даже поведенческие нормы мусульманских общин вне государственных рамок? Каждый вариант расширяет или сужает объект исследования и требует разных методов. Например, если под исламским правом понимать действующее право конкретных государств (Египта, Саудовской Аравии и др.), то применимы методы позитивистской юриспруденции – анализ законов, судебной практики [5]. Если же речь идет о классическом фикхе, то исследование носит скорее историко-догматический характер, с привлечением филологических и источниковедческих методов. А понимание исламского права как части повседневных практик мусульманских общин (в духе социологического подхода) и вовсе выводит нас в поле антропологии права.

Таким образом, первой методологической проблемой является определение границ исламского права как предмета научного анализа. Современные научные школы дают разные ответы. От выбора дефиниции зависит и набор методов исследования, поэтому на этапе введения в проблематику исследователь должен четко обозначить, что именно он изучает. В данной статье под исламским правом мы будем понимать главным образом классическую мусульманскую правовую систему, сложившуюся на основе шариата и фикха, а

также ее эволюцию и современные трансформации. Это позволяет охватить как доктринальные основы (религиозно-правовые тексты и концепции), так и их воплощение в правовой практике – от суда кадиев в средние века до законодательства современных стран исламского мира.

Исследование исламского права требует обращения к междисциплинарным методам. Общенаучная методология предполагает, что к объекту могут применяться как методы естественных наук (в части объективности, проверки фактов), так и специфические методы социальных и гуманитарных наук. В гуманитарном знании важную роль играет понимание смысла (герменевтика), учет контекста, ценностный анализ – эти аспекты особо значимы при изучении права, основанного на религии.

Рассмотрим основные подходы, используемые в науке для изучения таких систем, как исламское право:

- **Историко-генетический подход.** Он исходит из того, что для понимания нынешнего состояния исламского права нужно проследить его историческую эволюцию. Применяя исторический метод, ученые изучают возникновение шариата в VII-VIII веках, формирование школ фикха, трансформации в колониальный период и т.д. Например, западные исламоведы Дж. Шахт и Н. Кулсон с позиций историко-текстуального анализа пытались реконструировать зарождение мусульманской юриспруденции, критически оценивая достоверность источников хадисов. Дж. Шахт, в частности, на основании изучения иснадов (цепочек передатчиков хадисов) пришел к выводу о позднем происхождении большинства правовых хадисов, что спровоцировало дискуссию о достоверности традиционных источников [6]. Хотя выводы Шахта впоследствии были пересмотрены и частично опровергнуты (в работах Ваэля Халляка и др.), его исследования показали плодотворность историко-критического метода для выявления механизмов формирования раннего исламского права. Исторический подход позволяет также выявить влияние внешних факторов – социальных, политических, культурных – на развитие религиозно-правовых систем.

- **Сравнительно-правовой подход.** Данный метод направлен на сопоставление исламского права с другими правовыми системами. В рамках общей теории права исламское право обычно выделяется в особую **религиозно-правовую семью** (наряду, например, с иудейским правом и каноническим правом) [7]. Классики сравнительного правоведения (М.Н. Марченко, А.Х. Саидов и др.) подчеркивают, что мусульманское право имеет уникальные черты (божественное откровение как источник, особую роль доктрины фикха, неразрывность с религией), что отличает его от континентальной и англо-саксонской традиций [9]. Сравнительный анализ помогает выявить общие черты и различия: например, институты брака, наследования или наказаний в исламском и, скажем, романо-германском праве. В то же время важно учитывать риск европоцентризма: прямое применение категорий западного права (государство, закон, кодекс) к исламскому материалу может быть методологически некорректным. Поэтому современные компаративисты рекомендуют учитывать культурный контекст и «правовую ментальность» при сравнении систем. Хорошим примером служат работы Х.П. Гленна о правовых традициях, где исламское право рассматривается как одна из самобытных правовых традиций мира, равноправная с западными системами [10].

- **Юридикто-позитивистский подход.** Он характерен для исследований, которые фокусируются на современном **позитивном праве** мусульманских государств. Здесь исламское право понимается как совокупность норм, выраженных в законодательных актах, принятых в странах, провозглашающих приверженность исламу. Критерием выступает участие государства: так, ряд авторов относит к «исламскому праву» лишь право стран – членов Организации исламского сотрудничества, где ислам объявлен государственной религией и шариат признается источником законодательства [5]. Исследователь в этой парадигме применяет методы, сходные с обычным правоведением: анализ норм Конституции, законов о семье, о банковской сфере, судебной практики шариатских судов и т.п. Такой подход позволяет изучить, как религиозные нормы интегрируются в государственную правовую систему, но рискует выпасть из поля зрения собственно религиозно-доктринная составляющая. Например, позитивист, изучающий уголовное право Саудовской Аравии, будет работать с кодексами и указами, но может не учитывать богословские обоснования тех или иных наказаний. Тем не менее позитивистский метод необходим, чтобы понять, как *de facto* функционирует исламское право в современном мире, особенно учитывая процессы реформ и кодификации. Как отмечает Л.Р. Сюкияйнен, в результате модернизации и кодификации роль доктрины фикха как источника права заметно снизилась, уступив место нормативно-правовому акту. То есть современное исламское право во многом трансформировано по образцу национальных законодательных систем.

- **Социологический и антропологический подходы (правовой плюрализм).** В противовес узкому юридическому пониманию, социологический подход рассматривает исламское право как живую совокупность социальных норм и практик, которыми руководствуются мусульмане в повседневной жизни, независимо от их статуса в государственном законодательстве. В рамках концепции *правового плюрализма* право

не ограничивается рамками государства; "правовыми" признаются любые правила поведения, реально регулирующие жизнь общины. Это дает возможность исследовать, например, как шариатские нормы применяются в мусульманских диаспорах Европы или в сельских общинах, где государственные законы слабо действуют. Антропологи права проводят полевые исследования – наблюдают за работой неофициальных шариатских судов, медиации на основе норм шариата, анализируют восприятие справедливости в религиозных общинах. Такой подход раскрывает функционирование религиозного права "снизу", в социальной практике. Примером могут служить работы Дж. Боуэна об индонезийских мусульманских общинах или исследований по шариатским советам в Британии. В академической литературе отмечается, что методология правового плюрализма особенно эффективна для изучения нормативной сферы мусульманских мигрантских сообществ и религиозных групп в немусульманских странах. Однако у этого подхода есть ограничение: он часто уходит от анализа нормативного содержания права (что предписано в книгах фикха) и сосредоточивается лишь на эмпирическом "жизненном" праве. Соединение же эмпирического и догматического пластов – отдельная исследовательская задача.

Несмотря на разнообразие подходов, исследователи сталкиваются также с рядом **проблем и методологических вызовов** при изучении исламского права:

1. Проблема соотношения религиозного и юридического начала. Исламское право по своей сути религиозно обусловлено: его источниками являются Коран и Сунна, а толкование – дело богословов. Для научного анализа возникает вопрос: следует ли рассматривать шариат как правовую систему, или же это *система религиозных норм с элементами права*? Вплоть до конца XX века многие западные авторы, находясь под влиянием позитивизма, отрицали самостоятельность исламского права, полагая, что реальное право мусульманских стран – это или заимствования из западных кодексов, или традиционные обычаи, а шариат – лишь морально-этический кодекс. Однако современные исследования (в том числе российских ученых) доказали, что исламское право обладает всеми основными признаками правовой системы – своей иерархией источников, механизмами нормотворчества (иджтихад), институтами толкования и правоприменения [2].

Методологической проблемой здесь является не скатиться в полярности суждений: с одной стороны, нельзя полностью игнорировать религиозную природу шариата (иначе исследование утратит адекватность объекту), с другой – нельзя и подменять научный правовой анализ богословскими оценками. Для решения этой дилеммы ряд авторов (Л.Р. Сюкияйнен, А.Я. Петрушевский и др.) предлагают использовать специальные критерии "правовости" норм. Например, Сюкияйнен вводит принцип *формального равенства* как критерий разграничения правовых норм в исламе: те предписания шариата, которые отвечают требованию формального равенства участников, могут считаться правовыми нормами исламского права. Это позволило ему включить в понятие "исламское право" в научном смысле главным образом блок *муамалат* (гражданско-правовых, торговых, брачно-семейных норм), где действительно присутствует правовая природа отношений, и отделить их от чисто культовых норм (ибадат), которые остаются религиозными обрядами. Такой подход – пример методологического приема, когда внутренняя структура религиозного права анализируется и "расчленяется" для научных целей. Он не бесспорен, но показывает, что **объектом научного исследования** может быть не весь шариат целиком, а лишь его правовой "срез".

2. Проблема языка и герменевтики источников. Исследователь исламского права неминуемо должен работать с текстами на классическом арабском языке – Кораном, сборниками хадисов, средневековыми трактатами фикха. Это требует не только лингвистических навыков, но и владения методами **герменевтики**. Внутри исламской традиции давно развита наука *усуль аль-фикх* – методология исламского права, которая регламентирует приемы вывода норм из текстов Откровения. Одним из решений методологических проблем является изучение этой внутренней методологии как предмета науки. Иначе говоря, ученому-юристу полезно понимать, как сами мусульманские правоведы обосновывают те или иные правовые суждения: принципы толкования текста, правила выяснения воли законодателя (Аллаха) и т.д. Это требует интеграции богословского знания в правовой анализ. Многие современные авторы призывают к междисциплинарному сотрудничеству исламоведов, филологов и юристов для корректного перевода и понимания источников. Отсюда следует методологический вывод: исследователю необходимо выявлять и эксплицировать значения ключевых терминов внутри изучаемой системы, дабы избежать *понятийных ловушек*. При анализе текстов шариата полезно сочетать традиционный подход (следуя комментариям классических толкователей) с критическим филологическим анализом (учитывая контекст времени, возможные изменения смысла слов). Это особенно важно при использовании Корана как источника норм: буквальный перевод аятов о праве (например, о наследовании или наказаниях) без учета экзегезы может привести к искажению понимания нормы.

3. Проблема множественности школ и доктрин. Исламское право не монолитно: в нем существуют различные мазхабы (правовые школы) суннитского и шиитского фикха, национальные варианты, исторические слои. Для научного исследования встает вопрос: брать ли за основу какую-то одну доктрину (например, ханафитский мазхаб как наиболее распространенный), или стремиться охватить все многообразие? Первый путь удобнее, но чреват *сужением универсальности выводов* – описанные свойства могут оказаться справедливы только для данной школы. Второй путь – крайне трудоемок, ведь надо оперировать массивом противоречивых мнений. Компромиссом служит компаративный анализ внутри исламского права: исследователь может выявлять общее и особенное в доктринах разных школ. Например, при изучении методологии толкования правовых текстов имеет смысл сравнить подходы суннитского усуль аль-фикх и шиитского (усульбия vs ахбария и др.). Такой внутренний сравнительный метод позволяет глубже понять принципы исламской правовой мысли. Но методологически важно не смешивать разные пласты: необходимо четко указывать, к какой традиции относится анализируемый материал. Принцип историзма и конкретности – важный методологический императив: каждое утверждение следует привязывать к времени, месту и школе.

4. Проблема ценностной нейтральности и объективности. Исследование религиозно-правовых систем часто затрагивает чувствительные морально-этические вопросы. Ученому-правоведу необходимо соблюдать академическую нейтральность, не превращая исследование в апологетику или критику с позиций иной идеологии. Это особенно сложно, когда изучаются нормы, вызывающие полемику (например, положение женщин в шариате, телесные наказания, джихад и т.п.). Методологически важно отделять дескриптивный анализ от нормативных оценок. Например, задача исследователя – понять и объяснить, почему в исламской правовой доктрине существует институт хадда (установленных наказаний) и как он применялся, а не вынести моральный вердикт этому институту. Безусловно, в рамках истории и философии права допустимо обсуждение ценностных оснований права, однако оно должно вестись корректно, без явной предубежденности. Стремление к объективности не означает отказа от критики вообще, но критика должна основываться на научном анализе, например: *«Механизм судопроизводства в рамках шариата не обеспечивает принципа разделения властей, что затрудняет его институциональное внедрение в современное государство»* – такое утверждение допустимо как научное, в отличие от ценностного осуждения религии.

Отдельно стоит упомянуть ситуацию, когда сам исследователь является носителем изучаемой религии (мусульманином, иудеем и т.д.). Это налагает дополнительные методологические требования к рефлексии и самоконтролю, чтобы сознательно не смешивать внутреннюю апологетику с научным анализом. Идеальным считается баланс, при котором исследователь использует своё эмпатическое понимание традиции, но применяет к ней критические инструменты науки.

5. Проблема адаптации общей методологии права к религиозным системам. Общая теория права и философия права базируются в основном на опыте светских правовых систем. Категории «норма права», «система законодательства», «субъект правоотношений» и др. разрабатывались применительно к государственно-правовым явлениям. В религиозных же системах эти категории проявляются иначе. Например, в классическом исламском праве нельзя чётко разделить публичное и частное право, или законодателя как такового вообще нет (законодатель – Бог, а люди лишь толкуют). Возникает вопрос: насколько применимы привычные юридические модели? Методологический выход – творческая модификация категориального аппарата. В исследованиях вводятся специальные понятия вроде «квазизаконодательного процесса» – для описания деятельности по вынесению фетв, или «сакральной санкции» – для описания механизма обеспечения исполнения норм страхом божьей кары наряду с мирскими наказаниями. Таким образом, научный язык обогащается, чтобы адекватно описывать особенности религиозного права.

6. Проблема сравнительного исследования других религиозно-правовых систем. Для более глубокого осмысления методологии полезно привлечение материала иудейского права (Галахи) и христианского канонического права. Эти системы имеют сходную природу (религиозное откровение как источник норм, развитие доктрины учеными-богословами, применение в церковных судах). Сравнение позволяет увидеть общие методологические проблемы. Так, и в иудейском, и в исламском праве большое значение имеет доктрина и комментарии (талмудическая и фикхическая литература) – исследователь сталкивается с гигантским массивом текстов, авторитет которых различен. Возникает задача: как выделить в этом массиве «действующие нормы»? Исследователи Галахи (например, М. Элон) разработали подход, где акцент делается на истории права – прослеживается преемственность норм от Библии через Талмуд к позднейшим кодексам. Этот же подход применим и к шариату: отслеживание норм от Корана через классические сборники фетв к современному законодательству мусульманских стран. Ещё один момент – институциональный: и в католическом каноническом праве, и в исламском шариате судьями часто выступают священнослужители (кади, кахам, церковные судьи). Это требует привлечения социологии профессий: изучения социальной роли

этих судей, их образования, легитимности в глазах общины. Сравнение показывает, что методики, разработанные в одном поле, могут помочь в другом. Например, принцип *«каждая религиозно-правовая система должна изучаться на основе собственных источников и в контексте своей религиозной традиции»* универсален для иудаизма, ислама и христианства. Одновременно сравнительный анализ предостерегает от поспешных обобщений: часто различия между системами существенны (скажем, Галаха развивалась без опоры на государство вплоть до создания Израиля, тогда как исламское право с ранних веков взаимодействовало с государственной властью халифата). Это влияет на методологию: исследуя иудейское право, ученый может в значительной мере игнорировать законодательство государств диаспоры, а изучая исламское – не может обойтись без учета, например, османского законодательства или современного национального права. В целом же умеренное сравнение обогащает теорию правовых семей: подтверждается, что религиозные системы обладают некоторыми общими чертами (нормативный плюрализм, авторитет священных текстов, роль религиозных институтов), но их конкретные проявления и исторические траектории различны. Это стимулирует разработку более гибкой компаративистской методологии, учитывающей не только правовые, но и богословско-культурные параметры систем.

Выводы

Исламское право как объект научного познания ставит перед исследователями ряд уникальных методологических задач. Проведенный анализ показал, что изучение религиозно-правовых систем требует сочетания общенаучной методологии и специальных подходов, выработанных на стыке юриспруденции, религиоведения и социологии. Прежде всего, важно правильно определить границы объекта: понимать различие между шариатом (как совокупностью религиозных принципов) и исламским правом в научном смысле (как системой социальных норм и институтов). Без этого любые выводы рискуют смешать теологию и правоведение.

Современная наука предлагает несколько подходов к исламскому праву – от узко позитивистского до широкого социокультурного. Каждый из них приносит свою пользу: позитивизм дисциплинирует анализ (позволяет чётко фиксировать нормы в виде статей законов и судебных решений), тогда как антропологический подход оживляет картину, показывая право в действии на уровне общины. Оптимальным видится комплексный подход, сочетающий историко-догматический анализ классических текстов с исследованием их современных интерпретаций и практик применения. Такой подход в духе общей методологии гуманитарного познания учитывает ценностно-смысловые аспекты: ведь религиозное право нельзя до конца понять, абстрагируясь от религиозных идей, лежащих в его основе.

Особенно остро стоят проблемы, связанные с переосмыслением понятий. В ходе работы мы увидели, что понятия “закон”, “право”, привычные для светской науки, не полностью совпадают с тем, что подразумевается в исламской традиции. Это требовало от исследователей разработки новых теоретических рамок (например, концепции правового плюрализма или цивилизационного подхода [10]), позволяющих описать феномен религиозного права без искажения. Отрадно, что в последние десятилетия как зарубежные, так и российские ученые (Л.Р. Сюкияйнен, А.Х. Ульбашев, Р.Г. Новикова и др.) внесли значительный вклад в методологическое осмысление исламского права, подчеркнув необходимость уйти от либо сугубо богословского, либо сугубо секулярного взгляда.

В заключение подчеркнем: исламское право – сложный объект, требующий от исследователя не только знаний юридических норм, но и понимания религии, культуры, языка. Методологическая рефлексия – осознание применяемых подходов и их ограничений – необходимое условие успешного исследования. Только сочетая строгий научный анализ с учетом специфики религиозного контекста, можно избежать как догматического буквализма, так и произвольных спекуляций. Представляется, что дальнейшая разработка методологии изучения религиозно-правовых систем будет идти по пути еще большей интеграции различных дисциплин и диалога между “внутренним” (конфессиональным) и “внешним” (академическим) подходами. Это позволит глубже понять роль исламского права в истории и современности, а также внесет вклад в общее понимание феномена права как многогранного социального института.

Список источников

1. Ульбашев А.Х. Методологические проблемы изучения и преподавания религиозного права // Труды Института государства и права РАН. 2021. № 5. С. 124 – 146.
2. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие религиозных и юридических начал // Дорога науки: сб. статей к 80-летию акад. М.Б.Пиотровского. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. С. 667 – 697.
3. Сюкияйнен Л.Р. Особенности современного исламского права // Право между Востоком и Западом. 2025. № 2. С. 28 – 41.

4. Сюкияйнен Л.Р. Шариат, фикх, исламское право: проблема соотношения // *Ars Islamica*: в честь С.М. Прозорова. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 604 – 619.
5. Шедов Д.В. Исламское право в современном научном дискурсе // *Ислам в современном мире*. 2016. Т. 12. № 3. С. 219 – 232.
6. Новикова Р.Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 3 – 5.
7. Примаков Д.Я. История еврейского и израильского права. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 15 – 20.
8. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. М.: Проспект, 2013. С. 128.
9. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности: учебник. М.: Юрист, 2003. С. 56 – 59.
10. Schacht J. *The Origins of Muhammadan Jurisprudence*. Oxford: Clarendon Press, 1950. P. 82 – 85.
11. Hallaq W.B. *A History of Islamic Legal Theories: An Introduction to Sunnī Uṣūl al-fiqh*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 92 – 98.
12. Elon M. *Jewish Law: History, Sources, Principles*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1994. P. 36 – 39.
13. Anderson J.N.D. *Islamic Law in the Modern World*. New York: NYU Press, 1959. P. 12 – 18.
14. Glenn H.P. *Legal Traditions of the World*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 49.

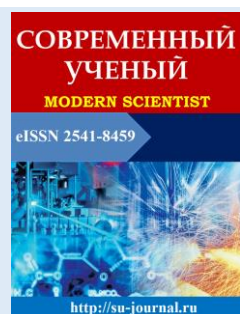
References

1. Ulbashev A.Kh. Methodological problems of studying and teaching religious law. *Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 5. P. 124 – 146.
2. Syukiyainen L.R. Islamic law: the interaction of religious and legal principles. *The Road of Science: a collection of articles for the 80th anniversary of academician M.B. Piotrovsky*. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Academy of Arts, 2024. P. 667 – 697.
3. Syukiyainen L.R. Features of modern Islamic law. *Law between East and West*. 2025. No. 2. P. 28 – 41.
4. Syukiyainen L.R. Sharia, fiqh, Islamic law: the problem of correlation. *Ars Islamica*: in honor of S.M. Prozorov. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2016. P. 604 – 619.
5. Shedov D.V. Islamic law in modern scientific discourse. *Islam in the modern world*. 2016. Vol. 12. No. 3. P. 219 – 232.
6. Novikova R.G. Theoretical foundations of legal regulation of financial relations in Islamic law: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2016. P. 3 – 5.
7. Primakov D.Ya. *History of Jewish and Israeli law*. Moscow: Infotropic Media, 2015. P. 15 – 20.
8. Marchenko M.N. *Comparative law: textbook*. Moscow: Prospect, 2013. P. 128.
9. Saidov A.Kh. *Comparative law. Basic legal systems of our time: textbook*. M.: Yurist, 2003. С. 56 – 59.
10. Schacht J. *The Origins of Muhammadan Jurisprudence*. Oxford: Clarendon Press, 1950. P. 82 – 85.
11. Hallaq W.B. *A History of Islamic Legal Theories: An Introduction to Sunnī Uṣūl al-fiqh*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 92 – 98.
12. Elon M. *Jewish Law: History, Sources, Principles*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1994. P. 36 – 39.
13. Anderson J.N.D. *Islamic Law in the Modern World*. New York: NYU Press, 1959. pp. 12 – 18.
14. Glenn H.P. *Legal Traditions of the World*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 49.

Информация об авторе

Аскеров Н.Н., аспирант, Московский государственный институт Международных отношений (У) МИД РФ, askerov.n@my.mgimo.ru

© Аскеров Н.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 348.6

Божественная справедливость в основе гражданского законодательства

¹ Васильева Е.Н.

¹ доктор искусствоведения, кандидат юридических наук,
юрист коллегии адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры», г. Москва

Аннотация: стремление к справедливости всегда занимало особое место в организации человеческого общества. На ранних этапах становления Христианства подобное стремление описывалось как «божественная справедливость». Именно она выступала в качестве ориентира при формировании законов в эпоху, когда Христианство зарождалось. Основы божественной справедливости указаны, в частности, в «договорах» Бога с людьми. В них давались конкретные указания на то, как должны поступать люди. Для установления необходимости исполнения предписаний Бога в дошедших до нас источниках информации говорится о «страхе Божиим», то есть о наличии угрозы применения наказания, если люди откажутся следовать предписаниям.

В рамках данного исследования проводится анализ понятия «божественная справедливость» в Христианстве, а также устанавливается то, как данная концепция повлияла на формирование гражданского законодательства.

Ключевые слова: Христианство, справедливость, правотворчество, законодательство, гражданское право

Для цитирования: Васильева Е.Н. Божественная справедливость в основе гражданского законодательства // Современный ученый. 2026. № 4. С. 357 – 361.

Поступила в редакцию: 17 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Divine justice at the heart of civil legislation

¹ Vasilyeva E.N.

¹ Doctor of Art Criticism (Advanced Doctor), Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Lawyer at the Gridnev, Kharitonov and Partners Bar Association, Moscow

Abstract: the pursuit of justice has always occupied a special place in the organization of human society. In the early stages of the formation of Christianity, such an aspiration was described as «divine justice». It was she who acted as a guide in the formation of laws in the era when Christianity was born. The foundations of divine justice are indicated, in particular, in God's «contracts» with people. They gave specific instructions on how people should act. In order to establish the necessity of fulfilling God's prescriptions, the information sources that have come down to us speak of the «fear of God», that is, the threat of punishment if people refuse to follow the prescriptions.

This study analyzes the concept of «divine justice» in Christianity, and also establishes how this concept influenced the formation of civil legislation.

Keywords: Christianity, justice, law-making, legislation, civil law

For citation: Vasilyeva E.N. Divine justice at the heart of civil legislation. Modern Scientist. 2026. 4. P. 357 – 361.

The article was submitted: October 17, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В главах 6-9 книги «Бытие» рассказывается история о Ное и его семье. В ответ на грехи человечества Бог приказывает устроить великий потоп, чтобы уничтожить землю. Однако Бог признает Ноя праведником и заключает с ним завет о том, Ной вместе со своей семьей и всеми обитающими на земле животными будет спасен от надвигающегося потопа, но для этого Ной должен построить ковчег. Задача охраны животных была возложена на Ноя, подобно тому, как Бог поручил Адаму дать имена животным в саду и управлять ими [6, с. 11]. Бытие 8 описывает сцену воссоздания, когда после прекращения дождя ветер покрывает землю (ср. Быт. 1:2 и 8:1), и воды отступают, образуя сушу. Как только семья Ноя и животные высаживаются на берег, Бог вновь заключает завет со всеми живыми существами, обещая сохранить природный порядок и человеческое общество и давая некоторые заповеди новому человечеству (Быт. 8:20-9:17). Этот завет крайне важен для понимания закона.

Бог установил этот завет на протяжении всей истории существования человечества на земле. Бог будет поддерживать естественный порядок, «доколе существует земля» (Быт. 8:22), и защищать ее от нового разрушения водой. Когда-нибудь этот завет закончится, но не раньше конца истории. Бог заключает завет не только со всем последующим человеческим родом, но и со всеми творениями следующих поколений (Быт. 9:9-13, 15-17). В отличие от завета, заключенного Богом с Ноем перед потопом (Быт 6:18), и основных библейских заветов, которые еще предстоит заключить, таких как Авраамический, Моисеев и новый завет, Ноев завет не отличает часть человеческого рода от остальной, однако является всеобъемлющим. Если в других заветах в той или иной мере обещался искупительный элемент, т.е. спасение народа Божьего от зла и грядущего Божьего суда, то в Ноевом завете спасение не предусмотрено. В нем нет обещаний тех благ, которые ассоциируются со спасением в других частях Библии, таких как прощение грехов или вечная жизнь.

Через Ноев Завет Бог повелевает человеку искать справедливости в этом мире и дает ему основной принцип справедливости «кровь за кровь» [7, с. 61].

Материалы и методы исследований

Разработка и применение законов и правовых систем – это общечеловеческая обязанность [4, с. 12]. Христиане не должны считать, что эта ответственность лежит только на них, или чувствовать себя морально ущемленными, взаимодействуя с неверующими. Бог заключил этот завет со всем человечеством, независимо от его религиозной принадлежности. Добываясь справедливости через правовую систему, христиане не только могут сотрудничать с нехристианами, но и обязаны это делать. Человеческое право должно строиться не так, как если бы оно относилось только к христианам (или людям других религий), а как социальная связь между людьми как человеческими существами, находящимися под защитой Бога в соответствии с Ноевым заветом.

Стремление к справедливости является главным условием поддержания жизни в этом мире. Ноев завет раскрывает Божий замысел, как сохранение существующего мира, а не как его преобразование в нечто новое. Развитие законов и правовых институтов является центральным для падшего, но сохранившегося человечества, однако наши ожидания от этих институтов должны быть реалистичными. Закон как нормативный акт не может изгнать зло из мира, но может смягчить последствия зла и обеспечить определенную защиту тем, кто несправедливо страдает от рук других. Что же касается Спасения и эсхатологического совершенства, таковые должны прийти другими путями.

Бытие 9:6 указывает на то, что основным стандартом человеческого права должно быть соразмерное возмездие. Этот стих относится только к одному виду преступлений – убийству, но он указывает на более общий правовой принцип – «lex talionis». То, о чем в более поздних писаниях говорится как «око за око и зуб за зуб» (Исх. 21:24), здесь выражено как «кровь за кровь». Идея заключается в том, что за каждое преступление должно быть назначено разумное наказание.

В то же время следует признать, что пропорциональная справедливость в современном мире неосуществима [2, с. 56]. Во-первых, человеческая система правосудия никогда не может быть всеведущей и действовать абсолютно справедливо [1, с. 11; 3, с. 23]. В Бытии 9:6 законодатели и судьи призваны сле-

довать примеру Бога, поэтому вполне разумно проявлять определенную терпимость в стремлении к справедливости.

Тот факт, что после потопа Бог восстановил социальный порядок посредством завета, а затем повелел носителям образа Божьего, людям, следовать установленной системе, говорит о том, что заключение завета – это необходимое условие для регулирования жизни на Земле. Следуя Божьему примеру, Авраам и Исаак решают новые правовые споры, заключая завет со своими соседями-язычниками.

Закон человека существует на фоне справедливости Бога, верховного судьи всех людей. Авраам задал вопрос Богу в Бытии 18:25 – «Не поступит ли судья всей земли по справедливости?» – и окружающие повествования дают утвердительный ответ. Один из аспектов божественной справедливости, который раскрывается в этих историях, – забота о соблюдении процессуальных норм. Например, несмотря на то, что он всеведущ, Бог «спускается» в Содом, «чтобы посмотреть, все ли они сделали в соответствии с воплем, который донесся до Меня» (Быт 18:21). Отправившись в Содом и воочию подтвердив их действия, Бог дал понять людям, что будет судить их только по факту.

Результаты и обсуждения

В родовых повествованиях рассматриваются как материальные, так и процессуальные аспекты Божьей справедливости. Например, в связи с обманом Иаковом своего отца Исаака мы видим, как Бог провиденциально применяет закон Талиона [8]. Когда Исаак сказал ему, что хочет благословить своего первенца Исава, Ревека предложила Иакову выдать себя за его брата и принести Исааку вкусную еду. Воспользовавшись слепотой Исаака, Иаков подменил брата своим собственным первенцем, получив благословение Исава и лишив Исаака возможности выбрать себе преемника (Быт. 27:1-41). Однако вскоре после этого Иаков оказывается обманутым Лаваном, братом Ребеки. Когда Иаков сказал ему, что хочет жениться на Рахили, Лаван приготовил свадебный пир, а Лия должна была надеть свадебную фату своей сестры. Воспользовавшись темнотой ночи, Лаван поменял старшую дочь на младшую, лишив Иакова возможности выбрать себе жену (Быт. 29:15-30). То, что Иаков сделал с Исааком, теперь было сделано с Иаковом.

Ноев завет установил талионный закон в качестве основного стандарта человеческого права. Действительно, в истории разрушения Содома и Гоморры (Быт. 19), можно увидеть предвестие грядущего великого окончательного суда. Божественное наказание этих нечестивых городов служит во всей Библии яркой парадигмой Божьего суда в последние дни (например, Втор 29:23; Ис 1:9-10; 13:19; Иер 49:18; 50:40; Лам 4:6; Ос 11:8; Амос 4 11; Амос 4; Зеф 2:9; Лк 17:26-30; 2 Пет 2:5-9; Иуда 6-7). Человеческая справедливость должна отвечать на Божью, и Бог привлекает к ответственности всех людей.

Справедливость в этих историях существенно различается в зависимости от места. Жители городов, в которых останавливаются патриархи, – неверующие, но не все они одинаковы. Положительным моментом является город Герар при царе Авимелехе. Не все в нем идеально, но, как будет показано ниже, этот город демонстрирует фундаментальную заботу о справедливости, которая иногда превосходит заботу народа завета (Быт. 20). Обратной стороной является Содом. Этот город совершает дьявольские поступки и демонстрирует полное пренебрежение к справедливости (Быт. 19:1-11). Другие места, населенные патриархами, не так справедливы, как Герар, и не так развращены, как Содом.

Интересно, что патриархи по-разному относятся к городу, в зависимости от того, насколько высоко они ценят справедливость. Патриархи открыто решают споры и заключают договоры с добрыми жителями Гера (Быт. 21:22-34), избегают иметь дело с Содомом (Быт. 14:21-24) и ведут переговоры без взаимного доверия с Сихемом (Быт. 34:8-24). Эти высказывания говорят о том, что для христиан, стремящихся жить в многообразном гражданском обществе, не существует единой модели поведения. Несмотря на то, что мы всегда должны стремиться любить ближнего и подчиняться законной власти, степень нашего участия и вклада в правовую жизнь общества зависит от времени и места и требует мудрых решений в зависимости от конкретных обстоятельств. Христиане и юристы, представляющие их интересы в юридических делах, поступают правильно, оставаясь «мудрыми, как змеи, и невинными, как голуби» (Мф 10:16).

Неверующие люди иногда проявляют большую заботу о справедливости, чем верующие. Бытие – типичный пример. Авраам обманом заставил Авимелеха совершить злодеяние и привести жену Авраама Сару в его дом. И наоборот, Авимелех раскаялся, узнав о том, что он сделал, дал Аврааму возможность объясниться, а затем отпустил его невредимым. Бог был очень заинтересован в том, чтобы его народ по завету учился путям праведности и судопроизводства, но это автоматически не приводило к моральному и юридическому превосходству. Эти истории – болезненное напоминание христианам о сегодняшнем дне. Христиане (в том числе и юристы-христиане) часто не соответствуют идеалам, которые они

пропагандируют. Не смотря на все преимущества христиан в отношении знаний о справедливости, полученных через Библию и Евангелие, неверующие люди далекие от христианства зачастую превосходят христиан в следовании Божьим правилам.

Выводы

Решение Бога защитить человеческий социальный порядок с помощью завета (Ноева) может служить моделью того, как люди должны регулировать жизнедеятельность общества. В Ноевом завете Бог повелел вершить правосудие на земле, но делегировал эту задачу людям, которые и есть образ Божий (Быт. 9:6). Бог не предписал форму правления или правовую организацию, а оставил все детали на усмотрение человека. Бытие предполагает, что идея общественного договора, ставшая в последние годы популярной среди многих западных мыслителей и политических лидеров, имеет прочную теологическую основу [9].

Бытие помогает нам ответить на вопросы о природе человека и ее влиянии на нашу систему управления через учение о подобию Божьему и описание причин и последствий греховности человека. Тот факт, что мы созданы в образе Бога, законодателя, объясняет нашу склонность к закону как средству упорядочения социального мира, а наша падшая природа объясняет, почему закон часто кажется неудовлетворительным средством социальной организации.

Очевидно, что всеобъемлющая божественная справедливость, отраженная в Бытии, не под силу власти человека. Поскольку гражданское управление не может в полной мере обеспечить справедливость в библейском понимании, оно должно поставить более приемлемые цели в рамках своих ограниченных ресурсов [5, с. 133]. «Границы должны быть проведены не между хорошим и плохим, а между плохим и еще худшим, а также между тем, что практически возможно, и тем, что нет» [10].

Список источников

1. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. The Principle of Justice in the Jurisdictional Process: Some Problems in Law Enforcement // Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2024. Vol. 14. No. 6. P. 10 – 19. DOI 10.21869/2223-1501-2024-14-6-10-19
2. Mikryukov V.A. Implementation of the Basic Principles of Civil Legislation in the Practice of Applying the Analogy of Law // Legal Science. 2020. No. 6. P. 56 – 59.
3. Nesmeyanova I.A. Civil Legal Relations: Ideas of Socialization and Humanization // Legal Bulletin. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 22 – 27.
4. Ryzhenkov A.Ya. On the Role of Legal Principles in the Sectoral Structure of Russian Law // Modern Law. 2023. No. 6. P. 12 – 16. DOI 10.25799/NI.2023.34.28.002
5. Khamidullina F.I. Justice as a Legal Means in Formalizing Moral Principles in Civil Law // Society: Politics, Economics, Law. 2017. No. 12. P. 130 – 135. DOI 10.24158/pep.2017.12.28
6. Dershowitz A. The Origin of Justice: 10 Stories of Biblical Injustice that led to the 10 Commandments and Modern Morality and Law. New York, 2000. P. 132 – 146.
7. Gage U. The Gospel of Genesis: Studies in Protology and Eschatology. Eugene, 1984. 142 rubles.
8. Novak D. The Jewish Social Contract: Essays on Political Theology. Princeton, New Jersey, 2005. 285 p.
9. Sarna N.M. Genesis. Philadelphia, 1989. 189 p.
10. Shtunts U. Christian legal theory // Harvard Law Review. 2000. No. 116. P. 17 – 35.

References

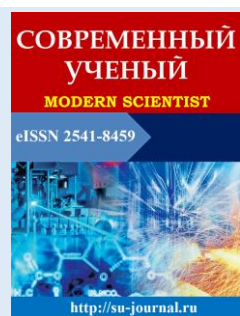
1. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. The Principle of Justice in the Jurisdictional Process: Some Problems in Law Enforcement. Bulletin of the South-West State University. Series: History and Law. 2024. Vol. 14. No. 6. P. 10 – 19. DOI 10.21869/2223-1501-2024-14-6-10-19
2. Mikryukov V.A. Implementation of the Basic Principles of Civil Legislation in the Practice of Applying the Analogy of Law. Legal Science. 2020. No. 6. P. 56 – 59.
3. Nesmeyanova I.A. Civil Legal Relations: Ideas of Socialization and Humanization. Legal Bulletin. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 22 – 27.
4. Ryzhenkov A.Ya. On the Role of Legal Principles in the Sectoral Structure of Russian Law. Modern Law. 2023. No. 6. P. 12 – 16. DOI 10.25799/NI.2023.34.28.002
5. Khamidullina F.I. Justice as a Legal Means in Formalizing Moral Principles in Civil Law. Society: Politics, Economics, Law. 2017. No. 12. P. 130 – 135. DOI 10.24158/pep.2017.12.28
6. Dershowitz A. The Origin of Justice: 10 Stories of Biblical Injustice that led to the 10 Commandments and Modern Morality and Law. New York, 2000. P. 132 – 146.

7. Gage U. The Gospel of Genesis: Studies in Protology and Eschatology. Eugene, 1984. 142 rubles.
8. Novak D. The Jewish Social Contract: Essays on Political Theology. Princeton, New Jersey, 2005. 285 p.
9. Sarna N.M. Genesis. Philadelphia, 1989. 189 p.
10. Shtunts U. Christian legal theory. Harvard Law Review. 2000. No. 116. P. 17 – 35.

Информация об авторе

Васильева Е.Н., доктор искусствоведения, кандидат юридических наук, юрист коллегии адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры», г. Москва, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-8727-5303>, SPIN-код: 5457-1609, Author ID: 1170847

© Васильева Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.23

Баланс частных и публичных интересов в регулировании потребительских правоотношений

¹ Чешин А.В.

¹ Орский гуманитарно-технологический институт,
филиал Оренбургского государственного университета

Аннотация: в статье исследуется проблема баланса частных и публичных интересов в сфере регулирования потребительских правоотношений в Российской Федерации. Показано, что потребительское право по своей природе носит комплексный характер, сочетая частноправовые механизмы защиты интересов конкретного потребителя с публично-правовыми инструментами государственного контроля и надзора.

На основе анализа законодательства о защите прав потребителей, гражданско-правовых норм, а также законодательства о государственном контроле (надзоре) рассматриваются ключевые направления влияния государства на сферу потребительского оборота и их соотношение с автономией частных лиц. Используются данные государственной статистики и официальных отчетов, позволяющие выявить тенденции развития потребительских споров и практики их разрешения.

Обосновывается вывод о том, что эффективный баланс частных и публичных интересов достигается при условии согласованного применения договорных, судебных и административных механизмов защиты прав потребителей, а также при формировании долгосрочной стратегии развития системы контроля, ориентированной на превенцию нарушений, а не только на реакцию на уже состоявшиеся конфликты.

Ключевые слова: потребительские правоотношения, баланс частных и публичных интересов, защита прав потребителей, государственный контроль (надзор), Роспотребнадзор, потребительский спор, гражданско-правовая ответственность, публично-правовые санкции

Для цитирования: Чешин А.В. Баланс частных и публичных интересов в регулировании потребительских правоотношений // Современный ученый. 2026. № 4. С. 362 – 366.

Поступила в редакцию: 18 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

The balance of private and public interests in the regulation of consumer relations

¹ Cheshin A.V.

¹ Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University

Abstract: the article examines the problem of the balance of private and public interests in the sphere of regulation of consumer legal relations in the Russian Federation. It is shown that consumer law is inherently complex, combining private-law mechanisms for protecting the interests of a particular consumer with public-law instruments of state control and supervision.

Based on the analysis of legislation on consumer protection, civil law norms, as well as legislation on state control (supervision), the key areas of government influence on consumer turnover and their relationship to the autonomy

of individuals are considered. Government statistics and official reports are used to identify trends in the development of consumer disputes and their resolution practices.

The author substantiates the conclusion that an effective balance of private and public interests is achieved through the coordinated application of contractual, judicial and administrative mechanisms for consumer protection, as well as through the formation of a long-term strategy for the development of a control system focused on the prevention of violations, and not only on responding to conflicts that have already taken place.

Keywords: consumer legal relations, balance of private and public interests, consumer rights protection, state control (supervision), Rospotrebnadzor, consumer dispute, civil liability, public law sanctions

For citation: Cheshin A.V. The balance of private and public interests in the regulation of consumer relations. Modern Scientist. 2026. 4. P. 362 – 366.

The article was submitted: October 17, 2025; Approved after reviewing: December 14, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Регулирование потребительских правоотношений традиционно рассматривается как одна из наиболее показательных сфер взаимодействия частного и публичного начала в праве. С одной стороны, отношения между потребителем и продавцом (исполнителем, изготовителем) строятся на основе гражданско-правового договора и выражают прежде всего частные интересы сторон, реализующих свою экономическую свободу. С другой стороны, высокая социальная значимость защиты слабой стороны в таких отношениях и массовый характер потребительских сделок обуславливают необходимость активного вмешательства государства, формирующего специальные правила поведения, систему контроля и механизм публичной ответственности нарушителей.

В российском правовом порядке ключевую роль в обеспечении баланса интересов в данной сфере играет Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [1], формирующий особый режим охраны прав и законных интересов потребителя, дополняющий общие положения гражданского законодательства. Важное значение имеют также акты, определяющие организационные основы государственного контроля (надзора), прежде всего Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», ориентированный на риск-ориентированный, профилактический подход к надзорной деятельности [2].

Защита прав потребителей выступает одним из приоритетных направлений деятельности Роспотребнадзора, что подтверждается ежегодными государственными докладами о защите прав потребителей и статистическими данными о поступающих обращениях. По сообщениям Роспотребнадзора и средств массовой информации, в 2024 г. наблюдался рост доли жалоб на услуги связи (до 17 % от общего числа обращений), а также сохранялся высокий удельный вес споров, разрешаемых в пользу потребителя – около 97 % по делам, в которых территориальные органы службы давали заключения. Эти данные иллюстрируют усиление публично-правовой составляющей в обеспечении защиты частных интересов потребителей.

Научная дискуссия вокруг категории «баланс частных и публичных интересов» указывает на ее фундаментальное значение для гражданского и потребительского права: подчеркивается, что именно от корректного распределения приоритетов между автономией воли сторон и необходимостью государственного вмешательства зависит устойчивость правового регулирования и доверие к правосудию [3]. В этой связи актуальным становится комплексный анализ того, как соответствующий баланс реализуется на уровне нормативного регулирования и правоприменительной практики в сфере потребительских правоотношений.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют общетеоретические положения о соотношении частного и публичного права, разработанные в отечественной цивилистической доктрине, а также современные концепции баланса интересов в праве. В качестве основных материалов используются нормы Закона РФ «О защите прав потребителей», положения Гражданского кодекса РФ, регламентирующие договор купли-продажи, подряда, возмездного оказания услуг и общие основания ответственности за нарушение обязательств, а также положения Федерального закона № 248-ФЗ, определяющие цели, принципы и формы государственного контроля (надзора).

Дополнительно привлекаются ежегодные государственные доклады Роспотребнадзора о защите прав потребителей, данные статистического наблюдения о структуре и динамике потребительских обращений, а также официальные сообщения о результатах рассмотрения споров в интересах потребителей.

В работе применяются формально-юридический метод, позволяющий выявить содержание и внутреннюю логику правовых норм, сравнительно-правовой подход при сопоставлении частноправовых и публично-правовых средств защиты потребителя, а также системный анализ, направленный на установление взаимосвязи между договорными, судебными и административными механизмами.

Результаты и обсуждения

Баланс частных и публичных интересов традиционно рассматривается в правовой науке как самостоятельный принцип правового регулирования, тесно связанный с принципами справедливости, соразмерности и разумности. В потребительских правоотношениях частный интерес выражается прежде всего в удовлетворении потребности конкретного гражданина в товарах, работах и услугах надлежащего качества, безопасности и по справедливой цене. Публичный интерес связан с обеспечением доверия к рынку, стабильности оборота, поддержанием санитарно-эпидемиологического благополучия и иных общественно значимых ценностей [6].

Особенностью потребительского права является то, что публичный интерес отчасти «встроен» в саму структуру частноправовых норм: императивные положения о недопустимости включения в договор условий, ущемляющих права потребителя, о презумпции вины продавца (исполнителя) при нарушении обязательств, о повышенной ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу гражданина, фактически служат инструментами защиты как отдельного потребителя, так и неопределенного круга лиц [8].

При этом значимую роль играет понимание пределов вмешательства государства в сферу частной автономии: чрезмерная регламентация способна ограничивать свободу предпринимательской деятельности, тогда как недостаточная защита потребителя ведет к росту социального недовольства, снижению доверия к рынку и нагрузке на судебную систему. Задача законодательства – найти компромиссное решение, позволяющее обеспечить достойный уровень защиты слабой стороны без разрушения экономических стимулов и частноправовых механизмов саморегуляции [10].

Нормативное регулирование потребительских правоотношений в России демонстрирует сложную систему взаимодействия частноправовых и публично-правовых инструментов. Структурно их соотношение можно представить по стадиям потребительского правоотношения (заключение договора, исполнение, защита прав).

Таблица 1

Соотношение частных и публичных интересов по стадиям потребительского правоотношения.

Table 1

The relationship between private and public interests at different stages of consumer legal relations.

Стадия правоотношения	Преобладающая форма интереса	Основные механизмы реализации
Заключение договора	Частный интерес с элементами публичного	Свобода договора, предоставление информации потребителю, запрет недобросовестной рекламы, стандарты безопасности и маркировки товаров
Исполнение обязательств	Частный интерес при постоянном влиянии публичного	Надлежащее качество и безопасность товара (услуги), соблюдение сроков исполнения, использование типовых условий договоров, контроль со стороны надзорных органов
Защита прав потребителя	Баланс частного и публичного интереса	Судебная защита, претензионный порядок, административные проверки, штрафы, иски в защиту неопределенного круга потребителей, государственные программы по защите прав потребителей

Частноправовые механизмы включают договорные средства (условия о гарантийных сроках, неустойке, порядке претензионного урегулирования), общие положения о возмещении убытков и компенсации морального вреда, а также институциональную роль суда как органа, разрешающего индивидуальный спор между сторонами [9].

Публично-правовые механизмы реализуются через деятельность Роспотребнадзора и других надзорных органов, применение административных штрафов и иных санкций, возможность подачи исков в защиту неопределенного круга потребителей, а также через принятие стратегических документов, определяющих приоритеты государственной политики в данной сфере [7].

Таблица 2
Основные инструменты частноправовой и публично-правовой защиты прав потребителей.

Table 2

Main instruments of private and public law protection of consumer rights.

Группа инструментов	Конкретные средства	Характер интереса
Договорные средства	Условия о гарантийных сроках, неустойке, порядке возврата товара; отказ от исполнения при существенном нарушении условий	Частный интерес потребителя и продавца (исполнителя)
Судебные средства	Иски о защите прав потребителя, взыскание убытков и неустойки, компенсация морального вреда, иски в защиту неопределенного круга потребителей	Частный интерес конкретного потребителя и публичный интерес к формированию устойчивой судебной практики
Административно-надзорные средства	Плановые и внеплановые проверки, предостережения, предписания, административные штрафы	Публичный интерес к соблюдению обязательных требований и профилактике нарушений
Информационно-превентивные средства	Государственные доклады, разъяснения, «горячие линии», просветительские кампании	Публичный интерес, опосредованно обслуживающий частные интересы потребителей

Современная модель государственного контроля в соответствии с Федеральным законом № 248-ФЗ ориентирована на «регуляторную гильотину» и риск-ориентированный подход, предполагающий, что интенсивность вмешательства зависит от степени потенциального вреда, который может быть причинен нарушением обязательных требований [4]. В потребительской сфере это проявляется в дифференциации надзорной нагрузки по видам деятельности и уровню риска для жизни и здоровья граждан.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что регулирование потребительских правоотношений в России представляет собой одну из ключевых областей реализации принципа баланса частных и публичных интересов. Частноправовые механизмы, основанные на договорной свободе, ответственности за нарушение обязательств и индивидуальной судебной защите, тесно переплетаются с публично-правовыми инструментами, ориентированными на защиту неопределенного круга потребителей, профилактику нарушений и поддержание доверия к рынку.

Законодательство о защите прав потребителей, в сочетании с общими нормами гражданского права и современной моделью государственного контроля, формирует комплексную систему, в которой публичный интерес реализуется не только через прямые запреты и санкции, но и через поддержание информационной открытости, развитие механизмов превентивного надзора и стимулирование добросовестного поведения участников рынка. При этом высокий процент дел, разрешаемых в пользу потребителей, а также значительный объем обращений свидетельствуют, что потенциал частноправовых средств далеко не исчерпан и нуждается в дальнейшем развитии, прежде всего в части упрощения процедур и повышения эффективности досудебного урегулирования споров.

Баланс интересов в потребительском праве оказывается динамичной категорией, зависящей от изменений в социально-экономической среде, цифровизации торговли и услуг, появления новых моделей взаимодействия между потребителями и поставщиками. В этих условиях особую роль приобретает системный подход к реформированию законодательства и надзорных практик, предусматривающий согласование частноправовых и публично-правовых начал. Приоритетом должно стать не только реагирование на нарушения и восстановление нарушенных прав, но и создание такой нормативной и институциональной среды, в которой добросовестное поведение участников рынка становится экономически выгодным, а потребитель может реализовать свой частный интерес без чрезмерных рисков и затрат.

Список источников

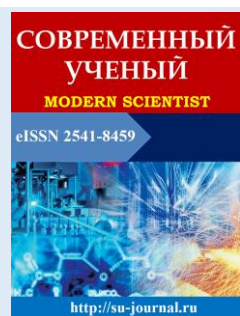
1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5027.
2. Федеральный закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
3. Алиева А.А. К вопросу о подсудности дел о защите прав потребителей // Закон и право. 2025. № 5. С. 138 – 143.
4. Афзалетдинова Г.Х. Отражение принципа пропорциональности в правовых режимах как средство обеспечения баланса публичных и частных интересов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 2 (74). С. 13 – 17.
5. Белкин В.В. К вопросу об отдельных аспектах проблемы правового нигилизма в цифровом мире. Социально-философский взгляд // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 3 (51). С. 171 – 180.
6. Гарбовский А.И. Баланс частного и публичного интересов в российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 4. С. 4 – 7.
7. Гуляева О.Н. Манипулятивное поведение в потребительских правоотношениях // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3 (220). С. 31 – 40.
8. Образцов А.В. Механизм правозащиты и его виды // Московский юридический журнал. 2025. № 1. С. 6 – 15.
9. Рудович Н.И. Баланс частных и публичных интересов как фактор устойчивого развития современного общества. 2025. 221 с.
10. Свечникова И. и др. Гражданское право 4-е изд., пер. и доп.: учебник для вузов. ЛитРес, 2025. 413 с.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5027.
2. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 "On the Protection of Consumer Rights". Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 15. Art. 766.
3. Alieva A.A. On the Issue of Jurisdiction of Cases on the Protection of Consumer Rights. Law and Right. 2025. No. 5. P. 138 – 143.
4. Afzaletdinova G.Kh. Reflection of the Proportionality Principle in Legal Regimes as a Means of Ensuring a Balance of Public and Private Interests. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2025. No. 2 (74). P. 13 – 17.
5. Belkin V.V. On the Issue of Certain Aspects of the Problem of Legal Nihilism in the Digital World. A Social and Philosophical View. Science. Society. State. 2025. Vol. 13. No. 3 (51). P. 171 – 180.
6. Garbovsky A.I. Balance of Private and Public Interests in Russian Law. Legal Bulletin of Kuban State University. 2025. No. 4. P. 4 – 7.
7. Gulyaeva O.N. Manipulative Behavior in Consumer Legal Relations. Lex russica. 2025. Vol. 78. No. 3 (220). P. 31 – 40.
8. Obraztsov A.V. The mechanism of human rights protection and its types. Moscow Law Journal. 2025. No. 1. P. 6 – 15.
9. Rudovich N.I. The balance of private and public interests as a factor in the sustainable development of modern society. 2025. 221 p.
10. Svechnikova I. et al. Civil Law 4th ed., translated and supplemented: textbook for universities. LitRes, 2025. 413 p.

Информация об авторе

Чешин А.В., кандидат экономических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт, филиал Оренбургского государственного университета, cheshin@sirius56.ru

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.21

Тенденции и вызовы современной практики соотношения правового режима жилых и нежилых помещений с режимом единого недвижимого комплекса

¹ Чуракова Е.В.

¹ ведущий юрисконсульт АО «МПО им. И. Румянцева»

Аннотация: целью исследования является комплексный анализ актуальных правовых противоречий, возникающих при попытке формирования единого недвижимого комплекса (ЕНК) из объектов со специальным правовым статусом, и разработка концептуальных предложений по их разрешению.

В задачи исследования входит выявление системного конфликта между конструкцией ЕНК как неделимой вещи и императивным режимом жилых помещений, машино-мест и объектов незавершенного строительства. Статья последовательно анализирует негативные правовые последствия такого объединения: утрату целевого назначения жилых помещений, их исключение из жилищного фонда, возникновение процедурных коллизий и правовых тупиков, увеличивающих риски для добросовестных участников оборота.

Практическая значимость и возможность применения результатов заключается в предложении конкретного вектора для законодательной реформы. В качестве основного решения обосновывается необходимость перехода к созданию интегрированной цифровой модели кадастрового учета. Такая модель позволит юридически описать и технически реализовать учет хозяйственной целостности комплекса при одновременном сохранении специального правового режима его ключевых элементов, обеспечив тем самым баланс между экономической целесообразностью и правовой определенностью.

Ключевые слова: единый недвижимый комплекс, жилые помещения, нежилые помещения, машино-места, объекты незавершенного строительства, правовой режим, гражданский оборот, жилищное законодательство

Для цитирования: Чуракова Е.В. Тенденции и вызовы современной практики соотношения правового режима жилых и нежилых помещений с режимом единого недвижимого комплекса // Современный ученый. 2026. № 4. С. 367 – 376.

Поступила в редакцию: 20 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Trends and challenges of modern practice of correlation of the legal regime of residential and non-residential premises with the regime of a single immovable complex

¹ Churakova E.V.

¹ *Leading Legal Adviser of I. Rumyantsev MPO JSC*

Abstract: the purpose of the study is a comprehensive analysis of the current legal contradictions that arise when trying to form a single immovable complex (SIC) from objects with a special legal status, and the development of conceptual proposals for their resolution.

The objectives of the study include the identification of a systemic conflict between the design of the SIC as an indivisible thing and the imperative regime of residential premises, parking spaces and unfinished construction sites. The article consistently analyzes the negative legal consequences of such an association: the loss of the intended purpose of residential premises, their exclusion from the housing stock, the emergence of procedural conflicts and legal dead ends, increasing the risks for bona fide participants in the turnover.

The practical significance and the possibility of applying the results lies in the proposal of a specific vector for legislative reform. As the main solution, the necessity of transition to the creation of an integrated digital model of cadastral accounting is substantiated. Such a model will make it possible to legally describe and technically implement accounting for the economic integrity of the complex while maintaining a special legal regime for its key elements, thereby ensuring a balance between economic feasibility and legal certainty.

Keywords: single immovable complex, residential premises, non-residential premises, parking spaces, objects of unfinished construction, legal regime, civil turnover, housing legislation

For citation: Churakova E.V. Trends and challenges of modern practice of correlation of the legal regime of residential and non-residential premises with the regime of a single immovable complex. Modern Scientist. 2026. 4. P. 367 – 376.

The article was submitted: October 20, 2025; Approved after reviewing: December 17, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Правовое регулирование единого недвижимого комплекса допускает включение в его состав не только производственных зданий и сооружений, но и отдельных помещений, как жилых, так и нежилых, которые ранее были зарегистрированы в качестве самостоятельных объектов недвижимого имущества. Данная возможность порождает уникальную правовую ситуацию, при которой один и тот же объект (помещение) одновременно обладает статусом самостоятельной недвижимой вещи и в то же время выступает составной частью более сложного юридического образования – единого недвижимого комплекса. Эта внутренняя двойственность, а также специфика таких объектов, как машино-места и объекты незавершенного строительства, при их включении в комплекс приводят к возникновению глубоких правовых коллизий и значительной неопределенности, коренящейся в производном характере их юридической природы.

Материалы и методы исследований

В процессе подготовки исследования были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания. Ведущую роль сыграл формально-юридический (догматический) метод, примененный для анализа норм гражданского, жилищного, земельного и градостроительного законодательства, регулирующих статус единого недвижимого комплекса и отдельных видов помещений. Метод системного анализа был использован для изучения ЕНК как целостного правового явления и его взаимодействия с элементами системы недвижимости. Для изучения и обобщения сложившейся практики применялся метод анализа судебной практики (постановлений высших судов и арбитражных судов). Также были задействованы логические методы (анализ, синтез, дедукция, аналогия) для формирования выводов и предложений.

Результаты и обсуждения

С точки зрения законодательства, понятие «помещение» требует четкого смыслового отграничения от таких классических объектов недвижимости, как здание или сооружение. Если здания и сооружения признаются недвижимостью в силу своих естественных физических свойств (прочной связи с землей и невозможности перемещения без несоразмерного ущерба), то помещение обретает статус недвижимой вещи ис-

ключительно в силу прямого указания закона. Это законодательное решение преследует сугубо практическую цель – обеспечить возможность вовлечения обособленных частей зданий в самостоятельный гражданский оборот.

Ключевым критерием для классификации помещений служит их целевое назначение. Закон проводит фундаментальное различие между жилыми помещениями, предназначенными исключительно для постоянного проживания граждан, и нежилыми, которые используются для производственных, коммерческих, административных или иных подобных целей. Правовой статус жилого помещения имеет конституционные основания и закрепляется в отраслевом законодательстве.

В нормативных актах используются два близких, но не тождественных термина «жилище» и «жилое помещение». Термин «жилище», встречающийся в Конституции РФ [1] и уголовном законодательстве [5], акцентирует неприкосновенность и охрану этого пространства как основы частной жизни. В свою очередь, «жилое помещение» – это конкретная юридико-техническая категория жилищного и гражданского права [4; 6], описывающая объект, обладающий определенными качественными характеристиками и являющийся предметом гражданско-правовых сделок и жилищных правоотношений. Употребление этих терминов в разных отраслях права не является противоречием, а отражает различные правовые аспекты термина «жилища», подчеркивая его охраняемую ценность, а термина «жилое помещение» – его функциональные и оборотные свойства.

Наиболее проблемным видом жилых помещений традиционно для отечественного права является категория жилого дома, а именно проблема его фактической и идеальной делимости. Как справедливо отмечает К.И. Скловский, проблема делимости жилого дома была перенесена и усилена сначала в советское гражданское и жилищное право, и, при этом, усилилась разработкой правовой конструкции многоквартирного жилого дома, квартиры в котором и комнаты в квартирах стали рассматриваться как самостоятельные объекты гражданских прав, не обладая в полной мере свойствами недвижимых вещей [24].

При определении правового статуса жилых помещений, которые могут входить в состав единого недвижимого комплекса, необходимо определить содержание понятия «жилое помещение» как дефиниции гражданского и жилищного законодательства, а также понятия «нежилое помещение».

Термин «жилое помещение» в современном российском законодательстве функционирует как многозначная правовая категория, приобретая конкретное смысловое наполнение в зависимости от контекста его использования. В наиболее широком, родовом значении он охватывает всю совокупность объектов, пригодных для проживания граждан и способных выступать предметом жилищных правоотношений, таких как квартиры, комнаты и жилые дома. В более узком, конкретном смысле это понятие обозначает обособленную структурную часть более крупного объекта недвижимости, например, квартиру или комнату в составе многоквартирного дома. Параллельно с этим «жилое помещение» выступает в качестве ключевой учетно-кадастровой единицы в системе государственной регистрации, где оно существует наряду с таким объектом, как «жилой дом», который, в свою очередь, подразделяется на индивидуальный и многоквартирный. Таким образом, данная дефиниция динамично перемещается между уровнем обобщающего понятия, обозначения части целого и самостоятельной позиции в реестре прав на недвижимость, что отражает сложность и многослойность регулируемых общественных отношений.

Важнейшим требованием жилищного законодательства к пользованию жилыми помещениями принято считать требование использования помещения для проживания граждан, за некоторыми исключениями, зафиксированными законодателем в норме ч. 2 ст. 17 ЖК РФ [21].

Правовой режим, определяющий порядок владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями, характеризуется принципиально гибридной природой. Его уникальность заключается в том, что он формируется на стыке различных отраслей права, каждая из которых вносит собственные императивные нормы в регулирование одних и тех же правоотношений: с одной стороны, жилое помещение является объектом гражданских прав, видом недвижимых вещей, поэтому владение и оборот жилых помещений осуществляются в рамках гражданско-правового режима, с другой стороны, исходя из назначения данного объекта, отношения, связанные с пользованием жилым помещением преимущественно регулируются жилищным законодательством. Интеграция жилого помещения в структуру единого недвижимого комплекса приводит к принципиальному изменению его юридического статуса. В этом случае оно перестает функционировать исключительно в рамках специального жилищно-правового поля и подпадает под действие общего гражданско-правового режима, определяющего оборот вещей.

Сфера применения данной конструкции не ограничивается отдельными жилыми помещениями. В качестве единого комплекса может рассматриваться и более сложное имущественное образование как совокупность жилых домов (индивидуальных или многоквартирных), объединенных с объектами обслуживающей

инфраструктуры (дорогами, детскими площадками, парковками) на основе общего правового титула на земельный участок. Таким образом, в категорию ЕНК потенциально попадают целые жилые микрорайоны и комплексы, включая специализированные объекты, такие как общежития или корпуса служебного жилья, если они образуют технологически и функционально единое целое с иными объектами недвижимости.

Яркой иллюстрацией возникающих правовых коллизий служит практика использования служебного жилья работниками крупных корпораций в стратегических отраслях. Проживание сотрудников в таких помещениях, часто расположенных в удаленной местности, является неотъемлемым условием выполнения ими трудовых функций. Однако включение данных жилых помещений, относящихся к специализированному жилищному фонду, в состав производственного единого недвижимого комплекса порождает неразрешимую на сегодня системную проблему.

Фундаментальное противоречие заключается в том, что, становясь частью неделимого комплекса, жилое помещение утрачивает статус самостоятельного объекта недвижимости. Следовательно, оно фактически выпадает из установленного жилищным законодательством целевого учета в составе конкретного жилищного фонда. Это прямо противоречит императивным требованиям жилищного права, предусматривающим строгую классификацию и регистрацию жилых помещений. Данная коллизия, в свою очередь, блокирует применение норм, регулирующих государственный и муниципальный жилищный надзор, поскольку объект надзора как самостоятельная учетная единица юридически исчезает, что делает затруднительной реализацию полномочий, закрепленных, в частности, в статье 20 Жилищного кодекса РФ.

Существенная правовая проблема возникает при фактическом объединении жилого здания и обслуживающих его хозяйственных построек (гараж, баня, теплица и т.д.) в рамках одного земельного участка. В гражданском законодательстве РФ отсутствует легальная дефиниция для такого комплексного имущественного образования «домовладение». Однако в правоприменительной практике, в частности в нормативных актах подзаконного характера, это понятие активно используется. Так, в действующем подзаконном нормативном акте, а именно в постановлении Правительства Российской Федерации, устанавливающем правила предоставления коммунальных услуг, содержится легальная дефиниция домовладения. Согласно данной норме, домовладение трактуется как функционально-хозяйственный комплекс, образуемый жилым зданием (или его обособленной частью) и вспомогательными постройками, находящимися в пределах одного земельного участка [9].

Официальная позиция Росреестра как регистрирующего органа последовательно исходит из данной трактовки. В ее основе лежит понимание домовладения как структурной целостности, формируемой тремя взаимосвязанными элементами: земельной основой (участком), доминирующим жилым объектом (зданием) и сопутствующими подсобными строениями.

Несмотря на укоренившееся в хозяйственном обороте и административной практике понимание, действующее гражданское и земельное законодательство, принципиально не предусматривает возможности формирования и государственной регистрации единого объекта недвижимости, объединяющего землю и расположенные на ней капитальные объекты. Это создает непреодолимый правовой диссонанс. Как следствие, указание в старых (до введения современного Земельного кодекса) правоустанавливающих документах на «домовладение» как на целостный объект прав не имеет юридической силы для признания такого комплекса единой недвижимой вещью в современном понимании. Собственник вынужден осуществлять раздельную регистрацию прав на каждый самостоятельный объект (земельный участок, жилой дом, каждую надворную постройку), что приводит к искусственному дроблению имущественного единства, сложившегося исторически и функционально [10].

Сложившаяся правовая ситуация с домовладением характеризуется глубоким противоречием между устоявшимся в подзаконном акте и хозяйственном обороте понятием комплекса имущества и отсутствием его легального признания в качестве единого объекта гражданских прав. Хотя исполнительная власть оперативно определяет домовладение как единство земельного участка, жилого дома и вспомогательных построек, гражданское законодательство принципиально не допускает регистрации такого сочетания в виде новой неделимой вещи. Это приводит к тому, что указание на домовладение в старых правоустанавливающих документах порождает правовую фикцию, не обеспеченную действующим механизмом регистрации, и собственник вынужден оформлять права на каждый объект в отдельности. Таким образом, законодательный пробел превращает логичный с бытовой и хозяйственной точки зрения имущественный комплекс в юридически раздробленную конструкцию, создавая дополнительные риски и неопределенность в обороте.

Между тем, следует все же согласиться с органами власти, поскольку в случае признания домовладения ЕНК нужно будет признавать все дома, имеющие пристройки и вспомогательные объекты, ЕНК, что существенно ограничит их оборот.

Еще одной искусственной и сложной правовой конструкцией является машино-место. Специфика правового режима нежилых помещений состоит в том, что собственник вправе использовать нежилое помещение по своему усмотрению, но в соответствии с санитарно-эпидемиологическими требованиями, требованиями пожарной безопасности. В отдельных случаях нормативными актами могут устанавливаться иные требования, связанные с особыми условиями использования нежилого помещения. Фактически нежилые помещения могут использоваться и для проживания граждан, поскольку запрет на такое использование не установлен. Не предусмотрены и меры юридической ответственности за такое использование нежилых помещений ни федеральным законодательством, ни законодательством об административных правонарушениях субъектов РФ.

Правовой статус нежилого помещения неизбежно существует в сложной системе взаимосвязей, требуя постоянной синхронизации с юридическими характеристиками здания, в структуре которого оно находится, и земельного участка, служащего для этого здания основой. Это многоуровневое взаимодействие формирует специфическую правовую экосистему, где режим помещения произведен и обусловлен правовыми контурами основных недвижимых вещей.

Следует отметить, что сама дефиниция «помещение» как таковая получила нормативное определение в отечественном законодательстве только в Федеральном законе от 21.12.2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса российской Федерации» [8], которым среди прочего в ГК РФ [2] были включены статьи 141.2 – 141.4. устанавливающие понятия отдельных видов объектов недвижимости, в том числе и понятие помещения как недвижимой вещи.

Нормами ст. 141.4 ГК РФ были определены основные юридически значимые свойства помещений, к которым законодатель отнес целевое назначение помещения по принципу дихотомии (жилые помещения и помещения, не относящиеся к таковым), соответствие требованиям по своему целевому назначению, а также отнесение данных объектов гражданских прав к недвижимым вещам.

Одним из свойств помещений, определяемых нормами ст. 141.4 ГК РФ, является возможность их образования из состава здания или сооружения, причем в соответствии с положением п. 4 ст. 141.4 ГК РФ таких помещений в здании должно быть не менее двух, из чего следует, что например, в квартире, в состав которой входит одна жилая комната не могут быть образованы отдельные жилые помещения как объекты гражданских прав, а жилой дом может быть признан многоквартирным, если в его состав входит не менее двух квартир, что, впрочем, и ранее было установлено жилищным законодательством. Указанное обстоятельство находит подтверждение и в материалах судебной практики, в частности, в Определении Верховного Суда РФ от 26.12.2024 г. № 304-ЭС24-20153 по делу № А45-20899/2023 [15].

Отдельным видом помещений в соответствии с нормами п. 2 ст. 141.4 ГК РФ являются помещения, целевое назначение которых состоит в обслуживании иных помещений в здании или сооружении. Норма п. 2 ст. 287.5 ГК РФ конкретизирует наименование таких помещений: вспомогательные помещения.

Новое понимание сущности вспомогательных помещений и законодательные изменения, в частности введение в ГК РФ Главы 6.1 «Недвижимые вещи» Федеральным законом от 21.12.2021 № 430-ФЗ, привели к значительному расширению перечня недвижимых вещей. В отечественное право вошли совершенно новые виды недвижимых вещей, а сама возможность отнесения объекта к недвижимости стала оцениваться по более широкому кругу юридически значимых свойств. Ярким примером такого новшества является машино-место как самостоятельный, полностью оборотоспособный объект гражданских прав, который рассматривается как пространственно ограниченная часть здания или относящегося к нему земельного участка.

Данное изменение вызывает резкую критику со стороны отечественных исследователей. Так, например, В.А. Алексеев отмечает, что данное изменение привело фактически к тому, что наряду с жилыми и нежилыми помещениями появился новый вид помещений – служебные или вспомогательные, причем правовой статус и даже обозначение такого вида помещений остались спорными, поскольку ни служебные, ни вспомогательные помещения в рамках гражданско-правового подхода к пониманию их правовой сущности невозможно относить ни к жилым, ни к нежилым помещениям. Данная правовая специфика непосредственно обуславливает их квалификацию как составной части общего имущества здания, что влечет за собой распространение на них режима общей долевой собственности владельцев помещений в этом здании. В результате такие объекты лишены автономной оборотоспособности и не могут самостоятельно выступать в гражданском обороте [17].

При сохранении определенного скепсиса в отношении позиции В.А. Алексеева, критикующего сам подход к определению правового статуса вспомогательных помещений как недвижимых вещей, нельзя не учитывать предложенные им аргументы, но с учетом того, что в жилищном законодательстве дефиниция слу-

жебных комнат сформировалась достаточно давно, а под служебными комнатами жилого помещения понимаются помещения, имеющих исключительно вспомогательное, обслуживающее назначение для обеспечения эксплуатации основного жилого помещения, служебные комнаты объективно лишены тех юридически значимых качеств, которые присущи самостоятельным жилым объектам, таким как квартиры или изолированные комнаты. Их правовая природа носит сугубо производный, зависимый характер, что исключает возможность признания их автономными объектами вещных прав.

В контексте регулирования машино-мест Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [7] определяет, что процесс установления границ такого пространства носит инвентаризационный характер и производится на основе проектной документации, которая определяет параметры капитального строительства, сведений, а закрепление этих границ производится лицом, ответственным за возведение, эксплуатацию или обладающим правами на такое пространство. Такая фиксация может включать нанесение различных визуальных обозначений, например, разметки с использованием красок, наклеек или других подобных средств на поверхность пола или потолка.

В то же время, в научно-исследовательской литературе можно встретить и положительное отношение отечественных исследователей к проблеме включения машино-мест в состав недвижимого имущества. Профессор О.М. Козырь обращает внимание на принципиальную особенность правовой квалификации машино-мест, поскольку их включение в категорию недвижимого имущества обусловлено не объективными свойствами, присущими этим объектам от природы, а является исключительно результатом волевого законодательного решения. Иными словами, их статус недвижимых вещей носит сугубо легальный, а не естественный характер, будучи производным от прямого предписания нормы закона [19; 20]. Подобную позицию можно увидеть в работах С.А. Липски [22], В.В. Долинской [18], Е.А. Сауткиной [23] и целого ряда других исследователей.

В то же время, если до формирования единого недвижимого комплекса отдельные его элементы ранее уже были учтены как недвижимые вещи, то все они могут войти в его состав, даже в том случае, если они относятся к недвижимым вещам только на основании закона.

Машино-место, исходя из судебной практики, сложившейся до внесения изменений и дополнений в ГК РФ Федеральным законом от 21.12.2021 г. № 430-ФЗ, следует рассматривать в качестве помещения в составе здания (сооружения) или земельного участка, на котором находятся объекты недвижимости, что нашло отражение, например, в Определении Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-147 [14].

Таким образом, законодатель, вводя машино-место как новый вид недвижимой вещи, стремился включить в гражданский оборот обособленные парковочные пространства, что само по себе является прогрессивным шагом, упростившим сделки с ними. Однако на практике машино-место балансирует между статусом самостоятельного объекта гражданских прав и части здания (помещения). Это порождает ряд коллизий: от технических сложностей описания и фиксации его границ (которые могут определяться лишь разметкой на полу) до фундаментальных вопросов о возникновении права собственности на него (является ли оно производным от прав на здание или возникает самостоятельно).

Однако наиболее неопределенным остается правовой режим объектов незавершенного строительства. Критерии для признания объекта недвижимостью (например, «полностью построенный фундамент») размыты и устанавливаются не законом, а ведомственными актами и судебной практикой. Момент возникновения права собственности на такой объект также дискуссионен. Интеграция объекта незавершенного строительства в единый недвижимый комплекс сопряжена с необходимостью проведения трудоемкой процедуры его исключения из кадастрового реестра в качестве автономного объекта. Данное требование вступает в противоречие с установленными правилами ведения учета подобных активов, что особенно осложняется в случаях финансирования строительства за счет государственного бюджета.

Комплексное изучение положений действующего гражданского и градостроительного законодательства в сочетании с обобщением сложившейся судебной практики позволяет выделить совокупность юридически значимых признаков, характеризующих объект незавершенного строительства:

- во-первых, такой объект является объектом капитального строительства, следовательно, относится к недвижимым вещам в соответствии с п. 1 ст. 130 ГК РФ и п. 10 ст. 1 ГрК РФ [3];

- вторым критерием признания такого объекта является достижение им определенной степени технической готовности, которая заключается в полном завершении работ по возведению фундамента либо осуществлении иных строительно-монтажных операций, имеющих аналогичную значимость для обеспечения прочной связи с землей. Данное требование, сформулированное в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [13], находит последовательное отражение в сложившейся правоприменительной практике. Верховный Суд в своих обзорах судебной практики неоднократно указывал, что отсутствие за-

вершенного фундамента или его аналога служит правомерным основанием для отказа в осуществлении государственного кадастрового учета объекта в качестве недвижимой вещи [16];

- в-третьих, объект находится в стадии строительства, что не позволяет использовать его по назначению, данное право появляется только после сдачи объекта в эксплуатацию, причем дополнительные действия, связанные с прекращением Росреестром записи о государственной регистрации объекта незавершенного строительства, не требуется, поскольку необходимые действия совершаются органом, принявшим объект в эксплуатацию.

Исходя из указанных критериев признания объекта капитального строительства объектов незавершенного строительства, следует отметить, что для признания такого объекта объектом незавершенного строительства необходимо установление соответствия его определенным критериям, важнейшим из которых следует считать завершение работ по возведению фундамента.

В связи с тем, что законодательные критерии признания объекта объектом незавершенного строительства отсутствуют, данный пробел в праве преодолевается путем развития судебной практики разрешения споров относительно установления факта возведения объекта капитального строительства. Это указывается в уже приведенном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, или посредством направления инструктивных писем министерств и ведомств федерального уровня исполнительной власти. Согласно официальной позиции Минстроя России, отраженной в соответствующих разъяснениях [11], ключевым условием для внесения сведений об объекте незавершенного строительства в кадастр является достижение им такой степени технической готовности, которая позволяет однозначно идентифицировать его в качестве обособленного объекта недвижимого имущества. Правовая квалификация подобного актива и верификация его признаков отнесены к компетенции кадастрового инженера. В ходе проведения кадастровых работ именно этот специалист обязан провести экспертизу, установив наличие или отсутствие оснований для признания объекта незавершенным строительством. В ситуациях, когда представленные характеристики не позволяют сделать однозначный вывод, кадастровый инженер должен детально зафиксировать и описать все спорные признаки в составляемом им техническом плане, что является обязательным требованием к содержанию данного документа

Дискуссионным вопросом в отечественной доктрине гражданского права остается вопрос об определении юридического факта, лежащего в основе признания объекта незавершенного строительства объектом недвижимости. Следует согласиться с судебной практикой, а именно выводами Президиума ВАС РФ, что таким моментом следует считать государственную регистрацию права на такой объект и его учет в Государственном кадастре недвижимости [12].

Существуют доктринальные возражения против данного подхода, основанные на устаревшей трактовке, согласно которой правовой статус недвижимости возникает у объекта строительства исключительно после оформления акта о его вводе в эксплуатацию [25]. Эта позиция входит в очевидное противоречие с современной системой правового регулирования, допускающей кадастровый учет и регистрацию прав на объекты незавершенного строительства.

Процесс интеграции такого объекта в структуру единого недвижимого комплекса инициирует комплекс юридических процедур. Центральное место среди них занимает прекращение его кадастрового учета как самостоятельного объекта недвижимости, что, однако, не тождественно его удалению из федерального реестра незавершенных объектов капитального строительства. Ведение этого реестра, в соответствии с Градостроительным кодексом, отнесено к компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Представляется логичным, что факт прекращения права собственности на объект в связи с его вхождением в неделимый комплекс должен найти соответствующее процессуальное отражение и в указанном специализированном реестре.

Выводы

Таким образом, интеграция в структуру единого недвижимого комплекса разнородных объектов в виде жилых и нежилых помещений, домовладений, машино-мест, а также объектов незавершенного строительства, выявляет фундаментальные коллизии, заложенные в самой системе их правового регулирования. Эта гетерогенность активов, обладающих собственной, зачастую императивной правовой природой, вступает в непреодолимое противоречие с жесткой концепцией ЕНК как единой и неделимой вещи. Попытка объединить их в единый правовой конгломерат обнажает системный разрыв между экономической целесообразностью и разнотраслевыми правовыми режимами, охраняющими специальный статус каждого из таких объектов.

Основной конфликт возникает из-за двойственной или производной природы этих активов, которая вступает в коллизию с концепцией ЕНК как единой и неделимой вещи. Жилые помещения, обладающие строгим целевым режимом и находящиеся под особым контролем жилищного законодательства, фактически утрачивают свой защищенный статус внутри комплекса. Аналогичная проблема касается домовладений, которые экономически воспринимаются как единое целое, но юридически остаются разрозненными объектами, что повышает риски в обороте.

Коллизии усугубляются при включении объектов с искусственной или неопределенной правовой природой. Машино-места, чей статус колеблется между самостоятельной вещью и частью здания, создают технические и регистрационные сложности. Правовой режим вспомогательных помещений и объектов незавершенного строительства, определяемый зачастую не законом, а подзаконными актами и судебной практикой, порождает значительную неопределенность при их интеграции в ЕНК. Совокупность этих проблем демонстрирует фундаментальный разрыв между потребностью в создании технологически целостных активов и действующей системой разноотраслевого регулирования.

Таким образом, тенденция к объединению разнородных активов в ЕНК наталкивается на серьезные вызовы, порожденные разноотраслевым регулированием и сложившейся практикой регистрации. Каждый из перечисленных объектов несет в себе груз собственного, зачастую императивного, правового режима (жилищного, градостроительного, учетного), который вступает в конфликт с идеей единого и неделимого комплекса. Это создает системный правовой риск, неопределенность для участников оборота и сложности в правоприменении. Для преодоления этих противоречий требуется не частная корректировка норм, а концептуальная гармонизация законодательства, возможно, через создание принципиально новой цифровой модели учета, где ЕНК и все его компоненты будут связаны в единую, прозрачную и непротиворечивую цифровую запись, способную гибко отражать как технологическое единство, так и особенности правового режима каждого элемента.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. 05.12. № 32. ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2023. 31.07. № 31 (Часть III). Ст. 5773.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). ст. 14.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
6. Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
7. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.
8. Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.
9. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 19.12.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») // Собрание законодательства РФ. 30.05.2011. № 22. Ст. 3168.
10. Письмо Минэкономразвития России от 09.03.2016 № ОГ-Д23-3023 // СПС Консультант Плюс.
11. Письмо Минстроя России от 28.11.2024 № 70963-ОД/08 «О градостроительной деятельности» // Вестник ценообразования и сметного нормирования. 2025. Вып. 1.
12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник ВАС РФ. № 3. 2000.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
14. Определении Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 5-КГ15-147 // КонсультантПлюс.
15. Определение Верховного Суда РФ от 26.12.2024 г. № 304-ЭС24-20153 по делу № А45-20899/2023 // СПС КонсультантПлюс.
16. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда. 2017. № 7.
17. Алексеев В.А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 106.
18. Долинская В.В., Анисимова А.И. Машино-место: проблемы правового режима // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 31 – 36.
19. Козырь О.М. Понятие недвижимости в новом Гражданском кодексе России // Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 57.
20. Козырь О.М., Сенчищев В.И. Понятие недвижимости в Гражданском кодексе России (история, современность и перспективы развития) // Закон. 2025. № 1. С. 53.
21. Кудрявцева Л.В., Бархович А.С. особенности правового режима жилых и нежилых помещений // Успехи современной науки. 2017. Т. 7. № 3. С. 105.
22. Липски С.А. Трансформация системы кадастрового учета недвижимости: формально-правовой аспект // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 2. С. 21 – 27.
23. Сауткина Е.А. Некоторые проблемы обеспечения прав правопреемников при применении норм о наследственных договорах // Наследственное право. 2021. № 2. С. 31 – 34.
24. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2023. С. 292.
25. Титов Ф.Ю. Соотношение объекта долевого строительства и объекта незавершенного строительства: сравнительно-правовой аспект // право и государство: теория и практика. 2010. № 10. С. 151.

References

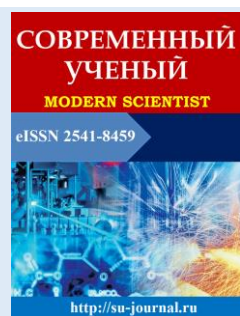
1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. 05.12. No. 32. Art. 3301; Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. 31.07. No. 31 (Part III). Art. 5773.
3. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 29.12.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.
4. Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FZ (as amended on 29.12.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 03.01.2005. No. 1 (Part 1). Art. 14.
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.
6. Law of the Russian Federation of June 25, 1993 No. 5242-I "On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence within the Russian Federation". Vedomosti SND i VS RF. 1993. No. 32. Art. 1227.
7. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended on December 28, 2025) "On State Registration of Real Estate" (as amended and supplemented, entered into force on January 8, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. July 20, 201. No. 29 (Part I). Art. 4344.
8. Federal Law of 21.12.2021 No. 430-FZ (as amended on 28.06.2022) "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I). Art. 8989.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011 No. 354 (as amended on 19.12.2025) "On the Provision of Public Utilities to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Buildings" (together with the "Rules for the Provision of Public Utilities to Owners and Users of Premises in Apartment Buildings and Residential Buildings"). Collected Legislation of the Russian Federation. 30.05.2011. No. 22. Art. 3168.

10. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated March 9, 2016, No. OG-D23-3023 // SPS Consultant Plus.
11. Letter of the Ministry of Construction of Russia dated November 28, 2024, No. 70963-OD/08 "On Urban Development Activities". Bulletin of Pricing and Estimating Standards. 2025. Issue 1.
12. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 24, 2000, No. 51 "Review of the Practice of Resolving Disputes Under Construction Contracts". Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 3. 2000.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 No. 5-KG15-147. ConsultantPlus.
15. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2024 No. 304-ES24-20153 in Case No. A45-20899/2023. SPS ConsultantPlus.
16. Review of judicial practice in cases related to challenging the refusal to carry out cadastral registration (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 30, 2016). Bulletin of the Supreme Court. 2017. No. 7.
17. Alekseev V.A. New in the legislation on immovable property: a critical commentary. Law. 2022. No. 4. P. 106.
18. Dolinskaya V.V., Anisimova A.I. Parking space: problems of the legal regime. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 10. P. 31 – 36.
19. Kozyr O.M. The concept of real estate in the new Civil Code of Russia. Bulletin of civil law. 2024. No. 6. P. 57.
20. Kozyr O.M., Senchishchev V.I. The Concept of Real Estate in the Civil Code of Russia (History, Modernity, and Development Prospects). Law. 2025. No. 1. P. 53.
21. Kudryavtseva L.V., Barkhovich A.S. Features of the Legal Regime of Residential and Non-residential Premises. Advances in Modern Science. 2017. Vol. 7. No. 3. P. 105.
22. Lipskiy S.A. Transformation of the Real Estate Cadastral Registration System: Formal and Legal Aspect. Legal Issues of Real Estate. 2023. No. 2. P. 21 – 27.
23. Sautkina E.A. Some Issues of Ensuring the Rights of Successors in the Application of the Norms on Inheritance Contracts. Inheritance Law. 2021. No. 2. P. 31 – 34.
24. Sklovsky K.I. Ownership in Civil Law. 6th ed., corr. and add. Moscow: Statut, 2023. P. 292.
25. Titov F.Yu. The Relationship between a Shared Construction Project and an Unfinished Construction Project: A Comparative Legal Aspect. Law and State: Theory and Practice. 2010. No. 10. P. 151.

Информация об авторе

Чуракова Е.В., ведущий юрисконсульт АО «МПО им. И. Румянцева», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4135-6807>, e.v.churakova@bk.ru

© Чуракова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 34.096

Deepfakes как угроза информационной безопасности

¹ Корних Е.М.

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация: в рамках настоящей статьи исследуется феномен дипфейков, который рассматривается в качестве достаточно серьезной угрозы информационной безопасности Российской Федерации и обеспечению прав человека и гражданина в современных цифровых реалиях. В работе представлен анализ наиболее распространенных технологий по созданию дипфейков, начиная от смены лица и кукловодства и заканчивая генерацией изображений и текста. В частности, автор данной статьи исследует, как именно эти технологии используются в целях мошенничества.

Равным образом внимание в статье уделяется актуальной системе государственного регулирования и отечественного законодательства в области дипфейков. Исследуются нормы Гражданского кодекса, Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации наряду с законопроектами в рассматриваемой области, которые в настоящее время находятся в разработке. Автором отмечены имеющиеся на современном этапе технические методы по выявлению дипфейков, которые применяются в органах внутренних дел РФ, а также в ключевых научных институтах и банковских учреждениях.

Выводы статьи акцентируют внимание прежде всего на угрозе репутации, а также на достаточно серьезных рисках экономического и политического характера, которые регулярно возникают в контексте распространения дипфейков в современной России.

Как следствие, автор данной статьи предлагает сформировать единый Цифровой кодекс РФ.

Ключевые слова: дипфейки, угроза информационной безопасности, искусственный интеллект, нейросети, нормативное регулирование дипфейков, ответственность за дипфейки

Для цитирования: Корних Е.М. Deepfakes как угроза информационной безопасности // Современный ученый. 2026. № 4. С. 377 – 383.

Поступила в редакцию: 22 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Deepfakes as a threat to information security

¹ Kornikh E.M.

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: this article examines the phenomenon of deepfakes, which is considered a significant threat to the information security of the Russian Federation and the protection of human and civil rights in the modern digital environment. The paper presents an analysis of the most common deepfake creation technologies, ranging from face swapping and puppetry to image and text generation. Specifically, the author examines how these technologies are used for fraudulent purposes.

The article also focuses on the current system of government regulation and domestic legislation in the field of deepfakes. The provisions of the Civil Code, Criminal Code, and Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are examined, along with draft laws in this area that are currently under development. The author highlights the currently available technical methods for detecting deepfakes, which are used by Russian law enforcement agencies, as well as key scientific institutes and banking institutions.

The article's conclusions focus primarily on the reputational threat, as well as the rather serious economic and political risks that regularly arise in the context of the spread of deepfakes in modern Russia.

Consequently, the author of this article proposes the creation of a unified Digital Code of the Russian Federation.

Keywords: deepfakes, information security threats, artificial intelligence, neural networks, deepfake regulation, liability for deepfakes

For citation: Kornikh E.M. Deepfakes as a threat to information security. Modern Scientist. 2026. 4. P. 377 – 383.

The article was submitted: October 22, 2025; Approved after reviewing: December 19, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Целью настоящего исследования следует считать анализ актуальных на сегодняшний день в реалиях современной России возможностей по формированию механизма правового регулирования области дипфейков, которая выступает в качестве полноценной и достаточно серьезной опасности в онлайн-сфере. Исходя из данной цели были сформулированы задачи исследования, а именно: изучить теоретические основы дипфейков, проанализировать реальные случаи использования данных технологий для мошенничества, рассмотреть нормативно-правовое регулирование данной области в РФ, выявить проблемы в данной области и предложить возможные пути их решения.

Рассматриваемая тема имеет достаточную степень актуальности, которая связана в первую очередь с тем, насколько сильно к сегодняшнему дню развилась сфера дипфейков. Исходя из того, какие сегодня безграничные возможности благодаря развитию дипфейков имеют лица, осуществляющие деятельность мошеннического характера, становится очевидным, что исследование данной темы в достаточной степени своевременно.

Материалы и методы исследований

В качестве основных материалов настоящего исследования прежде всего выступают результаты научных исследований отечественных ученых в области дипфейков и нейронных сетей. В равной степени материалами для исследования являются данные авторитетных российских средств массовой информации, преимущественно в сети Интернет.

Методы исследования относятся к группе общетеоретических, среди них наиболее значимыми и важными являются анализ и синтез информации, обобщение проанализированных данных, индукция и дедукция, системный метод, институциональный метод, а также метод сравнительного анализа.

Результаты и обсуждения

Для начала проанализируем само понятие дипфейка, чтобы получить более качественное понимание данного явления. Как правило, в научном сообществе под данным термином подразумевается определенное соединение изображений, видео и звука, сгенерированное посредством использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения. Непосредственно в процессе создания дипфейка алгоритм обработки соответствующих материалов позволяет, прежде всего, наложить лицо одного человека на некотором видеоролике на лицо другого человека [1, с. 2].

В Российской Федерации (РФ) в настоящее время данный термин все еще не имеет ни технического определения, ни нормативного закрепления. Тем не менее, в рамках разговорной лексики данное определение является достаточно распространенным [1, с. 2].

На современном этапе соответствующие технологии по созданию рассматриваемого ложного контента развились настолько сильно, что их использование стало возможным даже в период ведения онлайн-трансляции. Об их опасности ранее заявляли крупные технологические гиганты, по мнению которых использование и распространение подобного рода ложного контента с течением времени станет еще более ухищренным и обостренным, в результате чего в онлайн-сфере будет достаточно трудно отличить реальные события от несуществовавших в действительности эпизодов.

Несмотря на то, что по большей степени тема дипфейков сегодня является скорее разговорной, существует ряд классификаций подобного ложного контента. Рассмотрим одну из них [4, с. 57-59], в рамках которой в качестве основного критерия были взяты методы создания дипфейков:

Смена лица (face swaps) на сегодняшний день является одной из наиболее частых дипфейк-технологий, которая подразумевает под собой замену лица одного человека на лицо другой персоны с учетом всех его ключевых черт и некоторых манипуляций с фильтрами. Данная технология используется достаточно давно, например, известная на западе социальная сеть Snapchat в своем приложении предлагала пользователям изменять внешность в онлайн режиме еще 10 лет назад – в 2014 году.

Кукловодство (puppeteering) является второй по популярности на современном этапе дипфейк-технологией, которая предполагает под собой видеоотрисовку некоторых движений человека с использованием 3D-моделей и ИИ-технологий.

Синхронизация губ (lip-syncing) предлагает пользователям сгенерировать движения рта и мимики некоторого человека исходя из текста и мелодии в том или ином музыкальном произведении. В результате человек начинает исполнять определенную песню, что, опять же, является эпизодом сфальсифицированным.

Клонирование голоса (voice cloning) предполагает под собой использование алгоритма машинного обучения с использованием ИИ-технологий, который позволяет формировать искусственный голос, в некоторой степени похожий на заданный ему. Впоследствии сформированный голос позволяет создавать речь определенной персоны.

Синтез изображений в равной степени является достаточно распространенным видом дипфейков, который подразумевает под собой использование алгоритма для генерирования новых элементов визуального характера на основе использования технологии компьютерного зрения наряду с глубоким обучением и GAN (генеративно-состязательной сети) [2, с. 76].

Генерация текста сегодня по праву считается самым распространенным в мире форматом дипфейков. Данная технология предполагает использование метода автоматического создания любого вида текста на базе рекуррентных нейронных сетей либо GAN [2, с. 75]. По итогам развития данной технологии популяризируется роботизированная форма журналистики.

Подрисовывание (inpainting) является заключительным видом дипфейк-технологий в рамках рассматриваемой классификации. В данном конкретном случае под дипфейком подразумевается алгоритм редактирования элементов визуального характера, который формирует изображения на основе использования произвольных масок, эскизов и цветов, предоставленных ему для этого самими пользователями.

После анализа классификации дипфейков можно переходить непосредственно к анализу актуального российского законодательства, регулирующего дипфейки. В данном случае набор правовых инструментов еще находится на стадии формирования, поскольку для законодателей данная технология является в достаточной степени новой и инновационной.

На территории РФ еще в 2018 году несколько компаний, включая Первый канал, ВГТРК, Газпром-Медиа Холдинг и т.п., подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в цифровой эпохе, пересматривающийся в ежегодном формате. Данный меморандум обязует операторов в соответствующих поисковых системах прекращать выдавать ссылки на произведения аудио- и визуального характера, которые являются нелегальными, если ранее на такой контент поступали заявления от правообладателей [3, с. 46].

Следует подчеркнуть, что на современном этапе в России действует ФЗ №-149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который ограничивает доступ к сведениям, ранее распространенным с теми или иными нарушениями установленного порядка. При этом распространение заведомо ложной информации, способной нанести вред личности или обществу, регламентируется ст. 207.1 УК РФ, а распространение заведомо ложных новостей – ст. 13.15 КоАП РФ [5, с. 128].

Равным образом сегодня в России органы государственной власти предпринимают серьезные усилия по выявлению дипфейков самых разных видов. Например, в период с 2021 по 2022 гг. по заказу МВД России было проведено исследование актуальных методов по определению признаков монтажа внутрикадрового формата в видеороликах, который был создан на основе применения технологии нейронных сетей. По техническому заданию необходимо было сформировать комплекс аппаратно-программного характера, который позволит в точности выявлять видео-дипфейки в наиболее популярных форматах, в частности в онлайн-сфере [3, с. 47].

Ученые ФИЦ РАН «Информатика и управления» с коллегами из Московского физико-технического института в том же 2022 году смогли разработать способ детектирования фальсификаций за счет использова-

ния метода спуфинга в рамках распознавания лиц и при использовании стереокамеры, сегодня он достаточно часто используется в биометрических системах [3, с. 47].

Кроме того, ПАО Сбербанк в августе 2022 года сформировал патент и впоследствии разработал технологии, связанные с распознаванием дипфейков в области наложения лиц на видео. Комплексная система от Сбербанка является более высокоточной по сравнению со своими аналогами [3, с. 47].

Важно отметить, что действующее законодательство все же допускает борьбу с распространением дипфейков: ч. 1 ст. 152.1 ГК РФ устанавливает правовые рамки для охраны изображения граждан РФ [4, с. 60]. Правда данная статья все же касается обычных фотографий, а не искусственно сгенерированных. Получается, что в реалиях современной России крайне важно разработать механизм правового регулирования дипфейков во всех сферах, от административной до уголовной.

Сегодня для РФ ключевым решением проблемы дипфейков является возможность издания нового закона. К сожалению, сегодня единственный закон в данной области не распространяется на использование нейронных сетей в мошеннических целях частными лицами. Речь идет о ФЗ № 123 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте РФ – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 ФЗ «О персональных данных» [4, с. 123].

Продолжая исследование, отметим, что ранее руководитель группы, занимающейся вопросами кибербезопасности в компании Positive Technologies, И. Зиновкина подчеркивала, что в первом квартале 2024 года примерно в 85% всех кибератак на отдельных гражданских лиц мошенники использовали инструменты социальной инженерии, в первую очередь ИИ-технологии, позволяющие в серьезной степени воздействовать на жертв посредством применения дипфейков [9].

Наиболее ярким примером в последнее время является обман известной российской певицы Ларисы Долиной, которая пострадала от ИИ-технологий в руках злоумышленников. Им удалось сгенерировать ее фотографию, на которой российская эстрадная певица была изображена со своим паспортом в руках. В результате они смогли взять крупный кредит под залог ее собственного дома в размере 50 млн руб. Более того, те же мошенники впоследствии смогли перепродать квартиру певицы, находящуюся в самом центре Москвы. По оценкам правоохранителей, общий ущерб для певицы от действий мошенников составил 180 млн руб. [7].

Собственно, в сложившихся условиях становится достаточно актуальным вопрос: как привлечь злоумышленника к ответственности, если он создал дипфейк. Рассмотрим несколько наиболее распространенных в настоящее время вариантов:

1. При условии незаконного получения изображения. Данный вариант распространяется на случаи, когда изображение было получено без разрешения, если некоторое лицо сделало фотографию в тайне от жертвы. Действующее законодательство предусматривает, что сбор, хранение, распространение и использование той или иной информации касательно частной жизни возможно только с согласия соответствующего лица. Более того, если дипфейк не был использован, ответственность все равно наступит. Нарушение неприкосновенности частной жизни карается штрафом до 200 тыс. руб. или лишением свободы на срок до 2-х лет.

2. При условии вымогательства. Создатель дипфейка в определенных обстоятельствах может начать шантаж с угрозами выложить сгенерированные материалы в сеть, если он не получит денежные средства или имущество. Состав преступления предполагает вымогательство, и это противоправное деяние будет считаться оконченным в момент, когда были предъявлены требования. Злоумышленник будет лишен свободы на срок до 15 лет.

3. При условии распространении порочащих сведений. Бывают случаи, когда некоторое лицо, причем не так важно, создатель дипфейка или любой другой человек, распространяет сгенерированные материалы, понимая при этом, что они не являются реальными. В данном случае состав преступления предполагает под собой клевету с уголовной ответственностью в формате штрафа до 500 тыс. руб. или размера заработной платы / дохода виновного за период до 6 месяцев, также в формате обязательных работ до 150 часов.

Если злоумышленник не удалит все сгенерированные материалы со своих социальных сетей, он может вновь понести уголовную ответственность в формате штрафа до 50 тыс. руб. или лишения свободы на срок до года.

4. При условии распространения и оборота порнографических материалов. Исходя из действующего в настоящий момент на территории РФ законодательства, информацией соответствующего характера является натуралистическое изображение либо описание как половых органов, так и полового акта. При создании и распространении такого дипфейка на нарушителя может быть наложена ответственность в соответствии

со ст. 242 УК РФ. Наказание за подобное деяние может быть в размере штрафа от 100 до 300 тыс. руб. либо в формате лишения свободы на срок от 2 до 6 лет.

Таким образом, если дипфейк был получен некоторым лицом без согласия изображенного или записанного на нем человека, можно обращаться в правоохранительные органы. В альтернативных сценариях следует подождать дальнейших действий автора или распространителя дипфейка и действовать в соответствии с вариантами, представленными выше.

На современном этапе в России все еще не принято на законодательном уровне прямых наказаний за использование дипфейков, т.е. данная угроза сохраняется в достаточно рискованном формате. Именно поэтому еще в сентябре 2024 года в Госдуму был внесен законопроект, согласно которому устанавливается уголовной ответственность за создание и использование дипфейков в целях мошенничества [6]. В частности, данный законопроект предусматривает изменения в ряд статей УК РФ («О клевете», «О мошенничестве», «О краже» и «О вымогательстве»). Его авторы предусматривают в качестве наказаний за совершение соответствующих преступлений штрафа до 1,5 млн руб. и лишение свободы сроком до 6 лет.

В заключительной части настоящего исследования также необходимо упомянуть, что на сегодняшний день дипфейки имеют очень высокую степень угрозы для информационной безопасности. В теории дипфейки в обозримом будущем могут стать глобальной угрозой кибербезопасности, поскольку они позволяют создавать качественный, но ложный контент, в результате нанося ущерб репутации самых разных компаний и подрывая доверие к власти через фальсификации с участием политиков.

Наиболее серьезными примерами незаконного использования рассматриваемых технологий являются следующие:

1. В 2019 году генеральный директор одной из энергетических компаний в Великобритании перевел злоумышленникам сумму в размере \$243 тыс. после фейкового звонка от своего начальника. Звонки начальника в режиме реального времени, соответственно, был сгенерирован на основе реального голоса упомянутого начальника и являлся дипфейком (мошеннические аудиозаписи) [8].

2. Достаточно высокую популярность набрало видео на американской платформе Facebook (запрещена в РФ), на котором спикер Палаты представителей в США Н. Пелоси была в нетрезвом виде и высказала несколько ругательств в период своего выступления [10]. Д. Трамп данный клип опубликовал в своем Twitter в рамках политической борьбы с представителями Демократической партии (политические манипуляции).

В России подобные случаи использования дипфейков чаще всего относились к мошенничеству в банковской отрасли. Группы мошенников представляются сотрудниками крупных банков РФ и обманывают пользователей на денежные средства с регулярной активностью.

Выводы

Данное исследование дает ценную информацию о текущем состоянии репрезента Резюмируя все вышеизложенное, в настоящее время необходимо как можно скорее в правовом контексте начать противодействие созданию и распространению дипфейков, для чего предлагается:

1. Нормативно закрепить термин «дипфейка», а также его основные составляющие элементы. Крайне важно подчеркнуть в соответствующем правовом акте, что дипфейки создаются в качестве ложных сообщений по результатам использования технологий искусственного интеллекта с целью осуществления противоправных действий.

2. В административном и уголовном законодательстве подкрепить имеющиеся статьи дополнениями относительно дипфейков. Как пример, в УК РФ имеется ст. 207.1, в рамках которой можно представить дополнительные сведения по дипфейкам. Учитывая масштаб угрозы дипфейков, на законодательном уровне следует закрепить, что их использование представляет прямую угрозу для государства и общества.

3. Дополнить ст. 152 и 152.1 ГК РФ, подчеркнув, что дипфейки, которые создаются для порочения чести и достоинства человека, имеют соответствующие правовые последствия, а именно законодательно установленный уровень ответственности. Также дополнить гл. 65 ГК РФ статьей, предусматривающей ключевые аспекты касательно особенностей наследования цифрового образа личности.

4. Разработать механизм и алгоритм верификации дипфейков в сети Интернет. В рамках данного механизма следует учесть критерии, которые позволят отслеживать дипфейки по всем возможным направлениям: от аудио- до визуальных материалов, созданных с использованием ИИ-технологий и возможностей машинного обучения.

5. Подготовить нормы профильного законодательства в области регулирования более широких систем, чем дипфейки (например, системы ИИ и машинного обучения). Учитывая актуальные темпы цифровизации, возникает необходимость в принятии Цифрового кодекса РФ.

Таким образом, в области создания и распространения дипфейков в реалиях современной России имеется ряд возможностей по улучшению механизма правового регулирования. Наиболее важной и значимой из них является принятие Цифрового кодекса РФ. С учетом стремительных темпов цифровизации практически всех областей, мошенники получают больше возможностей для преступной деятельности, поэтому так важно иметь профильное законодательство, которое данную сферу будет регулировать.

Список источников

1. Ващенко Д.Г., Оруспай Э.А., Степаненко О.Г. К вопросу о правовом регулировании дипфейков // Вопросы науки и образования. 2023. № 7 (172). С. 1 – 6.
2. Игнатенков Г.К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности // Наука. Исследования. Практика: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2022 года. Санкт-Петербург: Нацразвитие, 2022. С. 74 – 77.
3. Игнатьев А.Г., Курбатова Т.А. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию. Москва: АНО «Центр компетенций по глобальной ИТ-кооперации», 2023. 54 с.
4. Киселев А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54 – 64.
5. Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. К вопросу об административной ответственности за правонарушения, связанные с распространением в СМИ, а также в ИТС недостоверной общественно значимой информации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3. С. 127 – 132.
6. В Госдуму внесли законопроект о наказаниях за использование дипфейков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66e7fa989a7947a5ed896934> (дата обращения: 08.10.2025)
7. Дело Долиной в Мосгорсуде. Вопрос о выселении певицы остается открытым [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/25924745> (дата обращения: 08.10.2025)
8. Мошенник подделал голос CEO и украл \$243 тыс. при помощи технологии «deepfake» [Электронный ресурс]. URL: <https://incrussia.ru/news/deepfake-moshennik-ukral-243-tys/> (дата обращения: 11.10.2025)
9. Хакеры против компаний и людей: тренды и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/hakery-protiv-kompanij-i-lyudej-trendy-i-prognozy/> (дата обращения: 06.10.2025)
10. Another fake video of Pelosi goes viral on Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/08/03/nancy-pelosi-fake-video-facebook/> (дата обращения: 11.10.2025)

References

1. Vaschenko D.G., Oruspai E.A., Stepanenko O.G. On the Legal Regulation of Deepfakes. Issues of science and Education. 2023. No. 7 (172). P. 1 – 6.
2. Ignatenkov G.K. Deepfake Technology as a Threat to Information Security. Science. Research. Practice: A Collection of Selected Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference, St. Petersburg, June 25, 2022. St. Petersburg: Natsrazvitie, 2022. P. 74 – 77.
3. Ignatiev A.G., Kurbatova T.A. Deepfakes in Digital Space: Main International Approaches to Research and Regulation. Moscow: ANO "Competence Center for Global IT Cooperation", 2023. 54 p.
4. Kiselev A.S. On the Need for Legal Regulation in the Sphere of Artificial Intelligence: Deepfake as a Threat to National Security. Bulletin of Moscow State University. Series: Jurisprudence. 2021. No. 3. P. 54 – 64.
5. Sosnovskaya Yu.N., Markina E.V. On the Issue of Administrative Liability for Offenses Related to the Dissemination of False Socially Significant Information in the Media, as Well as in ITS. Bulletin of Economic Security. 2025. No. 3. P. 127 – 132.
6. A Bill on Punishments for the Use of Deepfakes Was Introduced to the State Duma [Electronic Resource]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66e7fa989a7947a5ed896934> (date of accessed: 08.10.2025)
7. The Dolina Case in the Moscow City Court. The singer's eviction remains an open question [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/info/25924745> (date of accessed: 10.08.2025)
8. A fraudster faked the CEO's voice and stole \$243,000 using "deepfake" technology [Electronic resource]. URL: <https://incrussia.ru/news/deepfake-moshennik-ukral-243-tys/> (date of accessed: 11.10.2025)

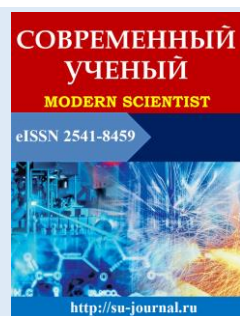
9. Hackers against companies and people: trends and forecasts [Electronic resource]. URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/hakery-protiv-kompanij-i-lyudej-trendy-i-prognozy/> (date of accessed: 10.06.2025)

10. Another fake video of Pelosi goes viral on Facebook [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/08/03/nancy-pelosi-fake-video-facebook/> (date of accessed: 11.10.2025)

Информация об авторе

Корних Е.М., Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной при Президенте РФ

© Корних Е.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 342.565

Теоретические и практические проблемы исследования судебной практики для определения степени юридической свободы советских граждан на примере кассационной практики по гражданским делам Московского городского суда в 1930-е – 1940-е гг.

¹ Красильников Т.С.

¹ кандидат юридических наук, судья в отставке

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические вопросы и практические проблемы исследования судебной практики для определения степени юридической свободы советских граждан в 1930-1940 гг. В качестве базы для исследования были использованы статистические отчеты по гражданским делам Московского городского суда и Верховного Суда РСФСР. В статье отмечается, что степень юридической свободы советских граждан в рамках рассмотрения гражданских дел в указанный период зависело не только от внешних факторов, каким стала Великая Отечественная война, но и от внутренних факторов, а именно решений Политбюро ЦК ВКП (б) о криминализации отдельных видов правонарушений незначительной тяжести. В статье сделан вывод, что судебная практика является ценным историческим источником для исследования советской юридической повседневности. Также в статье отмечается, что необходимы новые методы исследования судебной практики, в том числе с использованием технологий «искусственного интеллекта».

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, кассационная судебная практика, степень юридической свободы, советское правосудие, судебная статистика

Для цитирования: Красильников Т.С. Теоретические и практические проблемы исследования судебной практики для определения степени юридической свободы советских граждан на примере кассационной практики по гражданским делам Московского городского суда в 1930-е – 1940-е гг. // Современный ученый. 2026. № 4. С. 384 – 391.

Поступила в редакцию: 23 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Theoretical and practical problems of researching judicial practice to determine the degree of legal freedom of Soviet citizens on the example of the cassation practice of the Moscow City Court in civil cases in the 1930s and 1940s

¹ Krasilnikov T.S.

¹ *Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Retired Judge*

Abstract: the article discusses theoretical issues and practical problems of studying judicial practice to determine the degree of legal freedom of Soviet citizens in the 1930s and 1940s. The study is based on statistical reports on civil cases from the Moscow City Court and the Supreme Court of the RSFSR. The article notes that the degree of legal freedom of Soviet citizens in civil cases during this period depended not only on external factors, such as the Great Patriotic War, but also on internal factors, such as the decisions of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the criminalization of certain types of minor offenses. The article concludes that judicial practice is a valuable historical source for studying Soviet legal everyday life. The article also notes that new methods of studying judicial practice are needed, including the use of artificial intelligence technologies.

Keywords: civil proceedings, cassation court practice, degree of legal freedom, Soviet justice, judicial statistics

For citation: Krasilnikov T.S. Theoretical and practical problems of researching judicial practice to determine the degree of legal freedom of Soviet citizens on the example of the cassation practice of the Moscow City Court in civil cases in the 1930s and 1940s. Modern Scientist. 2026. 4. P. 384 – 391.

The article was submitted: October 23, 2025; Approved after reviewing: December 20, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Одним из источников изучения истории юридической повседневности являются архивы судебных решений.

Любое судебное решение – это не только правоприменительный акт, но также отражение социальной действительности, правовой культуры и уровня правосознания, которые господствовали в тех исторических условиях, в которых принималось соответствующее судебное постановление. Как правоприменительный акт судебное решение является отражением действовавшего права, которое в свою очередь является проявлением воли политических элит при управлении посредством государственных институтов зависимых социальных групп. Кроме того, конкретное судебное решение отражает наиболее важные проблемы, которые волнуют человека, что он вынужден обратиться за защитой нарушенного права.

Изучение судебной практики позволяет выявить не только уровень правовой культуры и правосознания общества, но также и конкретного судьи, поскольку судебное решение это в первую очередь проявления индивидуального видения конкретного судьи на определенный социально-бытовой конфликт.

Для понимания советской действительности несколько советологов провели исследования, основанные на изучении практики советских судов. Однако, как правило, предметом таких исследований становилась правоприменительная практика по уголовным делам, особенно в первой половине XX в., что обеспечивает интерес к сталинской эпохе.

Между тем, в рамках юридической антропологии исследование судебной практики по гражданским делам еще не получили своего должного развития. Одной из задач юридической антропологии является исследование степени юридической свободы личности в обществе. И, на наш взгляд, именно гражданское судопроизводство позволяет определить, насколько человек, обращаясь к системе государственного правосудия, может защитить свои интересы (в отличие от уголовного судопроизводства, где инициатором возбуждения конкретных уголовных дел является государство в лице органов следствия и дознания).

Материалы и методы исследований

В настоящей статье будет предпринята попытка провести анализ степени юридической свободы советского человека в период со второй половины 1930-х и до конца 1940-х гг. на основе судебной статистики Московского городского суда. В основу исследований положены статистические отчеты по кассации гражданских дел Московского городского суда (ЦГАМ, фонд Р-819), также использован статистический отчет

по работе народных судов РСФСР за 1936 – 1945 гг., подготовленный в Верховном Суде РСФСР и представленный в общий отдел ЦК ВКП (б) (РГАСПИ, фонд 17, опись 127, дело 975). Методологическая база опирается на принцип историзма. При анализе источников и историографии автор следовал принципу объективности, стремясь обеспечить историческую достоверность. Также при написании статьи автор использовал метод анализа, синтеза и формально-логический методы.

Результаты и обсуждения

Исследования судебной практики для понимания юридической повседневности имеет несколько проблемных вопросов.

С одной стороны, чрезмерный массив судебных решений, в котором исследователь может просто «потонуть», что просто вынужден делать выборку отдельных решений, и результат такого исследования будет зависеть от количества и качества подобранных судебных решений. С другой стороны, возникает проблема, каким образом исследовать весь массив состоявшихся судебных решений и, тем самым, выявить наиболее характерные подходы в разрешении социально-бытовых конфликтов. Определенную сложность создает и направленность юридической политики советского государства в первой половине XX в., где большое внимание уделялось уголовно-карательной политике.

Безусловно, в будущем с развитием специальных технологий («искусственный интеллект» и т.п.) эта проблема будет возможно разрешена, по крайней мере, можно будет обработать необходимый объем информации. В настоящее же время исследователи вынуждены значительно ограничивать свои возможности, поскольку просто физически не могут обработать весь массив данных судебных решений.

В качестве исходных данных исследователи могут использовать статистические данные судов второй инстанции, где осуществляется кассационная проверка состоявшихся решений судов первой инстанции.

Такой подход на современном этапе имеет ряд преимуществ. В советский период региональные (областные, краевые и республиканские) суды, которые выступали судами второй (кассационной) инстанции были обязаны вести статистический учет своей работы, так и работы нижестоящих судов, что входило в осуществление контрольных и ревизионных полномочий судов второй инстанции.

Количество дел, рассмотренных в судах второй инстанции, было меньше, чем в судах первой инстанции, т.к. не каждое решение было обжаловано сторонами. Но практика судов второй инстанции представляет собой определенный срез типичных дел, рассматриваемых судами в первой инстанции. Практика кассационных судов показывает основные тенденции в развитии советского общества, какие правовые и бытовые вопросы интересовали граждан в данный момент, какие подходы в применении правовых норм рекомендовали суды второй инстанции нижестоящим судьям, наконец, на какие важные общественные явления, отраженные в судебной практике, обращало внимание государство в реализации собственной социально-экономической политики.

В декабре 1936 г. была принята новая Конституция Советского Союза, в которой впервые было провозглашено место Верховного Суда СССР как высшей судебной инстанции. Начиная с этого момента, значительно расширяются полномочия Верховного Суда СССР по разработке форм статистической отчетности. Однако, как отмечалось, «формы статистической отчетности судебных органов на протяжении десятилетнего периода [1836-1945 гг.] неоднократно изменялись», и только во второй половине 1940-х гг. формы статистической отчетности получили единообразие [9, с. 2].

Статистические отчеты по рассмотрению гражданских дел в кассационной инстанции Московского городского суда показывают постепенный рост поступления гражданских дел. Так, Мосгорсуд в 1936 г. рассмотрел по кассации 34203 гражданских дела [11], в 1937 г. – 44003 дела [12], в 1938 г. – 50321 [13], в 1939 г. – 51523 [14], в 1940 г. – 47901 [15].

Тенденция роста поступления гражданских дел на рассмотрение народных судов в довоенный период отмечается и в статистическом отчете Верховного Суда РСФСР [9, с. 33]. Как разъяснил Верховный Суд РСФСР рост поступления гражданских дел с 1937 г. объясняется тем, что «все дела, связанные с изъятием имущества у граждан в счет погашения задолженности по уплате налогов» стали рассматриваться в судебном порядке, а также «отражает поступательное развитие экономики, рост на этой почве хозяйственных взаимоотношений между организациями общественного сектора народного хозяйства и различного рода гражданско-правовых сделок между отдельными гражданами» [9, с. 11].

Начиная с 1941 г., поступление гражданских дел в народные суды РСФСР снижается более, чем в половину от поступления прошлых лет [9, с. 33]. Снижение поступления гражданских дел в народные суды стало следствием начала Великой Отечественной войны, которая существенным образом отразилась на повседневной жизни советских граждан, повлекла переход на военное управление, что в свою очередь уменьшило экономическую активность предприятий и населения.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Москве. Если в первой половине года поступления кассационных жалоб по гражданским делам в Мосгорсуд оставалось на уровне прошлых лет – 27657 дел [16], то во второй половине 1941 г. происходит резкое снижение количества рассматриваемых кассационных жалоб. В июле 1941 г. Мосгорсуд рассмотрел по кассации 1698 гражданских дел, в августе – 1525 дел, в сентябре – 1803 дела, а в 4-м квартале 1941 г. – всего 1745 дел [16]. Уменьшение поступления в московские народные суды гражданских дел в 4-м квартале 1941 г., даже по сравнению с первыми тремя месяцами Войны, стало следствием введения в Москве осадного положения и началом работы военных трибуналов как основных органов правосудия [7, с. 106].

В следующий военный год (1942 г.) общее количество рассмотренных Московским городским судом кассационных жалоб по гражданским делам в каждом из кварталов составляло около 1600 дел, к концу года общий показатель составил 7434 гражданских дела [17]. В 1943 г., особенно во второй половине года, можно наблюдать постепенный рост количества рассмотренных в кассационном порядке гражданских дел, число которых к концу года составило 11017 дела [18]. Во многом это объясняется, что в ходе контрнаступления советских войск удалось отодвинуть фронт непосредственно от Москвы, когда практически исчезла угроза взятия города, что в итоге привело к стабилизации гражданской жизни в столице.

В течение всего военного периода общее количество поступивших в народные суды РСФСР гражданских дел остается в целом неизменным и составляет порядка 64% от поступления 1936 г. (т.е. порядка 1,5 миллиона гражданских дел) [9, с. 33].

При этом, можно отметить, что с момента коренного перелома в ходе Войны зимой 1942-1943 гг. и постепенным освобождением советской территории не наблюдается роста поступлений гражданских дел в народные суды. Для разрешения социально-бытовых гражданских споров существовала неясность, какое право подлежит применению к сделкам, заключенным между советскими гражданами, оказавшихся на оккупированных территориях. Эта неясность была разрешена специальным постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 01 декабря 1944 г., согласованным с Советом народных комиссаров СССР [4, с. 187-188]. Согласно разъяснениям высшей судебной инстанции сделки, заключенные между советскими гражданами, в период временной оккупации советских территорий признаются юридически действительными, если данные сделки не противоречат основам советского гражданского законодательства или основам советского строя.

Между тем, восстановление экономической активности советского населения в последние годы Войны и первые послевоенные годы происходило крайне медленно, что подтверждает и кассационная практика по гражданским делам Московского городского суда. В 1944 г. Мосгорсуд рассмотрел по кассации 21738 гражданских дел [19], в 1945 г. – 15667 [20], в 1946 г. – 18504 [21], в 1947 г. – 19801 [22], в 1948 г. – 25196 [23], в 1949 г. – 27619 [24], в 1950 г. – 26171 [26].

Из приведенных статистических сведений видно, что к началу 1950-х гг. количество рассмотренных Московским городским судом по кассации гражданских дел в год приближалось к полугодовым показателям, которые были накануне войны. При чем, как отметил Верховный Суд РСФСР снижение поступления гражданских дел в народные суды с 1942 г. происходит в первую очередь за счет уменьшения количества общеисковых дел [9, с. 11].

Определим теперь какие категории гражданских дел, рассматривались народными судами в период с середины 1930-х и до конца 1940-х гг.

Согласно статистическому отчету о работе народных судов в городе Москве в 1937 году основные категории гражданских дел, рассмотренных судами в тот период, являлись трудовые споры – 31439 дела (или 13%), споры о взыскании алиментов – 33387 дел (или 14%), жилищные споры – 38517 дел (16%), иски, вытекающие из перевозок – 12555 дел (5%), общеисковые споры – 125471 дело (52%) [10]. Из используемых форм статистической отчетности народных судов можно выделить еще одну категорию споров, подлежащих разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Это так называемые «колхозные споры», а именно споры о выделе из колхозного двора. Но данная категория гражданских дел народными судами города Москвы не рассматривалась.

Уже после окончания Войны в судебной статистике стали появляться дополнительные категории гражданских дел – иски о возмещении увечья, иски о взыскании недоимок по государственным платежам, иски о возмещении вреда имуществу. В 1950-е гг. появилась как самостоятельная категория гражданских споров иски, связанные с защитой прав авторства.

В тоже время в рамках общеисковых дел (прочих исков) не выделены в качестве самостоятельной категории гражданских дела, как в настоящее время, иск о взыскании долгов по договорам займов (распискам) между гражданами. Отсутствие такого показателя в статистической отчетности работы народных судов по

гражданским делам не позволяет в должной мере оценить степень экономической свободы населения, а именно – существование внутреннего кредитования населения для личного бытового потребления.

Из специальных категорий гражданских дел, как показывает кассационная практика Мосгорсуда, преобладают жилищные споры. Аналогичную ситуацию в практике народных судов в РСФСР отмечал и Верховный Суд РСФСР, который в обзоре судебной практики по гражданским делам за 1944 год указал, что количество жилищных споров составляло 38,9% дел надзорной практики высшей судебной инстанции [3, с. 1]. «В 1944 г. Коллегии пришлось больше времени уделить рассмотрению жилищных дел, в то время как в 1943 г. на первом месте стояли дела о взыскании штрафов и недоимок... Объяснения выдвижения в текущем году жилищных дел на первое место необходимо, очевидно, искать в том, что 1944 г. являлся годом завершения эвакуации населения, выехавшего по обстоятельствам военного времени на Восток.» [3, с. 2]

Для Москвы проблема роста жилищных споров была также обусловлена тем, что в 1941 г. советское правительство предоставило исполкому Мосгорсовета право самостоятельно заселять освободившиеся квартиры, жильцы которых не вносили плату за коммунальные услуги более трех месяцев. Этим правом «московские власти» пользовались довольно широко. Однако эвакуация населения было не только добровольной, но и по прямому предписанию правительства в условиях военного времени. По возвращении из предписанной эвакуации жильцы сталкивались с ситуацией, когда прежнее жилое помещение было занято новыми жильцами, что приводило к частым обращениям в суд. Московский горисполком выходил с ходатайством в Верховный Суд СССР о принятии специального постановления Пленума союзного верховного суда, которым, по просьбе московского горисполкома, было бы дано указание народным судам не принимать к рассмотрению иски по спорам о перераспределении жилых помещений, освобожденных в ходе эвакуации, поскольку данные жилищные споры подлежали бы разрешению в административном порядке [2, с. 46]. Однако запрос Верховного Суда СССР на имя заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР А.Я. Вышинского относительно инициативы московского горисполкома [2, с. 48] остался, по-видимому, без ответа. Тем самым, был сохранен судебный порядок разрешения споров о распределении жилищного фонда, освободившегося в период эвакуации.

Вплоть до начала 1950-х гг. жилищные споры преобладали в практике народных судов города Москвы над другими специальными категориями гражданских дел.

Существенную категорию гражданских споров накануне Войны составляли трудовые споры. Но в июне 1940 г. решением Политбюро была введена уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины (прогулы, опоздания на работу, мелкие кражи на предприятиях), а также за увольнение по собственному желанию [7, с. 48-50].

Это решение привело к резкому снижению количества трудовых споров рассматриваемых народными судами. Если в 1939 г. народные суды в целом по РСФСР рассмотрели 417040 гражданских дел о трудовых спорах, то в дальнейшем наблюдается снижение дел данной категории: в 1941 г. – 246756 дел, в 1942 г. – 51014 дел, в 1943 г. – 41956 дел, в 1944 г. – 50559 дел, в 1945 г. – 67201 дел [9, с. 36]. Можно отметить такую особенность, что в отчете о работе народных судов в РСФСР за 1936 – 1945 гг., представленном в аппарат ЦК ВКП(б), Верховный Суд РСФСР отмечает рост преступности за счет «трудовых преступлений», ответственность за совершение которых была введена в августе 1940 г. [9, с. 12] Дополнительно отметим, что согласно статистике, представленной в аппарат ЦК ВКП(б), за 1941 – 1942 гг. было осуждено за совершение трудовых преступлений более 2 миллионов человек [8, с. 137].

Только в конце 1940-х гг. когда можно наблюдать постепенный рост количества трудовых споров. И уже после смерти И.В. Сталина в 1953 г., когда применение указов о введении уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины было фактически прекращено, в кассационной практике Мосгорсуда можно увидеть, как трудовые споры стали преобладать над жилищными делами [27].

Существенную категорию гражданских дел составляли дела о взыскании алиментов. Однако в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08 июля 1944 г. право на получение алиментов получили лишь дети, рожденные у родителей, состоящих в зарегистрированном браке. Впрочем, Верховный Суд РСФСР отмечал, что «поступление дел об алиментах в условиях, когда значительная часть мужского населения была призвана в действующую армию, естественно, не могла не снизиться» [9, с. 12]. В этой связи, принятое правительством решение, что право на алименты получают лишь дети, рожденные у родителей, состоящих в зарегистрированном браке, снижало экономическую нагрузку на мужское население, которое фактически освобождалось от алиментных обязательств. С другой стороны, это же правительственное решение делало одиноких матерей менее социально защищенными, т.к. женщины при ведении домашнего хозяйства могли рассчитывать лишь на свой заработок. На одном из оперативных совещаний у председателя Мосгорсуда в июле 1950 г. было обращено внимание на необходимость народным судьям

взыскивать алименты одновременно с расторжением брака в целях защиты прав одиноких матерей [25, с. 73-75].

Одной из основных задач составления статистических отчетов работы народных судов являлась проверка «качества» работы судей. Под «качеством» понималось соотношение количество судебных актов, оставленных без изменения кассационной инстанцией, к общему количеству обжалованных судебных актов. Этот критерий не учитывает работу суда первой инстанции в части не обжалованных в вышестоящий суд судебных актов. Однако критерии «качества» работы судей остаются неизменными в отечественном правосудии со второй половины 1930-х гг.

Лишь в 2008 г. Конституционный Суд РФ признал необоснованным освобождение судьи от должности за «низкое качество», указав, что «одним из основополагающих принципов правосудия является вынесения судьей итогового решения по делу собственному убеждению на основе исследованных доказательств и применяемых норм права. Это означает, что судья в условиях состязательного процесса дает собственное толкование нормы права, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации. Иногда такая информация по делу намеренно скрывается от судьи участниками процесса» [5].

В тоже время критерий «качества» работы судей может свидетельствовать о нескольких особенностях разрешения гражданских дел. Во-первых, «качество» выявляет степень изменений судебной практики при разрешении аналогичных дел в различные периоды времени. Данный показатель позволяет выявить изменения общественной жизни на разрешении в рамках гражданского судопроизводства социально-бытовых конфликтов. Такие изменения возникают вследствие изменения уровня общественных отношений, изменений подходов в разрешении гражданских споров, а также в изменениях в гражданском законодательстве, что в свою очередь является проявлением социально-экономической политики государства. Во-вторых, «качество» свидетельствует о степени влияния вышестоящего суда в управлении нижестоящими судьями в обеспечении единообразия судебной практики. В-третьих, «качество» работы судей, особенно в первой половине XX в., свидетельствует об уровне юридической подготовки народных судей в соответствующий период.

Специальным постановлением от 03 января 1936 г. [1, с. 24-26] Пленум Верховного Суда СССР обязал верховные суды союзных республики и областные суды принять меры по реализации совместного постановления ЦИК СССР №2, Совнаркома СССР №389 от 05 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования».

Но эта программа была фактически свернута в годы «массовых операций» и последовавших затем военных лет, породив в советском обществе правовой нигилизм, сохранявшийся длительное время.

Кассационная практика Московского городского суда по гражданским делам показывает, что показатель «качества» судебных решений по гражданским делам в период с 1936 по 1950 гг. колебался между 56% и 67% от общего числа обжалованных судебных актов. Так, «качество» решений народных судов по первой инстанции города Москвы в 1937 г. составляло 60,9% [12]. В 1940 г. показатель «качества» снизился и составил уже 56,9% [15]. В годы Войны показатель «качества» работы народных судов в Москве вырос: в 1942 г. – 62,8% [17], 1944 – 67,0% [19], 1946 – 64,6% [21]. Но в следующие два года показатель «качества» снизился ниже 60%, а именно: в 1947 г. – 56,9% [22], в 1948 г. – 58,4% [23].

При этом, измененные кассационной инстанцией решения суда первой инстанции в указанный период в 1930-е – 1940-е гг. рассматривались «в пользу» «качества» работы судей первой инстанции, т.е. не учитывались как ошибки, допущенные судьями районных судов города Москвы.

Главной причиной «низкого качества» работы народных судов признается слабая юридическая подготовка судейских кадров. Кроме того, многим судьям не хватало опыта практической работы, отмечалась большая «текучесть» кадров народных судей – мало, кто оставался работать судьей из-за небольших по сравнению с другими органами юстиции заработков.

В 1948 г. советским правительством принимается новое решение о введении юридического образования среди работников юстиции [6, с. 97-99]. Одновременно вводится в качестве обязательного условие для кандидатов на избрания народным судьей наличие обязательного юридического (высшего или среднего) образования.

Принятые меры привели к росту показателя «качества» работы судов первой инстанции: в 1949 г. – 63,2% [24], в 1950 г. – 67,3% [26]. Уже с началом 1950-х гг., как показывает статистика кассационной инстанции Московского городского суда, уровень «качества» работы народных судей начинает превышать 70% от общего числа обжалованных судебных актов, что оценивалось как улучшение работы народных судов в городе Москве, повышении профессионализма народных судей.

Выводы

Судебная статистика советских судов – ценный и малоизученный исторический источник советской юридической повседневности.

Судебная статистика по гражданским делам позволяет определить степень юридической свободы советских граждан, их осведомленность о судебной защите своих прав и интересов. В ходе исследования проводился анализ статистики кассационной практики по гражданским делам Московского городского суда за период 1936-1950 гг. Было установлено, что на степень юридической свободы советских граждан значительно влияли внешние факторы. Так, можно отметить, что в годы Войны значительно снизилась нагрузка народных судов по разрешению гражданских исков. Это указывает на то, что военное положение уменьшило экономическую активность предприятий и населения. Кроме того, отдельные решения политического руководства страны по криминализации отдельных видов конфликтов, разрешение которых относилось к области гражданского судопроизводства, как например, трудовые споры, привели, с одной стороны, к значительному снижению гражданских дел данной категории, а с другой – к росту преступности.

Основные критерии судебной статистики РФ были разработаны на рубеже 1930-х – 1940-х гг., и в целом остаются неизменными для характеристики работы судей до настоящего времени. К таким критериям оценки работы судов первой инстанции относятся – количество рассмотренных дел за календарный год, сроки рассмотрения гражданских дел и «качество» судебных решений.

Можно предположить, что в будущем с развитием технологий новые методы исследований («искусственный интеллект» и т.п.) позволят обработать более значительный массив данных судебных решений, что позволит говорить об эффективности правоприменительной практики в области гражданского судопроизводства в советский период.

Список источников

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9474. Оп. 10. Д. 37.
2. ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 10. Д. 52.
3. ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 10. Д. 54.
4. ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 10. Д. 55.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 21, 22 и 26 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминной, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 10 (2 ч.). ст. 976.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 57. Д. 1.
7. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 39.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 253.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 975.
10. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-819. Оп.1. Д. 2.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 3.
12. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 6.
13. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 8.
14. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 10.
15. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 12.
16. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 14.
17. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 16.
18. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 18.
19. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 20.
20. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 22.
21. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 24.
22. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 26.
23. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 28.
24. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 31.
25. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 33.
26. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 35.
27. ЦГА Москвы. Ф. Р-819. Оп.1. Д. 45.

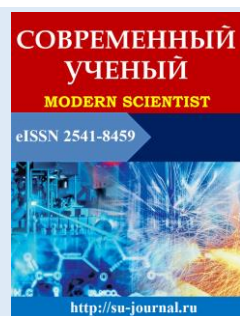
References

1. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. R-9474. Op. 10. D. 37.
2. GARF. F. R-9474. Op. 10. D. 52.
3. GARF. F. R-9474. Op. 10. D. 54.
4. GARF. F. R-9474. Op. 10. D. 55.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.02.2008 No. 3-P "In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of Articles 6.1 and 12.1 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and Articles 21, 22 and 26 of the Federal Law "On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation" in connection with the complaints of citizens G.N. Belyusova, G.I. Zimina, Kh.B. Sarkitov, S.V. Semak and A.A. Filatova". Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 10 (2 parts). Art. 976.
6. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). F. 3. Op. 57. D. 1.
7. RGANI. F. 3. Op. 57. D. 39.
8. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 127. D. 253.
9. RGASPI. F. 17. Op. 127. D. 975.
10. Central State Archives of Moscow (TsGA Moscow). F. R-819. Op. 1. D. 2.
11. TsGA Moscow. F. R-819. Op. 1. D. 3.
12. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 6.
13. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 8.
14. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 10.
15. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 12.
16. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 14.
17. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 16.
18. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 18.
19. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 20.
20. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 22.
21. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 24.
22. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 26.
23. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 28.
24. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 31.
25. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 33.
26. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 35.
27. Central State Administration of Moscow. F. R-819. Op.1. D. 45.

Информация об авторе

Красильников Т.С., кандидат юридических наук, судья в отставке, krass000@mail.ru

© Красильников Т.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.772

Процессуальные особенности рассмотрения споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования

¹ Швецова Д.Д.

¹ Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: в работе анализируется специфика судебной процедуры при разбирательстве Судом по интеллектуальным правам категории споров об аннулировании защиты товарного знака по причине отсутствия его использования. Актуальность данной темы обусловлена значительным количеством данной категории споров в судебной практике и отсутствием единообразных подходов к их разрешению. Целью настоящего исследования является анализ нормативного регулирования и судебной практики по данной категории споров, выявление проблемных аспектов и формулирование предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Проведён сравнительный анализ российской и европейской моделей прекращения правовой охраны неиспользуемых товарных знаков. В результате исследования выявлены проблемы доказывания заинтересованности истца, соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, распределения бремени доказывания между сторонами, а также риски злоупотребления правом со стороны недобросовестных заявителей. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления критериев заинтересованности и унификации подходов к оценке доказательств использования товарного знака. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при совершенствовании законодательства и формировании единообразной судебной практики.

Ключевые слова: товарный знак, досрочное прекращение правовой охраны, неиспользование товарного знака, Суд по интеллектуальным правам, заинтересованное лицо, доказывание, арбитражный процесс, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Швецова Д.Д. Процессуальные особенности рассмотрения споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования // Современный ученый. 2026. № 4. С. 392 – 398.

Поступила в редакцию: 25 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Procedural features of consideration of disputes on early termination of legal protection of a trademark due to its non-use

¹ Shvetsova D.D.

¹ V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: the article examines the procedural features of consideration by the Intellectual Property Court of cases on early termination of legal protection of a trademark due to its non-use. The relevance of the topic is determined by the significant number of this category of disputes in judicial practice and the lack of uniform approaches to their resolution. The purpose of the study is to analyze the regulatory framework and judicial practice in this category of disputes, identify problematic aspects, and formulate proposals for improving legislation. The methodological basis of the study consists of formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods. A comparative analysis of Russian and European models for terminating legal protection of unused trademarks has been conducted. The study identified problems of proving the plaintiff's interest, compliance with the pre-trial dispute resolution procedure, distribution of the burden of proof between the parties, as well as risks of abuse of rights by unfair applicants. The author concludes that it is necessary to legislatively establish criteria of interest and unify approaches to evaluating evidence of trademark use. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in improving legislation and forming uniform judicial practice.

Keywords: trademark, early termination of legal protection, non-use of trademark, Intellectual Property Court, interested person, proof, arbitration procedure, intellectual property

For citation: Shvetsova D.D. Procedural features of consideration of disputes on early termination of legal protection of a trademark due to its non-use. Modern Scientist. 2026. 4. P. 392 – 398.

The article was submitted: October 25, 2025; Approved after reviewing: December 22, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В современных условиях развития рыночной экономики товарные знаки играют ключевую роль в индивидуализации товаров и услуг хозяйствующих субъектов. Правовая охрана товарного знака предоставляет его правообладателю исключительное право на использование обозначения, однако действующее законодательство предусматривает механизм досрочного прекращения такой охраны в случае неиспользования товарного знака. Данный институт призван обеспечить баланс между частными интересами правообладателя и публичным интересом в эффективном использовании средств индивидуализации [1, с. 124].

В соответствии со ст. 1486 ГК РФ действие исключительного права на товарный знак может быть прекращено до истечения установленного срока применительно ко всем либо отдельным товарам, если данное средство индивидуализации не использовалось на протяжении трёхлетнего периода без перерыва [2]. Рассмотрение данной категории споров отнесено к исключительной компетенции Суда по интеллектуальным правам как специализированного арбитражного суда [3, с. 629].

Значимость исследуемой проблематики определяется существенной долей судебных разбирательств данного типа в деятельности Суда по интеллектуальным правам. Согласно статистической информации, разбирательства об аннулировании охраны товарного знака по основанию его неприменения ежегодно формируют приблизительно 50% от общего объема дел, находящихся в производстве Суда по интеллектуальным правам в первой инстанции [4, с. 127]. При этом правоприменительная практика выявляет ряд проблемных аспектов процессуального характера, требующих научного осмысления.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ процессуальных особенностей рассмотрения споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования, выявление проблем правоприменения и формулирование предложений по их разрешению.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу работы сформировали законодательные акты России, устанавливающие правила защиты товарных знаков и процедуру судебного разбирательства соответствующих категорий дел, включая: четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс

Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Существенную роль в исследовании играют толкования высших судебных органов, в первую очередь пункт 165 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5].

Судебная практика Суда по интеллектуальным правам за период 2020-2024 годов составила основу для эмпирического анализа. Были изучены решения по делам № СИП-563/2016, № СИП-983/2021, № СИП-121/2017, № СИП-316/2020, № СИП-426/2019, № СИП-1151/2023 и другие.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы юридической науки. Формально-юридический метод использован для анализа норм действующего законодательства. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский подход с практикой Европейского союза. Системно-структурный метод применён для исследования взаимосвязи материально-правовых и процессуальных норм.

Результаты и обсуждения

Подведомственность и подсудность споров

Исходя из нормативных предписаний п. 4.2 ч. 1 ст. 43.4 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», специализированная судебная инстанция в сфере охраны результатов интеллектуальной деятельности наделена полномочиями по первоначальному разрешению споров об аннулировании исключительных прав на средство индивидуализации ввиду отсутствия его фактической эксплуатации [3, с. 630]. Обозначенная разновидность правовых споров принадлежит к сфере исключительной компетенции данного судебного органа и не допускает делегирования юрисдикционных полномочий прочим звеньям системы арбитражного судопроизводства.

Представляется существенным указать, что до момента учреждения Суда по интеллектуальным правам (3 июля 2013 года) соответствующие правовые споры разрешались специализированным структурным подразделением Роспатента – Палатой по патентным спорам – посредством административных процедур, тогда как в переходный период с 8 декабря 2011 года по 3 июля 2013 года функции по их рассмотрению возлагались на Арбитражный суд города Москвы [7, с. 37].

Передача данных дел специализированному суду позволила обеспечить единообразие судебной практики и повысить качество рассмотрения споров.

Правовая природа спора и вид судопроизводства

В научной литературе продолжается дискуссия относительно юридической сущности разбирательств об аннулировании охраны товарного знака. Ранее действующий пункт 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 60 устанавливал, что разбирательства этой категории должны осуществляться в порядке искового судопроизводства [8, с. 631]. Вместе с тем некоторые исследователи, включая М.А. Рожкову, утверждают, что разбирательства об аннулировании охраны товарного знака, по существу, принадлежат к категории споров, вытекающих из публично-правовых отношений [7, с. 38].

Е.И. Толубаева обоснованно отмечает, что при судебном разрешении дела о прекращении правовой защиты товарного знака между сторонами не существует спора о праве, вследствие чего заявление надлежит рассматривать в соответствии с нормами главы 27 АПК РФ как дело об установлении фактов, имеющих юридическое значение [7, с. 37]. Данная позиция находит подтверждение в том, что суд устанавливает факт неиспользования товарного знака, что не предполагает разрешения спора о субъективном праве между истцом и ответчиком.

На территории государств – членов Европейского союза механизм разрешения дел, связанных с отсутствием фактической эксплуатации зарегистрированного средства индивидуализации, реализуется в административном порядке. Обращение с требованием об аннулировании исключительных прав на обозначение направляется в специализированный наднациональный орган – Европейское ведомство интеллектуальной собственности (EUIPO), причём лишь решения этого органа могут быть оспорены в судебном порядке [7, с. 38]. Российская модель, предполагающая исключительно судебный порядок, имеет как преимущества (повышенные процессуальные гарантии), так и недостатки (увеличение нагрузки на суд).

Сравнительный анализ процедур прекращения охраны товарного знака в России и ЕС.

Таблица 1

Table 1

Comparative analysis of trademark termination procedures in Russia and the EU.

Критерий	Россия	Европейский союз
Орган рассмотрения	Суд по интеллектуальным правам	EUIPO (административный порядок)
Вид производства	Исковое производство	Административная процедура
Досудебный порядок	Обязателен (направление предложения)	Не требуется
Судебный контроль	Рассмотрение по первой инстанции	Обжалование решения EUIPO
Срок рассмотрения	3-6 месяцев	2-4 месяца

Досудебный порядок урегулирования спора

Пункт 1 статьи 1486 ГК РФ предусматривает обязательную досудебную процедуру: заинтересованная сторона должна направить владельцу права предложение подать в Роспатент заявление об отказе от прав на товарный знак или заключить соглашение о передаче исключительного права. Обращение в суд с заявлением об аннулировании охраны допускается только после истечения двухмесячного срока с момента направления данного предложения.

Судебная практика сформировала ряд требований к содержанию предложения. Суды не принимают в качестве надлежащего доказательства предложение, в котором перечислены не все товары (услуги), в отношении которых испрашивается досрочное прекращение правовой охраны товарного знака [9]. Предложение должно быть направлено по адресам, указанным в ЕГРЮЛ (ЕГРИП) и Государственном реестре товарных знаков.

Однако Е.И. Толубаева обоснованно критикует императивность досудебной процедуры, отмечая, что характер требования делает невозможным его разрешение подобным образом, поскольку урегулирование разногласий между владельцем прав и претендентом не тождественно защите публичного интереса в «очищении» реестра от неприменяемых обозначений [7, с. 37].

Доказывание заинтересованности истца

Наиболее сложным процессуальным вопросом является доказывание заинтересованности лица, требующего досрочного прекращения правовой охраны товарного знака. В соответствии с пунктом 165 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, статус заинтересованного лица может получить любой субъект, обладающий законным интересом в аннулировании охраны неприменяемого средства индивидуализации [5].

С.А. Зуйков подчеркивает, что заинтересованность в аннулировании охраны товарного знака представляет собой в значительной степени оценочную категорию, так как указанное понятие лишено законодательного определения и опираться можно главным образом на разъяснения Верховного Суда РФ и судебную практику нижестоящих инстанций [10, с. 36].

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие группы доказательств заинтересованности (табл. 2).

Таблица 2

Классификация доказательств заинтересованности истца.

Table 2

Classification of evidence of the plaintiff's interest.

Прямые доказательства	Косвенные доказательства
• Подача заявки на регистрацию товарного знака • Наличие собственных товарных знаков • Производство однородных товаров • Лицензия на деятельность	• Выписка из ЕГРЮЛ с видами деятельности • Разработка дизайн-макетов • Договоры на разработку бренда • Наличие спора с правообладателем

В деле № СИП-563/2016 суд признал истца заинтересованным лицом на основании совокупности доказательств: подачи заявки на регистрацию обозначения, разработки дизайнерской концепции и технических требований для продукции, подтверждения однородности товаров [4, с. 128]. Суд отклонил довод ответчика о злоупотреблении правом, указав, что в материалах дела отсутствуют доказательства заведомо недобросовестного осуществления истцом своих прав.

Особый интерес представляет позиция судов относительно наличия спора между сторонами как дополнительного доказательства заинтересованности. В разбирательстве № СИП-983/2021 суд отметил, что су-

ществование административного конфликта о предоставлении охраны товарному знаку способно подтвердить заинтересованность, поскольку она может определяться потребностью в защите от предъявления претензий со стороны владельца прав [10, с. 38].

Распределение бремени доказывания

Особенностью процессуального режима рассмотрения данной категории споров является специальное распределение бремени доказывания. Согласно пункту 3 статьи 1486 ГК РФ бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе [2]. Данное законодательное решение обусловлено объективной невозможностью для истца доказать отрицательный факт – неиспользование товарного знака ответчиком.

Факт неприменения товарного знака признается установленным, когда владелец прав не предоставляет доказательств применения товарного знака или не подконтрольных ему обстоятельств, исключающих возможность такого применения [9]. Таким образом, на истца возлагается обязанность доказать собственную заинтересованность и соблюдение досудебного порядка, тогда как ответчик должен представить доказательства использования товарного знака или уважительных причин его неиспользования.

Проблема злоупотребления правом при подаче исков

А.В. Буклова аргументированно указывает на противоречие, заключающееся в том, что законодатель, с одной стороны, обеспечивает охрану средства индивидуализации его владельцу, а с другой – практически может осуществить передачу товарного знака иному субъекту [3, с. 632].

М.В. Таболо справедливо указывает, что использование товарного знака нельзя рассматривать в качестве обязанности правообладателя, а его неиспользование не должно трактоваться как злоупотребление правом [3, с. 632]. Механизм прекращения правовой защиты товарного знака служит целям соблюдения баланса интересов, а не наказания правообладателя за отсутствие применения.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Дела об аннулировании исключительных прав на зарегистрированное средство индивидуализации до истечения установленного срока охраны по причине отсутствия его фактической эксплуатации образуют обособленную разновидность правовых споров, отнесённых к исключительной юрисдикции специализированной судебной инстанции в области интеллектуальной собственности и разрешаемых посредством процедуры искового судопроизводства. Несмотря на дискуссионность вопроса о правовой природе данных споров, действующее законодательство и судебная практика квалифицируют их как гражданско-правовые споры.

2. Обязательный досудебный порядок, предусматривающий направление правообладателю предложения об отказе от права или заключении договора отчуждения, является процессуальной предпосылкой права на обращение в суд. Вместе с тем его эффективность вызывает обоснованные сомнения, поскольку урегулирование частного спора между сторонами не обеспечивает достижение публичной цели – освобождение реестра от неиспользуемых обозначений.

3. Доказывание заинтересованности истца является наиболее сложным процессуальным вопросом. Отсутствие легального определения понятия «заинтересованное лицо» создаёт правовую неопределённость. Представляется целесообразным законодательное закрепление критериев заинтересованности с указанием минимально необходимой совокупности доказательств.

4. Специальное распределение бремени доказывания, возлагающее на правообладателя обязанность доказать использование товарного знака, является обоснованным и соответствует принципу процессуальной экономии. Вместе с тем законодателю следует конкретизировать перечень доказательств, подтверждающих факт использования товарного знака.

5. Проблема злоупотребления правом при подаче исков о досрочном прекращении правовой охраны требует внимания законодателя и формирования единообразной судебной практики. Суды должны оценивать не только формальное соответствие истца критериям заинтересованности, но и его добросовестность, исключая возможность паразитического использования репутации чужого бренда.

Список источников

1. Михайлов С. Доктринальное обоснование института досрочного прекращения правовой охраны неиспользуемого товарного знака // *Хозяйство и право*. 2014. № 3. С. 124 – 128.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 52. Ст. 5496.
3. Буклова А.В. Особенности рассмотрения Судом по интеллектуальным правам дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования // *Вопросы российской юстиции*. 2022. № 17. С. 629 – 635.
4. Шалобанова Н.П. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2017. № 2. С. 125 – 130.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 2019. № 96.
6. Информационное письмо Роспатента от 20.05.2009 № 3 «Об определении заинтересованности лица, подавшего заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Толубаева Е.И. О надлежащем порядке рассмотрения спора о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие неиспользования // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 2. С. 37 – 41.
8. Ворожевич А.С. Прекращение правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования: российский и зарубежный опыт // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2014. № 5. С. 45 – 52.
9. Доказательства и доказывание в арбитражном суде: споры о защите товарных знаков // СПС «КонсультантПлюс». 2025.
10. Зуйков С.А. Доказывание заинтересованности в досрочном прекращении охраны товарного знака наличием спора между сторонами иска // *Копирайт*. 2022. № 4. С. 36 – 43.
11. Протасова А.А. Особенности предоставления правовой охраны общеизвестным товарным знакам // *IP: Теория и практика*. 2023. № 2. С. 15 – 22.
12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.07.2024 по делу № СИП-1151/2023 // *Картотека арбитражных дел*.

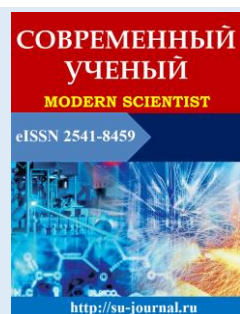
References

1. Mikhailov S. Doctrinal Justification of the Institute of Early Termination of Legal Protection of an Unused Trademark. *Business and Law*. 2014. No. 3. P. 124 – 128.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 30.01.2024). *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 52. Article 5496.
3. Buklova A.V. Features of Consideration by the Intellectual Property Court of Cases on Early Termination of Legal Protection of a Trademark Due to Its Non-Use. *Issues of Russian Justice*. 2022. No. 17. P. 629 – 635.
4. Shalobanova N.P. Early Termination of Legal Protection of a Trademark Due to Non-Use. *Bulletin of the Pacific National University*. 2017. No. 2. P. 125 – 130.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*. 2019. No. 96.
6. Information Letter of Rospatent of May 20, 2009 No. 3 "On Determining the Interest of a Person Who Filed an Application for Early Termination of Legal Protection of a Trademark Due to Non-Use". SPS "ConsultantPlus".
7. Tolubaeva E.I. On the Proper Procedure for Considering a Dispute on the Early Termination of Legal Protection of a Trademark Due to Non-Use. *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 2. P. 37 – 41.
8. Vorozhevich A.S. Termination of Legal Protection of a Trademark Due to Non-Use: Russian and Foreign Experience. *Journal of the Intellectual Property Court*. 2014. No. 5. P. 45 – 52.
9. Evidence and Proof in Arbitration Court: Disputes over Trademark Protection. SPS ConsultantPlus. 2025.
10. Zuykov S.A. Proving an Interest in the Early Termination of Trademark Protection by the Existence of a Dispute between the Parties to the Claim. *Copyright*. 2022. No. 4. P. 36 – 43.
11. Protasova A.A. Peculiarities of Granting Legal Protection to Well-Known Trademarks. *IP: Theory and Practice*. 2023. No. 2. P. 15 – 22.
12. Decision of the Intellectual Property Court dated July 26, 2024, in case No. SIP-1151/2023. *Arbitration Case File*.

Информация об авторе

Швецова Д.Д., аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
miss.dapsiashved@yandex.ru

© Швецова Д.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.4

Правовые последствия санкций и атак беспилотных летательных аппаратов для исполнения обязательств и обеспечения страховой защиты в нефтяной отрасли

¹ Кириллова Т.К., ² Батаков Н.С.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

² Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: статья посвящена анализу правовых последствий санкционного давления и атак беспилотных летательных аппаратов для исполнения договорных обязательств в нефтяной отрасли. Рассматриваются особенности квалификации обстоятельств непреодолимой силы в условиях внешнеэкономических ограничений и диверсионных атак. Особое внимание уделено судебной практике по спорам о страховом возмещении, связанным с повреждением имущества в результате атак БПЛА, включая вопросы применения военных и террористических исключений, распределения бремени доказывания и толкования договоров страхования.

Ключевые слова: нефтяная отрасль, санкции, беспилотные летательные аппараты, военные риски, террористические акты, обстоятельства непреодолимой силы, страховое возмещение

Для цитирования: Кириллова Т.К., Батаков Н.С. Правовые последствия санкций и атак беспилотных летательных аппаратов для исполнения обязательств и обеспечения страховой защиты в нефтяной отрасли // Современный ученый. 2026. № 4. С. 399 – 406.

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Legal consequences of sanctions and unmanned aerial vehicle attacks for the performance of obligations and the provision of insurance coverage in the oil industry

¹ Kirillova T.K., ² Batakov N.S.

¹ Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,

² Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: the article is devoted to the analysis of the legal consequences of sanctions pressure and unmanned aerial vehicle attacks for the performance of contractual obligations in the oil industry. The study examines the specific features of qualifying force majeure circumstances under conditions of foreign economic restrictions and sabotage attacks. Particular attention is paid to judicial practice in disputes over insurance compensation related to property damage resulting from UAV attacks, including issues of the application of war and terrorism exclusions, allocation of the burden of proof, and interpretation of insurance contracts.

Keywords: oil industry; sanctions; unmanned aerial vehicles; war risks; terrorist acts; force majeure; insurance compensation

For citation: Kirillova T.K., Batakov N.S. Legal consequences of sanctions and unmanned aerial vehicle attacks for the performance of obligations and the provision of insurance coverage in the oil industry. Modern Scientist. 2026. 4. P. 399 – 406.

The article was submitted: October 28, 2025; Approved after reviewing: December 26, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

В ныне существующих условиях деятельность российской нефтяной отрасли столкнулась с новыми вызовами в сфере обеспечения безопасности объектов комплекса. Объекты хранения нефти стратегически значимы для обеспечения национальной безопасности и бесперебойного функционирования энергетической системы страны. Такие объекты представляют собой сложные инженерно-технические комплексы, эксплуатация которых сопряжена с повышенными техногенными, экологическими и имущественными рисками. Усиление внешнеэкономических ограничений, а также рост числа диверсионных и террористических атак на объекты нефтяной инфраструктуры выявили недостатки существующих правовых механизмов договорного регулирования отношений.

В этих условиях приобретает актуальность анализ правоприменительной практики, связанной с признанием обстоятельств непреодолимой силы, распределением ответственности по договорным обязательствам и квалификацией страховых случаев при повреждении имущества в результате атак беспилотных летательных аппаратов.

Существенное влияние на устойчивость оборота в нефтяной отрасли оказывают внешние обстоятельства, препятствующие надлежащему исполнению обязательств. В рамках оперативного информирования об основных событиях в ТЭК России, включая кризисные ситуации, чрезвычайные ситуации, акты незаконного вмешательства, Минэнерго России осуществляется сбор и анализ информации. Руководству министерства направлено 926 оперативных информационных сообщений об угрозах атаки БПЛА на объекты ТЭК, расположенные на территории субъектов Российской Федерации [21].

Материалы и методы исследований

В ходе подготовки исследования использованы нормативно-правовые акты РФ, материалы судебной практики. Основу исследования составили судебные акты по спорам, связанным с исполнением договорных обязательств и страхового возмещения в нефтяной отрасли.

В качестве основных методов исследования применялись формально-юридический метод, системный анализ, анализ судебной практики. Использование указанных методов позволило выявить особенности квалификации обстоятельств непреодолимой силы и страховых случаев, определить тенденции и сформулировать выводы, направленные на повышение правовой определённости гражданско-правового регулирования.

Результаты и обсуждения

В условиях санкционного давления и ограничений на поставку оборудования и программного обеспечения высокую практическую значимость приобрёл вопрос признания обстоятельств непреодолимой силы.

С началом специальной военной операции российские нефтедобывающие компании, и связанные с ними хозяйствующие субъекты столкнулись с чередой вопросов, ранее не затронутых судебной практикой. Существенное влияние на возможность исполнения договорных обязательств в нефтяной отрасли оказали ограничения, введенные пятым пакетом санкций Европейского союза в апреле 2022 г. Указанные меры фактически заблокировали доступ к оборудованию, технологиям и программному обеспечению, используемым при добыче и переработке нефти, а также при производстве сжиженного природного газа. Запрет охватывает не только прямые поставки, но и любые формы опосредованного участия в передаче соответствующих технологий, что объективно исключает возможность их легального приобретения отечественными компаниями. В результате значительная часть обязательств, принятых до введения санкций, оказалась затруднённой либо невозможной к исполнению по причинам, не зависящим от воли должников.

В то же время судебная практика последовательно исходит из того, что само по себе введение санкций или осложнение внешнеполитической обстановки не освобождает сторону договора от гражданско-правовой ответственности. Для применения последствий, предусмотренных статьёй 401 ГК РФ, требуется установление отсутствия вины должника, что предполагает оценку того, были ли им приняты все разумные и доступные меры для надлежащего исполнения обязательства в конкретных условиях оборота. Бремя доказывания соответствующих обстоятельств возлагается на сторону, ссылающуюся на их наличие [1].

В целях подтверждения наличия обстоятельств непреодолимой силы участники внутрироссийского экономического оборота вправе обращаться к торгово-промышленным палатам для получения заключений.

Такие документы удостоверяют факт наступления определённых событий, их временные рамки и связь с конкретным договором [6]. При этом заявитель обязан раскрыть сведения, позволяющие установить влияние санкционного режима, включая данные о происхождении оборудования и комплектующих [5].

Заключения торгово-промышленных палат о наличии обстоятельств непреодолимой силы по договорам между российскими хозяйствующими субъектами выдаются в рамках возложенных на них законом полномочий по оказанию правовой и экспертной поддержки участникам предпринимательской деятельности. Реализация этих полномочий предполагает проведение палатами соответствующей экспертной оценки фактических обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на препятствующие исполнению обязательства [3]. Заключения торгово-промышленных палат по своей правовой природе не являются обязательным или исключительным доказательством наличия форс-мажорных обстоятельств; относится к числу доказательств, подлежащих оценке судом наряду с иными материалами дела. Фактически такие заключения представляют собой экспертное мнение специализированной организации, которое может быть принято судом во внимание лишь при подтверждении его выводов совокупностью иных доказательств.

Стоит упомянуть, что в письмах от 22.03.2022 № ПР/0181 и от 07.04.2022 № ПР/0233 ТПП РФ фиксировала невозможность оценки санкций как форс-мажорных обстоятельств, по общему правилу, и указывала на необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство [7, 8]. Несмотря на обсуждение инициатив по нормативному урегулированию данного вопроса, они не получили дальнейшего развития, что обусловило сохранение казуистического подхода судов при разрешении споров.

Далее рассмотрим практику признания атак БПЛА на объекты инфраструктуры, задействованные в производственной деятельности. Работа на объектах зачастую замедляется или становится невозможной, вследствие чего субъекты не могут отвечать по взятым на себя обязательствам. Поскольку финансовые трудности вызваны объективными внешними факторами, как показывает практика, требования кредиторов о применении обеспечительных мер получают отказ в удовлетворении требований [15, 16].

В делах № А40-102508/24-76-729 и № А41-37161/24 атаки БПЛА и их последствия для производственной деятельности признаны весомым основанием для смягчения ответственности должника [13, 14]. В первом случае это послужило поводом для значительного снижения неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, а во втором – для предоставления отсрочки и рассрочки исполнения судебного акта в порядке ст. 324 АПК РФ.

Суды признают санкции и атаки БПЛА существенными обстоятельствами при разрешении споров. Судебная практика исходит из необходимости индивидуальной оценки каждого конкретного случая, при которой ключевое значение имеют добросовестность и финансовая стабильность субъекта, степень осматрительности, причинно-следственная связь между обстоятельствами и невозможностью исполнения договора.

Как указывают Н.В. Остудин, О.С. Великая, Т.К. Кириллова, наличие чрезвычайной ситуации само по себе не означает автоматического признания соответствующих обстоятельств непреодолимой силой [22]. Для освобождения от гражданско-правовой ответственности требуется установление совокупности признаков, включая чрезвычайность, объективную непредотвратимость, непреодолимость и независимость события от воли должника. Отсутствие хотя бы одного из указанных критериев исключает квалификацию события в качестве обстоятельства непреодолимой силы, даже при наличии режима чрезвычайной ситуации.

Страхование имущества традиционно рассматривается как один из ключевых инструментов перераспределения рисков и обеспечения имущественной устойчивости хозяйствующих субъектов. С ростом числа диверсионных и террористических атак значение страховой защиты существенно возросло. Однако возникли проблемы правового регулирования страховых отношений, связанных с квалификацией страховых случаев, применением военных и террористических оговорок, а также распределением бремени доказывания между страховщиком и страхователем.

Национальным стандартом для субъектов Российской Федерации определены значения допустимого индивидуального риска чрезвычайных ситуаций. Регионы, граничащие с зоной проведения специальной военной операции – Курская область, Белгородская область и Воронежская область являются субъектами с неприемлемым уровнем опасности. В связи с этим возникает вопрос, как оценивают новые реалии суды, в частности, последствия атак БПЛА при разрешении споров о неисполнении обязательств, страховом возмещении.

При рассмотрении дела № А40-110611/24-80-854, суд первой и апелляционной инстанции поддержали позицию страховщика об отказе в выплате, ссылаясь на военную оговорку в договоре, согласно которой ущерб, расходы или любого рода издержки не являются страховым случаем, являющимся результатом войны, военных действий и военизированных операций (вне зависимости от объявления войны), в том числе в результате применения пилотируемых или беспилотных летательных аппаратов [17].

Для исследования вопроса об ответственности страховщика при причинении вреда БПЛА необходимо рассмотреть одно из первых подобных дел, по которому имеется решение суда. К страхованию по договору применялись правила страхования имущества предприятий всех организационно-правовых форм № 14/6, утверждённые Приказом генерального директора № 09-99/335-0Д от 14.10.2020. Все положения правил страхования обязательны, если иное не установлено договором. Согласно п. 4.5.2.1 Правил страхования не могут быть признаны страховым случаем убытки, произошедшие в случае террористических актов и диверсий. Также страховщик освобождается от обязанности по страховой выплате согласно положениям статей 963 и 964 ГК РФ, в частности, при повреждении имущества в результате военных действий, манёвров или иных военных мероприятий. В то же время ссылка ответчика на то, что данное событие не является страховым случаем вследствие военных действий является необоснованной, так как состояние войны в Российской Федерации не объявлялось, и следовательно, военных действий, как они определены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации не велось.

В деле № А40-213520/24 страховщик утверждал, что теракт не является страховым случаем. Суды пришли к выводу о наступлении страхового случая вопреки условиям заключённого договора страхования, Правил страхования и, вероятно, воли сторон при заключении договора страхования. Позиция ответчика заключается в том, что повреждение застрахованного имущества произошло в результате террористических действий; в соответствии с договором страхования риски террористического акта не являются застрахованными, и правовые основания для выплаты страхового возмещения отсутствуют [18]. Суды исходили из того, что вступивший в законную силу приговор по факту совершения преступления по статье 205 УК РФ с установлением факта утраты имущества именно вследствие террористического акта отсутствует. Постановление о возбуждении уголовного дела является одним из процессуальных документов, принимаемых в рамках уголовного процесса. Какие-либо обстоятельства, изложенные в постановлении, не могут считаться установленными вплоть до вступления в законную силу приговора суда.

Также в делах № А40-213520/24, № А32-243/2025 суды квалифицируют беспилотные летательные аппараты в соответствии со ст. 32 Воздушного кодекса РФ [2, 19]. Договором страхования имущества в деле № А40-213520/24 предусмотрено, что события, возникшие вследствие падения летательного аппарата, являются страховым случаем. Из п. 1 ст. 431 ГК РФ следует, что при толковании условий договора принимается буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», по смыслу абзаца второй статьи 431 ГК РФ при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия [9]. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний.

При заключении договора страхования стороны вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми (п. 3 ст. 943 ГК РФ). Суды пришли к выводу, что поскольку страховая компания является профессиональным участником рынка страхования и экономически более сильной стороной договора страхования, страховые случаи, перечисленные в договоре страхования, давали разумные основания полагать истцу, что уничтожение имущества вследствие падения БПЛА также является страховым случаем. Это позволяет страхователям относить ущерб от БПЛА к застрахованным рискам, прямо предусмотренным стандартными договорами страхования имущества, обеспечивая защиту интересов страхователей при буквальном толковании условий договора.

При этом причинение вреда в результате террористического акта положениями статьи 964 Гражданского кодекса Российской Федерации к безусловным обстоятельствам освобождения от страховой выплаты не отнесено и, следовательно, является самостоятельным условием договора. Бремя доказывания наличия предусмотренных статьями 963 и 964 Гражданского кодекса Российской Федерации возлагается на страховщика. Кассационная инстанция указала, что бремя доказывания того, что атака БПЛА является «военным действием» по смыслу договора страхования, лежит на страховщике. Данное постановление устанавливает высокий стандарт доказывания для страховщиков при ссылке на подобное исключение.

Суды опираются на статью 18 Федерального закона «Об обороне», согласно которой состояние войны объявляется федеральным законом [4]. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» дано понятие военных действий, боевых действий, военного времени [10].

При рассмотрении доводов страховщиков о применении военных либо террористических исключений суды исходят из необходимости их строгого доказывания. Отсутствие обстоятельств, определяющих понятия военных действий, боевых действий, военного времени, отсутствие вступившего в законную силу приговора суда, квалифицирующего событие как террористический акт, как правило, препятствует освобождению страховщика от обязанности по выплате страхового возмещения. Таким образом, формируется повышенный стандарт доказывания для страховых компаний, заявляющих о неприменимости страховой защиты по данным основаниям.

Доводы страховщиков об освобождении от выплат на основании исключений, связанных с военными действиями или террористическими актами, отклоняются. Правовая позиция, поддерживаемая, в том числе, Верховным Судом РФ по делу № А40-266406/2023, заключается в том, что для применения данных исключений необходимо наличие официального объявления состояния войны, либо вступившего в законную силу приговора суда, квалифицирующего событие как теракт [11, 12, 20].

Предварительная квалификация преступления создает в гражданском деле о взыскании страхового возмещения презумпцию по вопросу юридической квалификации деяния, в результате которого возникли убытки. Поскольку, даваемая следователем юридическая оценка деянию не является окончательной и его суждение носит вероятностный характер, как по поводу квалификации, так и по поводу самого факта совершения преступления, презумпция может быть опровергнута лицом, против которого она установлена, путём предоставления в арбитражный суд доказательств.

Проведённый анализ судебной практики свидетельствует о формировании устойчивого подхода судов к защите интересов страхователей при разрешении споров о страховом возмещении, причинённом в результате атак беспилотных летательных аппаратов. При отсутствии официального объявления войны, либо вступившего в законную силу приговора суда, квалифицирующего событие как террористический акт, суды, как правило, отказывают страховщикам в применении военных и террористических исключений.

Суды исходят из буквального толкования условий договора страхования и применяют правило *contra proferentem*, возлагая последствия неясных формулировок на страховщика как профессионального участника страхового рынка. Бремя доказывания наличия обстоятельств, освобождающих от страховой выплаты на основании статей 963 и 964 ГК РФ, возлагается на страховщика. Представляется дискуссионным квалификация судами БПЛА согласно понятиям, приводимым в Воздушном кодексе РФ, по нашему мнению, является некорректной. Такой подход вызвал резкий рост страховых тарифов, сокращение страховых случаев, что снижает доступность страховой защиты.

Выводы

Современные внешние угрозы существенно повышают риски хозяйственной деятельности в нефтяной отрасли и оказывают прямое влияние на возможность надлежащего исполнения договорных обязательств. Судебная практика по вопросам признания обстоятельств непреодолимой силы в условиях санкций и атак БПЛА формируется по пути индивидуальной оценки каждого конкретного случая. Суды последовательно исходят из необходимости доказывания причинно-следственной связи между внешними обстоятельствами и невозможностью исполнения обязательства, а также из оценки добросовестности и осмотрительности должника. Санкции и военные действия сами по себе, как правило, не признаются обстоятельствами непреодолимой силы. Существующий порядок регулирования представляется нам справедливым.

Практика рассмотрения споров о страховом возмещении, связанных с повреждением имущества в результате атак БПЛА, свидетельствует о формировании устойчивого подхода судов, ориентированного на защиту интересов страхователей. При отсутствии официального объявления состояния войны либо вступившего в законную силу приговора суда, квалифицирующего событие как террористический акт, суды, как правило, отказывают страховщикам в применении военных и террористических исключений, предусмотренных договорами страхования и гражданским законодательством. Вместе с тем квалификации атак БПЛА через нормы Воздушного кодекса Российской Федерации, используемая в ряде судебных решений, представляется спорной и не в полной мере, учитывающей специфику военных угроз.

Отсутствие единых нормативных критериев квалификации санкционных ограничений, диверсионных и военных воздействий в качестве обстоятельств непреодолимой силы либо страховых исключений приводит к правовой неопределённости и неоднородности судебной практики, что негативно отражается на устойчивости гражданского оборота.

В целях повышения правовой определённости и обеспечения баланса интересов сторон договорных отношений целесообразно нормативное закрепление специальных подходов к регулированию ответственности и страховой защиты субъектов, эксплуатирующих стратегически значимые объекты нефтяной инфраструктуры, включая разработку разъяснений высших судебных инстанций, учитывающих специфику санкционных и диверсионных рисков.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 5 марта 1997 г. № 60-ФЗ: (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
3. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5340-І «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (в ред. от 12.12.2023 № 586-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.09.2025)
4. Федеральный закон от 07.07.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»: принят Гос. Думой 24 апреля 1996 г.: одобрен Советом Федерации 15 мая 1996 г. (ред. от 07.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2025)
5. Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (в ред. от 29.10.2022) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 12.09.2025)
6. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) [Электронный ресурс]: утв. Приказом ТПП РФ от 26.05.2021 г. № 32 / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (дата обращения: 12.09.2025)
7. Письмо ТПП РФ от 22.03.2022 № ПР/0181 [Электронный ресурс] / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
8. Письмо ТПП РФ от 07.04.2022 № ПР/0233 [Электронный ресурс] / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»// Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 17.09.2025)
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»// Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 20.09.2025)
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 окт. 2017 г. № 309-ЭС17-9038 по делу № А50-14345/2016 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.09.2025)
12. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-266406/2023 от 03.02.2025 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.09.2025)
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2025 г. № 09АП-53040/2025 по делу № А40-102508/24 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
14. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2025 г. № 10АП-3033/2025 по делу № А41-37161/24 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
15. Определение Арбитражного суда Ставропольского края по делу № А63-18172/2025 от 25 ноября 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 13.09.2025)
16. Решение Арбитражного суда Ставропольского края по делу № А63-21690/2025 от 25 ноября 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03 июля 2025 г. № 09АП-53040/2025 по делу № А40-110611/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 декабря 2025 г. по делу № А40-213520/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)

19. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28 ноября 2025 г. по делу № А32-243/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.09.2025)
20. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.09.2025 по делу № А08-12577/2024 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.09.2025)
21. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году»: [сайт] / МЧС России. Москва. URL: <https://mchs.gov.ru/> (дата обращения: 18.09.2025)
22. Остудин Н.В., Великая О.С., Кириллова Т.К. Чрезвычайная ситуация как обстоятельство непреодолимой силы (правовые критерии и признаки) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 185 – 195.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on November 25, 2025) [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 09.22.2025)
2. Air Code of the Russian Federation of March 5, 1997 No. 60-FZ: (as amended on February 28, 2025) [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 09.22.2025)
3. Law of the Russian Federation of July 7, 1993 No. 5340-I "On Chambers of Commerce and Industry in the Russian Federation" (as amended on December 12, 2023 No. 586-FZ) [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 12.09.2025)
4. Federal Law of 07.07.1996 No. 61-FZ "On Defense": adopted by the State Duma on April 24, 1996: approved by the Federation Council on May 15, 1996 (as amended on 07.07.2025). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 15.09.2025)
5. List of foreign states and territories committing unfriendly acts against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals: approved. by Order of the Government of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 430-р (as amended on October 29, 2022) [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/> (date of access: 12.09.2025)
6. Regulation on the procedure for certifying force majeure circumstances by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation [Electronic resource]: approved. by Order of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated 26.05.2021 No. 32. Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (date of access: 12.09.2025)
7. Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated 22.03.2022 No. PR/0181 [Electronic resource] / Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (date of access: 22.09.2025)
8. Letter of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated 07.04.2022 No. PR/0233 [Electronic resource]. Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: <https://tpprf.ru/ru/> (date of access: 22.09.2025)
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement". Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/> (date of access: 17.09.2025)
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.05.2023 No. 11 "On the practice of considering criminal cases concerning crimes against military service by the courts". Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/> (accessed: 20.09.2025)
11. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 October 2017 No. 309-ES17-9038 in case No. A50-14345/2016. Arbitration case index: [website]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: 11.09.2025)
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. A40-266406/2023 dated 03.02.2025. Arbitration Case File: [website]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of access: 11.09.2025)
13. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 27 November 2025 No. 09AP-53040/2025 in case No. A40-102508/24 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 22.09.2025)
14. Resolution of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated March 26, 2025 No. 10AP-3033/2025 in case No. A41-37161/24 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 22.09.2025)
15. Determination of the Arbitration Court of Stavropol Krai in case No. A63-18172/2025 dated November 25, 2025 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 13.09.2025)

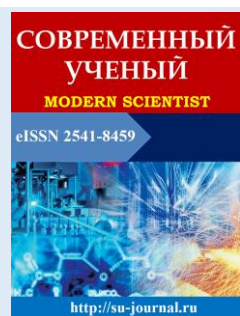
16. Decision of the Arbitration Court of Stavropol Krai in case No. A63-21690/2025 dated 25 November 2025 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 22.09.2025)
17. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 3 July 2025 No. 09AP-53040/2025 in case No. A40-110611/2024 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 09.22.2025)
18. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated December 11, 2025 in case No. A40-213520/2024 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 09.22.2025)
19. Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai dated November 28, 2025 in case No. A32-243/2025 [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (date of access: 22.09.2025)
20. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 22.09.2025 in case No. A08-12577/2024. Arbitration Case File: [website]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date of access: 11.09.2025)
21. State Report "On the State of Protection of the Population and Territories of the Russian Federation from Natural and Man-Made Emergencies in 2024": [website]. EMERCOM of Russia. Moscow. URL: <https://mchs.gov.ru/> (date of access: 18.09.2025)
22. Ostudin N.V., Velikaya O.S., Kirillova T.K. An emergency situation as a force majeure circumstance (legal criteria and features). Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. Vol. 9 (75). No. 1. P. 185 – 195.

Информация об авторах

Кириллова Т.К., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Батаков Н.С., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Кириллова Т.К., Батаков Н.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2026, № 4 / 2026, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.781

Авторское право и смежные права в контексте образовательной и научной деятельности

¹ Леонова Ю.Ю.

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация: целью данного исследования является анализ правовой охраны результатов образовательной и научной деятельности в Российской Федерации. Проблема исследования состоит в необходимости разработки предложений по оптимизации законодательства и правоприменительной практики, которые будут способствовать эффективной и справедливой правовой охране результатов творческой деятельности в образовании и науке, при этом учитывая интересы всех заинтересованных сторон и обеспечивая доступ к знаниям и инновациям. Объектом исследования является правовое регулирование охраны результатов творческой деятельности в образовательной и научной сферах, а точнее – комплекс правовых норм и принципов, устанавливающих основы защиты интеллектуальной собственности. Предметом исследования являются конкретные правовые механизмы, регулирующие охрану результатов творческой деятельности в образовании и науке, а также их эффективность и соответствие современным требованиям и вызовам. Инновации в современном мире являются краеугольным камнем экономического и социального развития, и защита интеллектуальной собственности приобретает особую актуальность, прежде всего в области образования и научной деятельности, где результаты творчества могут иметь значительное влияние на прогресс общества и развитие технологий. Правовая охрана интеллектуальной собственности способствует стимулированию инноваций, обеспечивая создателям материальные и моральные стимулы для разработки новых знаний и технологий. Правовая защита обеспечивает авторам исключительные права на использование и распространение своих творений, тем самым предотвращая несанкционированное копирование и использование их работ, что является ключевым аспектом поддержания справедливой конкуренции и этической деловой практики. Автором проводится сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства по правовой охране научных и образовательных результатов, выявляются сходства и различия в правовом регулировании исключительных прав в сфере науки и образования в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и странах Европейского союза; выявляются пробелы в законодательстве Российской Федерации и предлагаются пути совершенствования.

Ключевые слова: авторское право, смежные права, образовательная деятельность, научная деятельность

Для цитирования: Леонова Ю.Ю. Авторское право и смежные права в контексте образовательной и научной деятельности // Современный ученый. 2026. № 4. С. 407 – 414.

Поступила в редакцию: 29 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 декабря 2025 г.; Принята к публикации: 10 февраля 2026 г.

Copyright and related rights in the context of educational and scientific activities

¹ Leonova Yu.Yu.

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Abstract: the purpose of this study is to analyze the legal protection of the results of educational and scientific activities in the Russian Federation. The problem of the research is the need to develop proposals for optimizing legislation and law enforcement practices that will promote effective and fair legal protection of the results of creative activity in education and science, while taking into account the interests of all stakeholders and ensuring access to knowledge and innovation. The object of the research is the legal regulation of the protection of the results of creative activity in the educational and scientific fields, or rather, a set of legal norms and principles that establish the foundations for the protection of intellectual property. The subject of the research is specific legal mechanisms regulating the protection of the results of creative activity in education and science, as well as their effectiveness and compliance with modern requirements and challenges. Innovation in the modern world is the cornerstone of economic and social development, and the protection of intellectual property is becoming particularly relevant, especially in the field of education and scientific activity, where the results of creativity can have a significant impact on the progress of society and the development of technology. Legal protection of intellectual property promotes innovation by providing creators with material and moral incentives to develop new knowledge and technologies. Legal protection provides authors with exclusive rights to use and distribute their creations, thereby preventing unauthorized copying and use of their work, which is a key aspect of maintaining fair competition and ethical business practices. The author conducts a comparative analysis of Russian and foreign legislation on the legal protection of scientific and educational results, identifies similarities and differences in the legal regulation of exclusive rights in the field of science and education in the Russian Federation, the United States of America and the European Union; identifies gaps in the legislation of the Russian Federation and suggests ways to improve.

Keywords: copyright, related rights, educational activities, scientific activities

For citation: Leonova Yu.Yu. Copyright and related rights in the context of educational and scientific activities. Modern Scientist. 2026. 4. P. 407 – 414.

The article was submitted: October 29, 2025; Approved after reviewing: December 27, 2025; Accepted for publication: February 10, 2026.

Введение

Авторское право и смежные права в контексте образовательной и научной деятельности выступают особой тематической областью, где соединяются интересы как создателей научного и учебного контента, так и более широкого круга пользователей. Мы наблюдаем, что международные и национальные законодательные акты, регулирующие интеллектуальные права, предполагают определенную систему норм, призванных уравновесить общественные интересы в доступе к знаниям и интересы правообладателей в охране результатов творческой деятельности.

В образовательной и научной сфере это взаимодействие проявляется с особой силой: необходимость поддержания научно-технического и образовательного прогресса, доступ к публикациям, обмен результатами исследований и при этом обеспечение защиты авторских прав – все это ведет к формированию особого механизма правового регулирования, учитывающего специфику учебных и научных процессов.

С одной стороны, правообладатели – авторы научных и учебных произведений – стремятся защитить свои исключительные права и, при необходимости, монетизировать их. С другой, рассматриваются такие феномены, как использование в научных и учебных целях, цитирование, применение произведений в электронной среде. И здесь проявляется важность норм, регулирующих допустимые исключения и ограничения в сфере копирования, воспроизведения и распространения.

Материалы и методы исследований

Источниковая база исследования включает в себя широкий спектр материалов.

Были проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации (далее – РФ), материалы судебной практики, аналитические и исследовательские отчеты, экспертные интервью и опросы, статисти-

ческие данные в области правовой охраны результатов творческой деятельности, включая статистику по регистрации авторских прав.

Отечественное законодательство в области регулирования интеллектуальных прав состоит из Конституции РФ, международных соглашений, в которых участвует РФ, федеральных законов и актов. Гражданско-правовая защита интеллектуальных прав предусмотрена ч. 4 Гражданского кодекса РФ, введенной в действие с 01.01.2008 г. на основании Федерального закона «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» от 18.12.2006 № 231-ФЗ.

Таким образом, источниковая база исследования обеспечивает его всестороннее и многоуровневое осмысление, позволяя провести анализ и формирование обоснованных выводов и предложений по улучшению правового регулирования в области охраны интеллектуальных прав.

Методология исследования базируется на комплексе общенаучных и специальных методов, необходимых для всестороннего анализа правовой охраны результатов творческой деятельности в образовательной и научной сферах.

Результаты и обсуждения

Мы отмечаем, что в российском правовом порядке базовым источником является часть четвертая Гражданского кодекса РФ. В ней закрепляются общие принципы авторско-правовой охраны, включая положение о том, что любые произведения науки, литературы и искусства являются объектами авторского права (ст. 1259 ГК РФ), если они обладают признаками творческой оригинальности и выражены в объективной форме. Однако произведения, создаваемые в образовательной и научной деятельности, имеют специфику, обусловленную их назначением и фактическими режимами использования [2].

Как отмечается в современных исследованиях, а также в ГОСТ Р 55385-2012 «Интеллектуальная собственность. Научные произведения» [8], результаты деятельности в науке часто требуют особых режимов признания, цитирования, допуска повторного воспроизведения в узком кругу, что связано с потребностями научного сообщества. Мнения исследователей указывают на то, что традиционное понимание авторского права как механизма, ориентированного на защиту исключительных интересов правообладателя, может вступать в коллизию с насущными потребностями системы образования, где свобода доступа к знаниям имеет ключевое значение [9].

Мы видим, что международные документы, в первую очередь Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений и Договор ВОИС об авторском праве (WCT) [16], предусматривают лишь общие рамки. В частности, Бернская конвенция упоминает цитирование (ст. 10) и временное воспроизведение (ст. 2 (8) касательно «новостей»), но не содержит специальных норм о библиотеках и образовательных учреждениях [5].

Проблема, о которой подробно говорила Дж. Пилч и которая обсуждалась на площадках Комитета по авторскому праву и другим правовым вопросам (CLM) ИФЛА, состоит в том, что отсутствие единообразного и четко сформулированного глобального механизма ограничений и исключений для библиотек и учебных заведений порождает большое разнообразие национальных законодательств, многие из которых не успевают адаптироваться к новым электронным технологиям [14]. Мы можем вспомнить исследование Кеннета Крюза (SCCR/17/2), представленное в ВОИС, которое показало, что лишь в ограниченном количестве стран имеются четкие положения, позволяющие библиотекам копировать произведения науки для сохранности или замены экземпляров, а еще меньшее количество государств допускает обход технических средств защиты для использования материала в образовательных либо исследовательских целях [15]. Подобные расхождения приводят к тому, что некоторые библиотеки и научно-образовательные учреждения фактически оказываются в правовом вакууме, затрудняющем предоставление широкого доступа к знаниям. При этом, по общему правилу, ограничение монополии правообладателя в интересах научно-образовательной сферы воспринимается как оправданное и закреплено в ряде статей ГК РФ (например, в ст. 1273, 1274 и др.), однако неоднородность формулировок и отсутствие специальных норм могут приводить к сложностям [2].

В частности, образовательные организации, выпускающие учебные пособия или лекции в электронном формате, нуждаются в правовых механизмах, позволяющих воспроизводить некоторые части книг, статей, иллюстраций для целей обучения. Если эти механизмы недостаточно четко описаны в законе или если лицензионные соглашения с правообладателями ограничивают свободу использования, процесс обучения затрудняется. Нередки случаи, когда условия лицензионных соглашений фактически отменяют законные исключения и ограничения: библиотекам и педагогам приходится платить дополнительные вознаграждения или избегать правомерных действий, которые, по их мнению, могут трактоваться как нарушение. Такие

конфликты свидетельствуют о недостаточной гармонизации публичного интереса в распространении знаний и частного интереса правообладателей.

Еще одним важным аспектом авторского права в научной и образовательной сфере выступает вопрос о плагиате. В отличие от художественных или литературных произведений, где нередко акцент делается на буквальном копировании текста, в научных статьях, диссертациях, учебных трудах нередко речь идет о заимствовании научных результатов, теорий, гипотез, не всегда дословных.

Обретает силу идея расширения дефиниции плагиата применительно к научным исследованиям за счет учета не только прямого копирования, но и заимствования научных выводов, существенных аргументов, без должной ссылки. Это служит сохранению достоверности и оригинальности научных трудов, ведь авторитет ученых основан на корректности и честности при указании первоисточников. В контексте учебных заведений данная проблема особенного острого значения достигает в силу того, что плагиат фактически препятствует формированию подлинного научного знания, подрывает репутацию образовательных программ и нивелирует ценность диссертационных исследований.

Параллельно отечественные исследования (и материалы судебной практики) указывают на проблемы установления заимствований в больших объемах материалов, особенно электронных. Инструменты технического контроля (системы выявления заимствований), возникающие в ряде университетов, хотя и помогают в предотвращении плагиата, но при этом могут сталкиваться с вопросами соблюдения баланса интересов в авторско-правовой среде, когда важно не нарушать правомерные способы цитирования.

Образовательная деятельность дополняется научной составляющей, если педагоги и сами являются авторами. Необходимо учитывать специфику так называемых служебных произведений, созданных в исполнение трудовых обязанностей преподавателя либо научного сотрудника. Как мы видим, трудовой договор, заключенный между образовательной организацией и работником, часто содержит норму о передаче исключительных прав на создаваемые им в рамках работы дидактические, методические или научные труды работодателю. Это предполагает, что вопрос о гонорарах, размере вознаграждения и возможностях работника самостоятельно распоряжаться произведением может возникать, если стороны не дополнили трудовой договор особыми соглашениями.

Однако данная юридическая конструкция должна согласовываться с положениями части четвертой ГК РФ, предусматривающей, что по умолчанию все права на служебное произведение переходят работодателю (ст. 1295 ГК РФ), но автор сохраняет личные неимущественные права. Если же конкретный труд, например монография или диссертация, создан не в рамках трудовой функции, это не рассматривается как служебное произведение, и авторские права на него полностью принадлежат преподавателю.

Обратим внимание на то, что меры технической защиты также играют все более заметную роль в ограничении доступа к учебным и научным ресурсам. Зарубежная библиотечная практика, отраженная в совместных заявлениях ИФЛА (в частности, CLM, 2010) и в материалах Electronic Information for Libraries, указывает на то, что «технические средства защиты могут лишать пользователей возможности задействовать даже предусмотренные законом исключения». Иногда из-за применения DRM-механизмов (Digital Rights Management) библиотеки и преподаватели вынуждены запрашивать разрешение правообладателя на каждую страницу, которую они хотят воспроизвести для студентов [12].

Получается, что сама идея справедливого использования (fair use) или свободного использования в образовательных целях (ст. 1274 ГК РФ) нивелируется. Мы считаем, что подобное противоречие между частными условиями, прописанными в электронных лицензиях, и публичными нормами, установленными законом, – это одна из центральных коллизий современного авторского права в образовательной сфере.

При рассмотрении особенностей смежных прав в образовательной деятельности важно иметь в виду, что к смежным правам относятся права исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций. В контексте образовательного процесса мы можем столкнуться с ситуациями, когда преподаватель демонстрирует аудио- или видеозапись, принадлежавшую исполнителю, или использует фрагменты вещания. Те же исключения и ограничения, а также общие принципы, которые действуют для авторских прав, становятся релевантными и для смежных прав.

В частности, когда учащийся готовит научную работу и анализирует исполнение концертной записи, извлекает отрывки в иллюстративных целях, он вправе обратиться к ст. 1274 ГК РФ, указывая на необходимость использования коротких фрагментов исключительно в научных целях. Но отсутствие четкой регламентации и различие подходов в судебной практике приводит к тому, что границы допустимого могут толковаться по-разному.

Одновременно исследователи, занимающиеся проблематикой образовательной цифровой среды, обращают внимание на то, что смежные права часто вызывают еще большие вопросы при размещении записей

лекций, семинаров, включая примеры исполнений, публичные выступления. Если в лекциях звучат фрагменты фонограмм или музыкальные произведения, возникает необходимость соблюдения прав исполнителей. Подобные казусы требуют от вузовской администрации детальной проработки договоров о разрешенном использовании конкретных материалов, чтобы не возникало риска нарушения.

Нельзя забывать и о том, что на международном уровне резолюции ВОИС, в том числе в рамках Постоянного комитета по авторским и смежным правам (SCCR), указывают на необходимость выработать минимальный набор унифицированных исключений и ограничений, обеспечивающих деятельность библиотек, архивов и учебных заведений [17]. В свое время ИФЛА предложила знаменитый набор из 12 принципов, в котором подчеркивалась важность права на сохранение фондов, межбиблиотечный абонемент, обеспечение нужд инвалидов, недопустимость нивелирования законных исключений лицензионными условиями, а также ограничения ответственности для библиотекарей и педагогов.

Мы разделяем это видение, поскольку в научной и образовательной среде следует закреплять ясные правила воспроизведения произведений, создавая льготные или исключительные режимы для обеспечения академического обмена информацией. Такая мера позволяет стимулировать рост научной культуры, не ограничивая при этом рынок лицензионных продуктов (электронных библиотек, доступов к базам данных) более чем необходимо [10].

Можно указать, что проблема «сиротских» произведений, о которой упоминалось в материалах международных организаций, актуальна и для высших учебных заведений, и для научных библиотек. Когда невозможно установить правообладателя (старые архивы, рукописи, неясные сведения об авторстве), учебные учреждения стоят перед дилеммой: использовать ценный контент для научных исследований или воздержаться во избежание потенциальных исков со стороны неизвестного правообладателя. Российский законодатель пока не выработал четкого механизма легализации таких материалов, что в итоге тормозит научную деятельность [11].

Исходя из зарубежного опыта, считаем нужным дополнять законодательство нормами, смягчающими ответственность при добросовестной попытке найти правообладателя, чтобы стимулировать открытие доступа к «сиротским» произведениям.

В контексте образовательных и научных организаций существует еще одно важное направление: использование ограничений и исключений при электронном дистанционном обучении. Отметим, что форма проведения онлайн-лекций и семинаров, размещение учебных пособий на образовательных платформах – все это может выходить за рамки привычного офлайн-цитирования, так как речь идет о цифровом копировании, при котором произведение зачастую воспроизводится неограниченному количеству пользователей.

Если правовая база не учитывает специальных исключений для онлайн-образования, преподавателям и обучающимся становится крайне сложно использовать фрагменты текстов, иллюстрации, аудио- и видеоматериалы. В результате преподаватели вынуждены либо ограничивать образовательный процесс, либо идти по пути заключения множества договоров с правообладателями [2]. Это затрагивает и смежные права, когда, скажем, преподаватель хочет включить небольшой видеофрагмент в свои лекционные материалы. В свете этого необходимость совершенствовать законодательство на уровне как национальных правовых актов, так и международных соглашений, становится очевидной.

При этом не можем игнорировать и вопрос защиты прав самих авторов, работающих в системе высшей школы и иных образовательных учреждениях. Педагоги, создавая учебные пособия, методические материалы, курсы для электронных платформ, могут столкнуться с ситуацией, когда их произведения использоваться учащимися, коллегами или даже сторонними лицами без согласия и без ссылок на авторство. В ряде случаев допустимые копирования в рамках образовательного процесса (ст.1274 ГК РФ) можно истолковать расширительно, а иногда педагог в силу трудового договора вынужден передавать исключительные права работодателю (ст.1295 ГК РФ), что приводит к сложным коллизиям при решении вопроса, может ли он самостоятельно распоряжаться материалами за пределами данной образовательной организации.

Часто образовательное учреждение заинтересовано в тиражировании материалов для внутрикорпоративных целей и не предполагает выплату вознаграждения, но при этом автор хотел бы иметь право публиковать их отдельно. Это порождает индивидуальные споры, которые нередко разрешаются в судебном порядке или прибегают к механизму альтернативного урегулирования (например, медиации). Соответственно, роль доктрины состоит в том, чтобы содействовать согласованию интересов педагога как субъекта авторских прав и интересов образовательной организации и обучающихся, стремящихся к свободному доступу.

Выводы

Современный этап развития общества демонстрирует тенденцию к тому, что цифровое пространство и глобальная сеть Интернет становятся неотъемлемым компонентом образовательной среды. Соответственно, авторское право и смежные права обретают высокую степень важности, ведь обмен идеями, цитирование, оцифровка фондов библиотек, дистанционные курсы (включая массовые открытые онлайн-курсы) не могут полноценно работать без ясных, разумных и гибких норм закона. При этом не следует чрезмерно сужать свободы образовательного использования, но и не стоит пренебрегать интересами создателей [14].

В исследованиях (например, в трудах, посвященных комментированию судебной практики и комментированию законодательства) отмечается уникальная роль таких произведений науки для совершенствования правопорядка. Если доступ к ним будет чрезмерно ограничен, теряется социальная ценность подобных работ. С другой стороны, без должной защиты авторы комментариев могут оказаться в ситуации, когда их труды тиражируются без указания источника.

Таким образом, авторское право и смежные права применительно к образовательной и научной деятельности развиваются под влиянием ряда тенденций.

Во-первых, происходит расширение цифрового формата научных и учебных материалов, что требует пересмотра и дополнения законодательных положений.

Во-вторых, ужесточение мер технической защиты и увеличение доли лицензионных контрактов нередко мешают применять те общественно полезные исключения, которые уже заложены в части четвертой ГК РФ.

В-третьих, международная практика продемонстрировала запрос на выработку универсальных минимальных стандартов для библиотек и образовательных учреждений, призванных содействовать научному и учебному процессу.

В-четвертых, защищая права авторов, законодатель также должен учитывать особые нужды свободного научного обмена, что особенно важно в контексте борьбы с плагиатом, поддержания оригинальности исследований и повышения качества учебных материалов.

В-пятых, многообразие созданных в вузах произведений науки и учебной литературы (диссертации, лекции, отчеты, методические пособия) может попадать под разные правовые режимы: где-то больше трудовое право (служебные произведения), где-то преобладают нормы гражданско-правового регулирования (авторские договоры).

В совокупности эти аспекты формируют сложную структуру отношений, в которой требуется как научная проработка доктрины авторского права в образовательной и научной сферах, так и совершенствование правоприменения на национальном и международном уровне.

Таким образом, опираясь на приведенный опыт отечественных и международных исследований (в том числе ИФЛА, ВОИС, CLM, анализ судебных решений), заключаем, что дальнейшая эволюция норм авторского права и смежных прав должна ориентироваться на гармонизацию интересов сторон. Требуется более четкое и развернутое закрепление в законодательстве РФ (и согласование с актами ЕАЭС, СНГ и иными структурами) специальных норм об образовательных и научных исключениях, охватывающих межбиблиотечный абонемент, создание копий для обучающихся, дистанционные формы преподавания, доступ к «сиротским» произведениям и защищенным архивам. Параллельно признаем, что охрана интересов авторов научных и учебных произведений должна осуществляться устойчивыми мерами, препятствующими плагиату и необоснованному ограничению личных неимущественных прав автора. Принятие таких мер будет способствовать становлению оптимального режима, при котором правовая охрана не препятствует научному и образовательному развитию, а, напротив, поощряет свободное и правомерное обращение информационных ресурсов на благо общества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 01 июля. 2020 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/constitution-of-the-russian-federation-en/1680a1a237>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть IV : Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля. 2024 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629
3. О введении в действие части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64630

4. Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (ред. 20.07.2004) [Электронный ресурс]. URL: <https://duma.consultant.ru/files/793073>
5. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act 1971, as amended 1979) [Electronic resource]. Geneva: WIPO, 2024. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/berne/trt_berne_001en.pdf
6. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/glonina_v_n1.pdf
7. Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/glonina_v_n1.pdf
8. ГОСТ Р 7.0.83-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения [Электронный ресурс]. URL: <https://ifap.ru/library/gost/70832013.pdf>
9. Бурдаева Т.А. Произведения науки как объекты авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 215 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Burdaeva/dissertaciya_t_a_burdaevoi.pdf
10. IFLA CLM. Summary of Country Reports 2010. 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.ifla.org/wp-content/uploads/files/assets/clm/country-reports/2011/summary-2011.pdf>
11. IFLA. Literature Review on the Use of Licences in Library Context, and the Limitations this Creates to Access to Knowledge. 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.ifla.org/files/assets/clm/statements/limits_of_licensing_literature_review.pdf
12. IFLA CLM. Response to the EC Green Paper “Copyright in the Knowledge Economy”. 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifla.org/wp-content/uploads/files/assets/clm/publications/ifla_response_green-paper-copyright.pdf
13. EIFL. Copyright and Libraries – Handbook on Copyright and Related Issues. 2011 [Electronic resource]. URL: https://www.eifl.net/sites/default/files/resources/201409/2009_eifl_handbook_complete.pdf
14. IFLA. Statement of Principles on Copyright Exceptions and Limitations for Libraries and Archives (12 Principles). 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifla.org/publications/statement-of-principles-on-copyright-exceptions-and-limitations-for-libraries-and-archives-2009>
15. Crews K.D. Study on Copyright Limitations and Exceptions for Libraries and Archives. Document SCCR/17/2. Geneva: WIPO, 2008. 278 p. [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_17/sccr_17_2.pdf
16. WIPO Copyright Treaty (WCT) : adopted 20 Dec 1996 [Electronic resource]. Geneva: WIPO, 2024. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_226.pdf
17. World Intellectual Property Organization. Standing Committee on Copyright and Related Rights. Conclusions, SCCR/27. – 2013 [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_27/sccr_27_ref_conclusions.pdf

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 1, 2020) [Electronic resource]. Access mode: <https://rm.coe.int/constitution-of-the-russian-federation-en/1680a1a237>
2. Civil Code of the Russian Federation. Part IV: Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on July 22, 2024) [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629
3. On the entry into force of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2006, No. 231-FZ [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64630
4. Law of the Russian Federation of July 9, 1993, No. 5351-1 "On Copyright and Related Rights" (as amended on July 20, 2004) [Electronic resource]. URL: <https://duma.consultant.ru/files/793073>
5. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act 1971, as amended 1979) [Electronic resource]. Geneva: WIPO, 2024. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/berne/trt_berne_001en.pdf

6. Federal Law of July 2, 2013 No. 187-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunications Networks" [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/glonina_v_n1.pdf
7. Federal Law of July 1, 2017 No. 156-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and the Protection of Information"" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/glonina_v_n1.pdf
8. GOST R 7.0.83-2013. System of standards for information, librarianship and publishing. Electronic publications. Main types and imprint [Electronic resource]. URL: <https://ifap.ru/library/gost/70832013.pdf>
9. Burdaeva T.A. Works of science as objects of copyright: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2019. 215 p. [Electronic resource]. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Burdaeva/dissertaciya_t_a_burdaevoi.pdf
10. IFLA CLM. Summary of Country Reports 2010. 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.ifla.org/wp-content/uploads/files/assets/clm/country-reports/2011/summary-2011.pdf>
11. IFLA. Literature Review on the Use of Licenses in Library Context, and the Limitations this Creates to Access to Knowledge. 2017 [Electronic resource]. URL: https://www.ifla.org/files/assets/clm/statements/limits_of_licensing_literature_review.pdf
12. IFLA CLM. Response to the EC Green Paper "Copyright in the Knowledge Economy". 2010 [Electronic resource]. URL: https://www.ifla.org/wp-content/uploads/files/assets/clm/publications/ifla_response_green-paper-copyright.pdf
13. EIFL. Copyright and Libraries – Handbook on Copyright and Related Issues. 2011 [Electronic resource]. URL: https://www.eifl.net/sites/default/files/resources/201409/2009_eifl_handbook_complete.pdf
14. IFLA. Statement of Principles on Copyright Exceptions and Limitations for Libraries and Archives (12 Principles). 2009 [Electronic resource]. URL: <https://www.ifla.org/publications/statement-of-principles-on-copyright-exceptions-and-limitations-for-libraries-and-archives-2009>
15. Crews K.D. Study on Copyright Limitations and Exceptions for Libraries and Archives. Document SCCR/17/2. Geneva: WIPO, 2008. 278 p. [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_17/sccr_17_2.pdf
16. WIPO Copyright Treaty (WCT): adopted 20 Dec 1996 [Electronic resource]. Geneva: WIPO, 2024. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_226.pdf
17. World Intellectual Property Organization. Standing Committee on Copyright and Related Rights. Conclusions, SCCR/27. – 2013 [Electronic resource]. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_27/sccr_27_ref_conclusions.pdf

Информация об авторе

Леонова Ю.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

© Леонова Ю.Ю., 2026